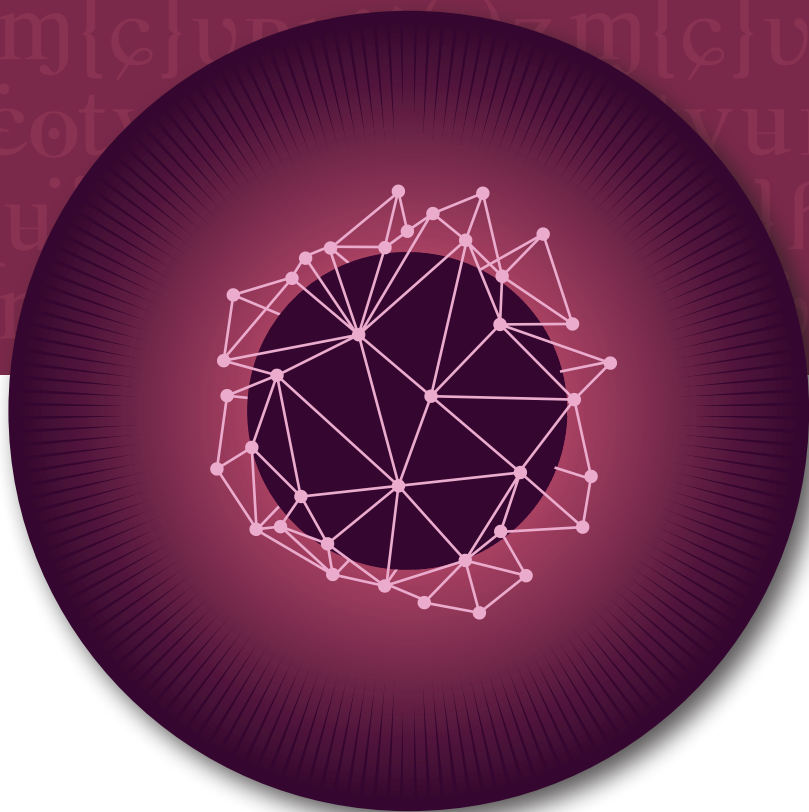

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

ЛИНГВИСТИКА
ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
ВОЙНЫ

КНИГА II

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

Лингвистика информационно-психологической войны

Монография

Книга II

Красноярск
СФУ
2019

УДК 81'1
ББК 81.006+68.015
Л590

Авторский коллектив:

А.А. Бернацкая, Л.А. Гаврилов, В.А. Жилина, Е.С. Игнатова, М.В. Канавцев, А.В. Колмогорова, Г.А. Копнина, Л.В. Коцюбинская, С.Л. Кушнерук, М.В. Мигулева, А.К. Михальская, Ю.В. Панова, Е.Г. Прилукова, В.Ш. Сабиров, М.А. Самикова, А.П. Сковородников, О.С. Соина, Ю.Р. Тагильцева, Н.М. Татарникова, С.И. Чудинов

Рецензенты:

А.П. Чудинов, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета;

Л.Б. Савенкова, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Южного федерального университета

Л590 **Лингвистика** информационно-психологической войны : монография. Кн. II / А.А. Бернацкая, Л.А. Гаврилов, В.А. Жилина [и др.] ; под ред. проф. А.П. Сковородникова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. – 488 с.

ISBN 978-5-7638-4032-2 (кн. II)

ISBN 978-5-7638-3739-1

Предлагаемая монография – вторая книга, посвященная исследованию актуального феномена – политического информационного противоборства в его языковом выражении. Содержит материалы по общетеоретическим проблемам лингвистики информационно-психологической войны, исследованию этосов противоборствующих сторон, а также различным частным аспектам этого явления.

Предназначена прежде всего для людей, профессионально интересующихся проблемами информационно-психологических войн, политиков, общественных деятелей, журналистов, работников образования, но будет также полезна для широкого круга читателей, поскольку способствует пониманию тех опасностей, которые влечет за собой развернутая против России информационно-психологическая война, и осознанию необходимости противостоять ей.

Электронный вариант издания см.:
<http://catalog.sfu-kras.ru>

УДК 81'1
ББК 81.006+68.015

ISBN 978-5-7638-4032-2 (кн. II)
ISBN 978-5-7638-3739-1

© Сибирский федеральный университет, 2019

Оглавление

Предисловие (А.П. Сковородников).....	5
Раздел I. Общетеоретические проблемы и научные основания лингвистики информационно-психологической войны	7
1.1. О легитимности анализа художественного текста в аспекте информационно-психологической войны (А.А. Бернацкая)	8
1.2. Политический дискурс в условиях информационно-психологической войны (Л.А. Гаврилов)	24
1.3. Манипулятивные практики современных информационных войн: основания, механизмы, угрозы (В.А. Жилина).....	36
1.4. Война слов: риторика и поэтика пропаганды (А.К. Михальская).....	56
Раздел II. Информационные войны: исследование этосов противоборствующих сторон	79
2.1. Изучение этоса как социокультурная, этическая, правовая, эстетическая и религиозная проблема эпохи информационных войн (В.Ш. Сабиров, О.С. Соина)	80
2.2. Этос и менталитет (на материале русской культуры) (В.Ш. Сабиров).....	89
2.3. Роль языковой политики государства в формировании французского этоса (Е.С. Игнатова).....	102
2.4. Религиозные основания американского этоса и их отражение во внешней политике США (Ю.В. Панова).....	106
2.5. Основные характеристики этоса исламистского сообщества (С.И. Чудинов).....	111
Раздел III. Частные аспекты лингвистики информационно-психологической войны.....	129
3.1. Семантическое описание лексической единицы «информационная атака» (Л.В. Коцюбинская)	130
3.2. Национальные отношения как мишень информационно-психологической войны (Н.М. Татарникова)	135
3.3. Роман Е.Г. Водолазкина «Соловьев и Ларионов»: лингвоидеологический анализ (А.А. Бернацкая).....	173
3.4. Повесть Е.Г. Водолазкина «Близкие друзья» в лингвоидеологическом ракурсе (А.А. Бернацкая)	197
3.5. Роман В. Бенигсена «Чакра Фролова» в лингвоидеологической перспективе (А.А. Бернацкая).....	210
3.6. Ложка дегтя в бочке меда (об одной «детали» романа Евгения Водолазкина «Лавр») (А.П. Сковородников).....	236
3.7. Семья как мишень информационно-психологической войны (Е.Г. Прилукова)	251

3.8. Дискурсивные стратегии легитимации однополых браков в российском медиапространстве (А.В. Колмогорова)	261
3.9. Речевые тактики и приемы дискредитации православия (на материале интернет-текстов) (Г.А. Копнина).....	288
3.10. Стратегии и тактики информационно-психологической войны в контексте российско-британских отношений (Ю.Р. Тагильцева).....	308
3.11. Дискурсивный мир информационно-психологической войны в британских средствах массовой коммуникации (С.Л. Кушнерук)	331
3.12. Киберсреда как доминирующий фактор в выстраивании алгоритмов культурного кода российской молодежи (М.В. Канавцев, М.В. Мигулева).....	369
3.13. Дезинформация как средство информационно-психологической войны против России (на материале медиатекстов о хакерских атаках) (М.А. Самкова)	412
3.14. Политические ярлыки как инструмент современной информационно-психологической войны (на материале русскоязычных текстов) (А.П. Сковородников, Г.А. Копнина)	434
 Заключение (А.П. Сковородников)	446
 Библиография	448
 Сведения об авторах	485

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию заинтересованного читателя книга с названием «Лингвистика информационно-психологической войны» развивает идеи и проблематику одноименной книги, опубликованной в издательстве Сибирского федерального университета в 2017 году. В предисловии к первой книге была высказана мысль, что гражданский долг отечественных лингвистов состоит в том, чтобы внести свой вклад в дело интеллектуального и языкового сопротивления ведомой против России и русской цивилизации информационной войне. Руководствуясь этой идеей, небольшая группа преподавателей-лингвистов Сибирского федерального университета обобщила и опубликовала результаты своих исследований в указанной области в коллективной монографии «Лингвистика информационно-психологической войны. Книга 1», введя в научный оборот соответствующий термин: *лингвистика информационно-психологической войны* (ЛИПВ). В этой первой публикации основное внимание было уделено определению главных понятий и терминов новой научной дисциплины, ее научным основаниям (философским, психологическим, политологическим); предварительной характеристике стратегий, тактик, жанровой и языковой специфики информационно-психологической войны (ИПВ), а также некоторым ее частным аспектам: русскому языку и православию как мишеням ИПВ; художественным текстам как пространству ИПВ; посягательству на церковнославянский язык.

Вторая одноименная книга отличается от первой значительным бóльшим количеством авторов (20 против 6) и разнообразием тематики (кроме красноярских лингвистов, авторами второй книги стали лингвисты, философы и экономист из таких городов, как Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск, Челябинск, Магнитогорск, Братск). Появился новый раздел, посвященный исследованию этосов акторов ИПВ. В общетеоретическом разделе получила дальнейшую разработку проблема легитимности

анализа художественных текстов в аспекте ИПВ; тема манипулятивных практик ИПВ; рассмотрены с технологических позиций риторика и поэтика пропаганды. Появились новые темы и в разделе частных аспектов ИПВ: роль киберсреды в формировании алгоритмов культурного кода российской молодежи; стратегии легитимации однополых браков; семантическое описание жанра информационной атаки; дискурсивный мир ИПВ в британских СМИ, применяемые там стратегии и тактики; семья как мишень ИПВ; технологии дезинформации в медиатекстах о хакерских атаках; политические ярлыки как инструмент ИПВ; амбивалентность национализма в теории и практике интернет-коммуникации.

Составители и авторы отдают себе отчет в том, что предлагаемая читателю книга далеко не исчерпывает все проблемы лингвистики ИПВ, тем более что эта война не только не затихает, но обостряется и порождает новые формы и речевые и языковые средства. Мы надеемся, что наша вторая книга, как и первая, будет небесполезна в отражении направленных на нашу страну и нашу цивилизацию атак, а также поможет гражданам России и представителям ее правящей элиты с большей ясностью представить те опасности и вызовы, которые создает ситуация информационно-психологической войны; осознать, что «против нас ведется масштабная и изощренная информационная война, проиграв которую мы можем проиграть и “горячую” войну, если она, не дай бог, начнется» [Русский вестник. 2016. № 20. С. 5].

Раздел I

Общетеоретические проблемы и научные основания лингвистики информационно-психологической войны

1.1. О легитимности анализа художественного текста в аспекте информационно-психологической войны

В настоящее время одной из ярчайших и универсальных особенностей гуманитарных наук стала, по выражению философа В.И. Чуешова, ситуация «идеологического ренессанса»: за один только неполный 2003 год проблемам идеологии по каталогу только Библиотеки конгресса США было посвящено не менее двух тысяч специальных и обстоятельных работ [Чуешов 2004]. Факт этого небывалого интереса мотивирован в большой степени нарастающим масштабом информационных войн внутригосударственного и международного уровня. В области лингвистики это привело к формированию новых междисциплинарных направлений, прежде всего политической лингвистики и лингвистики информационно-психологической войны, где материалом исследования становятся тексты и высказывания в области политической коммуникативистики и политической коммуникации. Общий объект исследования в них – идеологический компонент текста.

Однозначного понимания термина *идеология*, несмотря на историческую закреплённость в гуманитарных науках, нет. В узком понимании он ассоциируется с государственной идеологией, чаще в политической области. Отечественной философии даже в советскую эпоху, несмотря на доминирование классового характера, было свойственно широкое понимание идеологии. «Идеология – совокупность общественных идей, теорий, взглядов, которые отражают и оценивают социальную действительность. <...> Будучи частью общественного сознания, И... проявляет себя в различных *формах общественного сознания* (здесь и далее выделено нами. – А. Б.). Соответственно, различаются политическая и правовая И., *философия и религия*, нравственное и эстетическое сознание. Наука является преимущественно формой познания, но... испытывает влияние И...» [Философский словарь 1986: 157–158]. БЭС даёт идентичное определение идеологии, акцентируя внимание на областях ее

актуализации: это «система политических, правовых, религиозных, нравственных, эстетических и философских взглядов и идей...» [БЭС 1998: 434]. Социально-экономический словарь постсоветского периода поясняет: «Идеология – система политических, социальных, правовых, философских, нравственных, религиозных, эстетических идей и взглядов, исповедуемых партиями, политическими течениями, общественными движениями, научными школами и отражающих их мировоззрение, идеалы, целевые установки. В идеологии осознаются, отражаются, оцениваются отношения людей к окружающей действительности, общественные отношения, социальные проблемы, положение социальных групп и слоев, их интересы, цели социально-экономического развития [Райзберг 2012: 171].

Понятийные поля идеологии и философии соприкасаются. Философия раскрывает сущность мира, объекта действительности, а идеология – взгляд социума на этот объект, на его функционирование в социуме: философия онтологична, идеология социальна. Чрезвычайно поучительна мысль У. Эко об истории зарождения ницшеанской идеологии «сверхчеловека»: «Антонио Грамши уже давно заметил с пронизательностью и иронией: сверхчеловек был сначала слеплен в романах-фельетонах – и лишь позже перекечевал оттуда в философию» [Эко 2005: 217]. Какие бы конкретные смыслы ни вкладывались в понятие идеологии, она всегда понимается как *совокупность (система) идей, убеждений, представлений*. «Идеологический дискурс, – заключает В.И. Чуешов, – может рассматриваться прежде всего как средство культурной и практической *ориентации* людей. Ориентационная и мобилизационная функции идеологии и идеологического дискурса более фундаментальны по сравнению с гносеологической (эпистемологической) функцией идеологии. Акцент на ориентирующей природе идеологии выносит за скобки интереса исследователя вопрос о ее соответствии (несоответствии) социальной реальности и концентрирует внимание на успешности (неуспешности), полезности (вредности), эффективности (неэффективности) определенной идеологии...» [Чуешов 2004]. Философы Т.Б. Любимова и А.В. Рубцов убедительно заявляют, что идеологические процессы универсальны, т. е. присутствуют «в скрытом или явном виде практически во всех видах социальной деятельности», и что идеология «исполняет функцию интеграции (или дезинтеграции) общества, являясь частью социальной системы» [Рубцов, Любимова 2013: 6].

Вопрос об исследовании **художественных** текстов с точки зрения идеологического содержания имеет непростую и долгую

историю. Главным предметом дискуссий по проблеме остается философский вопрос о соотношении в художественном произведении и искусстве в целом **формы и содержания** как выражения, соответственно, эстетического и логического, или рационального. Соотношение эстетического и идеологического – традиционный объект теории литературоведения и литературной критики, остающийся тем не менее дискуссионным. Доминирует идея нерасторжимой связи идеологического и эстетического. Так, отечественный теоретик и историограф эстетики В.Ф. Асмус однозначно подчеркивал, что сильнейшей стороной эстетики Канта, усвоенной Ф. Шиллером, был «взгляд на искусство как на деятельность, поднимающуюся посредством творчества формы до выражения *идей*» [Асмус 1963: 289]. Разделяя эту позицию, У. Эко неоднократно отмечал, что анализ эстетического аспекта художественного произведения невозможен в отрыве от его социального содержания, от общественного контекста: «каждый эстетический выбор объясняется общественными обстоятельствами. <...> Вместе с общественным контекстом из рассмотрения... изымается и идеологическая нагрузка произведения» [Эко 2005: 207]. Отказ от диалектического подхода к проблеме в пользу той или иной доктрины оказывается одинаково губительным [Конько 2013: 468].

Необъятность исследовательского поля языковой репрезентации идеологических смыслов в художественной литературе очевидна. Есть признание актуальности проблематики. Есть ряд опытов исследования разных аспектов идеологического (чаще политического) в художественных текстах, например [Караулов 1996: 237–249; Эко 2005: 207–236; Яковенко 2009; Гаспарян, Чернявская 2014: 44–51; Купина 2015: 194–205; Петров 2015: 214–220; Васильев 2015: 23–32; Руженцева 2016: 44–52; Купина 2017: 194–205]. В.А. Каменева, отмечая интерес как отечественных, так и зарубежных лингвистов к идеологической проблематике, заключает, что «**лингвистическая** теория идеологии далека от этапа окончательной сформированности и стройности» и необходимо совершенствовать ее понятийно-терминологический аппарат» [Каменева 2017: 19]. Однако не следует забывать, что блестящий образец именно лингвистического анализа идеологии национал-социализма дал В. Клемперер в «Дневнике филолога» (Берлин, 1947). Заметной вехой в новейшей истории рассматриваемой проблематики стало терминопонятие *лингвоидеологического анализа*, введенное в научный оборот Н.А. Купиной [Купина 2015]. Знаменательно, что в одной из последних статей автор

ведет речь о *лингвистической философии* автора художественного произведения и о процедуре *лингвоаксиологического анализа* [Купина 2017: 194]. Замена термина означает не смену принципиального подхода к анализу, а смену акцентов. Если в первом варианте внимание на идеологии и языковых средствах ее репрезентации (содержание/форма), то в новом акцентируются идеология и ее ценностный аспект с точки зрения субъектов коммуникации (автор/реципиент). Смена акцента вполне объяснима оценочным характером любой идеологии. Всякая идеология – это отношение к изображаемому миру, следовательно, его оценка и построение на этой основе своей картины мира. А.Б. Бушев, заключая, что явление оценочности лежит в основе стратегий политического дискурса и связано с анализом идеологем, закономерно добавляет, что «наличие и характер идеологем – значимая составляющая исследования любой, не только политической идеологии» [Бушев 2018: 39]. «Оценочность, основанная на когнитивном механизме значимости в семиозисе, выступает как фундаментальная характеристика универсума бытия человека» [Викулова 2018: 3]. Интерпретация и действительности и текста/высказывания покоится на оценке. Когнитивистика с полным правом утверждает, что оценочность неотделима от всякого индивидуального и коллективного знания: «мир репрезентирован, представлен в нашем сознании в виде определенных структур знания, мнения и оценки мира» [Болдырев 2014: 23]. Категория оценочности (аксиологичности) – одна из ключевых в современной когнитивно-дискурсивной/дискурсивно-когнитивной парадигме языкознания.

Лингвоидеологический анализ художественных текстов производится в рамках когнитивно-дискурсивной/дискурсивно-когнитивной парадигмы, сформулированной в работах Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2004: 11–12]. Исследование речевых единиц в идеологическом аспекте в контексте ИПВ безальтернативно «привязано» к этой парадигме не только в силу ее доминирования на современном этапе теории языка, но, прежде всего, в силу того, что эта антропоцентрическая концепция языка неукоснительно требует выхода исследования из сферы внутренней лингвистики (в сосюровском понимании) к лингвистике внешней, что предполагает, кроме системно-структурной модели, наличие модели речедейтельности. Это означает тесную сплетенность интра- и экстралингвистических факторов в методологии и методике лингвистического анализа. План содержания дискурса объединяет интра- и экстралингвистические отношения и связи. Это диктует в качестве единицы

лингвоидеологического анализа именно дискурс, а не текст. Текстцентричность – один из признаков современной парадигмы языкознания. Но текст – понятие собственно лингвистическое (высшая единица синтаксиса), а дискурс имеет лингвосоциальный характер [Чудинов 2012: 41]. Из этого следует, что лингвоидеологический по цели и содержанию анализ является по форме и исследовательской технологии дискурсивным. «Собственно дискурсивный анализ начинается, – уточняет В.Е. Чернявская, – с проецирования на элементы содержательно-смысловой и композиционно-речевой организации текста психологических, политических, национально-культурных, прагматических и др. факторов. <...> Иначе говоря, уровень дискурсивного анализа начинается там и тогда, где и когда исследователь задается вопросом, какие условия (эпистемического рода) позволили отправителю сообщения связать с этими словами этот смысл» [Чернявская 2014: 58]. В фокусе дискурсивной семантики оказывается не столько лексическое значение употребленных единиц, сколько совокупность импликаций, интертекстуальных и интердискурсивных отношений.

Если термин *дискурс*, несмотря на неоднозначное понимание, занял прочное место в теории и практике исследования языка/речи, то методический феномен, связанный с этой единицей анализа, остается неустойчивым. Сохраняются выражения *дискурс-анализ / дискурсивный (дискурсивный) анализ, критический дискурс-анализ / дескриптивный дискурс-анализ*. Попытка связать дискурс как единицу лингвистического анализа/исследования с методической стороной процесса дала достаточно пеструю картину, свидетельствующую об отсутствии четких установок по вопросу. Диапазон различий простирается от игнорирования дискурса как единицы анализа [Москвин 2015] до признания дискурс-анализа (ДА) в качестве *самого разностороннего и многообразного из всех методов, позволяющих анализировать процесс человеческого общения* [Леонтович 2011]. Между этими полюсами другие трактовки, иногда тех же авторов: ДА как *стратегия исследования текста* [Хроленко 2005]; *техника интерпретации* [Бушев 2018]; ДА приравнивается к методу без обоснований [Даниленко 2011; Гаврилова 2012]; *метод, ограниченный рамками когнитивной лингвистики* [Чернявская 2014]; *междисциплинарная область знаний* [Хроленко 2005]; *интегральная сфера изучения языка и общения* [Макаров 2003]; *область научной практики, междисциплинарный проект во всех гуманитарных и социальных науках* [Дейк 2013]; *разновидность лингвистически ориентированных*

подходов [Леонтович 2011]; *дискурсивный подход* [Будаев, Чудинов 2006]; *методики в рамках макропарадигмальных методов* [Комарова 2013].

Наиболее адекватным обобщением сложившейся ситуации остается оценка А.Т. Хроленко: «Можно утверждать, что дискурсивный анализ – это стратегия исследования текста, предполагающая комплекс методик, которые практически не эксплицированы и фрагментарно используются исследователями на интуитивном уровне» [Хроленко 2005: 138–139]. Следовательно, некорректно называть ДА методом. Термин *дискурс-анализ* символизирует закреплённость дискурса как единицы анализа за рядом актуальных междисциплинарных направлений, в том числе за политической лингвистикой и лингвистикой ИПВ. Едва ли правильно считать основным методом лингвоидеологического анализа художественного текста *критический дискурс-анализ (КДА)*. Во-первых, нет абсолютного единства среди его приверженцев, образовавших отдельные группы ученых, четко обособившихся по составу, частично по методологии и задачам. Во-вторых, КДА хорошо «работает» на материале публицистики, СМИ и активно пользуется приемами количественно-качественного анализа, прежде всего методом **контент-анализа**. Естественно, на материале одного (художественного) текста метод, как правило, не- или малоэффективен. Неоправданно придавать статус одноименного метода термину «лингвоидеологический анализ». Это аспект формально-содержательного исследования текстов, к которому привлекла внимание Н.В. Купина. Согласно семантической структуре термина, это анализ идеологического компонента содержания текста и способов его языковой репрезентации. Комплексный характер коммуникативно-прагматического и когнитивно-коммуникативного макропарадигмальных методов (З.И. Комарова) свидетельствует о возможности и необходимости использовать любые методы и приемы, ведущие к достижению цели и решению поставленных задач. Особое место среди таких методов все более уверенно занимает **метод метафорического моделирования**. Чешский (лингво)политолог П. Друлак приписывает методу универсальный характер: метафора – **общий элемент всех стилей науки и искусства**. Это, заявляет автор, повторяя метафорическое название своей статьи, «мост между рациональным и художественным». «Образная рациональность метафор представляет идеальную общую основу для сведения воедино рационального познания и художественного переживания» [Друлак 2008: 180–188]. К.Х. Каландаров отмечает

роль метафоры, наряду с мифом и ритуалом, в манипуляции сознанием посредством строительства воображаемых миров: «Метафора задает условия воображаемого мира, нарушает привычные связи, задерживает внимание, перекомбинирует реальность» (цит. по [Зелинский 2008: 65]).

Первые опыты исследования художественных текстов в контексте *информационно-психологической войны* (ИПВ), насколько известно, были предприняты в статьях автора настоящей публикации (А. Бернацкой) в 2014–2016 годах и представлены в коллективной монографии [Лингвистика... 2017: 154–172, 190–254]. В материалах автора ко второй книге монографии также содержатся выводы о наличии в исследуемых текстах **признаков ИПВ**. Но эксплицитно исследования представлены как опыты лингвоидеологического анализа. В этом ключе нам известна только еще одна публикация [Сквородников 2018]. Безусловно правы А.П. Сквородников и Г.А. Копнина, утверждая, что для лингвистов, изучающих ИПВ, основной методологической проблемой является «создание системы критериев, позволяющих квалифицировать речевое произведение как информационно-психологическое оружие» [Лингвистика... 2017: 16]. Только решение этой задачи даст прочный фундамент научной состоятельности выводов об использовании языка, тем более языка художественного текста, как канала и инструмента ИПВ. В качестве исходного тезиса-аксиомы в процессе выполнения поставленной задачи воспользуемся выводом С.А. Зелинского, что **ведение информационно-психологических войн становится возможно с помощью любых средств** передачи информации и обработки информацией психического сознания масс. Помимо ТВ, кино и прессы к подобным средствам массового воздействия автор относит также **литературу, искусство, образование** и т. п. – «то есть играют роль все способы, с помощью которых происходит (или может произойти) изменение в массовом сознании посредством внедрения в подобное сознание (через подсознание) каких-либо установок» [Зелинский 2008: 60].

Поиск аргументов для обоснования правомерности включения того или иного художественного текста в исследовательский контекст ИПВ начнем с онтологии художественного стиля. Полиингредиентность («принцип винегрета» – на лингвистическом жаргоне), долгое время выступавшая основным доводом не признавать художественную литературу как особый функциональный стиль, – это некий антипод феномена значимого нуля. Как отсутствие

формальной маркировки при определенных условиях представляет собой способ репрезентации некоего грамматического значения или как фигура умолчания в системе других стилистических фигур, так «всеохватность» может представлять дифференциальный признак в оппозиции к единичности, ограниченности всех остальных стилей определенной сферой использования языка. При рассмотренном функционально-дискурсно-текстовом подходе гетерогенность художественного текста означает его потенциальную полидискурсивность. Вся онтология мира в ее материальной и идеальной субстанции, следовательно, любой дискурс могут быть представлены в текстах этого функционального стиля. Именно всеядность, гетерогенность и является уникальной спецификой этого стиля. В силу гетерогенности стиля художественный текст представляет собой системно-структурное образование, в котором могут в разной степени актуализироваться признаки самых разных дискурсов. С другой стороны, на этом основана и способность любого дискурса к художественной мимикрии. Функциональный стиль и дискурс – понятия разновеликие. Следовательно, некорректно полагать основанием включения художественных текстов в объект, например, политической лингвистики снятие границ между *политическим и художественным дискурсами*, как это видит профессор Лю Хун, подробно разбирая «черты сходства двух указанных типов дискурса, а также возможность их взаимопроникновения» [Хун Лю 2017: 31]. Есть художественный стиль, но нет политического функционального стиля. И есть политический дискурс, но не функциональный стиль. Безусловно, есть гибридные жанры, в которых, например, обращенность к политическим аспектам бытия, политическая тематика сочетаются с признаками художественного функционального стиля (политический детектив, политическая поэзия, политические мемуары). Базовыми основаниями для лингвоанализа идеологической составляющей художественного текста и признания его одним из важнейших каналов информативно-психологического воздействия являются: гетерогенность и социальный характер художественного стиля; коммуникативная и информативная функции; предпочтительно эмоциональный, а не рациональный характер воздействия в процессе манипулятивного влияния на сознание объекта. Последнее подчеркивает С.А. Зелинский в таком суждении: «Мы должны обратить внимание, что важным фактором реализации любого рода манипуляций является воздействие на чувства, а не на разум. Именно эмоции, провоцирование эмоций, позволяют воздействовать сразу на подсознание,

минуя сознание (цензуру психики), в результате чего в подсознании как индивида, так и масс закладываются необходимые установки и паттерны поведения, при воздействии на которые в последующем можно прогнозировать любые ожидаемые реакции» [Зелинский 2008: 81]. Указанные характеристики художественного стиля однозначно признаются специалистами.

Ключевые понятия «информация» как средство и «психика» как канал воздействия присущи феноменам художественной литературы и информационно-психологической войны. Эстетическая же, доминантная функция накладывает запрет на такой анализ. Поэтому, на первый взгляд, термин «война» как качественно-интерпретирующий признак художественного текста – нонсенс. В качестве начального возражения можно привести примеры уже устоявшихся когнитивных метафор: «война культур», «война языков», «война миров». Воспользуемся в качестве методического приема ссылкой на авторитет. Т.-А. ван Дейк, рассматривая типологию способов реализации власти в дискурсе как форме социального взаимодействия, один из четырех способов называет так: «влиятельные нарративные тексты (романы, фильмы)» [Дейк 2013: 57–58]. Косвенным подтверждением легитимности анализа художественных текстов в контексте ИПВ могут служить два исторических факта. С.А. Зелинский, со ссылкой на диссертацию Т.Б. Паулсена, указывает, что рейхсминистр пропаганды нацистской Германии Й. Геббельс лично редактировал наиболее важные тексты, включая художественные, предназначенные для опубликования [Зелинский 2008: 25–26]. Нацист № 2 разработал проект и лично возглавил «акцию против негерманского духа». В список не отвечающих «германскому духу» авторов были внесены имена 312 теоретиков марксизма, антифашистов, писателей-гуманистов немецкой и мировой литературы. Немецкую классику представляли в том числе Г. Гейне, Генрих, Томас и Клаус Манны, С. Цвейг, Б. Келлерман, Э.М. Ремарк, Б. Брехт (см. об этом [Акция против... URL: <http://www.urokiistorii.ru/article/51732>]).

Предварительное условие объективности признания правомерности анализа художественного текста в плане ИПВ касается принципа отбора материала. Прежде всего, представляется необходимым разграничивать два вида/способа включенности идеологической составляющей в художественный текст: 1) идеологическое в органической связи с эстетическим как онтологическое свойство художественного текста: то, что является предметом литературоведческого

анализа любого текста; 2) разновидности идеологических дискурсов как выражение полидискурсивности функционального художественного стиля. Для анализа в избранном направлении более значима вторая разновидность идеологического компонента глубинного содержания текста, в более эксплицитной форме отражающая особенности философии, мировоззрения писателя, картины мира, осознанно или неосознанно оказывающие воздействие на сознание потенциальной читательской аудитории. Именно этот компонент создает **уровень публицистичности** или, иначе выражаясь, **степень идеологической ангажированности** художественного произведения.

Первый критерий правомерности рассмотрения произведения в контексте ИПВ – наличие в тексте признаков идеологической ангажированности в рамках той или иной идеологии / тех или иных идеологий, т. е. наличие признаков качественно-количественной интенсивности идеологического компонента содержания. Высокая степень идеологической ангажированности отличала отечественную «деревенскую прозу». Для доказательства идеологической ангажированности необходимо, помимо изучения самого текста, знакомство с «идеологической историей» произведения и его автора на материале биографических и автобиографических данных, рецензий, интервью с автором, откликов читателей, публицистических текстов автора [Системный... 2016: 289–290; Мартазанов 2007: 10]. Наличие идеологической ангажированности – необходимое, но недостаточное основание для исследования в нашем целеполагании (см., например, произведения «деревенской прозы»).

Второй, решающий критерий для признания наличия в исследуемом тексте признаков ИПВ – стабильно негативный вектор оценочности по отношению к основным объектам и мишеням современного манипулятивного воздействия. Это история России, ее государственные, политические, культурные основы, ее выдающиеся деятели, массовый героизм во времена эпохальных войн, нравственные устои русского народа, его менталитет, православие. Это, наконец, русский язык. Представляя все в черном цвете, перекраивая на новый лад историю, применяя стратегии дискредитации, дегероизации, порождают атмосферу нестабильности, неуверенности, лишают признаков самоидентификации, деморализуют и деактивируют граждан страны, способствуют ослаблению России, ее сопротивляемости внешним, внутренним, естественно-природным негативным факторам. ИПВ – вершина, апогей идеологического противостояния. Культуролог С.М. Небренчин говорит о сложившемся

и действующем в стране режиме «виртуальной демократии» как органической составной части «глобальной информационной сети», продвигающей контент и ценности чужеродного «мейнстрима». «В своей деятельности, – резюмирует автор, – сеть нацелена, прежде всего, на подрыв и разрушение традиционных идеалов и ценностей народов России и внедрение в общественное сознание западных ценностей. <...> Манипулируя сознанием посредством надругательства над историей, культурой и верой, человека отрывают от традиционных корней, навязывают потребительский эгоизм. <...> Подмена традиционных идеалов социальным наркотиком, каким является массовая культура, привела к созданию в обществе атмосферы безнравственности, зла и апатии» [Небренчин 2017: 25].

Таким образом, ИПВ в исследуемом пространстве понимается как **ангажированная негативная идеологичность художественного текста**, причем имеется в виду не война как тотально агрессивное противоборство, а наличие **признаков ИПВ**. Социальная значимость художественной литературы как канала идеологического воздействия обоснована среди прочего и тем, что произведение, в сущности, чаще отражает те или иные идеологические установки не одного только автора. Очевидно, и к художественному тексту приложима приводимая У. Эко мысль Г. Маркузе: «Какая-либо речь, газетная статья или даже сообщение частного лица изготавливаются индивидом, который является рупором (независимо от того, уполномочен он кем-либо на эту роль или нет) отдельной группы (профессиональной, территориальной, политической, интеллектуальной) в определенном обществе [Эко 2006: 523]. Глобальной мишенью ИПВ в государственном и международном масштабе является Российское государство, его общественно-экономический уклад. В процессе ИПВ глобальная мишень выступает в виде частных мишеней разных идеологических сфер, разного «колибра», разной социальной значимости. Непосредственный объект информационно-психологического воздействия – массовое сознание, можно сказать, сознание народа. «Перепрофилированное» массовое сознание населения страны – средство достижения цели.

Уже в процессе отборочного этапа показателем идеологической ангажированности текста служит наличие идеологем. В контексте ИПВ это единица манипулятивно-идеологического воздействия: двусторонняя (бинарная) единица, единство формы и содержания. В формальном плане это лексическая единица (лексема, словосочетание, фразеологизм), реже грамматический конструкт; в плане

содержания – абсолютное или контекстуально обусловленное значение, передающее смысл того или иного идеологического концепта или одной из его базовых характеристик. Совокупность всех идеологем текста (высказывания, дискурса) можно было бы назвать **идеологематикой**. В процессе исследования, естественно, используется основной принцип дискурс-анализа: учет лингвистических характеристик текстовых единиц в органической связи с экстралингвистическими факторами, что неминуемо предполагает в том числе и интен-анализ. В процессе анализа используются методы, методики и приемы семантического, стилистического анализа на уровне слова, высказывания, целого текста. Решаются задачи: выявление и систематизация идеологических смыслов текста в их лингвистической выраженности; вскрытие глубинного смысла высказывания, микро- и макротекста, не совпадающего с поверхностным однозначным; уточнение, раскрытие изложенного в тексте авторского видения; экспликация импликаций, пре- и постсуппозиций, создающих собственно смысл авторских интенций. Внимание концентрируется на выявлении неоднозначности, двусмысленности контекстуально-коннотативных приращений, импликаций, языковой игры – всех показателей (маркеров) расхождений между поверхностным и глубинным смыслами. Соответственно, большая роль принадлежит контекстуальному, коннотативному, компонентному анализу лексической и фразовой семантики.

Принимая положение о «пригодности» художественного текста как канала ведения ИПВ, исследователь однозначно отвергает даже допущение мысли о критике или пересмотре художественных достоинств литературного произведения. Приступая к исследованию, необходимо должным образом учитывать специфику материала. Есть ряд теоретических положений относительно природы идеологического воздействия в художественном пространстве, требующих серьезного осмысления. Непредсказуемо, когда, как, почему или зачем, в какой обстановке тот или иной читатель обратится к тому или иному художественному тексту, и в любом случае не в поисках «идеологических истин». Поэтому для этого канала ИПВ в особой мере значима мысль о **скрытом характере** идеологического воздействия. «Задачи идеологии фактически простираются в плоскости скрытого воздействия на сознание масс, – полагает С.А. Зелинский. – При этом массы... вообще не должны подозревать, что в отношении них происходит скрытое и тайное воздействие» [Зелинский 2008: 43]. На наш взгляд, в отношении художественного текста неприемлемо

понимание идеологического воздействия как **целенаправленного** «на интеллектуальную и эмоциональную стороны восприятия реципиентом информации» [Каменева 2017: 19] или «намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника» [Лингвистика... 2017: 13]. Отношение автора к читателю – не как к противнику, а как к потенциальному союзнику. Автор создает произведение в расчете на наличие «единоверцев», готовых разделить его критическое отношение к объектам и мишеням критики и, по возможности, на приобретение на этой основе новых единомышленников. Представляется существенной мысль исследователей о «бессознательной составляющей идеологии. В такой латентной форме идеология присутствует во всей культуре: в политике, образе жизни, экономике, праве, искусстве, науке, в философском исследовании» [Рубцов, Любимова 2013: 6]. То, что представляет собой интенцию, мотив создания высказывания/текста в нехудожественном поле, в художественном предстает как далеко не всегда планируемое следствие, не всегда осознаваемое или иначе интерпретируемое реципиентом и исследователем. Об этом размышлял А.А. Потебня: «Слушающий может гораздо лучше говорящего понимать, что скрыто за словом... Сущность, сила такого произведения не в том, что разумел под ним автор, а в том, как оно действует на читателя или зрителя, следовательно, в неисчерпаемом возможном его содержании. Это содержание... могло вовсе не входить в расчеты художника...» [Потебня 1976: 181]. У. Эко предупреждает, что *код исследователя* сообщения не обязательно совпадает с кодом его создателя, «что может совершенно изменить его “прагматическую” функцию». Это, уточняет автор, справедливо «для многих исследований средств массовой коммуникации (*а популярный роман – один из наиболее ярких примеров данного рода*)» [Эко 2005: 233] (выделено нами. – А. Б.). Так, А.П. Сковородников в блистательном лингвоидеологическом исследовании романа Е. Водолазкина «Лавр» пишет: «Так стилистика романа, скорее всего против желания самого автора, способствует десакрализации сакрального» (выделено нами. – А. Б.) [Сковородников 2018: 32]. Это означает, что далеко не всегда автора можно квалифицировать как актора или субъекта ИПВ, так как «настоящие авторы идеологических акций и инноваций обычно остаются неизвестными публике; известны лишь “актеры”, их озвучивающие» [Рубцов, Любимова 2013: 6]. Это положение снимает один из принципиальных аргументов противников анализа художественных произведений, искусства в целом в плане идеологии и ИПВ.

Если речь идет о талантливом произведении, магия слова завораживает, эмоционально воздействуя на сознание, а негативный оценочный фон откладывается в подсознании, постепенно подпитываясь близкими по характеру текстами, кинопродукцией, материалами Интернета и т. д., формируя ориентировочно-ценностную шкалу, определяя поведенческие стратегии и тактики индивида и групп индивидов. Все происходит на подсознательном уровне. Рядовой читатель обычно не осознает «подводные рифы» воздействующей силы культурной продукции. Негатив надежно скрыт под художественной оболочкой. А исследователь бывает парализован табуированной красной линией таланта и проблемой этики. Магия таланта писателя и этическое табу исследователя сказались в отзыве В.И. Шаховского на анализ автором данной статьи идеологических установок автора «ЖД» Д. Быкова. Оценка двойственна, даже противоречива. С одной стороны, рецензент признает, что «высокий талант Д. Быкова как писателя-публициста... *делает его эмоционально-воздействующую энергетику мощной силой ИПВ*» (выделено нами. – А. Б.). С другой стороны, тут же уклончиво продолжает: «Тексты Быкова, по моему мнению, можно рассматривать и как тексты человека-патриота, переживающего все то, что он видит в своей стране, на что он обращает внимание своих читателей и что он хотел бы исправить» [Шаховский 2018: 209].

Используемая автором настоящей статьи стратегия анализа художественных текстов с позиции идеологического содержания и, более того, в контексте ИПВ гласно или негласно вызывает критику по причине ее ангажированности: отступления от канона строго объективной научности. Предмет дискуссии: можно ли ангажированные в социально-политическом смысле исследования называть научными? Думается, что та или иная степень субъективной оценочности является прямым следствием и допустимым атрибутом лингвоидеологического анализа. Но невыраженность политической позиции – тоже политический выбор, настаивают представители критического дискурс-анализа: исследователь не нейтрален, разделяя интересы подчиненных групп. Нет «безоценочной науки»; наука, научный дискурс является неотъемлемой частью социальной структуры [Дейк 2013: 112].

В связи со сказанным еще один дискуссионный аспект. Представленная в работах автора данного текста исследовательская стратегия вызывает принципиальное неприятие, поскольку в ней видят попытку и призыв к возврату ЦЕНЗУРЫ, оставившей печальные

следы в истории советской литературы, искусства, культуры в целом. Прямо это уже прозвучало в тревожном предостережении рецензентов сборника. В целом положительно оценив анализ, они пишут, что не могут согласиться лишь с утверждением автора о том, что *«эта сфера культуры (художественная литература. – Л. В.) оказывается непосредственно связанной с понятием информационной и, следовательно, национальной безопасности государства»* (стр. 210), так как от этой мысли всего несколько шагов до идеологической цензуры» [Веснина 2017: 144].

Первый антиаргумент: если противники государственной цензуры за право публиковать все, то почему порочным представляется желание лингвиста интерпретировать это «все»? Лингвист-исследователь не судья и не цензор. Автор отнюдь не навязывает свое понимание, тем более не трактует его как единственно возможное или предпочтительное (согласно старой схеме «идеологически правильное / идеологически неверное, враждебное»). Цель анализа – вскрыть глубинный смысл высказывания, микро- и/или макротекста, не совпадающий с поверхностным однозначным, и **предоставить читателю самому определить свою позицию, свое отношение к той или иной проблеме и к авторской позиции**. Не осуждение, а констатация наличия неоднозначного восприятия, уточнение, раскрытие изложенного в тексте авторского видения; интенция обеспечить понимание фактов, связей, требующих анализа и интерпретации для верного понимания, экспликация импликаций, пре- и постсуппозиций, двусмысленностей, создающих собственно смысл авторских интенций или непреднамеренных идеологических воздействий. Ранее В.Е. Чернявская, исходя из того, что «дискурс – конструируемая исследователем величина», проводила аналогию с формированием в советское время на основании партийно-идеологической цензуры дискурса «антисоветчины» [Чернявская 2014: 60]. Однако гонимые «антисоветчики» критиковали изъяны существующего порядка, желали исключения этих изъянов для блага своего народа. Они не занимались дискредитацией народа, его истории, страны, не занимались очернительством героических событий прошлого, достижений страны, ее героев. Они выступали против диктата партии, несправедливости. Такова и ангажированная идеологичность писателей «деревенской прозы». Сегодняшние оппозиционно настроенные авторы из числа тех, чьи произведения уже стали объектом лингвоидеологического анализа в статьях автора данной публикации, добиваются профессионального успеха, получают знаки признания

от лица государства и зарубежных организаций в погоне за сенсационностью любой ценой благодаря безудержно негативному отношению к русскому народу, его менталитету, к истории страны, ее достижениям, выдающимся деятелям, героям освободительной войны.

Сегодня нет ни внутренней, ни внешней цензуры. Но агрессия в художественной форме действует на моральное состояние общества. «Герой» недавней сенсации, мальчик из Уренгоя, который с трибуны рейхстага говорил об оставшихся в русской земле немецких солдатах как о безвинных жертвах, условно говоря, не благодарный ли читатель, не «продукт» / нравственная жертва повести Е. Водолазкина «Близкие друзья»? Заголовок аналитической статьи А.П. Сковородникова «Ложка дегтя в бочке меда» воспринимается как литота, смягчающая критику, предупреждающая возможное обвинение в попытке цензурирования. Ложка дегтя – величина малая, не всякий ощутит дурной вкус и почувствует чуждый «душок». Но если представить себе библиотеку условного читателя состоящей из таких «бочек», то и дегтя в них наберется, может быть, не одна бочка. И будет уже не душок, а дух, отравляющий сознание читателя, направляющий его к духовной гибели. Дух не гражданина-созидателя, а фрустрирующего, деморализованного обывателя. Может быть, условный «мальчик» и не успел прочесть ни повесть, ни романы Е. Водолазкина, ни романы Д. Быкова, М. Шишкина, В. Бенигсена. Но прочтет. Какую же еще литературу и читать, как не авторов – получателей государственных и международных премий, грантов, центров читательских и научных конференций? Таланты – великое достояние нации. Их надо чтить и беречь. Но надо прежде всего обезопасить будущее страны, чтобы не взрастить поколение «мальчиков из Уренгоя». Об этом феномене на правах искушенного читателя, Мастера, давно снискавшего заслуженную славу в области искусства, общественный деятель и непрофессиональный, но мудрый политолог Н.С. Михалков писал: «...это ведет к постепенному приучению и наших людей, и всего мирового сообщества к мысли о том, что никакой разницы между Красной Армией и вермахтом нет, никакой разницы между фашизмом и сталинизмом нет. А если это так, то режим, который был в СССР в те годы, может быть подвергнут новому Нюрнбергскому процессу, и все завоевания, все государственные границы могут быть пересмотрены. <...> Так что не видеть эту опаснейшую тенденцию – это либо идиотизм, либо предательство» [АиФ. 2017. № 48]. В журналистской среде отношение к вопросу о том, нужна ли цензура, неоднозначное. Пример

позитивного ответа – мнение журналиста А. Минкина в газетной (МК) статье с говорящим заголовком «Необходимость цензуры». Концовка статьи: «Нужна цензура. Как контроль спиртного, как санитарный контроль продовольствия. Нужна цензура, которая не имеет права запрещать критику властей, но препятствует национальной духовной катастрофе» (цит. по [Чудинов 2012: 170]).

Несколько слов в заключение. Опыт исследования шести художественных произведений пяти авторов (за исключением А.А. Зиновьева, это ныне живущие авторы) позволяет сделать вывод о правомерности включения текстов этого функционального стиля в содержательно-методологическое поле информационно-психологической войны. Художественное произведение может выполнять функцию средства ИПВ в процессе его рецепции читательской аудиторией непосредственно или в результате его сознательной популяризации заинтересованными институтами и личностями именно как оружия ведения ИПВ. Большая ответственность лежит на руководящих органах образования, отбирающих списки обязательной и рекомендуемой художественной литературы. Художественные тексты определенной идеологической направленности – малые ручейки, подпитывающие мощный поток широкомасштабной информационной войны, ведущейся против России самыми изощренными способами. Роль и воспитательная миссия писателей особенно велики в стране, в которой гений прошлого говорил о «поэте – властителе дум», а одному из талантливейших поэтов современности принадлежит бессмертный афоризм – «Поэт в России больше, чем поэт».

1.2. Политический дискурс в условиях информационно-психологической войны

Предметом политической лингвистики является «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях

множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2008: 6]. Центральным понятием этой науки выступает дискурс. Обычно под этим термином принято понимать речевую коммуникацию как «онтологически относительно самостоятельное явление, выполняющее социальную функцию по организации социального взаимодействия людей речевыми средствами» [Сидоров 2009: 6]. В этой связи при анализе дискурса важно определить особенности производства текстов, их смысловое содержание, а также их восприятие и понимание реципиентом с учетом фоновых знаний последнего и оказываемого на него манипулятивного воздействия в определенном социальном пространстве.

Соответственно, исследование политического дискурса предполагает учет политических взглядов автора текста и задач, стоящих при его создании, представлений автора об адресате и политической ситуации, в которой будет существовать данный текст, а также другие тексты, содержание которых учитывается автором текста и адресатом [Там же: 41]. Иначе говоря, политический дискурс представляет собой «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [Баранов 2013: 263]. Эти и другие положения политической лингвистики очень важно учитывать в условиях информационно-психологического противостояния Запада и России.

На примере текстов, относящихся к политическому дискурсу, можно увидеть целенаправленный и целеобусловленный характер реализации языковой системы, на которую также влияют такие факторы, как тематика и частные задачи сообщения, знания и способности, квалификация и опыт, взгляды и убеждения, эрудированность и речевые навыки автора текста и, наконец, необходимая для понимания текста рецептивная компетентность адресата, сознательно или бессознательно учитываемая адресантом [Гаврилов 2004: 134].

Сильное влияние на характер политического дискурса оказывает время. Так, в последние 30 лет серьезно потеснил вещательные и печатные медиаканалы Интернет. В результате потребитель получил возможность не только знакомиться с информацией, которую ему передает определенный медиаканал, но и самостоятельно искать более разнообразную, в том числе и альтернативную, информацию за пределами традиционных СМИ. Отметим в этой связи, что Запад широко использовал Интернет в организации «цветных революций» и антигосударственных действий в целом ряде стран, направляя

соответствующей аудитории альтернативную информацию, которая ее определенным образом ориентировала.

В политическом дискурсе текст реализует прежде всего коллективно-регулятивную функцию, т. е. функцию воздействия на всех лиц, составляющих его целевую аудиторию, и направлен на то, чтобы с помощью информационного оформления различных сведений порождать к ним выгодное коммуникатору (адресанту) отношение адресата. Обычно в массовой коммуникации текст выражает определенную политическую и общественную позицию, которой противостоят (или могут противостоять) тексты, передающие иные, часто полярные точки зрения и оценки. В этом противостоянии тот текст оказывается наиболее эффективным, который в наибольшей степени воздействует на адресата. Все это неслучайно. Современная цивилизация построена на том, что мы почти непрерывно пользуемся услугами вещательных и печатных медиаканалов. Все они несут нам огромный массив различных фактов, аргументов, оценок. Заметим, однако, что их передача не является главенствующей функцией средств массовой информации. Главная их функция – служить инструментом адаптации соответствующей аудитории, привлечения ее на сторону адресанта и стоящих за ним социальных кругов. В этих условиях адресат часто принимает навязываемую ему точку зрения, не имея на то ни малейшего основания. У него даже «появляется иллюзия, что он принимает решения сам, и не отдает себе отчета в том, что стал объектом воздействия или внушения» [Канетти, Московичи 2009: 42]. Механизм манипулирования в этом случае носит поэтапный характер. Сначала формируется определенное отношение адресата к определенным событиям. Затем посредством информационного давления придают сложившимся отношениям естественный и даже привычный характер. И, наконец, добиваются прочной фиксации этих отношений путем «создания нужных событий и нужных образов в сознании миллионов» [Там же: 19]. Именно так, например, действует пропагандистская машина киевских властей, для того чтобы создать в сознании миллионов людей образ России как врага украинского народа.

Отметим также, что поток сведений, циркулирующий в политическом дискурсе, лишь отчасти определяет значимость описываемых событий. Как отмечает В.Т. Третьяков, это происходит потому, что он состоит «на 80–90 % из так называемого информационного шума, лишь сопровождающего события, но не определяющего и даже не раскрывающего их сути...» [Третьяков 2015: 478].

Тексты, относящиеся к политическому дискурсу, можно отнести к двум группам. К первой – такие тексты, в которых доминирует референтный элемент, а субъект речи и адресат отходят на второй план либо даже вовсе отсутствуют. Так, «обезличенность» текста, с одной стороны, позволяет элиминировать возможные субъективные моменты, подчеркнуть его объективность, а с другой – придать ложным, «фейковым» сообщениям видимость объективных, не вызывающих сомнений у адресата. Ко второй группе относятся тексты, в которых доминирующее положение занимают отношение адресанта к референту и оценка сообщаемых сведений. Эта оценка определяется принципом социальной оценочности текста, которая делает адресанта выразителем интересов определенной социальной группы.

Эффективность аксиологической деятельности адресанта часто опирается на авторитет, свой или выдвигаемой им личности, чтобы усыпить способность адресата самому критически оценивать ситуацию. В результате освещение политических вопросов «персонифицируется, сводится к лицу одного человека. И поэтому влияние авторитетных людей во всех областях “общества спектакля” становится ключевым. Влияние этих людей на массы, которые не имеют другого доступа к информации, высочайшее» [Кьеца 2016].

В подтверждение данного тезиса приведем следующий пример. В 2011 году в газете *Le Monde* было опубликовано открытое коллективное письмо авторитетных представителей французских интеллектуалов к президенту страны, в котором они потребовали усилить борьбу против Каддафи и поддержать восставших против него прозападных мятежников. Воздейственность этого обращения заключалась не только в его эмоциональной публицистичности, но и в том, что его подписали известные писатели (К. Лансман, О. Ролан, П. Брюкнер и др.), философы (А. Глюксманн, Б.-А. Леви), бывшие министры (Б. Кушнер, Н. Гедж), известные деятели театра и кино (Дж. Биркин, Р. Гупли) и другие. Всего около 500 человек [Иванов 2012: 135]. Эти материалы вместе с другими материалами, передаваемыми по медиаканалам, позволили правящей элите легко обеспечить информационное прикрытие агрессии против Ливии. Во Франции не оказалось никакой серьезной оппозиции этой преступной акции.

Отметим также и то, что политический дискурс объединяет все присутствующие в сознании адресанта и адресата компоненты, способные влиять на характер порождения и восприятия текста. К ним обычно относят политические взгляды автора текста и задачи, стоявшие при его создании, представления адресанта о затрагиваемой

в тексте политической обстановке, а также о вероятном адресате и некоторых знакомых последнему текстам, которые должен учитывать отправитель сообщения [Чудинов 2008: 41].

Политический дискурс рассчитан на большую и недифференцированную аудиторию и все время должен обеспечивать понятность, доходчивость передаваемых сообщений. Именно поэтому последние необходимо постоянно приспосабливать к наиболее общим речевым навыкам адресата. В результате политический дискурс оказывается под воздействием одних и тех же факторов, которые видоизменяют содержание и форму подачи материалов в соответствии с потребностями и мотивами деятельности адресанта. «Соответственно возникает единство освещения, объединения, подачи, оформления и т. д. Характер этого единства увязывается по всем статьям с соотношением интеллектуального и эмоционального начал: будничность и интересность вплоть до сенсационности, глубина и общедоступность, точность и всеобщность, сообщение и убеждающе-организующая действенность и т. д.» [Костомаров 1974: 53].

Все эти факторы необходимо учитывать адресанту для воздействия на аудиторию, для того чтобы она разделяла выдвигаемые им положения, а в идеале их и поддерживала. Все это позволяет, как отмечал еще Э. Бернейс, держать общество «под постоянным, массивным контролем» [Бернейс 2010: 4]. Именно благодаря такому контролю и осуществляется «управление (вплоть до манипулирования) поведением и инстинктами общества (масс населения) со стороны власть имущих, правящего класса, государства» [Третьяков 2015: 151]. Эта функция политического воздействия, или функция управления, является важнейшей в политическом дискурсе и часто оказывается удивительно сильной. Например, в начале 1996 года рейтинг доверия избирателей у президента Б. Ельцина был очень мал. У любого более или менее известного российского политика он был на порядок выше. «Однако правящий класс решил оставить в Кремле на второй срок именно Ельцина. Как этого удалось добиться? Только получив в союзники (вольные или невольные, идейные или корыстные) большинство журналистов» [Там же: 154].

Информированность адресата, несмотря на доступность средств массовой информации, часто оставляет желать лучшего. Дело в том, что политический текст отличается ограниченной коммуникативностью, которая выражается в том, что доходящая до адресата информация носит избирательный, неполный характер. Адресант намеренно «фильтрует» информацию, чтобы последняя способствовала

формированию только такой картины мира у адресата, которая максимально отвечала бы представлениям и задачам самого адресанта. Одновременно всячески скрывается альтернативная информация, не отражающая точку зрения адресанта и стоящих за ним политических кругов. Так, на Западе скрывался (да и сейчас скрывается) факт нападения грузинских войск на Южную Осетию, а защита мирного населения этой республики нашими войсками выдавалась и выдается за агрессию против Грузии.

Тексты, относящиеся к политическому дискурсу, рассчитаны на адресатов, к которым обращаются коммуникаторы по печатным и вещательным медиаканалам. Вместе с тем у этих текстов есть и другие, специфические адресаты, назовем их специализированными. К ним будем относить различного рода специалистов в области экономики, политики, бизнеса, науки, спецслужб, информационных технологий и т. д., которые изучают эти тексты как профессионалы с целью поиска необходимой для соответствующих структур информации. Высокие требования к деятельности этих специалистов обуславливают закрепление за ее выполнением определенного круга подготовленных лиц, обладающих соответствующими компетенциями.

Речевые процессы, лежащие в основе трудовой деятельности этих специалистов, представляют собой производственную деятельность в сфере духовного производства. Обычно специалист не испытывает потребности в подобном поиске информации. Как правило, его деятельность инициируется другими людьми и представляет собой необходимую и общественно полезную деятельность [Гаврилов, Латышев 1981: 36].

Таким образом, политический дискурс имеет дело с разными категориями адресатов, которые, в свою очередь, имеют дело с двумя разными категориями понятия «информация». Если обычный адресат из массовой аудитории сталкивается с понятием «информация», под которой понимают «данные», «факты», «высказывания», «сведения» и т. д., то специализированный – с понятием «информация», относящимся к логическо-семантической теории информации. Это понятие «информация» связано с изменением энтропийного уровня, со снижением неопределенности при решении, со снижением риска, с повышением качества тех шагов, которые опираются на полученную информацию [Тондл 1975: 391]. Поэтому специалист работает с текстом с большой ответственностью – это его профессиональная деятельность. Если обычный адресат всегда

может прервать чтение или слушание текста за отсутствием интереса без всякого ущерба для себя, то специалист «такой роскоши» себе позволить не может: он не только не имеет права отложить поиск информации «до лучших времен», но, более того, он должен завершить свою работу в определенные сроки. Обычный адресат принимает информацию к сведению, иногда даже пытается ее учитывать, но в большинстве случаев через некоторое время благополучно забывает. При этом он, конечно, может огорчаться, сопереживать, радоваться, негодовать и т. п., но предпочитает не выражать, а, как отмечает С.В. Володенков, «покупать свое мнение» в СМИ, где наблюдается глобальный тренд на постоянное увеличение «калькулируемости» и управляемости поведением индивидов и институтов [Володенков 2017: 3]. Дело в том, что информация, которая буквально обрушивается на адресата, достаточно разнообразна для того, чтобы создать у него иллюзию свободы выбора источников информации, циркулирующей в пределах политического дискурса. Это обстоятельство, по сути дела, скрывает от него рационально сконструированную архитектуру управляемого выбора. «Большинству потребителей доступен лишь ограниченный пул популярных телеканалов с таким же ограниченным пулом программ (что справедливо и по отношению к радиостанциям, печатным СМИ, интернет-изданиям), которые транслируют опять же строго лимитированный набор объяснительных медиаконцепций, разъясняющих массовому потребителю в максимально доступной и легкой форме содержание и особенности актуальной социально-политической повестки. При успешном осуществлении цензуры объяснительная медиаконцепция может оказаться вообще единственной» [Там же]. Таким образом, поверхностное и к тому же предвзятое объяснение вытесняет объяснение глубокое и объективное. В политическом дискурсе адресат, как правило, предпочитает такое объяснение собственному, тем более что в этом случае и задумываться не надо. Все это приводит к тому, что информация, циркулирующая в политическом дискурсе, способствует решению определенных задач, стоящих перед субъектом речи, и далеко не всегда повышает качество тех шагов, которые может в этой ситуации предпринять адресат.

Воздействие адресанта особенно велико в условиях информационно-психологической войны, одним из главных объектов которой оказывается индивидуальное и общественное сознание населения. В ходе этой войны широко используются информационные

формы и методы несилового воздействия, различные приемы пропаганды, в том числе запугивание и дезинформация. Именно такую роль отводят информации в «Единой доктрине информационных операций» Комитета начальников штабов ВС США: «Информация стала представлять собой не только цель воздействия, но и оружие воздействия, а также область или сферу деятельности ВС США» [Бартош 2018: 99]. Эти методы информационно-психологической войны Запада против России привели к резкому ухудшению международной обстановки, особенно на фоне жестких экономических санкций против России, действий США и их союзников на Ближнем Востоке, спровоцированного Западом государственного переворота на Украине, опасного расширения НАТО на восток и других акций. Все они прежде всего отражают стремление США, как лидера западного мира, к глобальному доминированию путем использования информационных и коммуникативных технологий, в том числе с помощью манипулирования общественным сознанием и фальсификации текущих событий и истории.

В дальнейшем изложении мы будем различать стратегию и тактику информационно-психологической войны.

Под стратегией будем понимать общий план ведения информационно-психологических операций Запада против России, направленный на достижение геополитических целей и, прежде всего, на то, чтобы наряду с развалом экономики России добиться полного разложения ее правящей элиты, до предела ослабить волю к сопротивлению вооруженных сил и населения, а затем поставить под свой контроль природные, людские, промышленные и другие ресурсы страны и в конечном счете полностью подчинить или даже уничтожить Россию.

Под тактикой будем понимать ведущиеся Западом операции в информационном и идеологическом пространстве, такие как антироссийская или даже русофобская пропаганда в российском Интернете, многочисленные статьи в западных СМИ аналогичной направленности, постоянное мушкетирование удобного в пропагандистском плане, но не имеющего никакого отношения к реальности утверждения о «присущей России вековой агрессивности» и т. п.

В какой форме существуют стратегические планы Запада в реальности, мы не знаем. Зато мы отлично понимаем в свете развития событий, что России было полностью отказано во «вхождении в Запад», хотя она претендовала всего лишь на равноправие, отказ от «двойных стандартов» и учет ее естественных интересов.

Не получилось, да и не могло получиться. Об этом свидетельствует вся история западной цивилизации, которая всегда была историей захватнических войн, борьбы за деньги и власть. Как пишет Э. Фромм, ценностные ориентации Запада «не ушли за пределы быть сильнее других, побеждать, покорять и подчинять» [Фромм 2017: 218].

Однако положение изменилось. Возможности Запада серьезно уменьшились, и причина этого лежит не только в усилении России и возрождении Индии и Китая. На сегодняшний день в мире сложилась обстановка, сравнимая с временами поздней Римской империи. «При всей поверхностности исторических аналогий... – отмечает историк А. Фурсов, – ныне мы тоже имеем империю (Постзапад), тоже перезрелую и не только постепенно утрачивающую гегемонию, но и погружающуюся в упадок: экономический кризис, размывание среднего слоя, интеллектуально-волевая деградация элиты и населения в целом, кризис семьи и утрата традиционных ценностей, дехристианизация, возведение половых извращений и бездетности в норму, фактический отказ от трудовой этики в пользу гедонизма, потребления и многое другое...» [Фурсов 2017: 5]. В этих условиях в России сохранилась противоположная тенденция – тенденция приверженности к ценностям традиционного общества, несовместимая со многими западными «ценностями», о которых упоминалось выше. Этот фактор также во многом определяет стратегическое противостояние Запада и России.

В условиях информационно-психологической войны адресант стремится добиться от адресата полной поддержки проводимой им политики. При этом используются все средства воздействия на адресата, включая даже такие приемы манипуляции сознанием, которые оказывают «вредное влияние на психику, особенно на ясность и критичность мышления, а также на эмоциональную независимость» [Фромм 2017: 286]. Как правило, адресант выражает свое негативное (пейоративное) отношение к оппоненту, демонизируя руководителей противоборствующей стороны и «разоблачая» его якобы агрессивные намерения и планы. Volens-nolens такая информационная политика очень опасна и объективно ведет к разжиганию войны, в которой могут погибнуть многие сегодняшние реципиенты агрессивной риторики.

Отметим в этой связи, что стремление сделать свое сообщение максимально воздействующим существовало практически всегда. Риторика и возникла из стремления находить наиболее эффективные способы убеждения относительно каждого данного предмета.

Три задачи, которые ставил Цицерон перед оратором более 2000 лет назад, не утратили своей актуальности и сегодня:

1. Доказать выдвигаемое положение, продемонстрировав истинность аргументов и фактов.

2. Доставить слушателю эстетическое удовольствие.

3. Воздействовать на волю и поведение слушателей, побуждать их к активным действиям (цит. по: [Гаврилов 2004: 7]).

О силе слова в общественной жизни очень ярко сказал русский философ Н.А. Бердяев: «Слова имеют огромную власть над нашей жизнью, власть магическую. Мы заколдованы словами и в значительной степени живем в их царстве. Слова действуют как самостоятельные силы, независимые от их содержания. Мы привыкли произносить слова и слушать слова, не отдавая себе отчета в их реальном содержании и их реальном весе. Мы принимаем слова на веру и оказываем им безграничный кредит... Слова сами по себе воодушевляют и убивают. За словами идут массы. Всякая агитация в значительной степени основана на власти слов, на гипнозе слов. Привычная фразеология скрепляется с инстинктом масс. Демагоги хорошо знают, какие слова нужно употреблять» [Бердяев 2017: 162]. В этих условиях читателю или слушателю очень трудно отделить эстетическое очарование слов от логики передаваемых с их помощью аргументов и фактов. Все это предъявляет серьезные требования к интеллекту реципиента, и далеко не всегда последний, к сожалению, оказывается в состоянии противостоять власти этих слов. Слово, особенно в массовой коммуникации, начинает выполнять функцию воздействия или внушения. Будучи обращенным к чувству, а не к разуму, оно поражает воображение адресата с помощью «фейковых» новостей и «утрирования» в аргументации, эффектных примеров, броских обобщений, энергичного и броского языка аллегорий с простыми и повелительными формулировками. Этот язык и условия его функционирования обладают определенной спецификой в условиях информационно-психологической войны.

Как показали результаты проведенного Р.И. Зариповым исследования, для французского политического дискурса характерно широкое употребление в отношении России большого количества метафор, которые отражают стремление французских правящих кругов негативно представить своей аудитории российскую политическую действительность, дискредитировать российскую власть, общество и Россию в целом, создать таким образом у реципиента образ врага, против которого оправданы любые средства [Зарипов 2015: 183].

Аналогичная направленность политического дискурса а priori еще в большей степени характерна для других стран западной коалиции, особенно для США и Великобритании.

Важно отметить, что приемы информационной войны становятся масштабнее в период ведения боевых действий. В этих условиях к образно-метафорическим средствам языка добавляется «язык войны». С помощью этого языка реальные события камуфлируются эвфемизмами [Война и мир в терминах и определениях 2011: 93–94]. Так, во время вьетнамской войны в американской печати практически не встречались такие терминологические единицы, как *troups* (войска), *forces* (войска). Вместо этих терминов везде писали *advisers* (советники), даже тогда, когда число «советников» доходило до 20 тысяч. Базы, с которых совершались бомбардировочные налеты, назывались *training bases* (учебные базы), а сами налеты – *training missions* (учебными) [Степанов 2008: 477]. Подобные метафорические приемы позволяли представить военные действия США как рутинную учебную работу и камуфлировать тем самым варварские акты американской военщины против вьетнамского народа. Подобная практика использования «языка войны» продолжалась и в ходе боевых действий в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии.

Термин «информационно-психологическая война» может быть использован в двух смысловых вариантах. В широком смысле он обычно обозначает противоборство в информационной среде, в средствах массовой информации для достижения различных политических целей. В узком смысле под этим термином понимают военное противоборство в информационной сфере в целях достижения односторонних преимуществ при сборе, обработке и использовании информации на поле боя, снижения эффективности соответствующих действий противника. В качестве примера подобного военного противоборства рассмотрим следующий случай. В 1944 году на территории Украины немцы повсюду распространяли листовку, содержащую приказ, написанный якобы Л.П. Берией и Г.К. Жуковым, «О высылке в отдаленные края Союза ССР всех украинцев, проживавших под властью немецких оккупантов» [Терещенко 2012: 317]. Органы контрразведки делали все возможное для того, чтобы ограничить распространение этой листовки среди мирного населения и особенно среди военнослужащих Красной Армии. Ведь даже сама мысль о переселении украинцев была бы диверсией, подрывающей морально-психологическое состояние бойцов и командиров нашей армии. Тем более что, по некоторым

данным, 25 % ее личного состава составляли именно украинцы [Там же: 319].

К приему дезинформации прибегали и США, когда пытались заставить поверить мир в то, что они ведут «гуманитарную» войну против Сербии. В результате, раздувая антисербскую истерию, они сумели склонить общественное мнение Запада к одобрению силового варианта отделения Косова от Сербии.

Основным средством ведения информационно-психологических войн в широком смысле являются информационные и психологические операции. В последнее время все чаще используется термин «стратегические коммуникации», под которым понимается «задействование в ЕДИНЫХ целях комплекса всех доступных для аудиторией средств, включая связи с общественностью, рекламу, военную информацию, агитацию, пропаганду, общественную дипломатию и др.» [Война и мир в терминах и определениях 2011: 95].

В этих условиях вместо «священного принципа свободы слова» появляется некая монополия, при которой альтернативная точка зрения изгоняется из информационного пространства. Административные ограничения российских медиаструктур в США свидетельствуют об этом достаточно красноречиво, особенно на фоне реальной свободы, которой пользуются западные вещательные и печатные медиаканалы в России. Запад же стремится ограничить воздействие российских СМИ, так как видит в них гораздо большую угрозу, чем в колоссальной экономической мощи КНР. Ведь пока Китай «помалкивает», Россия доносит до человечества собственный альтернативный взгляд на мир, основанный на традиционных ценностях и равноправии на международной арене. На Западе негодуют; «бензоколонка возомнила себя страной» – возмущается американский сенатор Маккейн, и почти вся западная политическая элита разделяет его недовольство независимой политикой России. В то же время многие утверждения западной пропаганды если и встречают одобрение у своей аудитории, то в России аналогичного отклика не получают. Например, утверждения, распространяемые в западных СМИ, о вмешательстве России в президентские выборы в США и во Франции, в референдум о выходе Великобритании из Европейского союза и другие «новости» чаще всего воспринимаются нашими согражданами не только скептически, как лишённые всякого основания, но и как откровенно глупые. Такое отношение к сообщениям западных СМИ косвенно свидетельствует о том, что Россия сумела создать «исключительно

эффективную информационную машину, способную работать в условиях жесткой конкуренции...» [Храмчихин 2017: 5]. В какой-то степени об этом свидетельствуют жаркие споры наших журналистов и политиков со своими западными коллегами в политических дебатах «60 минут», «Время покажет» и других, в ходе которых публика обычно оказывается на российской стороне, как наиболее убедительной.

Но не будем забывать, что информационно-психологическая война продолжается, и конца ей не видно. Развитие средств и технологий, используемых в информационной сфере, позволяет Западу продолжать воздействовать на все категории российских граждан, проводить в жизнь свои планы по дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в стране. В этих условиях стратегия России в информационно-психологической войне должна опираться на разработку «путей противодействия информационно-психологическим технологиям манипулирования, а также на развитие управления и защиты национального информационного пространства» [Бартош 2018: 121]. Именно таким видим мы подход к решению актуальных проблем национальной безопасности России в информационной сфере в условиях противоборства с Западом.

1.3. Манипулятивные практики современных информационных войн: основания, механизмы, угрозы

Богатство человека – это богатство его социальных отношений. Эта сущностная характеристика, определяющая основание социальных общностей человека, одновременно выступает вечной детерминантой стремления самого человека извлечь из этого богатства выгоду. Уже в истоках человеческой истории социальный субъект обнаруживает максимальную ВЫГОДУ от использования коммуникационных потоков не в застывших материально опредмеченных результатах, а в самом процессе общения. Вечной притягательной ценностью становится управление чужой свободой. Само управление свободой воли другого вырастает из родового свойства человека

управлять собой, в котором находит разрешение противоречие между внешним существованием и внутренним представлением человека об этом внешнем существовании [Бахтин 1979]. Поэтому в процессах социального управления всегда заключены ростки манипуляции чужой волей и сознанием. При этом процесс управления в своей сущности открыто ориентирован на обеспечение общей цели, в осуществлении которой заложены предпосылки реализации свободы каждого, а манипуляция всегда носит скрытый характер, имеет негативную мотивацию и может рассматриваться как фактор принуждения. Прямые подтверждения этого сразу обнаруживают себя в исследованиях ранних форм становления культуры [Макаровский 2009]. Еще более наглядно манипулятивное управление обнаруживает себя в анализе известных политических (идеологических) доктрин. Так, живучесть либерализма во многом объяснима его скрытой любовью к манипуляциям [Лифшиц 2007]. В сложных социальных условиях, близких к конфликтному состоянию, открытость управления может служить дополнительным раздражающим фактором. Манипуляция всегда сокрыта, и либерализм умело создает иллюзию безграничной свободы, избегая сопротивления со стороны управляемых. В этой связи обращает на себя внимание аксиоматичный лозунг современной политики, старающейся увязать собственную значимость с реалиями коммуникативной действительности. Вне идеологического окраса любая политика сегодня спекулирует на свободе слова: есть свобода слова – есть позитивный социум, нет свободы слова – есть негативное общество, которое, в принципе, можно улучшить, если добавить немного той самой свободы слова (вот и готовое основание для насаждаемой в общественном сознании ценности «цветных революций»). На первый взгляд, это типично политизированная проблема средств массовых коммуникаций и сферы политических свобод, имеющих узкое правовое поле для собственного раскрытия. Однако такой вывод уже будет результатом манипулятивных практик того же либерализма: слову приписаны некие совершенно автономные в отношении культуры функции, к тому же имеющие таинственное содержание.

Проблема манипуляции весьма актуальна сегодня и в процессах раскрытия социального бытия, и в анализе (в том числе и на уровне теории) развития человеческой истории. Традиционно манипуляционные техники и манипулятивное управление рассматривают в рамках особенностей человеческой психики и процессов психологических взаимодействий [Гарифуллин 1997]. Это корректный путь определения их сущностных причин, что подтверждает и тот факт,

что по мере развития человеческого общежития в недрах культуры начинает формироваться устойчивый страх человека перед возможностью стать жертвой неких манипуляций со стороны других. Психологически всплеск «поисков врагов» или «вселенских заговоров» в некоторые переломные, социально неустойчивые периоды. Однако чисто психологическое объяснение сужает сам феномен манипуляции и может исказить действительные процессы, происходящие в общественных отношениях. Следует отметить, что и само поле социальной действительности свидетельствует о гораздо более широком влиянии манипуляционных процессов. Например, никакое искусство политического убеждения не способно полностью переломить общественное сознание, которое «демократически вылизанное государство с той самой свободой слова» вполне может оценивать негативно и, напротив, способно позитивно воспринимать тоталитарное государство, где нет даже намека на эту свободу. И убийственным аргументом сторонников жесткого режима сразу становится позиция Аристотеля, который еще на заре человеческой цивилизации предупреждал, что демократия есть худшая форма правления [Аристотель 2015].

На самом деле манипуляция действительно не только неотделима от процесса развития истории, но и в логике исторического процесса является гранью его необходимой закономерности. Манипуляция как форма скрытого побуждения синкретична, соединяет манипулятора и манипулируемого через внедрение в сознание последнего цели первого. Такой синкретизм детерминирует глобализацию социальных процессов и одновременно он же является ведущей формой существования общества космополитов. Однако человек не утрачивает необходимого качества быть индивидуальным, но эта индивидуальность теперь должна быть вплетена в многое обезличенно-типичное, целостность которого становится все более плотной. Выходом может стать только ситуация, когда субъект управления пребывает в иллюзии самостоятельного целеполагания, находясь реально в процессе общего целеисполнения. Основанием этого может быть только полное вытеснение критического мышления, а также отсутствие дифференциации субъекта, объекта, а в предельных случаях манипуляции даже сокрытие различия субъект-субъектного взаимодействия. Другими словами, человек перестает владеть искусством диалога. И не только в качестве средства общения с Другим, но и как инструмент понимания самого себя.

Встает вопрос: каковы причины такого разрастания манипулятивных техник? Что позволяет им занимать уверенную нишу в практике социальных отношений сегодня? Почему в настоящее время рождается еще один культурный страх – страх быть ведомым? И самый главный вопрос: почему, несмотря на все эти страхи, человек все больше и больше становится манипулируемым?

Ответ на эти вопросы может быть дан в библейском варианте истока истории человека: «В начале было Слово» [Библия... 2017]. Действительно, в своих предельных основаниях вся сфера социального начинается со слова, в нем же она развивается. Тогда логично допустить, что именно в трансформациях слова и обнаруживают себя причины рождения нового коммуникативного субъекта. Недаром фантастическая литература часто увязывает футурологические картины развития социума с трансформациями языка. Так, в основе общества «1984» лежит новояз: миниправ, минимир, минилуб и минизо – четыре основные опоры, которые позволяют обществу быть стабильным [Оруэлл 2013]. Одновременно традиционное состояние языка страшит [Брэдбери 2017]. Этот страх давно опредмечен историей, стремление «убить» литературно классический язык можно рассматривать в качестве императивной нормы тоталитарных политических режимов. «Жечь книги было наслаждением» [Брэдбери 2017]. Но «сжечь» язык можно и без открытого огня.

Современное социальное развитие поликультурно, а формой его развертывания в процессах нарастания глобализации становится полиязычие. На первый взгляд, полиязычие как форма существования культуры просто претендует на вавилонское смешение сфер естественного и искусственных языков. Последние расширяют ареал своего существования вследствие технизации мышления человека, что создает питательную среду для эволюции и возникновения сленгов. Такое многообразие языкового поля разрастается в многослойности культуры. В логике диалектики общего и единичного в настоящее время отдельные культурные сферы и феномены, видимо, обретают статус автономности. Как результат, в самом общем плане полиязычие накладывается на феномен некоторой поликультурности. В результате субъект испытывает сложности в корреляции бытовых и профессиональных навыков. Ситуация усугубляется тем, что в условиях официального запрета идеологии [Конституция... 2017] общество оказывается в состоянии неопределенности. Запрет на идеологию не позволяет легализовать некий общий идеал, который может служить предполагаемой основой футурологического предвидения

«завтра». Однако в силу действия объективной социальной закономерности, если нет предполагаемой целостности «завтра», начинается распадаться целостность настоящего, «сегодня» оказывается под угрозой. В таких условиях прежде всего страдает этническая составляющая культуры конкретного социума. В частности, в реалиях сегодняшнего дня встает резонный вопрос: возможно ли раскрытие этнического содержания родной культуры в субъекте, избравшем нишу исключительно искусственных языков? То есть можно ли считать, например, профессионального программиста выразителем русскости культуры современной России? Или он космополитичен вне этнических корней? А если все носители трансцендентальны по отношению к своему этносу, жизнеспособна ли сама этническая культура, в которую эти носители погружены? Сами по себе ответы на эти вопросы уже затрагивают сущность социальных отношений. Глобализация детерминирует неустойчивое состояние человечества как открытой сложной социальной системы, когда фрустрации обретают особую значимость, и, следовательно, деятельность каждого носителя общественных отношений влияет на состояние системы в целом [Хакен 2015]. Неопределенный в отношении этнического наследия культуры субъект, таким образом, влияет на ее конкурентоспособность и жизнеспособность в целом. Поликультурность усугубляет данную ситуацию. В частности, невозможно не признать, что технизация быта приводит к уверенной экспансии технических языков в отношении естественных. Насколько реальна угроза этнической самобытности в такой ситуации? А ведь по факту большинство активных субъектов поглощены интернет-сленгом, действие которого усилено возрастанием коммуникаций через соцсети.

Разрастанию поля манипуляции способствует и намеренное искажение первоначальных смыслов слов, искусственно вводимых в качестве некоторых краеугольных оснований коммуникационного поля [Соколов, Буланкина. URL: <https://goo.gl/SRKqJi>]. На первый взгляд, современная ситуация с использованием языка в процессах управления позволяет говорить о реальной корреляции языка с собственным носителем, то есть субъектом, в аспекте прояснения смысла, закрепляемого словом. Так, замена в современном русском языке общепринятого обращения «товарищ» на «господин» претендует на некоторую социальную корректность. Если «товарищ» намеренно обезличивает субъекта, то «господин», видимо, претендует на некоторую неповторимость. «Товарищ» – это «Ты как все», а господин – скорее, каждый как замкнутое «Я». Это отвечает общей логике

развития социальной сферы, которая демонстрирует усиление процессов отчуждения и возникновения новых форм этого феномена [Бахитов 2018]. Вследствие этого, казалось бы, формальная процедура смены приветствия позволяет развивать спекуляции, например, на тему возрождения национальной идеи. В этимологии «господин» прослеживается от «госпóден человек» [Этимологический... 2010], что логично приводит к следующему звену цепочки – к Богу. Бога можно позиционировать как некоторое ядро устойчивости «русскости». Последнюю мысль можно фундаментально «онаучить» либо через ссылку на отечественную историческую школу [Карамзин 1988], либо через русскую философскую традицию [Бердяев 2015; Соловьев 1911]. «Воспоминания» о Боге становятся весьма востребованы. Народу нужна единая идея, а власть предержащим – некий универсальный лидер нации. В этом случае ответственность современной управляющей элиты уменьшается, так как основное бремя лежит на Боге как реальном лидере нации. И, самое главное, в таком случае становится безопасной процедура переписывания истории, так как есть благая идея, объединяющая осколки, в основном негативного окраса, в единое целое, на котором и строится модель манипуляции с историческим наследием. Негатив в отношении прежних лидеров становится фундаментом построения имиджа действующих лидеров. В принципе, этот процесс является распространенным механизмом манипулятивных практик в процессах управления. Сам факт того, что в исторических и философских первоисточниках такой интерпретации Бога в качестве составляющей русской идеи никогда не было, игнорируется, размывается. В этом обнаруживается одна из главных черт современных манипулятивных практик: замена знания, истины невежеством в отношении собственных корней. Последнее постепенно начинает входить в формируемую современную иерархию ценностей. В частности, в системе образования акцент на формирование компетенций [Закон РФ... 2018] скрыто предполагает отказ от фундаментального знания в пользу прикладного навыка. Но конечным результатом, согласно новой образовательной стратегии, должно стать критическое мышление. Критика вне знания – это, в лучшем случае, нигилизм. В худшем – имитация творчества.

Другой особенностью именно современного этапа развития манипулятивного аспекта управленческих процессов является активное привлечение языковых игр. Так, например, возрожденные «господа» в девяностые годы прошлого века привязаны не столько

к субъекту, сколько к новому социальному полю – к приватизации. «Новый» статус – «новое» социальное измерение – «новые» социальные отношения. Однако встает вопрос: почему вводится чуждое слово «приватизация», а не используется «денационализация» или «разгосударствление», напрямую отражающие происходящий в стране процесс?

Причин этому множество. Чтобы разобраться с ними и, главное, определить обратное влияние введения в обиход данного термина на состояние субъекта, следует особо указать, что изначально термин «приватизация» лишь односторонне способен указать на существо процесса: начавшуюся передачу государственного или муниципального имущества в собственность отдельных лиц или коллективов. Учитывая масштабы передела государственной собственности, фактическое отсутствие скрытых форм приватизации (через длительные сроки) и прямое присвоение частным лицом бывшей общественной собственности, более корректно эту процедуру было определить именно как «денационализация» или «разгосударствление». Но определение процесса как денационализации несет угрозу проводимым реформам. Во-первых, собственность подлежит переделу, а не включена в процессы восстановления прав прежних владельцев. Во-вторых, в самом термине «денационализация» содержатся смыслы утраты национальной идентичности, что вполне способно вызывать недовольство социального субъекта. В-третьих, немаловажно и то, что «приватный» – это не государственный. Ведь фактически приватный человек – это человек, живущий сам по себе, он вне государственной должности [Этимологический... 2010]. Следовательно, субъект, попавший в процессы приватизации и произведший ее, – субъект неофициальный и закрытый. Все остальные участники приватизации, не получившие в свои руки собственность, такой статус уже получить не могут. Создается видимость основания разделения на элиту и остальных. Казалось бы, простая замена слова. А социальные последствия способны кардинально изменить социальный статус-кво.

Социальный субъект – это достаточно косное образование, его изменение происходит очень медленно [Жилина 2016]. В бурно меняющихся коммуникационных потоках ориентация действующего субъекта всегда затруднена, размыта, поэтому начинающееся социальное расслоение сразу не может быть замечено. Психологический дискомфорт от неопределенности ситуации вполне преодолевается мнимым чувством величия – Я есть «господин». Однако по мере

развития новых социальных отношений иллюзия собственной значимости начинает разрушаться. Нарастает дискомфорт включения в социальные отношения. Он явный или скрытый. Его усугубляет появление ростков новой национальной культуры. Язык начинает демонстрировать собственную логику развития. В частности, возникает в качестве обращения слово «господин», вызывающее в некоторых слоях общества отторжение. В самом деле, в отличие от англоязычных культур, «господин» в русском языке никогда не употребляется с именем собственным. «Господин» – это, прежде всего, обобщенный образ [Бунин 2017]. В этой логике следует констатировать, что обращение к аудитории «дамы и господа», наверное, не совсем верно. В аудитории все «господа». Более того, традиционно в русском языке обращение «господин Иванов» подразумевает указание именно на государственный официальный статус Иванова, на его государственную должность.

Однако в реалиях обыденного языка подлинные смыслы слов «приватизация» и «господин» давно сокрыты. В зависимости от конкретной ситуации либо «приватизация» утрачивает «приватность», неповторимость субъекта и, напротив, говорит о его обезличенно государственном статусе гражданина (например, общепринятая процедура приватизации квартиры); либо «господин» вдруг начинает претендовать исключительно на индивидуальную непохожесть на другого. Кроме того, данные характеристики всегда погружены в определенное лингвистическое окружение. Приватизация так или иначе привязана к «бизнесу», процессам «монетизации» и так далее. Но искусственные игры с лингвистическими значениями «приватизации» детерминируют трансформации близлежащих категорий в описании социального. Так, «бизнес» уже устойчиво ассоциируется со спекуляцией в форме перепродажи; «монетизация» становится обозначением универсальной конвертации всех процессов в деньги и т. д.

Трансформация смысла слов происходит на фоне усиления коммуникативного фактора в качестве механизма развития социума. Соответственно, субъект сегодня изначально погружен в много-смысловое многослойное языковое поле, которое пронизано самыми разнообразными потоками информации. Этот факт определяет новые формы манипулирования. Вырастают они из того же взаимодействия поликультуры и полиязычия, но в гранях противоречивости этих феноменов. Особенностью противоречий полиязычия и поликультурного единства социального наследия является их скрытый

характер. Например, противоречие между развитием искусственных и естественных языков (о котором упоминается выше) сопровождает всю историю культуры. Точно так же и переплетение индивидуального с личностным, личностного с общественным определяет поликультурность социального субъекта в любую историческую эпоху. Наверное, с определенными допущениями можно заключить, что естественные языки всегда находятся в некотором окружении искусственных знаковых систем, которые могут трансформироваться в полноправные искусственные языки. Понятно, что с возрастанием значимости научного постижения мира, техническим преобразованием действительности влияние искусственных языков становится все более заметным. Но именно эта ситуация заставляет поставить принципиальный вопрос: является ли проникновение искусственных языков в сферу действия языка естественного объективным, закономерным процессом? Вопрос не праздный. Например, повсеместное внедрение формуляров системы менеджмента качества в самые разные социальные сферы, включая ежедневный быт, – это экспансия чуждого образа жизни или удовлетворение потребности «технизированного» искусственными языками социального субъекта? А ведь культура – это то, что делает и думает общество, а язык в практике – то, что делает и думает человек. В чем же отличие системы ISO от бренда «Знак качества» советской эпохи? Система ISO требует неукоснительного исполнения, претендуя на алгоритм действия. «Знак качества» – всего лишь знак, удостоверяющий некоторый уровень качества чего-либо, достигнутого через сочетание свойств. То есть первая устанавливает контроль над деятельностью. Во втором случае акцент исключительно на оценке результата. Если вторая система позволяет сохранить субъекту поле собственной свободы и ориентирована лишь на зону его ответственности, то ISO отрицает свободный выбор, формируя четкий негативный образ возможного отступления от правил.

В этом аспекте совершенно иначе выглядят англицизмы в русском языке. Американизм уже невозможно свести исключительно к формам языкового империализма [Пирумов, Родионов 1997; Рас-торгуев 1998]. Очевидно, что сам феномен поликультуры невозможно вывести из поля противостояния идеологий разных социальных систем. При этом следует отметить, что идеологическая проблематика давно переросла узкие рамки политических доктрин и деклараций. Глобализация базируется на синкретизме экономического рынка, что вызывает искушение поглотить конкурентные среды.

Соответствующие службы умеют вырабатывать и осуществлять нужные стратегии. Но где-то «цветные революции» успешны, а где-то транснациональные интересы не могут преодолеть неотчуждаемые ценности этнических отношений. Одной из причин выступает действие идеологии как реального социального механизма в культуре. Доктринальность в политической сфере как системное оформление определенных интересов – это лишь явление действительной сущности идеологических процессов. Перефразируя известную фразу, можно заключить: жить в обществе и быть свободным от идеологии этого общества нельзя. При этом идеология выступает как механизм преломления общего содержания культуры в единично индивидуальном сознании, то есть в конкретных носителях этой культуры [Жилина 2009]. И в этом механизме значимую роль играет лингвистическая составляющая. Именно поэтому лингвистические манипулятивные практики так притягательны.

Манипулируя словом, можно корректировать механизм идеологического воздействия. Так, в любой культурной доктрине заложены идеи справедливости, но в реалиях социальных отношений справедливость может ассоциироваться с самыми разными вариантами: от концепции сильной руки до казарменной уравниловки. Эти вариации носят объективный характер, а эффективность политического действия напрямую зависит от корректности понимания сущностного состояния идеологического механизма. Не менее важна лингвистическая оболочка. Казалось бы, словарное обеспечение такой сферы, как мораль, традиционно, консервативно и не может быть подвергнуто изменениям. И современный социальный субъект формируется в поле традиционных моральных ценностей, среди привычных языковых форм русского языка. Явное вращение англицизмов в русский язык далеко от поля ценностных измерений добра. Тем не менее моральное измерение человека начала XXI века существенно отлично от такой же характеристики субъекта конца XX века. И это результат внешнего по отношению к морали фактора – измененной формы подачи информации. Намеренно рваный ритм постоянных сериалов, бесчисленных ток-шоу сознательно уничтожает устойчивую непрерывность того же представления о добре. Добро видится мозаичным. Результатом оказывается победа либерального подхода к свободе – добро у каждого свое, при этом оно изменчиво и в изменениях своих зависит не от субъекта, а от обстоятельств, с которыми субъект сталкивается. Происходит это на фоне рунглиша, который размывает и русский, и английский. Хотя, на первый

взгляд, устойчивое привлечение лексики английского языка в русский должно, казалось бы, расширять поле восприятия действительности, а это разнообразие делать субъекта более активным и одновременно социально защищенным. Доминирования обстоятельств в отношении сознания такого субъекта и быть не может. Однако на практике субъект становится все более ведомым, склонным к воздействию манипулятивных приемов. Поликультурная форма экзистенции вступает в противоречие с полиязычной сущностью.

Ситуация усугубляется тем, что само полиязычие в рассматриваемом аспекте (заимствование лексики другого естественного языка) детерминировано не столько потребностями развития русского языка, сколько конъюнктурой рынка социальных коммуникаций. Именно поэтому полиязычие начинает негативно воздействовать на феномен поликультуры. Например, через действие языка рекламы, слоганы которой переступают границы потока информации и начинают претендовать на принципы поведения человека [Жилина 2016]. Если сюда добавить общую тенденцию американизации культуры через сведение всех форм культуры к формам товарной меновой стоимости, то вполне возможно заключить, что новая форма империализма – языковая – разрушает целостность поликультуры [Демьяненко 2012]. Доказательствами могут служить мода на ненормативную лексику, подмена сегмента искусственных языков языком маргинальных слоев или субкультурной лексикой. В таких условиях универсальным критерием включенности человека в поле поликультуры может стать, например, не общий уровень грамотности, а некая предприимчивая природа человека.

Проблема усугубляется тем, что в социальной реальности намеренно размывается грань между словом как лексемой (собственно единицей языка), значением слова (денотатом) и непосредственно смыслом. Собственно, одной из сложностей использования языка в любую историческую эпоху всегда выступает его полисеманτικότητα. Но в условиях глобализации воображаемая или представляемая реальность из области смысла переключивается в область денотата, то есть претендует быть наблюдаемой эмпирической реальностью, которую обозначает слово как знак. Так было, например, с введением в обиход слова «ваучер» [Этимологический... 2010]. Непонятный смысл этого термина успешно исполняет роль некоторого объемного образа надежды на совершенно иной социальный способ существования. «Поле дураков» (прежде всего, в виде финансовых пирамид) получает полноценную подпитку. Отголоском суггестивного действия

слова сегодня становится рядовая ситуация, когда, получая на руки туристический ваучер, субъект имитирует себе некоторую реальность (в частности, безопасность и неприкосновенность). То есть такие словесные трансформеры, у которых значение постепенно заменяется размытым смыслом, начинают сами конструировать собственный параллельный социальный мир. Сегодня первоначальное значение английского слова *voucher* – расписка – в русском языке фактически утрачено. Поле для манипуляций в случае искусственного внедрения в язык подобных терминов имеет тенденцию расширяться. Общее символично-семиотическое деление всегда содержит потенции нормативного, девиантного и маргинального истолкования практик. Imagine Джона Леннона становится универсальным слоганом существования человека. А так как в процессе продуцирования воображаемой реальности субъект всегда обнаруживает сильное влияние способа подачи информации в обществе, а сам способ подачи информации наглядно становится фактором, защищающим интересы той или иной страны, то ситуация «ухода в параллельный мир» в последнее время уверенно ассоциируется с войной информационного характера. Это еще одна из черт современных манипулятивных практик: они становятся оружием информационных войн.

Сама по себе ситуация провоцирует отождествление ведения информационной войны с деятельностью средств массовой информации, чья сила состоит в создании иллюзии абсолютной достоверности и объективности подаваемой информации [Демьяненко 2012]. Тем самым проблема традиционно рассматривается в рамках социологии, политологии, политической журналистики, где в рамках теории постиндустриального общества [Тоффлер 2008] становится одной из характеристик информации как социального фактора. Обращает на себя внимание неразделенность проблемы информационной войны с проблемами пропаганды. В последнем аспекте следует признать, что определенные «военные» операции в информационном пространстве присущи всем этапам истории развития человечества. Пожалуй, отличие современного этапа развития средств передачи информации состоит в «глобализации», когда информационный фактор начинает занимать доминирующие позиции не только в политике, но и в экономике. Однако сведение манипулятивных практик информационных войн исключительно к средствам пропаганды способно исказить суть процесса.

Принципиальным отличием информационной войны является намеренное специфичное употребление языковых единиц

в воздействии на сознание некоторой общности с целью достижения определенного практического результата [Васильев, Подсохин 2016а]. Именно слово становится суггестивным и манипулятивным механизмом. При этом в рамках политической лингвистики, как правило, акцент все же делается на конъюнктурном «новоязе» (например, на неологизмах, связанных с украинскими событиями) [Там же]. На наш взгляд, образование новых устойчивых словосочетаний с целью описания конкретных политических событий – это развитие средств пропаганды. Этим объяснима и тяга к бинарным оппозициям, среди которых доминирующую роль играет противостояние «свой – чужой». Но новая форма военной экспансии – информационная – несводима к политическому противостоянию. Другими словами, манипуляция фактами (что, в принципе, традиционно для человеческой истории) уступает ведущую роль в «обработке» сознания попыткам корректировать сам процесс сознания для последующего моделирования ожидаемого действия. Именно поэтому информационной войне подвластны победы во всех основных направлениях военных действий: захват территории, захват экономических ресурсов и подчинение населения.

Манипуляция становится многослойной. На место прямых идеологических противостояний приходят, на первый взгляд, идеологически нейтральные картинки из телевизора или из Интернета. Этот визуальный ряд создает иллюзию предоставления субъекту первичной основы, в которой он способен определить собственное мнение, осуществить якобы ничем не ограниченный выбор. На самом деле за первым слоем скрывается множество смысловых срезов, алгоритм которых схож: заставить субъекта использовать лексемы в иных смыслах, вплоть до полного размывания в словах семантического контента. Тем самым незаметно для субъекта реализуется самая главная черта информационной войны – выдвигание видоизмененных ценностей на место предшествующих, формирование устойчиво негативного отношения к существующей аксиологической пирамиде [Хайдеггер 1993б]. Первой достигнутой победой становится безграничная возможность переписывать историю. Как следствие – пресловутый «кризис традиции». Главная опасность подстерегает не целостность и самобытность культуры, а самого субъекта. Лишенный системы «высших» ценностей, субъект оказывается в русле моды, конъюнктуры. Он пытается найти опору в особенностях развития культуры, в частности, путем признания некоторого Абсолюта в науке, достижения которой способны моделировать новую внешнюю

среду. Но разрушенная система ценностей отвергает, например, ценность образования. И субъект попадает в социальный тупик, который нивелирует его. Даже наука становится определенным симулякром. При этом симулякр внедряется во все информационные сферы. Например, включение в новостные строки динамики биржевых индексов, с одной стороны, создает у субъекта иллюзию причастности к основным финансовым потокам, а с другой – претендует на фундамент объяснений для субъекта всех колебаний финансового рынка. В реальности большая часть населения не способна объяснить суть и значение Dow Jones или Nikkei 225 и даже просто выделить среди индексов российские. Но воображаемая причастность к мировым фундаментальным процессам постепенно становится реальной для субъекта. В отличие от эмпирической реальности рынка виртуальную модель с размытыми основными терминами можно разворачивать в любой плоскости, добиваясь желаемой на сегодняшний день интерпретации. Еще одной функцией такой иллюзии является разрушение грани между теоретически фундаментальной моделью мира и непосредственно бытовыми проблемами. Особенности состояния финансового рынка имеют тот же статус, что и ежедневный прогноз погоды, или вовсе уравниваются с информацией какого-то рекламного ролика.

В других сферах манипуляция научными терминами еще наглядней. Особенно это касается бытовых гаджетов, характеристики которых становятся критериями выбора, но их истинный смысл для субъекта закрыт. Постепенно субъект погружается в информационное поле, которое нейтрально в смысловом аспекте, и, соответственно, смыслообразование может быть навязано субъекту извне введением некоторого социального алгоритма. Происходит полная релятивизация мышления. На этом основании оказывается возможным одержать главную победу в информационных войнах – достичь слома культурно-цивилизационных границ и различий. Но победа эта сомнительна в современных условиях. В глобализованном мире информационная война становится неконтролируемой. С одной стороны, начатая против идеологического противника, она неизбежно превращается в войну против всего человечества. Например, вытеснение моды как социального явления мертвым гламуром может привести к отмиранию собственно «Я» субъекта, что выражается в самоотрицании. Так, сегодня анорексия не знает гендерных, этнических, возрастных границ, будучи орудием самоуничтожения человека. С другой стороны,

информационная война часто переходит на поле победителя и там одерживает еще более убедительную победу, но уже над манипулятором. Достаточно проследить динамику необъяснимого насилия в школах США в отношении сверстников или усиление террора в странах спокойной когда-то Европы.

Выходом иногда видится поиск универсальных рецептов счастья. Общей тенденцией становится подмена счастья комфортом. Динамику отношения к комфорту можно проследить на слоганах крупных компаний. Так, в 1965 году BMW рекламируется через слоган: *Держит дорогу... Удерживает рекорды. Новый BMW*, что, в принципе, ориентировано на технические характеристики машины. В 1972 году слоган уже указывает на необходимость обладания: *Если вы знаете о существовании BMW, вы либо владелец, либо хотите им стать*. В 1981 году девиз компании содержит прямое указание на приближение к счастливому существованию: *Роскошный седан, удовлетворяющий запросы тех, кто знает цену деньгам и машинам*, а к 1983 году роскошь станет «генетической». И, наконец, узнаваемый сегодня лозунг: *BMW. С удовольствием за рулем*. Примечательно, что в планах компании смена этой амбициозной порции счастья *The ultimate driving machine* на более спокойный девиз: *A company of ideas* («Компания, полная идей»), что полностью ориентировано, прежде всего, на идеологию рынка США. Теперь комфорт отождествлен не только со счастьем, но и с творчеством.

Отдельно стоит отметить этническую составляющую манипулятивных техник. На рынке России та же компания BMW предлагала несколько иную рекламу своей продукции. Например, для автомобиля BMW 1-й серии в 2008 году: *Идеальная связь между небом и землей*. Для кабриолета BMW 3-й серии (2007 г.): *Что делает атлета чемпионом? Страсть. Техника сильных чувств*. Внедорожник X3 презентовался так: *Представьте, что вы читаете новый рассказ Хемингуэя. Представьте, что вы за рулем нового BMW X5. Новый BMW X5. Икона своей эпохи*. Третья серия: *У каждой машины есть момент истины. У этой он случается тысячи раз в секунду. BMW 3-й серии*. Здесь и дань «самой читающей» когда-то стране мира, и учет «русской идеи». Но только Истина превратилась в истину, потеряв при этом Красоту и Благо [Соловьев 1911]. Видимо, слова остаются в поле значений родного языка, но на самом деле, оторвавшись от реальных эмпирических явлений, они способствуют формированию потенциального смыслового поля, которое ожидает некоторого фактора, чтобы возможность стала действительностью. Язык уже

не дом бытия [Хайдеггер 1993], он есть фундамент множества форм инобытийных возможностей существования. Экзистенция вступает в прямой конфликт с *existence*, субъект становится ведомым [Там же]. В силу этого следует отметить, что определения информационной войны, сформулированные в конце XX века [Пирумов, Родионов 1997], где суть сводится к целенаправленному использованию специальных средств и методов влияния на информационные ресурсы противника, следует считать уже неполными. Тем более нельзя ограничиваться функционалом информационных войн в военных действиях [Комов 1996]. Безусловно, в сложных политических отношениях политическая лингвистика в качестве инструмента формирования, например, негативного образа будущего противника имеет и сегодня большое значение [Будаев, Чудинов 2008б].

Примеры информационно-психологических приемов завоевания и умов, и, как следствие, территорий, ресурсов демонстрируют так называемые цветные революции. Но это лишь узкий сегмент современных информационных войн. Сохраняя общую направленность на завоевание умов противника, современная информационная оккупация подразумевает внедрение в модели поведения. Отсюда складывается единый универсальный метод ее ведения – разрушение смысла слов. Косвенным доказательством служит усиленное разрушение в традиционных культурах такого института, как традиционная семья. В информационных потоках все большую привлекательность набирает «гражданский брак», что в реалиях социальной практики кардинально меняет многие устойчивые сферы общества: от воспитания до форм личной ответственности. Примечательно, что словосочетание «гражданский брак» изначально не несет социального смысла (скорее, официальная фиксация основ семьи в ЗАГСе могла бы именоваться гражданским браком). А ведь именно семья способна сохранить и передать те смыслы слов, которыми, собственно, питается самобытность культуры и которые в этом случае можно считать истинными. Разрушив традиционную форму семьи, легче размыть смыслы. Если ребенок воспитывается двумя «мамами» или двумя «папами», которых толерантно следует называть «родителями» № 1 или № 2, то какие адекватные смыслы близлежащих слов в его словарном запасе могут быть сформированы? Но беда заключена не в лингвистическом сдвиге или словарно-языковом хаосе. Нарушены процессы социализации, которые следует рассматривать гораздо шире, чем процессы привлечения к деятельности, функционированию социума. Социализация – это преломление культуры

в субъекте и, соответственно, ответное развитие данной культуры этим же субъектом. Получается, что манипулятивные практики сегодня способны изменить сам процесс информационных войн.

Действия социализированного человека имеют многопричинное основание, которое к тому же обработано стремлениями свободной воли субъекта, поэтому последствия информационных войн сегодня трудно прогнозируемы и, как уже отмечалось, фактически становятся неконтролируемыми. Дело в том, что сама по себе сущность информационных военных действий отражает очень сложное взаимодействие человека с языком как знаковой системой, позволяющей ориентироваться в действительности. Пожалуй, наиболее остро проблему рефлексии и попыток человека освободиться из определенного языкового плена формулирует Л. Витгенштейн [Витгенштейн 2010; 2011]. В практике существования человек постоянно переносит значения слов на новый контекст, обнаруживая тем самым новый способ их использования. Протест Маркузе против «языковых игр» [Маркузе 2003], наверное, вызван не столько ощущением одностороннего подхода Л. Витгенштейна к человеку, которого последний порой действительно погружает исключительно в язык, сколько определенным признанием поражения в попытках сделать язык простым техническим инструментом.

В силу коммуникативного развития культуры сегодня явственна лингвистическая оболочка бытия человека: язык субъекта меняется под влиянием ежедневной деятельности и получаемой информации. В такой ситуации одни и те же слова родного языка способны увести собеседников в разные смысловые плоскости. И при этом каждый начинает новую «языковую игру». «Языковые игры» осуществимы только благодаря совместному использованию языка, следовательно, они детерминируют коллективные действия. Коллективные действия лежат в основе стабильности социума. Поэтому информационные войны детерминируются и оборонительными функциями культуры, направленными на сохранение ее жизнеспособности. Одновременно плотный поток информации позволяет образовывать ловушки наподобие ловушек для обезьян: протянув лапу за угощением в горлышко узкого кувшина, примат, зачерпнув корм, не может её вытащить. Но и разжать лапку животное не догадывается. Так и современный человек порой не может вырваться из плена информационных нитей. Непосредственное восприятие не отмечает малозаметных смещений смыслов. Например, в рекламе К. Собчак брэнда одежды SAVAGE основным идет

слоган: «Свобода быть собой». По-русски предполагаемый смысл мог бы быть представлен так: «Свобода быть самим собой». Всего лишь одно пропущенное слово. Но во втором варианте подсознательно заложена личностная непохожесть. А в первом – исключительно индивидуальная неповторимость, которая, к сожалению, не означает ответственности, да и необязательно предполагает некий рефлексивный смысл.

Развитие коммуникационной среды вместе с тем существенно меняет само языковое основание манипулятивных техник. Это основание сегодня чаще всего представляет собой объективацию закономерностей развития отдельных сфер духовной деятельности. Так, постмодернизм акцентирует внимание на таком явлении, характерном для литературных текстов, как интертекстуальность, и делает попытку преломить экзистенцию в этом, казалось бы, узкоспециальном явлении. И еще в истоках постмодернистского течения такой подход к анализу существования человека остается на уровне предлагаемой теоретической гипотезы или философской модели. Но неуклонный рост объема информации неизбежно приводит к видимому повторению сюжетов, идей и способов их описания. В литературе выход видится в играх с приемами написания, в том числе с процедурами заимствования. В обществе заметно снижается интерес к чтению. Нечитающий социальный субъект более внушаем. Постмодернизм предлагает заимствование «легализировать» и в компоновке текстов предлагать игру в поиске смыслов. В реалиях социальной практики ситуация гораздо сложнее. Переплетение информационных потоков создает объективную среду размывания авторства первоначальных источников информации. В этой среде теряют четкие очертания некоторые устойчивые точки аналогичных построений сюжетов (долгое время такими устойчивыми очагами в литературе, например, были Библия и творчество Шекспира). Социальный субъект начинает жить иллюзией, что он просто черпает информацию из общего информационного поля. Данная иллюзия готовит почву для последующих иллюзий. В частности, либерализм, спекулируя на свободе как родовом свойстве человека, создает миф о деидеологизации человечества, что снимает границы в информационных войнах и служит топливом для их разжигания.

В результате этих процессов происходит снижение уровня культурной грамотности. Как следствие, творчество начинает постепенно вытесняться стремлением к душевному комфорту. Диалектика «удовольствия – неудовольствия» конкретизируется в процедуре

удовольствия от узнавания чего-либо знакомого. Общая тональность подачи информации (даже негативного содержания) намеренно выдерживается в спокойных тонах (не в эмоциональном плане, а в рутинной оболочке, формирующей устойчивое восприятие всего как привычного). Информация становится местом, куда субъекту хочется возвращаться (феномен всех сериалов). Постепенно информация оказывается как бы над субъектом: она его творит, используя субъекта лишь как материальную оболочку. Продолжая мысль, можно заключить, что информация начинает порождать сама себя, ее развитие есть некий слепок существующей; и так до бесконечности. Происходит умножение сущностей, смысл размывается до неопределенности, информационная война набирает мощь, но становится неуправляемой. Она постепенно затягивает в себя все информационное пространство, снимая различия между оборонительными и наступательными действиями.

Вот здесь обнаруживается разрушительная роль манипулятивных практик. Сегодня манипуляции призваны не столько разрушить имеющиеся у человека представления и даже не столько создать желаемую модель, сколько нарушить преемственность, логичность восприятия наследия культуры. В частности, узнаваемость интертекстуальности создается ради самого процесса узнаваемости, намеренно уводя от изначального смысла привлекаемого текста. В качестве примера можно привести сюжет одного из мультипликационных фильмов студии «Мельница» – «Три богатыря на дальних берегах» (2012 г.). Фильм содержит и вербальное, и образное, и идеологическое, и литературное заимствования. Так, заговор плетут отрицательные герои, в том числе привычная Баба-яга. Ее поделник приезжает из-за границы, имитирует европейские привычки. Его принимают за немца и предлагают через царский двор ввести европейские порядки на Руси. Баба-яга заманивает богатырей в огромную бочку и закидывает их в океан. В дань современным гаджетам и технизированному сознанию Баба-яга материализует с известной картины клоны богатырей. А дальше и вовсе все смешалось: князь киевский объявлен сумасшедшим, в Киеве бал Бабы-яги, экспроприация имущества бояр, прыжки говорящего коня на башню, партизанское движение в коровнике и так далее. Литературные вкрапления на фоне чрезвычайно вольного обращения с историей страны сливаются в нечто сумбурное даже для субъекта, в полной мере владеющего культурным наследием. Для подрастающего поколения это абсолютно проходной сюжет, призванный развлечь, доставить

некоторое удовольствие. И узнавание остается на уровне узнавания фрагментов других фильмов франшизы. На этом фоне размываются критерии правдивости последующей информации, например, относительно отечественной литературы или оценки той или иной исторической эпохи развития страны. Трансформируется и ядро культуры. Баба-яга, оторванная от своих корней, превращена в эксцентричную старуху. Будучи в исконной мифологии хозяйкой иного мира, она не дотягивает даже до персонажа фильма ужасов. Теперь она – олицетворение предприимчивости (один из содержательных фрагментов информационного воздействия – косвенное насаждение английского языка, о чем уже было сказано).

Таким образом, современный социальный субъект существует в поле постоянных информационных войн, где манипуляции сознанием становятся одновременно и целью, и универсальным механизмом ведения военных действий. Манипулятивные техники сегодня существенно трансформированы, но в основе изменений всегда обнаруживают себя объективные социальные причины. Общим корнем всех причин следует считать принадлежность человека как к миру вещей, так и к миру знаков. Особое место во втором мире отводится языку, который делает доступным для человека мир в целом. Оформляя через слова природу и общество, язык становится главным орудием подчинения окружающей среды человеку. Но познание граничит с убеждением, а это выводит социального субъекта во все многообразие социальных коммуникаций. Здесь складывается определенная потребность во внушении. Современные языковые игры характеризуются намеренным размыванием изначального смысла слов. Это детерминирует фрагментарность экзистенции, потерю ориентации в коммуникационных потоках. Информационные войны приводят к поражению всех участвующих в них сторон. Ситуация настоятельно говорит о том, что в информационном поле наступает дедлайн принятия решения о способах корректной подачи информации. Только следует помнить, что дедлайн не просто определяет границу крайнего срока исполнения необходимых действий. Сам термин *deadline* родом из эпохи гражданской войны в США, когда пленных из-за нехватки охраны просто ограничивали линией на земле. А тех, кто выходил из круга, расстреливали. В эпоху тотальной информационной войны повсеместное употребление «дедлайна» представляется символичным.

В настоящее время в силу многих причин элементы манипуляции, объективно укорененные в процессах управления, выходят

за рамки особенностей человеческой психики и начинают претендовать на некий автономный статус в структуре факторов социального развития. Этот процесс происходит на фоне формирования нового коммуникативного субъекта, который изначально погружен в поликультурное поле. Динамика поликультурности и полиязычия детерминирует трансформацию языка, что с необходимостью влечет лингвистический окрас фактически всех сфер и институтов общества. Язык обретает особую значимость и трансформирует сущность информационных войн. Последние набирают мощь разрушительной силы в отношении целостности культуры, ее этнической идентичности. Слово становится суггестивным и манипулятивным механизмом. Сама манипуляция оказывается многослойной, а информационные войны сегодня, как и активные боевые действия, способны вести к захвату ресурсов, территории и т. д.

1.4. Война слов: риторика и поэтика пропаганды

В настоящее время для специалистов по современной риторике нет темы общественно более актуальной, чем пропагандистские аспекты политического дискурса. Пропаганда всегда была сутью и нервом политической речи, ее творческим мотором, ее риторико-поэтическим родником и кладезем. Средства риторического убеждения, цветы красноречия, виды пафоса – все ресурсы эмоционального и рационального воздействия развивались и накапливались в арсенале пропагандистского сектора политической логосферы, и со временем, начиная от азов политической пропаганды, разработанных Исократом [Исаева 1994], пропаганда как источник развития риторики становилась все значимей. Однако в последние годы и даже месяцы риторическая ситуация драматически изменилась. За исторически краткий период развития Интернета и общения в соцсетях – общения риторически организованного и манипулятивно управляемого – политическая пропаганда настолько расширила область своего бытования и влияния, что почти не оставила свободных от себя социальных зон.

В поле пропагандистского политического дискурса во всем мире, а не только в России оказались церковь и семья, образование

и наука, спорт, секс и развлечения. Речь и даже язык во всех сферах жизни общества оказываются подвержены этому пропагандистскому политизирующему влиянию, которое смещается из традиционной области СМИ, иррадирует и заметно трансформирует логосферу (состав и структуру словесности). Вспомним постоянные и все усиливающиеся попытки и требования «снизу» – от самих носителей русского языка – ввести в активный оборот и кодифицировать такие лексические новообразования, как *авторка*, *профессорка* и под.; писать в любых письмах и в любых случаях обращение «Вы» с прописной буквы и пр. Подчеркнем: здесь действует именно политика – противостояние, борьба и даже война «либерального мира» гомофилии, феминизации, толерантности, «гуманизации», космополитизации и т. п. с так называемым консервативным миром (миром традиционной культуры), сохраняющим традиционные и национальные ценности; политически борьба этих миров предстает сегодня как холодная война государств Запада и России. Любая ситуация, подлежащая публичному описанию и обсуждению (а перечень таких ситуаций уже не знает исключений: публично может обсуждаться все), описывается и обсуждается в модусе речевой агрессии, подспудной или открытой, направленной или рассеянной [Михальская 2013], в терминах пропаганды и с использованием всего доступного арсенала риторико-пропагандистских средств. Процессы тотальной политизации, а следовательно, «пропагандизации» социального дискурса и логосферы и делают столь актуальным изучение современной «войны слов», как называл это явление в 1917–1918 годах М.М. Пришвин: и сегодня «словесная война за мир всеобщий и демократический не закончилась, и ее постановили вести до полной победы, до полного истощения слов» [Пришвин 2004: 1].

Представляется, что особенно существенным и малоизученным аспектом названной в заголовке проблемы является риторика современной российской *государственной* политической пропаганды. Предварительные общие наблюдения и сформировавшееся на их основании впечатление приводят к гипотезе о том, что государственная политическая пропаганда в России сегодня необъяснимо слаба, т. е. риторически несовершенна, ошибочна, а следовательно, не только неэффективна, но и приводит к сугубо отрицательным последствиям (дисфункциональна). В задачи филологической (не политологической) работы, естественно, не входит объяснение сложившегося положения, но обоснование высказанной гипотезы, описание и осмысление риторических и собственно дискурсивных

(риторико-поведенческих, лингвоэтологических) причин этого явления весьма важны и интересны. Напомним в этой связи, что политическая деятельность рассматривается нами как словесная, речевая деятельность по преимуществу [Михальская 2013: 153–216].

Цель настоящей работы – охарактеризовать политический дискурс и отношения риторики и политики в России в период 2014–2018 годов и оценить эффективность действующих риторических стратегий. Можно думать, что в феврале 2014 года, с присоединением Крыма как поворотным моментом – «роковым моментом» – российской политики и политического положения, действительно начался и некий кардинально новый период политической риторики в России. К этому же времени качественный скачок произошел и в использовании социальных сетей в России, которое приобрело действительно массовый характер, что существенно изменило риторическую ситуацию публичного дискурса.

Задачи этого исследования включают в первую очередь *анализ и описание наиболее общих аспектов риторико-политического статуса российского пропагандистского дискурса*: 1) уточнение и развитие необходимой терминологии; 2) описание новой риторической ситуации (изменение типологии наиболее значимых СМИ и их целевых аудиторий); 3) выявление основных смысловых центров политического пропагандистского дискурса в России; 4) выявление и описание его риторической структуры (целей, стратегий, тактик, средств, приемов); 5) на основе 1–4 – качественная оценка эффективности описанной риторико-политической (пропагандистской) структуры.

Материалом для анализа послужили следующие источники: 1) тексты двух книг как образцов негативной и позитивной пропаганды в «ядерном» (центральном, фокусном) участке смыслового поля манипулирующего дискурса, где ключевым и персонифицированным объектом пропаганды является личность Президента России: Зыгарь М.В. «Вся кремлевская рать. Краткая история современной России» [Зыгарь 2018] – пример текста негативной («антипутинской») и «антигосударственной-антивластной») пропаганды (автор – главный редактор «протестного» канала «Дождь», работающий с Литературным агентством Галины Дурстхофф; Колесников А.И. «Путин. Человек с Ручьем» [Колесников 2018] – также изданный в исследуемый период текст «государственной», позитивной пропаганды (автор, как он сам себя называет в «Допредисловии», «кремлевский журналист»); 2) материалы новостных интернет-источников противоположной (позитивной и негативной) политической «ориентации»

(Meduza, Yandex-Dzen, Lenta.ru и др.); 3) тексты постов и комментариев социальной сети «Фейсбук».

При анализе текстов использован авторский **метод лингвосимволического анализа** текстов творческой словесности, разработанный при работе с художественными текстами [Михальская 2019] и описанный в моем вузовском учебнике «Литературное мастерство» (М.: ИНФРА-М, в печати). Этот метод легко экстраполируется на тексты СМИ и политики, PR и рекламы, т. е. любые тексты современной творческой словесности. Метод лингвосимволического анализа текста специально разработан мной для практических целей – операционального понимания стратегий, тактик, техник, приемов и средств анализа и создания текста как целостного эстетического предмета. Тексты политической пропаганды – произведения творческой словесности, так как опираются на принципы поэтики. Философ речи О. Розеншток-Хюсси выразил это еще в первой трети XX века: «Политика без поэтики несостоятельна. Пропаганда должна в точности соответствовать внутренней жизни людей, которые ею занимаются; в противном случае она не достигнет цели» [Розеншток-Хюсси 1994: 65]. Метод назван лингвосимволическим, поскольку основными единицами анализа служат символические формы, имеющие системную уровневую (иерархическую) организацию и опирающиеся на лингвистические (языковые и речевые) средства. Такой анализ легко осуществим, не требует длительного времени и обеспечивает три главные задачи: 1) понимание символической и нарративной структур текста и их лингвистических оснований; 2) использование выделенных при анализе техник художественной и вообще творческой речи в процессе собственной работы; 3) обеспечение объективных оснований для оценки текста. Герменевтический смысл лингвосимволического анализа (особенность истолкования творческого текста с его помощью) заключается в том, что он позволяет объективно (имманентно тексту), без привнесения собственных искажающих субъективных мнений и без навязывания их тексту и автору, основываясь на самом тексте и исходя только из него, обнаружить, открыть и описать смысловую (идеологическую) структуру текста, авторский замысел, идею текста во всем их многообразии, многослойности и сложности и вместе с тем – с большой долей определенности и конкретности.

Процедура анализа такова. Этап 1. Выделяются ключевые слова методом сплошной выборки с начала до конца текста. Если текст объемный, находим ключевые слова семантически сильных

позиций текста – «начала» (включая название, эпиграф, первые фразы) и «конца» – той финальной части текста, которая очевидным образом связана с началом по смыслу и часто образует вместе с ним «кольцевую структуру». Если анализ краткий, предварительный, ограничиваемся ключевыми словами «начала» и «конца». Читая текст, выбираем для анализа также важнейшие композиционные и наиболее «нагруженные» по смыслу фрагменты текста между «началом» и «концом». Обращаем особое внимание на заголовки, другие начальные элементы, первую и последнюю фразы. Этап 2. Анализируются выделенные ключевые слова как система: определяются отношения между ними. Ключевые слова отнюдь не случайны и связаны друг с другом; их смысловые связи образуют «узор», сам по себе не бессмысленный (в «хорошем», т. е. эффективном, тексте ключевые слова каждой композиционной части, взятые в последовательности, образуют настолько тесное смысловое единство, что воспринимаются как опорные слова самостоятельного краткого произведения. Этап 3. Находится архетип текста (если он достаточно ясен) и (или) системы образов-символов, образующие символически-нарративную архетипическую (мифологическую) структуру текста. Этап 4. Система ключевых слов в совокупности с мифологической или символической структурой текста используется как основа для понимания авторской идеи текста во всем ее богатстве. Формируются выводы. Этап 5. Анализируется нарративная структура текста: «голоса» в тексте (отношения автор/читатель; источник(и)); система героев и основных персонажей; хронотоп и его изменения; фабула и сюжетно-композиционные особенности; особенности архитектоники. В нашем кратком и весьма общем исследовании для понимания целей автора, идеологического контента и оценки произведения можно ограничиться анализом «начал» сопоставляемых крупных текстов (например, названных выше двух книг о президенте).

Итак, в первую очередь обратимся к некоторым основным для нашей работы **терминам** и соответствующим понятиям (категориям), означаемое которых претерпело в рассматриваемый период существенные изменения.

Отношения политической риторики как научной дисциплины и практической пропаганды как деятельности, нередко дилетантской, начинаются (а часто и заканчиваются) терминологической неопределенностью, регулярно вносимой в сетку научных (общериторических и частнориторических, здесь политико-риторических)

понятий со стороны научно-популярных (преимущественно имеющих реферативный характер, адресованных массовой аудитории и не прошедших никакой научной апробации) и вовсе не научных публикаций. К подобным работам, получившим широкое распространение и давно укорененным именно как научные источники в массовом сознании, относятся прежде всего публикации, появившиеся в период перестройки («Имиджелогия» и другие работы Г. Почепцова, «Манипуляция сознанием» С. Кара-Мурзы и пр.). Ничуть не умаляя их научно-популярного значения, отметим все же, что как научный, методологически и методически серьезный источник терминов, понятий и обобщений публицистические работы рассматриваться вряд ли могут, хотя широко цитируются и, по-видимому, каким-то образом используются в практике пропаганды и PR. Этот «пропагандистский шум» сам по себе является средством пропагандистского манипулирующего воздействия, а вследствие некоторых социальных (и особенно образовательных) процессов последних лет его значение стало особенно существенным (см. ниже об изменении риторической ситуации).

Обратившись к ключевому понятию нашей проблемы – «пропаганда» – и проанализировав значение соответствующего термина из наличных основных академических источников [Философская энциклопедия 1960–70; Философия: Энциклопедический словарь 2004; Философский энциклопедический словарь 1983], приходится уточнить его на следующих основаниях.

1. Одно из заметных изменений публичной риторической ситуации (подробнее о ней далее) состоит в *тотальной политизации публичного дискурса* – придании политического значения *любой* распространяемой с помощью СМИ (включая Интернет) информации в период «новой холодной войны», как принято называть время с февраля-марта 2014 года. Таким образом, принятое прежде деление пропаганды на политическую и прочую (пропаганду в широком и узком смысле слова) практически утрачивает смысл.

2. В современной риторической ситуации распространяются не столько популяризированные (упрощенные и разъясненные) идеи, сколько совсем иные сущности – *символически воплощающие* эти идеи нарративы, мифы, мемы (фрагменты мифов и имиджей, «включающие» в сознании адресата соответствующие ассоциативные, эмоциональные и оценочные поля и так восстанавливающие полные картины мифов/нарративов, как это делают и простые символы [Мамардашвили, Пятигорский 2010]), а также отдельные

образы и их морфы. Распространяются также фактоиды различного рода – от фактоидов *de dicto* («сказанное с чужих слов») до неверных результатов неполной индукции (фактоиды второго рода: результаты статистических процедур – рейтингов, соцопросов, даже плебисцитов) и, наконец, ложных фактов (фактоиды третьего рода).

3. *Манипулирующий характер* пропаганды как особой политической риторической деятельности приобретает решающее значение: дезинформация адресата и сокрытие от него подлинных целей источника информации (будем говорить далее – «автора») стали не только привычными, но и приемлемыми, уже не вызывают удивления и осуждения.

4. Общество как массовый адресат в своей неутолимой жажде «информации» продолжает обращаться к источникам, неоднократно и полностью себя скомпрометировавшим, все с тем же доверием-недоверием, что и к любому другому «автору». Этот феномен заслуживает специального определения: назовем это *парадоксом доверия* адресата и будем использовать далее при характеристике сложившейся риторической ситуации. *Парадокс доверия* реально проявляется в том, что адресат «не верит» получаемому сообщению, однако оно все равно определяет его картину мира, существуя в глубине сознания, как если бы он ему верил. Так, большинство опрошенных российских адресатов «не верят» тому, что семья Скрипалей была отравлена ядом «Новичок», но это сообщение повторялось в российской же пропаганде столько раз и на протяжении столь долгого времени, что стало как бы «фактом» – фактоидом четвертого рода (фактоиды четвертого рода до сих пор не описаны).

5. Соответствующее свойство «новой» пропаганды назовем *парадоксом Горгия*, софиста, демонстративно убеждавшего своих учеников в некоем тезисе, чтобы тут же после его принятия убедить их принять обратное утверждение. Крайний методологический релятивизм такого шоу-манипулирования («показательного манипулирования»), его «демонстративно закрытый», прямо «демонический» характер – неотъемлемый принцип и признак современной политикориторической деятельности.

6. Пропаганда в современном мире приобретает значение и функции важнейшего, *практически единственного инструмента управления* массами путем воздействия не только и не столько на их сознание, сколько на *эмоциональную, интуитивно-бессознательную* сферу человека. Процесс, начавшийся с распространением в 20-е годы XX века радио и особенно – после Второй мировой войны – телевидения,

дошел до своей крайней точки в мире Интернета и социальных сетей. Потому различие феноменов «манипуляции массовым сознанием» и собственно «пропаганды» (на котором до сих пор настаивают некоторые источники, например Википедия) уже практически неактуально, незначимо.

7. Наконец, в отличие от мобилизующей функции пропаганды как ее главной и единственной задачи, основной функцией современной пропаганды является *иммобилизация* – удержание от действия, стабилизация выгодного «автору» (власти, государству) наличного состояния общества с помощью таких результирующих психических и социальных состояний, как *фрустрация*, *депрессия*, *эскепизм* (уход от действительности). Создание и распространение их в обществе – также задача и функция пропаганды, дополняющей и облегчающей функцию управления. Смысл стратегии иммобилизации состоит в том, что «верхи», скрываясь в туманных облаках горних высей, предпочитают, как правило, разрешать назревшие задачи смены власти самостоятельно, вовсе не нуждаясь в активности масс, которая легко может выйти из-под контроля; стимуляция активности населения (с использованием стратегии мобилизации) тоже происходит, но в строго заданных границах и только в «декоративных», демонстративных целях (что можно квалифицировать и как нетехнический аргумент «демонстрация»: вспомним значение этого слова в контексте советского периода и массовые митинги в Москве в августе 1991 года).

Итак, выделив семь основных характерных свойств «новой» пропаганды, будем понимать под термином **«пропаганда»** *современную политико-риторическую деятельность, организуемую государством (властью) и используемую в целях управления (манипулирования) поведением масс с помощью символического воздействия на эмоционально-оценочную сферу и картину мира массового адресата.*

Говоря о символическом воздействии, мы имеем в виду символический характер современного публичного дискурса как обмена не столько речевыми или языковыми, сколько символическими формами (символические слова – образы и их морфы – имиджи – мифы как структуры и нарративы) [Михальская 2013: 263–281].

Связанный с термином «пропаганда» термин *«контрпропаганда»* также заметно изменяет значение в связи с эволюцией реалий пропагандистской войны. Прежде естественно связанные как «pro и contra», пропаганда и контрпропаганда в современной ситуации

обнаруживают иные отношения. «Контрпропаганда» (как ответ-опровержение распространяемой пропагандистской информации) в новых условиях настолько же неэффективна, насколько ответ типа «сам дурак» в непродуктивном «споре», и того хуже – как оправдание ягненка перед волком у ручья. Действенной является только активная пропаганда; контрпропаганда, сохраняясь как явление, теряет свое значение. Более того, софизм «диверсия» (полная смена тезиса) как тактический прием перехода в наступление (при создании собственных информационно-пропагандистских поводов) в отечественной политической риторике используется драматически недостаточно. Вместо того чтобы найти собственные инфоповоды и отвлечь наконец внимание массового адресата от того, была или не была произведена газовая атака в Сирии, послужившая поводом к ракетному удару 14 апреля 2018 года, или кто и с помощью какого вещества отравил отца и дочь Скрипалей, – эти не имеющие доказательного ответа вопросы муссируются месяцами российской контрпропагандой с непрестанных подач пропаганды западной. Дело доходит до демонстрации так называемых нетехнических аргументов, неких свидетелей-жертв в Совете Безопасности ООН. Для чего? В чем цель? Именно это – преобладание пассивной контрпропаганды над активной пропагандой – один из существеннейших недостатков отечественной политико-риторической деятельности. Вместо «смены тезиса», даже его «подмены» в сочетании с приемом «замалчивание» (удаление темы из публичного дискурса) и перехода в наступление мы наблюдаем утомительное для нашей массовой аудитории, унижительное для нее, бесперспективное препирательство на основных телеканалах и в Интернете, обнаруживающее только одно: справедливость поправа, ложь торжествует. Эффект: дисфункция (раздражение, уныние, рост агрессии всех типов у аудитории). О тактике контрпропаганды, ее недостатках и способах их преодоления, совершенно очевидных для специалистов по общей и политической риторике, говорится в исследованиях Дж. Лакоффа (понятие смены фрейма, соответствующее древнему, как мир европейской культуры, понятию подмены тезиса) и в работах политпсихолога Д. Уэстена, других американских специалистов по проблемам пропаганды, которые реферирует Г. Почепцов в журнале «Коммуникации» [Почепцов 2016].

Итак, о контрпропаганде (в значении термина «опровержение» или «противодействие» пропаганде) в период обострения политической конфронтации вплоть до холодной войны и, соответственно,

усиления интенсивности так называемых информационных войн вряд ли стоит говорить особо вследствие ее недостаточности как проявления пассивной позиции и ее дисфункциональности. Наиболее общее и значимое понятие и соответствующий термин (категория) нашего исследования – *пропаганда* (в определенном выше значении термина). Представляется гораздо более целесообразным и необходимым ввести понятия и термины *«позитивная»* и *«негативная» пропаганда*, соответствующие созданию с помощью символических средств позитивных и негативных образов и других символических форм. Это оправдано не только исследовательскими задачами, операционально, но и опирается на классику риторической традиции (теория «хвалы» и «хулы» у Аристотеля («Риторика») [Аристотель 1978: 43–48] и теорию создания образа врага и образа добродетельного мужа и героического правителя у Исократа [Исаева 1994]. Сравнив их еще в классическом античном риторическом наследии, можно убедиться в том, что *тактики, приемы и средства позитивной и негативной пропаганды различны и образуют симметричные, во многом изоморфные, комплементарные, но самостоятельные системы. Сказанное сохраняет актуальность сегодня и, по-видимому, исторически универсально.*

Что же представляет собой современная политико-риторическая ситуация (ПРС) в России?

Отличительная ее особенность – *постоянные и кардинальные очень быстрые изменения при кажущейся неизменности.* Может показаться, что, как и прежде, главные участники ПРС – власть (государство) с одной важнейшей целью – благо государства и народа (аудитории); силы, противостоящие власти, цели которых в политическом дискурсе противоположны целям власти; массовая аудитория, неоднородная по составу, социально структурированная; СМИ различных типов со своими интересами (включая Интернет, кино и «творческий» сектор телевидения, реализующий телесериалы и подобные проекты); «художественно-символическую» систему пропаганды реализует также творческая словесность (литературная беллетристика и литература), театр. Значимый элемент структуры ситуации – определяющийся политическим процессом контент и стратегии его передачи.

Однако сказать все это – значит ничего не сказать. Все дело в изменении внутренней структуры каждого из перечисленных основных компонентов структуры ПРС по сравнению с предыдущим этапом пропаганды.

Государство (власть) в значительно большей степени, чем прежде, в предыдущий период, участвует в дискурсе со скрытыми от аудитории, различными (даже противоречивыми) и меняющимися целями. Более того, материал создает впечатление, что «заказчик» именно позитивной госпропаганды нарочито создает и поддерживает на высоком уровне «парадокс доверия» массовой аудитории, формируя впечатление неустойчивости, относительности, недостоверности, противоречивости и целей, и передаваемого контента: он сам же «разубеждает» адресата, не успев его «убедить». Для этого «голос власти» в ПРС «раскладывается» на множество голосов. Перечислим их основные типы. Это (1) голоса «официальных» новостных программ в Интернете (yandex.ru и связанные с ним (отобранные им) источники, попадающие в первые строки yandex, – РИА Новости, ТАСС, RBK, zen, lenta (совершившая в последние дни крутой вираж со сменой своего руководства) и пр. (заметим, что собственно новостных (информационных) источников в российской риторической ситуации не существует, как это было и в СССР, как продолжалось и всю постсоветскую историю и как это становится особенно очевидным во все кризисные информационные периоды, например в апреле 2018 года, во время «сирийского ракетного кризиса»); это также голоса пропагандистов – политиков якобы различных партий и взглядов, давно выполняющих эту роль в СМИ (телевидение, Интернет) (В. Жириновский, призванный демонстрировать маргинальные позиции левобуржуазного толка, однако выполняющий издавна совсем иную роль метателя «пробного шара» в «непопулярной» или сомнительной проблематике власти; С. Миронов («центр»), И. Хакамада и пр. (либеральная позиция); голоса постоянных ведущих монологических регулярных программ в сетке вещания основных каналов (В. Соловьев, А. Пушков и др.); голоса «непотопляемых» журналистов и «вечных» публичных фигур (В. Познер, М. Швыдкой и пр.); голоса ведущих диалогические регулярные политические ток-шоу.

В политическом дискурсе постоянно слышны и (2) голоса «оппозиции» и «Запада» (Svoboda (олицетворяющая сам «Запад»), Meduza, Dozhd, «Эхо Москвы» – голоса «либерального» направления в РФ, адресованные одни – молодежи, другие – старшей аудитории; почти совсем выпавший к настоящему времени из дискурса как отдельный участник голос «коммунистов», разделенный соответственно расчлененным «политическим силам» коммунистического направления («Коммунисты России» и КПРФ, разделенная далее с появлением фигуры П. Грудинина).

Это и (3) голоса так называемых экспертов, т. е. на самом деле не столько профессионалов в том или ином вопросе или области проблем, сколько в области создания пропагандистских текстов.

Отдельные две группы голосов в политико-риторическом дискурсе (ПРД) создают силы, ранее в нем как постоянные, открытые и профессиональные пропагандисты не участвовавшие: (4) РПЦ со своими телеканалами и интернет-источниками и (5) те, кого в СССР называли «деятели культуры и искусства», сегодня ставшие пропагандистами-профессионалами (Н. Михалков, Э. Лимонов, З. Прилепин, Д. Быков, М. Ефремов и мн. др.). Например, заголовок в СМИ может выглядеть так: *Захар Прилепин опубликовал ответ Эдуарда Лимонова Вахтангу Кикабидзе* (dzen.yandex.ru 21.06.2018: 1). «Особый дискурс» «деятелей культуры» и самих их произведений («жизненных текстов» – их биографий – и их произведений – сериалов, фильмов, «романов») (а на самом деле – политически ангажированной публицистики) течет в *pendant* «основному» политико-риторическому дискурсу.

Отчетливо слышны и выполняют собственную, особую функцию и (6) такие голоса ПРД, что принадлежат некогда «просто девушкам» – «светской львице», модели некоторых иллюстрированных глянцевого журналов, как представляли Ксению Собчак в эпоху перестройки и ее юности, а ныне – «журналисту», недавно – кандидату в Президенты России, профессиональному пропагандисту; или, скажем, юристу, затем политику, члену Государственной думы – Наталье Поклонской. Подавляющее большинство голосов пропагандистского дискурса образуют вовсе не диссонанс, как это казалось до исследуемого периода, а управляемый единый хор, столкновения в котором – лишь контрапункты общей гармонии. Характерен в этом смысле сам факт и текст интервью, взятого Д. Быковым у К. Собчак, – текст, внимательное прочтение которого обнаруживает не просто единство их голосов в общем хоре политической жизни, но и, что самое главное, тесное единство этих «либеральных» голосов с голосом власти [Быков 2017] (также см. лекцию Дм. Быкова «Ксения Собчак как героиня русской литературы» [Быков 2018]).

Важнейшие коллективные участники ПРД – (7) социальные сети, сегодня с сетью «Фейсбук» в ведущей роли. Анализируя тексты комментариев граждан в соцсетях, можно убедиться в том, насколько легко управляемы и, соответственно, предсказуемы реакции массового адресата на «вбросы» и троллинг, насколько четко канализованы эти реакции и, самое важное, насколько легко осуществимы стратегии иммобилизации и мобилизации общественного мнения

в случаях необходимости таковых для сохранения или изменения политического статус-кво (о риторических стратегиях мобилизации и иммобилизации см. [Михальская 2013: 161–174]).

Наконец, (8) опорными участниками политико-риторической ситуации являются те, кто персонифицирует государственную власть, и в первую очередь Президент и Премьер-министр России. Уже к выборам президента в 1996 году сложилась «странная», парадоксальная ПРС, в которой фигура действующего президента (как, впрочем, и В.В. Жириновского, также кандидата на этот пост) приобрела карнавальный, смеховой характер (о речевом поведении основных кандидатов на этих выборах см. [Михальская 2019]). В дальнейшем карнавальная стихия в публичной речи руководителей России заняла устойчивые позиции и стала традицией. До сих пор в Интернете сохраняются «черномырдизмы» – невольные афоризмы премьер-министра; целая система мемов связана с имиджем и публичными выступлениями Д.А. Медведева. С середины 1990-х годов «лицо власти», как двуликий Янус, непременно имеет оборотную сторону, для создания которой используется широкий набор средств комического. Будучи политически тесно связанными, президент и премьер-министр, да еще меняющиеся местами точно так, как это описано для структуры смеховой культуры Средневековья в известном исследовании М.М. Бахтина (инверсия позиций короля и шута), неразрывны и как два лица одного имиджа, как два голоса, исполняющие одну вокальную партию. И эта исключительно интересная особенность ПРС России также работает на стратегию иммобилизации общества (см. ниже), функционируя как ее сильнейшая риторическая тактика: ничто не может восприниматься в такой ситуации массовым адресатом ни как полностью истинное, ни как серьезное, ни даже как реальное, если выступления премьер-министра, глав политических партий (В. Жириновский), других властных и публичных персон осуществляются как трагикомическое шоу (в модели стендапа) и воспринимаются именно как таковые.

Можно думать, что такая система участников ПРС обеспечивает успех реализации обеих стратегий – и иммобилизации, и мобилизации общества – в соответствии с политической необходимостью, однако стратегия иммобилизации, безусловно, давно и устойчиво преобладает. Основа всей системы средств осуществления стратегий, но прежде всего, конечно, иммобилизации – множественность участников и источников пропаганды, неопределенность отношений

между ними, неясность их реальных и даже демонстрируемых целей. Главное для успеха стратегии иммобилизации – этический, политический и онтологический (истинностный) *релятивизм* порождаемых различными «голосами» ПРД текстов, представляющих политическую действительность.

В целом, число активных участников политического дискурса настолько велико, насколько это возможно и необходимо для дезориентации любого гражданина, захотевшего бы «разобраться» в политической ситуации и позиции в ней государства и его противников. Реальных серьезных пропагандистских «противников» государства и власти в структуре ПРД не обнаружено, несмотря на крайний, категорически-оценочный, противоречащий характер подавляющего большинства текстов: государство как власть постоянно пропагандистски «топит» само себя. Можно предположить, что такая *по видимости* диффузная, неструктурированная, хаотическая организация всей политической логосферы и такие противоречивые представления политической и социальной реальности (в том числе властных структур, фигур, их деятельности) в текстах пропаганды необходимы для успешного манипулирования общественным сознанием: в последнем при этом не успевает закрепиться устойчивого образа ни одного политика, ни одного политического института как безусловно положительного или отрицательного – оценки в разных источниках и даже в одном источнике противоречат друг другу и сменяют друг друга с соответствующей (необходимой для легкого манипулирования) скоростью.

Монополизм государственной информационной системы (минимализация числа *реальных участников* риторической ситуации) при увеличении *множественности источников* пропаганды усиливался в исследуемом периоде постоянно, а в последние месяцы стал особенно очевидным. Этот процесс описывают и сами журналисты: *Пока мы сидели и спали, наши СМИ захватил Яндекс. Все издания работают на то, чтобы удовлетворить запросы Яндекса, попасть в ветку новостей, которые выбрал по таинственному алгоритму некий робот. Издания потеряли редактора, потеряли независимость мышления. Единственный редактор – это робот Яндекса, который отливает трафика за статьи про... (неценз.). Индивидуальность изданий теряется. Они становятся придатком Яндекса, курс которого – максимальное обезличивание и цензура. Нелояльным изданиям поисковик не даст трафика. Короче, Яндекс – бесит!* (Е. Коробкова, кор. «Комсомольской правды»: пост ФБ 11.07.2018).

Массовый адресат как коллективный участник ПРС создателями пропагандистских текстов дифференцируется практически только по возрасту: «молодые» и «старые» («пенсионеры» – те, кто помнит реалии СССР, события и лица 35-летнего периода перестройки). Первые по значимости далеко впереди, и именно им адресована профессиональная работа «негативной» пропаганды и продвинутые СМИ (Интернет, кино). Телевидение, радио, печатная пресса – удел «пенсионеров», массового адресата «позитивной» пропаганды. Именно «молодым» (не знающим реалий и персоналий) адресована активизирующаяся в последнее время пропагандистская кампания по переписыванию истории перестройки, начатая систематически и основательно книгами М. Зыгаря, одну (первую) из которых мы использовали как материал исследования. К этому подключается кино. Анонсированный фильм «Дело Собчака», показанный в июне 2018 года на закрытом просмотре в Сколково, – «рассказ» дочери Анатолия Собчака Ксении о своем отце – «интеллигенте-новаторе», окруженном современными действующими лицами российской политики, знаменует начало создания новой мифологии перестройки с ее героями (они же и сегодня крупнейшие политики России) и «врагами» (в нарративе фильма не персонифицированными, а обобщенно и расплывчато названными «коммунистически настроенные люди», «правительство»; важнейший персонифицированный «враг» – охранник Ельцина А. Коржаков); в фильме, как и в книге М. Зыгаря, смысловым центром является миф о В. Путине, его эволюции – «перерождении», «повороте на 180 градусов». Персонифицированы и героизированы члены семьи Б. Ельцина, его ближайшее окружение, кроме, конечно, Б. Березовского. В фильме, как и в книге М. Зыгаря, использованы современные нарративные технологии. Опрос аудитории показал, что фильм соответствует своей пропагандистской задаче: 30-летние зрители принимают его очень хорошо, вполне доверяя нарративу и «рассказчику», 40-летние – всего лишь недоумевают.

Контент – смысловое содержание пропагандистских текстов – особый элемент структуры описываемой риторической ситуации. В исследуемых материалах обнаружено три основных смысловых центра, презентации которых во всех видах и жанрах пропагандистских текстов уделяется преимущественное внимание и место. Это: 1) *персонифицированная верховная власть* – личность Президента РФ (все события освещаются с его участием либо значимым неучастием; пропагандистский дискурс в этом аспекте

крайне последователен, и даже недовольные работой «Аэрофлота» получают письменные инструкции направить текст своей претензии лично Президенту РФ); образец нарративной негативной пропаганды для «молодой» аудитории – книга М. Зыгаря; 2) *Россия и ее имидж* (структурированный как сложная имиджевая система из следующих основных имиджевых элементов: русский (не российский!) народ (национальный характер, роль в истории, условия жизни, персоналии (не только русские, но и российские); история Руси и России; Россия как страна (природа, территория, климат, культура и пр.). Образец нарративной негативной пропаганды, адресованной «молодой» аудитории – «роман» Д. Быкова «Ж/Д»; 3) образ будущего – в противовес образу прошлого, крайне плохо и мало разработанный в публицистике (в отличие от советской пропаганды с ее образом коммунизма, представленного во всех пропагандистских текстах и даже в некоторых специально посвященных ему текстах, например, в особых разделах Программ КПСС, «Моральном кодексе строителя коммунизма» и др.). Такие тексты, как серия «Метро 2033» / «Метро 2034» / «Метро 2035» Дм. Глуховского (антиутопия, фэнтези), надо отметить, играют существенную пропагандистскую роль для юной и молодой аудитории (читать их начинают со средней школы) и вполне соответствуют общей стратегии иммобилизации массовой аудитории. *Важно, что современные нарративные технологии пропаганды используются именно для «молодого» адресата и именно негативной пропагандой; позитивная же пропаганда адресована в основном «пенсионерам» и технологически (риторически) заметно уступает негативной.*

Описание современной риторической ситуации должно включать и изменения в *способах представления контента*, и прежде всего – в *стратегиях риторической аргументации* в исследуемый период. Главное в изменении способов представления и убеждающей аргументации выражено в слове «постправда». Это слово и соответствующий феномен отмечают новый этап истории риторической ситуации и всей риторической парадигмы в странах Запада, наступивший во втором десятилетии XXI века как следствие изменения идеологической системы и системы образования в культурах европейского круга. Полный онтологический релятивизм, отрицание положительного знания, укоренение представлений о науке как некоем шаманстве – тенденции, отмеченные Умберто Эко еще в работе «Средние века уже начались» [Эко 2018]; мракобесие «нового Средневековья» к исследуемому здесь периоду достигло

такой степени, что оксфордские лексикографы назвали post-truth самым популярным английским «словом 2016 года». «Понятие “post-truth”... обозначает обстоятельства, при которых объективные факты оказываются менее значительными для формирования общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям» [Эйдельман 2018: 1]. Произошло изменение всей стратегии публичной аргументации: баланс рационального и иррационального в ней сдвинулся в сторону последнего настолько, что никаких рациональных аргументов, в том числе фактов, уже не требуется – достаточно лишь фактоидов 1–3 типов (см. выше и [Михальская 2019]). Пропагандистские тексты современного российского ПР-дискурса как в своей позитивной, так и в негативной ипостаси используют феномен «постправды» как наиболее действенный инструмент манипулирования массовым сознанием. Так, весь текст книги М. Зыгаря «Вся кремлевская рать» – сложный нарратив-миф, созданный на полностью бездоказательных и произвольных основаниях (поскольку я сама была знакома и имела беседы с некоторыми персонажами его повествования, о достоверности той части событий, которая мне известна, могу судить и самостоятельно). Показательно, что и сам автор в Предисловии прямо говорит о шаткости оснований своей «истории России»: указывая на *интервью* как *основной* материал своей книги (помимо «документов», происхождение которых не названо, и столь же неопределенных «открытых источников»), он пишет: «...оказалось, что участники событий никогда не помнят, что случилось на самом деле. Каждый конструирует воспоминания так, чтобы выглядеть в них пристойно, героически и, главное, чтобы быть всегда правым. За годы работы я проинтервьюировал несколько десятков человек из ближайшего окружения Владимира Путина: сотрудников администрации президента, членов правительства, депутатов Государственной думы, предпринимателей из списка Forbes и зарубежных политиков. Почти каждый из них рассказывал свою историю, которая иногда не пересекалась с историями других персонажей. Герои часто забывали факты, путали время и даже не могли вспомнить свои собственные поступки и слова. Как правило, они просили на них не ссылаться. Впрочем, мне удалось опросить такое количество участников, что картина получилась достаточно ясной» [Зыгарь 2018: 5]. Любой разумный человек, получивший обычное школьное, а тем более вузовское образование в СССР, поймет, что дальше читать не стоит, если только не воспринимать книгу как политический триллер. Но не современный читатель поколения

30-летних, на которого и рассчитан текст. Забавно, что в целом пропагандистская работа выполнена на высоком современном уровне (использованы нарративные технологии, проявлено внимание к мелочам – даже издательство, выпустившее книгу, неслучайно названо «Интеллектуальная литература». Тот, кто берет книгу в руки, покупает ее, с удовольствием причисляя себя к интеллектуалам (аргумент «похвала адресату», *exortatio*).

Не совсем таковы по качеству, как в книге Зыгаря, аргументы «экспертов» – пропагандистов, работающих в области позитивной пропаганды: в ход идут исключительно эмоциональные аргументы в широком спектре от похвалы адресату (положительных оценок автором предполагаемого поведения адресата и особенно его гуманности) через внушение ему необоснованных надежд (используется миф о «*таинственном оружии*» Кремля, «*предсказания Ванги*» и пр.) до угрозы немедленного начала ядерной войны. При этом фактоиды 1–3 рода используются в *позитивной* пропаганде настолько пренебрежительно-неумело, что это вызывает удивление (см., например, операции с цифрами – показателями рейтинга президента и правительства и объяснения причин их снижения после роста цен на бензин и начала обсуждения темы о пенсионной реформе в публикациях *tass.ru* 22–23.06.2018). Однако удивление длится ровно до тех пор, пока не становится ясно, что цели *позитивной* пропаганды в современном российском ПР-дискурсе совпадают с целями пропаганды *негативной*, а различия между ними – *важнейшая пропагандистская тактика* (о том, каковы эти цели, мы сказали, характеризуя наличную риторическую ситуацию). Эта небрежность, реальное невнимание к адресату и незаинтересованность в его реакции объясняет и странное название позитивно-пропагандистской книги А. Колесникова о В. Путине [Колесников 2018] – «Путин. Человек с Ручьем» (кстати, тот же прием – семантическая аппликация, наложение трансформированного текстового мема на прецедентный текст с «включением» соответствующего ассоциативного поля – использован и в названии книги М. Зыгаря «*Вся президентская рать*»). «Человек с Ручьем» А. Колесникова – «Человек с рублем» М. Ходорковского и Б. Невзлина (некогда активных политических противников президента), «Человек с ружьем» М. Погодина – название пьесы, которую из молодых людей никто не читал, не видел и не помнит, – странный ряд и странный выбор, не так ли? Название «*Вся президентская рать*» Зыгаря для молодого сектора массовой аудитории тоже звучит как совершенно новое, однако вполне

приемлемое, привлекательное, в отличие от вовсе непонятного и даже двусмысленного «Ручья», но и оно восходит к известному политическому роману-бестселлеру Р. Пенн Уоррена «Вся королевская рать» (1946 г.), однако, по крайней мере, оживленному как мем тремя фильмами, последний из которых появился в 2006 году.

Книга А. Колесникова о Путине, если сравнивать ее с текстом Зыгаря, написана необъяснимо неумело. Вот, например, ее начало. Как и у М. Зыгаря, это некая авторская самопрезентация, однако если «враждебный» Путину Зыгарь вплетает ее в текст исподволь, то Колесников в начале, претенциозно и вычурно названном «Допредисловие», похоже, вовсе забывает о том, чью, собственно, биографию он пишет: «В первую свою командировку с Путиным я вообще-то выехал без Путина. Я тогда не работал в кремлевском пуле. Мы написали тогда с Натальей Геворкян и Натальей Тимаковой книжку “От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным”. И я тогда занимался таким эпическим жанром в журналистике, который главный редактор «Коммерсанта» Андрей Васильев называл «путевыми заметками». И, честно говоря, ни о чем таком даже не помышлял – работать в кремлевском пуле.

Мне казалось (самонадеянно, конечно), что после такого времени, проведенного с Владимиром Путиным чуть ли не наедине, да еще после ночных разговоров, стать просто одним из журналистов кремлевского пула – это как-то несерьезно, что ли. И я, честно говоря, после книжки с облегчением вернулся к тем занятиям, которые у меня были до этого. Я писал большие очерки, репортажи размером в полосу-полторы про русский характер. Были у меня заметки о том, например, почему наши люди – те же рыбаки – так бескомпромиссно, прямо в полынью зимой шагают за корюшкой в Финском заливе или едут на своих внедорожниках считай что в воду – подалее, на километр-два от берега, понимая, что даже если они проврутся туда, вглубь Финского залива, то обратно днем, когда уже все подтает, они уже точно не вернутся никогда» [Колесников 2018: 1]. Посчитаем, сколько здесь «я», и подумаем, кому удастся прорваться сквозь подобный пассаж начала, жизнерадостно оканчивающийся словами «уже точно не вернутся никогда».

В любом тексте позитивной пропаганды обнаруживается слишком много дисфункциональных ошибок (ведущих к последствиям, противоположным целям пропаганды) на всех уровнях дискурса как потока речевого поведения – от акустики до текста, его построения и объема. Нельзя не сказать хотя бы о неприемлемом акустическом

и этикетном поведении участников политических ток-шоу на главных каналах ТВ, невыносимом тембре и агрессивном интонировании у В. Соловьева и большинства других ведущих и вообще о зашкаливающем уровне речевой агрессии и угрозы (аргументы страха – палочные аргументы разных степеней силы). Не желая этого, в объективной работе все же невозможно не привести примера из обращения Патриарха к Госдуме 26.01.2018 (телеканал «Спас»): «Ваши заслуги не будут забыты. Все они войдут в те личные дела, с которыми каждый из вас пойдет на суд Божий».

Совершенно недопустимы в позитивно-пропагандистских, связанных с Яндексом (Yandex.Zen) источниках такие высказывания о России и русском народе, которые легко встретить ежедневно. Например, в тексте интернет-источника Sputnik, приводимого Zen: «Почему российский президент Владимир Путин не сможет спасти от притеснений русскоязычных жителей Латвии, рассказал политолог и журналист Армен Гаспарян. РИГА, 9 июня – Sputnik. Политолог и журналист Армен Гаспарян в еженедельном обзоре событий стран ближнего зарубежья и Балтии для радио Sputnik рассказал, почему Путин не может напрямую изменить ситуацию с ущемлением прав русских в Латвии. “Вечная история – защита интересов русскоязычного населения. Триста тысяч русских в республике. Недавно прошли митинги в защиту русских школ. По официальной статистике, в них приняли участие 3 тысячи человек, по неофициальной – 8 тысяч. Даже если взять самую пиковую отметку – 8 тысяч, то где же остальные 292 тысячи? Получается, что их вытолкнули из политической и общественной жизни и их это устраивает. Так почему этот вопрос должен решать Путин?” – поинтересовался Гаспарян... Русские маргиналы в Латвии. Эти 8 тысяч человек, принимавших участие в митингах, можно спокойно отнести к маргинальному кластеру общества, что тоже будет вполне оправданно, считает Гаспарян, поскольку всенародных протестов в Латвии пока не наблюдается». Как видим, в высказывании «политолога и журналиста» активное меньшинство протестующих против закрытия русских школ в Латвии названо «русскими маргиналами», а остальные русские обвиняются в пассивности. Позиция «эксперта» нелогична и сомнительна, а процитированное высказывание оскорбительно. Однако текст тиражируется в новостных строках Яндекса.

Главный же недостаток (если не сказать порок) позитивной пропаганды в современном ПРД (кроме полного отсутствия образа будущего страны и ее народа и постоянной обращенности

в прошлое) – это то, что символический характер ПР-дискурса и необходимая для его эффективности системная, иерархическая, строго выстроенная структура полностью игнорируется: ни адекватных ключевых слов – лозунговых, символических, аттрактантов/репеллентов [Михальская 2013: 263–281], ни образов, ни их вариантов-морф, ни мифов (мифов-структур и мифов-нарративов) – ничего того, что составляет силу эффективной негативной пропаганды, в позитивной практически нет (несмотря на название «Нарратив» у одного из интернет-источников от Yandex).

Итак, о наиболее актуальной сегодня для российского общества позитивной пропаганде и ее стратегии можно заключить следующее.

Доминирующая в позитивной области современного российского политико-риторического дискурса стратегия сформирована неверно по всем основным стратегическим показателям:

- 1) ориентирована на прошлое, а не на будущее;
- 2) не сбалансирована по соотношению рациональных и эмоциональных аргументов в пользу последних («постправды»);
- 3) ориентирована в основном на презентацию внешней политики (понимаемой как возвращение прежнего статуса и имиджа страны, а не создание нового) в ущерб вниманию к политике внутренней; это находит в текстах пропаганды эксплицитное выражение в виде полного пренебрежения и презрения к интересам российского народа: это антинародная и прежде всего антирусская пропаганда, что сближает позитивную пропаганду с негативной вплоть до исчезновения различий между ними по эффективности и результатам; таким образом, принятая стратегия позитивной пропаганды не структурирована соответственно основной операциональной (важной для достижения целей) структуре целевой аудитории;
- 4) ориентирована на пассивную оборону, а не на активное наступление;
- 5) пренебрегает сущностью политического дискурса как процесса создания и обмена символическими формами (образами, мифами, нарративами), т. е. процесса творческого, поэтического;
- 6) не учитывает национально-культурную специфику массовой аудитории, в которой большая часть представлена русским народом – носителем собственного самосознания, национальной идеи и своеобразного риторического идеала;
- 7) большинство риториков-политиков не имеют *адекватных своим задачам* образов-имиджей и соответствующих этим образам текстов, лозунгов, мемов-высказываний;

8) стратегия позитивной пропаганды либо не является единой продуманной системой (настолько она хаотична и противоречива), либо позитивная и негативная пропаганда преследуют одну и ту же цель;

9) структура риторической ситуации не сбалансирована по отношениям ее участников: речевое поведение и тексты демонстрируют субъект-объектную модель коммуникации (однаправленное отношение ритор – адресат), что не привлекает и не убеждает, но раздражает аудиторию, а нередко (и все чаще) является для нее прямо оскорбительным.

В заключение с сожалением замечу, что многие авторы и редакторы текстов современного российского политико-риторического дискурса являются моими учениками, выпускниками Международного университета (в Москве) и Литературного института им. А.М. Горького; однако сегодня в учебных планах гуманитарных вузов современной риторики в ее практическом применении уделено недостаточно места, поскольку потребность в специальных знаниях предмета, как видим по результатам, недооценена. На филологических, исторических, социологических и других гуманитарных факультетах преподавание общей и политической риторики – теории и, главное, практики – должно находиться в поле пристального внимания Министерства науки и высшего образования и руководства вузов.

Раздел II

Информационные войны: исследование этосов противоборствующих сторон

2.1. Изучение этоса как социокультурная, этическая, правовая, эстетическая и религиозная проблема эпохи информационных войн

Практически все XX столетие Россия переживала и до сих пор продолжает переживать особый тип социокультурного воздействия, именуемого информационной войной. Касательно самого термина «информационная война» между учеными, в той или иной мере посвятившими себя анализу этого сложного феномена гражданской и политической жизни современного общества, нет однозначного согласования во мнениях и позициях, ибо одни подразумевают под ним исключительно технологические операции по блокировке или уничтожению информационного обеспечения противника (Д. Деннинг, М. Либицки, Д.А. Губанов, Д.А. Новиков, А.Г. Чхартишвили и др.); другие видят в нем особым образом организованную систему деятельности спецслужб, связанную с реализацией определенного стратегического задания (Р. Шафрански, Эл. Тоффлер, Ж. Аркелла, Д. Ронфильдт, Дж. Лакафф и др.); третьи, объединяя и ту, и другую названные позиции, видят в информационной войне долговременную и хорошо эшелонированную внутренне и внешне программу вмешательства определенных политических сил в жизнедеятельность стран, этносов или же социальных слоев с целью их социокультурного, экономического и духовного ослабления, что в конечном итоге не может не привести к утрате их жизненной силы, ареала влияния и, наконец, к полному или частичному распаду и разрушению (С.А. Зелинский Г.Г. Почепцов, И.А. Панарин, А.В. Манойло и др.). Ни в коей мере не пытаюсь отменить или подвергнуть сомнению все перечисленные аспекты изучения информационной войны, авторы данного раздела исходят из убеждения, что информационная война потому и носит название «информационной», что она самым непосредственным образом связана с конкретным видом знаний, предполагающих оказание определенного рода воздействия (прямого или косвенного – в зависимости от политической ситуации)

на внутреннее духовно-ценностное пространство человека или социума с целью изменения или радикальной трансформации их жизнеопределяющего «ценностного ядра», включающего собственно этические установки и предпочтения: нравы, обычаи, традиции, различие добра и зла, нравственно дозволенного и недозволенного, представления о добродетельных и морально негативных формах поведения, духовно-нравственную мотивацию и систему этически обоснованного выбора и пр. Более того, это сложноорганизованное ценностное ядро, как правило, органично вбирает в себя и эстетические воззрения индивида на мир и свое место в нем, что в целом и в частности формирует вариативные образцы социокультурной избирательности, включающие организацию пространства и быта, одежду, оформление жилищ и мест обитания и, наконец, даже глубоко вкусовые пристрастия. В него входят также духовные императивы жизнедеятельности людей. Это сложно составленное образование получило название этоса, и именно оно является в конечном счете главной мишенью различного рода информационных воздействий. В итоге информационной войной оказываются затронутыми не только социально-политические устои государства, но преимущественно и в основном – определяющие ментальные и духовно-ценностные характеристики человека или общества, утрата или ослабление которых, как мы уже отмечали, является прямой угрозой их дальнейшему существованию.

В настоящее время, как это ни парадоксально, именно этическим, эстетическим и духовным аспектам информационной войны уделяется так мало внимания, что это, с одной стороны, вызывает некоторое удивление ввиду крайней невостребованности именно этой тематики отечественным профессиональным сообществом, а с другой, – поскольку в современной западноевропейской и американской литературе эти моменты явно камуфлируются, не может не навести на определенные размышления (см., например, работы Дж. Лакоффа, Г. Почепцова). И коль скоро именно этико-эстетические и духовные основания информационной войны явно выпали из сферы интересов современных аналитиков, авторы считают своей непосредственной целью теоретически восполнить данный пробел, полагая, что без него исследования ряда современных аспектов информационной войны будет страдать неточностью, неполнотой и неконкретностью, а главное – будут необратимо утрачены сущностные характеристики самих субъектов и объектов такого рода воздействий, в результате чего намеренно (или же вследствие

отсутствия целостной исследовательской стратегии) искажается само проблемное поле общетеоретической задачи.

Понятие этоса (от греч. *ethos* – нрав, характер, душевный склад) давно существует в гуманитарной науке и философии. Его употребляли еще Гераклит, Эмпедокл и Аристотель, вкладывая, однако, в это слово разные смыслы. Автор «Никомаховой этики», например, использовал слово «этос» при содержательном описании этических добродетелей. Проблема исследования этоса как совокупности нравов, ценностных ориентиров и стереотипов поведения вновь актуализируется в XVIII веке. В частности, И.Г. Гердер пытался увязать функционирование моральных ценностей с географической средой, а также с условиями существования людей в определенном природном и социальном пространстве. М. Вебер в своей фундаментальной книге «Протестантская этика и дух капитализма» [Вебер 1990] противопоставляет капиталистическому этосу, основанному на протестантской религии, феодальный этос, сложившийся под сильным влиянием католической церкви. В 20–30-е годы XX века английский социолог Р. Мертон изучал этос научного сообщества как совокупности моральных нормативов, культивируемых в научной среде. Широко известными в 80–90-е годы XX века стали книги венгерского ученого Е. Анчел [Анчел 1988], подразумевавшей под этосом определенные нравственные начала, не проявляющиеся открыто в повседневной жизни людей, и М. Оссовской [Оссовская 1987], показавшей становление и развитие норм и ценностей феодальной и буржуазной морали и присущих им личностных образцов поведения. По определению М. Оссовской, этос – это стиль жизни какой-либо общественной группы, ориентация ее культуры, принятая в ней иерархия ценностей; в этом смысле этос выходит за пределы морали.

Из отечественных авторов следует отметить академика А.А. Гусейнова, который впервые стал широко использовать понятие этоса для характеристики особых типов добродетели, свойственных разным социальным слоям (аристократический и мещанский этосы). Нельзя не отметить также попытки В.Т. Ефимова создать особую науку этосологию, изучающую нравы разных народов и эпох. Понятие этоса анализировали также такие известные отечественные этики, как Ю.В. Согомонов, В.И. Бакштановский, Р.Г. Апресян, М.Г. Ганнапольский и др. В 2006 году под научным руководством доктора философских наук, профессора О.С. Соинной была подготовлена и защищена кандидатская диссертация Е.А. Сосновской «Этос японского общества» [Сосновская 2006], выявившей духовные основания

и стержневой элемент японского национального этоса. Несмотря на концептуальные отличия в трактовке этоса у упомянутых авторов, все они в той или иной степени соотносят этос прежде всего с нравами и нравственным поведением людей.

В более широком контексте употребляет понятие этоса (этос культуры) американский антрополог и культуролог Р. Бенедикт, которая в своей книге «Модели культуры» [Benedict 1934] развила новую теоретическую схему изучения культур, связанную с выявлением присущего каждой культуре единства – центрального стрержня, общей темы культуры, определяющей конфигурацию всех ее элементов. Этот центральный момент Бенедикт и называет этосом культуры. Примечательно, что, став в 1941 году членом-основателем Института интеркультурных исследований, она по поручению службы военной информации США провела анализ японской культуры, в результате чего появилась знаменитая работа «Хризантема и меч» [Benedict 1946]. Этот факт красноречиво свидетельствует о том, что в США придавали и сейчас придают очень важное значение изучению особенностей национальных этосов и исследуют их не только в качестве сугубо академической задачи, но и в ярко выраженном прикладном аспекте, а знания, полученные в этой сфере, используются в деятельности спецслужб и дипломатии.

Производный от слова «этос» термин «этология» – наука о поведении животных и людей. Своеобразие поведения людей состоит в том, что они руководствуются не только инстинктами, но и ценностями, смыслами, которые составляют внутренние мотивы их действий. В европейской традиции, в силу укоренившегося в ней рационализма, эти аспекты человеческой жизни дифференцировались, и их начали изучать по отдельности. Так возникли этика, эстетика, философия религии, философия права и др. Однако в действительности, в реальном человеческом сознании нравственные, правовые, эстетические, духовно-религиозные ценности и смыслы существуют одновременно и неразрывно, легко переходя друг в друга. Используя здесь понятие этоса, мы стремимся уловить это единство и объемность человеческого сознания. Несмотря на достаточно широкий логический объем данного понятия, оно предпочтительнее, предположим, понятия «нравственное сознание», поскольку последнее является своего рода умозрительной абстракцией. При этом из понятия этоса мы исключаем универсально-общечеловеческое и индивидуально-неповторимое содержание человеческого поведения. Этос в данной трактовке представляет собой поведение,

типичное для определенной исторической общности (нации, этноса, социальной группы), детерминированное целостной совокупностью мотивов в пределах их конкретной пространственной локализации. Значение понятия этоса в таком понимании приобретает особую эвристическую значимость и теоретическую весомость именно в настоящее время, в эпоху бескомпромиссных информационных войн между геополитическими и цивилизационными противниками.

Конечная цель информационных войн – ценностная деструкция противоборствующей социальной общности, ибо информационная война направлена преимущественно на этос, а не только на моральное сознание людей. Следовательно, дабы избежать этой ценностной деструкции, необходимо детальное изучение именно того этоса (национального, этнического и т. д.), который подвергается определенным информационным воздействиям. В данном случае речь идет, разумеется, о нашем национальном этосе в целом и его отдельных субкультурных проявлениях. Поскольку в России наряду с общенациональным этосом существует множество субэтосов (этнических, региональных, социально-групповых), именно в настоящий исторический период крайне важно усмотреть «болевы́е точки» нашего национального этоса в целом и субэтосов в частности прежде всего с точки зрения их уязвимости влиянию разного рода «ценностных вирусов». Исследование этосов разных этнических и социальных групп является важной теоретической и практической задачей, от которой зависит эффективность противодействия в информационных войнах нашим геополитическим противникам. Между тем детальным изучением специфики субэтосов отдельных народов и социальных групп в нашей стране практически не занимались. Судя по всему, наши геополитические противники в информационной войне пытаются воздействовать на разные этнические общности, населяющие нашу страну, с учетом особенностей их духовно-нравственной жизни, наличия в сознании этих народов застарелых обид и болезненных тем.

В Сибирском регионе проживает множество народов, у каждого из которых свой исторический опыт, особенности исторической памяти и, конечно, свой этос. Возьмем, к примеру, горных алтайцев. В 2003 году археологи СО РАН обнаружили на одной из вершин Горного Алтая древнее захоронение знатной молодой женщины, названной «алтайской принцессой». Несмотря на протесты местного населения, оскорбленного в своих национальных и религиозных чувствах, ученые вывезли тело погребенной много сотен лет тому назад

женщины в Новосибирск, где «изучали» ее почти десять лет. Все это время в Горном Алтае не утихали требования населения вернуть святыню на родину. Эти требования были, наконец, удовлетворены: «алтайская принцесса» была возвращена в Горный Алтай, однако можно представить, какую глубокую душевную травму получил немногочисленный народ этого субъекта РФ. Не по этой ли причине горные алтайцы не захотели объединиться с Алтайским краем, в состав которого они входили в советское время? Между тем мы знаем, что ряд бывших автономных округов объединились с другими субъектами РФ. Так, например, коми-пермяки несколько лет назад вошли в состав Пермского края. Наверное, это произошло не только по экономическим причинам, но и потому, что не было подобных конфликтных ситуаций на межэтнической почве. Или, к примеру, Республика Тува вошла в состав России (СССР) в 1944 году. Это значит, что в исторической памяти тувинского народа нет следов революции и Гражданской войны, насильственной кооперации сельского хозяйства, репрессий 1937 года, но нет и энтузиазма первых пятилеток, опыта культурной революции, движения добровольцев среди молодежи, рвущейся на фронты Великой Отечественной войны, что, разумеется, не могло не отразиться на этосе этого народа. В Сибири проживают и другие народы: якуты, буряты, хакасы, горные шорцы и др. Исследование этосов этих народов – важная теоретическая и практическая задача, чрезвычайно актуальная в контексте современных информационных войн.

События на Украине красноречиво свидетельствуют о том, насколько важно изучение этоса, поскольку в результате целенаправленных информационных воздействий возможны болезненные искажения ценностных ориентиров целого народа. Используемые украинской пропагандой понятия-образы: *ватник*, *совок*, *колорад*, эстетически принижающие Россию и русских, имели немаловажное значение в закреплении в сознании значительной части украинских граждан русофобских стереотипов и ненависти к России.

Одновременно мы должны изучать этосы противостоящих нам государств, народов и различного рода движений, чтобы не морализировать, а разбираться в сути их мотивации и причинах их агрессивного отношения к России и русским, что объясняется не только геополитическими или экономическими факторами, а имеет более глубокую духовно-ценностную природу.

Информационные войны возникли не сегодня, но в наше время они приобрели тотальный характер в силу колоссальных

возможностей современных технических средств: телевидения, Интернета, социальных сетей, мобильной связи и т. д. Более того, необходимо исходить из того, что информационные войны будут продолжаться долго, и накал их будет только нарастать. Успешно противостоять информационным воздействиям наших противников возможно, только постигая сущность и особенности мотивации их поведения, понимая источники их духовных упований, ценностей и смыслов. С нашей точки зрения, такой подход является весьма конструктивным, поскольку он исключает морализирование, негативизм, пренебрежение и ложный оптимизм, в нем сочетается уважение к противнику с тщательным изучением его достоинств и пороков. Надо знать *их* «правду», понимать ее природу, духовные истоки ее появления, теоретические источники, ее питающие, исторические корни, ее вызывающие, и т. д. Следует исходить из того, что на противоположной стороне «информационных окопов» находятся не только отпетые негодяи, глупцы, злодеи, преступники, бандиты, головорезы и пр. (хотя там есть, конечно, и такие), а прежде всего люди с другими взглядами, ценностями, идеалами, уходящими глубоко в духовную традицию, культуру, историю, цивилизационные привычки и т. д.

Во многих исследованиях современной общественной жизни сохраняются традиции прежних подходов, в которых основное внимание уделяется экономическим, геополитическим, правовым аспектам, а аксиологические, духовно-нравственные – либо игнорируются, либо им придается слишком мало значения. Эта констатация в полной мере относится и к тематике информационных войн. Между тем в любой теме, вокруг которой разворачиваются нешуточные информационные баталии, эти аспекты не только присутствуют в явном или неявном виде, но очень часто являются их глубинными основаниями и причинами. Чтобы не быть голословными, сошлемся в качестве примеров на ряд тем, остро дискутируемых в СМИ.

Во-первых, отечественные дипломаты и политики не устают обвинять наших геополитических соперников в лице США и западноевропейских стран в политике «двойных стандартов». Действительно, это так, но зададимся вопросом, могут ли вести себя иначе политики и не только политики, воспитанные в традиции утилитаризма и прагматизма, прочно укоренившихся в их национальных этосах? По-видимому, нужно подвергнуть изучению именно эту мотивацию в поведении западных политиков и искать соответствующее противоядие, перестав при этом морализировать. В этом же контексте

следует воспринимать пренебрежение западными «партнерами» норм международного права, которые легко попираются ими именно из утилитарных соображений. Действенность международного права восстановится только тогда, когда западные политики встретятся с силой, способной им противостоять. Об этом красноречиво свидетельствуют события в Сирии и вокруг нее.

Во-вторых, широко известно, что в США и странах ЕС развита истеричная информационная кампания против России, которая изображается в крайне неблагоприятном виде. Конечно, имеет место множество разнообразных факторов, обуславливающих именно такую реакцию на Россию, усиливающуюся в экономическом, политическом и военном отношениях. Однако до сих пор практически игнорируются их духовные и нравственные причины. В свое время В. Шубарт [Шубарт 1987: 87–122] писал о наличии у западных европейцев некоего «пра-страха» по отношению к России и русским, уходящего корнями в книгу пророка Иезекиля, предрекавшего угрозу народу Израилеву, исходящую от страны Рос (Рош) [Библия... Иез. 38; 1–23]. Поскольку в США и ряде западноевропейских стран очень сильна кальвинистская традиция с ее идеей предопределения, себя они, естественно, мыслят спасенными, поскольку преуспевают в этой жизни, а Россию выставляют извечным изгоем, обреченным на гибель, ибо русские в целом живут достаточно трудно и небогато.

В-третьих, не утихает информационная война относительно сексуальных меньшинств, которым на Западе в последние годы уделяется большое внимание, и в каком-то смысле лицам нетрадиционной сексуальной ориентации часто отдается приоритет в карьерном росте. В нашей прессе на этот счет обнаруживается в худшем случае морализаторство, в лучшем – указываются экономические, демографические и политические причины этого явления. С нашей точки зрения, здесь имеются более глубокие корни нравственного оправдания и эстетизации нетрадиционных гендерных ориентаций. Можно предположить, что в настоящее время на Западе возрождаются представления и идеи, имевшие хождение еще в Средние века в виде ересей альбигойцев, катаров, павликан и богумилов, осуждавших деторождение и семейные ценности.

В-четвертых, нельзя не отметить и тот факт, что в англосаксонских странах исторически сложилось прецедентное право, наложившее определенный отпечаток на их этосы. Здесь право соотносится прежде всего с целесообразностью. В России же действует

нормативное право. Русских и россиян вообще отличает то, что они придают праву не только моральное, но и онтологическое значение, воспринимая его как высшую справедливость. Если же юридические законы не отвечают этим высочайшим требованиям, то они попираются самым что ни на есть нигилистическим способом. Можно привести множество других примеров, свидетельствующих о наличии глубоких духовных, культурных, правовых, этических и эстетических смысловых разночтений в интерпретации тех или иных явлений, свойственных геополитическим и цивилизационным противникам, которые часто ускользают от внимания исследователей и по этой причине не получают адекватного понимания и оценки.

Современный исламский радикализм образовался не на пустом месте. В значительной степени его появление обусловлено духовно-нравственным протестом против неолиберальной западной цивилизации, попирающей традиционные ценности многих народов. Однако этот протест, справедливый в своих основаниях, принял экстремистские формы, облекся в организацию террористических движений и к настоящему времени стал угрозой существованию уже не только ближневосточных государств. Так называемое Исламское государство и другие радикальные исламские движения и организации развернули широкую информационную сеть в Интернете, в которую пытаются уловить прежде всего представителей молодежи. В этом контексте необходимы полномасштабные исследования этоса радикальных мусульманских движений, чтобы понять, чем и каким образом они прельщают граждан нашей страны, делая их адептами своей разрушительной идеологии. В научном сообществе, обыденном сознании и общественном мнении чаще всего вербализируется криминальная мотивация адептов этих движений и по существу игнорируются духовно-нравственные мотивы их поведения, не усматриваются аберрации совести и другие искажения религиозного, правового и нравственного сознания, принимающие порой весьма причудливые формы. Еще раз подчеркнем, что теоретически ошибочной является трактовка экстремизма и терроризма как сугубо криминального феномена, что делает малоэффективными попытки их преодоления внутри нашей страны и за ее пределами. Нельзя отождествлять человека, совершающего преступление из корыстных целей, и, предположим, шахида, в террористическом акте убивающего не только других людей, но и самого себя.

Важно отметить еще один момент: наши духовные, геополитические и цивилизационные противники в своих информационных

воздействиях на разные этнические группы, социальные слои и группы населения эксплуатируют и усугубляют как пороки людей (в этом плане более преуспевают западные средства массовой информации), так и возвышенные чувства и жажду справедливости, свойственные прежде всего молодежи (в этом плане более показательны радикальные исламские сайты). Это обстоятельство требует тщательного анализа причин и факторов отклоняющегося поведения, включая и разные варианты аберрации религиозного, правового, нравственного и эстетического сознания, деформирующих содержание этоса и превращающих его в зону социального риска.

Следовательно, детальное и тщательное изучение этосов является крайне важной задачей современных гуманитарных, социально-этических, эстетических, этико-правовых и религиоведческих исследований, дающих возможность для построения эффективной системы противодействия нашим геополитическим и цивилизационным противникам в обостряющейся информационной войне.

2.2. Этос и менталитет (на материале русской культуры)

При решении вопроса структурирования этоса возникла проблема оснований, или принципов, на которых можно осуществить такого рода теоретическую задачу. Поскольку структура есть закономерная связь элементов системы, необходимо было выявить такое начало, которое позволило бы представить этос не как случайную совокупность элементов, в данном случае ценностей и смыслов, а как некую органическую целостность, обладающую способностью самосохранения и развития. Поскольку существует множество этосов (этнических, национальных, групповых) со своим специфическим набором ценностей и смыслов, благодаря которым можно проводить их различение, то нужно было найти такое духовное образование, которое бы и сплавляло их в нечто целостное, и в то же время позволяло их дифференцировать. Таким феноменом как раз и предстает менталитет как особая структура общественного сознания.

Понятие менталитета уже давно вошло не только в научный оборот, но и в обиходную лексику. Понятие этоса все чаще встречается в научных исследованиях, а в ближайшем будущем, по нашему мнению, оно также получит широкое распространение и в обиходном языке. В этой связи имеет смысл провести сравнительный анализ данных понятий, выявить их отношение друг к другу и определить их место в гуманитарном познании.

Понятие менталитета очень часто употребляют некорректно, смешивая его с понятиями «национальная психология», «национальный характер», «душа народа». Эта логическая небрежность препятствует выявлению точного смысла и статуса этого понятия в гуманитарных науках.

Под менталитетом мы понимаем определенный способ восприятия, оценки, переживания и осмысления действительности, типичный для конкретной исторической общности или социальной группы.

Хотелось бы дать пояснительный комментарий к данной дефиниции.

Во-первых, подчеркнем, что менталитет есть свойство не отдельного индивида, а определенной человеческой общности. Менталитет функционирует на уровне коллективного бессознательного, поэтому невозможно сознательное изменение или корректировка менталитета его носителем. Правда, возможно использование знаний о менталитете того или иного народа в благих или злонамеренных целях.

Во-вторых, индивидуальные проявления менталитета определенной общности людей могут варьироваться в весьма широком диапазоне. Однако в силу статистической закономерности он обнаруживает себя в виде главенствующей тенденции, позволяющей отличать, предположим, одну нацию от другой.

В-третьих, отметим, что понятие менталитета фиксирует формальную сторону психики и поведения людей, способ организации мыслительного и ценностного содержания сознания. Так, например, британцы и американцы воспринимают и осмысливают мир, как правило, сквозь призму принципа полезности, а немцы во всем стремятся узреть и установить порядок.

В-четвертых, очень трудно определить факторы, детерминирующие менталитеты разных народов. Само слово «менталитет», производное от *mental* (духовный), намекает на трансцендентный источник этого феномена. Слова Вл. Соловьева: «...идея нации есть не то,

что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [Соловьев 1998: 220] – можно истолковать в том плане, что именно через менталитет и реализуется божественный замысел о каждом народе. Благодаря ему передается некий культурный код народа, сохраняется его идентичность на протяжении длительного исторического периода.

Понятие же этоса характеризует мотивированное поведение людей, также принадлежащих к определенной человеческой общности, и тоже является статистической величиной, проявляясь в виде господствующей тенденции в поведении людей.

Этос предстает как ценностная и смысловая наполненность человеческого поведения, типичная для определенной общности людей (народа, нации, социальной или региональной группы, поколения и т. д.). Он тесно связан с менталитетом, как содержание с формой, ибо ценностно-смысловое содержание этоса как раз и оформляется соответствующим менталитетом.

Чтобы не быть голословными, попробуем обосновать наш подход на примере русского менталитета и соответствующего этоса.

Русский менталитет, с нашей точки зрения, зиждется на вере, т. е. на стремлении к абсолютной ценности. Русский верит в то, что дает (или кажется, что дает) его жизни смысл и спасение, т. е. освобождение от всякого зла. Л.П. Карсавин писал: «Русский человек не может существовать без абсолютного идеала, хотя часто с трогательной наивностью признает за таковой нечто совсем неподобающее... Докажите ему отсутствие абсолютного (только помните, что само отрицание абсолютного он умеет сделать абсолютным, догмой веры) или неосуществимости, даже только отдаленности его идеала, и он сразу утратит всякую охоту жить и действовать. Ради идеала он готов отказаться от всего, пожертвовать всем; усомнившись в идеале или его близкой осуществимости, являет образец неслыханного скотоподобия или мифического равнодушия ко всему» [Карсавин 1993: 322]. Религиозность нашего менталитета – благо, если она действительно направлена на абсолютные и вечные ценности, и зло, если в панацею превращаются относительные, земные ценности. Так, например, коммунизм и либерализм оказались для России предметами ложной веры, губительными для ее граждан, государства, культуры и духовности. Коммунизм создал ложное единство людей, а либерализм стал воплощением мнимой свободы личности.

В России часто происходит подмена абсолютного относительным, духовности (предметом которой являются абсолютные

ценности) идейностью (за которой стоят относительные, земные ценности), в результате чего вместо ожидаемого спасения, понимаемого в широком смысле этого слова, получается тотальное разрушение жизни во всех ее проявлениях. Идея (будь то коммунистическая или какая-либо другая), приобретая статус абсолютной ценности, может быть в определенных пределах созидательной в плане общественного и личного жизнеустройства. Однако разрушительная сила абсолютизированных идей, в конечном счете, берет верх, и нет предела ее губительной стихии. Например, в социалистической идее и реальной практике социализма было много положительного, но, спрашивается, зачем нужно было разрушать храмы, жечь богатые поместья, гнать из страны философов, фанатично искоренять «частнособственнические инстинкты»? Именно потому, что идея социализма (коммунизма) стала объектом религиозного поклонения. Но на ложной вере нельзя построить благополучную, стабильную жизнь. Стоит ли удивляться тому факту, что огромная страна, построенная на ложных социальных принципах, легко разрушилась, просуществовав всего лишь семь с половиной десятков лет. В недолговечности СССР были уверены многие русские философы, изгнанные из страны в 1922 году: Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Г.П. Федотов, С.Л. Франк, П.И. Новгородцев и др.

Нет также сомнения в том, что рыночная экономика является более динамичной и эффективной, чем так называемая централизованная экономика. Но нельзя уповать на магическую силу рынка, который, как полагали Е.Т. Гайдар и его сподвижники, сам по себе, без всякого государственного влияния наведет порядок в России и поставит ее в один ряд с процветающими странами. Однако в действительности абсолютизация рынка привела к деградации российской экономики, развалу и уничтожению целых отраслей промышленности и отдельных предприятий, к резкому снижению уровня жизни большинства людей.

Констатация религиозности русского менталитета еще не дает его полной характеристики. Специфическая особенность русского менталитета нашла выражение в идее соборности, введенной в культурный оборот А.С. Хомяковым [Хомяков 1994: 238–243]. Она представляет собой одно из величайших прозрений русской мысли. Именно в ней со всей отчетливостью просматривается уникальность России и русских на фоне западной и восточной цивилизаций и соответствующих им типов людей. Если Запад строится на принципе индивидуализма, индивидуальные свободы и личный интерес

почитает больше других ценностей, а Восток, наоборот, опирается на принцип корпоративности (коллективизма), общественные интересы ставит выше личных, то Россия стремится к соборности. Вл. Соловьев формулирует соборный идеал как полную свободу составных частей в совершенном единстве целого. Таким образом, принцип соборности представляет собой попытку соединения личной свободы с социальным единством людей.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что соборность, в отличие от принципов индивидуализма и корпоративизма, на которых построена жизнь на Западе и Востоке, имеет не столько нормативно-культурный характер, сколько духовно-идеальный. Иначе говоря, индивидуализм и корпоративизм – это принципы, реализующиеся в повседневной жизни людей, они практически составляют их норму. Соборность же – это сфера устремлений русского человека, к которой одни ближе, другие – дальше, третьи – совсем в стороне. Вот отчего соборность как принцип организации жизни русского человека и русского общества порой очень трудно зафиксировать эмпирически, непосредственно и особенно в относительно благополучные периоды русской истории. Однако в полную меру он обнаруживает себя во время испытаний, войн, природных катаклизмов и т. д. Необходимо отметить также, что соборность, будучи одним из принципов и признаков христианской Церкви, закрепленных в символе веры, имеет корни и связь с христианской (православной) традицией. Это обстоятельство вполне объясняет духовно-идеальный характер этого принципа и в то же время предостерегает от приземленного его толкования. Высшим смыслом и главной целью человека, согласно евангельской истине, является его спасение как личности. Только в этом контексте и можно осознать русскую соборность в целом и основные ценностные понятия, которые формируются на ее основе. Здесь мы подошли к описанию основных ценностных понятий, составляющих русский этос.

Проблема свободы составляет один из важнейших компонентов любого этоса. Для русского этоса характерно специфическое понимание свободы, не совпадающее с тем, как ее понимают, переживают и оценивают на Западе.

Для западного человека свобода есть нечто, имеющее предел. Каждый свободен ровно настолько, насколько позволяет ему его капитал. Другое ограничение на свободу накладывается правом. Человек свободен в рамках права. Это нужно, чтобы индивидуальные притязания на свободу не находились в состоянии антагонизма

с притязаниями на свободу других людей. В русском же сознании свобода осмысливается и переживается иначе. Она не имеет столь жесткой связи с материальным богатством и правом. Часто на Руси богатство казалось тяжким бременем. Материально преуспевающий представитель правящих сословий мог испытывать угрызения совести перед бедным народом. Парадоксально, но факт, что крупные русские купцы и промышленники (С. Мамонтов, С. Морозов, Н. Мешков) финансировали партии леворадикального толка, выступавшие против частной собственности. В русском народе самым свободным считался странник, полностью лишенный собственности. «Странник ходит по необъятной русской земле, никогда не оседает и ни к чему не прикрепляется. Странник ищет правды, ищет Царства Божьего, он устремлен вдаль» [Бердяев 1990: 218]. Русский жаждет безграничной свободы, ничем не скованной: ни собственностью, ни правом и законом. Безграничная свобода, по-русски – воля, манит его, и он часто из-за своей интенции свободы попирает законы. Собственно говоря, преодоление силы закона и составляет существо стремления к беспредельной, т. е. абсолютной свободе. Причем попрание или преодоление закона может осуществляться на разных уровнях. Во-первых, нарушаются юридические законы. Правда, главное тут не само нарушение закона, ибо везде, где действуют законы, есть нарушения и нарушители правопорядка, а отношение к закону, праву и правонарушению. В русском сознании до сих пор не утвердилась идея верховенства закона над человеком. Русский человек, особенно наделенный властью, осознает себя выше закона. «Закон что дышло: куда повернул – туда и вышло». В этой поговорке четко прослеживается характерное для русских пренебрежение к юридическим законам и установлениям. Было бы ошибкой интерпретировать это обстоятельство как признак криминальности русского сознания. Просто для широкой русской души всякий закон узок, к тому же никакой законодатель не способен проследить и поспеть за многообразием и текучестью жизни в России.

Во-вторых, русский способен посягнуть и на социально-исторические законы. Петровские реформы, социалистическая революция в полуфеодальной стране, программа построения основ рыночной экономики в 500 дней – таков далеко не полный перечень примеров социально-исторического волюнтаризма в России, который, подчеркнем, не следует трактовать упрощенно: как проявление банального самодурства царя, маниакальной жажды власти большевиков и теоретической неискушенности молодых

реформаторов-демократов. Имеются более глубокие причины, побуждающие русских пренебрегать юридическими и социально-историческими законами.

Они-то и составляют третий, с нашей точки зрения, основной уровень, на котором русский стремится преодолеть закон. Речь идет в данном случае об онтологических законах, законах самого бытия. Русский понимает и чувствует свободу как избавление от всякого зла, включая и зло смерти. Смерть – это закон павшего бытия. Таким образом, абсолютная свобода оказывается, по существу, тождественной спасению, а своеобразие русского понимания и переживания свободы заключается в том, что ей (свободе) придается духовный, религиозный смысл, а не экономический и юридический, как на Западе. В таком восприятии свободы есть свои плюсы и минусы. Жажда воли побуждала русского к освоению новых земель, которые, в свою очередь, требовали мощного государства, способного управлять обширными территориями. Феномен русского космизма (весьма специфического и уникального явления русской культуры) также может быть объяснен интенциями русского сознания, его устремленностью к абсолютной свободе: если она недостижима на земле, то, может быть, ей найдется место на небе? Н. Бердяев писал: «У русских всегда есть жажда иной жизни, иного мира, всегда есть недовольство тем, что есть» [Бердяев 1990: 217]. Жажда иного мира, иной жизни (читай: спасения или абсолютной свободы) из недовольства тем, что есть, приводила и приводит русских к самым разнообразным последствиям: святости и праведности, нигилизму и анархизму, западничеству и славянофильству, религиозному сектантству и богоискательству, бунтам и революциям... Чтобы русское понимание и переживание свободы носило конструктивный характер, его необходимо соединить с религиозным опытом и христианскими традициями. В противном случае искание абсолютной свободы, как и искание абсолютного добра на земле, будет приводить к очередному рабству: какой-либо общественной идее, технике, моде, кумирам и вождям и т. д. Эту альтернативную ситуацию лучше всего выражает русская пословица: «Вольному воля, спасенному рай...» (безудержная свобода без религиозной основы ничего не дает человеку, а свобода во Христе означает спасение его личности во времени и в вечности).

Со времен Аристотеля утвердилась традиция деления справедливости на уравнивающую и воздающую. Начиная с Возрождения и Нового времени на Западе акцент был сделан на воздающей

справедливости, что вполне объяснимо с точки зрения принципа индивидуализма. На Востоке, напротив, преобладала и преобладает уравнивающая справедливость. В русской дореволюционной культуре оба эти аспекта справедливости находились в более или менее сбалансированном состоянии, что вполне соответствовало духу и принципу соборности, учитывающей интересы и личности, и общества. Весьма показательными в этом плане являлись, например, нравы и обычаи рабочих артелей. В артели все заработанные деньги делились на две части. Из первой части все члены артели получали одинаковую сумму денег, т. е. каждый имел гарантированную плату за свой труд. Вторая же часть заработанных артелью денег распределялась пропорционально профессиональному уровню, квалификации, личному трудовому вкладу и ответственности конкретного работника. В результате никто не был в обиде. Аналогичные принципы соблюдались в сельской общине, где на всеобщих сходах крестьян (на миру) принимались только такие решения, которые удовлетворяли всю общину в целом и каждого конкретного крестьянина. На этих же соборных началах строилась с конца XIX века система местного самоуправления (земство), где пропорционально были представлены все слои населения, сословия и профессиональные группы. Но все же самой адекватной формой выражения идеи соборности в аспекте проблемы справедливости являлся и является православный храм, где все люди равны перед Богом, будучи неравными между собой. На богослужениях в православном храме стояли рядом цари со своими придворными, дворяне, купцы, крестьяне и представители других сословий. Соборность как духовный принцип означает, что если в обществе нет веры в высшую Божественную справедливость, то существует реальная опасность одностороннего понимания общественной справедливости. Дело в том, что русский человек очень чувствителен к несправедливости, и коль скоро в обществе нарушается принцип равенства, то народ может либо впасть в апатию, либо прийти к бунтам и революциям. Если вознаграждение не соответствует трудовому вкладу конкретного работника, то это также вызывает злобу или зависть. В советское время господствовал принцип равенства, и люди уравнивались по среднему или низшему уровню материального обеспечения и потребления. Эта ситуация подрывала трудовую и творческую инициативу наиболее активных и одаренных работников, и в конечном счете от этого страдало общество в целом. Когда систематически не поощряются талант

и инициатива, общество оказывается в состоянии застоя и упадка. В эпоху либеральных реформ формально был сделан акцент на воздающей справедливости: начала поощряться предприимчивость людей. Однако в силу того, что произошел криминальный или незаконный дележ государственной собственности, в обществе возникло весьма существенное размежевание граждан по уровню доходов и величине собственности. Разительный контраст по уровню благосостояния между 3–5 % «элиты» и остальной частью граждан России является крайне опасным состоянием общества, чреватым социальными конфликтами. Таким образом, односторонность советской и постсоветской справедливости играла и играет негативную роль в жизни современного российского социума. Для успешного эволюционного развития нашего общества необходимо сбалансированное сочетание социального равенства и воздаяния по труду, таланту и инициативности конкретных граждан, которое должно оформляться и закрепляться в системе духовных представлений личности.

В восприятии добра и зла в русской культуре и народном сознании долгое время духовный момент преобладал над моральным. Н.О. Лосский, рассматривая специфику национального восприятия добра, писал: «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием» [Лосский 1991: 240].

Специфика русского понимания добра адекватно может быть воспринята только в контексте идеи соборности. Русские крестьяне, заставшие вора на месте преступления, не раздумывая, могли совершить над ним акт самосуда вплоть до убийства. Так проявлялась непосредственная реакция на зло и преступление. И в то же время в народе имела удивительная мягкость и терпимость к осужденным преступникам, которых называли «несчастными». В этом контексте не стоит удивляться и тому обстоятельству, что после судебной реформы 1863 года суды присяжных заседателей часто выносили оправдательные приговоры. Народ тонко чувствовал сложную метафизику и драматизм жизни. Вот отчего на Руси так популярна была поговорка: «От тюрьмы и от сумы не зарекайся». У русских крестьян было глубоко развито чувство общей ответственности за зло и грех. Архимандрит Тихон из «Бесов» Ф.М. Достоевского, выразивший эту интенцию национального сознания, поучал, что греха единичного нет, поскольку все люди буквально опутаны всеобщностью греха

и преступления. Вот почему и спасение (окончательное избавление от зла и греха) возможно только всеобщее, соборное, а не индивидуальное или групповое.

Если же духовный аспект добра и зла в национальном самосознании затухал, то абсолютизировалось моральное или социальное добро (благо).

В стремлении к абсолютному добру есть положительная и отрицательная стороны. Положительная заключается в том, что русские, осознав какое-либо моральное или социальное зло, могут напрячь все свои силы и искоренить его. Так, например, накануне Первой мировой войны в России было практически покончено со взяточничеством, в советское время – с безграмотностью населения, с отсталостью в сфере промышленности. Отрицательная же сторона обнаруживается в нетерпимости к людям, имеющим другие убеждения, в морализаторстве. Попытки построить на земле общество без всякого зла также вытекают из этой интенции национального сознания. Как показывает наша история, это приводит к еще большему злу и насилию над человеком. Рай на земле невозможен, а вот подобие ада – вполне возможно, если стремиться к построению общества без каких-либо форм зла.

Для того чтобы нивелировать отрицательные последствия этой интенции русского этоса, необходимо, помимо одухотворения представлений о добре и зле, развивать правосознание граждан. Вл. Соловьев одним из первых в России поставил вопрос о необходимости права с точки зрения утверждения морального и социального добра: «Право в интересе свободы позволяет людям быть злыми, не вмешивается в их свободный выбор между добром и злом; оно только в интересе общего блага препятствует злему человеку стать злодеем, опасным для самого существования общества. Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он – до времени не превратился в ад» [Соловьев 1988: 454]. Таким образом, духовно укорененные представления о добре и зле, а также развитое правосознание граждан являются важным условием гармонизации русского национального этоса.

Любовь – одна из важнейших ценностей этоса. Однако понимание и переживание любви также имеют свои вариации в разных культурных традициях. В трактовке любви европейскими народами огромное, и даже решающее, значение отдается христианству. Важно подчеркнуть, что в христианской традиции тема любви неотрывна от темы личности.

В православии любовь была воспринята во всей полноте ее божественности. Неслучайно на Руси весьма почитаемые храмы – это храмы Пресвятой Троицы (самый знаменитый из них – в Троице-Сергиевой лавре) и Христа Спасителя (в частности, недавно восстановленный в Москве). Надо сказать, что и православный народ тонко чувствовал Божественную любовь и понимал, что она непохожа на человеческую. Раньше простые крестьяне говорили сокрушенно, что «Бог их оставил», если в семье долго не было неприятностей или несчастий. Для правильно поставленного православного сознания естественно восприятие всего, что выпадает на долю человека или народа, как прямого и непосредственного воздействия и проявления Божественной любви. Поэтому, с позиций православной версии любви, за все надо благодарить Бога: за приобретения и потери, за удачи и беды, за удовольствия и страдания, за счастье и несчастье, поскольку все это дается ради блага спасения человеческой личности.

У М. Волошина есть строки, которые прекрасно передают православное переживание любви:

Нам ли весить замысел Господний?

Все пойдем, все вынесем любя –

Жгучий ветер полярной преисподней,

Божий бич, приветствую тебя [Волошин 1992: 221].

Бог изливает Свою любовь на всех и на каждого, любовь эта принимает такие формы и масштабы, такую ценностную окраску, какие могут послужить человеку или народу для их блага не только в пределах этой земной жизни, но и в вечном бытии. Пока русский народ жил этим восприятием Божественной любви, он был более человеческим, более терпимым, более смиренно нес свой крест. Он был великодушен к пойманным и осужденным преступникам. Он жалел плененных и раненых врагов. Не гнал нищих. Стоило ему потерять это ощущение земного присутствия Божественной любви, как оскудела его человечность.

В зависимости от того, как трактуется и переживается любовь, происходит культурное размежевание относительно понимания личности.

По устоявшейся традиции в христианской антропологии принято разделять природу человека и его личность. Природа человеческая у всех одна, и она выражается в том, что в каждом человеке есть образ Божий, образ Христов. В то же время каждый человек имеет свое лицо, он – личность, нечто уникальное и неповторимое. Однако эту

уникальность человеческой личности надо понимать не в плане эмпирической непохожести на других людей, которая нередко, особенно в настоящее время, достигается посредством экстравагантности облика и поведения. Такое понимание личности вполне укладывается в понятие индивидуальности. Но «личность» и «индивидуальность» отнюдь не тождественные понятия. Личность – это человек, которого отличает Бог. Индивидуальность – тот, кто выделяется среди людей. Личность создается с неба, разумеется, при участии человека. Индивидуальность – плод творчества самого человека.

Человеческая личность сильна только любовью и в любви, ибо любовь – сущность, содержание и стержень личности. Без любви нет личности. Таково православное понимание любви и личности, которое было глубоко укоренено в русской культуре и народном сознании. В XX столетии в силу известных обстоятельств такое понимание и переживание личности было существенно подорвано. Однако тяга русских к общению до сих пор остается одной из характернейших национальных черт. Эта жажда общения делает русских чрезвычайно восприимчивыми к разным идеям, которые нередко занимают место Бога. Именно тогда становится возможной болезненная трансформация человеческой личности, которая вместо созидания несет в себе хаос и раздор. Она становится опасной для себя и окружающих или постепенно, опошляясь и приземляясь, вырождается в индивидуальность не самого лучшего образца. Неслучайно В. Шубарт, пытавшийся соединить положительные качества европейцев и русских, призывал накануне Второй мировой войны: «Русских нужно завоевывать для мира, примирить их с ним так, чтобы они больше не стремились к его гибели. Европейцев же, наоборот, надо от него отдалить, чтобы они не терялись целиком и полностью в мелочах временного и бренного. Русский должен стать более деловитым, а европеец более добродетельным. Русский должен сконцентрировать свое чувство всеобщности, а европеец расширить свое точечное чувство. Один должен снова начать видеть и почитать землю, а другой – небо» [Шубарт 1987: 81].

Человеческая личность утверждается в бытии благодаря любви. Все отданное в любви содействует обретению, укреплению и росту личности, ипостаси, соразмерной Божественным Ликам. Любовь Божественная и человеческая раскрывается только в общении. Личность открыта в общении, поскольку она источает любовь (бескорыстную и жертвенную), и в силу этого, как это ни парадоксально, она непостижима рационально. Индивидуальность же требует автономности,

изолированности, замкнутости человека на самом себе. Индивидуальность жива самоутверждением человека, которое может осуществляться социально приемлемыми (труд, творчество, спорт, путешествия и т. д.) и асоциальными (эпатаж, скандальность, девиантное поведение, преступления и т. д.) способами. Индивидуальность в силу замкнутости на себе закрыта, и поэтому, как ни парадоксально, она может быть понята рационально. Это происходит потому, что индивидуальность самоутверждается через интересы, имеющие земной и, следовательно, конечный набор потребностей, поддающихся исчислению и распознаванию.

Нами были охарактеризованы важнейшие черты русского этоса, оформленного специфическим образом национальным менталитетом. Конечно, нарисованная нами картина носит несколько идеализированный характер, и она в полной мере может быть адекватной скорее дореволюционному состоянию, нежели советскому и постсоветскому.

Г.П. Федотов писал: «К 1917 году народ в массе своей срывается с исторической почвы, теряет веру в Бога, в царя, теряет быт и нравственные устои» [Федотов 1991: 99]. Если брать эмпирический пласт современной народной жизни, то есть достаточно оснований для горьких констатаций. Г.П. Федотов вслед за Н.А. Бердяевым предсказывал грядущее обуржуазивание русского народа: «Гибель коммунизма, можно думать, не только не остановит, но еще более подвинет этот рост буржуазного сознания. Интеллигентские “идеи” находят свою настоящую... почву: в новом мещанстве.

Тем самым вековое противостояние интеллигенции и народа оканчивается: западничество становится народным, отрыв от национальной почвы – национальным фактом» [Федотов 1991: 99–100].

После 1991 года русский этос претерпел еще один виток трансформаций, его ценностная структура изменилась, а изменения носили крайне противоречивый характер, где на одном полюсе наметился возврат к традиционной ценностной структуре, а на другом – усилился до гипертрофированных форм западнический, мелкобуржуазный, мещанский стиль жизни. Если в начале этого процесса преобладали западнические тенденции, то в настоящее время постепенно берет верх национально ориентированная ценностная структура общественной жизни. Разумеется, эта тенденция русского этоса более соответствует национальному менталитету, а значит, будет способствовать делу созидания и развития России как государства, страны, цивилизации и культуры. Противоположная тенденция, напротив, есть путь к деградации и гибели отечества. Эта истина стала

очевидной для большинства наших граждан, ставших свидетелями событий на Украине, где обозначенный выше русский менталитет наполнился весьма специфическим, точнее националистическим, содержанием с соответствующей ему совокупностью ценностей и смыслов.

Можно с уверенностью констатировать, что в настоящее время ведется ожесточенная информационная война как внутри страны, так и за ее пределами за содержательную ценностно-смысловую наполненность отечественного этоса. В этом контексте актуальность рассмотренной темы многократно возрастает. Проблема же соотношения менталитета и этоса должна быть изучена на материале других духовных и культурных традиций. Благодаря этому можно будет концептуализировать исследования, проводящиеся в рамках данного проекта, подвести их под единое теоретическое основание.

2.3. Роль языковой политики государства в формировании французского этоса

Формирование национального этоса – это сложный и многокомпонентный процесс, который является непрерывным и бесконечным. Сложно сказать, какие аспекты жизни нации влияют на этот процесс в большей степени, а какие в меньшей. Тем не менее возможно предположить, что существенное влияние оказывает такой аспект культуры, как языковая ситуация в стране, отношение людей к родному языку и, в частности, государственная языковая политика. В данной работе мы предпринимаем попытку определения роли языковой политики в формировании некоторых особенностей французского этоса.

Для начала следует отметить, что у французов особое отношение к своему языку, которое кратко можно выразить фразой французского писателя Антуана Ривароля: *Tout ce qui n'est pas clair, ce n'est pas français* (Все, что непонятно, то не по-французски). Французский язык официально возведен в ранг национального достояния страны и государства, так как «Язык для французов – главная материя духа. Именно язык связывает нацию воедино» [Соколов 2003:

110]. Вероятно, поэтому языковая политика Французской Республики ориентирована только на французский язык, то есть государство абсолютно не поддерживает региональные языки национальных меньшинств, проживающих на территории страны, аргументируя это тем, что «Франция – страна, в которой нет меньшинств» [Third Periodic Report 1996]. Несмотря на то что существует декларация, закрепляющая право национальных меньшинств пользоваться родным языком, тем не менее «конституционные соображения не допускают присоединения Франции к международным конвенциям, признающим меньшинства как таковые и как носителей коллективных прав» [Fourth Periodic Report 2007].

Кроме того, во Французской Республике предпринимаются активные меры по регулированию внутренней языковой ситуации, а также проводятся внушительные кампании в отношении внешней языковой политики: создание государственных структур, которые вырабатывают и реализуют лингвистическо-культурную политику своей страны на международной арене. Таким образом, французы не только озабочены сохранением своих национально-культурных и языковых особенностей, но и склонны к популяризации своей культуры и языка далеко за пределами французского государства. Эта склонность начала проявляться еще в колониальную эпоху: руководствуясь идеями равенства и интернационализма, французы пытались внедрить французский язык и культуру на завоеванных территориях путем обучения местной элиты, то есть проводили политику европеизации колоний через призму их представлений о мире [Соколов 2003]. Согласно Н.А. Бердяеву, причина кроется в том, что для француза его тип цивилизации универсален и единственен, весь же остальной мир – варварский [Бердяев 2008: 165]. Вера в свою уникальность, вероятно, побуждает Францию к воздействию на умы других народов посредством интеграции французских национальных ценностей и взглядов: «Экспансия французского имеет просветительскую миссию и в то же время способствует укреплению политических позиций Франции на международной арене. Эта просветительская миссия связана с подсознательной верой французов в то, что Франция является носителем универсальной идеи, идеи о том, что природа человека везде и во все времена неизменна, а законы этой природы наиболее полно отражены и соблюдены во Франции» [Gordon 1978]. На наш взгляд, это не что иное, как проявление такой особенности национального этоса французов, как эгоцентризм – концентрация внимания только на собственной

личности, своей стране и культуре. Н.А. Бердяев так говорил об этой черте французского сознания: «У французов меня поражала их замкнутость, закупоренность в своем типе культуры, отсутствие интереса к чужим культурам и способности их понять. Уже по ту сторону Рейна для них начинается варварский мир, который, по их мнению, не является наследником греко-римской цивилизации. Французы верят в универсальность своей культуры, они совсем не признают множественности культурных типов» [Бердяев 1990: 238]. С одной стороны, эта особенность менталитета может свидетельствовать о некой культурной ограниченности, что выражается в незнании и, как следствие, неприятии чужих идей. Интересно, что еще М. Монтень в своих «Опытах» подмечал этот национальный недостаток: «Мы погружены в себя, замкнулись в себе; наш кругозор крайне мал, мы не видим дальше своего носа» [Монтень 1954: 203]. Но, с другой стороны, французский эгоцентризм способствует глубокому погружению в свою уникальную культуру, познанию своих национальных особенностей и изучению родного языка.

Помимо эгоцентризма, сформированного под некоторым влиянием языковой политики, мы считаем, что консерватизм также испытал подобное влияние. А в качестве доказательства обратимся к деятельности научного учреждения, целью которого является изучение французского языка и литературы, регулирование языковой нормы французского литературного языка – Académie Française (Французская академия). Академия возникла в 1625 году, сейчас она насчитывает 40 академиков, членство которых является пожизненным, за что их прозвали *les immortels* (бессмертные), а девиз Французской академии, не менявшийся со времен кардинала Ришелье, – *À l'immortalité* (Для бессмертия). Каждый новый академик становится преемником умершего и, входя под своды Академии, обязан произнести речь в честь своего почившего предшественника, что как нельзя лучше подчеркивает идею преемственности и сохранения традиций Академии, а также определяет главную интенцию работы Академии – уважительное и бережное отношение к своему прошлому и своим традициям. На наш взгляд, консервативные убеждения французов способствуют сохранению их самобытности, особенно в условиях многократного усиления влияния со стороны иноязычной среды.

Следует отметить еще одну особенность французского этоса – скептицизм. Он проявляется в неприятии иностранных слов, что и нашло выражение в формировании основной задачи Французской

академии – подвергать сомнению иностранные названия новых объектов и явлений, пропускать их сквозь французскую языковую традицию и создавать свои собственные языковые единицы, которые довольно легко входят в обиход. «Ни один другой народ не вел столь упорной борьбы за сохранность своего языка» [Соколов 2003: 111]. В попытке оградить свой язык от иностранного вмешательства французское государство старается создать препятствия на пути языковой унификации и, напротив, благоприятные условия для функционирования своих культурно-языковых особенностей. 31 декабря 1975 года был подписан закон о защите французского языка от вторжения английского и любого другого языка [Gordon 1978]: «Язык – мощный определяющий фактор национального самосознания, посредник национального наследия, истинный проводник этого наследия, в котором школа не может являться основным средством передачи этого наследия. Мы не согласны с теми, кто смиряется с вырождением языка, с тем, что грамматика, лексика и стилистика становятся поверхностными, бедными и ненасыщенными и что меньше и меньше людей изучают национальную литературу, которая является наследием и национальным сознанием» [Harold 1996: 113].

На наш взгляд, языковая борьба, которую уже много веков ведут французы, способствовала укоренению консерватизма и скептицизма в качестве национальных особенностей их этоса. Консерватизм проявляется в идее сохранения старых законов, обычаев и порядков: «Я разочаровался во всяческих новшествах, в каком бы обличии они нам ни являлись, и имею все основания для этого, ибо видел, сколь гибельные последствия они вызывают» [Монтень 1954: 203]. Консерватизм способствует здоровой преемственности поколений и верности национальным традициям. В свою очередь, скептицизм несколько отдаляет Францию от остального мира по причине настроенного отношения к чужой культуре. Но в то же время привычка пропускать все через собственный острый разум обеспечивает им здоровую критику происходящего в мире. Это скептическое отношение к «чужим» толкает их к «своим», то есть побуждает трепетно относиться к своей семье, стране, национальным традициям и культуре в целом.

Итак, мы проанализировали языковую политику Французской Республики и смогли в некоторой степени проследить степень ее влияния на формирование национальных особенностей французского этоса, которые, на наш взгляд, являются наиболее значительными: эгоцентризм, консерватизм и скептицизм. Безусловно, это

не дает нам права утверждать, что всем без исключения представителям французской нации свойственны эти черты. Не стоит забывать об уникальности каждого отдельного человека и о том, что чистые национальные характеры все же не встречаются в абсолютном выражении среди представителей любой нации.

2.4. Религиозные основания американского этоса и их отражение во внешней политике США

Многие поколения американцев, по-видимому, верили, что американское общество – лучшее из всех возможных и остальной мир сделался бы намного лучше, если бы стал больше походить на нас.

У.Р. Мид

Нет сомнения в том, что Соединенные Штаты Америки ведут достаточно агрессивную внешнюю политику, что, в частности, выразилось в том, что за период в 300 лет они свыше 130 раз затевали военные конфликты и вмешивались во внутренние дела других стран. Эта агрессивность приобрела особенно бесцеремонные формы после развала СССР, а в последние два десятилетия США вообще многие свои международные акции, связанные с применением военной силы, осуществляли без санкций ООН и даже вопреки ее принципам. Закономерно возникают вопросы: с чем связана такая агрессивность одной из ведущих стран мира, ныне еще не утратившей претензию на глобальное лидерство.

С нашей точки зрения, было бы ошибочно сводить отмеченную выше агрессивность внешней политики США исключительно к экономическим, политическим и геополитическим факторам (получение сверхприбылей американскими корпорациями и расширение рынка; пресловутый американский империализм, стремящийся к тотальному политическому господству в мире) и рассматривать ее особенности без учета религиозного фактора, сформировавшего в значительной степени национальный этос. Проблеме этоса посвящено достаточно много работ (см. работы Е. Анчел, В.И. Бакштановского,

Ю.В. Согомонова, М.Г. Ганапольского, Г.Д. Гачева, А.А. Гусейнова, В.Т. Ефимова, М. Оссовской). Нашим представлениям больше соответствует трактовка этоса, данная В.Ш. Сабировым, согласно которой этос есть мотивированное поведение людей, включающее не только собственно морально-этические ценности, как полагают большинство перечисленных авторов, но и другие: религиозные, эстетические, политические и т. д. Поскольку в обычном человеческом сознании все эти мотивы тесно переплетены, нельзя их рассматривать изолированно друг от друга [Сабиров 2016: 232–233].

Учитывая то, что большинство переселенцев из Европы в Америку были протестантами, логично предположить, что именно это обстоятельство сыграло одну из решающих ролей в формировании этоса американского народа.

Протестантизм ведет свое начало с выступления Мартина Лютера, немецкого богослова, выдвинувшего в начале XVI века новый постулат христианского учения, который заключается в спасении силою «одной только веры». М. Вебер конкретизирует эту мысль: «Если ты веруешь, то Богу угодно и физическое, и духовное, то, что делается по долгу службы, ешь ты или пьешь, бодрствуешь или спишь, все, что связано с плотью или духом» [Вебер 2011: 36]. Непременным условием спасения стала считаться внутренняя свобода христианина, его сознательное и неподневольное стремление к добру. Лютер говорил о том, что нельзя добиться спасения, если жить по «назначенному», исполняя заранее предписанные «добрые дела». Его новая теология начинается с издания 95 тезисов, где он осуждает торговлю индульгенциями, которая была распространена по всей Европе. Лютер, несмотря на страх быть сожженным на костре как еретик, выступает против старого церковного уклада и дает новое толкование Священного Писания, которое «не требует от грешника ничего, кроме сердечного раскаяния и решимости нести свой крест» [Соловьев 1984: 152]. Он утверждает, что провинившийся не должен платить церкви и, таким образом, откупаться от своих грехов, даже если это и грозит грешнику церковным ostracismом, поскольку «отлучение означает лишь исключение из внешней церковной общности, но не означает отторжения от Христа, а потому не предполагает, чтобы люди относились к отлученному как к отверженному, отказывая ему в своем расположении и любви» [Там же: 174]. В своих работах Лютер представляет веру как непреложную любовь к ближнему, которая заменяется в его более поздних работах «службой ближнему». «Тот, кто упорно трудится, вырастает в глазах Бога, хотя бы сословие его было презираемо,

а должность еле приметная» [Там же: 358]. В данных словах прослеживается новое представление о Боге, Который ценит в человеке прежде всего прилежного и предприимчивого работника, и вводится понятие «призвание», которое ранее применялось только к деятельности священников [Там же: 358].

В данных положениях уже можно заметить некоторую тенденцию к выводу о предопределенности жизни человека на земле, данной ему Богом. Тот, кто добросовестно трудится на любом поприще, нашел свое «призвание», следовательно, является богоизбранным человеком.

Одним из самых ярких последователей протестантизма выступил Жан Кальвин, осуществивший реформацию в Швейцарии. Главной отличительной чертой кальвинизма явилась тема «избрания». Однако, если для лютеранства «избрание» осталось человеческим решением возлюбить Бога, то для кальвинистов данный термин означает не человеческое, а Божественное решение избрать определенных людей.

В.А. Бачинин делает большой акцент на том, что, по Кальвину, Бог является «величайшим режиссером на мировой арене», ибо все его богословско-теоретические размышления наполнены теоцентризмом, подтверждение чему мы находим в его «Наставлении в христианской вере»: «Познав таким образом Бога и чувствуя, что он правит всем, душа доверяется его защите и покровительству и всецело ему предается. Сознывая его творцом всяческих благ, она обращается к Нему с мольбой и ожидает от Него помощи в беде и нужде... Считая Бога Господом и Отцом, душа с полным основанием склоняется перед его превосходством, почитает Божье величие, способствует возрастанию его славы и повинуетс я его заповедям... Однако ее не ужасает Божий суд, и она не желает избежать его, даже если бы имела такую возможность» [Кальвин 1997. Т. 1: 148].

Безусловно, такая теоцентричность и ведет к основному постулату кальвиновского учения – к абсолютному предопределению, согласно которому «люди изначально разделены Божественной волей на избранных и осужденных; есть те, кому не дано ни уверовать, ни изменить свою посмертную участь, остающуюся непостижимой и составляющую тайну Бога» [Бачинин 2010]. Именно эта интенция является одной из ключевых в этосе американского народа, где положение о «предопределенности» было экстраполировано на целую нацию: каждый американец считает себя «богоизбранным» из-за того, что он родился американцем, что уже этим Бог даровал ему путь к спасению. Безусловно, этим тезисом не ограничивается его путь к спасению, ибо составляет только его начальную ступень.

Чтобы быть полностью спасенным, необходимы определенные доказательства такого рода избранности. Главным критерием для определения «богоизбранности» стал считаться успех и наличие денег. Если человек добился какого-либо успеха и достиг хорошего материального положения, то он, по мнению американцев, отмечен Богом. Несмотря на декларацию о равных возможностях людей при рождении, они полагают, что одних Бог все же предопределяет к спасению, а других к гибели.

Имея принцип «предопределения» как основополагающий в своем этосе, американцы делят как людей, так и целые народы и страны по данному принципу. По их мнению, есть страны, которые изначально отмечены Богом как «спасенные», то есть которые преуспевают в своем экономическом и социальном развитии. Существуют также страны, которые якобы определены к гибели, т. е. не процветающие экономически, и в которых происходили войны или иные катаклизмы. К этим странам у США имеется соответствующее отношение. Здесь принцип «предопределения» тесно переплетается с прагматическими моментами. Опять же сами американцы не считают, что плохо поступают в отношении тех или иных народов, поскольку не они, а Всевышний поставил на них ту или иную метку.

Считая себя «богоизбранным» народом, американцы убеждены, что они во многих аспектах стоят выше других наций. Таким образом, американцы уверены в том, что они несут на себе определенную миссию и должны «спасать» другие народы, распространяя свои идеи и принципы жизни по всему миру. У.Р. Мид в своей книге «Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска» провозглашает идею о том, что у Америки есть определенная «большая стратегия», которая наделена таким качеством, как «мессианство» [Мид 2006: 16–17]. Более того, речь здесь идет не просто о распространении во всем мире принципов свободы и справедливости, но представляется самим американцам как особый национальный «долг» перед другими народами. «Перед Соединенными Штатами стояла задача сделать нечто большее, чем перенять эстафету в исторической смене великих империй. Нам предстояло выстроить систему, которая могла бы, по меньшей мере потенциально, положить конец тысячелетним конфликтам между великими державами. Мы должны были строить систему сил, которая принесла бы длительный мир всему миру...» [Там же: 24].

А. Галстян в статье «Американская исключительность: Мессианство и реальная политика» поэтапно раскрывает формирование идеи

«исключительности американского народа» [Галстян 2014]. Америка представляет собой яркий пример того, как религиозная вера проложила свой определенный вектор ведения как внутренней, так и внешнеполитической деятельности. Миссия Америки заключается в том, что она является как бы посредником для передачи человечеству некоего «божественного плана». Многие политические деятели, включая президентов, упоминали идею «исключительности» при определении политического курса своего государства и оправдании тех или иных политических действий. В свое время президент Р. Никсон «официально заявил об американской исключительности как об объективной необходимости для всего свободного мира» [Там же].

Особая миссия США, по убеждению ее идеологов и политиков, заключается в распространении демократических принципов, идеалов и принципов свободы, справедливости и равенства по всему миру, где ключевым, бесспорно, является понятие «свободы». Вообще вся американская история, по словам историка Дж. Бэнкрофта, представляет собой постоянное движение к свободе. Описывая исторический путь развития США как особый путь развития, он называет его «крестовым походом за демократические свободы» [Балахтин 2013].

Итак, американцы уверовали в то, что они осуществляют некий «божественный план» и просто обязаны донести до остального мира свои идеологические принципы и установки, поскольку сам Господь Бог сделал их своими посредниками. Идея мессианства стала одной из основных во внешнеполитической деятельности США. Поскольку американцы убеждены, что их принципы являются единственно верными, они пытаются донести их до остальных народов, полагая другие идеологические установки ложными. Эти установки не могут быть истинными, потому что исходят от народов, которых не коснулось «божье провидение». Следовательно, такие народы являются неправильными, их нужно исправить или совсем искоренить. Однако далеко не все народы соглашаются принять «демократические принципы свободы», навязанные американским государством, и за это им приходится расплачиваться войнами и другими социальными катаклизмами. Самым трагичным моментом здесь является, пожалуй, то, что американцы свято верят, что они воюют за правое дело. Слова Л. Велвела, ректора Массачусетской юридической школы, подтверждают это: «Мы верим, что всегда воюем лишь ради дела Божьего и что поэтому мы должны воевать, иначе демократия, свобода и экономическое благосостояние будут потеряны» [Росс 2010].

Идея богоизбранности и исключительности тесно переплетена у американцев с маниакальной фобией перед внешней агрессией, их стремлением к защите от «внешнего врага», который якобы постоянно угрожает их национальной безопасности. «Наши глобальные мировые интересы стали причиной нашей уязвимости перед лицом остального мира и необходимости обеспечивать безопасность» [Мид 2006: 21]. Устойчивое навязывание своего внешнеполитического курса Америка оправдывает тем, что она попросту защищается от своих внешних врагов, самым главным из которых в настоящее время представляется Россия. На Западе всегда существовал страх перед Россией, который уходит корнями еще в книгу пророка Иезекииля, предрекавшего угрозу народу Израилеву, исходящую от страны Рос (Рош) [Библия... Иез. (38; 1–23)]. Этот страх углубляется еще и тем, что душа и этос русского народа никогда не будут до конца понятны американцам. Впрочем, взаимоотношения США и России и национальных этосов, по сути дела двух разных мессианских народов, есть особая тема, которая требует специального анализа.

Таким образом, протестантизм, привнесенный европейскими поселенцами, глубоко укоренился в национальном сознании и стал основополагающим в этосе американского народа. Руководствуясь принципом «предопределения», американцы строят свою жизнь как внутри своей страны, так и по отношению к иным странам и народам. Данный принцип, как видно, имеет очень часто негативные последствия, которые не останавливают американцев в их мессианской деятельности, поскольку среди них господствует четкая убежденность в своей богоизбранности, и, соответственно, сам Бог велит им поступать тем или иным образом в отношении других людей и народов.

2.5. Основные характеристики этоса исламистского сообщества

Этос исламистов, выступающий основой мировосприятия и системы ценностей радикального ислама, представляет собой крайне важный предмет исследования, который способен прояснить глубинные смыслы и мотивы экстремистской деятельности

религиозно-политических движений салафитов-джихадистов и других направлений радикализированного и политизированного ислама. При этом фактическое состояние этой многогранной научной проблемы оставляет желать лучшего, поскольку при достаточно детальной исследованности современного религиозного фундаментализма и исламизма в его исторических, политических и отчасти социологических аспектах этико-феноменологический анализ экстремистского сознания исламистов крайне редко становится непосредственным объектом изучения.

Феноменологический мир религиозно-идеологического сознания исламистов и его этическую основу можно реконструировать при опоре на программные и просветительские тексты наиболее влиятельных идеологов «политического ислама», циркулирующие в соответствующей среде. В первую очередь будем опираться на двух наиболее влиятельных авторов – идеолога египетских «Братьев-мусульман»¹ Сайида Кутба и ведущего идеолога индо-пакистанского фундаментализма Абу Аля аль-Маудуди. Эти тексты можно рассматривать двояко. С одной стороны, они задают основные координаты и параметры исламистского ценностно-нравственного сознания, формируют его. С другой стороны, они сами являются отражением этого сознания, его идеологически (порой авторски и оригинально) осмысленной и отрефлексированной версией.

Первое, что следует констатировать: исламистское мирозерцание, как и традиционная мусульманская картина мира, построено на принципе теомности. Идеи блага, истины, добра, справедливости – все они, так или иначе, выводятся из теомной этической системы, стержнем которой выступает принцип таухида – бескомпромиссного Единобожия. Исламистская система духовно-нравственных ценностей в своих базовых предпосылках опирается на исламское богословие и общеисламский богословский фундамент в его суннитском варианте (далее мы будем вести речь о духовно-нравственных ориентациях исламизма, сформировавшегося именно на почве суннитской религиозной культуры). При этом следует особо отметить: наследуя базовые ценности ислама, идеология исламизма расставляет свои собственные только ей акценты, а в некоторых моментах демонстрирует эксплицитно радикализированные и осмысленные в воинственном ключе прежние религиозно-правовые и духовные категории.

¹ Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

Исламская картина мира изначально построена на рационально ясном и прямолинейном утверждении единственности и неделимости Божества, которое мыслится прежде всего трансцендентно. Между сотворенным миром и вечным Творцом лежит бытийная пропасть, которую невозможно преодолеть из-за самого подчиненного статуса любого тварного существа. Коран настаивает на том, чтобы Аллаху «не придавали сотоварищей», смешивая его Божественную суверенность с каким-либо объектом сотворенного мира. В отличие от парадоксальной теологии христианства, построенной на сверхразумных духовных истинах, не подчиняющихся строгой логике человеческого ума (таких, как двойственная природа Христа, его Богочеловечность или догмат о Боговоплощении, учение об одновременном единстве и триипостасности Бога, трех Лицах Божества – Отце, Сыне и Святом Духе), ислам покоится на «рациональной вере», как бы парадоксально это ни звучало для уха современного человека. Богословская система ислама пронизана духом рационализма от самых своих истоков.

Доказательство бытия Бога, наличие у мира Творца опирается на очевидный силлогизм. Если мир един и подчиняется одним объективным физическим законам, у него должен быть единый Создатель. В исламе Он именуется Аллахом. Если попытаться объяснить буквальный смысл этого имени, то его эквивалентом в привычном нам языке будет слово «Бог». В арабском языке «илах» обозначает Божество, тогда как частица «аль» имеет значение артикля определенности. Первая часть шахады, символа веры мусульман – «ля илаха илля Ллах» – означает общемонотеистическую декларацию: «нет божества кроме Бога». Тогда как вторая часть дополняет эту декларацию словами «Мухаммаду расулю Ллах», т. е. «Мухаммад – посланник Аллаха». В этой фразе, помимо утверждения об особом статусе основателя ислама, в свернутом виде заключен «догмат» о пророках и их миссии. Поскольку Бог-Творец несоизмерим с творением, будучи трансцендентной причиной существования бытия, он раскрывает себя человеку опосредованно через своих представителей – посланников, или пророков, которые несут человечеству Божественное Слово. В свою очередь пророки, будучи людьми, избранными для особого служения, также не могут вступать в непосредственный контакт с Богом (кроме некоторых исключений, как в случае с преданием о «вознесении» и ночном путешествии пророка Мухаммада на небеса, к Трону Всевышнего), Божественные повеления они получают через ангелов, подобно тому, как, согласно

преданию мусульман, Мухаммад получал изречения Корана через посредничество ангела Джабраила. Согласно исламскому вероучению, Божественная воля раскрывается в священных Книгах, ниспосылаемых пророкам, таких как Таурат (Тора), Инджиль (Евангелие), Коран (аль-Қур'ән).

Таухид, строгое и логически ясное Единобожие, – первый доктринальный столп, на который опирается общеисламское мировоззрение. В его современной фундаменталистской трактовке, однако, он приобретает некоторые важные акценты, которые ведут к значительным последствиям. Это прежде всего усиление политизации и юридизации концепта «власти», или «суверенитета», Единого Бога и метафорическое огосударствление отношений между Богом и человеком.

Один из характерных концептов части исламистских течений – понятие суверенитета Бога – «хакимийя». Оно было введено в оборот аль-Маудуди, представителем умеренного религиозного фундаментализма в исламе, и, по всей видимости, было позаимствовано Кутбом для обоснования революционной теории учреждения исламского правления. Этот термин не является классическим для мусульманской мысли, поскольку он не встречается ни в Коране, ни в Сунне, за что его иногда критикуют как нововведение. Причем его употребление С. Кутбом было раскритиковано Хасаном Исмаилом аль-Худейби, верховным наставником «Братьев-мусульман», в книге, изданной в 1949 году. В это время руководство движения стояло на умеренной политической позиции, признавая допустимым участие «Братьев» в легальных выборных органах государства [Коровиков 1990: 44]. Хакимийя означает идею, согласно которой всевластие Бога проявляется не только в онтологическом господстве над Вселенной и человеком, но также и в социально-политической сфере, где правовые установления в норме должны отражать Божественную волю, выраженную в религиозном законе. Разница между толками исламизма, представленными аль-Маудуди и Кутбом, заключается в степени признания легитимности человеческого закона и конвенциональных основ правления человека. Аль-Маудуди в ряде своих сочинений, возможно в силу активного участия в реальной политической жизни Пакистана, разрабатывал концепцию теократии – исламского правления, в котором суверенитет Аллаха, реализуемый через Божественный закон (шариат), сочетается с ограниченным народным суверенитетом мусульман, реализуемым через выборную демократическую систему [Maududi 2000]. Кутб же

настаивал на абсолютном суверенитете Бога и был сторонником отказа от каких-либо законов, имеющих человеческое происхождение.

1. Категория «служения» в отношениях между абсолютным и человеческим бытием

Рассматривая общие компоненты религиозного дискурса, принятого в исламистской идеологии, можно заметить, что отношения между Богом и человеком объясняются через метафоры, придающие государственно-политическую окраску содержанию этого взаимодействия. Смысл предназначения человека, по словам аль-Маудуди, – быть хорошим слугой, или вассалом, единственного, подлинного Сузерена, владеющего всей Вселенной. Человеческая сущность раскрывается в полной мере лишь в условиях свободной и сознательной покорности подлинному Хозяину. И это двойное подчинение, подчинение в двух сферах – онтологической и моральной. Его же результатом должна стать покорность во всех делах прямой воле Божества.

Онтологическое подчинение Божеству проявляется в необходимости и строгом детерминизме Божественного закона, учрежденного на уровне физических закономерностей и правил функционирования природы. Эта картина любопытно изображается в изложении аль-Маудуди, которое во многом является продолжением ортодоксальной исламской концепции «аль-Фитр», гласящей, что человек от рождения является мусульманином и лишь социальные условия могут заглушить в нем зов подлинной веры:

«...Мир – это управляемая свыше Вселенная, в которой все следует предопределенному закону. Этот могучий, все охватывающий закон, который управляет всем мирозданием – от мельчайших частиц пыли до величественных галактик, – является законом Бога, Творца и Правителя Вселенной. Так как любое творение подчиняется закону Господа, то и вся Вселенная буквально следует Исламу, потому что Ислам означает не что иное, как подчинение и повиновение Аллаху, Владыке Вселенной. Солнце, Луна, Земля и все остальные небесные тела являются, строго говоря, тоже «мусульманами». То же относится и к воздуху, воде, камням, деревьям и животным. Все во Вселенной является «мусульманским», поскольку подчиняется Богу согласно Его законам. Даже человек, который отказывается от веры в Аллаха, вынужден волей-неволей быть мусульманином относительно своего телесного существования, ибо на любой стадии жизни, от эмбриональной до превращения в прах после смерти, каждая клетка его плоти, каждый член его тела следуют закону, предписанному Богом» [Маудуди 1995: 6–7].

Говоря о порядке функционирования природы, следует сказать, что «закон», как правила и порядок существования вещей, имеет принудительный характер. Это то, что подчиняет помимо воли и желания исполняющего. Моральный аспект подчинения связан с той сферой, которая напрямую не регулируется Богом, но где Бог ясно выражает Свою Волю, требуя ответного встречного и добровольного движения со стороны относительно автономно существующего человека. Это сфера свободы воли. Здесь человек несет моральную ответственность за то, что он избирает в качестве ценностного ориентира в своей жизни и каким критерием измеряет нравственную оценку своих действий.

Одним из важных разворотов темы власти и подчинения является обратная сторона уклонения от добровольного исполнения своего служения Богу. Если родоначальник протестантизма Мартин Лютер считал, что там, где человек действует не в согласии с Божественной волей, он попадает под власть дьявола, идеологи исламизма XX–XXI веков подчеркивают, что там, где человек уходит в область своеволия и отклонения от исполнения Божественных установлений, он попадает во множественные сети, расставленные полным соблазнов и опасностей земным миром (дунья). Человек становится поглощенным различными формами неподлинного бытия, но его доля ответственности за уклонение выше, чем его соблазнитель – шайтана и злых духовных существ.

В исламистском мирозерцании человек в своем существовании поставлен перед фундаментальной дилеммой – либо нравственное подчинение власти Божественной, либо подчинение земным вещам, что неизменно ведет к подчинению тагуту (земным владыкам, иллюзорно узурпирующим подлинную власть Всмогущего) или шайтану – своевольной злой духовной силе. Теоретики исламизма при этом мыслят преимущественно в мирских категориях, упоминая подчинение шайтану лишь вскользь, сосредоточивая свое внимание на антропологических и социальных аспектах духовного рабства.

Подчинение земным вещам в начальной стадии имеет форму эгоистической погруженности в свою самость, подчинения своим страстям. Это состояние расценивается как минимум в качестве эгоистического отпадения от цельности бытия в пользу эфемерных земных удовольствий и духовного невежества, а как максимум – в качестве претензии на обоготворение самого себя или полную эгоистическую автономию существования. Вторая перспектива тем не менее всегда оборачивается состоянием, противоположным

чаемому – отдачу себя под онтологически неподлинную, но социально обусловленную власть себе подобных. Пренебрежение религией как социальным установлением и высшим критерием решения всех дел приводит к ситуации эксплуатации человека человеком.

Кутб оценивает как первый, так и второй сценарий уклонения от власти Бога как имеющий один конечный результат, а *ислам* – как средство освобождения от ложного подчинения: «Исламская религия суть общая декларация освобождения человека на этой земле от порабощения другим человеком, а также от поклонения своим прихотям, что является тем же порабощением человека человеком» [Кутб 1997: 33]. Любые источники власти и все, что может считаться задающим нравственные ориентиры для поступков человека, не вытекающие непосредственно из Откровения, Кутб рассматривает как ложные формы подчинения человека и даже узурпацию «суверенитета Бога», а следовательно, обожествление человека: «...отнесение власти к людям, когда источником власти являются сами люди, есть не что иное, как обожествление человечества, в результате чего одни люди становятся господами для других, помимо Аллаха» [Там же]. Максима, сформулированная Кутбом (которую он называет «правилом исламского призыва»), звучит так: «...принятие Закона Аллаха Единственного во всяком случае и отвержение любого другого закона, каким бы он ни был...» [Там же: 21]. В этом мыслится суть ислама.

Салафитско-ваххабитская версия исламистского дискурса построена на выделяемом в качестве идеологически системообразующего коранического изречения (при этом оторванного от интертекстуальных коннотаций и превращенного в универсальный принцип): «А кто судит не по тому, что ниспослал Аллах, те – неверные...» [Коран... 1990: сура 5 (114), аят 49]. Это изречение звучит неизменным рефреном в ваххабитских сочинениях. При этом глагол «судить» в данной интерпретации имеет однозначный и исключительно правовой смысл, что открывает еще один специфический аспект понимания законосообразного устройства этого мира и власти Абсолюта. Другими словами выражает ту же мысль Кутб: «Наитяжелейшим порабощением с точки зрения ислама является подчинение людей законодательным нормам, изданным для них другими представителями человечества, в то время как такое поклонение должно совершаться только перед Аллахом и не перед кем другим» [Кутб 1997: 34].

При этом следует заметить, что цитируемый аят Корана отсылает его слушателя (читателя) к доисламским временам – суждение

и приговор Бога, выраженные в этом фрагменте, относятся к иудейской общине, которая порицается за то, что она отошла от руководства и суда по Торе, дарованной Аллахом. Далее следуют *аяты*, которые критикуют христиан за отход от следования Священному Писанию, дарованному им. Приведем эти связанные друг с другом аяты в переводе академика И.Ю. Крачковского:

«Мы низвели Тору, в которой руководство и свет; судят по ней пророки, которые предались, тех, кто исповедует иудейство, а раввины и книжники – сообразно с тем, что им дано на хранение из писания Аллаха, и они – об этом исповедники. Не бойтесь же людей, а бойтесь Меня! И не покупайте за Мои знамения малую цену! А кто не судит по тому, что низвел Аллах, то это – неверные.

И предписали Мы им в ней, что душа – за душу, и око – за око, и нос – за нос, и ухо – за ухо, и зуб – за зуб, и раны – отмщение. А кто пожертвует это милостыней, то это – искупление за него. А кто судит не потому, что низвел Аллах, те – несправедливы.

И отправили Мы по следам их Ису, сына Марйам, с подтверждением истинности того, что ниспослано до него в Торе, и даровали Мы ему Евангелие, в котором – руководство и свет, и с подтверждением истинности того, что ниспослано до него в Торе, и руководством и увещанием для богобоязненных.

И пусть судят обладатели Евангелия по тому, что низвел в нем Аллах. А кто не судит по тому, что низвел Аллах, те – распутники» [Коран... 1990: аяты 48–51].

2. Юридизация духовности и огосударствление божественной власти

Итак, следующий важный акцент, отличающий всех исламистов, в восприятии и переживании общемусульманских трансцендентальных ценностей связан с юридизацией духовности. Бог обладает не только онтологической властью, но также и законодательной в самом буквальном правовом значении. Вообще, исламистскому, как и изначальному исламскому религиозному сознанию, присуща тенденция к приданию богословским понятиям значения юридических, введение правового аспекта в онтологические и духовные отношения между Богом и миром, Богом и человеком.

Религиозный закон ислама (шариат) содержит в себе не только нормы, регулирующие культовую деятельность и моральные отношения между людьми, но также напрямую затрагивающие гражданско-правовые (регуляция брачно-семейных отношений, правил наследования имущества) и уголовно-правовые вопросы (наказание

за воровство, прелюбодеяние, пьянство, отречение от веры и др.), а также правовые аспекты войны и мира. В отличие от христианства, которое ставит «благодать» выше «закона» и ориентировано на уникальное, соответствующее контексту ситуации претворение в жизнь заповедей Христа, ислам в целом тяготеет к законнической религиозности, где праведность приравнивается к строгому соблюдению формализованной в виде закона Божественной воли. При этом важно заметить, что в Средние века арабо-мусульманское государство (халифат) было устроено по заветам пророка Мухаммада, и, несмотря на проблемность его религиозно обоснованной легитимности на протяжении большей части времени его существования (после учреждения династического принципа наследования политической власти родом Умаййадов) и порой чрезвычайно секулярного образа жизни правителей, оно все же выполняло функции реализации религиозного закона на общественном уровне и распространения веры (прозелитизма).

В эпоху модерна исламские общества претерпели значительные изменения в соотношении религиозно-духовных и светско-государственных начал. Исламский мир, раздробленный в результате создания мировой колониальной системы и поражения Османской империи в Первой мировой войне (ее территории были дезингерированы, а османское государство сохранило за собой лишь территорию Малой Азии), испытал на себе влияние европейской секулярной модели. В законодательстве и праве активно внедрялись европейские правовые обычаи. Модернизация Турции по модели Кемаля Ататюрка подразумевала активную вестернизацию в культуре.

Шариат – религиозный закон мусульман, имеющий свои истоки в Коране и Сунне и складывающийся в течение нескольких веков развития исламской цивилизации, представляет собой синкретическое явление. В нем объединяются религиозные нормы с моральными и юридическими предписаниями. При этом значительная часть шариатских запретов несет на себе печать правовых отношений, поскольку за нарушение некоторых религиозных норм предполагается жесткая правовая санкция [Сюкияйнен 1986: 8–9]. Вычленение юридического аспекта в религиозном законе ислама «в чистом виде» составляет проблематичную задачу для ученых, поскольку юридическое начало буквально разлито во всей религиозно-культурной системе ислама. По выражению А. Журавского, «классическая мусульманская культура – это культура правовая по преимуществу» [Журавский 2004: 58].

Исламистская система ценностей живет возрожденческими интенциями, она устремлена на восстановление всестороннего и всеохватного влияния ислама как образа жизни и системы организации общества (по образцу раннемусульманской общины), однако при этом рационализация религиозного опыта и юридизация духовности в ней достигает своей кульминации. Традиционный ислам, помимо плюралистичности форм его бытования (разделение на мазхабы, доктринальные школы и конфессиональные течения), отличается гибким отношением к этнокультурным обычаям и сохранением момента антиномичности в духовной жизни человека. Этика закона в нем сочетается с учетом фактора сложности и противоречивости духовной жизни, универсальные правила здесь соседствуют с послаблениями и уникальностью переживания и реализации религиозных императивов. Помимо этого, традиционный ислам, основанный на принципе подражания авторитетам прошлого (таклид), выстраивает целую структуру иерархических отношений между обычными верующими, духовными авторитетами и обладателями власти, между старшими и младшими. Если же обращаться к примеру организации мусульманского сообщества в виде суфийских братств, то они строятся на безусловном подчинении духовному наставнику и руководству братства (шейху или главе мистического ордена).

Поскольку исламистская система ценностей преимущественно связана с фундаменталистской интерпретацией религиозной традиции, она пронизана духом рационализма. Если протестантский фундаментализм в англо-саксонском мире первой четверти XX века опирался на шотландскую философию «здравого смысла» и буквальное толкование Библии (что подразумевало рациональную рефлексию над трансцендентными аспектами христианских истин и превращение мифа в логос согласно оценке К. Армстронг [Армстронг 2013]), исламский фундаментализм также не избежал влияния европейского Просвещения, несмотря на жесткое противостояние тенденциям модернизации и либерализации религии. Во втором случае религиозная система приобрела вид строго рационализированной конструкции, исключающей антиномичность духовных истин и духовного опыта человека, а также искоряющей любой мистический компонент, поскольку он способен разрушить эту логическую стройность и внести элемент внесистемности, кажущегося беспорядка. По этой причине фундаменталистские версии современного ислама, прошедшего через «горнило» европейской модернизации и влияние просвещенческого секулярного мировоззрения, как правило, враждебны

суфийско-мистической традиции. Исключением из этого правила были лишь ранние формы возрожденческого исламского движения, такие как доктрина ранних «Братьев-мусульман» в формулировке Хасана аль-Банни. Дальнейшее развитие исламизма показало укрепление строго рационалистического компонента, формирование дискурсивной идеологической системы и отказ от какой-либо антиномичности вероучения и мистического опыта Богообщения, характерного для аскетов-мистиков.

Суть исламизма – это стремление создать вполне законченную и непротиворечивую систему религиозных постулатов, принимаемых как неукоснительная инструкция к действию. Здесь упраздняется диалектичность и антиномичность духовной жизни, разрушается принятая иерархическая система авторитетов и субординации.

Отношения «господства» и «рабства», изначально заложенные в исламской картине мира (вспомним в этом контексте кораническое изречение: «Я создал джиннов и людей только для того, чтобы они поклонялись Мне» [Коран 1990: 51; 56]), по мнению А.В. Смирнова, на самом деле выстраивают ось «Божественное – человеческое» не по вертикали, как может показаться на первый взгляд, а по горизонтали, по принципу взаимодополнительности. Противоположности в данном случае не взаимно исключают друг друга, но взаимно предполагают. Всевластие Бога автоматически предполагает и даже «требует автономии действия раба» [Смирнов 2005: 55], т. е. свободного существования человека. Однако следует обратить внимание на тот факт, что ученый, вскрывая философско-этическую основу исламской онтологии, невольно строит свои выводы на материале излюбленного предмета своей академической мысли – суфийской версии ислама. Возможно, в суфийском мирозерцании ось «Божественное – человеческое» выстраивается именно в горизонтальном плане, поскольку в мистическом исламе поклонение Всевышнему предполагает интенсивное Богообщение и восхождение от внешних форм ритуального поклонения ко все более расширяющемуся духовному опыту, в результате которого происходит «растворение» эгоистического и самоизолирующегося «Я» в Божественной реальности. Такое «рабство» предполагает обретение духовного совершенства, уподобление Богу.

В отличие от представленной выше трактовки исламистская ментальность, несомненно, строится на вертикальной оси «Божественное – человеческое». Безусловное господство Божества выстраивает предопределенную иерархию и «рабство» человека,

превращающееся в высшее из доступных состояний при свободном нравственном принятии подчиненного статуса – возможность добровольного служения у подлинного Владыки вместо услужения рукотворным и иллюзорным идолам этого мира. Смысл жизни человека обретает значение проверки на годность или негодность к дальнейшей «службе» при дворе Властелина Вселенной. Аль-Маудуди прямо говорит, что смысл присутствия человека в этом мире – это испытание. Однако то состояние, которое воспринимается как полная покорность воле Всевышнего, оборачивается правом на власть над миром и его обитателями в качестве уполномоченного лица. Так онтологическое рабство у подлинного Сузерена, принимаемое как долг и добровольная нравственная миссия, обращается в наместничество на земле – господство над природой и управление ею «по доверенности» от подлинного обладателя мира. По сути «рабство» у обладателя абсолютной и истинной власти обращается в безграничное владычество «раба» над земным миром.

Трактовка исключительного подчинения высшей, трансцендентной власти, воспринимаемого в категориях «службы» и «исполнения доверенных обязанностей», имеет революционные последствия в области социальной и нравственной ответственности перед себе равными – другими людьми.

Исламистская этическая установка подчеркивает принцип онтологической и духовно-нравственной свободы человека от всех социальных конвенций и земного социального порядка – тот, кто подчиняет свою волю Богу и реализует свой образ жизни в рамках шариата, тот автоматически «выключает» себя из всех связывающих его отношений «господства и подчинения» в имманентном мире. Критерий признания социальных норм и любых социальных конвенций один – соответствие религиозному закону или же несоответствие ему. По сути в такой системе духовно-нравственных ориентаций выстроена четкая прямая вертикаль между имманентным этому миру человеком и трансцендентным Божеством, которая при прямолинейной ее трактовке исключает какие-либо иные авторитеты, кроме собственного, отчасти интуитивного (насколько интуитивны все человеческие решения о принятии того или иного убеждения в отношении какого-либо предмета) мнения по вопросу о справедливости и формальной религиозной легальности поступка. Здесь встает проблема автономности действий истинно верующего, его приоритетов в иерархии авторитетов в области закона, знаний, нравов, взаимодействия

с социальным окружением, в особенности с представителями публичной законной власти и духовенства.

Фундаменталистская тенденция исламистского религиозного сознания, между прочим, выражается в ориентации на ниспровержение привычных авторитетов при подчеркивании исключительно и единственного авторитета Священного Писания и Священного Предания, а также на суммирование и детализацию их предписаний в религиозном законе, который в некоторых важных моментах *реконструируется*, *пересоздается* (подобно тому, как адепты радикального ислама создают свою салафитскую версию шариата, рисуящую ислам в качестве гораздо более ригористической и воинственной религии, нежели чем он представлен в традиционном, мазхабном исламе).

3. Этическая система исламистов и нравственный императив в радикальном прочтении

Вопрос о неизбежной дилемме подчинения истинному благу или же эгоистическим страстям имеет этическую подоснову – проблему «нравственного закона», к которому аль-Маудуди подробно обращается в статье, специально посвященной этой теме [Маудуди 2007]. Вопрос о нравственности, помимо иных измерений, приводит нас к проблеме: что есть высшее благо? От решения этой задачи зависит многое.

Аль-Маудуди пытается последовательно показать, что нравственный закон не может иметь эмпирическую, рациональную, интуитивную или социальную основу, поскольку представления о добре и зле при опоре исключительно на чувственный опыт, разум, интуицию сохраняют качества незавершенности, ограниченности, неточности. Чувственный опыт нельзя проверить критериями, которые обладают качеством абсолютной достоверности. Авторитетные мнения ученых и исследователей обременены субъективизмом и личными предрассудками. Разум способен «до определенных пределов» отличить добро от зла, также как интуиция дает нам неотрефлексированное ощущение этого различия, поскольку совесть «инстинктивно реагирует на присутствие зла». Но все эти виды познания лишены самодостаточности, поскольку не выдерживают критической проверки на несомненность, а информация, данная ими, всегда будет носить характер «несовершенной, двусмысленной, ограниченной отдельными областями знаний, искаженной, несбалансированной, даже противоречивой». В итоге «единый и общепринятый стандарт будет продолжать ускользать от нас» [Там же: 39].

При опоре на привычные человеку источники знания о «законах жизни» и «условиях человеческого существования» «...следует ожидать того времени, когда наше знание этих законов будет настолько совершенным, что позволит нам создать настоящий кодекс добра и зла. Или же, учитывая несовершенство и незавершенность наших знаний, пусть различные люди пытаются создать свои собственные кодексы добра и зла в соответствии со своими ограниченными возможностями, предубеждениями и интеллектуальными уровнями» [Там же: 38].

Отсюда исходят два любопытных вывода. Во-первых, при принятии последней ситуации в качестве нормы, возникнет «необходимость почти ежедневно вносить поправки» в этические нормы. Во-вторых, это открывает врата для полного релятивизма в нравственности, поскольку «открытие каждой новой области знания неизбежно повлечет изменение представлений о ценностях: то, что сегодня считается добром, завтра превратится в зло и наоборот!» [Там же].

Гетерономия нравственного закона, его зависимость и производность от внешних источников – уровня человеческих знаний, социальных норм и договоренности между людьми – признается несостоятельной гипотезой. Нравственный закон автономен, имеет независимую и неизменяемую основу, в противном случае о нем как наличном сущем вообще нельзя рассуждать – нравственность превращается в полностью субъективные и своекорыстные суждения индивидов. Однако в отличие от Иммануила Канта, впервые давшего развернутое обоснование нравственности как автономного и внутренне имманентного человеческому сознанию закона, но представившего его как вещь *causa sui*, не зависящую даже от религиозных установлений и Божественной воли, аль-Маудуди привязывает автономность нравственного закона к бытию Бога.

Самодостаточность морального закона и его абсолютное основание только и возможны, если он укоренен в фундаменте Божественного всезнания. Только Божество способно установить несомненные критерии различения добра и зла, поэтому подлинная нравственность не гетерономна и не автономна (в кантовском смысле), но теономна. На уровне человеческого понимания эти критерии выражены в Божественной воле, переданной через Божественное слово и Божественные повеления, суммированные в религиозном законе (шариате). Те же мысли аль-Маудуди излагает следующим словами: «“Категорический императив”, о котором писал Кант, но который он так и не мог объяснить, в действительности представляет собой Закон

Божий. Бог придал ему форму закона, и ему следует подчиняться уже только потому, что это Его закон. Нравственная добродетель – не что иное, как абсолютное и добровольное подчинение Божьему Закону» [Там же: 54].

Если нравственный закон имеет абсолютное основание в силу Божественного происхождения, какую форму должен обрести категорический императив в исламской формулировке? Смеем предположить, что этой формулировкой в самом кратком виде может быть императив – «ради Аллаха». Аль-Мадуди в этом отношении выражается более развернуто: «Любовь и трепет перед Аллахом составляют основополагающие постулаты нравственности; движущей силой, побуждающей соблюдать нравственные каноны и не допускать безнравственность, является любовь к Аллаху, стремление достичь Его удовольствия и страх перед Его гневом, этим определяется достижение (или же недостижение) блага, которое последует в загробной жизни» [Мадуди 2007: 51].

Представленная теория не что иное, как философская рефлексия над предельными основаниями нравственности, которая вполне соответствует руслу суннитской ортодоксии и лишь осмысляет категории добра и зла сквозь понятия европейской философии Нового времени. Значимость данной теории заключается в том, что она объясняет особенности нравственного восприятия не только в границах ортодоксальной традиции, но также и экстремистских течений исламизма, которые принимают основные постулаты этой концепции без лишней рефлексии по этому поводу. Новое, что эти течения добавляют в подобную религиозную ментальность, – это логическое завершение всех предпосылок данной системы нравственных ценностей.

В нормативной ценностной модели исламизма все мотивы верующего должны исходить из единственного императива – стяжания довольства Аллаха. Автору в ходе «полевого» изучения предмета приходилось встречаться с наличием исламизированной «этики долга» в салафитской среде. В рамках такой системы духовно-нравственных координат у человека отнимается право на любое удовольствие, которое исходит из личных потребностей и эгоистических желаний. В некоторых салафитских кругах, и, как мы думаем, это не редкость в целом для исламистского сознания, принято считать религиозно и нравственно дозволительным только ту деятельность, мотивом которой является исключительно религиозный долг перед Богом. В более конкретной формулировке можно пояснить это на примере: слушать нашид (традиционный жанр мусульманского

песнопения без участия инструментов), который часто сопровождает пропагандистские ролики джихадистов, следует не ради эстетического удовольствия, но только исходя из чисто религиозного намерения – «ради Аллаха». Такая система ценностных ориентаций враждебна каким-либо иным мотивам и естественным чувствам, которые встречаются в повседневной жизни человека, но могут быть уличены в качестве «гедонистических» и нарушающих чистоту нравственного долженствования.

Нравственным мотивом поступков, очищенным от любых внеморальных примесей (эгоистических намерений и социально-конструированных мотиваций), становится единственное желание снискать довольство Аллаха. Его благочестивая оборотная мотивационная сторона – страх перед Божеством и Его гневом (Богобоязненность). Эта модель нравственности вовсе не нова и характерна для основной линии исламской ортодоксии. Более традиционная интерпретация отличается лишь большей гибкостью и умеренностью, когда вводится смягчающий компонент легально дозволенной гедонистической мотивации – все, что разрешено шариатом и что доставляет чувственное или духовное удовольствие, относится к сфере морально оправданного удовольствия, Божественного вознаграждения уже в этой жизни. В радикальном религиозном сознании императив «ради Аллаха» доводится до крайней степени ригоризма и к тому же связывается с воинским этосом, набором радикализированных категорий, мобилизирующих на сражение с духовно и ценностно прогнившим миром неподлинного бытия.

В результате исламизм формирует этическую систему, близкую кантовской, но имеющую свои отличительные особенности. Долг перед Богом положен в основу этой теонормной системы. При этом исполнение долга опирается не на подчинение повелению совести в виде универсальных правил, выраженных в формализованных моральных максимах, но на рационально детализированный (но необязательно до конца рационально объясненный) религиозный закон. Другим отличием от кантовской трактовки выступает императив противостояния аморальному миру, принудительное приведение его к нормативности и оправдание насильственных средств достижения этой цели. Здесь исламистский императив смыкается с политическим аспектом фундаменталистского проекта – воплощение религиозного закона требует устранения объективных препятствий, в том числе в виде политических режимов и государственных образований, представляющих собой принцип, противоположный владычеству Бога.

Если же подобный тип нравственного сознания интегрируется с доктриной, подобной салафитскому учению о «дружбе и вражде», тогда ригористическая трактовка религиозного долга дополняется обязанностью ненавидеть все то, что ассоциируется с грехом и неверием и выказывать соответствующее практическое поведение. Императив любви к Богу, его религии и единоверцам здесь остается фактически пустой декларацией из-за крайнего сужения понятия уммы, т. е. круга подлинных истинноверующих, и концентрацией на борьбе с миром куфра (неверия). В итоге рафинированный императив религиозного долга, соединенный с императивом ненависти создают прочную этико-идеологическую основу экстремистского мировосприятия.

Раздел III

Частные аспекты лингвистики информационно-психологической войны

3.1. Семантическое описание лексической единицы «информационная атака»

Словарный состав любого языка находится в состоянии непрерывного изменения, он отражает и фиксирует те преобразования, которые происходят в жизни людей. Так, еще Н.Н. Амосова заметила, что усложнение форм бытия, развитие науки и техники, углубление знаний об окружающей действительности вызывает появление новых слов и постепенное вытеснение из языкового употребления тех слов, которые были связаны с пройденным этапом человеческой практики [Амосова 1956].

Развитие современных информационных технологий и формирование постиндустриальной (информационной) цивилизации способствуют возникновению такого социально-политического феномена, как информационно-психологическая война (см., например, [Лисичкин 2000; Панарин 2006; Почепцов 2000а]). Понятия и предметы, относящиеся к данному явлению, осмысляются, вербализуются и, как результат, становятся частью языковой картины мира.

Предметом настоящего исследования является понятие, обозначению которого служит языковая единица «информационная атака». Представляется, что семантическое описание данной лексической единицы прольет свет на содержание этого понятия, что и является целью настоящей работы. В исследовании применяются такие методы, как метод лингвистического наблюдения и описания, семантико-когнитивный метод, анализ словарных дефиниций, компонентный анализ. Полученные данные внесут свой вклад в понятийный аппарат нового научного направления, изучающего и систематизирующего основные терминопонятия, междисциплинарные связи, коммуникативные стратегии и тактики, лингвистический инструментарий информационно-психологической войны, а именно: лингвистики информационно-психологической войны [Лингвистика... 2017: 6].

Устойчивое словосочетание *информационная атака* образовано по структурно-грамматической модели «имя прилагательное + имя существительное», вид связи между компонентами – согласование.

Семантически ключевым словом в этом сочетании является *атака*. Именно оно обуславливает весь процесс формирования лексического значения единицы вторичной номинации. Ведущая роль семантически ключевых слов в несвободных сочетаниях была отмечена в работах Ю.Д. Апресяна, В.Г. Гака, А.В. Кунина. В.Н. Телия называет такие слова «опорные наименования». Их денотацией «как бы очерчивается та сфера действительности, к элементам которой прилагаются пересмысляемые значения слов, отражая при посредничестве опорных наименований кусочки действительности» [Телия 1977: 147].

Средством создания единицы вторичной номинации выступает метафора, выполняющая в языке ту же функцию, «что и словообразовательная модель, но только более сложную и к тому же действующую “скрыто” и нестандартно» [Телия 1988а: 180]. По утверждению ученых, проанализировать то, как метафора организует новое значение, значит исследовать процесс получения выводного знания, интеракцию между старым и новым знанием, когда из сопутствующих какому-либо понятию ассоциаций формируется новое знание, результатом когнитивной обработки которого будет появление нового концепта [Лапшина 1988; Телия 1988б].

В первичном номинативном значении «атака» определяется как:

– *‘стремительное наступательное движение войск во время боевых действий; нападение, решительный удар’* [Большой толковый... URL: <https://goo.gl/tjy57K>];

– *‘нападение, наиболее решительный этап наступления; стремительное, безостановочное и целенаправленное движение подразделений, частей и соединений (отдельных самолетов, вертолетов, кораблей и их групп) в боевом порядке по направлению к противнику в сочетании с интенсивным огнем в целях его уничтожения’* [Военный энциклопедический... URL: <https://goo.gl/CMtWF7>];

– *‘стремительное движение в боевом порядке подразделений, частей, соединений, а также самолетов, вертолетов, кораблей и их групп в сочетании с огнем наивысшего напряжения с целью уничтожения противника; наиболее решительный период наступательных действий’* [Словарь военных терминов. URL: <http://enc-dic.com/military/Ataka-219/>].

В приведенных определениях выделяется архисема – *‘наступление’*, конкретизирующими дифференциальными семами являются *‘стремительное, решительное, безостановочное, целенаправленное’*. Еще один компонент значения эксплицирует цель этой деятельности – *‘уничтожение противника’*.

В метафорическом переосмыслении с учетом ракурса данного исследования есть все основания рассматривать информационную атаку как *целенаправленное, массированное информационное воздействие (наступление) на адресата с целью формирования и/или изменения определенных убеждений, взглядов, оценок и в конечном итоге поведения личности* [Коцюбинская 2017: 107]. Отметим, что информационное воздействие понимается здесь как семиотически гетерогенный феномен, в котором язык хотя и основополагающий, но лишь один из возможных семиотических кодов (см., например, [Чернявская 2013]). Речь, как известно, является одной из самых сильных и результативных форм воздействия [Иссерс 2017; Чернявская, Молодыхенко 2017]. Однако информационное воздействие шире, чем речевое воздействие, оно не ограничивается только языковой составляющей. Другими словами, речь здесь идет о взаимодействии вербального с невербальным, например аудиальным и визуальным. Эти неязыковые компоненты не только обладают воздействующим эффектом, но и обеспечивают смысловую целостность информационной атаки.

Релевантными свойствами информационной атаки являются целенаправленность и массированность. При этом массированность проявляется и на количественном уровне, и на качественном. На количественном уровне она отражается в числе публикаций на одну и ту же тему за определенный период времени, а на содержательном (качественном) – в интенсивности внедрения факта и/или оценки события, соотносимого с информационной атакой [Коцюбинская 2017: 107].

В содержательной структуре языковой единицы «информационная атака» закреплён эмоционально-оценочный компонент, носителем которого является метафора. Согласно тезаурусу словесных ассоциаций русского языка, «атака» формирует негативные ассоциации, соотносённые с ведением боевых действий [Сеть словесных ассоциаций. URL: <https://wordassociations.net/ru/>]. Данные ассоциации сопровождают восприятие целого словосочетания, обуславливая его отрицательную коннотацию.

С другой стороны, как справедливо замечает И.М. Кобозева, к числу объективных проявлений коннотаций относятся те явления, которые «обычно не фиксируются словарями, но с достаточной регулярностью воспроизводятся в процессе порождения и интерпретации высказывания с данной лексемой или ее дериватом» [Кобозева 2000: 93]. Одно из таких явлений – контекст.

В марте 2016 года российское информационное агентство передает сообщение пресс-секретаря президента РФ Дмитрия Пескова о том, что: *информационным атакам могут подвергнуться президент и его семья* (РИА Новости. 28.03.2016. URL: <https://ria.ru/politics/20160328/1398647492.html>); *На Западе и в России консорциум международных расследований готовит **вброс** информации, неприкрытую «заказуху» о семье президента Владимира Путина, друзей его детства...* (Там же); *...они собираются в ближайшие дни... опубликовать очередные опусы* (Там же); *...журналисты, которые ставят свои имена под такими **агитками**... вопросы, которые задают-ся Путину в этой **агитке*** (Там же).

В приведенных примерах «информационная атака» интерпретируется по модели «X есть Y» посредством лексем *вброс*, *заказуха*, *опус* и *агитка*. Семантический анализ данных слов позволяет сделать вывод о дополнительных эмоционально-оценочных субъективно-личностных значениях, не выраженных эксплицитно в языковой единице «информационная атака». Следует отметить, что *вброс* и *заказуха* не входят в сферу литературной лексики русского языка. Они относятся к стилистически сниженным единицам языка (сленгу и жаргону) и отражаются в словарях соответствующего типа. Полагая, что использование данных единиц в речи Д. Пескова является сознательным и преднамеренным. Таким способом пресс-секретарь подчеркивает свое резко негативное отношение к информационной атаке:

вброс – ‘компромат; клевета, ложь; оскорбление’ [Словарь молодежного сленга. URL: <https://goo.gl/fcdF3p>];

заказуха – ‘заказуха – крим., мил. То же, что заказ. Заказ – крим., мол. Заказное убийство [Мокиенко, Никитина 2001: 198]; ‘жарг., неодобр. Заказной материал, публикуемый в средстве массовой информации’ [Викисловарь. URL: <https://goo.gl/DbSAEP>];

опус – ‘муз. Отдельное музыкальное произведение (или несколько одновременно написанных небольших по объему произведений), обозначаемое номером в ряду других произведений данного композитора // Шутл. Всякое сочинение, произведение [Викисловарь. URL: <https://goo.gl/DbSAEP>];

агитка – ‘разг., пренебр. Произведение литературы или искусства, преследующее лишь агитационные цели’ [Викисловарь. URL: <https://goo.gl/DbSAEP>].

Отмечаемые контекстуальные коннотации имеют неодобрительную, пренебрежительную и даже шутливую оценку, что в свою

очередь позволяет интерпретировать информационную атаку как социально-осуждаемую деятельность.

Еще одной релевантной чертой информационной атаки, как следует из высказывания Д. Пескова, является ее моделируемость (планируемость): *...стоит задача выполнить информационную атаку, срежиссировать, сострять и внедрить в информационную повестку дня* (Пятый канал. URL: <http://www.5-tv.ru/news/105617/>).

Употребление слова *срегиссировать* позволяет наделить информационную атаку свойственными театральным постановкам характеристиками – режиссер, сценарий, исполнители и др.:

срегиссировать – ‘разг. выступить режиссером спектакля, фильма и т. п.’; ‘выступить организатором, идейным вдохновителем чего-л. *С. народное недовольство*’ [Большой толковый... 2000].

По мнению пресс-секретаря президента, информационные атаки создают *не только журналисты разных СМИ, но и представители других организаций и служб* (Пятый канал. URL: <http://www.5-tv.ru/news/105617/>). Это высказывание порождает мысль о том, что атаки организуются на государственном уровне.

Прагматическая функция словосочетания *информационная атака* заключается в доведении до сознания адресата того, что транслируемые в ходе проведения информационной атаки сведения необходимо интерпретировать как ложные, искажающие действительность, заслуживающие пренебрежительной оценки.

Резюмируя вышесказанное, определим информационную атаку как планируемое, целенаправленное, массированное информационное воздействие с целью внедрения и/или изменения определенных убеждений, взглядов, оценок и в конечном итоге поведения личности. Лексическая единица *информационная атака* относится к эмоционально-оценочной лексике и обладает негативной коннотацией, обозначает социально осуждаемое явление. Прагматическая функция этого выражения заключается в активизации в сознании адресата определенного способа восприятия и декодирования информации, номинируемой как информационная атака.

3.2. Национальные отношения как мишень информационно-психологической войны

1. Анализ понятия «национализм» и тематически смежных с ним понятий

В монографии «Лингвистика информационно-психологической войны» объектом информационно-психологической войны (ИПВ) названо «сознание (психическое состояние) народа в целом или какой-либо целевой группы» [Лингвистика... 2017: 23]. Если говорить не о ИПВ вообще, а о той, которая ведется против нашей страны, то объектом воздействия надо считать русское национальное сознание. О том, что такая война идет и начата она не в последние годы, а значительно раньше, говорят многие историки, политологи, общественные мыслители (см., например, об этом [Шафаревич 2005; Панарин 2012; Кара-Мурза, Куропаткина 2014; Неменский 2013; Сергеев 2013]). Эта война тем более опасна, что она обладает, пожалуй, большей эффективностью, чем боевые действия, при меньших экономических затратах. Так, И. Панарин, анализируя опыт ведения США войны во Вьетнаме, отмечает, что «по подсчетам специалистов, расходы американской армии на то, чтобы убить одного вьетнамца, составили в среднем 100 тысяч долларов, в то время как для переубеждения его перейти на сторону США 125 долларов» (параграф 3.4).

Теперь рассмотрим объект воздействия ИПВ – национальное сознание.

Национальное сознание представляет собой сложную «совокупность социальных, политических, экономических, нравственных, эстетических, философских, религиозных и др. взглядов и убеждений, характеризующих определенный уровень духовного развития нации. <...> Национальное сознание существует как на уровне теоретического сознания (в форме идеологии национализма), так и на уровне обыденного сознания» [Этнопсихологический словарь 1999]. Суммируя, можно сказать, что в национальном сознании формируется представление народа о себе самом, его внутренний образ. И если на теоретическом уровне национальное сознание – это научно оформленная, систематизированная конструкция, то в его обыденный уровень входят потребности, интересы, ценности, чувства, настроения, обычаи и т. д. Именно обыденное национальное сознание – главная психологическая основа межнациональных конфликтов, так как в нем формируются национальные предрассудки,

негативные установки, национальная нетерпимость. Неслучайно Д.О. Рогозин считает, что «гражданские войны начинаются на ярмарках и рынках, вспыхивая на почве бытовой ссоры» [Рогозин 2012: 16]. Поскольку национальное сознание общества является столь сложным духовным образованием, каждая его составляющая – и политическая, и экономическая, и эстетическая, и религиозная, и др. – может стать мишенью ИПВ. В монографии «Лингвистика информационно-психологической войны» (книга I) рассмотрен целенаправленный подрыв таких компонентов нашего национального сознания, как русский язык, образ России, православное христианство [Лингвистика... 2017: 153–307].

Не менее серьезную угрозу, по нашему мнению, представляют действия, направленные на обострение отношений между различными этносами, живущими в Российской Федерации. Думается, что такую же разрушительную роль в ИПВ может играть и характер представления русского человека в СМИ – как иностранных, так и отечественных. Почему эти вещи можно увязать в одну проблему? Потому что формирование отрицательного образа представителя той или иной нации или этнической группы переносится на группу в целом и как бы оправдывает все то негативное, что можно предпринять по отношению к ней: мол, сами заслужили, поэтому у них этнические конфликты, разлад, проблемы и т. д.

В связи со сказанным представляется целесообразным рассмотреть национальные отношения и тесно связанный с ними национализм как мишень ИПВ.

Почему важно держать под контролем и защищать от атак такую сторону политической и социальной жизни общества, как национальные отношения?

Для полиэтнического государства реально или потенциально существует опасность «раскачивания» общества по национальному признаку, раздувания межэтнических противоречий как стратегии разрушения или, по крайней мере, ослабления общества. Противопоставление интересов национальных образований внутри государства может привести к его дезинтеграции, угроза которой существует даже в стабильных европейских странах, например в Великобритании и Испании. Еще поучительнее судьба Югославии, на рубеже веков превращенной усилиями стран Запада из единого государства в несколько небольших национальных образований. Предлогом для такого расчленения послужила необходимость защиты отдельных народов Югославии, соблюдения их национальных интересов

(подробнее о подобных явлениях см.: [Кара-Мурза, Куропаткина 2014: 74–75]).

Но, по словам президента В.В. Путина, самая большая геополитическая катастрофа постигла мир в начале 90-х годов XX века – развал Советского Союза. И это тоже было связано со ставкой на национализм в бывших советских республиках. Преемницей СССР стала Российская Федерация – по-прежнему полиэтническое государство, где живут представители более 180 национальностей, среди которых подавляющее большинство (около 81 %) русские [Население России... URL: <https://www.statdata.ru/russia/>]. С середины 90-х годов XX века почти десять лет в Российской Федерации происходили кровавые этнические конфликты и террористические акты в Чечне, Дагестане, Северной Осетии, спонсируемые и политически поддерживаемые Западом и рядом мусульманских стран. Таким образом, национальные отношения и связанный с ними национализм по-прежнему остаются такой мишенью, целенаправленное деструктивное воздействие на которую влечет серьезные опасности для нашего государства, особенно в условиях информационно-психологической войны, развязанной против России западными странами.

Об актуальности проблемы национализма в мире говорит количество исследований, посвященных этому вопросу (см. обзор точек зрения и публикаций в [Муканова 2010]). И несмотря на то что дискуссии об этом феномене длятся несколько десятилетий, универсального определения национализма выработать не удалось. Однако научное сообщество пришло к пониманию того, «что национализм – это не единое явление, а совокупность взаимосвязанных идеологий и политических практик, так или иначе ссылающихся на приоритет нации перед другими формами организации жизни» [Аклаев, Дробужева, Коротева и др. 1996: 20].

Прежде чем рассмотреть национальные отношения в Российской Федерации как мишень ИПВ, проанализируем само понятие национализма.

Понятие национализма представлено во всех формах общественного сознания: научном, политическом, обыденном. Но содержание этого понятия в них, естественно, различается. Понимание национализма обыденным сознанием отражают дефиниции в толковых словарях. Рассмотрим, какие изменения в них претерпело представление слова «национализм».

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля в словник включено лишь слово *нация* и производное от него

прилагательное *национальный*. Это закономерно, поскольку в России, по мнению исследователей, национальный вопрос начал обсуждаться представителями общественно-политической мысли с середины XIX века [Муканова 2010].

В то же время с 30-х годов XIX века осмысление исторического пути России нашло отражение в полемике западников и славянофилов, что, по нашему мнению, имеет прямое отношение к национальному вопросу, пусть и без использования термина *национализм* применительно к позиции одной из сторон полемики.

Однако уже в «Большом толковом словаре современного русского языка» Д.Н. Ушакова слову *национализм* дается такое толкование: «**национализм** (полит.). Буржуазная идеология и политика, ставящая свою, господствующую нацию в привилегированное положение и направленная на угнетение других национальностей, на создание вражды между ними. *Марксизм выдвигает на место всякого национализма – интернационализм...* Ленин. *Принцип буржуазного национализма – развитие национальности вообще, отсюда исключительность буржуазного национализма, отсюда безвыходная национальная грызня.* Ленин. *Уклон к национализму есть приспособление интернационалистской политики рабочего класса к националистской политике буржуазии. Уклон к национализму отражает попытки “своей”, “национальной” буржуазии подорвать советский строй и восстановить капитализм.* Сталин» [Ушаков 2008].

Это толкование отражает негативное отношение к рассматриваемому феномену со стороны идеологов коммунизма в Советском Союзе (да и не только в СССР). Такое отношение вполне объяснимо: классовая дихотомия в их трудах выступала и должна была выступать в не осложненном другими отношениями виде. Да и цель – мировая революция – требовала отказа от объединения людей по национальному признаку в пользу их объединения по классовому. Поэтому пролетарский интернационализм был тем направлением, в котором надлежало двигаться гражданам Советской страны.

В более поздних толковых словарях, вплоть до 90-х годов XX века, по-прежнему прослеживается связь национализма с буржуазной идеологией [Ожегов 1984; Словарь иностранных слов 1988; Словарь современного русского литературного языка 1948–1965]. Тем не менее постепенно приходит осознание сложности такого явления, как национализм, что, вероятно, было обусловлено сломом колониальной системы после Второй мировой войны, который проходил под знаменем борьбы народов за национальную независимость.

Это осознание находит отражение в толковых словарях: у рассматриваемого слова фиксируется второе значение: «**национализм** 2. В порабощенных и зависимых странах – движение, направленное на борьбу против империализма, за национальную независимость» [Ожегов 1984]. Или: «**национализм** 2. Движение, направленное на борьбу за независимость народа, нации против иноземных поработителей» [Словарь современного русского литературного языка 1948–1965].

В постперестроечное время, начиная с 90-х годов XX века, из толкования слова *национализм* уходит указание на связь этого явления с буржуазным строем: «**национализм** 1. Идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим. 2. Проявление психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости» [Ожегов и Шведова 1999]. Приблизительно в таком же духе толкуется слово *национализм* и в других словарях этого периода [Толковый словарь... 2000; Крысин 2007]. Таким образом, признается возможность национализма в государствах с любым строем и появляется указание на связь национализма не только с идеологией и политикой, но и с психологией человека.

Приведенные толкования отражают в целом негативное отношение к национализму в русском сознании, что имеет глубокие корни в отечественной культуре: и Достоевский, и русские философы, особенно православные, говорили о «всечеловечности» русского сознания в его противопоставлении националистическому. Это подчеркивает О. Неменский: «Русские были “интернационалистами по духу” и в советское время, и в имперское. У нас так и не сложилась серьезная националистическая традиция мысли, тогда как “русская всеотзывчивость” стала и подлинным стержнем нашей культуры, и главнейшей идеологемой самоосознания. Показателем нетрадиционности национализма для русских является тот факт, что его постулаты практически не воспринимаются большей частью нашего общества, причем как на “простонародном” уровне, так и в среде интеллигенции. И дело тут совсем не только в воспитании в духе советской интернационалистической пропаганды, а в том, что сама эта пропаганда оказалась очень созвучна русской культуре, русскому восприятию себя и мира» [Неменский. URL: <http://www.apn.ru/>].

Не уверена, что негативное отношение к национализму в русском обществе существовало всегда. Достаточно вспомнить длившуюся на протяжении XIX века полемику западников и славянофилов,

которых идеологические оппоненты могли считать неправыми, но вряд ли установка славянофилов на движение России в ее интересах по своему, национальному пути развития вызывала в обществе резкое неприятие их идеологии. Скорее, негативное отношение к русскому национализму (в терминах политических лидеров Советского государства 20–30-х годов XX века – «великодержавному шовинизму») активно формировалось после Октябрьской революции.

Мнение О. Неменского о негативном отношении русского сознания к национализму опровергает такой выдающийся русский православный философ, как И.А. Ильин, который в своей работе «О русском национализме» говорит, что национализм – естественное и необходимое человеку чувство, соответствующее христианским, в том числе православным, заповедям: «Национализм есть любовь к историческому облику и творческому акту своего народа во всем его своеобразии. Национализм есть вера в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание. <...> Национализм есть созерцание своего народа перед лицом Божиим, созерцание его души, его недостатков, его талантов, его исторической проблематики, его опасностей и его соблазнов. Национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания.

Вот почему национальное чувство есть духовный огонь, ведущий человека к служению и жертвам, а народ – к духовному расцвету» [Ильин. URL: http://old-ru.ru/articles/art_10.htm].

В научном сознании – философском, политологическом, социологическом, юридическом – национализм выступает как более сложное явление. Так, в философских словарях раскрывается его диалектическая, амбивалентная сущность: «**национализм** – идеология и политика, заключающаяся в проповеди национальной обособленности и исключительности, недоверия к другим нациям, в разжигании межнациональной вражды. Национализм рассматривает нацию как высшую внеисторическую форму общности людей. Имея конкретно-исторические, экономические и социальные корни, национализм выполняет определенную социальную роль в зависимости от исторического этапа развития общества. Степень выражения национализма зависит от состояния противоборствующих сил и межнациональных отношений. В период формирования наций, например в Западной Европе и США, национализм служил средством борьбы против феодализма и национального гнета. В тот период он имел определенное преходящее прогрессивное содержание.

Затем национализм, особенно в условиях империализма, становится носителем идей колониального гнета и сближается с расизмом (фашизмом). В странах, борющихся за политическую и экономическую независимость, в национализме выражается также идея национального освобождения. Осуществление этой идеи создает основы для преодоления национализма» [Краткий философский словарь 2008].

В «Юридическом словаре» находим такое определение: «**национализм** – психология, идеология и политическое течение в национальном вопросе, основывающееся на особом выделении интересов, психологических, культурных особенностей, истории, путей развития какой-либо нации; в некоторых случаях – на признании приоритета одной (“своей”) нации над другой, национальной исключительности того или иного народа. Агрессивная форма национализма – шовинизм» [Юридический словарь 2005: 303].

В словарях политологических и политических терминов также подчеркивается двойственный характер национализма, причем в ряде источников отмечается его культурная составляющая и связь с таким понятием, как патриотизм: «**национализм** – система верований и символов, выражающая идентификацию с определенным национальным сообществом. Национализм в положительном смысле выражается в патриотизме. Национализм в негативном смысле – возвеличивание своей нации за счет принижения других наций; проведение политики и практики дискриминации по национальным признакам (государственный и бытовой национализм). Крайняя экстремистская форма национализма – фашизм» [Словарь основных политологических понятий и терминов. URL: https://sociology.mephi.ru/docs/polit/html/sl_pol.html]. Однако существует и другое мнение о соотношении национализма и патриотизма. С.Г. Кара-Мурза и О.В. Куропаткина считают, что это явления, лежащие в разных плоскостях и в малой степени пересекающиеся друг с другом [Кара-Мурза, Куропаткина 2014: 71]. Сходного мнения придерживается и Д.О. Рогозин [Рогозин 2012: 32]. Г.М. Шиманов пишет, что патриотизм всего лишь чувство, ему отказано в праве на национальные идеи, в нем «главное место принадлежит не народу, породившему человека, а месту его рождения» [Шиманов 2013: 8].

Ряд интернет-источников, аккумулируя дефиниции понятия «национализм» из разных изданий, показывает разброс мнений относительно этого понятия и оценок этого явления. И тогда со всей очевидностью становится ясно, что трактовка национализма в силу амбивалентности этого явления зависит от идеологических установок

толкователя (а возможно, и от тех целей, которые он преследует). Неслучайно «в современной науке отмечается многоликость этого явления, выступающего и как великодержавный шовинизм, и как стремление малых народов получить социокультурную самостоятельность, и как носитель насильственной ассимиляции, и т. д.» [Словарь политических терминов... URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/pol.html>]. В то же время С.Г. Кара-Мурза и О.В. Куропаткина считают, что опасные ипостаси национализма являются не органически присущими ему свойствами, а лишь «какими-то вывертами», доведением до абсурда, возможными у любой другой формы сознания. Их можно и нужно осуждать, «но национализм настолько необходим для существования нации, что утверждение о его предосудительности... не имеет смысла» [Кара-Мурза, Куропаткина 2014: 71].

Интересную и глубокую мысль высказывает в этой связи И.А. Ильин в главе «О христианском национализме» из книги «Основы христианской культуры»: «Национализм открывает человеку глаза и на национальное своеобразие других народов; он учит не презирать другие народы, а чтить их духовные достижения и их национальное чувство: ибо и они причастны дарам Божиим, и они претворили их по-своему. <...> Напрасно говорить, будто националист “ненавидит и презирает другие народы”. Ненависть и презрение совсем не составляют существа национализма; они могут присоединяться ко всему, если душа человека зла и завистлива» [Ильин. URL: <https://azbyka.ru/osnovy-xristianskoj-kultury>]. Вероятно, мысль о «всечеловечности» русского сознания связана с той традицией христианской православной культуры, о которой говорил И.А. Ильин и которая не противоречит национализму, понимаемому в христианском духе.

Возможно, что преодолению негативного отношения к национализму способствовало бы четкое разграничение терминов «национализм», «шовинизм» и «нацизм». Кстати, следует различать также нацизм и фашизм как разные, хоть и связанные друг с другом идеологии. До тех пор, пока для обозначения «каких-то вывертов» вместо их четкого терминологического обозначения (шовинизм, нацизм) будет использоваться понятие «национализм» с конкретизирующими данное проявление прилагательными, национализму трудно будет избавиться от шлейфа негативных коннотаций в русском сознании.

Надо заметить, что мы не обнаружили других случаев использования атрибутивов для обозначения «каких-то вывертов» иной идеологии: нет выражений *крайний либерализм* (*коммунизм*, *патриотизм* и под.), *агрессивная форма демократии*. Тем самым закладывается

мысль, что если возникнут какие-то искажения, доведение до абсурда этих систем взглядов, то они перестанут быть сами собой и должны будут получить другое обозначение. Но с понятием «национализм» дело обстоит иначе.

Соотнесем между собой понятия «национализм», «шовинизм», «нацизм». Поскольку мы уже рассмотрели подробно дефиниции национализма, определим теперь остальные два понятия. **«Шовинизм»** – агрессивная форма национализма, проповедь национальной исключительности, противопоставление интересов одной нации интересам другой (других), национальное чванство, разжигание национальной вражды» [Юридический словарь: 602]. **Нацизм** представляет собой преступную идеологию, при которой представители одной нации считают вполне естественным паразитировать или захватывать ресурсы у представителей другой нации на основании только национальной принадлежности (по [Словарь политических терминов. Политическая энциклопедия онлайн. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/pol.html>]).

Теперь сравним эти понятия по ключевым семам, опираясь на дефиниции специализированных словарей – «Юридического словаря» для понятий «национализм» и «шовинизм» и «Словаря политических терминов. Политическая энциклопедия онлайн» для понятия «нацизм», поскольку оно не определено в «Юридическом словаре» (см. табл. 1). Обоснуем выбор дефиниций из «Юридического словаря»: в них отсутствует идеологическая составляющая, у понятия «национализм» определено одно достаточно емкое значение.

Как можно заметить, понятия «национализм» и «шовинизм» смежны, так как в их структуре есть общая сема 'национальная исключительность', факультативная для первого понятия и основная для второго. Для понятия «нацизм», не столь актуального для нас,

Таблица 1

Национализм	Шовинизм	Нацизм
Выделение интересов, особенностей, истории, путей развития нации; иногда приоритет своей нации; национальная исключительность	Национальное чванство, национальная исключительность; противопоставление интересов наций; агрессия, национальная вражда	Паразитирование на другой нации; захват ресурсов другой нации

эта сема, видимо, подразумевается как основание для ключевых сем. Таким образом, по нашему мнению, есть все основания для четкого отделения понятия «национализм» от находящегося в одной тематической группе с ним понятия «шовинизм».

В западной традиции изучения национализма, гораздо более разработанной, чем в России, различают его гражданский и этнический варианты [Акляев, Дробижева, Коротеева и др. 1996; Дробижева 2003; Кара-Мурза, Куропаткина 2014; Муканова 2010; Поздняков 1994; Храмов 2010]. В первом случае принадлежность человека нации определяется на основе добровольного личного выбора и отождествляется с гражданством. Людей объединяет их равный политический статус как граждан, равный правовой статус перед законом, личное желание участвовать в политической жизни нации, общие политические ценности и общая культура. Во втором случае принадлежность человека к нации определяется общим наследием, языком, религией, традициями, историей, кровной связью на основе общности происхождения, эмоциональной привязанностью к земле. В основе выделения таких типов национализма лежат признаки, по которым человек причисляет себя к определенной нации.

Эти две идеологии национализма считаются принципиально несовместимыми и даже, в своем пределе, враждебными друг другу. Но в реальной общественной практике они обычно переплетены, и это делает сферу этнических отношений исключительно сложной и конфликтогенной [Кара-Мурза, Куропаткина 2014: 74].

Важно учитывать и следующую вещь. Наиболее авторитетной теорией формирования наций является конструктивизм. Согласно ему нация – продукт рукотворный, поддающийся, если владеть технологиями нациестроительства (и нациеразрушения), как сборке (гражданские нации во Франции и США), так и пересборке, по выражению С.Г. Кара-Мурзы и О.В. Куропаткиной. Этими технологиями значительно лучше владеют на Западе и при необходимости могут применить их к любой стране. Каким образом осуществляется разрушительное воздействие на русскую нацию, точнее на то единство, которое мы привыкли называть российским народом, всесторонне показано в [Там же: 186–368]. Результатом этих действий стал подрыв гражданского национализма россиян, в том числе русских, и разжигание в них этнонационализма, затронувшие прежде всего часть молодежи и интеллигенции. О сдвиге от гражданского национализма к этническому говорят данные, приведенные в публикации 2012 года «Социологический

ответ на национальный вопрос: пример Республики Башкортостан. Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН»: на 2011 год 41 % русских поддерживали лозунг «Россия только для русских», а 62 % – лозунг «Хватит кормить Кавказ!» (цит. по: [Кара-Мурза, Куропаткина 2014: 349]). Сигналом такого сдвига, по нашему мнению, является и лозунг «За русских, за справедливость, за равенство. Русский выбор России», под которым в 2018 году проводилась предвыборная президентская кампания С. Бабурина. Правда, перехода большинства русских на позиции этнонационализма пока не произошло, о чем свидетельствуют результаты голосования за С. Бабурина во время президентских выборов 2018 года, но такая опасность существует, особенно если ее подпитывать пропагандистскими действиями.

На этом фоне отмечается и ухудшение национальных отношений в стране. В той же публикации Института социологии РАН говорится, что это констатирует 47 % россиян при том, что 82 % отметили значимость для них этнических чувств. А доля тех, кто считает Россию общим домом для всех ее народов, снизилась с 65 % в 1995 году до 47 % в 2011 году (цит. по [Кара-Мурза, Куропаткина 2014: 367]).

Ухудшение межэтнических отношений отмечается прежде всего на бытовом уровне. И здесь уместно обратиться к другой типологии национализма, предложенной Э.А. Поздняковым:

- Национализм этнический – это национализм угнетенного или поработанного народа, борющегося за свое национальное освобождение, это национализм народа, стремящегося к обретению собственной государственности. Ему соответствуют своя политика и идеология.

- Национализм державно-государственный – это национализм государственно оформленных народов (наций), стремящихся к воплощению в жизнь своих национально-государственных интересов перед лицом подобных наций.

- Бытовой национализм – это проявление националистических чувств на уровне личности и малых социальных групп. Он обычно выражается в ксенофобии, во враждебном отношении к инородцам и представителям других этнических групп (цит. по [Аршин К. Проблема национализма на современном этапе развития общества. URL: <http://www.ceom.ru/problema-nacionalizma-na-sovremennom-etape-razvitiya-obshhestva.html>]).

Очевидно, в этом случае типы национализма выделяются по его субъекту.

Как представляется, при усилении этнического национализма, понимаемого в рамках западной традиции, в ущерб гражданскому вероятно серьезное обострение конфликтов на фоне бытового национализма. Достаточно вспомнить события 2006 года в Кондопоге или выступления в конце 2010 года в Москве. Поэтому пропаганда национальной нетерпимости на бытовом уровне может и должна рассматриваться как одно из средств ведения информационно-психологической войны против Российской Федерации как полиэтнического государства. Далее мы проанализируем материалы, размещенные в сети Интернет пользователем, который позиционирует себя в качестве русского националиста.

Анализ определений национализма и смежных с ним понятий, а также его трактовок в трудах философов, историков, общественных деятелей приводит к следующим итогам:

1) сложившаяся амбивалентность понятия «национализм» позволяет использовать его в различных политических и идеологических целях, допуская двойные стандарты;

2) возможно, более последовательное отграничение понятия «национализм» от понятий «шовинизм» и «нацизм», по крайней мере в русскоязычном дискурсе, позволило бы снять спекуляции по поводу этого явления.

2. Разжигание межнациональной розни в сети Интернет

Питательной средой для роста бытового национализма может быть ощущение у представителей самого большого этноса Российской Федерации – русского – того, что его национальные интересы и права ущемлены ради создания благоприятных условий развития для других этносов в нашем государстве. О таком ощущении свидетельствуют результаты социологических опросов, приведенные в предыдущем параграфе. О таком ущемлении, берущем свое начало в национальной политике СССР, как реальном факте говорят работы ряда историков, политологов и общественных деятелей [Вдовин 2010, 2012; Ковалев 2010; Неменский 2012; Rogozin 2012; Святенков 2010; Храмов 2010а и др.]. Мы не ставим своей задачей оценить, насколько справедливо это ощущение, насколько оправданна государственная политика, породившая его. Важнее другое – возможность использования таких настроений в целях дестабилизации государства и дискредитации русских как нации, причем в широчайших масштабах в виртуальном пространстве.

Интернет создает новые возможности информационного давления на умы, пропаганды определенных взглядов. Особенностью

материалов, в том числе националистического толка, размещаемых там, является их сильная визуализация. По нашему мнению, это связано с несколькими причинами. Во-первых, это соответствует современным тенденциям в развитии процессов коммуникации – возрастанию роли (эскалации) изображения. Во-вторых, в основной своей массе молодежная аудитория, которая в силу несформировавшейся жизненной позиции и легкой возбудимости является основным адресатом подобных материалов, предпочитает картинку работе с текстом, требующей аналитических навыков. Да и рассчитана пропаганда бытового национализма отнюдь не на интеллектуальную часть молодежи. В-третьих, изображение несет повышенную эмоциональную нагрузку, требуя соответствующего отклика. В подтверждение достаточно вспомнить хотя бы агрессивные действия США и их союзников в 2018 году в Сирии в ответ на видеоматериалы о якобы имевших место химических атаках на мирное население со стороны правительственных войск. И, наконец, последняя причина. Пользователь социальных сетей имеет возможность открыть там свою страницу, проводящую такую идеологию, которая может рассматриваться как экстремистская. В то же время он нередко понимает, что его страница может быть заблокирована, если на ней эксплицитно ведется опасная пропаганда. Отчасти поэтому для продвижения подобных идей используются креолизованные тексты, информативная емкость и прагматический потенциал которых нередко выше, чем у чисто вербальных [Анисимова 2003: 3]. При этом, несмотря на очевидность (в прямом смысле слова!) выражения опасной идеологии, требуется специальный лингвистический анализ, чтобы доказать это.

Перейдем к анализу контента интернет-страниц пользователя, который позиционирует себя как националист. Задачами этой части исследования являются: 1) выявление условий извлечения из креолизованного текста той информации, которую адресант планировал передать; 2) установление роли вербального и невербального компонентов в выражении идеологических установок; 3) определение типов креолизованных текстов, которые наиболее активно используются в пропаганде такого рода; 4) установление того, насколько правомерно пользователь позиционирует себя в качестве националиста.

В креолизованных (поликодовых) текстах информация передается с помощью вербальных средств (языковых/речевых) и невербальных (принадлежащих к другим знаковым системам). Такие тексты могут быть устными и письменными, в зависимости от этого будут варьироваться используемые в них невербальные элементы.

Объектом нашего исследования являются письменные креолизованные тексты, в которых существенная смысловая нагрузка ложится на иконический элемент.

Материалом исследования стали креолизованные тексты (31 текст), размещенные в социальной сети «ВКонтакте» на странице пользователя «Иван Русаков» (адрес в сети: <https://vk.com/id148108197>; дата обращения: 29.09.2016 и 06.04.2017). Основным массив в них составляют плакаты, и лишь однажды плакат предваряется развернутым текстовым сообщением. На странице обозначена идейная позиция пользователя (по его выражению, место работы) – «русский националист».

Сначала рассмотрим понятие плаката.

В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой плакат определяется как «настенный лист – крупный рисунок с пояснительным агитационным, рекламным или учебным текстом» [Ожегов, Шведова 1999: 520]. Как следует из обзорной статьи М.Б. Ворошиловой, посвященной использованию креолизованных текстов в политическом дискурсе, примерно в таком же значении это слово используется в различных исследовательских работах о политической коммуникации [Ворошилова 2007б: 77]. По нашему мнению, это определение недостаточно полно отражает суть плаката. Наблюдения показывают, что на нем текстовое сообщение может быть замещено символом, и ниже мы это продемонстрируем. Таким образом, под плакатом в настоящей статье понимается настенный лист – крупный рисунок (фотография) с пояснительным агитационным, рекламным, учебным текстом или замещающим текст символом, а также изображение символа без текста. Значит, правомерно рассматривать в качестве креолизованного текста не всякий плакат, а только такой, который содержит знаки разных семиотических систем, причем для лингвиста важно, чтобы один из знаков был языковым.

Для нашего исследования значим еще один момент. Если в городском пространстве плакат определенной идеологической направленности обычно представлен изолированно, то на странице интернет-пользователя, продвигающего определенную систему взглядов, размещается серия соответствующих плакатов. В этом случае можно рассматривать каждый из них по отдельности, а можно – как отдельное сообщение в рамках широкой, длящейся коммуникации. И тогда даже тот плакат, который сам по себе не содержит креолизованного сообщения, оказывается частью целого – креолизованного текста. Мы придерживаемся именно такого подхода.

Исследователи креолизованных текстов говорят о различных типах корреляции в них между вербальными и невербальными знаками (см. обзор в [Анисимова 2003: 11–16; Ворошилова 2007a]). Е.Е. Анисимова предлагает классификацию таких текстов в зависимости от наличия изображения и характера его связи с вербальной частью и выделяет тексты 1) с нулевой креолизацией, 2) с частичной креолизацией и 3) с полной креолизацией. В текстах первой группы изображение не представлено и не имеет значения для их организации [Там же: 15]. Однако, по нашему мнению, на тексты с нулевой креолизацией можно взглянуть шире и определить их как такие, в которых представлены знаки одной семиотической системы – либо иконические, либо языковые. Такая корректировка понимания нулевой креолизации представляется существенной для целей нашего исследования. В текстах второго типа между вербальным и изобразительным компонентами устанавливаются автосемантические отношения, а в текстах третьего типа – синсемантические отношения.

Перейдем к анализу плакатов, размещенных на странице пользователя «Иван Русаков». В данном параграфе мы проанализировали десять креолизованных сообщений.

Любая идеология не только выражается в речевых произведениях (текстах), но и порождает свою символику, которая, с одной стороны, создает контекст восприятия речи, а с другой – сама по себе проводит определенные идеи. Так, в анализируемых материалах двенадцать раз представлена националистическая символика: свастика (6), нацистское приветствие (2), кельтский крест (2), руна Одал (1), череп (1). Перечисленные символы характерны для крайних националистических движений разных стран.

В отдельных случаях плакат содержит только рисунок-символ. Например, без текстового сопровождения представлен на плакатах кельтский крест – символ, состоящий из креста и круга. В среде расистов и неонационалистов кельтский крест без орнаментального украшения является знаком «превосходства белых». На другом плакате изображены свастика и череп в сочетании друг с другом. Сами по себе не креолизованные, эти тексты обеспечивают восприятие в националистическом контексте размещенных рядом с ними плакатов с текстовым компонентом.

В другом случае на плакате текстовое сообщение замещено языковым знаком – руной, за счет чего «прочитывается» посетителями страницы однозначным образом. На плакате изображена березовая роща на фоне ясного голубого неба. А поверх изображения

нанесена руна Одал в прямом положении с загнутыми вверх под прямым углом сторонами ромба, идущими вниз, за счет чего возникает намек на свастику. По четырем углам плаката стилизованные свастики. Общее значение руны Одал в прямом положении – собственность (прежде всего на землю), а производные от него – наследство и наследие. Поскольку пейзаж на плакате типично русский (береза – один из символов родины, России), то сообщение прочитывается следующим образом: это наша земля, она испокон веков наша. Казалось бы, послание не несет негативного заряда. Однако прямая руна Одал, как один из символов неонационализма, вносит дополнительный смысл: чужакам, неславянам здесь не место. Вероятно, этот плакат представляет собой текст с полной креолизацией, поскольку иконический и вербальный знаки в отдельности не способны передать запланированное адресантом сообщение.

В этом контексте воспринимается основной массив материалов – плакаты, где изображение сопровождается текстом. Среди них меньшая часть призвана подчеркнуть превосходство белой расы (славян, немцев). Так, на первой странице пользователя «Иван Русаков» размещен плакат *Мы Русские, с Нами Бог* (орфография и пунктуация оригинала здесь и далее сохранены). Эта надпись выполнена на полотнище, украшенном по узким краям цветами. А затем представлен плакат времен Третьего рейха с изображением образцовой арийской семьи (отец, мать и четверо детей), вызывающий в памяти теорию расового превосходства, лежащую в основе идеологии нацизма. Внизу текст: *Национализм – это любовь к своей нации*. Оба плаката представляют собой тексты с частичной креолизацией.

Однако большая часть плакатов конкретизирует понятие «чужак», т. е. не представитель белой расы, в частности не славянин. К чужакам пользователь страницы относит цыган, арабов, евреев, выходцев с Кавказа и из среднеазиатских стран. Чужак оценивается отрицательно прежде всего за счет его номинации. Одним из способов обозначения этнически чужого является словосочетание «существительное + прилагательное», причем при нейтральном существительном отрицательную оценку в номинацию вносит прилагательное. Так, на одном из плакатов изображение курящих детей цыганской внешности сопровождается текстом: *С каждым лайком умирает один вонючий грязный цыган*. В прилагательных «вонючий», «грязный» негативный семантический компонент входит как в прямое, так и в переносное лексическое значение слова. Отрицательная

оценочность наименования лица по национальному признаку под-держивается в данном креолизованном тексте визуально: на плакате изображена группа детей и подростков с неприятным выражением лиц, они выглядят неаккуратными и неухоженными. Текст на плакате расположен таким образом, что словосочетание *вонючий грязный цыган* находится под изображением людей, не оставляя сомнения в том, кто именно так охарактеризован. Этот плакат также следует отнести к текстам с полной креолизацией.

Ряд плакатов направлен против представителей кавказских и азиатских народов и выражает мысль о том, что они потенциально опасны для русского человека. Например, один из плакатов содержит изображение зарезанного жертвенного животного – барана, лежащего в луже крови, – и текст: *Курбан байрам, когда-нибудь на его месте можешь оказаться и ты!* Понять смысл этого плаката можно с опорой на теорию речевых актов [Серль 1986]. Пресуппозиция высказывания: мусульмане враждебны христианам. Пропозиция: тебя (адресата) могут убить. Иллокутивная функция: репрезентатив-прогнозирование (предупреждение). Импликатура: христианина (русского) могут принести в жертву (убить) в угоду Аллаху. Логическое следствие: христиане для мусульман не люди. Тем самым мусульмане трактуются как потенциально опасная для христиан (славян) социальная группа. Вербальный и иконический компоненты здесь также синсемантически.

Развивая и заостряя мысль о том, что переселение мусульманского, в частности арабского, населения в Россию и страны Европы опасно для «белого», христианского мира, плакаты представляют миграцию как геноцид коренного населения страны, а сами мигранты расцениваются как оккупанты. Тем самым гуманное отношение к людям другой расы рассматривается как несовместимое с благом для своего народа. Так, на одном из плакатов изображена счастливая, улыбающаяся арабская семья (мать и дети) на фоне Эйфелевой башни (других людей на плакате нет), а внизу высказывание: *ГУМАНИЗМ К ЧУЖОЙ РАСЕ оборачивается геноцидом к своей*. Текст размещен в две строки с использованием крупного и более мелкого шрифта, как это представлено выше в записи высказывания. Изображение коррелирует с обеими частями сообщения, причем эксплицитно представлена связь с первой частью, а имплицитно – со второй. По нашему мнению, здесь имеют место автосемантические отношения между вербальным и невербальным компонентами плаката.

На следующем плакате текст *Миграция? Нет, это геноцид коренного русского народа России и замещение его на мигрантов-оккупантов* расположен под фотографией огромной толпы людей неславянской внешности, заполонивших всю площадь, далеко на заднем плане которой виден собор Василия Блаженного. Отношения между текстовой и изобразительной частью такие же, как в предыдущем случае, но вербальная часть актуализирует сообщение для российского адресата.

Оба плаката эксплуатируют понятие геноцида, а к тем, кто осуществляет геноцид какого-либо народа или этноса, формируется неприязненное отношение со стороны представителей этого народа. Усиливает мнение о враждебности русскому населению людей с неславянской внешностью, изображенных на фотографии, их обозначение словом «оккупанты» с негативным компонентом *захватчик*. «ОККУПАНТ, -а, м. Участник оккупации, захватчик» [Ожегов, Шведова 1999: 449].

Многие плакаты содержат призывы к борьбе с представителями неславянских народов или даже к их уничтожению. На следующем плакате изображена сцена из мультипликационного фильма (вероятно, «Гуси-лебеди»): русская печка разговаривает с девочкой в национальной русской одежде. В верхней и нижней частях плаката размещено высказывание: *Надо больше евреев*. Причем часть *надо больше* находится над печкой, а часть *евреев*, выделенная более крупным шрифтом, – под изображением печки. Судя по местоположению действующих лиц, говорит печка, значит, пропущенное в высказывании слово – а это глагольная часть сказуемого – принадлежит ей. Если учитывать ассоциацию со сказкой, где печь произносит: «Съешь моего ржаного пирожка!», то пропущен глагол *есть*. Если учитывать исторические ассоциации (Великая Отечественная война / Вторая мировая война), возникающие между понятиями печь и еврей, то образуется ряд: концлагерь, жечь, убивать, уничтожать, ликвидировать, смерть и под. В этом случае можно предполагать, что пропущен один из следующих глаголов: *жечь, убивать, уничтожать, ликвидировать*. Более вероятен, конечно, ряд исторических ассоциаций. Но в любом случае общей семей у глаголов *есть, жечь, ликвидировать, убивать, уничтожать* является сема *уничтожать*, наименее очевидная в глаголе *есть* [Ожегов, Шведова 1999: 188, 193, 326, 821, 834]. Тем не менее слово *есть* (*съесть*), употребленное в выражении из сказки в 1-м значении, толкуется в названном словаре следующим образом: «*есть*... 1. кого-что. Принимать пищу, употреблять

в пищу» [Там же: 188]. Употреблять продукт в пищу – значит делать так, чтобы этого продукта больше не существовало, т. е. уничтожать его. Неслучайно сема 'уничтожать' эксплицирована во 2-м значении этого слова: «**есть**... 2. ... что. Разрушать химически» [Там же]. Таким образом, смысл этого высказывания – утверждение о необходимости уничтожать больше евреев. Отношения между вербальным и невербальным компонентами плаката синсемантические.

Эту же линию продолжает плакат, на котором изображен человек в маске и с топором в руках. Рядом надпись: *Бери топор! Встречай гостей с гор!*. Отношения между иконическим и текстовым элементами плаката синсемантические. Однако, как представляется, степень их зависимости друг от друга разная. Само по себе изображение не содержит призыва вооружаться и указания на то, против кого может быть использовано оружие. Следовательно, только в сочетании с текстом этот рисунок получает соответствующий смысл. Вербальный же компонент независимо от иконического передает главную мысль плаката.

На странице пользователя «Иван Русаков» несколько особняком стоит единственный развернутый текст – стихотворение в форме письма к А. Гитлеру. Правда, он тоже в определенной степени креолизован: ниже находится изображение А. Гитлера, под которым расположено его высказывание: *Кто хочет жить, тот должен бороться. А кто в этом мире вечной борьбы не хочет сражаться, тот не заслуживает права на жизнь*.

В стихотворении современный европейский мир характеризуется как «балаган». Здесь слово употреблено в 3-м значении: «**балаган**... 3. *перен.* Нечто грубое, шутовское, пошло-несерьезное (разг.)» [Там же: 94]. Таким образом, высказывается неодобрительное отношение к современному миру. Оно связывается с тем, что *всюду негры, геи, мусульмане*, что в Европу *цветных завозят всех подряд*, в то время как там *вымирают страны Белой Расы*, отмечается безнравственность Западной Европы: *мир погряз в разврате и крови, в Лондоне, в Париже пид...сы, а в Берлине – вечный гей-парад*. В стихотворении сказано, что ситуация в России также заслуживает порицания: *...у нас дела ничуть не краше, что в Москве, что дальше – дело швах, славяне у парашки, ну, еще в забое да в гробах!*, жизнь в России характеризуется как *ср...ая*, такая, от которой *мрет народ*, такая, что *проще сдаться инопланетянам, чем с позором жить в таком г...не!*. Такое неудовлетворительное состояние России и мира в целом связывается с тем, что *правит ЗОГ*, т. е. сионистское оккупационное

правительство, что ветераны *от Тебя* (от Гитлера. – Н. Т.) *спасли жидов, что немцы платят дань израильтянам, мы, славяне, платим дань Чечне*. А современный белый человек характеризуется как *размякший*, т. е. ставший расслабленным, вялым, душевно размякнутым (см. «размякнуть» во 2-м значении [Там же: 650]), потерявшим волю к сопротивлению. Таким образом, пропозициональный комплекс этого высказывания – утверждение о том, что, во-первых, страны Европы и Россия находятся на грани катастрофы; во-вторых, представители белой расы опасно деградируют; в-третьих, виновны в таком положении «жиды» (евреи, израильтяне упоминаются три раза), мусульмане и в целом «цветные». Очевидно, что это формирует неприязненное и враждебное отношение к представителям этих национальностей, этносов и рас.

Указанный пропозициональный комплекс обосновывает иллюзивную функцию высказывания, которая квалифицируется как директив – призыв к Гитлеру вернуться, ибо «мир сошел с ума». Наличие этого призыва можно обосновать, опираясь на теорию речевых актов и учитывая высказывание А. Гитлера, размещенное под стихотворением.

Теория речевых актов позволяет понять скрытый смысл высказывания. Для этого обратимся к предшествующим анализируемому стихотворению сообщениям, позволяющим извлечь пресуппозиции пользователя «Иван Русаков». Это следующие материалы:

1) высказывание, говорящее о богоизбранности белой расы, в частности славян, по сравнению с другими (плакат «Мы русские, с Нами Бог»);

2) сообщение о том, что гуманное отношение к людям другой расы несовместимо с благом для своего народа (плакат: «Гуманизм к чужой расе оборачивается геноцидом к своей»);

3) побуждение к уничтожению евреев (плакат на сюжет сказки «Гуси-лебеди»);

4) плакат времен Третьего рейха с изображением образцовой арийской семьи, вызывающий в памяти теорию расового превосходства, лежащую в основе идеологии нацизма («Национализм – это любовь к своей нации»).

Таким образом, становится очевидным, что пресуппозицией для пользователя «Иван Русаков» является убеждение в том, что различные нации, этносы, расы не равны, среди них есть более ценные, высшие (славяне, немцы) и менее ценные, «вредные» (евреи, мусульмане, негры и вообще цветные, цыгане). Причем перечень

«вредных» наций, этносов, рас у названного пользователя и в нацистской идеологии почти совпадает (из него исключены славяне, что логично для пользователя, позиционирующего себя как русский националист и «работающего» на славянскую аудиторию).

Теперь можно извлечь импликацию, которая содержится в призыве вернуться, обращенном к А. Гитлеру: А. Гитлер, известный своим нетерпимым отношением к «низшим» расам, представляется человеком, способным навести порядок в мире, как он уже однажды это делал. Иными словами, мир нуждается в лидере, подобном Гитлеру.

Помещенное под стихотворением вышеприведенное высказывание А. Гитлера связано с пропозициональным комплексом стихотворения и его импликацией логическими отношениями следствия:

1) «белый» мир разрушают евреи, мусульмане, цветные;

2) белый человек сам не может противостоять им.

Следовательно,

3) нужен сильный лидер типа Гитлера;

4) который способен поднять людей белой расы на борьбу за выживание против евреев, мусульман, цветных.

Таким образом, стихотворение представляет собой высказывание об антагонизме представителей славянской нации и – шире – белой расы по отношению к другим национальным, этническим, расовым и конфессиональным группам, а также передает мысль о необходимости совершения насильственных действий по отношению к представителям неславянской (небелой) расы и нехристианского вероисповедания. Отношения между вербальным и невербальным компонентами рассмотренного плаката синсемантические.

По нашему мнению, проведенный анализ подводит к следующим выводам.

Важнейшим условием извлечения запланированной к передаче информации является, так сказать, обозначение «системы координат», т. е. сообщение, в рамках какого дискурса (в данном случае представленного как националистический) следует воспринимать размещенную информацию. В этом же отношении значимо установление оппозиции хорошо/плохо (вариант: свой/чужой). Плакаты доносят смысл, что «хорошо» – это русские (славяне, христиане), немцы (арийцы, христиане), а «плохо» – неславяне, неарийцы (евреи, цыгане, кавказцы, выходцы из стран Средней Азии, в большинстве своем нехристиане). Тем самым национальный параметр оппозиции осложняется религиозным, и противопоставление свой/чужой приобретает тотальный характер.

В продвижении любой идеологии можно выделить два направления – рациональное и эмоциональное воздействие. Последнее тесно связано с суггестией.

При рациональном воздействии основная роль в продвижении той или иной идеологии принадлежит вербальной части плаката. Это объясняется особенностями восприятия знаков разных кодовых систем: в семиотике принято мнение, что невербальный знак принципиально отличается от вербального, поскольку семантика изображения по сравнению с семантикой слова характеризуется некоторой расплывчатостью, размытостью. А передача отвлеченного идеологического содержания в его определенном преломлении с помощью иконических знаков представляется весьма проблематичной. Даже если в качестве такого знака используется символ, то он выражает идею в самом общем виде, слово же конкретизирует необходимый аспект идеологии.

В то же время изобразительный элемент плаката увеличивает его суггестивный потенциал за счет того, что использование различных паралингвистических средств (и в их числе иконических знаков) переводит восприятие на подсознательный уровень и значительно усиливает его. К зрительному образу можно многократно возвращаться, тем более что «впечатления глаза», по мнению исследователей, вызывают у адресата большее доверие. Изображение, в отличие от слова, всегда представляющего чей-то интерес или позицию, принимается обычно как некая объективная картинка и не соотносится в сознании адресата с той или иной идеологической установкой адресанта [Ворошилова 2007б: 74].

Ведя идеологическое воздействие по разным направлениям, изображение и слово в поликодовом сообщении не дают обыкновенной суммы семиотических знаков – информация, воспринимаемая по разным каналам, интегрируется и перерабатывается человеком в едином универсально-предметном коде и образует сложно построенный смысл [Анисимова 2003: 11–14].

С целью идеологического воздействия в сети Интернет привлекаются тексты разных типов: с нулевой (только изображение), частичной и полной креолизацией. Однако активность их использования различна. Наиболее активно используются плакаты с частичной и полной креолизацией, при этом доля последних немного выше (среди рассмотренных в статье плакатов их на два больше). Это представляется закономерным с учетом того, что продвигается определенная идеология, и этот процесс ведется по двум направлениям.

Итак, использование креолизованных текстов (плакатов) дает широкие возможности в распространении определенной идеологии в сети Интернет. Страница пользователя как длящийся текст позволяет неограниченно включать плакаты единой идеологической направленности в информационный поток, обеспечивая комплексное воздействие на адресата.

Исследование контента страницы пользователя «Иван Русаков» дает основание сделать следующие выводы:

1) в материалах, размещенных на указанной странице, последовательно проводится мысль о превосходстве белых христиан (славян, немцев) над представителями других народов, которые, по мнению пользователя, представляют угрозу для «белого» мира и поэтому должны быть подвергнуты репрессиям. Такая позиция кардинально противоположна трактовке русского национализма И.А. Ильиным и тому определению этого термина, которое закреплено в «Юридическом словаре». Идеология, проповедующая национальную и расовую исключительность и разжигающая национальную вражду и ненависть, называется **шовинизмом** [Ожегов, Шведова 1999: 899; Крысин 2007: 889; Юридический словарь 2005: 602];

2) на странице пользователя «Иван Русаков» имеет место спекулятивное использование понятий «национализм», «националист», формирующее у многих россиян неприятие этой идеологии;

3) не исключено, что подмена понятия «шовинизм» понятием «национализм» происходит злонамеренно, а не по небрежности в употреблении терминологии.

3. Коммуникативные стратегии и тактики разжигания межнациональной розни в сети Интернет

Теперь рассмотрим, каким образом пользователь «Иван Русаков» продвигает свою систему взглядов. То, что имеет место целенаправленное воздействие, не вызывает сомнений, поскольку все материалы, размещенные на указанной странице, последовательно проводят идею о том, что «малоценные» народы угрожают существованию и благополучию высших наций. Это позволяет считать, что с помощью данных сообщений осуществляется стратегическая коммуникация [Иссерс 2008: 102], направленная на изменение картины мира адресата, и анализировать стратегии и тактики, использованные адресантом.

Прежде всего определим содержание и соотношение необходимых для анализа понятий «речевая стратегия», «речевая тактика», «речевой ход». Речевая, или коммуникативная, стратегия

понимается как «общий план... речевого поведения, выражающийся в выборе системы продуманных говорящим/пишущим поэтапных речевых действий; линия речевого поведения, принятая на основе осознания коммуникативной ситуации в целом и направленная на достижение конечной коммуникативной цели (целей) в процессе речевого общения» [Сквородников 2004: 6]. Если понимание термина «речевая стратегия» устоялось, то соотношение понятий «речевая стратегия» и «речевая тактика» вызывает дискуссии (см. обзор точек зрения в [Морева 2015: 28]). Мы придерживаемся того мнения, что они связаны между собой как целое и часть, как цель и задача: стратегия коммуникации осуществляется через выбор и реализацию тактик. Стратегия и тактика относятся к когнитивному уровню общения и должны быть каким-то образом связаны с их реализацией в речи. Эта связь устанавливается посредством понятия «речевой ход», представляющего собой речевой акт (акты), с помощью которого вербализуется речевая тактика. В специальной литературе для обозначения того, как речевая стратегия/тактика воплощается в речи, помимо термина «речевой ход», используется обозначение «прием» или «средство» часто в сочетании с определением «риторический» [Михальская 1996: 149 и далее].

Единой классификации речевых стратегий и тактик коммуникативная лингвистика не выработала. Нет общепринятой номенклатуры их наименований, есть относительно устоявшиеся названия, но возможны и произвольные обозначения. Наиболее полная типология коммуникативных стратегий и тактик представлена в работах О.С. Иссерс, которая предлагает различать основные и вспомогательные стратегии [Иссерс 2008]. Поскольку основной является стратегия, наиболее значимая с точки зрения иерархии мотивов и целей адресанта, еще раз обозначим основную цель пользователя страницы: вызвать у русских (славян) негативное и в конечном итоге агрессивное отношение к представителям ряда народов. Поэтому, как представляется, в качестве основной выступает когнитивная стратегия провокации национального конфликта.

Коммуникативная стратегия провокации в публичном диалоге на материале жанра интервью подробно рассмотрена в работах О.С. Иссерс и О.А. Плотниковой [Иссерс 2012: 156–172; Плотникова 2007]. Однако, по нашему мнению, она имеет особенности при монологическом развертывании текста, что требует уточнения термина «стратегия провокации». Под провокацией мы понимаем конфликтную технологию речевого воздействия, побуждающую адресата

к таким действиям, которые могут повлечь за собой социально и лично для него опасные последствия. В данном случае речь идет не о речевых, а о физических действиях, к которым подстрекают адресата.

Считаем нужным сказать о специфике говорящего в рассматриваемых условиях. Мы анализируем делящийся (состоящий из ряда последовательно добавляемых/удаляемых материалов) письменный текст, который организует пользователь страницы. Значит, мы должны рассматривать этот текст как монолог. Однако говорить об авторе монолога, как нам кажется, в данном случае некорректно, так как он представляет на своей странице готовые плакаты, автором которых не является. Его роль состоит в подборе материала для адресата. Поэтому мы обозначим говорящего термином *адресант*.

Не исключено, что компоновка текста из чужих готовых фрагментов является способом маскировки пользователя, снятия с себя ответственности за пропаганду определенной идеологии. Тем не менее считаем, что перед нами именно текст, так как при отдельных нарушениях логики он обладает важнейшим признаком текста – ярко выраженной целенаправленностью. Кроме того, отдельные его части-плакаты взаимосвязаны и поддерживают друг друга в смысловом отношении. Причем это текст, погруженный в жизнь, т. е. дискурс, поскольку он многими нитями-ассоциациями связан с современной жизнью и недавним прошлым.

Теперь перейдем к анализу развертывания стратегии провокации национального конфликта. Для реализации основной стратегии пользователь «Иван Русаков» выбирает следующие тактики. В конфликте сталкиваются как минимум две стороны, и одна из них представляется адресанту правой. Для того чтобы очертить эти два полюса противостояния, используется тактика размежевания – формируется оппозиция «свой vs. чужой». Натравливание одной стороны на другую необходимо мотивировать и оправдать. Поэтому по отношению к одной из них используется тактика позитивной презентации, а по отношению к другой – тактика негативной презентации (дискредитации). Тем самым естественным образом в рассматриваемых материалах развертываются глобальные стратегии на повышение и на понижение, а также кооперативная стратегия по отношению к «своим» и конфронтационная по отношению к «чужим». Следующим шагом в реализации стратегии провокации национального конфликта является использование тактики мобилизации общественного мнения. И завершает формирование этой стратегии тактика побуждения.

Далее рассмотрим воплощение этих тактик в речи.

• **Тактика размежевания** направлена на выявление противопоставленных друг другу объектов дискурса.

Основным речевым ходом (РХ), позволяющим ограничить «своих» от «чужих», является выбор номинации, или, в терминах А.К. Михальской, прием «скольжения смысла» [Михальская 1996: 152–153]. В анализируемых материалах «свои» названы подчеркнуто нейтральным наименованием по национальному признаку: *славяне, русские, немцы*. Как представляется, в этом отношении значимо и имя пользователя страницы – «Иван Русаков». Конечно, оно нейтрально, но в русской культуре, безусловно, несет ассоциативную положительную нагрузку, и весьма значительную. Иван – это символическое имя русского человека, а фамилия Русаков своими словообразовательными связями усиливает аттракцию имени, фамилии и национальности пользователя страницы, что, видимо, должно вызвать особое доверие со стороны русскоязычного адресата.

Для обозначения «чужих» выбраны номинации по национальному, этническому, конфессиональному или расовому признаку: *жиды, чурка, хачи, чурбан, еврей, мусульмане, израильтяне, негры, цветные; вонючий, грязный цыган*. Среди них есть такие, которые являются нейтральными обозначениями: *еврей, мусульмане, израильтяне, негры, цыган*, правда, в контексте они тоже способны приобретать оценочность. Однако половину этих наименований следует отнести к пейоративной лексике. Так, номинации *хачи, чурка, чурбан*, не зафиксированные в словарях русского литературного языка, представлены в словарях русского жаргона [Грачев 2006; Молодежный сленг: толковый словарь... 2007]. Само по себе отсутствие слова в литературном языке и принадлежность его к жаргону говорят о сниженном характере этой лексической единицы. Но помимо такой сниженности лексемы *хач* (мн. *хачи*), *чурка, чурбан* имеют в словаре стилистическую помету пренебр. (пренебрежительное):

«ХАЧ, -а, м., пренебр. То же, что ХАЧИК 2.

ХАЧИК, -а, м., пренебр. 2. Представитель одной из кавказских народностей» [Молодежный сленг: толковый словарь... 2007].

«ЧУРБАН, -а, м. 1. пренебр. Житель Кавказа, Средней Азии.

ЧУРКА, -а, м. 2. пренебр. Азиат, кавказец» [Там же].

Такая окраска отчетливо ощущается русскоговорящими, причем не только молодыми носителями жаргона.

Наиболее часто в представленных материалах используется слово *жиды*. Начиная с 30-х годов XX века толковый словарь русского литературного языка под редакцией Д.Н. Ушакова (1-е издание в 1935–1940 годах) фиксирует у этого слова отрицательную оценку с помощью пометы презр. (презрительное):

«ЖИД, жида, муж. (от того же др.-евр. слова, что иудей, см.) (дорев.).

1. В устах антисемитов – еврей (презр.)» [Ушаков 2008].

Слово *цветной* как наименование лица по расовому признаку также является весьма оскорбительным для человека с небелой кожей.

Другой речевой ход в рамках этой тактики – наведение отрицательной оценки с помощью контекста. На нейтральное обозначение лица по национальному признаку может быть наведена сема отрицательной оценочности за счет атрибутивов. Кроме того, поскольку мы анализируем поликодовые тексты, в развитии у слова контекстной отрицательной оценки важную роль играет характер визуализации представителей упомянутого этноса и расположение текстового комментария к изображению. Все это рассмотрено в предыдущем параграфе по отношению к слову *цыган*.

Другой способ наведения пейоративной семы на нейтральную номинацию – встраивание слова в перечислительный ряд, содержащий наименование реалии, которая отрицательно оценивается значительной частью общества: *всюду негры, геи, мусульмане...* Средний член этого перечислительного ряда, сам по себе безоценочный (даже в словарях жаргона при слове *гей* нет стилистических помет), называет такое явление, к которому в российском обществе относятся неоднозначно, и предосудительное отношение распространяется на окружающие номинации. Затем наведенная отрицательная оценочность словоформ *негры* и *мусульмане* усиливается путем имплицирования причинно-следственных отношений между соседними высказываниями: *Всюду негры, геи, мусульмане. Мир погряз в разврате и крови*. При таком соположении разврат ассоциируется с геями, а кровь? Видимо, с неграми и мусульманами.

Другой РХ, позволяющий дистанцироваться от «чужих», – использование местоимения *мы*: *Мы Русские...* В этом случае инклюзивное *мы* объединяет пользователя страницы и адресата, строго определенного по национальному признаку. Другой пример употребления этой идентификационной формулы дает плакат, как представляется, революционных или первых послереволюционных лет,

на котором изображено некое животное и замахнувшийся на него георгиевский кавалер в косоворотке, с таким текстом: *Подлую скотину – русской хворостиной, чтобы эта гадина больше нам не гаддила.* (Плакат несколько модернизирован: на животном изображена шестиконечная звезда.) По-прежнему в круг «мы» включены только русские. Есть один случай расширения этого круга за счет включения в него родового понятия «славяне»: *Мы, славяне, платим дань Чечне...* Таким образом, оказывается, что среди «своих» есть узкий круг «наиболее своих», которому немцы не противопоставлены, но в который и не включены. За счет этого возникает представление о монолитности «мы», которое будет использовано в другой тактике.

Разграничение «своих» и «чужих» продолжается с помощью тактик презентации – положительной для первой стороны и негативной для другой. Очернение «чужого» – это традиционный прием идеологической и общественной борьбы.

- **Тактика позитивной презентации** направлена на представление участников коммуникации в привлекательном виде.

По нашему мнению, эта тактика создает положительный образ как адресата страницы, так и автора, ведь инклюзивным *мы* они объединены как русские, а другие параметры для пользователя страницы не имеют значения. Для реализации этой тактики используется РХ «апелляция к вечным ценностям»: *Мы Русские, с Нами Бог.* Это высказывание имплицитно подразумевает изначальную правоту «своих», их позицию на стороне добра за счет «присвоения» Бога. Если учесть, что те, кто принадлежит к «своему кругу», автоматически трактуются положительно, пока о них не сообщается негативная информация (а этого в анализируемых материалах нет), то такой скупой реализации тактики позитивной презентации адресата/адресанта достаточно для целей пользователя «Иван Русаков».

- **Тактика негативной презентации (дискредитации)**, в свою очередь, направлена на формирование отрицательного образа объекта, подрыв доверия к нему.

Эта тактика представлена гораздо богаче, чем предыдущая, поскольку позволяет демонизировать «чужого», создав образ врага, необходимый для осуществления основной стратегии – провокации национального конфликта. В первую очередь дискредитируются представители кавказских и азиатских национальностей, а также евреи.

Как известно, один и тот же РХ может осуществлять несколько коммуникативных тактик. Тактику негативной презентации «чужого» прежде всего реализуют рассмотренные выше речевые ходы

пейоративной номинации и наведения отрицательной оценки на нейтральное наименование объекта с помощью контекста.

Следующий РХ в рамках этой тактики – оскорбление. Он подразумевает нанесение обиды, унижение кого-либо и сопровождается выражением эмоционального состояния вместо приведения доказательств. Оскорбление может быть прямым, в этом случае осуществляется непосредственная негативная характеристика объекта. Традиционным средством, применяемым в этом речевом ходе, является экспрессивная оценочная лексика, прежде всего такая, которая говорит о сниженной эмоциональной оценке обозначаемого объекта. Проиллюстрируем сказанное следующим плакатом: изображены стоящие спиной к публике три молодых человека, у которых на футболках написано «Дагестан», «Таджикистан» и изображен национальный флаг одной из азиатских республик, а в верхней и нижней частях постера расположено сообщение: *Слишком много дерьма на фотографии*. Такое оскорбление отличается особой грубостью, так как подчеркнутое слово квалифицируется в словаре как бранное [Ожегов, Шведова 1999: 162].

Другой прием в рамках РХ оскорбления связан с использованием слов, приобретающих обидную окраску в речи. Он представлен следующим образом: на плакате под фотографией двух молодых людей кавказской внешности подпись: *Планета обезьян*. Оскорбительный смысл детерминируется столкновением визуального ряда и текста, которое заставляет понять, что слово *обезьяна* употреблено не в своих словарных значениях 1) млекопитающее отряда приматов или 2) человек, склонный к подражанию другим [Там же: 426], а метафорически, имплицитно смысл «не-человек, тот, кто имеет внешнее сходство с человеком, но на самом деле им не является». Тем самым в сознание адресата скрытым образом внедряется мысль, что «чужой» не человек, а значит, по отношению к нему возможны действия, которые аморальны по отношению к человеку.

Следующий речевой ход, реализующий тактику негативной презентации, – навешивание ярлыка на человека, группу людей или событие/процесс. Наиболее типично навешивание ярлыка «геноцид» на миграцию из кавказских, азиатских или арабских стран, а на самих мигрантов – ярлыка «оккупанты», как это представлено в следующих подписях к плакатам (их визуальный компонент описан в предыдущем параграфе): *Миграция? Нет, это геноцид коренного русского народа России и замещение его на мигрантов-оккупантов* или *Гуманизм к чужой расе оборачивается геноцидом*

к своей. Ярлык «геноцид» может быть прикреплен и на близкие отношения женщины-славянки и мужчины с Кавказа или из Азии, как на следующем постере-демотиваторе: посередине фотография рекламного щита с изображением светловолосой женщины, обнимающей мужчину восточной внешности, рядом с изображением надпись: *У любви множество лиц. Народов много, страна одна*, а внизу на постере под фотографией щита сообщение: *ГЕНОЦИД теперь он выглядит так* (такое же, как на плакате, изменение размера шрифта показывает деление надписи на строки).

Как представляется, навешивание ярлыка возможно не только с помощью существительного, но и через генерализованное суждение. Так, например, в соответствии со сложившимися стереотипами евреев обвиняют в корыстности, склонности к наживе, противопоставляя их по этому параметру русским. Иллюстрацией этого РХ служит плакат, который частично рассматривался выше в связи с анализом использования местоимения *мы* в рамках тактики размежевания. Под строчками *Подлую скотину – русской хворостиной, чтобы эта гадина больше нам не гадила* на постере высказывание: *Где жид, там и взятка – такова его повадка*, которое добавлено к изначальному варианту плаката. Из этого высказывания вытекает: все евреи – взяточники. Ярлык навешен.

• **Тактика мобилизации общественного мнения.** Эта тактика употребляется говорящим, целью которого является «изменение существующего положения дел» [Михальская 1996: 151]. В отличие от А.К. Михальской, мы рассматриваем такое направление развития дискурса в качестве тактики, поскольку оно имеет подчиненное значение по отношению к основной когнитивной стратегии пользователя «Иван Русаков». Эта тактика представлена следующей совокупностью речевых ходов.

РХ очернения представляет собой изображение текущего состояния общества как исключительно негативного. Так, в стихотворном письме к А. Гитлеру, о котором мы говорили в предыдущем параграфе, показана катастрофическая картина состояния дел в Европе и России: автор письма заявляет, что *мир сошел с ума*, потому что *вымирают страны белой расы, мир погряз в разврате и крови, у нас дела ничуть не краше, что в Москве, что дальше – дело швах, славяне у параш, ну, еще в забое да в гробах!*, *мрет народ, мы, славяне, платим дань Чечне*. Последнее высказывание за счет использования слова *дань* в основном значении содержит импликатуру, что славяне (русские) несвободны, поработены:

«ДАНЬ, -и, ж. 1. В старину: подать с населения или налог, взимаемый победителем с побежденных» [Ожегов, Шведова 1999: 151].

Естественно, представленное катастрофическое положение дел нуждается в объяснении. С этой целью используется РХ обвинения – приписывания кому-либо вины, признание виновным в чем-либо, а также раскрытие, обнаружение чьих-либо неблагоприятных действий. Пользователь страницы объясняет проблемы Европы (*страны белой расы*) тем, что *цветных завозят всех подряд, что всюду негры... мусульмане*. Беды России связаны с тем, что там *правит ЗОГ*. На другом плакате пользователь страницы со ссылкой на В.И. Даля разместил следующую поговорку: *На Руси от голоду и воровства не мерли, пока жида не приперли*. Здесь в фокус внимания помещены, так сказать, виновные – евреи, но в то же время содержится утверждение о негативном состоянии общества (сейчас на Руси мрут от голода и воровства), которое выводится как речевая импликатура и поддерживает РХ очернения. Последний пример показывает, насколько тесно в рамках одного высказывания могут переплетаться разные речевые ходы, реализующие ту или иную тактику.

Подводя итог использованию двух речевых ходов в рамках анализируемой тактики, можно сделать вывод, что у виновных в бедах европейцев и русских явно выраженное национальное «лицо» – это те, кто входит в состав «чужих».

Следующий РХ в рамках мобилизации общественного мнения – предупреждение, то есть предостережение, предваряющее сообщение о возможных событиях, действиях, ситуациях. Классическая конструкция, оформляющая предупреждение, – сложноподчиненное предложение (модель *если... то...*), передающее условно-следственные отношения. Однако в речевой практике она может модифицироваться и в нашем материале именно в таком измененном виде и выступает.

Сдал квартиру чурке – превратил город в аул. Это бессюзное сложное предложение легко трансформируется в сложноподчиненное указанной модели: *если сдал... то превратил...* В других случаях в высказывании союз *если* замещен союзом *пока*, тем не менее за эксплицитными временными отношениями проглядывают имплицитные условно-следственные: *Не будет порядка, пока ты не станешь порядком* (*Если ты не станешь порядком* (не возьмешься его обеспечивать), *то порядка* (в стране) *не будет*).

Усиливает ощущение опасности, нестабильности в обществе и такой РХ, как угроза. От предупреждения угроза отличается тем,

Таблица 2

Условие	Нежелательные последствия
<i>Сдал квартиру чурке</i>	<i>Город превратился в аул</i> (произошло понижение статуса города)
<i>Ты не станешь порядком</i>	<i>Не будет порядка</i> (порядок, в противоположность хаосу, позволяет должным образом организовать жизнь)

что она направлена на запугивание, содержит указание на то, что неприятность, зло будут причинены именно адресату. Этот речевой ход использован на плакате с изображением принесенного в жертву барана, лежащего в луже крови, и надписью: *Курбан байрам, когда-нибудь на его месте можешь оказаться и ты!* Направленность угрозы непосредственно адресату выражает местоимение *ты*. Угроза должна оказать давление не только на его разум, но и на эмоциональное состояние, что обеспечивается визуальным кодом. Что характерно: на постерах, содержащих предупреждение, не было изображений, которые вызывали бы страх, жалость или другие угнетающие чувства.

• **Тактика побуждения.** После того как в результате целенаправленной обработки в сознании адресата произведены необходимые изменения, наступает очередь той тактики, которая должна в наибольшей степени обеспечить реализацию основной стратегии пользователя «Иван Русаков» – провокации национального конфликта. Под тактикой побуждения понимается призыв к какому-либо действию, принятию точки зрения. Эта тактика реализуется с помощью целой серии речевых ходов, которые, прежде всего, можно разделить по степени выраженности побуждения.

Имплицитное побуждение содержится в РХ намек. В нашем материале намек создается лексическими средствами (пропуск слова) в сочетании с визуальной «подсказкой» – отсылкой к прецедентному тексту, которые в совокупности с историческими ассоциациями позволяют восстановить пропущенный элемент (см. анализ плаката на сюжет сказки «Гуси-лебеди» в предыдущем параграфе). В результате возникает утверждение (пропозиция) о необходимости уничтожать евреев. Но является ли такое утверждение побуждением?

Мотивируем свое утверждение, что иллюкутивная функция данного высказывания представляет собой директив и его цель – побудить адресата к тому действию, которое названо в пропозиции. Высказывание нельзя отнести к репрезентативам, так как, во-первых,

они ориентированы от действительности к высказыванию и имеют целью отразить положение дел в мире. Рассматриваемое сообщение не соответствует этим критериям. Во-вторых, высказывание-репрезентатив можно оценить как истинное или ложное [Серль 1986: 181]. Данное сообщение не поддается такой проверке. В то же время директив ориентирован от высказывания к действительности, к тому, чтобы привести ее в соответствие со сказанным. Он выражает волеизъявление (предписание) разной степени интенсивности и реализуется прежде всего в побудительном предложении. Однако предписание может передаваться и с помощью инфинитива (например, *есть, жечь, ликвидировать, убивать, уничтожать*), вводимого наречием со значением долженствования: *надо, нужно, должен, необходимо* и под. [Кожина 1993: 178]. Именно таким способом выражено побуждение в анализируемом высказывании (см. стр. 152).

Намек может быть выражен с помощью другого приема: соположенными простыми предложениями, между которыми имеются причинно-следственные отношения, не оформленные с помощью союза. Адресат должен установить их сам: *Еврей – это вам не феникс. Сам по себе не загорится*. Эксплицировать эти отношения позволяет следующая трансформация: *Поскольку еврей... то (следовательно) сам по себе...* С учетом того, что ранее на странице пользователя «Иван Русаков» был размещен постер, побуждавший жечь евреев, понимаем, что адресату навязывается скрытый дедуктивный вывод: намек на то, что, поскольку еврей сам по себе не загорится, ему следует в этом помочь.

Как представляется, в рамках РХ намек можно рассматривать и РХ предупреждение. Его двухчастная структура (см. табл. 2) естественным образом наталкивает на следующий ментальный шаг – отказать от выполнения того, о чем говорится в условии, и сделать прямо противоположное. Следовательно, здесь можно усмотреть косвенное побуждение: 1) не сдавай квартиру «чурке»; 2) стань порядком (т. е. обеспечивай его сам).

Возможность такой двоякой трактовки еще раз иллюстрирует мысль о том, что сложно жестко прикрепить речевой ход к определенной тактике, нередко один и тот же ход решает разные задачи.

Однако чаще всего побуждение на анализируемой странице выражено эксплицитно и представляет собой призыв со значением по глаголу:

«ПРИЗВАТЬ, 1. Кого-что. Позвать, пригласить, потребовать явиться или делать что-н.» [Ожегов, Шведова 1999: 591].

Поликодовый способ передачи информации затрудняет подбор такого названия речевого, точнее коммуникативного (если используются средства разных кодов), хода, которое охватывало бы всю его специфику. Если исходить только из грамматических показателей, можно было бы остановиться на обозначении РХ, с помощью которого осуществляется побуждение, через местоимения: *мы-ход* и *ты-ход*. Но в ряде случаев побуждение получает нужный смысл только тогда, когда словесное высказывание поддержано картинкой, и это касается призывов, включающих как местоимение *мы*, так и *ты*. Вероятно, учитывая тот факт, что мы анализируем реализацию когнитивной стратегии, разумнее остановиться на таком обозначении коммуникативного хода (КХ), которое обуславливает формирование его смысла: КХ «вербальный призыв с опорой на изображение» и РХ «вербальный призыв без опоры на изображение».

Традиционно директив оформляется побудительным предложением, в том числе содержащим глаголы с императивной семантикой совместного действия. В такое предложение может быть включено обращение.

Рассмотрим реализацию КХ «вербальный призыв с опорой на изображение» в тактике побуждения. Его грамматический показатель – использование побудительного предложения с глаголом, имеющим императивную семантику совместного действия. Выше показано, что использование инклюзивного *мы* создает впечатление весьма монолитной группы, в которую входит адресант сообщений и его строго определенный адресат. Как представляется, за счет эксплуатации этого впечатления происходит «скольжение смысла» в результате изменения наполнения *мы* (нарушение закона тождества). Так, на одном из плакатов на переднем плане изображен кельтский крест, а за ним человек в камуфляже и балаклаве, поднявший руку в фашистском приветствии. Над его головой призыв: *Идем с нами*. Теперь у *мы* другое наполнение: визуальный ряд дает понять, что это не просто русские, а неонацисты. И адресат оказывается втянутым в это *мы*.

Следующий плакат-демотиватор призывает участвовать в протестных мероприятиях: на переднем плане кричащий человек в балаклаве и балахоне, вскинувший руки в призыве, на фоне огромной толпы с факелами, с поднятой рукой (фашистское приветствие? протест?). Детали городского пейзажа позволяют понять, что это Манежная площадь в Москве, и отсылают к прецедентным событиям декабря 2010 года. Под изображением призыв: *А давайте снова соберемся*. Под постером дата – 05.11.2017.

В рассмотренных случаях реализация нужного побуждения только языковыми средствами невозможна. Именно изображение придает запланированный смысл казалось бы безобидным призывам.

Надо отметить, что использование конструкций с глаголами императивной семантики совместного действия несколько смягчает призыв.

Переходный случай между рассматриваемым КХ и РХ «вербальный призыв без опоры на изображение» представлен на плакате с изображением А. Гитлера и надписью: *Адольф, проснись: жида х... еют*. С одной стороны, людям, знающим историю, контекст и обращение позволяют понять, кому направлено побуждение, и для них визуальный ряд не является обязательным. С другой стороны, картинка с парадным портретом фюрера делает плакат выразительнее и дает подсказку тем, кто не знает истории. Естественно, имя Адольф здесь употреблено метонимически: имеется в виду призыв к возрождению не конкретной личности, а нацизма – идеологии, которую Гитлер олицетворяет.

Перейдем к реализации РХ «вербальный призыв». В наших материалах такое побуждение направлено непосредственно адресату, отсюда использование местоимения *ты* и формы глагола 2-го лица единственного числа при отсутствии обращения:

1. *Вооружайся! У тебя ЗОЖ? А у чурбана нож! Не будь терпилой!*

2. *Бери топор! Встречай гостей с гор!*

Для призывов такого типа характерно то, что адресату ясно обозначен «враг», против которого надо вооружиться, следовательно, их можно квалифицировать как открытое подстрекательство к конфликту на национальной почве.

Несколько особняком стоит плакат с призывом, направленным «чужому»: *Иммигрант, пора домой!*. Это побуждение с указанием через обращение к конкретному адресату представляет собой безличное предложение.

Количественное соотношение текстов, размещенных на странице пользователя «Иван Русаков» и реализующих различные тактики основной стратегии, показывает, что здесь в наименьшей степени представлена тактика позитивной презентации. «*Мы*», т. е. русские, не показаны со стороны национального своеобразия, духовных достижений, исторических заслуг, которые, по мнению И.А. Ильина, и составляют основу национального самосознания и гордости. Судя по контенту страницы, адресант и адресат хороши уж тем, что

принадлежат своей нации, а она априори лучше других. Подавляющее количество текстов реализуют тактики очернения лиц другой национальности, обвинения их в негативной ситуации в мире и в стране, а также побуждения к агрессивным действиям по отношению к «чужому». Все это характерные признаки такой идеологии, как шовинизм. Таким образом, анализ развертывания семантической стратегии пользователем «Иван Русаков» подтверждает вывод о том, что на его странице представлена не националистическая идеология в ее христианской интерпретации, а шовинистическая, если не сказать нацистская.

Вспомогательные стратегии. Мы рассмотрели реализацию когнитивной стратегии. Однако параллельно ей и поддерживая ее в тексте развертываются и вспомогательные стратегии.

Достижение основной цели общения в значительной мере зависит от того, какие отношения будут установлены между коммуникантами. В письменном монологе это задача адресанта, и в нашем материале он выбирает прагматическую тактику минимализации дистанции за счет использования РХ «*ты*-общение» и РХ «*мы*-инклюзивное». Ни один текст не содержит местоимения 2-го лица множественного числа, примеры же на *ты*-общение приведены. *Мы*-инклюзивное «втягивает» адресата в одну референтную группу с адресантом, навязывая ощущение единства. Таким образом, создается впечатление использования стратегии кооперации в общении коммуникантов.

Однако адресант, речевыми средствами приближающий к себе адресата, на самом деле скрыт от него, выбирает тактику маскировки. Все сообщения передаются «чужим голосом», т. е. с помощью готовых средств – плакатов, нет ни одного текста, написанного им лично. Поэтому о характеристиках адресанта можно судить лишь по отбору материала. Это не соответствует ожиданиям искренности и открытости, свойственным принципу кооперации. Чем можно объяснить такое противоречие? Как нам кажется, наиболее вероятное объяснение следующее. Пользователь страницы понимает, что занимается неблагоприятной деятельностью, поэтому старается затруднить идентификацию себя, маскируясь под «Ивана Русакова».

Перейдем к анализу риторических стратегий. Прежде всего, надо отметить, что реализация основной когнитивной стратегии сопровождается стратегией редукции комплексности и контрастных оценочных альтернатив [Михальская 1996: 151]. А.К. Михальская отмечает, что эта стратегия, широко использовавшаяся ораторами

нацистской Германии и других тоталитарных государств, состоит в том, что говорящий вместо анализа разнообразных вариантов оценки окружающей действительности навязывает адресату лишь одну ее трактовку и единственный вариант решения проблемы: мигранты – оккупанты, смешанные браки – геноцид, в бедах европейского и русского общества виноваты «чужие», проблемы надо решать силой, бороться за «чистоту крови». Отсюда использование антонимических пар: свой – чужой, белая раса – небелая раса, гуманизм – геноцид и под. Это не просто антитезы – противопоставления, но каждый из членов бинарной оппозиции оценивается по полярной шкале хорошо – плохо: свой – хорошо, чужой – плохо, белая раса – хорошо, небелая – плохо и т. д. Важно и то, что одно и то же явление оценивается по-разному в зависимости от того, к какому члену оппозиции оно имеет отношение: геноцид своих – плохо, геноцид чужих (евреев) – хорошо. На фоне тотальной антитезы «свой – чужие» как принципа выстраивания коммуникации используется и антитеза в качестве риторического приема, рассчитанного на подстрекательство к активным действиям в нужном направлении. Например, на плакате изображены ветераны Великой Отечественной войны в орденах и медалях, а внизу текст: *Они не боялись воевать, а ты сидишь и смотришь на оккупацию.*

Заканчивая рассмотрение реализации основной и вспомогательной стратегий, отметим, что адресант, прежде всего, стремился осуществить когнитивные изменения в позиции адресата. В значительно меньшей степени его заботило риторически искусное построение монологического текста. Поэтому риторические стратегии и тактики использованы в нем слабо, только как эпифеномен основной стратегии.

Мы завершили описание и анализ страницы пользователя «Иван Русаков». Насколько допустимо рассматривать ее и подобные ей страницы как элемент ИПВ против России?

Как представляется, к тому есть, по крайней мере, два основания.

Во-первых, разжигание национальной розни в нашей стране создает угрозу самому ее существованию. Достаточно вспомнить развал Советского Союза, за сохранение которого выступало подавляющее большинство населения страны. Этот развал сопровождался ростом шовинистических настроений в бывших союзных республиках, а сегодня во многих из них нагнетается русофобия. И в наши дни подстрекательство к агрессии против представителей других этносов не менее опасно. Мы не можем утверждать, что пользователь «Иван

Русаков» сознательно является участником ИПВ против России, но объективно его пропаганда наносит ущерб нашей стране, провоцируя межэтнические конфликты. И неважно, что его шовинизм направлен не против русского, а против других народов. Их обида бумерангом спровоцирует русофобию, а в случае успеха подобных призывов дестабилизирует обстановку и даст основания к упрекам в нетолерантности России.

Другое основание для того, чтобы рассматривать интернет-страницу пользователя «Иван Русаков» в контексте ИПВ, состоит в том, что дискредитируется само понятие национализма. Однако выше уже говорилось, что И.А. Ильин, С.Г. Кара-Мурза, О.В. Куропаткина и целый ряд других мыслителей и исследователей считают национализм настоятельной необходимостью для существования любой нации. Значит, дискредитация этого понятия в той стране, против которой ведется информационно-психологическая война, духовно ослабляет ее население. Надо сказать, что в «Словаре политических терминов. Политическая энциклопедия онлайн» в статье, посвященной понятию «нацизм», отмечается следующее явление: «После окончания Второй мировой войны термин “нацизм” стал расхожим ярлыком, более того – синонимом таких слов, как “ксенофобия”, “национализм”, “шовинизм”, “фашизм”. Все эти слова получили абсолютно негативную коннотацию, что позволяло использовать их для очернения политических противников» [Словарь политических терминов. Политическая энциклопедия онлайн. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/pol.html>]. То есть понятия «национализм», «шовинизм» и под. превратились в ярлыки, в которых на первый план вышла общая негативная оценка, а различия в содержании стали несущественными. Однако с идеологией национализма связаны такие понятия, как «национальные ценности», «национальные интересы», «национальная безопасность», «национальная независимость», «национальное самосознание» и др., базовые для любого государства и народа. Если другие государства ведут речь о своих национальных интересах и национальной безопасности, значит, по крайней мере имплицитно, они опираются на идеологию национализма. Почему же в этой идеологии и в этих интересах должно быть отказано России? Использование политических и идеологических ярлыков вместо употребления терминов в строгом соответствии с их содержанием – один из приемов манипулятивного воздействия в информационно-психологической войне.

3.3. Роман Е.Г. Водолазкина «Соловьев и Ларионов»: лингвоидеологический анализ

Предмет исследования – идеологическая составляющая романа Е.Г. Водолазкина. **Мишени языковой агрессии** в романе – Октябрьская революция и ее вожди, советская власть и ее достижения, менталитет русского народа, отечественная наука. В основе идеологической позиции автора произведения – ключевые положения либеральной доктрины. **Цель** исследования – проанализировать, в какой мере идеология художественного произведения позитивна с точки зрения современной ситуации в России и перспектив построения ее будущего. Цель предполагает решение **задач**: выявление и систематизация идеологических смыслов текста в их лингвистической выраженности; вскрытие глубинного смысла высказывания, микро- и макротекста, не совпадающего с поверхностным однозначным; уточнение, раскрытие изложенного в тексте авторского видения; экспликация импликаций, пре- и постсуппозиций, двусмысленностей, создающих собственно смысл авторских интенций. **Метод** исследования – лингвоидеологический и дискурсивный анализ. **Актуальность исследования** обусловлена вниманием к феномену «идеология» со стороны разных наук, а исследование лингвистического аспекта феномена находится в стадии становления. В.А. Каменева, отмечая интерес как отечественных, так и зарубежных лингвистов к идеологической проблематике, заключает, что «лингвистическая теория идеологии далека от этапа окончательной сформированности и стройности» и необходимо совершенствовать ее понятийно-терминологический аппарат [Каменева 2017: 19].

Идеологическая функция – одна из функций художественной литературы. Естественно, любая функция может стать объектом филологического, в частности лингвистического, анализа. «Идеология – система политических, социальных, правовых, философских, нравственных, религиозных, эстетических идей и взглядов, исповедуемых партиями, политическими течениями, общественными движениями, научными школами, отражающих их мировоззрение, идеалы, целевые установки. В идеологии осознаются, отражаются, оцениваются отношения людей к окружающей действительности, общественные отношения, социальные проблемы, положение социальных групп и слоев, их интересы, цели социально-экономического развития» [Райзберг 2012: 171]. Н.В. Ковтун, исследуя мифопоэтику

современности, отмечает, что созданные художественной практикой XX века мифы «не определяются рамками “чистого искусства”, но претендуют на вторжение в мир истории, становятся продолжением идеологических баталий» [Ковтун 2017: 27], и цитирует в подтверждение мысли Э. Кассирера: «Мифы стали изобретаться и производиться в том же самом смысле и теми же самыми методами, как изобретаются и производятся пулеметы и боевая техника, — для ведения внутренней и внешней войны» [Кассирер 1993; цит. по: Ковтун 2017: 27–28].

Жанр анализируемого произведения в отзывах читателей определяется то как роман-исследование, то как постмодернистский роман (с уточнением: не постмодернистский, а о постмодерне), то как «хорошо сделанный наукообразный фейк»; историческая мистификация; псевдоисторический роман; роман, написанный языком исторической монографии [Отзывы о книге... URL: <https://www.livelib.ru/book/1000845829-solovev-i-larionov-evgenij-vodolazkin>]. «В какой степени романисты имеют право манипулировать историей? — вопрошает французский писатель, переводчик, почетный профессор, член жюри премии за русскоязычную литературу Ж. Коньо. — Разграничение между вымыслом и исторической реальностью становится все более расплывчатым и приводит иногда к странному смешению жанров. Многие романисты... привыкли включать реальных лиц и исторические факты в свою сюжетную канву так, что читатель не в состоянии отделить правду от выдумки. Это обстоятельство со всей очевидностью демонстрирует гипертрофию понятия «право» применительно к литературному творчеству, где во имя свободы выражения в полном смысле слова позволено все» [Коньо 2013: 404–405]. И далее: «Принеся с собой новый подход к текстам, это движение способствовало изоляции литературы от истории, текста от контекста. <...> Свобода говорить все приводит к тому, что содержание и сюжет становятся неразличными. <...> Все становится знаком, но все и есть все, а это означает, что все есть ничто» [Там же: 407].

В аннотации к изданию отмечается, что произведенный романом «Лавр» фурор позволяет отнести произведение к «высокой литературе». Автор говорит о романе. Практически это повесть об исследовании студентом, потом аспирантом, биографии белого генерала Ларионова. Роман выстроен как столкновение двух полюсов. На одном — белый генерал, на другом — остальные персонажи. Основной литературный прием — антитеза. Безупречному во всех отношениях

белому генералу во все послереволюционные времена противостоят более или менее, но в чем-то ущербные люди. Два исключения. Первое – заголовочный персонаж Соловьев: глорификация образа через намек на повторение пути в науку Ломоносова: *Профессор Никольский, университетский руководитель Соловьева, назвал его типичным self-made man, пришедшим в столицу с рыбным обозом...* Он исследователь биографии генерала. Это авторский инструмент, связующее звено между до- и послереволюционным временем. Второе исключение – Лиза Ларионова: пусть наследница и не «того» Ларионова, но – магия имени. Критики указывают, что генерал Ларионов – личность не историческая, но есть исторические прототипы, в частности это белогвардейский генерал Яков Слащев, руководивший обороной Крыма [Вождь, палач и жертва. URL: <https://1001.ru/articles/post/vozhhd-palach-i-zhertva-23887>].

Реальное время в романе – вторая половина 90-х годов прошлого века. Соловьев, будущий исследователь истории генерала Ларионова, поступил в аспирантуру, где генерал Ларионов и стал его диссертационной темой. Не приходится сомневаться, что **к 1996 году – а именно о нем идет речь** (здесь и далее выделено мною. – А. Б.) – генерал Ларионов уже всецело принадлежал русской истории. Сюжетным стержнем романа служит международная научная конференция, посвященная исследованию личности генерала Ларионова.

Генерал Водолазкина – монумент, синтезированный символ другого, светлого прошлого времени: единичное как воплощение множественности. Неслучайно в повествовании он именуется, как правило, генералом, редко генералом Ларионовым; его имя личное (впрочем, как и второго заголовочного персонажа) даже не названо. Генерал Ларионов – *Это было его первым и единственным домашним именем, к которому он привык сразу и навсегда*. Другой полюс – множественность персонажей как единое целое. На протяжении всего романа «единичное» оказывается несомненно, значительнее «множественного». Первое монохромно-белое. Второе множественно, но также объединено цветом: *кроваво-красное, красно-советское*. Прямым антиподом генерала выступает красный военачальник Д.П. Жлоба. **Герой и его антагонист:** белый генерал Ларионов (типизированный образ) и красный военачальник Жлоба (историческая личность). Первый недосыгаем для второго: *Самые хитроумные замыслы Жлобы разбивались о принятые белым полководцем меры. <...> Сила генерала, по мнению исследователя, состояла в абсолютно точной оценке стратегического потенциала Жлобы.*

Ключевая роль образа белого генерала Ларионова в философском аспекте идеологической составляющей романа получает эксплицитное авторское завершение в дискурсе сна профессора истории Никольского незадолго перед смертью. Во сне историк размышляет о проблемах, связанных с оценкой послереволюционного развития России с философских позиций роли личности в истории, соотношения судеб личности и общества. Итогом философского размышления стало признание приоритета личности перед обществом и судьбы личности перед ходом истории. *В трактовке исследователя история, по сравнению с личностью, представляла чем-то вторичным, в определенном смысле – вспомогательным. История виделась ему рамой – иногда бедной, иногда роскошной, – в которую личность помещала свой портрет. Другого предназначения истории исследователь не предполагал.* С этим выводом связан другой: единственным мерилom для оценки событий всемирной истории может считаться *один-единственный критерий – нравственный*. Это ключевые положения либеральной доктрины. С этой позиции антитеза «белый генерал» – «красные» прочитывается как контроверза двух сознаний, двух идеологий: субъективно-индивидуалистской и коллективистской. О весьма негативном следствии приоритета частного говорит Ж. Коньо: «Похвальная защита частного от коллективного очень быстро привела к инверсии ценностей. <...> Частный интерес, индивидуальный произвол постепенно разрушили основной смысл общего интереса. <...> Возрастающее расхождение между образами и событиями, между словами и вещами... ставит под вопрос само понятие идентичности как индивидов, так и наций. Присущий европейской цивилизации индивидуализм завершился созданием человека-массы...» [Коньо 2013: 411]. Доктор исторических наук С.М. Небренчин заключает, что усилия наших геополитических оппонентов обусловлены верой в то, что «если навязывать обществу коллективистского типа, каким остается Россия, социальную теорию развития индивидуалистического общества и соответствующий ему политический строй, то это неизбежно приведет к вырождению данного народа и гибели его государства» [Небренчин 2017: 29]. Внедряя субъективно-индивидуалистскую идеологию в сознание читателей, художественная литература способствует этому процессу.

Генерал обладает внешней привлекательностью, эlegantен. На всех сохранившихся фотографиях... тщательно выбритый человек с коротко подстриженными и уложенными на пробор волосами.

*Пробор выполнен настолько ровно, а качество бритья настолько безупречно, что... невольно ощущается запах туалетной воды. <...> ...Идеально правильные черты его лица... <...> Несмотря на эту правильность, лицо его не казалось красивым. <...> ... Появившиеся с возрастом морщины под глазами и возникавшая на носу горбинка сделали его лицо более рельефным. В определенный период своей жизни... этой горбинкой и выражением лица... он **напоминал кардинала Ришелье**. <...> В посадке его головы, в развороте плеч, в том, как уверенно он ступал с пятки на носок, чувствовалась армейская выправка. Военная косточка. Высший офицерский состав. Он производил на всех такое сильное впечатление, что даже красные командиры при встрече отдавали ему честь. В лице генерала автор поет хвалу всему дореволюционному офицерству. Русское офицерство было весьма рафинированным. Гармоническое развитие... предполагало не только мужественность. Оно предполагало также элегантность. В противоположность генералу Ларионову красные командиры неопрятны, их внешность производит отталкивающее впечатление: *От пришедших пахло лошадиным потом и немытым человеческим телом. Служивцы Жлобы позволяли себе насмехаться над особенностями его внешности (почти полное отсутствие лба плюс наличие двух лишних зубов в верхнем ряду)*. Итак, на одном полюсе «кардинал Ришелье», на другом – дегенерат, напоминает питекантропа. Однако шаржированный портрет советского военачальника не имеет ничего общего с архивными фотографиями легендарного комдива Стаальной дивизии.*

Генерал Ларионов интеллигентен, музыкален. Шестилетний будущий генерал, уйдя из дома, застыл, как очарованный, слушая уличных музыкантов: *Виолончель, две скрипки и флейта. <...> Музыканты играли по заказу публики и просто так. <...> Не было того, чего бы они не смогли сыграть. <...> Я слушал музыкантов долго – все время, что они там играли. <...> Лишь когда инструменты оказались в футлярах, **магия** кончилась*. Красный командир Жлоба не имеет представления даже о музыкальных инструментах: называет виолончель большой скрипкой.

Генерал говорит и пишет прекрасным русским языком, хорошо чувствует стиль. Жлоба косноязычен. Его письменная речь неоднородна и даже неадекватна функционально-стилистически и нормативно (*ихнее приветствие*, избыточная частотность *короче* в функции частицы), пестрит советскими идеологемами (*товарищ, деклассированные элементы, пролетарский писатель М. Горький, трудящиеся*).

Бессвязность речевая дополняется абсурдными приказами его и соратников: Б. Кун приказывает одноногому нищему *встать и предъявить для осмотра отсутствующую ногу*. Генерал был физически и интеллектуально развит. Много знал и умел. Прекрасно играл в шахматы. Был неприхотлив и непринужденно держался с самыми разными людьми. Его уважали и даже побаивались идейные враги. Генерал ощущал себя в органической связи с природой, она рождала у него философские размышления о смысле жизни: *Иногда генерал Ларионов ложился в траву и наблюдал за жизнью ее обитателей. В его глазах эта жизнь представляла такой же мелкой, как человеческая. Может быть, не столь жестокой. Жители травы деловито поседали друг друга, но занимались этим по необходимости, сообразуясь с древними биологическими законами. Они не испытывали взаимной ненависти*. Выказывая присущее ему чувство юмора и умение делать философские обобщения, генерал возвращается мыслью к действительности. *Находясь в районе ожесточенных боев Белой и Красной армий, они соблюдали строгий нейтралитет. Их умение не замечать общественные катаклизмы достигало абсолютной точки и вызывало у генерала восхищение*. Антитезой представляется отношение к живой природе представителей противоположного полюса. *Матросы доставали из карманов семечки и бросали их чайкам. Им нравилось наблюдать, как в борьбе за семечки чайки били друг друга крыльями. <...> Матросы смеялись над низменными инстинктами птиц. Это зрелище их некоторым образом возвышало*. Косвенная характеристика людей через их отношения с природой. На одном полюсе – умение видеть общее в разных формах жизни, уважать «другое», признавать его сильные стороны, восхищаться им. Философия сочетается у генерала с иронией, самоиронией. Матросы с их примитивным мышлением привносили жестокие нравы людей в жизнь природы, провоцируя привычное им самим поведение и, таким образом, обретая чувство мнимого превосходства.

Генерал – полководец, гениальный стратег. Недосыпаем для красных: *...действовал генерал так, будто планы противника были знакомы ему во всех деталях. Всюду он был раньше красных на полшага, но эти полшага неизменно определяли исход сражения. Самые хитроумные замыслы Жлобы разбивались о принятые белым полководцем меры – независимо от того, были ли они результатом деятельности разведки или гениальным предвидением генерала*.

Генерал демократичен, справедлив. Он с сочувствием относится к крестьянам: *Сейчас английские транспорты вывозят оттуда*

зерно, купленное за бесценок у большевиков. Это зерно пропитано кровью русских крестьян. На ялтинской конференции сообщалось, что в свободное от боев время генерал приказал солдатам и офицерам помогать крестьянам распахать землю. В качестве обоснования этого приказа указывалось, что, экспроприировав у крестьян лошадей для кавалерии, армия должна была помочь им (крестьянам) по крайней мере таким образом. Раздраженные выполнением несвойственных им функций, офицеры... «предались ворчанию». С этим странным распоряжением их примиряло лишь то, что генерал лично впрягался в хомут и тащил за собой плуг... Красные недемократичны, пользуются своей властью: Жлоба, Б. Кун и Землячка едут на откормленных лошадях. Сотрудник ОГПУ (в 1923–1934 годах Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров [БЭС 1998: 301]. – А. Б.) Уманский устроил прощальный банкет, для которого не пожалел **умопомрачительного озгпзушного спецпайка**.

Генерал терпим к чужим стилям, нормам, поступкам. Мирское, быт – не мерило его образа жизни и образа мыслей. Наблюдая, как подселенный на его дачу *революционный матрос* нещадно обезображивает ее, генерал не сделал расстрельных дел мастеру ни единого замечания. Генерал не злопамятен, не стыдится при своей элегантности показаться на улице с чужим *барахлом*. После расстрела Уманского, подселенного к генералу в рамках уплотнения, именно он помог прибывшей на похороны матери: *Добраться до автовокзала ей помог генерал. Неся в руке один из чемоданов, он толкал перед собой детскую коляску соседей с положенным на нее бархатным узлом*. Сцена повторяется много позже, в 1958 году: *Генерал и тогда нес чемодан и толкал коляску – на этот раз с ребенком*.

Генерал руководствуется в своих действиях интересами дела и, в отличие от красных, заботой о судьбах людей, сохранении армии, человеческих жизней. – *Мы покидаем Крым, – сказал генерал одними губами. – Мы будем держать Перекоп столько, сколько это потребуется для всеобщей эвакуации. <...> Мне нужно спасти мою армию*. Во время погрузки корабля генерал, чтобы спасти больше людей, приказал выбросить за борт дорогую мебель, припрятанную интендантом. Спасая солдат, не успевших эвакуироваться, он изобретает для них ряд спасительных «легенд»: одних усаживает в будки чистильщиков обуви, других переодевает во взятые в театре национальные (татарские) костюмы, третьих учит имитировать мирную семейную жизнь, четвертые имитируют нищих и калек, пятые

мостят мостовую, шестых учит притворяться музыкантами. Генерал знает цену жизни и медлит с приказом открыть огонь, жалея обреченных на смерть молодых воинов противника: *Генерал знал, что эта цепь обречена. Он хотел дать этим солдатам лишнюю минуту. Хотел в последний раз увидеть их живыми. Не мог на них насмотреться. Налюбоваться их неловким движением вперед.* Красные пошли на невиданные жертвы ради конечной победы. *Это знал генерал, никогда бы себе таких жертв не позволивший.* Он видел, что *вместе с красными приходит новая, устроенная на других основаниях действительность.* Легко эксплицируемая мысль: коллективистское сознание обесценивает человеческую жизнь и судьбу. Последняя военная операция генерала заключалась в обеспечении отступления войск к портам. *Генерал занимался спасением жизни солдат. По словам историка, это была организация поражения с наименьшими потерями – в своем роде не менее блистательного, чем прежние победы.*

Далее выделим тематические области романа с наиболее четко прорисованной идеологической оценкой.

Оценки России и ее обитателей. Объект – Россия, мишень – советская власть с ее идеологией. Оценка никогда не дается в авторской речи, а приписывается мифическому автору мифических биографических работ о генерале в цитатной форме или в форме «непредвзятого» обобщения чужих оценок или, наконец, дается от имени генерала, с отсылкой к его мифическим дневниковым записям, которые и разыскиваются генераловедами. *И.А. Рацимор отмечал, что ощутимая печать убожества, лежавшая на большинстве деяний советской власти, основанием своим имела прежде всего потерю сословной ориентации.*

Следующей мишенью языковой агрессии стал менталитет русского народа. Вымышленный персонаж, французский историк А. Дюпон, заключила, что движение русского общества определялось несколькими факторами, из коих *ключевую роль играли недостаточная расположенность к труду, склонность к присвоению чужого имущества и обостренное чувство справедливости.* Первые два фактора без эвфемизации декодируются в традиционной форме как **лень** и **воровство**. Третий через цепочку софизмов превращается в питательную почву двух первых: едва скрытая ирония над «загадкой русской души»: *В этом контексте исследовательницей рассматривались и разрушительные русские революции, и многолетнее правление русских коммунистов*

(по ее оценке, не менее разрушительное), и целый ряд иных событий. Тезис повторяется в рассказе сотрудницы ялтинского музея А.П. Чехова. Она водит посетителя, аспиранта-историка, по музею. *Фоном ее рассказа проступал образ бескрайней России, планомерно разрушаемой Москвой.* Москва – метонимический символ советской власти. В приведенных оценках два ключевых концепта, максимально общие понятия как раз и навсегда положенные **клейма** на Россию советской эпохи, ее роль в истории России и окружающего мира: **убожество** и **разрушение**. Последнее усилено полным словесным повтором и вариативным в форме страдательного причастия настоящего времени, что расширяет временные рамки губительного для страны процесса за счет семы незаконченности действия. Мощным средством объективации концепта становится принадлежность идентичной оценки разным субъектам: разного возраста, разных наций, разных профессий. Ключевые концепты получают конкретизацию через оценки сенсорно-чувственного характера: визуального (цветового), обонятельного (запах), количества, формы. Генерал забирает из роддома жену с ребенком. Он *с отвращением рассматривал грязно-желтый* кафель пола. *Мелкий квадрат* этого кафеля *вкуне с запахом хлорки* нес в себе *что-то невыносимо советское, лишенное человеческих черт*. Даже в военных госпиталях *такого гнетущего запаха почему-то не было*. Причины поражения белого движения генерал сформулировал так: *По России покатился средней величины ком дерьма*. *С невероятной скоростью он разрастался за счет налипания родственного материала, которого в России оказалось, увы, очень много*. Чувственно-образные характеристики послереволюционной российской действительности суммируются в лексеме «дерьмо», в данном контексте вобравшей в себя все три словарные пометы (прост. груб., бран., прост. пренебр. [Ожегов, Шведова 1997: 162]). *Ком дерьма* – это те, кто делал революцию. Бранно-оценочное *дерьмо* дополняется признаком бесформенности, обезличенности («ком»). Окончательный, «убийственный» приговор феномену «советское» выносится результирующим качеством восприятия *невыносимо советское, лишенное человеческих черт*. Уточнение функционально означает идентификационную характеристику: **советское – значит, бесчеловечное**. Уточняющий атрибут временного измерения советского – **рабское время**. У генерала в гражданском браке родился сын. Отец не рад, так как в это время, *рабское время, мужчиной лучше не рождаться*. Возникает противоречие:

революция отменила власть эксплуататоров («Кто был рабом, тот станет всем»), но в реальности это стало временем рабства. Потеря *сословной ориентации*, читай: классового расслоения, отмена классового строя, напротив, сделала рабами весь народ.

Мишень другой оценки – русская ментальность. Особую изысканность придает эвфемизирующее выражение мифической французской исследовательницей «криминальных» качеств русского этноса. Читателю самому предлагается несложная задача расшифровать эlegantные эвфемизмы как «лень» и «воровство».

Характеристика «крово-красных» персонажей. *Революционный матрос*, член *краснофлотской расстрельной команды* К.И. Серегин, получил, в рамках «уплотнения», комнату на даче генерала Ларионова. *Он въехал в генеральский дом в 1921 году.* Впечатление от интерьера комнаты в стиле «*art nouveau*» оказалось *удручающим*. <...> *Отвергнув замысловатую лепнину как буржуазное излишество, он сбил ее с потолка зубилом. Дубовые панели он закрасил жирной зеленой краской и, найдя такой цвет интересным, прошелся им по дубовому же паркету.* Грубый, невоспитанный, далекий от культуры, по натуре своей *буян*, он имел к тому же *пристрастие к кокаину*. Но генерала, в силу *холопского рефлекса*, уважал и даже побаивался, после того как, *предприняв попытку рукопашного боя с генералом, краснофлотец был немедленно сбит с ног, стащен к крыльцу и окунут в бадью с дождевой водой.* Троекратно повторенная грамматическая форма страдательного залога усиливает лексическую экспрессию: личность – генерал – обращается с представителем новой власти как с неодушевленным объектом. Потерпев фиаско, революционный матрос пошел другим путем: начал выяснять, *каковы перспективы генерала на предмет расстрела.* Чтобы не обременять товарищей лишней работой, – саркастически продолжает автор, – *он предлагал выполнить ее самостоятельно – так сказать, на дому.* Но буян и любитель кокаина был арестован и расстрелян. Командовал карательными мерами сотрудник ОГПУ Л.Б. Уманский. Еще один революционер без принципов, безнравственный, корыстный, не знающий укоров совести. По словам матери, сын был раньше *известным в городе Умань карточным шулером.* Восприятие читателя шокирует деталь: мать с нежностью вспоминала *то время*, – настолько даже ей не нравилась революционная карьера сына. Истинными причинами арестов и расстрелов объявляются корыстные интересы представителей советских властей. При каждом аресте бывший шулер,

а ныне штатный работник ОГПУ приглядывался к потенциально свободной жилплощади, в том числе и генеральской. Автор иронично: *Не приходится сомневаться, что жилплощадь его устроила, поскольку Серегин был расстрелян в самые короткие сроки.* Автор с наслаждением «окарикатурирует» резолюцию *тройки ОГПУ*. Своеобразную «элегантность» язвительности автора придает прием стилизации документального стиля с имитацией «духа» революционного времени: наличие реальных дат, инициалов имен и отчеств персонажей с пре- и постпозицией в соответствии с нормой стиля, типичные клише-идеологемы: ***Революционное сознание***, усугубленное потреблением кокаина, толкало его к действиям и словам (а слова – это тоже действия, как сказал член ***тройки ОГПУ*** Л.Б. Уманский), для ***молодой советской власти*** неприемлемым. Приговор *тройки* в отношении Серегина К.И. в исполнение привела его же собственная расстрельная команда. Подтекст: нет морали, нет объективной мотивации – исключены отношения товарищества, корпоративной солидарности; расстрелы – вещь обыденная. В отличие от Серегина, новый сосед генерала дебошей не устраивал, но его слишком часто навещали жившие на первом этаже комсомолки, *которых Уманский умывал* (автор не брезгует и «дешевым» приемом экспрессии – анафорическим повтором), так что руководство партиячки *начало было рассматривать вопрос об аморалке*. Уходя от наказания, Уманский объявил брак явлением *отжившим* и перешел на общество дам более легкого поведения. Генерал считал его ***прохвостом***. Но *внутренняя его нечистоплотность в какой-то степени компенсировалась стремлением к внешней чистоте и упорядоченности*. Тут же автор иронично добавляет, что общественными работами Уманский занимался *обычно в лице одной из посещавших его дам*. Как и Серегину, Уманскому был присущ холопский рефлекс («*время рабов*»!): ему льстило, что он живет в одной квартире с лицом столь знаменитым, что не исключило, саркастически добавляет автор, *искушение расширить свою жилплощадь путем ареста генерала и его жены*. Прагматик Уманский, – с нескрываемым сарказмом пишет автор, – ***не принадлежал, в сущности, к категории кровопийц по призванию*** (смысловая незавершенность высказывания – фигура умолчания – дешифруется просто: убийцами, кровопийцами людей делала советская власть), но принял как должное то, что для улучшения его жилищных условий *был расстрелян целый этаж*. Однако, очевидно, подтверждая булгаковский вывод о дьявольской магии

квартирного вопроса, жилплощадь приглянулась самому начальнику, вернее, его жене. Уманскому предъявили обвинение в связях (через посещавших его дам) с иностранной контрразведкой. Будучи обвиненным в растлении девушек-комсомолок, *Уманский по зрелом размышлении решил обходиться дамами с бережной – идеологически, может быть, менее близкими, но в смысле владения техникой секса предпочтительными. Марксистское мировоззрение не мешало им в необходимых случаях становиться на колени* – в отличие от комсомолок, чья *несгибаемость* Уманского порядком раздражала. Высказывание снабжено попирающей элементарные представления о морали ссылкой на *несгибаемость* как высоко нравственную черту истинного коммуниста: «Ср.: Ибаррури Д. *Хитроумный идалго*. М., 1979. С. 80–190». Подобные ссылки можно считать одной из форм проявления **лингвоцинизма**. В этом качестве выступает один из излюбленных приемов авторского стиля – **двусмысленность**, в данном контексте с целью подвергнуть остракизму моральный облик коммуниста путем перевода семантики с идеологической плоскости на телесную, физиологическую: языковая игра на сочетании прямого номинативного и переносно-метафорического значений обеих лексических единиц. Пародийно-смеховой эффект обеспечен. Но допустим ли способ? Если антигерой Уманский для достижения физической чистоты эксплуатировал не отличавшихся высокой моралью женщин, и, видимо, с их согласия, то по какому праву автор Е.Г. Водолазкин для достижения личного писательского успеха так безнравственно эксплуатирует память о выдающемся историческом лице? (Ибаррури – «Пламенная»: с 1917 г. в социалистическом движении; с 1932 г. в руководстве ИКП; в 1931–39 гг. одна из организаторов Народного фронта, борьбы против фашизма и итало-герм. интервенции» [БЭС 1998: 430]. – А. Б.). Еще один пример нарочитой двусмысленности, и опять на сексуальной почве: На ялтинской конференции председательствующий, академик Грунский, осудил традиционализм как явление. Сопредседатель присоединилась к оценке и *выразила уверенность, что нетрадиционная ориентация маститого ученого может быть хорошим стимулом для молодых людей, посвятивших себя науке. Зал, не сговариваясь, посмотрел на секретаря Грунского*.

Советская власть аморальна. ОГПУ неразборчиво в способах получения жизненных благ. Для обеспечения сотрудника хорошей жилплощадью *был расстрелян целый этаж*. Жестокость

проявляется и по отношению к «своим»: «сшить дело» против подчиненного или начальника ради даже самой низменной цели ничего не стоит. Принимаемые **меры воздействия** таковы, что обвиняемые не выдерживают (очевидно, пыток), «сознаются» даже в несодеянном, как в случае с сотрудником ОГПУ Уманским: *Раздавленный тяжестью улик, подследственный в скором времени сознался во всем, что ему инкриминировали, и, к приятному удивлению следствия, даже добавил несколько неизвестных ранее эпизодов. Атмосфера зависти, доноительства, всеобщей слежки в стране. Причиной ареста, а позже заточения, пыток и расстрела сотрудника ОГПУ Уманского стали его сексуальные партнерши: Об этих посещениях сигнализировали бдительные комсомолки, в свое время отвергнутые подследственным.*

Неоправданная жестокость красных. Студент-историк Соловьев изложил в курсовой работе под руководством профессора Никольского информацию о том, как в Севастополе новые советские власти собрали не сумевших эмигрировать людей из «**бывших**», заманив их обещанием помощи в поисках работы, и безжалостно уничтожили их. «**Бывшие**» (выделено автором романа. – А. Б.) – бухгалтеры, секретарши, гувернантки – все они послушно пришли на площадь перед цирком. Когда площадь наполнилась, ее окружили войсками и натянули колючую проволоку. <...> Несколько тысяч **бывших** простояли на площади двое суток. На третий день их вывезли за город и расстреляли. И это было только начало. Собрав данные по всем городам Крыма, Соловьев пришел к выводу, что за первые месяцы советской власти на полуострове было казнено около 120 000 человек. Масштабы этого реального красного террора описываются исследователями по-разному. Но то, «что обнаруживается в советских архивах, – комментирует автор электронной подборки, – свидетельствует, что речь идет о нескольких тысячах расстрелянных, а никак не о десятках и сотнях тысяч. Бесспорно, однако, то, что террор был, и товарищ Бела Кун имел к нему прямое отношение» [Вождь, палач и жертва. URL: <https://1001.ru/articles/post/vozhd-palach-i-zhertva-23887>].

Особой жестокостью автор наделяет известных деятелей революции и Гражданской войны. В рапорте красного командира Жлобы сообщается, что около церкви он и его сопровождение увидели одногоного нищего. *Товарищ Б. Кун* (Кун Бела, 1886–1938 – один из организаторов и руководителей КП Венгрии; в 1916 г. попал в Россию как военнопленный. После падения Венгерской советской

республики снова в России. Репрессирован; реабилитирован посмертно [БЭС 1998: 608]. – А. Б.) *заподозрил его в том, что он – двуногий, и приказал ему встать и предъявить для осмотра отсутствующую ногу. Когда одноногий стал отнекиваться, Б. Кун ударил его своей ногой по лицу.* Красной нитью проходит мысль о том, что новая (советская) власть жестока, вероломна, лжива, ей нельзя верить. В листовке товарищ Фрунзе (Фрунзе М.В., 1885–1925 – политический и военный деятель; в 1909 и 1910 гг. дважды приговорен к смертной казни; в Гражданскую войну командовал армией; нарком по военным и морским делам [БЭС 1998: 1298]. – А. Б.) *призывал ялтинцев не оказывать сопротивления. Он гарантировал жителям города всеобщую амнистию. Через день после прихода красных город застыл от ужаса. <...> Среди вспыхнувшего террора ни ялтинцы, ни красные не вспомнили о листовках товарища Фрунзе.* Повтором идеологемы – узуальной партийной формы обращения «товарищ» – во всех «репрессивных» контекстах достигается ее **десемиотизация**. Слово в представлении белых становится номинацией зла, жестокости, беззакония новой власти. Вывод подтверждается следующим фрагментом. Генерал выступает перед сотрудниками иностранных дипломатических миссий, просит помощи: – *Мне нужно спасти мою армию... Мне нужна ваша помощь. <...> Я обращаюсь ко всем: примите моих солдат. Товарищи не оставляют в живых никого... Никого. Честь имею* (выделено автором романа. – А. Б.). Генерала предупреждают, что он должен непременно эвакуироваться: – *Генерал, вас не просто убьют – они разрежут вас на куски.* Самой кровожадной из красных командиров, настоящим **вампиром** представлена Землячка (Землячка (Самойлова Р.), 1876–1947 – политический деятель; в 1939–1943 зам. пред. СНК СССР, пред. Комиссии сов. контроля, Член ЦК партии с 1939 г. [БЭС 1998: 420]. – А. Б.). Из рапорта Жлобы: *Раненому партийцу понадобился новый бинт, потому что старый пропитался кровью. Выступавшую кровь слизывала с бинта тов. Землячка.* Убийственным сарказмом и окончательным приговором вождям революции и Гражданской войны звучит реплика Б. Куна, что *казнь должна демонстрировать гуманизм советской власти.* Его понимание гуманизма иллюстрирует совет: – *Стреляйте не в сердце, а в живот... Тогда после расстрела он смог бы еще утонуть.* Стилизация под документальную прозу, пейоративная экспрессия эпитетов, повтор подвергнутого десемиотизации партийно-кодового обращения «товарищ», нечеловеческая логика слов и поступков

призваны внушить читателю апокалиптический ужас от картин прошлого отечества и его вождей.

Красные командиры, не задумываясь, посылают под пули белых массы людей, солдатскими смертями компенсируя недостатки военной стратегии. *За первой цепью возникла вторая, за ней – третья, четвертая... Генерал сбился со счета. Казалось, что эти цепи двигались от самого горизонта. Наползали с безразличием вулканической лавы. С неразделимостью саранчи. Это была единая глухая сила. Революционная масса в ее высшем проявлении. <...> Генерал знал, что этой массы хватит на десять белых армий, что в конце концов она **накроет** и его проволоку, и его пулеметы.* Прием деперсонализации направлен на создание впечатления безликой, безличной, безымянной, лишенной воли и чувств массы как выражения и продукта коллективистской советской идеологии. Это впечатление не разрушается, а усиливается использованием существительных «люди» и «солдаты»: действия властных структур с ними – это оперирование предметами или, может быть, фигурами в шахматной игре: *У красных было много людей, они не считались с потерями. Никогда еще генерал не видел, чтобы командиры так спокойно жертвовали своими солдатами. <...> С точки зрения военной науки эта атака была бессмысленной. Что они могли? Принять на себя все пули? Укрыть своими телами всю проволоку? С точки зрения страшной реальности эта атака была бесспорной. Такой атаке нельзя было противостоять бесконечно. Это знали красные, пошедшие на невиданные жертвы. Это знал генерал, никогда бы себе таких жертв не позволивший.*

Разнообразие выразительных средств в показе бесчеловечности советской власти подтверждает презентация темы репрессий на гуманитариев в 30-х годах прошлого века. Это всего лишь намек, мелькнувший неназойливо, в форме незначимого пояснения, в режиме 25-го кадра. Пригласив автора впечатлившей его курсовой работы к себе, профессор Никольский *долго продувал мундштук папиросы Беломор (к папиросам он пристрастился на одноименном канале).*

Картины российской действительности как наследия советской. Герой-рассказчик Соловьев прогуливается по ялтинской набережной, всматриваясь в образцы *причудливого советского ампира*, пережившие *свою империю*. *С видом одичалых старцев из зелени побережья... выглядывали пансионаты, дома творчества и пионерлагеря. Они были последними посвященными в тайны профсоюзного отдыха, лишь они одни и помнили безмятежные запои*

сталеваров, бодрые голоса процедурных сестер и тяжелые оргазмы партхозактива. «Своя империя» в идеологическом контексте романа однозначно прочитывается как «империя зла»: имплицитная отсылка к устоявшемуся пейоративу советского прошлого страны в критическом дискурсе отечественных либералов и в западной прессе. Ялта. Конец рабочего дня. Вечерний троллейбус. *В слабо освещенном салоне ехали работницы столовых – усталые, неразговорчивые, с пухлыми хозяйственными сумками у ног. <...> В состоянии алкогольного опьянения ехали ветераны разных войн, заходя надевшие медали, чтобы не быть избитыми милицией.* В приведенных фрагментах охаивается все недавнее советское прошлое, огульно, без исключений. Дискредитируется бывшее реальным право на отдых и лечение; молодежные организации; воинский долг; создание условий для работников творческих профессий; почетное звание ветеранов (неопределенный атрибут *разных* не исключает и ветеранов ВОВ). Все представители рабочих профессий – «несуны», воры. Всесоюзные здравницы – вертепы пьянства и разврата. Милиция – не блюститель порядка, а символ беззакония. *Как-то почти незаметно подъехала электричка. Старая, с облупившейся на солнце краской, с фанерой вместо выбитых стекол.* Безрадостная картина разрухи – речь идет не о послевоенном времени, а о конце 90-х годов – явно многократно преувеличена.

Российские граждане, даже научная интеллигенция, представлены дикарями в области культуры еды. Участникам конференции в Ялте предложен обед в столовой. *Первое и второе подавались в одинаковых тарелках с надписью “Общепит”. Третье помещалось в чашках с той же надписью и отбитыми для предотвращения воровства ручками. С той же целью алюминиевые ложки были закручены спиралью. На вилках спирали не было, поскольку их доставили с консервного завода ради конференции (в столовой № 8 пользование вилками не предусматривалось). Ножей не оказалось даже на консервном заводе.* Представленная картина – явный пасквиль на российское, тем более научное, общество. Контрастом – замечание о Ларионове: *...генерал особо выделял наличие на столе устриц и – естественно – устричных ножей. «Знают ли офицеры нынешней армии, – риторически спрашивал генерал, – что такое устричный нож?»* Даже руководящие работники – дремуче необразованные люди. Директор завода принимает аспиранта Соловьева за давно почившего философа – однофамильца и поэтому оказывает ему знаки внимания. Сотрудница музея А.П. Чехова Зоя – 19 лет, спортивная,

с эффектной внешностью, хорошо информированная, сексуально раскованная и опытная, «роковая женщина», не знающая сострадания, с криминальными наклонностями, ночью проникает в Воронцовский дворец, крадет рукопись (пусть это и оказывается подготовленной инсценировкой с использованием знакомого охранника) – плохо сопрягается с образом А.П. Чехова. Маленькая деталь советского прошлого, реальная, хотя и гипертрофированная: из рук вон плохая работа российской почты: письмо из Петербурга в Москву шло, согласно штемпелю, месяц. На замечание адресанта, что письма Достоевского из Германии в прошлом столетии шли всего пять дней, почтовый чиновник отреагировал псевдоаргументом: *Достоевский был гений*.

Наука, образование в России. Критика российской науки в стилистике речевого жанра «прикола» явственна в дискурсе научной конференции в Ялте с действительно *причудливым названием «Генерал Ларионов как текст»*. В зале «для массовости» сидят рабочие консервного завода. Сопредседатель, член-корреспондент Байкалова, посажена, ввиду отсутствия стула, на *трон*. Ее ноги не доставали до пола. *Под тонкой крышкой стола они покачивались бесформенными колбасными изделиями. Дама не заметила, как заснула, и теперь висящий над членом-корреспондентом микрофон транслировал ее храп в зал. Храп был первоклассным – с рокотом на вздохе и свистом на выдохе. С перекатами, переливами, с жалобами и угрозами, задушевными вздохами и насмешкой.* <...> *Зал затрясся от громового раската.* На конференции значимость тематики повысили, выдвинув термин – название якобы целой научной дисциплины – *генераловедение*. Микромишень критики – жонглирование терминами как прикрытие научной несостоятельности. Низкий уровень конференции доведен до абсурда. Американская исследовательница с достоверностью анекдота «доказывала», почему генерала не расстреляли: *Просто генерал был женщина.* <...> *Почему Жлоба его не расстрелить?* <...> *Он знал тайну генерал. Он его лубил.* В следующем высказывании средством выражения иронии по поводу некомпетентности ученого мужа выступает прием обманутого ожидания. <...> *Сам Кваша знал этот язык в совершенстве, что позволило ему не только свободно цитировать церковнославянские тексты, но и вполне их понимать.* Для осуществления речевого жанра «комплимент» следовало поменять местами члены сочинительного словосочетания с сопоставительно-градационным парным союзом с характерным

принципом нарастания значимости компонентов. Мельком в дискурсе ялтинской конференции проскальзывает язвительное высказывание о неоправданном *гонении* на точные англоязычные номинализации, заменяемые неуклюжими русскими неологизмами, вроде *подручники* (выделено автором романа. – А. Б.) вместо *хэндауты* для распечаток. Даже в этой детали проскальзывает прозападническая ориентация автора. Наконец, откровенное пародирование точных методов в отечественной науке. Описываются добытые «тяжким трудом» историка-исследователя точные, до минут, сведения о встрече на железнодорожной станции героя (генерала) и антигероя (красного командира). <...> *Временем прибытия генеральского бронепоезда привлеченные источники позволили считать 23:55. Отбыл он в 3:35 в южном направлении. И хотя номер пути, на котором стоял второй бронепоезд, в документах не указывался, методом исключения удалось установить и его: это был путь № 2. На станции Гнаденфельд было всего два пути.* – Неожиданная концовка: излюбленный прием в сатирической поэзии Г. Гейне (Schlagsatz), прием, близкий обманутому ожиданию.

Низкий уровень образования в стране объясняется в том числе и атмосферой отнюдь не бескорыстного служения науке в Академии наук: получение научных званий не всегда за научные достижения. В бытность героя-рассказчика аспирантом в академики был избран некий Темрюкович, который как ученый *звезд с неба не хватал*, да и сам не ожидал этого, справедливо утешая себя тем, что *академиками не были ни Бахтин, ни Лотман. Не были даже член-корреспондентами. Просто члены Академии однажды не договорились о кандидатуре. Безотказный обычно механизм, превращавший в академиков директоров институтов, членов правительства, олигархов и просто уважаемых людей, – дал сбой. Недоговорившиеся академики интуитивно голосовали за того, кто, по их представлениям, не имел никаких шансов пройти. Почти единогласно они выбрали Темрюковича.* Новоизбранный академик был невысокого мнения о многих работах (*дрянь, говно*), и работниках (*завхоз – вор*). Он же как-то саркастически произнес, закрыв за собой кабинку туалета: *Единственное место, где дышится легко.* Перед началом ялтинской конференции всезнающая молодая дама предупреждает петербургского гостя: – *Не советую тебе увлекаться академиками: звание сильно девальвировалось. А Грунский – тот просто глуп.* На вопрос, как же он стал академиком, был ответ: *Обладал достаточной подвижностью. Связями.* <...> Ну, заодно

облизал задницы всего академического начальства. Малообразованность даже «остепененных» доведена до абсурда, достойного анекдота, когда на ялтинской конференции докладчик с «кавказской» фамилией делится своим «открытием»: если прочесть название военной операции «Окоп» (в устной речи «Акоп». – А. Б.) *задом наперед*, то откроется его знаковый смысл. *Этим словом, – выступавший помахал ладонью, – генерал как бы прощался... <...> – Это слово – пока, – сказал, улыбаясь, Копалешвили.* Услышав, что в слове «окоп» первая буква «о», докладчик, помолчав, ответил уморительно комично прозвучавшим *Я проверю вашу информацию.*

Интригующий факт – **наличие в романе множества ссылок**: 88 на 366 страниц, в среднем одна на каждые 4 страницы текста. Ссылки оформлены согласно научному стандарту. Даже если бы роман претендовал на исторический, то неоправданно много. Без малого две страницы занимают ссылки к концептам «юродивый», «юродство». Преобладающее большинство ссылок – на источники. Множество ссылок фиктивных. Например, если учесть, что заглавный персонаж (генерал Ларионов) не историческая личность, ссылки на источники о нем и на его собственную автобиографию неоправданны. Ссылки нередко ненужные, вплоть до абсурдных. Например: ссылка на труд по творчеству Й. Гайдна по поводу сугубо военной ситуации с непогашенными огнями. Мать рассказчика – путевой обходчик. По этому поводу ссылка: *См.: Григорьянц К.К. Настольная книга путевого обходчика. Пермь, 1957.* Просто неуместные в художественном дискурсе ссылки. Французский историк ищет фонд для оказания материальной помощи российскому коллеге. Сноска: *Об этом см.: Откатов У.Е. Научные и благотворительные фонды: формы взаимопомощи // Вопросы развития российского фондового рынка. 2000. № 3. С. 231–280.* На явно смеховой эффект рассчитана ссылка на монументальный труд В.М. Жирмунского по теории стиха как совет профану, который при чтении поэмы *не понял, отчего тексты в ней расположены столбиком*; провокационное *См. подробнее: Гранин Д.А. Иду на грозу* как ссылка к «Грозе» А.Н. Островского. К якобы историческому факту сооружения узкоколейки в лесу под Киевом откровенно провокационная сноска: *Об этом см.: Островский Н. Лес. Боярка, 1927.* Вместо едва ли нужного, простого толкования оценочной атрибутивной лексемы «знаковый» в сочетаниях «знаковое событие», «знаковая личность» неуместная ссылка на труды тартуского кружка. В основе вызывающей языковой игры – неприкрытый намек на чудовищную неосведомленность рядовых

российских граждан. Иногда ссылки забавные или непристойные. Романист от имени занятого сексуальными фантазиями подростка Соловьева, изучавшего портреты Ленина и Крупской, заключает: *Базедовый профиль Крупской вкупе с мелкими злыми движениями ее партнера придавали паре вызывающе-земноводный вид*. Сноска: *Жизнь животных. Т. 5: Пресмыкающиеся / под ред. А.Г. Банникова. М., 1985. С. 52–107*. Прием зооморфизации рассчитан на «нехороший» смеховой эффект. Как и в случае ссылки на Долорес Ибаррури, возникает вопрос о нравственной допустимости такого оскорбительно-го манипулирования историческими личностями. **Провокация как метод связи автора с адресатом-читателем** практикуется и помимо сносок. Так, прозрачный намек на вопиющую профессиональную некомпетентность работников музея А.П. Чехова, вплоть до незнания основных хронологических данных, скрывается в заключении спонтанно возникшего обсуждения возможности двусмысленных отношений коллеги с престарелым генералом, что с тем же успехом подобные отношения у Н.Ф. Акинфеевой могли бы развиваться и с А.П. Чеховым.

Разгадка интриги с неподобающим количеством и качеством сносок в художественном произведении очевидна. Скорее всего, это специфический литературный прием пародирования: не просто описание, а наглядная демонстрация одного из приписываемых писателем-филологом современной отечественной науке негативных признаков: избыток ссылок как прикрытие псевдонаучности труда. *Голубоглазый романтизм Соловьева в какой-то момент сменился подчеркнутой склонностью к точности, и это было время открытия им особой красоты – красоты достоверного знания. Это было время, когда работы юноши запестрели огромным количеством исчерпывающих и безукоризненно оформленных сносок. <...> Когда сноски стали сопровождать чуть ли не каждое слово, проф. Никольский был вынужден его остановить*. Еще одна пародируемая автором принципиальная черта отечественной науки – чрезмерное внимание конкретике, эмпирии, количественному фактору. В исследованиях молодого историка это выступает фундаментом научности. Достижением ученого признаются новые факты, уточняющие количество десятков, а то и просто единиц живого состава армейских подразделений, техники. Это наводит на мысль, что причиной низкого уровня отечественной науки полагается верность устаревшему декартовскому общенаучному количественному принципу, ныне уступившему место структурному.

Переоценка Октябрьской революции, достижений Советского Союза и пересмотр итогов Второй мировой войны. Октябрьская революция предстает как *короткое замыкание*. Метафора с подтекстом: стихийное, непредсказуемое, разрушительное явление, уничтожающее существующую среду, все достигнутое и приобретенное. Об этом через судьбу генерала профессор Никольский: – *Ну, представьте: существует себе генерал. Умница. Герой. Живая легенда. Потом как короткое замыкание в судьбе. После яркого света – мрак. Нищенская советская пенсия. Коммунальный туалет. Как-то даже глупо.* Это прибереженная автором к финалу самая экспрессивная, обобщающая метафора оппозиции: **Россия до революции – яркий свет, после революции совсем другое время – мрак.**

Критике в романе подвергаются основные геополитические завоевания СССР до войны и в результате победы над фашистской Германией и ее союзниками. *На пятом курсе Соловьев написал дипломную работу на тему «Роль латышских стрелков в Октябрьском перевороте и потеря независимости Латвией в 1939 г.»... Воюя на стороне путчистов, латышские стрелки, по мысли Соловьева, поддержали режим, проглотивший впоследствии и Латвию, и ее независимость, и ее стрелков.* Между событиями признавалась морально-этическая связь. Научный руководитель, проф. Никольский, обосновал правомерность вывода ученика, присовокупив пример *Польши, договорившейся с большевиками в 1920 году и поглощенной ими же в 1945-м.* В сноске сообщается как пример исторического предвидения призыв генерала Ларионова к Пилсудскому (в 1919–22 гг. глава гос-ва, после переворота 1926 г. министр, премьер-министр Польши [БЭС 1998: 909]. – А. Б.) *не идти на компромисс ввиду возможных негативных последствий для Польши.* Любопытно, – присовокупляет, соглашаясь, автор, Е.Г. Водолазкин, – *что, за исключением деталей, сценарий этих последствий был набросан генералом довольно точно.* Без нажима, но четко сообщается распространяемая сегодня Западом и США мысль о том, что **Россия незаконно владеет громадными природными ресурсами.** Курсовая работа студента-историка была посвящена освоению Россией Дальнего Востока. Научный руководитель посоветовал убрать из нее мелиоративные оценочные эпитеты “великий”, “победоносный” и “единственно возможное” и спросил студента, *знакома ли ему теория, согласно которой русские растратили данную им энергию, осваивая нечеловеческие в своей протяженности пространства.*

Таковы итоги проведенного анализа романа Е.Г. Водолазкина с идеологических позиций. Максимально кратко выражаясь, это тотальное очернение, дискредитация революционного и послереволюционного прошлого России – событийного и личностного. Средства этой дискредитации разнообразны: антитеза, жанровая стилизация, гротеск, абсолютизация: гипертрофирование негативного советского и идеализация «другой», дореволюционной России, намек, сравнительно-сопоставительный анализ, метафора, лингвоцинизмы, деперсонификация, десемантизация, ангажированный отбор эпитетов для характеристики противочленов сюжетобразующей оппозиции, приемы пародирования, шаржирования, двусмысленности, обманутого ожидания, сочленение реального и фиктивного. Для полноты картины пейоративные эпитеты дополняются сенсорно-чувственными образами. Используется провокация как метод связи автора и потенциального адресата-читателя. Диапазон тональности в романе – от иронии до сарказма. Акторы революции – узколобые, лишенные культуры, корыстные, аморальные, кровожадные, лживые, использующие показную революционность для достижения своих низменных интересов. Масштабы красного террора в Гражданской войне чудовищны. Русскому народу присущи лень и воровство. Отечественная наука смехотворна. Геополитические итоги Великой Отечественной войны безнравственны. Освоение Севера и Дальнего Востока – не предмет гордости. Планируемый вывод – такого прошлого, такого народа сегодняшняя страна должна только стыдиться: забросать грязью, заклеить, покаяться, забыть.

В лице белого генерала идеализируется дореволюционное прошлое России. Сама символика «белизны» сомнительна: белый цвет, как известно, самый сложный. И не менее многозначна символика оттенков красного. Напрашивается вывод, что причиной падения России стал переход от субъективно-индивидуалистической идеологии к коллективистской, с неминуемым последствием: безнравственной. Однако возникает вопрос о нравственной допустимости извращения, пародирования автором личностных качеств, даже внешности исторических личностей (Ленин, Крупская, Землячка, Бела Кун, Жлоба). Белый генерал во всех отношениях антипод: наше «другое», светлое дореволюционное. Такова идеологическая позиция автора романа. С таким грузом предлагается доживать свой век людям, так или иначе пережившим Великую Отечественную войну, хранящим память о своих предках – участниках

довоенных событий. Молодому поколению такая картина прошлого своей Родины не способна внушить веру в лучшее будущее, мотивировать приложение сил для его созидания. Дегероизации подвергаются выдающиеся революционные и советские деятели. Дезориентирующая функция ведет к дезинтеграции российского общества по возрастным и идеологическим критериям, создает угрозу для национальной и личностной идентификации граждан современной России.

Но именно в настоящее время, в ситуации «нравственного, духовного, экономического и политического хаоса потребность в ориентире бесконечно возрастает» [Ковтун 2017: 19]. Десакрализация художественной деятельности, начавшаяся в начале прошлого столетия, утверждает тот же автор, «только усилилась в эпоху постмодерна, выдвигающей в качестве основной стратегии творчества игру, тотальную иронию, деконструкцию всех существующих абсолютов» [Там же: 23]. Соображение, что речь идет об одном произведении и что его читательская аудитория наверняка не окажется многомиллионной, не снимает проблемы. Анализируемое сочинение не исключение. А наука синергетика выдвинула предположение, что в периоды наибольшей неустойчивости системы эффективны малые (резонансные) воздействия: даже незначительные изменения среды могут оказать решающее воздействие на ее дальнейший эволюционный ход. Поэтому «“в минуты роковые” для общества, находящегося в неустойчивом состоянии, усилия отдельной личности отнюдь не бесполезны» [Прытков 1998: 788]. Информационно-психологическое воздействие художественного произведения по определению мина и замедленного, если не вневременного, и непредсказуемого действия. Художественные достоинства текста усиливают степень воздействия. Если в качестве внутреннего эксперимента представить себе, что вся художественная литература, доступная молодому поколению, будет в идейно-прагматическом ключе анализируемого произведения, страна в недалеком будущем станет жертвой информационно-психологической войны – внешней и мощно подержанной внутренней.

Очевидно, необходима гораздо более взвешенная оценка так или иначе великого события и целой эпохи истории государства. Не может быть истины вне диалектического подхода. К этому призывает директор Эрмитажа, доктор исторических наук М.Б. Пиотровский: «Октябрьская революция – одно из величайших событий нашей

истории. Плохое, хорошее, но оно во многом определило все остальные события XX века – и войны, и борьбу красных и белых, правых и левых, и процветание Европы. И даже германский фашизм родился как ответ на русскую революцию. Тут много вопросов, в которых стоит разобраться, отойдя в сторону» [Пиотровский 2017]. Патриарх Кирилл в канун столетия революции выразил глубокую озабоченность тем, что «горькие страницы нашего прошлого сегодня часто становятся предметом спекуляций, в том числе и на художественном уровне. Художник имеет право на художественный вымысел. Но художественный вымысел и ложь – это разные вещи. <...> Хочется надеяться, что все наши воспоминания о событиях недавнего прошлого – в том числе в форме произведений искусства – будут содействовать прежде всего примирению, а не служить источником новых раздоров и гражданских распрей. Мы все... призваны к тому, чтобы жить в одной стране, в одном обществе и заботиться о его целостности» [Патриарх 2017].

Общий вывод исследования: лингвоидеологический анализ – надежный способ экспликации идеологической составляющей художественного текста. Но это задача не только, а может быть, не столько собственно лингвистическая, сколько идейно-политическая и нравственная. Единый, негативный оценочный вектор революционного и послереволюционного прошлого России, дискредитация основных институтов и достижений советской власти, приемы диффамации выдающихся акторов эпохи, безответственное жонглирование информационным контентом позволяют трактовать анализируемое художественное произведение как канал и инструмент информационно-психологической войны. Это не означает, что писатель непременно является сознательным актором ИПВ. Но художественное произведение может выполнять функцию средства ИПВ в процессе его рецепции читательской аудиторией, если оно целенаправленно популяризируется заинтересованными институтами и личностями. Тогда оно становится оружием ведения ИПВ. Художественные тексты определенной идеологической направленности – малые ручейки, подпитывающие мощный поток широкомасштабной информационной войны, ведущейся самыми изощренными способами против России.

3.4. Повесть Е.Г. Водолазкина «Близкие друзья» в лингвоидеологическом ракурсе

Объект исследования – повесть Е.Г. Водолазкина «Близкие друзья». Герои повести – немцы. Повествование охватывает период начала национал-социализма в Германии, Вторую мировую войну и послевоенные годы. Место действия в довоенном и послевоенном периодах – Германия, место военных событий – Россия. Военно-исторический и социальный фон повести максимально нейтрализованы личностно-психологическими переживаниями основного персонажа, бывшего офицера вермахта, от лица которого идет повествование. В его восприятии представлена Отечественная война в России. Очевидная текстообразующая интенция – поставить точку в военном противостоянии двух народов, переведя его на личностный, человеческий уровень: война – источник личностных потерь и трагедий с обеих сторон.

Предмет исследования – идеологический компонент семантической структуры произведения.

Лингвоидеологический анализ текста (использован термин Н.А. Купиной [Купина 2015]) преследует **цель** проанализировать, в какой степени автору удалось соблюсти нейтралитет по отношению к захватнической агрессии немецкого национал-фашистского вермахта, с одной стороны, и освободительной патриотической войне со стороны Красной Армии – с другой, и в какой мере вообще нравственно допустима такая позиция в то время, когда еще есть живые участники патриотического сопротивления, герои тыла, в России немало незалеченных ран войны, когда ширится движение «бессмертного полка». Аналитический инструмент – язык. Целевая установка лингвистического исследования может показаться попыткой подменить собой отсутствующую в России государственную цензуру. Общеизвестно, что против нее активно выступают либералы. Однако философы и социологи утверждают, что идеология является одним из признаков государства. Нелепо ставить вопрос, может ли государство выполнять идеологическую функцию, утверждает философ В.И. Иванов: «Государство, как аппарат управления всеми делами в обществе... не может не выполнять идеологических функций по определению. <...> Более того, попытка отказа государства от выполнения идеологических функций равносильна вынесению смертного приговора самому себе, но такого прецедента в истории

еще не было» [Иванов 2008: 124]. Идеология как система ценностей, определенное мировоззрение, совокупность ценностных ориентаций, наиболее оптимальных для граждан данного государства, – основа деятельности государства. Никакое государство и общество «не может развиваться без четко зафиксированных и всем понятных мировоззренческих ориентаций», – утверждает философ А.Н. Буховец. «Государство обязано охранять стабильность, институциональные культурные и духовные ценности общества, обеспечивать его идеологическую безопасность, защищать свою культурную и политическую идентичность» [Буховец 2002].

Анализ идеологической составляющей текста – органическая часть проблемы участия художественной литературы в ведении информационно-психологической войны. В теоретическом плане это опирается на признание исследователей, что ведение информационно-психологических войн становится возможно с помощью **любых средств** передачи информации и обработки информацией психического сознания масс. С.А. Зелинский справедливо обращает внимание на то, что к средствам массового воздействия относятся не только традиционно признаваемые телевидение, кино, пресса, но и «литература, искусство, образование и т. п. – то есть... все способы, с помощью которых происходит (или может произойти) изменение в массовом сознании посредством внедрения в подобное сознание (через подсознание) каких-либо установок» [Зелинский 2010]. В практическом плане данная статья продолжает ранее принятые автором опыты анализа художественного текста как инструмента (оружия) ведения информационно-психологической войны [Бернацкая 2015; 2016а, б].

Повесть по тональности напоминает помещенную в военный дискурс пастораль вроде «Пастуха и пастушки» В.П. Астафьева. В основе сюжета – история трех друзей: двух мужчин и одной женщины от периода их отрочества до смерти в ноябре 2007 года главного персонажа, от лица которого ведется повествование. Начальное место действия – Мюнхен. Датировки начала истории нет, но по элементам исторического фона ясно, что это конец 20-х годов прошлого века: появляются упоминания о нацизме, но в начальном эпизоде за столиком кафе сидит Томас Манн, который, согласно биографам, покинул Мюнхен и вообще Германию в феврале 1930 года, после первой большой победы наци на выборах. Завязка сюжета – клятва трех подростков в верности их дружбе. Регулярно посещая с родителями кладбище, Ханс однажды спросил друзей, могут ли они

представить и себя лежащими здесь. Девочка подтвердила и предложила: *И поскольку мы близкие друзья, предлагаю каждому дать слово, что он будет похоронен здесь. Мы не должны расставаться ни при жизни, ни после смерти. Вы дадите мне слово?* – Даем, – ответили, подумав, Ханс и Ральф. Клятва вскоре была закреплена эксцентричной выходкой двенадцатилетней Эрнестины, оказавшей магическое воздействие на всю последующую жизнь друзей. *Мы – близкие друзья, – сказала она, – и у нас не может быть тайн. Чтобы доказать это, мы должны друг перед другом раздеться.* Когда Ханс погиб (это произошло под Сталинградом), Ральф, верный клятве, сделал все возможное, чтобы переправить гроб с покойником на родину. После всех перипетий военной и послевоенной жизни Ральф вместе с женой отправляется в турне по местам военных действий в России, чтобы почтить память друга.

Идеологическая платформа повести – идеология пацифизма, частично, как следствие, космополитизма. Идея эксплицитно выражена в меланхолических философских рассуждениях, приписываемых немцем Ральфом нанятому им русскому мужику, который вез Ральфа и гроб с телом Ханса: *Мужик, правивший лошадей, произносил негромкие русские слова. <...> Мужик говорил вроде бы с Ральфом, не понимавшим его речи, но, может быть, и не с Ральфом, может быть, и сам с собой, с лошадью, со степью. <...> Да, он не понимал этих слов по отдельности, но в целом, конечно же, понимал. Все пройдет – таков был их общий смысл. Пройдут ночные бомбардировки, перемещения войск, столкновения государств. Сами государства тоже пройдут. Небо и земля – останутся. Река, ветер... звери останутся и насекомые – все те, кто не принимал участия в боевых действиях. Это ведь только кажется, что все заняты войной.*

Занятая автором позиция нейтралитета обязывает главного героя к аполитичности. Тема национал-социализма лишь скупо пробивается сквозь покров политического и нравственного целомудрия. Еще в юности у друзей мелькает словесное неприятие нацизма, когда Эрнестина рассказывает друзьям о сексуальных намеках своего стоматолога: – *А еще он **нацист**, и это самое отвратительное, – сказала Эрнестина. – Давайте поклянемся, что ни за что на свете не станем **нацистами**. Пусть это будет еще одной нашей тайной. Все поклялись. Отношение к нацизму в их семьях было самым разным.* В связи с сексуальными домогательствами того же врача уже к взрослой белокурой девушке всплывает намеком тема превосходства арийской расы как фундамента фашистской идеологии

и негативное отношение к ней героев повести: *Вероятно, ему нравится твоя арийская внешность*, – предположил однажды Ральф. Нравственная позиция персонажа эксплицитно выражена дважды. Первый раз сообщается, что Ральф не разделял радости властей по поводу того, что его родной город Мюнхен *достался не русским*. Этого удовлетворения Ральф не разделял. Будучи во время турне по России в Орле, Ральф доверительно шепчет в ухо персонального гида-переводчика: *Мы, немцы, перед вами очень виноваты. Самое плохое, что ничего в этом деле уже не поправить*. Трижды повторяется риторический вопрос «зачем». Один за другим брали города, неизвестные Ральфу. <...> *Зачем*, спрашивается, они их завоевывали?; Армия шла по пыльной потрескавшейся земле, на которой ничего не росло и никто не жил. И никому уже было непонятно, *зачем* завоевывали эту безлюдную землю. Риторически звучит вопрос уже впавшего в беспмятство умирающего Ральфа: *Скажите, Брунехильда, а с кем мы воевали и главное – зачем?* В остальном тексте чувство вины не проявляется. Центральный персонаж избирает военную карьеру. Ральф чувствовал, что скоро начнется война, и *ему было все равно – с кем*. Возможно, он подспудно надеялся, что война встряхнет его чувства. Едва ли личностная сфера может вытеснить мировоззренческую в период такого радикального этапа мировой истории. В армии Ральф быстро делает карьеру. Естественно, важную часть подготовки офицерской элиты составляла пропагандистско-воспитательная часть по ведомству Гиммлера. Но ни слова о каких-либо моральных терзаниях героя.

Выбор слова для обозначения референта имеет решающее значение для идеологической модальности текста. Например, «употребление слова “отечество” вместо “страна” может изменить всю систему эмоциональных реакций адресата» [Эко 2006: 136]. Это объясняется тем, продолжает У. Эко, что, претворяясь в знаки, идеология не только «формирует область значений, набор определенных означаемых, соответствующих тем или иным означающим. Но она задает последнюю, окончательную, исчерпывающую форму всей совокупности коннотаций» [Там же: 140]. Выводом из этого положения можно считать тезис «Любую лексему в контексте можно нагрузить идеологическими смыслами, и тогда такие лексемы становятся выражением идеологем» [Михайлов 2016: 140]. Идеологема, вслед за Н.А. Купиной и А.В. Михайловым, понимается как «мировоззренческая установка (предписание), облеченная в языковую форму... языковая единица, семантика которой покрывает идеологический

денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [Там же]. Роль языка во внедрении идеологических установок в сознание общества убедительно показал Виктор Клемперер в исследовании языка Третьего рейха (Берлин, 1947). Самыми действенными средствами внедрения нацистской идеологии он назвал отнюдь не речи Гитлера и Геббельса, не статьи, не пропагандистские плакаты, листовки и знамена, все рассчитанное на рациональное мышление и осознанные чувства. «Нет, нацизм вживлялся в кровь и плоть немцев через слова и обороты речи, через синтаксические конструкции, растиражированные миллионами повторов» [Klemperer 1975: 23–24] (перевод мой. – А. Б.). В дневниковых записках филолога приводятся яркие примеры использования в качестве пропагандистских средств разного рода онимов, пунктуации, особенно кавычек, разнородных суперлативов, включая числа, морфологических реструкций, недосказанности и семантической размытости, отбора синонимов и архаизмов, исконных и иноязычных слов. Например, слово «гуманизм» всегда бралось в кавычки и сопровождалось каким-нибудь хлестким определением. Пример использования архаизмов: после аннексии Австрии в 1938–1945 годах ее немецкое название Oesterreich было заменено на устаревшее Ostmark (буквально «Восточный край»). Новый (старый) топоним был связан с немецким королем, позднее кайзером Отто I Великим, в 955 году вернувшим в лоно германского отечества пограничные восточные земли, ранее захваченные Венгрией. В нацистском дискурсе возврат старого топонима должен был символизировать нерушимую связь поколений («Мы звенья одной цепи, наш долг – выполнить завещанное нам историей отечества»), благоговейную память о героических предках, историческую память, нерушимость границ, вечное единство нации, короче говоря, «голос крови» [Там же: 309–310]. Но недаром Клемперер эпиграфом к своим запискам взял афоризм философа Франца Розенкранца «Язык – это больше, чем кровь».

Первые строки повести, посвященные военным действиям на русской земле, выдержаны в поэтически-возвышенной тональности. *Россия встретила Ральфа блеском реки Буг сквозь ивовые заросли. <...> Когда танки ехали по мосту, носы понтонов качались. Они напоминали качание гондол у причала Сан-Марка... Тот же плеск воды о блестящие борта, солнечные блики на волнах.* Глагол **встречать** не имеет словарно зафиксированного компонента оценочности, но приобретает его в этом дискурсе. Основание – неадекватное отражение реалий. Фраза сама по себе типична в литературно

обработанных текстах, но не отвечает описываемому событию: речь о продвижении военной агрессии вглубь страны. Объект агрессии не может «встречать» непрошенных гостей, а если и встречает, то ответным огнем. «Беллетризация» в описании военной ситуации в последующих фразах с их поэтическим флером, ассоциативной эмоциональностью, ровным, «успокаивающим» ритмом элегической тональности создает ложное впечатление о «мирном» протекании агрессивных действий. Потом Ральф командует ротой на российской земле. Скупые сообщения, лишенные каких-либо эмоционально-оценочных нюансов. Немцы наступали. *Один за другим брали города, неизвестные Ральфу. Витебск, Смоленск, Орел.* Тут же описываются **тяготы** немецких армейских будней. Целые страницы посвящены российским дорогам. Это были дороги все дальше вглубь России. Но завоевывать чужие земли немцам было некомфортно. Всем приходилось *делить общие **тяготы** – палатки, окопы и переезды; Такого количества пыли Ральф не видел еще никогда. <...> В дожди пыль превращалась в грязь. <...> Она глухо чавкала под ногами и летела с колес проезжавших машин. Когда машины застревали, их приходилось подталкивать все той же пехоте; После Белой Калитвы началась **изматывающая** дорога на юго-восток. <...> А воду теперь подвозили с перебоями. <...> Степь сменялась пустыней. Армия шла по пыльной потрескавшейся земле, на которой ничего не росло и никто не жил. И никому **уже** было не понятно, зачем завоевывали эту безлюдную землю. Безлюдную и **бесчеловечную**...* Зимой уже морозы оказались такими же **неистовыми и изматывающими**, какой прежде была жара. По ночам немигающий взгляд звезд **промораживал до самых костей**. Абстрактная обобщающая лексема **тяготы**, эпитеты **изматывающая** (двойной повтор) и **бесчеловечная** включают сему **сострадательности**, неуместную в описываемом дискурсе. Сема вместе с ее неуместностью усиливается благодаря дискурсивному слову **уже**, имеющему в этом контексте не только временное значение, но и сему интенсивности. У российского читателя приглашение к сочувствию «бедным немцам-захватчикам» не вызывает отклика. На этом строится не планировавшийся автором негативный прагматический эффект: рассогласование лексикода автора и адресата.

Автор избегает темы страшных потерь СССР в этой войне, человеческих и материальных. Поэтому цинично звучит, на первый взгляд, оценочно нейтральная информация, снабженная указанием на дату: *В современном Орле Ральф не узнает города, кратко*

виденного им в 1942 году. Российский читатель, во всяком случае «продвинутого» возраста, воспринимает как проявление цинизма передаваемые автором «страдания» немецкого офицера, который не мог найти в только что захваченном городе Острогжске мастерскую по производству гробов: **В отчаянии он думал о том, что в Острогжске, видимо, никто не умирает. Или, наоборот, уже умерли все...** С позиции «арийца» это, видимо, говорило о «нецивилизованности» покоряемой страны. Впечатление усиливается, когда во время своего послевоенного турне бывший офицер с женой гуляют по Острогжску. Ральф вспоминает, как когда-то безуспешно блуждал по его улицам в поисках гроба. В ходе недолгой прогулки по городу дважды встречаются бюро похоронных услуг. Ральф отмечает, что **жизнь в Острогжске стала гораздо комфортнее. И смерть – тоже.** Проявление незапланированного автором повести эффекта «черного юмора» создается неуместным употреблением сравнительной степени прилагательного, постсуппозиционно относящего характеристику «комфортности» к трагическому для граждан России времени. Вид разрушенного русского города рождает у немецкого офицера лишь художественные ассоциации: *Один за одним брали города. <...> Витебск горел, и Ральф наблюдал его ночное пламя. Снопы искр принимали причудливые формы, становясь шарами, змеями, человеческими фигурами. Взмывали в небо и летели над городом, как на картинах Шагала. Фраза Витебск горел – типичный образец безагентивного представления причинно-следственной ситуации: фактитивный субъект-подлежащее при непереходном глаголе служит средством вывести агенс из зоны ответственности за свои действия. Знак беды для жертв агрессии – лишь повод для ассоциативной игры участника агрессии. Танк с Ральфом на броне идет по кукурузному полю. Ральф образно описывает поездку в дневнике. Машина рассекает зеленую стихию. <...> Описан хруст початков под гусеницами... Ральфу жаль эти початки...* О жалости к людям под гусеницами немецких танков речи нет.

В повести нет даже намека на какие-либо карательные меры со стороны немецкой армии по отношению к советским воинам или населению. Ни слова о зверствах, разрушениях. Соответственно, ведущим выразительным средством, не планируемым автором повести, но воспринимаемым российским читателем патристического толка, становится фигура умолчания. Зато в армейском дневнике главного персонажа эмоционально и образно описывается ужас от того, что **вся местность в немецких потрохах.** От этого ужаса друзья были

близки к тому, чтобы *сойти здесь с ума*. Сообщается, что роту под командованием рассказчика, Ральфа, *потери не обошли стороной*; *Первое время для покойников заказывали гробы, затем их стали класть в ящики из-под снарядов, когда же не стало хватать и ящиков, тела просто заматывали в брезент. На могиле ставился крест, на крест вешали каску похороненного. В ночное время эти могилы **осквернялись** местным населением, а позднее, после передислокации войск, могилы... **осквернялись** и днем*. Подобно эпитету изматывающие (дороги) неуместен в данном дискурсе вербальный валюатив **осквернять**, также содержащий семы «сострадательность» и «согласие с резко негативной оценкой оцениваемых действий». Толковый словарь: «опозорить, подвергнуть поруганию, унижению, запятнать чем-нибудь» [Ожегов, Шведова 1997: 462]. Ральф в дневнике *не рассказывал о разорванных в клочья телах сослуживцев. <...> Об отставших солдатах, которых затем нашли повешенными на сучьях придорожного дуба, с выклеванными птицами глазами. Они были повешены двумя тесными гроздьями и покачивались на ветру – четыре плюс три*. Валюатив **зверства** в отношении к немецким солдатам со стороны Красной Армии и советских граждан не употребляется, но имплицитно присутствует в приведенных дневниковых описаниях и воспоминаниях героя. Неуместным представляется использование по отношению к потерям вермахта русского клишированного выражения высокого стиля **«сложить головы»** как дань уважения героически погибшим за Родину советским воинам: Ральф лишился только руки, в то время как *почти вся его рота сложила под Сталинградом головы*. Немцы быстро продвигались вперед, все дальше на восток от границы, ближе к Москве. *Постояв в Миллерове несколько дней, двинулись по шоссе в Белую Калитву. <...> [Ральф] от нескончаемого движения чувствовал смертельную усталость. <...> Представил, как дома на панихиде сообщают, что он погиб в «Белой Калитве». Улыбнулся. В Мюнхене он не знал никого, кто бы смог произнести это название. Для русского читателя нескончаемое движение, от которого смертельно устал немецкий офицер – это горестные месяцы отступления Красной Армии, сдача городов и сел, разрушения, гибель солдат и мирного населения. Поэтому в данном контексте выбор лексики неудачен: расчет на реакцию сострадательности у русского читателя неоправдан.*

Немецкий офицер интеллигентен. *По вечерам Ральф включал радиоприемник и наслаждался музыкой. Переходя с программы на программу, старался найти Баха или Моцарта. Снежной зимой*

1942 года богобоязненные немецкие солдаты на подступах к Сталинграду предавались мирным развлечениям: *Пехота играла в снежки...* В солдатских палатках появились сплетенные из ковыля **пред рождественские венки**. По этому поводу читателя знакомят с немецким генералом Кайзером. Это идеализированный образ: солдатам – «отец родной». *Несмотря на громкую фамилию, генерал слыл человеком демократичным и все праздники принципиально отмечал в солдатском кругу.* <...> *Гость привозил с собой подарки, а также очень неплохие – без скидки на фронтовые условия – напитки.* С генералом рота праздновала 31 декабря канун нового, 1943 года. *В этот день всеобщей тишины **противостоящие войска** праздновали приход нового, 1943 года.* Красная Армия названа **противостоящей** стороной. Отсутствие авторской сопричастности, семы статики и равновесности, нулевая эмоциональность не вписываются в характер войны 1941–1945 годов, тем более в ситуацию накануне решающей, переломной битвы за Сталинград. Немецкий генерал привез два ящика шампанского, оставался до двух часов ночи, на прощание предложил тост за *фронтовую дружбу*, намекая на историю со странствующим с полком покойником.

Фронтовая дружба высвечивает **атмосферу солидарности в немецкой армии**: сентиментальная история с транспортировкой гроба с телом друга в Германию на подступах к Сталинграду. *По просьбе Ральфа после **отпевания** солдаты перенесли тело Ханса в одну из ротных палаток.* <...> *Из ящика вытряхнули содержимое и положили в него Ханса.* В ремонтном подразделении за час соорудили ящик из цинковых листов и положили туда Ханса. <...> *Ящик цинковый положили в ящик деревянный и привезли в роту. Ханса солдаты **не боялись**.* <...> *И хотя у солдат больше не оставалось места, где бы они могли отдохнуть от смерти, они **не роптали**. Они чувствовали, что в странностях Ральфа есть своя правда.* Когда машины забуксовали в песке, ящик с Хансом солдатам пришлось **нести на руках**. *Вопреки опасениям Ральфа, они уже **не роптали**. Покойник Ханс мало-помалу стал неотъемлемой частью роты – чем-то **вроде полкового знамени**.* Постепенно молва о мертвом пехотинце распространялась по войскам. В роте об этом знали и **втайне Хансом гордились**. <...> *Время от времени Ральфу предлагали помощь.* Накануне марша в Элисту в роту заехала гусеничная бронемашина и взяла ящик на борт. **В Элисту Ханс въезжал на броне**. Последняя «картинка», задуманная автором как выражение юмора, в сознании российского патриота отзывается ненавистным триумфом

захватчиков по поводу очередной победы. Ральфу помог осуществить задуманное генерал Кайзер. Накануне Сталинградской битвы он сумел найти место в самолете, чтобы переправить гроб с телом на родину: *Генерал Кайзер умеет ценить фронтовую дружбу*. Клятва, данная в юности, исполнена. Сентиментальная история заканчивается через шестьдесят пять лет во время турне супружеской пары по России в память о третьем члене дружеского союза. В конце турне по местам военных операций Ральф преклоняет колени перед павшим другом, хотя точное место его гибели найти не удалось. *По рукам водителя и Коли медленно съезжает на четвереньки. Стоит, упершись ладонями в землю. Сквозь пальцы Ральфа медленно прорастает первая трава. По дрожанию плеч видно, что он плачет.*

Взаимоотношения немцев и населения оккупированных местностей в повести лишь намечены. Отношение к армии захватчиков у поляков описывается чувством страха: лейтенант Ральф, маршируя в составе своего полка по улицам Варшавы, *ловил на себе испуганные взгляды с тротуаров*. <...> Было видно, что молодцеватость марширующих здесь **никого не радует**. Отношение русских к оккупантам выражено понятием гораздо большей интенсивности и экспрессии. Читателя приглашают разделить разочарование, а то и обиду захватчиков, которых неумолимо поглощало русское пространство – бескрайнее, а главное – **враждебное**. **Враждебность** сказывалась не только в том, как на них смотрели здешние жители, – она ощутимо сквозила даже в движении облаков, в том, как лежали поля и текли реки. Этой оценке противоречит эпизод, в котором взаимоотношения немцев и оккупированного населения представляются мирно-бытовыми, двусторонне-хозяйственными, обоюдовыгодными. *В утро отъезда Ральф нанял подводу для доставки гроба к новому месту дислокации...* <...> Мужик, правивший лошадей, произносил негромкие русские слова. <...> Мужик говорил вроде бы с Ральфом, не понимавшим его речи, но, может быть, и не с Ральфом, может быть, и сам с собой, с лошадей, со степью. **От произносимого веяло удивительным спокойствием**. Несмотря на разные языки, у седока и кучера полное взаимопонимание. Во время турне по России Ральф выразил желание симитировать и этот эпизод его армейской жизни, но был разочарован. Как и в военном эпизоде, он ни слова в русской речи не понимает. *Они едут, и кучер говорит. Иногда причмокивает.* <...> Этот кучер **не так красноречив**, как прежний. Говорит с паузами, словно взвешивая каждое слово. Ральф внимательно прислушивается, но сидит с грустным лицом. Возможно, это не то, что он ожидал услышать.

В ходе турне герой, с одной стороны, не узнает места боев, с другой, *Ральфу кажется, что деревни мало изменились... что в них едва ли не те же люди и уж точно – та же пыль. Ими поднятая шестьдесят пять лет назад. До сих пор не осела...* Все те же дороги, нещадно разбивающие прекрасную немецкую машину – новенький «Мерседес»... его признали специально для этого тура из Москвы. Впечатления негативные. На дорогах дыры в асфальте... трупы собак; Во время прогулки по центру у Ральфа пропадает кошелек. Гости утешают сконфуженного гида: *в Мюнхене тоже воруют; их и там однажды обокрали – в 1948 году.* Сравнение не в пользу России XXI века: в послевоенные годы воровство было приметой времени. *По счастью, в Смоленске (прогресс берет свое) есть банкоматы, и Эрнестина снимает деньги со своей карточки.* Ремарка в скобках воспринимается унижительным намеком на гипертрофированную отсталость России. Состоятельный немецкий гость великодушен, дарит смущенному, но в душе ликующему гиду на прощание несколько тысяч марок. Еще один конфуз (эксцентрика, достойная примитивной комедии положений) случился в Острогжске: *В острогжской гостинице под Эрнестиной среди ночи разваливается кровать. Эрнестина падает на пол, а сверху ее накрывает массивная спинка. <...> Вокруг ее глаза переливается фиолетовый синяк.* Тем не менее она держится молодцом, но в конце путешествия умирает. В палате лежала еще Валентина Кузьминична, старуха лет восьмидесяти. *<...> В палате пахнет мочой. – Это как в Венеции, – шепчет Ральф соседке Эрнестины. – Там тоже такой запах от каналов. Вы бывали в Венеции?.* «Старуха» не могла понять речи на чужом языке, но для читателя вопрос звучит издевкой, болезненным напоминанием о том, насколько драматичнее судьба победителей фашизма, чем выживших побежденных. Гости приблизительно того же возраста, но их никто не назовет пренебрежительно «стариком» и «старухой». Они состоятельные люди, в конце жизни стали профессиональными немецкими пенсионерами. *Держа друг друга за мизинец, они зал за залом проходят все сколько-нибудь значимые музеи – сначала в Европе, а затем в обеих Америках. Проявляют себя беззаветными посетителями симфонических оркестров и оперных премьер. <...> В сентябре ездят в Италию. Иногда – в Венецию...* Настоящий гимн супружеской любви, но и западному гуманному устройству государства. Российское турне заканчивается для супружеской пары с их голубиной верностью трагично: смертью Эрнестины. И опять «виновата» Россия... Невольно повторяется история с транспортировкой гроба.

По-своему в повести представлена попытка пересмотра характера и итогов Второй мировой, точнее Отечественной, войны, идейного противостояния социализма и национал-социализма, причин победы СССР. Основной опорой для этого вывода послужил специфический лексикод повести. Для лексикода анализируемого произведения в первую очередь специфичным оказался корпус оценочной лексики. Анализ в идеологическом аспекте показал, что для этого аспекта именно этот материал имеет особую релевантность. Тематика произведения ярко проявила дискурсивную обусловленность оценочной лексики. Недооценка этого факта приводит к незапланированным прагматическим эффектам. С другой стороны, именно этот материал позволяет выявить латентные идеологические интенции автора. Для лингвоидеологического анализа текста также чрезвычайно значимы прецедентные имена. В исследуемом тексте их функции остались нераскрытыми, поскольку отсутствуют комментарии. Без комментариев лишь посвященные поймут связь прихода к власти наци с Мюнхеном («пивной путч»); факт упоминания Томаса Манна в начале текста: он сидит в биргартене «Аумаистер» и позднее, в 1942 году, когда *Томаса Манна в этом заведении уже не было*. Первое упоминание позволяет приблизительно датировать начало повести, а второе дает повод вспомнить об отношении великого гуманиста и представителей немецкой творческой интеллигенции в целом к национал-социализму. Для молодого поколения не был бы излишним и комментарий к лексеме *наци*, к словосочетанию *арийская внешность*. Еще в большей степени можно посетовать на отсутствие комментария к личности Рихарда Вагнера. Его отсутствие оставляет без внимания неоднозначное отношение Гитлера и идеологов национал-социализма к музыке в целом, к Вагнеру в особенности. Без такого комментария для большинства читателей «повисает» высказывание-резюме: *По вечерам Ральф... наслаждался музыкой. <...> Однажды попал на трансляцию Вагнера из Байройта, но вскоре выключил. Ему казалось, что во всем происходящем есть доля и его, Вагнера, вины*. Комментарий к антропониму *Брунхильда* стал бы поводом коснуться манипулятивных технологий фашистской идеологии.

«Беллетризованное» описание военной ситуации в месяцы горьких поражений Красной Армии создает ложную картину, вводящую в заблуждение неискушенных в истории молодых читателей и вызывающую закономерный протест читателей, так или иначе переживших войну. Жанр произведения автор четко обозначил как

повесть. Поскольку это не фэнтези, и даты, топонимы и антропонимы не оставляют сомнений в том, что описываются события Второй мировой войны, на одно из ведущих мест выдвигается историческая функция текста. История пишется людьми, значит, повышается и значимость идеологической функции сочинения. Если представить себе фантастическую ситуацию, что каким-то образом именно этот текст остался единственным, по которому можно получить представление об Отечественной войне на российской земле, то все оказалось бы перевернутым с ног на голову. Немцы – спокойные, интеллигентные, богобоязненные, с высоким чувством товарищеского долга и братской солидарности даже в труднейшие моменты жизни; они испытывают страдания от передвижения по громадной чужой стране, утопая то в дорожной пыли, то в грязи, то в песках. Они несут большие потери от зверств *противостоящей* стороны. У них идеальный офицерский состав (генерал Кайзер, лейтенант Ральф). В личностном плане представлен поэтический идеал крепкой дружбы, преданной любви между мужчиной и женщиной. Русские чинят препятствия, садистски обращаются с павшими немецкими героями. Их плохие дороги утомляют немецких солдат, сдерживают их марш на восток. Можно ли назвать это нейтралитетом в авторской позиции?

Художественную форму повести можно было бы оценить самыми лестными эпитетами. Но форма и содержание художественного произведения – азбучная истина – связаны неразрывно. Безусловно, эстетическая функция прежде всего. Однако, можно считать аксиомой так же неразрывную связь эстетики и этики. Выдающийся итальянский гуманист – философ, литературовед, сценарист, писатель, общественный деятель – Умберто Эко неоднократно подчеркивал, что анализ эстетического аспекта художественного произведения невозможен в отрыве от его социального содержания, от общественного контекста: «каждый эстетический выбор объясняется общественными обстоятельствами. <...> Вместе с общественным контекстом из рассмотрения... изымается и идеологическая нагрузка произведения» [Эко 2005: 207]. Х.Г. Гадамер утверждал: прекрасное – прежде всего соразмерность и симметрия. Эстетическое доминирует. Эстетическое не может быть неэтичным. «Там, где торжествует праздник прекрасного, даны и благое, и истинное, и этическое, и логическое. Прекрасное – венец понимания. Центр единства человека с вещами и человека с человеком» [Гадамер 1988: 553]. Если нарушены связь формы и содержания, эстетического и социального, соразмерность

и симметрия, то, может быть, остается не красота, а красивость? Авторская интенция – показать войну с противоположной стороны, в восприятии врага: они люди, и ничто человеческое им не чуждо. Однако ожидается, что тем или иным образом (имплицирование, намек, пре- и постсуппозиции, оценочные семы) автор доносит до читателя, что он русский писатель и на стороне русских в той кровавой войне. Проекция на предполагаемого адресата любого сообщения обязательна. Повесть написана на русском языке, для русского читателя. Переведенная на немецкий язык, она бы совершенно иначе (безусловно, позитивно) воспринималась реципиентом. В немецко-язычном варианте лексикод автора совпал бы с лексикодом адресата.

Если писатель осознает силу и роль, познавательную и воспитательную функции художественной литературы, рассчитывает на широкую, а не только на элитарную читательскую аудиторию, осознает свою гражданскую ответственность за этническое, историческое сознание молодого поколения, а следовательно, за будущее своей страны, он не может оставлять без внимания знаковые национально-исторические и культурологические реалии. Комментарии к историческим и культурным реалиям – отнюдь не вопрос лишь издательской культуры. И, наконец, анализ приводит к заключению, что в России и на постсоветском пространстве в целом, очевидно, преждевременно задаваться целью свести ход и значение Великой Отечественной войны к личностно-психологическим аспектам, отвлекаясь от политических, этнических, нравственных, социально-экономических, идеологических. Еще недостаточно временное отстояние, слишком часто эта война становится инструментом социально-политических спекуляций в рамках широкомасштабной информационно-психологической войны против России.

3.5. Роман В. Бенигсена «Чакра Фролова» в лингвоидеологической перспективе

В настоящей статье роман исследуется как объект лингвоидеологического анализа (термин используется в работе Н.А. Купиной [Купина 2015]). Н.А. Купина обосновывает актуальность

лингвоидеологического анализа «идеологической лакунарностью, возникшей в постсоветское время, проявляющейся в коллективном идеологическом цинизме, скептицизме и эклектизме: процессы деидеологизации охватывают и концепты, составляющие “исконную национальную русскую основу” (слова Н.А. Бердяева), и концепты, составляющие партийно-идеологическую основу советского мировоззрения» [Там же: 31]. Предмет исследования – идеологическая составляющая смысловой структуры текста романа В. Беннигсена «Чакра Фролова». Цель исследования – выявить объекты и мишени языковой агрессии, языковые, стилистические и риторические средства и способы ее формирования.

«Идеология – система политических, социальных, правовых, философских, нравственных, религиозных, эстетических идей и взглядов, исповедуемых партиями, политическими течениями, общественными движениями, научными школами, отражающих их мировоззрение, идеалы, целевые установки. В идеологии осознаются, отражаются, оцениваются отношения людей к окружающей действительности, общественные отношения, социальные проблемы, положение социальных групп и слоев, их интересы, цели социально-экономического развития» [Райзберг 2012: 171]. Идеологические процессы, отмечают философы Т.Б. Любимова и А.В. Рубцов, универсальны, т. е. присутствуют «в скрытом или явном виде практически во всех видах социальной деятельности... <...> Она (идеология. – А. Б.) выполняет функцию интеграции (или дезинтеграции) общества, являясь частью социальной системы. Эта ее доминирующая функция, разумеется, дополняется остальными (адаптации и мобилизации, формирования и поддержания образца, целеполагания и целереализации)» [Рубцов, Любимова 2013: 6]. При этом в современном мире, подчеркивают философы, «особую важность обретает исследование неявных идеологических форм, бессознательной составляющей идеологии. В такой латентной форме идеология присутствует во всей культуре: в политике, образе жизни, экономике, праве, искусстве, науке, в философском исследовании» [Там же]. Логичен вывод авторов о том, что идеологические процессы могут становиться предметом исследования философии, социологии, психологии, политологии, лингвистики. С.А. Зелинский обращает внимание на то, что «задачи идеологии фактически простираются в плоскости скрытого воздействия на сознание масс, манипулирования массами. При этом массы не должны разгадывать иллюзорность навязываемой им идеологии. Они вообще не должны подозревать,

что в отношении их происходит какое-то манипулирование, скрытое, тайное воздействие» [Зелинский 2008: 43]. Принципиально важным для **лингвоидеологического исследования** на материале художественного текста представляется заключение, что чаще всего «ни субъекты, ни объекты идеологического воздействия не отдают себе отчета в “идеологичности” своих действий. Настоящие авторы идеологических акций и инноваций обычно остаются неизвестными публике; известны лишь “актеры”, их озвучивающие» [Рубцов, Любимова 2013: 6]. Именно такая модель лежит в основе идеологического воздействия художественной литературы, искусства.

Деидеологизация, упомянутая в приведенном высказывании Н.А. Купиной, – понятие спорное. Многие исследователи логично отмечают, что ее как таковой не может быть. Философ А.В. Рубцов в статье «Иллюзии деидеологизации» констатирует как факт, что «обрушение идеологии марксизма обернулось торжеством его же антиидеологизма... Поэтому судьба всего идеологического комплекса – с начала нынешних преобразований – оказалась в крайне сложном положении. <...> Российское общество до сих пор пребывает в состоянии идейной необустроенности». Но говорить «об идеологическом вакууме» нет оснований. В результате курса на отмену старой идеологии в нашем мире «идеология была демонтирована более как официальная риторика, система институтов и символов. <...> В остальном же... он (наш мир. – А. Б.) набит до отказа», так как «без идеологии, нравится нам это или нет, немыслимы многие базовые институты общества и государства» [Рубцов 2013: 15–22]. Попытки построить общество без идеологии «иллюзорны и социально опасны», отмечает философ А.Н. Буховец [Буховец 2002]. Саму постановку вопроса о том, может ли государство выполнять идеологическую функцию, философ В.И. Иванов отвергает как нелепость [Иванов 2008: 124]. Солидаризуясь с А.А. Зиновьевым, С.А. Зелинский свидетельствует о том, что советская идеология была на несколько порядков выше западной. «В результате антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы были разгромлены все основные опоры советского социального строя. Советская государственная идеология была отброшена. Постсоветская идеологическая сфера стала формироваться как гибрид западнистской, дореволюционной и советской идеологий. В Россию хлынул поток западной идеологии» [Зелинский 2008: 44].

Небольшой экскурс в теорию идеологии не оставляет сомнений в том, что художественная литература входит в число органичных

и незаменимых средств формирования и внедрения идеологических установок. Этот тезис защищает философ В.А. Песоцкий: «Художественная литература активно участвует в формировании различных социальных идеалов: нравственного, поведенческого, правового, социально-практического и других. <...> Следует признать, что и художественные образы, и литературные типажи, представленные в художественном произведении, и сам язык произведения несут выраженную идеологическую нагрузку, т. е. проявляют идеологическую функцию» [Песоцкий 2009: 83–92].

Читатель анализируемого произведения встречается с авторской постановкой вопроса о его отношении к концепту «идеология» прежде, чем открывает саму книгу. На обложке внизу авторская максима: **«Художник не должен приравнивать перо к штыку. Он вообще никому ничего не должен. Кроме Бога»**. Это, очевидно, его кредо в вопросе о назначении искусства и о месте художника в обществе. Признание свободы личности как высшей ценности стало чертой уже индустриального общества, закрепившись в постиндустриальном. Эта концепция остается ключевым тезисом либерализма как совокупности «интеллектуальных и культурно-нравственных установок, ориентированных на признание личности, ее свободы и самореализации высшей ценностью культуры и общества» [Современный философский словарь 1998: 444]. Но философское осмысление индивидуального и коллективного основывается на том, что это «взаимосвязанные характеристики *социальности*, функционирования и развития общества» [Там же: 449].

В силу либерально-индивидуалистской установки автора одной из мишеней языковой агрессии в романе стала советская идеология. Сама лексема «идеология» становится **идеологемой**, отражающей ироническое неприятие автором идеологической цензуры как существенной черты советской эпохи, как мысль о творческой несвободе человека искусства в советскую эпоху. Это находит выражение в высокой частотности употребления лексемы «идеология» и ее атрибутивного деривата: *истина многолика и плевать хотела на идеологию; красота не поддается идеологии, ибо свободна; пропитанное идеологией сознание; из идеологических соображений; протащить что-то идеологически неверное; сценарные заявки режиссера были, мягко говоря, небезупречны в идеологическом плане; тема была не самой идеологически выдержанной; в сценарии нашли идеологический просчет; идеологические придирки; политически близорукий фильм; снять идеологически верный фильм; миф прост*

и идеологически выверен; идеологически проверенный работник; проверенная советская литература. В комедийно-фарсовой стилистике автор демонстрирует отсутствие у советской идеологии логических основ, связи с правдой жизни. Режиссеру предлагается искупить вину за «идеологическую несостоятельность» то ли его фильма по пьесе А.П. Чехова, то ли самого Чехова документальными съемками о делах колхоза «Ленинский». Цитируется советская пропагандистско-агитационная риторика, в гипертрофированной форме демонстрирующая ее пустословие, шаблонность, логическую ущербность: Он там какой-то образцово-показательно-передовой. А может, и не передовой, но это неважно. Важно показать, что он передовой. И в то же время подчеркнуть, что он такой хороший не потому, что передовой, а потому что вообще все колхозы такие. – Передовые, что ли? – недоуменно переспросил Фролов, слегка запутавшись в поставленных задачах. – Не то чтобы передовые, а просто хорошие. А передовые не они, а вообще коллективизация. То есть этот колхоз хороший, но другие не хуже. – В общем, такой хороший, что на него должны равняться другие хорошие, – подытожил Фролов. – Да, – с облегчением выдохнул Кондрат Михайлович, который уже потерял надежду вырваться из этого логического лабиринта.

Событийное время романа охватывает период от первых дней Великой Отечественной войны до первых послевоенных лет, ретроспективно захватывая 30-е годы. Самый неискушенный читатель в процессе чтения не может не осознать, что главным мотивом написания романа стало разоблачение бесчеловечности и бесперспективности тоталитарного советского государства с коммунистами, партийными и советскими органами и НКВД в качестве акторов; колхозами, совхозами, Красной Армией и партизанскими отрядами в качестве орудий/инструментов реализации тоталитарной идеологии. Негативная оценка никогда не подается в авторской речи, изредка в несобственно-прямой. Главным принципом формирования авторской оценки служит сопоставление фактов («факты – вещь упрямая»): одно знаковое, независимо от масштаба, событие, один факт дается параллельно в официально-правовой оценке со стороны органов советской власти и со стороны непосредственных участников, представителей противоположных идеологических лагерей. Это могут быть Генштаб Красной Армии и Генштаб вермахта; поведенческие модели советских и оккупационных властей, советской и немецкой армий; партизан и жертв их действий; правовые акты

властных структур и повествование об их последствиях; цитаты из документальных текстов советских и оккупационных властей; фиктивные выдержки из допросов в НКВД и оккупационной комендатуре. Авторская оценка скрыта и этим смягчена с помощью приема цитирования. Вуалирующая функция цитирования широко эксплуатируется. Критерием того, что за оценками разных источников/адресантов кроется именно авторская оценка, служит неоспоримый факт исключительно тенденциозного подбора фактологического материала для всего корпуса негативно-модусного вектора оценочности.

Первым объектом авторской негативной рефлексии стал всесоюзный пионерский лагерь «Артек», а первой мишенью – пионерская организация. Поводом стали воспоминания титульного героя, кинорежиссера Фролова, о поручении партийного руководства снять документальную хронику о пионере-герое Михаиле Кольцове. Он со своим звеном добровольно поехал в совхоз, и они собрали рекордный урожай. Мишу наградили орденом и поездкой в «Артек». Режиссер *честно снял идеологически выдержанный фильм про образцовый лагерь, образцовых пионеров, заботу партии (и лично товарища Молотова), подрастающее поколение и дружбу между народами*. В одной фразе, как и далее, букет идеологем – прецедентных имен тоталитарной эпохи, щедро сдобренных едкой иронией. Автора текста *сильно коржило от пафосного задора, которым обычно приправляли подобный комментарий*. Он звучал как трескучая газетная передовица. И вся эта работа к реальной жизни не имела никакого отношения: рекорд «организовали», приписав в отчете по полторы тонны картошки на каждого пионера, что означало убойный круглосуточный труд в течение двух недель. При таких темпах пионеры-герои должны были по всем законам природы вернуться домой в закрытых гробах. Липовый герой аванс партийного руководства не оправдал: *Кстати, после «Артека» Кольцов... бросил школу, связался с уголовниками и начал пить. В итоге проиграл в карты свой орден и к пятнадцати годам оказался в детской исправительной колонии. Выйдя оттуда, отправился... на воровские заработки в Астрахань, где по пьяной лавочке свалился за борт корабля... в Волгу*. Авторская интенция прозрачна: показать, что пионерская организация – всего лишь орудие в руках партийного руководства, образец демагогии советской власти. Разоблачительный сценарий изобилует штампами-советизмами, что, очевидно, должно быть воспринято реципиентом-читателем в качестве аргумента достоверности представления/обличения одного из ведущих институтов идеологического фундамента

Страны советов: светлое будущее, почин, добровольный почин, линия партии, партийное руководство, трудовой подвиг, ударный труд, пионерлагерь, пионер-герой, забота партии (и лично...), пятилетний план, добиться значительных успехов в осуществлении намеченного партией пятилетнего плана, выполнять план.

Расправившись на примере сфабрикованного партийными властями подвига юного пионера с пионерской организацией, автор от лица жителей затерянной в болотах и даже не помеченной на картах деревушки, которые *понятия не имели о пятилетках, индустриализации, стахановцах и прочих атрибутах советской действительности (или пропаганды?)* (здесь и далее выделено автором статьи. – А. Б.), в форме альтернативного риторического вопроса осторожно намекает, не так ли фантомны и все достижения советского строя. Словосочетания с определением «советский» в тексте всегда отмечены ироническим подтекстом, порой переходящим в сарказм или ерничество. Иронизируя по поводу оценки сценария фильма, герой сообщает: *Его «Вишневым сад»... в глазах советской власти был произведением почти правильным*; Сразу после прихода Красной Армии в Одессу за дело взялись *доблестные советские органы*: начались аресты и расстрелы жителей. В крошечную деревню Невидово все *великие почины* советской политики доходили с большим опозданием (если вообще доходили). «Большой начальник», чиновник, заблудившись, попал в неведомую пограничную деревушку. Ее обитатели не знали, *под какой властью они живут*, и жили по своим законам и меркам, со своими знаковыми событиями. Одним из них был странный ритуал: поползновение одного мужика на самоубийство. Чиновник обескуражен: *Ерунда какая-то. Советский человек ходит раз в месяц топиться... Бред...*

В его партийной голове факт самоубийства... никак не сочетался с гордым званием советского человека. Хотя он и понимал, что область провела как-никак восемнадцать лет без мудрого надзора советской власти. – Да какой советский человек! – с досадой махнул рукой Михась. – Он наш, местный. Невидовцы никак не предполагали, что и среди них *могут завестись* советские люди: Да и откуда? Не от сырости же. Событийная канва всего романа подводит читателя к выводу, что и революция, и советская власть были глубоко чужды народу. Тот же Михась (явная попытка аналога шолоховскому деду Щукарю), уловив аргументативный изъян в скрытой угрозе чиновника (*Я вам организую советскую власть, а то разболтались*), мысленно парирует, обнаруживая владение софистическим

методом: ...если советскую власть надо организовывать, значит, ее нет. Но как же ее может не быть, если он до этого сказал, что деревня советская? Советы и советская реальность не принесли народу ничего хорошего. Деревенская баба дает заплутавшим путникам информацию о соседнем колхозе: – *Ленинский в верстах пятинадцати отсюда. <...> Они там не шишко-то богато живут. Все о каком-то плане твердят, а сами еле-еле концы с концами сводят. <...> Два года назад еще ничего жили. А как советская власть пришла, так все у них подчистую вымела. Колхоз какой-то там устроила. А что с него толку? Вот и жрут что ни попадя...* Командир еврейского партизанского отряда Абрам откровенничает: – *Советская власть нас не обижала. Мы ее вроде тоже. Колхозом, правда, не обзавелись – бог миловал.* Апогеем безусловно уничижительной оценки советского прошлого служит выражение *безумие советской реальности*.

Безоговорочно негативно (ирония, издевка) в романе представлены коммунисты. «Рюша», предельно неревнивый муж любвеобильной пассии героя, будучи *коммунистом до мозга костей* и глядя на портреты вождей, никак не мог себе представить, что они тоже занимаются таким непотребством. Ну, а кто? Ворошилов? Или Молотов? Или, упаси бог, Сталин? Подобные фантазии казались ему настолько крамольными, что он отмахивался от них с неистовством *сто процентного коммуниста*. <...> Коммунизм на то и коммунизм, чтобы вся любовь дарилась прежде всего партии, а уж потом родным и близким; На тот момент единственным коммунистом в Курково был председатель местного колхоза, которого курковцы, возможно, и выдали бы, поскольку был он чужаком, присланным из Минска *насаждать советский строй*, да тот *загода сбежал*... В Невидово *коммунистов отродясь не водилось*, – сообщает немцам невидовский дед. В годы войны партия руководила и партизанским движением, но поскольку партийные товарищи плохо знали обстановку и географию, то и приказы были один нелепее другого.

Повествование о «зверствах» советской власти, Красной Армии, НКВД, партизан предваряется доморощенными философскими размышлениями о менталитете русского человека. Национальной спецификой русского народа «назначается» диалектика сентиментальности и жестокости. Так уж сложилось, – философствует автор от лица заглавного героя, – что для русского человека принявший страдания всегда заслуживает большие жалости, уважения и в конечном счете

любви, нежели не страдавший или недостаточно страдавший... Ибо любовь у русского человека всегда начинается с жалости. <...> Русский человек изначально считает страдальцем самого себя: жалуется на государство, на эпоху, на несправедливость власти, на начальника, на соседа и соседскую собаку. <...> Жалея другого, он как бы одновременно жалеет себя и возвышается в собственных глазах. <...> Неслучайно мертвых в России любят больше живых. <...> Сентиментальность – главное качество русского человека. Правда, где сентиментальность, там и жестокость, ибо жестокость рождается от желания жалеть. В том числе себя. За свою жестокость. <...> Почти все жестокие исторические персонажи на Руси были сентиментальны. <...> Можно ли представить рыдающим какого-нибудь татаро-монгольского хана? Нет. А русского правителя легко. <...> Жестокость необходима, но без сентиментальности она не дает ощущения осмысленности. <...> Раз наказание без греха бессмысленно (раз нет греха, за что же каяться?), значит, добро бессмысленно без зла. Таким образом, зло – необходимый спутник, а стало быть, и помощник добра. Возлюбить ближнего своего – задачка хитрая. С какой такой радости, спрашивается? <...> Но ведь **можно огреть этого самого ближнего чем-нибудь тяжелым по голове, и тогда все обретет смысл: ты полюбишь его за страдания, а себя полюбишь за то, что сострадаешь тому, кого ты только что приложил. Или, как остроумно написал Шекспир, «она его за муки полюбила, а он ее за состраданье к ним».** Микродискурс – явная языковая агрессия с признаками вульгарного ерничества, охаивания русского этноса, богохульства; неадекватно передаются и библейские заповеди, и положения диалектики. Сравним профессиональный этнический портрет: «Русская ментальность – это особое свойство того, что называется духовностью русского народа и славян в целом. <...> Для русского языкового сознания русская ментальность ассоциируется с нравственностью, гуманизмом, с духовностью народа, душевностью – чрезвычайно важным качеством русской ментальности, любовью к родине и святостью. Эти ассоциации связаны с базовыми ценностями, к которым относятся культура, этика, нравственность» [Колесов 2016: 131]. В монографии В.К. Новикова среди характерных национально-психологических признаков русских называются «сострадательность и великодушие... стойкость и выдержка в трудные моменты; открытость, простота, готовность прийти на помощь; чувство коллективизма; долготерпение, готовность к самопожертвованию» [Новиков 2011: 158]. Критика

русской ментальности в целом дополняется критикой менталитета русской интеллигенции: **интеллигентщина, интеллигенция долбаная, гниль интеллигентская.**

Идеологический дискурс романа включает идеологемы – явные и скрытые цитаты из высказываний и работ главных идеологов Октябрьской революции и советской России. Внутренняя речь следователя во время допроса Фролова: *Ведь перед ним был кинорежиссер. А кино было **важнейшим из искусств** не только для Ленина (который таковым его считал, скорее, на словах), но и для Сталина.* Кинооператор просвещает деревенского деда: *А кино, дед, – **важнейшее из искусств.*** Крылатый афоризм повторяется в речи особиста. С трагическим сарказмом его повторяет полковник, которому отдан приказ обеспечить эффектную съемку боя ценой гибели всего батальона: *Давайте под корень всех. Чего уж там. Ведь кино снимем. Искусство... **Важнейшее из всех искусств!** – <...> Про церковь, дед, забудь, – отрезал Никитин. – **Религия – опиум для народа.** Это не я, это Маркс сказал. Режиссер поучает оператора: *Ты про **лакировку действительности** слыхал?* Особист Морозов не может решить, подводить ли пленного режиссера под расстрельную статью. Вдруг потом Сталин скажет: *Надо объяснить товарищу Морозову, что он поступил политически неверно. Можно даже сказать, подыграл нашим врагам. Или, может, товарищ Морозов не знает, что **кадры решают все?** <...> А кинокадры тем более.* Намек на покушение на Ленина в остроте кинооператора в ответ на вопрос: *– Ну и какой план? – План был у **Каплан**, – сострил Никитин.* Жертва патриотической советской идеологии, молодой сапер Захарченко, «безъязыкий»: абсурдистски говорит идеологемами: *И я ему говорю, что, мол, товарищ капитан, об этом только мечтать можно, чтобы взорвать себя за **Родину** и за **Сталина**. И разве ж товарищ Сталин, будь он рядом с нами, не взорвал бы себя за **Родину** и за **Сталина**...* Цитатно оформлены кавычками клишированное выражение и ставшая крылатой фразой цитата из стихотворения В.В. Маяковского: *Истинные коммунисты оставались **«жить в наших сердцах»** (отдельные товарищи даже получали статус **«живее всех живых»**, а что касается остальных, то решать, кому жить, а кому умирать, было в компетенции вождей страны, а не каких-то там божественных непознаваемых сил.* Все цитаты идеологического дискурса передаются в ярко выраженной иронической тональности, с учетом концовки последней фразы, переходящей в откровенный сарказм. Мишень психологической агрессии – советская, марксистско-ленинская*

идеология, еще живущая в сознании людей старших поколений граждан РФ, сохранившаяся в художественных произведениях прошедшей эпохи. Отношение к ней – отношение к истории нашего государства, к ее людям.

Центральная сюжетная тема романа – **война**. Гражданская война представлена ретроспективным фоном. Идея: большевики, красноармейцы не менее, если не более, жестоки и чужды народу, чем представители противоборствующей стороны: *...в 19-м году забредали в Невидово какие-то конные красноармейцы, оборванные и злые. Они ловили банду анархиста и головореза Жданько, который от большевиков спасал. <...> А потом большевики приехали. От Жданько спасать. Так вылакали все, что Жданько не успел со своими бандитами употребить. – Еще и жратву всю похавали, – с обидой в голосе добавил кто-то.* Характерен временной промежуток представленной в романе Отечественной войны: от первых дней до того момента, когда череда поражений и отступлений сменилась наступлением Красной Армии. Великий перелом в ходе войны оставлен автором без внимания. Три скупые фразы: *Так прошли два года. Советские войска постепенно перешли в наступление. Колеса Истории скрипнули, и в конце тоннеля забрезжил тонкий лучик света.*

Знаковой характеристикой военного дискурса стала идея **абсурда, полного хаоса в военных делах, включая партизанское движение**: некомпетентность Генштаба, абсурдность приказов командования разных уровней, отсутствие единой стратегии и простого смысла в больших и малых военных операциях, готовность бездумно и безнаказанно бросать на военные плацдармы тысячи жизней. Беспомощность армии в начале войны титульный персонаж романа выражает в ответе партнеру, ернически цитируя «Песню о Родине» И. Дунаевского и В. Лебедева-Кумача из кинофильма «Цирк», 1936 г.: *– И что теперь делать? – спросил он. – Песню знаешь? «И сурово брови мы насушим, если враг захочет нас сломать?» – Ну знаю. И что? – Ничего. Брови сурово насушим. Авось враг испугается...* Капитан Криницын прекрасно понимал, что в первые недели, а то и месяцы войны в советской армии будет твориться *форменная неразбериха*. Средоточием, точкой притяжения абсурда представлена деревушка Невидово, ставшая местом действия лихо закрученного по законам детективного жанра сюжета. В завязке романа в нее случайно попали, оказавшись в эпицентре противостояния советской и немецкой армий, командированные в соседний колхоз кинематографисты: режиссер Фролов и оператор Никитин.

Пытаясь отыскать пункт назначения, кинематографисты обнаружили деревню, не отмеченную на карте. Шутник-оператор с серьезным видом заявляет, что карты сознательно *перевераны... чтобы вражеская армия нашими картами воспользоваться не смогла*: абсурдистская аргументация. В военных делах царил хаос, отдавались нелепые приказы, из-за чего погибали тысячи людей. Срабатывала цепная реакция. Ситуация представлена в тональности трагического фарса. Опираясь на безграмотные донесения разведки, Генштаб решил, что деревушка Невидово представляет какую-то ценность для немцев и организовал там форменную резню силами уголовников. В донесении в Генштаб вермахта полковник Гюнтер Штубе, в свою очередь, сделал из этого вывод: *либо деревня Newidowo имеет важнейшее стратегическое значение, либо в ней находится нечто, что Красная Армия любыми средствами пытается спасти и защитить, либо первое и второе одновременно. В связи с чем считаю необходимым бросить наши силы на ответную операцию по захвату деревни. В это самое время нашими разведчиками было перехвачено донесение о том, что вермахт отчаянно пытается завладеть деревней Невидово. В Генштабе Красной Армии резонно рассудили, что раз немцам позарез нужно какое-то Невидово, то и нам оно тоже нужно, и позарез, хотя и не очень понятно зачем. Минское подполье приказало партизанскому отряду Трофимова двигаться в направлении Невидово и выбивать оттуда немцев любой ценой. Трофимова приказ совершенно не удивил, потому что он давно понял, что **военное руководство ничего не понимает ни в дислокации войск противника, ни в задачах текущего момента**. Такой же приказ получил майор Криницын. В пять утра отряд Трофимова и рота Криницына, не подозревая о существовании друг друга, подошли к окраине Невидова. Абсурдность ситуации усугубилась тем, что выбивать пришлось кое-как переодевшихся в немецкую форму уголовников, только что занявших деревню. В результате этой короткой, но кровопролитной битвы от партизан в живых остались только летчик Кантюков... а также агроном Гуляшов и Дергунов-старший. <...> Рота Криницына была также изрядно потрепана – от бывшего состава остался жалкий десяток бойцов... <...> Из уголовников выжили только вовремя сбежавшие Паровоз и Жук. Причем ни партизаны, ни красноармейцы, ни тем более уголовники так до конца и не поняли, в какой нелепый смертоубийственный треугольник они влипли. Так историческая ретроспектива самой кровавой войны в истории человечества, выигранной той стороной, для которой она*

стала Отечественной, через 68 лет после Победы, когда еще живы герои-освободители страны и Европы, получила художественное воплощение в жанре, близком классическому анекдоту.

Ведущий оценочный маркер военного командования и его карательного института НКВД – **жестокость, бесчеловечность**. Яркий пример – использование в военных операциях уголовного контингента в качестве безответной, бесправной и «дешевой» ударной силы. – *Вы все – никто, – продолжал Шаборевич, мерно вышагивая перед стоящими вразвалку «бойцами».* – Уголовный элемент, грабители, убийцы, садисты. ООР. Особняк, выражаясь вашим языком. Но советская власть дает вам возможность искупить свою вину перед Родиной. <...> Выбьете врага, получите свободу. Оружие уголовники не получили: в голове какого-то хитрого вояки созрел дерзкий план – не гробить понапрасну технику и людей, а направить в район действий отъявленных головорезов-уголовников-садистов. Их, мол, все равно не жалко, зато, раз они такие отчаянные, пусть обходятся без оружия. Судьба этих людей была предreshена: в любом случае они были приговорены к смерти, неважно, от чьих рук. Неравный бой состоялся 4 июля 1941 года и закончился победой безоружных. Уголовники устроили *зверское побоище*. В донесении немецкого полковника вооруженные лишь ножами и заточками уголовники названы *элитными советскими войсками*. По контрасту с невообразимым *сализмом* победителей под маской Красной Армии квартировавшие в деревне немцы предстают ангелами. Бесчеловечное обращение *энкэвэдэшников* с заключенными вызывает негодование. Но факт (если представить его реальным) наводит читателя на мысль, что Красная Армия первой дала образец неслыханной жестокости; и не стали ли зверства противника лишь ответной мерой... Сообщается, что в первые дни войны немцы **старались не свирепствовать**. Старик-одессит, отправленный в ссылку, делает оговорку: *Правда, в немцах, несмотря на всю их жестокость, чувствовалась какая-то цивилизованность. Они уважали установленные ими же самими законы и не беспредельничали. Закон гласил уничтожать евреев и коммунистов – они и уничтожали. Был бы закон в обязательном порядке насиловать всех женщин – они бы насильствовали. Но выйти за рамки закона им просто в голову не приходило. Если надо было припугнуть мирное население, стреляли все-таки в воздух, поверх голов, а не сразу на поражение* (фигура умолчания: «наши» поступали иначе. – А. Б.). <...> Впрочем, когда началось отступление по всем фронтам, то и **законопослушные немцы** начали

потихоньку звереть. Но немцы были чужими, а партизаны вроде как свои (прием неполного подобия как способ усиления смыслового содержания высказывания. – А. Б.). В рассказе того же персонажа появляются «светлые страницы» оккупации Одессы союзными Германией румынскими войсками: *Что же касается румын, то те были вообще из особого теста... – школы открыли, церкви восстановили... И вообще... за время оккупации румыны восстановили экономику, дали хлеба и зрелищ, да и не зверствовали особо.* В противоположность оккупантам действовали «родные» коммунисты. Отступавшие румыны мародерствовали. *Готовя Одессу к сдаче, советская власть тоже не церемонилась. Все автомобили и автобусы побросали в море, все поезда уничтожили, всех лошадей зарезали, часть города затопили, радиоприемники отобрали, маяк взорвали, электростанцию (снабжавшую город водой) разрушили, а напоследок еще и побомбили мирных жителей – с какой целью, не очень понятно. Видимо, следуя поговорке «Бей своих, чтоб чужие боялись».* На вопрос *А немцы свирепствуют или как?* невидовец Клим задумался. *Во-первых, он уже начал путаться, какая власть на дворе. Во-вторых, последние-то точно свирепствовали – вон, сколько кровушки пустили, но вот только не совсем понятно, немцы они или кто – форму-то немецкую напялили, а говорят без переводчика. Как бы на русском. Невидовский дед Михась, три года проживший в оккупации, рассказывает, как по собственной вине погибли односельчане. Вечно пьяного забулдыгу немцы повесили, найдя улики, изобличавшие его в убийстве немецкого солдата: Ну, тут, видать, осерчали они. <...> Вообще-то немцы пару дней ждали, что он протрезвеет – пьяным-то вешать не по-людски как-то...* К деревенскому Кулибину немцы пришли *радио забирать. А Тимоха, дуралей, ни в какую. <...> А те озлобились и пальнули в него. <...> Вообще-то так они ребята ничего, но потом злобиться начали... Хорошо, что не пожгли.* Читатель подготовлен к выводу: **немцы, оказывается, без причины не уничтожали население, только в ответ на провокации.** В оппозиции «свои»/«чужие» противочлены поменялись местами: первые представлены по принципу диффамации, вторые – по принципу митигации.

Романист сообщает, что масштаб карательной стратегии советской власти превосходит даже воображение представителя немецкой военщины. Немецкий офицер, предлагая случайно оказавшимся в занятой немцами деревне кинематографистам снять пропагандистский фильм о немецкой армии как освободительнице, в качестве

аргумента пугает смертельной карой, окажись они у своих: *Вы сейчас находитесь на оккупированной территории, а по диким законам вашей страны это приравнивается чуть ли не к преступлению.* <...> *Вряд ли писателя или художника, оказавшегося на немецкой территории, будут обвинять в том, что они, дескать, творили под новой властью. Их просто расстреляют или сошлют куда-то за один факт присутствия в оккупации. Фляйшауэр откровенно блефовал, поскольку не очень верил в то, что советская власть может дойти до такой глупости, как расстрел или ссылка за плен и оккупацию, но он был наслышан о кроважидности сталинского режима...* — демонстрация морального превосходства идейного противника советского строя.

В арсенале способов дискредитации объектов языковой агрессии в семантико-прагматическом пространстве романа значимое место занимает логическое **отношение аналогии или идентичности**. Немцы автоматными очередями гонят случайно плененных советских граждан на заминированное поле, чтобы обеспечить беспрепятственный проход танков и артиллерии. Вслед за этим на другое минное поле гонят своих сограждан местные партизаны. Командир цинично-хладнокровно сообщает: *У меня задание поляну для прохода техники зачистить. Вот мы тут вашего брата насобирали в лукошко, и вы заодно сгодитесь.* <...> *Поле немцем заминировано. А вы по нему пойдете. Не пойдете, здесь ляжете. Доступно излагаю или шпрехен зи дойтч?* <...> *Я своих людей гробить не буду, понял? А ты со своим дружкой пойдете как миленькие.* Советских бойцов для снятия постановочного боя за Невидово по приказу гонят как на бойню: приказ есть приказ. Но и немцы заслуживают сочувствия, намекает автор словами невидовского деда: *Говорят, приказа не было отступать.* <...> *Жалуются, конечно. Говорят, что забыли про них... Не нужны они никому, вроде как получается.* Бойцы Красной Армии уподоблены банде *анархиста и головореза Жданько*, деятельность партизан идентифицируется с грабежами местного населения, аналогично отношению к партизанам местного населения и немцев. В качестве объекта языковой агрессии и орудия антинародных деяний, символа беззакония, бесконтрольности и созидателя хаоса в стране выступает зловещий феномен **НКВД**, — и в мирное, и в послевоенное время, и в ходе Великой Отечественной войны. *Энкавэдэшники*, как правило, неумные, непрофессионалы, даже внешним видом вызывающие антипатию. Один особист на Лубянке, по фамилии Лепешкин, представлен гротескно-натуралистически: у него была мерзкая

привычка ковыряться в носу, а добытые из ноздрей козявки лепить под стол. Все это он проделывал нисколько не смущаясь и даже наоборот, с видимым наслаждением. О другом особисте, Морозове, сказано, что в детстве его искусством не воспитывали. На мир он смотрел как на врага, которого не в силах победить, но которому можно насолить. В структуре допросов советских следователей нет логики. Позитивным контрастом представлен допрос, который вел немецкий офицер. Поводами для карательных действий по указанию или с ведома НКВД были шпиономания, подозрение в саботаже, симуляции, угроза срыва плана. Шпиономания процветала и в среде самого НКВД. Следователь Лепешкин оказался врагом народа. Оператор Никитин пропил новую стационарную кинокамеру, но отделался строгим выговором: Спасло то, что те люди, которые должны были его посадить, были посажены раньше, чем успели посадить тех, на кого завели уголовные дела: в качестве средства выражения иронии здесь использован прием конкатенации. От лица немецкого лейтенанта выражается недоумение: географические карты составлялись заброшенными на территорию СССР диверсантами и шпионами. Причем, как ни странно, их-то советская власть совершенно игнорировала, зато ловила и сажала невинных советских граждан, в том числе и за шпионаж в пользу Германии. Идеологический фильтр «работал» и в искусстве: приветствовалась тема зла в виде вредительства или шпионажа. Одним словом, подтверждалась истина: Был бы человек, а срок найдется.

Атмосфера подозрительности и тотального доноительства в стране Советов продемонстрирована на судьбе бедолагичиновника, сообщившего о неотмеченной на картах деревушке и вызвавшего подозрение «органов». К тому же соседи проводали, что он повторяет *Where is my hat?* (чиновник в ожидании английской делегации освежал знания по учебнику сына): поступил донос, что он передает зашифрованные радиогаммы. А решающим в плачевной судьбе чиновника стало то, что в местное отделение НКВД пришла тайная разнарядка, что надо «давать план», – то есть изловить и расстрелять пару-тройку шпионов. Короче говоря, бедолагу-чиновника приговорили к расстрелу и в тот же день приговор привели в исполнение. Исполнитель именуется палачом: **Палач** замер, придержав руку на курке... – Аа, – понимающе протянул палач и нажал курок. Старик-одессит после войны был арестован. Первым делом выяснили, что он красил немецкую военную столовую ко дню рождения Геринга, что само по себе было достаточным обвинением. Еще

большим преступлением стали найденные чекистами экземпляры издававшегося во время румынской оккупации юмористического журнала, в котором печатались карикатуры на Сталина и всякие антисоветские фельетоны. Одно хранение подобной литературы тянуло на «десятку без права переписки», что означало расстрел. Старик напрасно оправдывался, говоря, что он хранил газеты и журналы вовсе **не** из идеологических или библиофильских соображений, **а** просто потому, что как маляр использовал бумагу в качестве настила... Кроме того, выяснилось, что до войны старик уже сидел сначала за вредительскую деятельность (за час до Первомайской демонстрации красил транспарант и заляпал краской портрет Сталина, в результате чего отправился на пять лет в лагерь), а затем за антисоветскую пропаганду... Пиком пейоративной экспрессии в дискурсивном поле НКВД можно считать **аллегория смерти**. Она предстала в виде старика в товарном вагоне, набитом репрессированными. Рядом сидящий режиссер подумал, что это было бы даже забавно, если бы старик и вправду оказался Смертью. Также разоблаченной и арестованной **доблестными** сотрудниками НКВД. Видимо, за антисоветскую деятельность. Ведь Смерть забирает всех: от влиятельных партработников до простых коммунистов. Значит, является кем-то вроде вредителя, шпиона и убийцы в одном лице. «Доблестный» – доминантный эпитет с пейоративно-иронической коннотацией в текстовом пространстве романа.

Мишенью психологического воздействия на читателя становится тема **геронизма на фронтах** Отечественной войны. Тонкий намек на то, что тот или иной подвиг может оказаться «историческим мифом». Заодно неискушенного читателя наводят на мысль, что и **вся история Великой Отечественной войны может оказаться тоже мифом**. Поводом стала смехотворная версия о якобы состоявшейся в июле 1941 года *великой битве* за Невидово геройской роты против бронетанковых частей мифического генерала Маркса (анекдотически имя идеолога коммунизма приняли за имя генерала). Местечко на карте не нашли. *Но на всякий случай решили представить капитана Криницына к государственной награде и дать майора. А саму битву отметили как одну из самых героических и кровопролитных в истории первых дней войны... а после окончания войны [она] едва не была включена в школьные учебники по истории. Едва – потому что деревню под названием Невидово в очередной раз не смогли найти, а без конкретизации места сражения трудно создавать полноценный исторический миф – надо же где-то обелиск ставить,*

на карте пометать, организовывать пионерский отряд имени майора Криницына и так далее. Майор Криницын стал единственным человеком за всю историю Второй мировой войны, который получил медаль и звание после несуществующего сражения за несуществующую деревню. Правда была в Советском Союзе никому не нужна: эта правда покушалась на самое святое – на **миф о войне**. Миф прост и идеологически выверен. Истина многолика и плевать хотела на идеологию. Та правда, что страна отстояла свою независимость и освободила Европу от фашистской оккупации, в версию мифичности не вписывается и во внимание не принимается.

Подтверждением мифичности героизма служит та же невидовская «эпопея». Было приказано снять постановочный фильм о героической битве за Невидово. Командир батальона объясняет режиссеру цену постановочного героизма, в бессильном гневе подкрепляя слова матом (здесь обцензизмы купируются. – А. Б.): *Весь свет идет куда? Правильно... На моих бойцов. Чтоб вам... снимать легче было. Вы ж не немца слепить собрались. Вы своих подсвечиваете. Чтоб немец... в темноте всех их как на ладони видел. И бил. И не вслепую, а как в тире. Клал рядами... А мы... без артиллерии, без танков, бежим со штыками, все равно что с... наперевес. И орем. Вот ором... и будем брать фрица. Может, напугаем. Может, он в штаны наложит и убежит. Знаешь, сколько останется после вашей... съемки от батальона? Хорошо, если взвод... А может, и отряда не наберется. Он-то деревню и возьмет. Трусами немцев завалим. По трупам в деревню эту... и войдем. Зато кино... будет... кино! Еще гордиться... будете!* Полковник НКВД Воронцов тоже знает финал. По его распоряжению заранее делается заготовка для обелиска в память погибшим. Планируемый автором читательский вывод: **героизм – миф, памятники героям – хранители мифов как моральный диктат веры в нереальный героизм.**

Не оставлена без внимания и военная разведка. Полковник НКВД с гордостью объясняет источник *точных* сведений о планах вермахта: *Контрразведка все эти годы не дремала. <...> Особенно ценно работал наш агент Лютик. Четыре года держал нас в напряжении. То немцы концлагерь под Минском строят, то химический завод. Один из наших лучших разведчиков. Точный, трезвый.* Им оказался встреченный Фроловым на пути из оккупационной зоны параноидальный тип (*нервно ерзал по сиденью и кусал губу; махал руками; нервно бегал глазами и озибался; закричал; завопил; чертыхнулся*) с бегающим взглядом, требовавший ехать *все равно куда.*

Главное, быстрее! и бессвязно бормотававший: Мне... мне... мне нужно докладывать... обстановка... немцы... тяжелая бронетехника... Увидев свежий шрам на голове странного парня, Фролов заключил: Так он контуженый просто. Дискредитация института военной разведки осуществляется приемом дегенератизации: сведения общезначимого к комичному конкретному.

Мишень языковой агрессии – **патриотизм как основной фактор победы в Великой Отечественной войне**. Дорогая цена Победы, выраженная в клишированной идеологеме *Там каждый метр полит кровью*, приобретает ироническую коннотацию в контексте мифической невидовской эпопеи. От лица некоего *невольного диссидента* Юсина – глумление над священной памятью о сложившихся головы за свободу Родины. Названием его книги стал перевертыш (фигура хиазма) надписи на могиле Неизвестного солдата: *Имя твоё бессмертно, подвиг твой неизвестен*. Персонаж, катапультировавшийся летчик Кантюков, искренне считавший, что *если надо погибнуть героической смертью ради общего дела, то надо делать это не задумываясь*, и требовавший от партизан *дать клятву верности Родине*, вызывал у братьев по оружию подозрение в неадекватности, но так как они знали, что *при падении бедолага стукнулся головой*, то списали это на временное помрачение ума. Тактика диффамации посредством приема физиологизации: сведение высокого, морально-го к конкретно-механическому, достойному осмеяния.

Мишенью агрессии стала оценка великой **освободительной миссии Красной Армии**. Идеологема *«освободить/освободители»*, захватывая и лексемы *биться, битва, победа, величие и мощь Красной Армии, подвиг народа*, подвергается циничной десемiotизации в том же контексте. На с. 494 романа она повторяется шесть раз. Уничтожительный эффект создается контрастом высокой патриотичной патетики и реальной никчемности ее объекта и мифических событий вокруг него. Ответственный за киносъемку показного боя, за никому не нужную, в реальности не имеющую никакого стратегического значения ни для нас, ни для немцев деревню, пафосно просвещает режиссера: *Освобождение Невидово имеет важный психологический и моральный вес. Во-первых, мы выбьем врага из его наиболее, так сказать, укромного логова. Во-вторых, знаменитая битва под Невидово повторится. <...> Но главное, освобождение Невидово будет символизировать освобождение всей Белоруссии. <...> Мы ведь снова отбросим фашистов за границу нашей Родины. Понимаете все символическое значение такого*

освобождения? <...> Надеюсь, недалек и тот день, когда мы будем брать Берлин. <...> Думаю, не надо объяснять, какой это будет исторический день. И очень важно оставить для потомков свидетельство величия и мощи нашей армии, свидетельство подвига нашего народа и проницательности товарища Сталина. Семантико-прагматическое опустошение знака-идеологемы усиливается ее интерпретацией исполнителем готовящегося события, командиром батальона, в ответ на робкие сомнения кинорежиссера (обсценизмы купируются): – *Но ведь деревню действительно надо освободить... – Да кому... нужна эта деревня?! <...> Куда твои фрицы денутся? <...> Они через пару дней в таком котле будут, что сами сдаваться прибегут. <...> Освободители... Будто не знаешь, что будет с твоей деревней.*

Еще одной частной мишенью в рамках истории Великой Отечественной войны на протяжении всего романа стало **партизанское движение**. Тема вводится в авторской речи: *В первые дни войны слово «партизан» еще не было тем словом, от которого позже немцы будут впадать в истерический ступор.* Понятийное содержание концепта «партизанское движение» складывается из лексем и выражений, являющихся парафразами, дискредитирующими характер деятельности партизан; оценивающих отношение к партизанам жителей оккупированных населенных пунктов (от фантомной деревушки Невидово до Одессы) и немцев; называющих последствия партизанских действий с точки зрения жителей и немцев. Парафраз «партизанского отряда» – экспрессема-валюатив «банда». Арестант-рецидивист, с группой в составе тридцати таких же безоружных зеков 4 июля 1941 года выбивший из деревни немецкий отряд в составе 50 солдат, размышляет о своих дальнейших действиях: *Вокруг немцы. <...> Остается либо к ним перебежать, либо в лес уходить. <...> Немец это немец. Запало под ним ходить. В леса уходить – значит, партизанить. Читай: грабить мирное население или на немцев нападать.* Прием ложной идентификации разных понятий призван убедить читателя в отсутствии идейных мотивов партизанской деятельности. Вынужденные бежать из своей деревни люди стали просто ходить от деревни к деревне, ища, куда приткнуться. По ночам **воровали** живность у местного населения и изредка портили немецкую технику, чтобы как-то оправдать свое существование. Случайно они оказались под партийным руководством, которое стало отдавать им приказы. Эти приказы были *один нелепее другого*. По отношению к немцам действия партизан – *нападать,*

*изредка портить немецкую технику, диверсии. Урон, нанесенный партизанами немецкой армии: изредка испорченная немецкая техника; нападения на немцев; сожгли немецкую комендатуру, взорвали пристань. Урон мирного населения в результате действий партизан несравненно значительнее: за испорченную технику немцы расстреливали местных жителей; сожгли комендатуру, но из-за сильного ветра сгорела добрая половина села и погибла уйма мирного народа; взорвали вместо стратегического объекта пристань, с которой хозяйки стирали белье; за каждого убитого в результате партизанской диверсии немца фашисты расстреливали до сотни мирных невинных людей. Просто хватали на улице и расстреливали. В целях устрашения и давления на партизан. За поимку отряда Трофимова немцы назначили вознаграждение. Но и без вознаграждения многие мечтали изловить «трофимовскую банду» – настолько партизаны надоели своим бесконечным грабежом и диверсиями, из-за которых немцы расстреливали ни в чем не повинное мирное население. Отбывающий в ссылку старик-одессит признает: С партизанами связан не был. Тем более что в городе их ненавидели. Нейтрализация оппозиции «свой»/«чужие»: отношение к партизанам немцев и советских людей идентично: трофимовский отряд быстро возненавидели все: как фашисты, так и свои. Участник одного партизанского отряда признается: Кому мы нужны? Нас и немцы отстреливают, и местные не любят. Показательно высказывание с сопоставительно-градационным парным союзом с характерным принципом нарастания значимости компонентов **не только, но и**: Получив оружие, отряд стал представлять серьезную угрозу **не только** для мирных жителей, **но и** для немцев. Эффект обманутого ожидания: угрозу партизаны представляли, оказывается, не столько для оккупантов, сколько для советских людей. Последние примеры свидетельствуют о том, что идеологические, как и любые другие, метасмыслы передаются не только эксплицитным лексическим, но и **имплицитным метаграмматическим способом** (по [Рябцева 2005]).*

На последних страницах романа жертва НКВД, старик-одессит, становится рупором «разоблачения» – дегероизации и дискредитации знаменитого одесского подполья и роли катакомб, рассказав, что партизанский отряд... слишком долго **прятался** от немцев в катакомбах, в результате чего начался голод. А следом **паника**. Медсестра Зиминой предложила сдаться немцам. Командир отряда немедленно обвинил медсестру Зиминой в предательстве, после чего... выхватил пистолет и застрелил ее на глазах у товарищей. <...>

А поскольку умирать от голода не хотелось, единогласно постановили (выбор стереотипа-клише партийно-советской действительности в правовой документации как повод для ерничанья с намеком на, скорее, беззаконие всего творимого в той идеологической сфере. – А. Б.) *съесть Зимину*. Трех оставшихся человек командир застрелил. Так героическая борьба одесского подполья в романе представлена еще одним мифом. Карательные меры немцев представлены только как ответные меры на ненавистные мирному населению действия партизан. Однозначно прочитывается вывод: партизанское движение, героизм в тылу врага как выражение патриотизма советских людей – миф, созданный советской пропагандой и художественной литературой соответствующей тематики, выполняющей социальный заказ.

Во второй части романа дискредитация партизанского движения сочетается с махровым **антисемитизмом**. В романе действуют еще два партизанских отряда. Формально о них говорится в стиле сельских баек, а по идеологической сути это, скорее, политический памфлет антисемитского толка. Отряды враждуют между собой. Один из двух отрядов еврейский. С отрядом Михалюка и его *головорезами* «абрамовцы» враждуют настолько, что провоцируют вопрос «пленного гостя» Фролова: *Вы вообще с кем воюете?! С Михалюком или с фашистами?! Абрам задумался. – С фашистами. Потом добавил: – И с Михалюком. – Аа, ну понятно. Два главных зла в мире осталось: немецкий фашизм и товарищ Михалюк. Абрам снова задумался, но судя по тому, что иронию он не понял, фашизм и Михалюк были для него явлениями вполне равноценными. У партизан-абрамовцев твердый распорядок дня. После молитвы в восемь часов – завтрак. Едят порознь. Абрам объясняет пленникам-гостям поведенческие особенности отряда национальным менталитетом евреев: *Уткнутся каждый в свою миску, и все. Обиций котел и равные порции – это не для них. Еврей вообще не любит равенства. Стимул жить пропадает. <...> Если все равны, еврею скучно...* Евреи воюют за веру, просвещает Абрам: *Без веры нельзя. – Если Бога нет, нехай Гитлер верх берет. А если есть, то вот мы за Бога и воюем. Богу надо помогать.* Даже границы своих партизанских действий еврейские партизаны четко обозначили: *Мы ж никого не грабим. И немца зазря не злим. Четко поделили – вот три села... Другие не трогаем.* Кроме **собственничества** ядром «еврейства» гротескно представлено **торгашество**. И война – тоже место торга. Абрам: *Вот Ицхак неделю назад подбил немецкого мотоциклиста и забрал себе мотоцикл. Я ему**

объясняю: «Зачем тебе мотоцикл?» А он мне: «Как зачем? Я его продам или обменяю. Он мне дом спалил, вот я у него мотоцикл и забрал». – «А танк подобьешь, – говорю я, – тоже к себе потащишь?» А он мне: «А как же? Это ж я его подбил». <...> То же с автоматами и патронами. <...> Все время этими патронами меняются, гранаты друг дружке продают. И совсем бурлескно-анекдотично описан эпизод, когда еврей Ицхак стал усиленно выторговывать у пленного Фролова фляжку. Сначала предложил за никчемную маленькую фляжку две полновесные пачки отличных немецких сигарет. Затем продолжил страстный торг, появившись с нахлобученной на голову немецкой каской. Вид у него был в ней, мягко говоря, идиотичный. <...> – Наденьте, наденьте, – сказал он, нахлобучивая каску на Фролова. – Отрываю от сердца. Боже, как она вам идет! Вы как будто в ней родились! А теперь смотрите... <...> Видите, она очень удобна как котелок. В ней нет ни одной дырочки. Можно нести воду, делать суп, варить картошку... В нее можно складывать патроны. <...> Ицхак так увлекся, что понес откровенную чушь. Вроде того, что каской можно отбиваться от фашистов, ловить рыбу и грести как веслом. С его слов выходило, что ценнее каски в мире нет предмета. Тема «все продается, все покупается», и мир, даже в состоянии войны, как бесконечный базар проявляется и в сфере искусства. По форме это уже буффонада. Еврей «второго сорта» (потому что из Биробиджана), музыкант Мотя Блантер, пользуясь совпадением имени и фамилии со знаменитым композитором Матвеем Блантером, выдает его песни за свои, наикомичнейшим образом подгоняя текст под еврейские реалии. Песни исполнялись на идиш. Содержание «Трех танкистов» в переводе на русский выглядело так: *Очень мрачные на границе облака... на крутых берегах реки Амур... охраняют наш покой еврейские солдаты... Ну и там дальше про трех еврейских друзей, которые убили японцев... <...> Тем временем Мотя вдарил следующую. Это был «партизан Железняк». На вопрос, о чем эта песня, еврей Яша ответил: – Про партизана Исаака Железняка... – Партизана, который шел домой в Одессу, но заблудился и попал в Херсон... А там казаки погром делали... Он и вскипел. Бросился защищать... Зарубили в общем. <...> Потом была песня про девушку Ривку, которая выходила на берег крутой и слала письма... своему Изе... Потом про Абрама Щорса, который до последней капли крови защищал свою еврейскую деревушку... Баянист из-за своих песен пострадал однажды от партизан враждующего отряда: Михалюк его крепко по голове приложил. <...> Угодил он к ним как-то да и стал*

чапушки свои дурацкие петь. <...> Они ему говорят: переведи. Он и перевел: «Я теперь красноармеец, берегу свою страну, и за фюрера родного всех врагов теперь убью». Ну, они, конечно, взвились. Это за какого такого фюрера ты воюешь?! Это каких таких врагов?! Ну и поколотили.

Антисемитизм получает и лингвистическое обоснование. В русской речи евреев пародируются фонетические, грамматические и лексические приметы еврейского выговора: грассирование, частица «*таки*», «*шо*» и «*що*» вместо «*что*», управление глагола: *Ти що, Йид?*; *Таки представь себе, да; Я так на вас удивляюсь; Я жму плечами на ваш юмор, Лейбович; Мотя, прекратите делать музыку, когда надо делать тишину! И уже-таки хватит жить по своему биробиджанскому времени.* На предложение говорить на идиш, если он еврей, «цивилизованный» еврей Кучник яростно парирует: *Ах, йидиш?! В гробу я твой идиш видел, морда сионистская!* Тот же персонаж ложно воспринял отказ признавать его за своего как намек на свое еврейство и тут же завелся. – *Ты что, дядя, совсем умом набок съехал? Я тебе русским языком говорю! Ты свой или какой?! – Тебе, может, и никакой. <...> Ах, никакой ты мне?! А может, ты и революции с Интернационалом тоже никакой, морда антисемитская?!* Речь на идиш он называет абракадаброй, игнорируя напоминание еврея Абрама, что это официальный язык республики и один из четырех языков, на которых на гербе Белорусской Социалистической Республики написано «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*». Наслушавшись речи на идиш, он сначала жестко пародирует ее, а потом делает неожиданное признание в духе фашистского национал-социализма: – *Веришь, нет, Георгич, но я вот сейчас понял, с чего немцы так евреев возненавидели. – С чего? – Ну ты представь, что на русском кто-то будет говорить вроде «твоя моя отдать деньга за квартира». А потом этот ужас официально узаконят как отдельный язык малого народа. На нем будут писаться поэмы, рассказы, стихи всякие романтические... Ну, вроде «моя твоя увидеть, моя твоя любить, твоя моя обидеть, твоя моя забыть». И это будет считаться вершиной поэзии... Автор этого чуда... какой-нить Моисей Израэльевич Герц будет именоваться Пушкиным национальной поэзии... Не, ну а как бы ты к такому отнесся? Фролов растерялся. – Даже не знаю... – Ну ты не знаешь, а я бы **расстрелял**. – Но есть же у малороссов Шевченко, – робко возразил Фролов. – Ну так то украинский. У языков корни одни. А эти слямзили чужой язык, исковеркали и давай творчеством заниматься... каляка-маляка... тьфу!*

Кучник... чувствовал себя конквистадором, обиженным безграмотностью дикарей. Все это яркие примеры лингвоцинизма. С точки зрения лингвистики антисемитский выпад абсолютно несостоятелен. Во-первых, идиш никогда не производит впечатления абракадабры. Владеющие немецким всегда понимают речь на идиш. Отличия от немецкого литературного языка носят системно-уровневый характер. На этом языке создана художественная литература, существует театр. Во-вторых, надо учитывать время создания, источник, условия и факторы влияния других языков на идиш; его роль в интеграции нации, сохранении этнического сознания, по крайней мере, ашкеназских (германских) евреев. В-третьих, история этого языка не уникальна. И, наконец, германистам известно, сколь велики различия самих немецких диалектов на всех уровнях языковой системы. С точки же зрения этики фрагмент – вопиющий пример языковой агрессии, по жанру – политический памфлет. Неуместна гиперболизация упрощенности языка, пародирование; использование неопределенно-усредняющего местоименного определения с типичным национальным антропонимом; употребление жаргонного глагола «слямзить» с уничижительно-пейоративной оценочностью и междометия «тьфу» (в словаре Ожегова, Шведовой: 1. Воспроизведение звука плевок. 2. Выражение презрительного, раздраженного или безразличного отношения к кому-чему-нибудь [Ожегов, Шведова 1997: 818]); сама попытка подменить историю одного из официальных языков народа примитивным представлением на бытовом уровне. Неуместна финальная игровая окказиональная оценочная фигура. А с «*расстрелять*» субъект языковой агрессии стал образцовым наци. Summa summagum: автор затеял слишком рискованную игру с слишком серьезным объектом агрессии и с непредсказуемым воздействием на сознание не искушенных в лингвистике и в истории народов читателей. Это нельзя квалифицировать иначе, как откровенное проявление информационно-психологического воздействия (читай: информационно-психологической войны), провоцирующего межэтнический конфликт в многонациональной стране.

Исследование показало, что главным мотивом написания романа стала демонстрация бесчеловечности тоталитарного советского государства. Объекты языковой агрессии: советская власть, история Великой Отечественной войны, еврейский этнос. Мишени языковой агрессии первого объекта – советская идеология, менталитет русского народа, коммунистическая партия, НКВД, армия, молодежная организация. Мишени второго объекта – военное руководство,

партизанское движение, патриотизм, героизм советских людей на фронтах Великой Отечественной войны и в тылу, историческая миссия Красной Армии. Предложен взгляд на историю Великой Отечественной войны как на миф. Подвергнута сомнению геополитическая роль победы над фашизмом.

Роман выдержан в стилистической тональности иронии, переходящей в ерничество, сарказм. Средствами дискредитации отечества, его истории, народа, государственных институтов служат жанровые стилизации, коммуникативная тактика диффамации в оппозиции к митигации по отношению к противнику, стилистические и риторические приемы, фигуры речи. Безусловно, критика драматичных и трагичных фактов в истории России с Октябрьской революции и до послевоенной эпохи имеет фактологическую почву. Но, памятуя о мудром предупреждении пролетарского вождя, не надо «с грязной водой выплескивать из ванны и ребенка». «Историческое сознание, – говорит историк М.В. Телегин, – это память человечества, народа, человека. <...> **Потеря памяти хуже физической смерти, ибо влечет деперсонализацию. <...> Нет памяти – нет иммунитета, внушат что угодно, на мать родную натравят**» [Телегин. URL: www.hrono.ru/statii/2010/tlgn_rtv/php]. Ответственность именно художественной литературы за потерю народом исторической памяти подчеркнул Д.С. Лихачев: «Наиболее полнокровное и конкретное восприятие нами прошлого происходит через искусство и больше всего через литературу. Так формируется представление каждого поколения об истории своего народа и человеческой цивилизации в целом» [Лихачев 1987: 221]. Тотально негативная оценка целой эпохи, начиная с революции и заканчивая послевоенным периодом (эпилог), представленный в романе яркий антисемитизм позволяют рассматривать роман в контексте информационно-психологической войны. Предпринятый анализ романа показал, что художественная литература может являться мощным проводником неявных идеологических форм, бессознательной составляющей идеологии, важность исследования которых подчеркивают философы Т.Б. Любимова и А.В. Рубцов. В художественном произведении скрытое – сознательное или бессознательное, прикрытое эстетическим флером, – манипулятивное воздействие на сознание может оказаться самым тонким технологическим ресурсом управления поведением граждан. Поэтому лингвисты не только могут, но и обязаны исследовать художественное творчество с идеологических позиций.

3.6. Ложка дегтя в бочке меда (об одной «детали» романа Евгения Водолазкина «Лавр»)

Введение. В 2012 году вышел получивший широкую известность роман Евгения Водолазкина «Лавр». Действие романа происходит в XV веке. Главным героем романа является средневековый врач (точнее – врачеватель); как сказано в аннотации, «обладая даром исцеления он, тем не менее, не может спасти свою возлюбленную и принимает решение пройти земной путь вместо нее. Так жизнь превращается в житие. Он выхаживает чумных и раненых, убогих и немощных, и чем больше жертвует собой, тем очевиднее крепнет его дар». Роман отличается оригинальным стилем, в котором реализован принцип чередования элементов старославянского и современного русского языка, что в большинстве случаев не нарушает художественно-изобразительной органичности текста, но придает ему индивидуальное своеобразие. Роман обладает мастерски «закрученным» сюжетом и читается с интересом; в речи повествователя и речи персонажей можно найти немало глубоких мыслей философски-вневременного характера. Безусловно, роман «Лавр» написан талантливым человеком, хорошо знающим эпоху, в рамках которой разворачиваются события (Е.Г. Водолазкин – доктор филологических наук, специалист по русскому литературному средневековью). Вполне естественно, что роман снискал симпатии читателей и довольно много вполне заслуженных комплиментарных рецензий (см., например [Басинский 2012; Балакин 2013; Биргер 2013; Вежлян 2013; Коробкова 2013; Морозова 2013; Токарева 2013; barbakan 2014; Лученко 2014; Коноплев 2016; Новоселова 2016; Шуринова 2016]).

Однако все перечисленные авторы в своих рецензиях обходят стороной такой аспект романа, как аксиологическая тональность в изображении русского народа и его традиций, а между тем такая тональность в романе присутствует и проводится сквозь весь его текст. Сам по себе немаловажный для рассмотрения достоинств текста (поскольку всякое художественное произведение не лишено влияния мировоззрения и идеологии его автора), этот вопрос приобретает особую остроту, потому что Е. Водолазкин рассматривает свой роман не как рассказ о средневековых событиях и людях, а как совокупность размышлений о современности. В интервью Екатерине Петуховой писатель сообщает: «Мы с моим редактором Еленой Шубиной придумали даже термин – “неисторический роман”. И поставили

его в подзаголовок “Лавра”, чтобы читатели не искали того, чего там нет. Потому что это роман не об истории и не о XV веке. Он о нынешнем времени. <...> Прошлые времена используются лишь как зеркало, в которое мы, нынешние, смотримся и видим в нем наши особенности» [Петухова 2017].

Целью предлагаемой статьи является рассмотрение односторонней оценочности в отношении такого объекта, как русский народ и его национальный характер.

Материал и методы решения поставленной задачи. Материалом исследования служат, с одной стороны, текст романа Е. Водолазкина «Лавр» (все ссылки на текст романа делаются по [Водолазкин 2014a]); с другой стороны, посвященные этому роману рецензии и статьи, а также научные исследования по проблематике русского родства, нашедшего отражение в этом романе.

В качестве инструмента исследования использован лингвоидеологический анализ текста. Этот анализ, проведенный А.А. Бернацкой при исследовании ряда художественных текстов (см. [Лингвистика... 2017: 190–254]), «не оставляет сомнений в том, что художественная литература входит в число органичных и незаменимых средств формирования и внедрения идеологических установок» [Бернацкая 2017: 129]. Причем, как отмечает этот и некоторые другие авторы, принципиально важным для лингвоидеологического исследования художественного текста является мысль о том, что иногда авторы этих текстов не отдают себе отчета в «идеологичности» своих речевых действий [Бернацкая 2017: 128; Рубцов, Любимова 2013: 6]. Более того, «настоящие авторы идеологических акций и инноваций обычно остаются неизвестными публике; известны лишь “актеры”, их озвучивающие» [Рубцов, Любимова 2013: 6].

Определяется лингвоидеологический анализ разными авторами научных текстов по-разному и с большей или меньшей полнотой. Так, например, А.А. Мирошниченко лингвоидеологическим анализом называет «анализ устойчивых отношений, возникающих между языком и мышлением в процессе моделирования действительности». Он пишет: «Исследователю достаются лишь формы языковой (словарь, система языка) или речевой (текст) фиксации процессов моделирования. Соответственно, непосредственным объектом ЛИ-анализа являются различные языковые явления. Специфика ЛИ-анализа в том, что любой знак или структурное отношение рассматривается как продукт не только **репрезентативной** (здесь и далее выделено автором цитируемого текста. – А. С.), но и **оценивающей** функции

моделирующего субъекта. <...> Процедура ЛИ-анализа предполагает ответ на вопрос: как, каким образом, в каких языковых феноменах реализуется авторская модальность моделирующего субъекта. Рабочая цель ЛИ-анализа заключается в том, чтобы установить характерные для данной ЛИ-парадигмы **ценностно-языковые соответствия**. Генеральная цель состоит в том, чтобы описать, идентифицировать лингвоидеологическую парадигму субъекта» [Мирошниченко 1995. URL: http://www.kazhdy.ru/andrey_miroshnichenko/rech/1/].

По мнению М.В. Гавриловой, лингвоидеологический анализ предполагает рассмотрение таких аспектов дискурса, как «1) уровни, структуры, стратегии или шаги, в которых идеологические убеждения выражают себя в дискурсе; 2) дискурсивные доказательства взаимодействия различных идеологий. <...> Задача лингвиста состоит в том, чтобы выявить идеологии, с которыми идентифицирует себя политик...» [Гаврилова 2002: 97].

Н.А. Купина под лингвоидеологическим анализом текста, как следует из ее статьи, понимает исследование семантики ключевых слов идеологического содержания (идеологем), их сочетаемости в речевой ткани текста, что способствует выявлению смысловых и этических приращений, отражающих точку зрения автора на те или иные политические события [Купина 2015].

Разночтения в определении лингвоидеологического анализа отчасти объясняются тем, что аналитики имеют дело с типологически разными текстами (политическо-публицистическими и художественными), однако все они в большей или меньшей степени предполагают выявление их (текстов) идеологической оценочности. С учетом вышеприведенных определений лингвоидеологического анализа, моей главной задачей будет вычленение, демонстрация и комментирование тех высказываний и фрагментов текста романа «Лавр», которые в совокупности своих контекстуальных связей обуславливают аксиологическую тональность характеристики русских людей. Эта задача предполагает также использование так называемого «критического дискурс-анализа», понимаемого как «критическое осмысление власти языка», позволяющее увидеть «“вживание” в общественное сознание определенных представлений»; «выявить имплицитно выраженные установки» и «показать скрытые эффекты воздействия дискурса» [Гаврилова 2002: 92].

Основное содержание. Как же мы, русские, смотримся в историческом зеркале Е. Водолазкина? Начнем с частного вопроса – изображения юродивых XV века. Заметим, что феномену юродства

на Руси посвящена большая литература, в том числе диссертации (см., например [Горобинская 2000; Янчевская 2004; Мотеюнайте 2006; Ростова 2008; Мартиросян 2011]); монографии (см., например [Федотов 1990; Иванов 1994; Ковалевский 2000; Иванов 2005]); многочисленные статьи (см., например [Кологривов 1961; Панченко 1976; Клибанов 1992; Шувалов 1995; Ильин 1997; Панченко 1999; Хачатрян 2003; Тетерина 2004; Круглов 2010; Ребров 2010; Каплан 2012; Гаврилов 2013; Каллист. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kallist_Uer/vnutrennee-tsarstvo/10 и др.]).

В этой литературе, со ссылками на средневековые источники, подробно рассказывается о вненормативном поведении, в том числе речевом, русских юродивых того времени. Описание типичного речевого поведения юродивых дано, например, в таком солидном источнике, как статья академика А.М. Панченко «Юродивые на Руси» [Панченко 1999]. Панченко отмечает: «Идеальный язык у юродивого – молчание. Однако безмолвие не позволяет (или затрудняет) выполнять функции общественного служения, и в этом еще одно противоречие юродства. Среди возложивших на себя вериги этого подвига были убежденные, упорные молчалыники, но вообще это редкость. Обыкновенно юродивые как-то общаются со зрителем – по сугубо важным поводам, **обличая или порицая**. Их высказывания либо ясны, либо невразумительны, но всегда кратки, это выкрики, междометия, афористические фразы» [Там же: 395]. Панченко отмечает, что сентенции юродивых имели «мистический характер пророчеств и угрозы», что их высказывания – это «одна из форм протеста в юродстве – осмеяние порока и зла...» [Там же: 396].

В романе Е. Водолазкина, кроме главного героя, жизнь которого, по сути дела, является житием святого с некоторыми элементами юродства, действуют два юродивых: Карп и Фома. Карп по поступкам и речи типичный молчалыник, он произносит только свое имя. А вот другой юродивый, Фома, не типичен прежде всего потому, что его речь многословна (на его диалоги с главным героем опирается развитие сюжета). Кроме того, автор поручил ему роль резонера, изрекающего подчас философские мысли самого автора. Для нас важно отметить то, что юродивый Фома использует в своей речи матерную брань, считавшуюся и считающуюся великим грехом, так как, сквернословя, «мы погрешаем против одной из черт подобия Божьего в нас» (Протоиерей Максим Козлов). Недаром «в Священном Писании говорится о том, что надо опасаться праздных слов. Так, в Послании к Ефесеянам апостол Павел пишет:

“Никакое гнилое слово не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим. И не оскорбляйте Святого Духа Божия, Которым вы запечатлены в день искупления” (Еф. 4: 29–30)» [Почему сквернословие огромное зло? URL: <http://www.pravoslavie.ru/90957.html>]. В качестве иллюстрации речи Фомы приведу отрывок из длящегося на нескольких страницах его диалога с Арсением (одно из имен главного героя. – А. С.), сохраняя здесь и далее авторскую пунктуацию: *Юродивый Фома сложил руки на груди и смотрел на противоположный берег. Оттуда ему грозил кулаком юродивый Карп. Грози, говнюк, грози, прокричал юродивый Фома без злобы. Аще же ты zde единожды обрящу, сокрушу без милости твои члены. Яко исчезает дым, исчезнеши.*

Они принимают меня за юродивого, сказал Арсений Устине.

А за кого ж тебя еще принимать, удивился Фома. Посмотри на себя, Арсение. Ты и есть юродивый, иже избра себе житие буйственное и от человек уничиженное.

И он знает мое крестильное имя.

Фома засмеялся:

Как же его не знать, когда оно у каждого крещеного человека на лбу написано? <...>

Кто сей знающий тайны мои? Арсений повернулся к Фоме:

Ты кто?

Х...й в пальто (многоточие принадлежит мне. – А. С.), ответил Фома (с. 178–179).

Это не единственный случай, когда, кроме «обычного» сквернословия типа *Большому требуется свежесть*, крикнул Фома, *а у вас здесь как, простите, у черта в жопе* (ср. в его же речи: *говнюк, засранцы, сраный веник, сволочи* и т. п.), в речи Фомы «мелькают» и завуалированные матизмы типа *Да не парься ты, е-мое*.

Между тем многие исследователи жизни юродивых подчеркивают, что каждое их ненормативное действие, в том числе речевое, на проверку оказывается этически оправданным (многочисленные случаи такого ненормативного, но этически оправданного поведения юродивых описаны в литературе; см., например [Федотов 1990: 199–209]). Именно этическая мотивированность демонстративно «отклоняющегося» поведения юродивых вызывает к ним уважение. «“Похабные” и пророческие слова приравнялись к “гласу святых”, эпатажность жития юродивых сакрализировалась: некоторые стали местночтимыми угодниками Божиими...» [Гаврилов 2013].

Совершенно очевидно, что в речевом поведении Фомы совместились автор-повествователь, идеолог-резонер и сквернослов-матерщинник. Типично постмодернистский прием, хотя автор и отрицает свою принадлежность к этому направлению мысли и эстетики, правда, отрицает неуверенно: «Те элементы средневековой поэтики, которые использованы в “Лавре”, и были описаны как постмодернистские приемы. **Это и так, и не так. Это действительно то, что перекликается с постмодернизмом и современной литературой, но я – не постмодернист**, и пришел не оттуда. Я пришел к этим приемам из Средневековья, с которым нынешняя эпоха перекликается» (сказано Е. Водолазким в интервью Ксении Лученко [Лученко 2014]). Получается, что «перекликается» сквернословием, в том числе матом, причем матом осовремененным.

В научной литературе, о которой говорилось выше, рассказывается о разных поступках юродивых, включая их высказывания, так или иначе нарушающие принятые в то время нормы поведения, но нигде я не обнаружил указаний на то, что юродивые использовали матерную брань. Зато сообщается, что их шокирующее поведение всегда оказывалось этически мотивированным. В литературе о юродивых Христа ради говорится, что их поведение – это «особый вид христианского делания, особый христианский подвиг», «способ подражания Христу» [Каплан 2012]; что, «подвергая атаке устоявшиеся формы общественного поведения или благочестия, юродивый обращает внимание на внутреннюю сущность, актуализирует забытое внутреннее содержание этих форм» [Ребров 2010]; что «активная сторона юродства заключается в обязанности “ругаться миру”, обличая грехи сильных и слабых и не обращая внимания на общественные приличия»; что, «протестуя, юродивый выполняет обязанности обличителя и общественного заступника» [Панченко 1999]; что по внешним приметам «спектакль» юродивого «может быть похож на скоморошьи представления, но по функции – на действие ветхозаветных пророков: “смеховая оболочка скрывает дидактические цели”» [Мотеюнайте 2006]. И сам Е. Водолазкин свидетельствует: «По выражению покойного Александра Михайловича Панченко, молчание – идеальный язык юродивого. <...> **Но уж если юродивый говорит, слово его имеет особый вес. Юродивый чем-то сродни библейскому пророку в умении предсказывать, но еще более – в обличении (очень важное качество пророка)**» [Водолазкин 20146].

Так вот, все перечисленные здесь характеристики поведения и речи юродивых неприменимы к тем фрагментам романа

Е. Водолазкина, где фигурирует матерная брань, да и брань вообще. По-видимому, она использована как дань современным постмодернистским вкусам в духе и стиле таких авторов, как, например, Виктор Пелевин, Юз Алешковский, Владимир Сорокин. Разница здесь в том, что у этих авторов скабрзности встречаются на каждом шагу, а у Е. Водолазкина представлены в небольшом количестве. В его стилистике «проглядывают» такие черты постмодернизма, как иронизм, шоковая эстетика [Лексикон нонклассики... 2003: 353], смешение прекрасного и безобразного [Кононенко 2003: 324], или семантическая несовместимость [Ильин 1999: 239]; словом, признаки использования принципа нонселекции – «регулятивного принципа постмодернизма», который реализует себя в установке на культурный плюрализм и в ориентации на «презумпцию равновозможности и равного права на параллельное сосуществование в децентрированном культурном пространстве различных и даже взаимоальтернативных культурных программ и стратегий» [Можейко 2001: 526–527].

Отметим также значительную роль в постмодернистском творчестве концепта и феномена игры, в том числе языковой игры [Жбанков 2001: 293]. Полагаю, что Е. Водолазкин допустил игру смыслами и значениями, т. е. языковую игру, применительно к сакральному, тем самым выйдя за границы этически допустимого. Так стилистика романа, возможно против желания самого автора, способствует десакрализации сакрального. Об этой опасности постмодернистской игры пишет в конце своей статьи М.Р. Жбанков: «Произвол воображения, покинувшего четко обозначенные границы пространства И. (игры. – А. С.), порождает, наряду с другими проблемами, рискованные социальные эксперименты и одержимое мифотворчество» [Там же: 293–294]. На возникновение игрового комического эффекта при изображении юродивых в романе «Лавр» обратили внимание некоторые рецензенты. Так, Евгения Коробкова пишет: «Водолазкин пошел на рискованный шаг, смешав древний житийный язык с современным молодежным сленгом. Не стоит удивляться, когда юродивый Фома, изыскающийся пассажами из Давидова Псалтиря, вдруг восклицает посреди полного здоровья: “да не парься ты, ё-моё”». И далее, цитируя лингвиста М.А. Кронгауза: «Успех рискованного эксперимента по смешению языков кроется еще и в том, что его стилистическая игра оказывается связана с игрой содержательной» [Коробкова 2013]. А Н.С. Шуринова отмечает, что юродивый Фома объясняет пришедшему в Псков Арсению «принципы распределения территорий, напоминающие конвенцию, учрежденную

детьми лейтенанта Шмидта в романе И. Ильфа и Е. Петрова “Золотой теленок”» [Шуринова 2016: 108]. Разумеется, в таких контекстах, в какие поставлен Фома в романе Е. Водолазкина, образ юродивого, как и юродства вообще, закономерно предстает как сниженный.

А теперь посмотрим, как в романе Е. Водолазкина изображены не юродивые, а обычные русские люди. Характеристики русских людей отдельными мазками обнаруживаются на протяжении всего романа. Например, в романе неоднократно возникает тема разбойников. Русские разбойники предельно жестоки: своих жертв они пытаются водой и каленым железом и убивают всех, кто только попадает в их руки. Причем они разбойничают не только в России, но и на территории других государств (Польши). В то же время оказывается, что в Италии тоже есть разбойники, но они никого не пытаются и не убивают, а взимают с проезжающих деньги. Причем с ними можно торговаться: *После всестороннего обсуждения была найдена приемлемая для всех сумма – пять дукатов с идущего в караване* (с. 303). Более того, по просьбе умирающего и раскаивающегося главаря итальянские разбойники возвращают деньги ограбленным паломникам, то есть проявляют своего рода гуманизм.

Русским людям, не только разбойникам, свойственна жестокость, подчас немотивированная. Вот эпизод, с неясными художественными целями включенный в текст романа: *В Запсковье грязь. По дороге к дому ее месит иерей Иоанн. Жирное чавканье грязи он слышит у себя за спиной. Медленно оборачивается. Перед ним стоит человек с ножом, весь в грязи. Иерей Иоанн молча прижимает руку к груди. В голове его мелькает воспоминание о предвидении Арсения. В сердце его звучит молитва, которую он не успевает произнести. Человек наносит ему двадцать три ножевых удара. При каждом замахе он кричит и стонет от натуги. Иерей Иоанн остается лежать в грязи. Там же теряются следы человека. Говорят, что будто бы и человека не было, а был лишь всплеск грязи. Взметнувшийся за спиной иерея Иоанна и тут же растекийшийся по дороге. Через малое время раздается нечеловеческий крик. Он перелетает через реку Великую и реку Пскову, распространяясь над всем городом Псковом. Это кричит попададя* (с. 208–209).

А вот как заканчивается часть романа, названная «Книга отречения»: *Мягкой балетной походкой юродивый Карп подходит к калачнику Самсону и берет зубами ближайший калач. Сделав шаг от лотка, юродивый Карп оборачивается. Жалобно смотрит на Самсона. Самсон, не меняясь в лице, снимает лоток и бережно*

ставит на землю. Делает несколько шагов по направлению к юродивому Карпу. Ладная фигура калачника ломается. Рука его съезжает к голенищу сапога. Там блестящее, холодное и острое. Калачник подходит вплотную к Карпу. Карп вытягивается в струнку. Он выше калачника и ощущает его дыхание шеей. Нож медленно входит в тело юродивого. Силы небесные, шепчет калачник Самсон, сколько же я ждал этого дня (с. 221–222).

Русские люди демонстрируют жестокосердие и неблагодарность. Спасенный Арсением замерзающий не пускает в свою избу погреться своего заочневшего спасителя, он, как сказано в романе, *с криком разбежался и двумя руками толкнул Арсения с крыльца. Когда Арсений пришел в себя, снова светила луна. <...> При свете луны Арсений увидел очертания дальних домов. Покачиваясь, он пошел к ним. Дома были ветхими, и Арсений понял, что в них живут бедные люди. На его стук люди вышли с палками. Они сказали: “Иди и умри, юроде, zde бо от тебе несть нам спасения”.*

Не обнаружив в этих людях сострадания, Арсений покинул их (с. 202–203).

Автор романа не ограничивается подобными эпизодами, он поручает характеристику русских людей своему резонеру – юродивому Фоме. Приведу любопытный в этом отношении диалог Фомы и жителей Завеличья. В ответ на их утверждение, что *всякий на Руси знает, что юродивых бить, это самое, нельзя*, Фома громко рассмеялся:

Поясняя свою мысль, прибегну к парадоксу. Юродивых потому и бьют, что бить их нельзя. Известно ведь, что всякий бьющий юродивого – злодей.

А кто же еще, согласились завеличские.

То-то, сказал юродивый Фома. А русский человек благочестив. Он знает, что юродивый должен претерпеть страдание, и идет на грех, чтобы обеспечить ему это страдание. Кто-то же должен быть злодеем, а? Кто-то же должен быть способен побить или там, допустим, убить юродивого, как вы считаете?

Ну, это самое, заволновались завеличские. Бить – еще куда ни шло, но убивать – разве же это благочестие? Смертный, если можно так выразиться, грех.

Твою дивизию, в сердцах воскликнул юродивый Фома. Так ведь русский человек – он не только благочестив. Докладываю вам на всякий случай, что еще он бессмыслен и беспощаден, и всякое дело может у него запросто обернуться смертным грехом. Тут ведь грань такая тонкая, что вам, сволочам, и не понять.

Завеличские не знали, что ответить (с. 194).

Замечу попутно, что рассуждения юродивого Фомы, по-видимому отражающие точку зрения автора, бездоказательны и демагогичны.

Негативная характеристика русских людей просматривается и в несобственно-авторской речи повествовательной части текста. Например, так описывается поведение корабельщиков: *Они не разговаривали даже тогда, когда, собравшись тесным кругом, по вечерам распивали какой-то мутный напиток. Ни Арсений, ни Амброджо не знали, что именно пили эти люди, только напиток не делал их веселее. Спины их становились еще более сутулыми. Сидящие напоминали большой непривлекательный цветок, который закрывается на ночное время. Изредка они начинали что-то вполголоса петь. Песни их были столь же безрадостны и мутны, как то, что они пили.*

Многие русские мрачны, поделился наблюдением Амброджо.

Климат, кивнул Арсений (с. 264).

А вот какую картину видит Арсений, знакомясь с жизнью населения Пскова, которая не вселяла в него отрады: *В домах Завеличья стоял дым, смешанный с паром. Там сушилась одежда и кипели щи. Там били детей, кричали на стариков и совокуплялись в общем для всех пространстве избы. Перед едой и сном молились. Иногда сваливались спать без молитвы – наработавшись до потери сил. Или напившись. Ноги в сапогах забрасывали на подложенную женами ветошь. Громко храпели. Вытирали текущие во сне слюны и отгоняли мух. Со звуком терки водили рукой по лицу. Матерно ругались. С треском портили воздух. Все это не просыпаясь (с. 182).*

И это говорится при отсутствии каких-либо добрых слов о русском народе и исключении исторического фона в романе. Между тем, по историческим источникам, Псков в то время был одним из крупнейших торговых и ремесленных городов страны. «Псковские каменщики, строители, иконописцы и колокольные литцы славились на всю страну. В Псковской земле больше, чем где-либо в стране, выращивалось льна и конопли – важнейших технических культур, которые пользовались спросом на мировом рынке» [Мясников 2003: 123].

Действие романа происходит между 1440 и 1520 годами. В это время на Руси происходило много важных событий: родился будущий великий князь Иван III – «собиратель земли русской»; было открыто много крупных монастырей, вокруг которых создавались

новые поселения; велась успешная борьба с татарами; произошло знаменитое «стояние на Угре», которое положило конец татарскому игу; Россия воевала с Литвой, Польшей, крымскими татарами, установила отношения с Италией, Швецией, Турцией, Персией; появилось казачество; велась активная концентрация русских земель, к московскому княжеству были присоединены многие удельные княжества; положено начало освоению Сибири (осуществлен поход Семена Курбского и Петра Ушатова во главе четырехтысячной лыжной рати через «Камень» (Уральский хребет), покорена Югорская земля); написано сказание «О человецех незнаемых в Восточной стране, о языках разных и иновидных» – первое сказание о народах Севера до Енисея с указанием их географического положения и этнографических особенностей; происходит путешествие тверского купца Афанасия Никитина в Иран и Индию («Хождение за три моря»); составлена Белозерская уставная грамота – первый законодательный акт единого Русского государства; в Кремле построены новые соборы и Грановитая палата; Иван III принимает титул «Государя Всея Руси»; осуществляется первая экспедиция на Печору для поиска руды; распространяются такие технические новшества, как часы, водяные и ручные мельницы, рычажные механизмы, приводимые в движение колесом, гончарный круг, токарные станки, весы; закончен первый полный перевод Библии на старославянский язык; жил и в это время скончался преподобный Нил Сорский – автор «Устава монастырского»; Филофей, старец Псковского Елизарова мужского монастыря, в послании Василию III сформулировал теорию «Москва – третий Рим», в котором описал историческое значение Москвы как всемирного политического и церковного центра [Мясников 2003: 123].

Место действия в романе «Лавр» – русский Север, точнее – земли около Кирилло-Белозерского монастыря, который являлся не только форпостом на севере страны, но и центром русской духовности. Вот какие факты приводит Е.А. Иванова в статье «Лингвокультурологической потенциал романа Е. Водолазкина “Лавр”» (даю выборочно):

Настоятель Московского Симонова монастыря Кирилл (1337–1427), ученик Сергия Радонежского, уже будучи шестидесятилетним старцем, пришел на место, открытое ему Пресвятой Богородицей в видении, и пустынножительствовавал на Белом озере 30 лет до своей кончины. На этом месте вырос монастырь, который стал одной из трех великих крепостей, наряду с Троице-Сергиевой Лаврой и Соловецким монастырем. Долгое время Кирилло-Белозерский

монастырь являлся центром изучения живой святости. Монастырские старцы активно вмешивались в политическую и духовную жизнь страны. В XV–XVI веках обитель считалась оплотом нестяжательства, в XVII веке монастырь называли Северной лаврой. При монастыре выросла целая слобода – город Кириллов. В стенах обители была большая библиотека, работали известные духовные писатели: старец Ефросин, Пахомий Серб, резчики, иконописцы. Основатель живописной школы преподобный Дионисий Глушицкий устроил несколько монастырей на русском Севере. Ему также принадлежат шедевры иконописи – «Успение Богоматери», «Иоанн Предтеча в пустыне» и «Образ Кирилла Белозерского», созданный при жизни святого. Главный храм, Успенский собор в Кириллове, был построен в 1497 году. Храмовую икону «Успение Богоматери», возможно, написал Андрей Рублев. Ферапонтов монастырь основал инок московского Симонова монастыря Ферапонт, пришедший вместе с Кириллом в 1397 году на Белозерье. Со временем Ферапонтов монастырь стал центром русской монастырской книжности, оплотом ортодоксального православия, местом пребывания и ссылок известных священнослужителей, ученых, знаменитостей (митрополит Спиридон, реформатор Никон и другие). Кроме этого, Ферапонтов монастырь знаменит своими уникальными росписями, фресками, иконами, выполненными Дионисием (1440–1502) и его сыновьями Феодосием и Владимиром. Все уникальные фрески интерьера собора созданы в соответствии с особым державным стилем и ритмом, созданным Дионисием. Иконы Ферапонтова монастыря отличаются изысканной простотой и утонченностью живописи. Многие из них находятся в музеях Белозерска, в Третьяковской галерее и в Русском музее. Фрески для собора Рождества Богородицы Дионисий выполнил незадолго до смерти. Это его песнь в красках, прославляющая добро и красоту и **символизирующая расцвет культуры и искусства Руси в период утверждения ее могущества и формирования государственности** [Иванова 2014: 67–70].

Этот культурологический потенциал в романе не использован в соответствии с упомянутым замыслом «неисторического романа». И можно было бы не упрекать в этом автора, если бы все его читатели были в курсе того историко-культурного фона, о котором сказано выше. К сожалению, это не так, даже очень не так, если иметь в виду среднестатистического читателя. А поэтому, прочитав роман, этот читатель получит, во-первых, искаженное и десакрализованное представление о феномене русского юродства, а во-вторых, что

еще хуже, в известной степени может быть инфицирован болезнью, именуемую «комплексом национальной неполноценности». Что же касается зарубежного читателя (роман переведен на многие языки), то он, в силу непрекращающейся уже несколько столетий антироссийской и антирусской пропаганды, изображающей русских людей непредсказуемыми агрессивными варварами, получит дополнительные аргументы в пользу такого взгляда на русский народ. Таким аргументом, в частности, является и самый конец романа, когда при огромном стечении народа Лавра (последнее имя главного героя) хоронят согласно такому его завещанию: *Когда я покину мое тело, им же согрешил есмь, не церемоньтесь с ним особенно. Привяжите к ногам веревку и тащите его в болотную дебрь на растерзание зверям и гадам. Вот собственно все. <...> Это мое завещание, говорит Лавр. И его следует выполнить* (с. 433).

И завещание Лавра было с рыданиями и молитвой выполнено. Оказавшийся очевидцем этих похорон купец Зигфрид из Данцига говорит русскому купцу Аверкию: *Что вы за народ такой. Человек вас исцеляет, посвящает вам всю свою жизнь, вы же всю его жизнь мучаете. А когда он умирает, привязываете ему к ногам веревку и тащите его, и обливаетесь слезами.*

Ты в нашей земле уже год и восемь месяцев, отвечает купец Аверкий. А так ничего в ней и не понял.

А сами вы ее понимаете, спрашивает Зигфрид.

Мы? Купец задумывается и смотрит на Зигфрида. Сами мы ее, конечно, тоже не понимаем (с. 440–441).

Не удивляет недоумение Зигфрида, так как известно, что как «Иван-дурак, которому всегда суждена победа», не имеет аналогов в западноевропейском фольклоре, так «равным образом и юродивых не знал католический мир» [Панченко 1999: 396]. А вот последняя фраза романа, принадлежащая формально купцу Аверкию, не может не быть нагруженной идеей автора романа. Возникает вопрос: какой идеей? По этому поводу можно только гадать, в том числе предполагать в подтексте ироническое отношение автора к описанному выше акту православной религиозности как к проявлению фанатизма и «нецивилизованности». Хотя это противоречит суждениям самого Е. Водолазкина, который в интервью Марине Токаревой на вопрос «Что для вас самое важное в герое?» отвечает: «Может быть, то, что этот человек стал чужим по отношению к самому себе, стал кем-то другим, и не однажды, а многожды. Юродство – чрезвычайно высокий подвиг, и вот почему. Отшельник уходит от мира для служения

Богу, зачеркивает для себя мир, чтобы остаться с Богом. Юродивый же зачеркивает не только мир, он зачеркивает собственную личность, теряет ее, самоуничижается до крайних степеней» [Токарева 2013]. А выдающийся русский историк В.О. Ключевский отмечал, что «в таком смирении до самоуничижения Древняя Русь видела практическую разработку высокой заповеди о блаженстве нищих духом, которым принадлежит царствие божие» [Ключевский. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch41.htm>].

Между прочим, и смерть, и похороны героя романа имеют исторический прецедент. Известный русский святой Нил Сорский, скончавшийся 7 апреля 1508 года, в своем предсмертном завещании ученикам просил «бросить его в пустыне – в пищу зверям – или закопать его в яму с презрением». Он писал: «Оно (тело. – А. С.) тяжко согрешило перед Богом и не достойно погребения, – а затем добавил: Сколько в моей силе было, старался я не пользоваться никакой честью на земле, в этой жизни; так пусть будет и по смерти» [Житие... URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nil_Sorskij/]. По этому поводу Е.В. Романенко пишет: «Просьба Нила Сорского к братии своего скита бросить его тело без всякого погребения или без чести сродни духовному состоянию Ефрема Сирина, выраженному в его завещании. Редкое, даже в среде монашества, “Завещание” Нила Сорского (подобные примеры, кроме “Завещания” Ефрема Сирина, можно найти только в древних житиях Арсения и Антония Великих) должно было произвести потрясающее впечатление на иноков Нилова скита. И в то же время оно еще раз ярко высветило главную черту духовного образа основателя монастыря – глубочайшее сознание своего недостойнства, которое особенно роднило его с личностью древнего святого – преподобного Ефрема» [Романенко. URL: <http://predanie.ru/romanenko-e-v/book/216358-nil-sorskiy-i-tradicii-russkogo-monashestva/>].

Такому православному максимализму можно удивляться и даже изумляться, но вряд ли стоит над ним иронизировать. Тем более не следует давать повод к восприятию сакральных текстов в ироничном или пародийном ключе. Рассмотрим два фрагмента:

1. [Из описания смерти юродивого Фомы] ...*Проследив, чтобы все было записано, юродивый Фома закрыл глаза и умер. Затем он открыл на мгновение глаза и добавил:*

Постскриптум. Пусть Арсений имеет в виду, что его ждет монастырь аввы Кирилла. Все.

Сказав это, юродивый Фома умер окончательно (с. 357).

Этот эпизод не требует комментария.

2. *Фома подбежал к реке и попробовал воду большим пальцем ноги. Сокрушенно покачав головой, он также ступил на воду. Арсений и завеличские молча наблюдали, как юродивые шли один за другим. Они слегка подпрыгивали на волнах и смешно махали руками, удерживая равновесие.*

По воде они, стало быть, только ходят, сказали завеличские. А бегать пока еще не научились.

На середине реки юродивый Карп остановился. Дождавшись юродивого Фомы, он с размаху ударил его по щеке. Звон оплеухи долетел по воде до стоявших на берегу.

Имеет право, развели руками завеличские. Это уже его территория (с. 195–196).

В научной литературе рассказывается о таком прецеденте: «Здесь (в Великом Новгороде. – А. С.) буйствовали в 14 веке Никола (Кочанов) и Федор, пародируя своими драками кровавые столкновения новгородских партий. Никола жил на Софийской стороне, Федор на Торговой. Они переругивались и перебрасывались через Волхов. Когда один из них пытался перейти реку по мосту, другой гнал его назад: “Не ходи на мою сторону, живи на своей”. Легенда прибавляет, что после таких боев блаженным случалось возвращаться не по мосту, а прямо по воде, яко по суху» [Федотов 1990: 203]. В появлении такой легенды нет ничего удивительного: ведь юродство воспринималось и почиталось как «способ подражания Христу». Однако неискушенный читатель, не зная вышеописанного прецедентного текста, соотнесет это место (если вообще соотнесет с чем-либо) с евангельским рассказом о хождении Иисуса Христа по воде (Евангелие от Матфея, гл. 14, п. 25–33). В любом случае контекст цитируемого фрагмента романа организован таким образом, что воспринимается либо как ироничный, либо как пародийный.

Заключение. Анализ романа «Лавр» вне всего творчества писателя не дает оснований утверждать, что он создавался с русофобскими намерениями. Однако:

1) стилистические экивоки в духе постмодернизма в изображении юродивых способствуют десакрализации юродства как особенного и почитаемого явления в истории русского православия, что порождает противоречие между декларируемой Е. Водолазкинским позицией православного человека и текстом его романа;

2) одностороннее негативное изображение нравов русских людей второй половины XV начала XVI века при исключении позитивного исторического фона наводит читателя, не отягченного

знаниями истории и культуры своего Отечества, на неутешительные выводы относительно своей страны и своего народа, а иностранному читателю, недоброжелательно относящемуся к русским, дает аргумент для укрепления своего русофобского настроения;

3) русскому писателю, стоящему на гражданских позициях ответственности за свое слово, не стоит забывать, что мы живем в эпоху информационно-психологических войн, ведущихся против России и русской цивилизации, а значит, не следует давать повода использовать свое писательское слово против своей страны.

3.7. Семья как мишень информационно-психологической войны

Введение. Рубеж XX–XXI веков необычайно остро предъявил миру проблему взаимодействия человека с обществом как проблеме субъекта. Стремившийся постоянно к обретению свободы, что служит необходимым и достаточным условием его становления как субъекта общественных отношений, человек все более и более наделяется качествами их объекта, подчиняясь логике цифрового кода и практикам манипуляции сознанием. Человек становится конструируемым и, следовательно, предсказуемым и ведомым, что в конечном итоге не способствует развитию общества. Одним из наиболее эффективных инструментов «создания» человека-объекта выступает язык средств массовой информации и коммуникации. Исследовательский интерес философии к нему направлен, прежде всего, на осмысление природы языка как системы знаков, связанной с деятельностью человека, его мышлением и сознанием [Кузнецов 2013]. Иными словами, философский анализ языка ориентирован на описание мира через призму отношений конкретного способа мышления с языком. Поэтому язык представляется как некое связующее звено между *природой человека и поисками им смысла своего предназначения в познаваемом мире*, когда язык «обеспечивает преемственность смысла и только потом реализует себя в речевых практиках, оживляющих языковые семантические коды» [Кребель 2002: 121]. При таком понимании языка и возникает потребность в осмыслении

формирующегося сегодня «дизайна» языка массмедиа в России, который даже при первом приближении к его рассмотрению наводит на мысль о необходимости защиты русского языка как основополагающего компонента многовековой культуры народа.

Русский язык средств коммуникации и информации наполняется элементами других языков (от естественных до искусственных), доминирующими среди которых выступают англицизмы не только в форме интернет-символов с их изначально англоязычной семантикой, но и в содержании медиаобразов. Англицизмы в их американской интерпретации присутствуют повсюду на экране – в публичных представлениях государственных и общественно-политических деятелей, представителей «индустрии грез», названиях повседневных событий и вещей.

Ни для кого не секрет, что язык тесно связан с его обладателем и носителем – человеком, как способ его *явления* миру, поскольку «существо языка как жилище человеческого существа» [Хайдеггер 1993: 203]. Однако язык, заключенный в образы, становится неким «слабым звеном», его содержание заменяется зрелищностью формы, и, как результат, формируется особая языковая мода со своими законодателями в виде «героев нашего времени» на экране, не отягощенными языковой культурой и тиражирующими потоки семиотических ошибок. Обусловлено это не только и не столько процессами глобализации, ведущими к «становлению глобального коммуникационного пространства, которое оказывает существенное влияние на все стороны жизни общества, отдельного человека, на культуру и на язык как одну из важнейших форм культуры» [Миронов 2006: 27], сколько отношением самого общества к языку, который одновременно, отражая уровень его общей культуры, мыслительную и духовную деятельности, задает в общественном и индивидуальном сознании смыслы и влияет на характер взаимоотношений общества и человека. Ведь только человек говорящий, мыслящий и творящий способен, осмысливая и придавая значение миру, сознательно осуществлять выбор языковых средств для его описания и принимать решения о своих поступках. Все сказанное вполне применимо к анализу основного языка современности – языка образов массмедиа.

Трансформации современного языка обсуждаются не только представителями научного сообщества различных отраслей (В.Г. Кузнецов, Е.С. Кубрякова, А.Н. Портнов, В. Руднев, А.П. Сквородников, В.И. Шаховский и др.), но и государственными, политическими, религиозными и общественными деятелями

(В.В. Жириновский, патриарх Кирилл, С.В. Лавров, С.М. Миронов, В.В. Путин, В.Р. Соловьев и др.).

Цель статьи: показать статус языка образов экрана как метаязыка настоящего времени и одного из наиболее эффективных инструментов информационно-психологической войны. В соответствии с поставленной целью можно сформулировать и задачи данной статьи: показать природу образа экрана, позволяющую ему обрести статус метаязыка; провести анализ типичных образов и доказать, что образ экрана – инструмент современной информационно-психологической войны.

Методы исследования, дополненные национальной программой культуры понимания [Франк 1909: 324], определяются основными стратегиями герменевтики [Бахтин 1979; Гадамер 1988; Кузнецов 2010; Мотрошилова 2003]. Методологический герменевтический стандарт основан на понимании смысла текста как отношения сознания к реальности вообще. Однако воспринимающий текст человек выявляет интересующие его характеристики и порождает смыслы через интерпретацию. Смыслы обусловлены социокультурным контекстом времени и спецификой как воспринимающего, так и воспринимаемого. Под текстом в данной статье понимается все, что «обладает... возможностью (про)чтения... то, что может кем-либо когда-либо быть прочитанным» [Анкин 2003: 18].

Материалом для исследования выступают сообщения «героев нашего времени», зафиксированные образами телевизионных сериалов канала «Россия 1».

Результаты исследования. Образ экрана достаточно специфичен и неоднозначен по своей природе, воплощая в себе эффект *видения* реальности на расстоянии. Однако эта реальность актуальной не является в полном смысле, поскольку факт ее фиксации камерой есть некий опыт тех или иных людей, которые его осуществили. Образ массмедиа порожден творческим интеллектом человека с использованием возможностей современных электронной техники и технологий массовой коммуникации, созданных им же (человеком) [Прилукова 2011: 148–149]. Иными словами, он – *результат деятельности человека*, связанный с ее специализацией и расширением в недрах актуальной реальности, которой стремится соответствовать в качестве некоего ее семиотического аналога, ибо знаковость охватывает по существу весь мир, приспособленный человеком для жизнедеятельности [Лотман 1999]. Заключение в вербальной и визуальной формах реальность в экранном образе представляет собой

не что иное, как специфический знак и символ ее репрезентации. Образ «считывается» глазом и быстро проникает в сознание человека, поскольку привлекателен своей яркостью и динамичностью. Он предлагает увидеть картину того или иного события в полном объеме, как с высоты птичьего полета, обращая при этом внимание на конкретные моменты события при помощи перемещающегося «глаза» камеры, специальных эффектов и голоса или молчания в кадре и за кадром. Таким образом, происходит «продвижение» перцептивных данных в сознание — от видения глазом к когнитивной репрезентации информации о мире. Представления воспринимающего о воспринимаемом развиваются, и обыденные репрезентации мира приобретают статус здравого смысла. Постепенно граница между миром реальным и миром на экране «размывается» — эффект видения реальности замещается ее симулякр с обликом достоверности. В результате на месте актуальной реальности оказывается потенциальная или виртуальная, когда порожденные объекты взаимодействуют с порождающими их на равных правах в онтологическом плане. Более того, виртуальные объекты постепенно начинают обретать статус эйдосов (греч. *eidos* — вид, образ, образец) Платона как форм, существующих отдельно от единичных вещей в качестве их определяющего и порождающего начала [Платон 2007].

Создавая симулякр реальности, современное телевидение, заключив в себя последние технические достижения и «проникая» к каждому в его дом, фактически не позволяет зрителю принимать участие в осмыслении реальности, оно само ее творит, ибо, «включая телевизор, зрители... оказываются в поле телевидения, вмешаться в которое, очевидно, не в их силах...» [Вирильо 2004: 117]. В силу своей массовости оно максимально упрощает содержание реальности — понятно должно быть всем смотрящим на экран. Картина мира *формируется* в соответствии с правилами создания знаков и символов экрана и *форматируется* зрителем не столько по своему усмотрению, сколько *в соответствии* с общепринятой логикой экрана «как все». Теперь «быть» становится синонимом показаться на экране [Бурдье 2002: 25]. Потребности и ценности общества интерпретируются и переинтерпретируются в безграничном многообразии телевизионных текстов, привнося все новые смыслы в понимание мира и предлагая стандарты не только внешнего вида, но и мышления. Постепенно язык телевизионных образов становится метаязыком повседневности, и предлагаемая им металингвистическая модель мира редуцируется к его экранной репрезентации. Человек

погружается в среду образов экрана как в свою собственную среду обитания – он «проживает» в них.

Образы экрана в эпоху «всевидающего» ока реагируют на изменения, происходящие в обществе, являясь при этом его частью, следовательно, изменяются вместе с обществом. Они оказывают существенное влияние на общество, и именно это влияние имеет отдаленные последствия в силу их эмоциональной окрашенности и привлекательности. Внешний вид, слова из уст героев и решающие проблему поступки запоминаются быстрее и дольше сохраняются, оседая в пластах бессознательного, поскольку не всегда вызывают понимание, которое требует времени на осмысление. Формируется новое – неустойчивое и динамичное – семантическое пространство языка экрана, зачастую не совпадающее с концептосферой языка народа, что сказывается на когнитивной деятельности личности. Сочетание видеоряда и текста в демонстрируемом массмедийном поведении приводит к формированию «другой языковой личности» [Сиротинина 2009] с другим мировосприятием и мировоззрением; ее языковой ландшафт характеризуется, с одной стороны, огромным разнообразием знаков и символов различных языков преимущественно в визуальной форме, с другой – «смертью» слова в его привычном понимании. Все это создает благодатную почву для развертывания информационно-психологических войн.

Многогранность и сложность понятия информационно-психологической войны и отсутствие его универсального определения в словарях и справочниках, несмотря на интерес многих авторов к данному феномену, требуют некоторого его уточнения. В данном исследовании под ней будет пониматься *система действий сторон (не всегда открыто противостоящих друг другу), направленных на намеренное разрушение социокультурных оснований путем трансформации в сознании индивида и общества их когнитивной картины мира, смены их эмоционально-оценочного отношения к фундаментальным понятиям и традиционным представлениям, составляющим духовные основы народа*. Безусловно, данное определение не претендует на признание его бесспорности и предполагает дальнейшее развитие, поскольку информационно-психологические войны стали характерной чертой повседневности не только по причине развития техники и технологий информационного общества, но и как следствие становления общества глобального рынка и тотального потребления.

В информационно-психологических войнах используются различные средства доставки информации, одним из них с уверенностью можно назвать такой вид продукции телевидения, как современный сериал. Он практически всегда отказывает зрителю в возможности поразмышлять, все уже продумано за него и конструируется по четким правилам жанра эпохи дня сегодняшнего, обращаясь в подавляющем большинстве случаев к чувствам. Несмотря на зафиксированную тенденцию отказа от времяпрепровождения у экрана телевизора, в среднем жители Российской Федерации проводят около него 223 минуты в сутки (Телекомпания «Мир»), каждая третья просматриваемая программа – телевизионный сериал.

Обычно на производство одного телевизионного сериала в стандартные 16 серий, что продиктовано *потребностями рынка*, тратится месяц-полтора. Затем начинается его «самостоятельная жизнь», как правило, с продолжением. Слово в телесериале «подавляется» картинкой визуального ряда: оно практически не нужно, поскольку все разговоры в основном одних и тех же и об одном и том же – о работе и любви, – картинки меняются значительно чаще (новая встреча, новая машина, новая квартира, новый маникюр, новый муж и т. п.). В речах героев отмечается обеднение лексикона и фразеологических ресурсов, отсутствие владения многозначностью, немотивированная замена русских слов иностранными, употребление жаргонизмов, криминальных метафор и т. п. Герои не отягощены красноречием – они действуют, книг не читают – они постоянно *«действуют»*.

Из богатого арсенала телевизионных сериалов зрители отдают предпочтение детективам и криминальным драмам, действие которых разворачивается в настоящее время (83 %) [Ачкасова, Суанова 2017]. Хотя сегодня довольно трудно отличать один жанр телесериала от другого, потому что обычно происходит их смешение; например, одно из последних произведений канала «Россия 1» «Склифосовский» (2012, реж. А. Селиванов) не попадает под четкое описание какого-либо одного жанра, как и многие другие. В нем можно встретить элементы мелодрамы, комедии, трагедии и криминальной драмы. Вместе с перемешиванием жанров можно наблюдать и перемешивание смыслов, когда за 40–45 минут демонстрации серии, неоднократно «разрезаемой» рекламными вставками со своими сюжетами, зрители вместе с героями «проживают» встречи, любовь, радости и потери самых близких людей, приглашаются за покупками и в путешествия, лечатся «вмиг снимающими боль» препаратами и т. д.

В образах сериала можно найти смыслы, прямо противоположные, но не открыто демонстрируемые; так, семья заменяется случайными связями на работе, главные действующие лица, отстаивая справедливость или защищая человека, оказываются в серьезном конфликте с законом и успешно разрешают его, опять-таки конфликтуя с законом. Все это довольно четко вписывается в характеристики эффективных инструментов «мягкой» силы, применяемых в стратегии и тактике ведения информационно-психологических войн.

Причем удары в этих войнах все чаще наносятся не по противнику, а по самим себе, по своим основополагающим ценностям – жизнь, любовь, семья, справедливость, достоинство человека, уважение другого и т. п. Следовательно, само общество в лице своих массмедиа становится своим собственным врагом, разрушает само себя. Именно ценности, занимая важное место в структуре личности, во многом определяют направленность поведения человека, содержание его социальной активности и общее отношение к миру, себе и другим. Поэтому изменение ценностей и ценностных ориентаций влечет за собой изменение себя в обществе и отношение к нему [Мотрошилова 2010].

Важное место в системе ценностей занимает семья как компонент социального бытия и становления человека. Сегодня она стала мишенью в информационно-психологической войне. Безусловно, в обществе постиндустриальном неизбежны изменения в отношении семьи в результате переоценки ее ценности как на основе переоценки ценностей современного мира, так и на основе развития высоких технологий коммуникации. Ценностный статус семьи изменяется – она стала неустойчивой и «прозрачной» для публичной сферы, но при этом не изжила себя. Обращение к образам телевизионных сериалов позволяет высказать мнение, что в их содержании семья стала лишним компонентом для стремящейся к успеху и признанию личности. Кроме того, в телевизионных сериалах наших дней образ женщины наделяется чертами «мужской» линии поведения – стремление к карьерному росту и финансовой самостоятельности, равенство с мужчинами, переходящее порой в превосходство над ними в решении сложнейших проблем («Жена полицейского», 2017, реж. А. Соловьев; «Следствие любви», 2017, реж. А. Мармонтов и др.).

Обратимся непосредственно к содержанию нескольких конкретных образов современного телевизионного экрана на примере наиболее часто повторяемых детективных сериалов.

Одним из культовых «долгожителей» на российском канале оказались «Тайны следствия» – 1–17 сезоны (2000–2017, реж. А. Бурцев, И. Макаров, М. Вассербаум, А. Богданов, Н. Шабанова, О. Кандидатова, В. Шевельков и Е. Баринов), и уже запланирован 18-й сезон. Фильм присутствует на экране канала «Россия 1» практически весь календарный год.

Сюжет телесериала достаточно прост: из одной серии в другую, от сезона к сезону главная героиня – следователь Мария Швецова – стоит на страже закона, успешно раскрывая сложнейшие преступления, забывая о себе и своих близких. На первый взгляд, выглядит все вполне благополучно: у молодого следователя есть семья (муж и сын). Однако семейная жизнь не складывается, и семья распадается. М. Швецовой постоянно приходится делать выбор между *своей* семьей и *своей* работой, и этот выбор чаще всего оказывается не в пользу первой. Даже в ожидании рождения дочери героиня при исполнении.

Общение с детьми и мужем часто сводится к контрольным звонкам по телефону или обсуждению рабочих вопросов и, несомненно, включает рабочую лексику. Приведу типичные примеры этого общения.

Из диалога М. Швецовой с дочерью:

– Мама, ты придешь к нам, или опять кого-нибудь грохнут?

– Что за выражения?

– Ну, замочат.

– Будем надеяться, что никого не грохнут и не замочат. А это что?

– Шпаргалка. Не могу же я все знать.

– А больше ни на чем нельзя было написать?

– Нет. Никаких бумаг, кроме твоих «обвиниловок», в доме нет (форум «Тайны следствия», 2018).

В приведенном фрагменте достаточно отчетливо просматривается «рабочая» атмосфера в семье, когда социальные роли матери и жены подавляются профессиональной ролью следователя. Дом «живет» ее работой – даже другой бумаги, кроме «обвиниловок», в нем нет.

Любящий муж, приходя на работу к своей жене и собираясь совместно провести время, разговаривает с ней с использованием преимущественно «производственной» лексики («подозреваемый», «обвиняемый») и вовлекается в производственный процесс (необходимо сделать звонок по просьбе супруги).

– *Подозреваемый Луганский по вашему приказу прибыл!.. Свидание в прокуратуре... интересно... Но ты домой заходи. Я там иногда бываю.*

– *Я бываю дома. Но ты в это время спишь. Или прикидываешься. Ладно. Ты же английский знаешь?*

– *Все познается в сравнении: по сравнению с тобой – да, но хуже, чем Барак Обама* (форум «Тайны следствия», 2018).

В 15-м и далее сезонах общение супругов все больше перемещается в виртуальное пространство – М. Швецова постоянно в работе. Опосредованная техническими средствами коммуникация характерна для героини в общении с близкими.

Луганский (переехавший в Москву):

– *Ко всем моим коллегам переехали их жены. Мне даже как-то неловко...*

– *Тебе должно быть ловко* (форум «Тайны следствия», 2018).

В уверенном и «железном» голосе героини присутствуют ноты раздражительности, когда звонки приходятся на время работы, что говорит об «атомизации» членов семьи.

Аналогичных мнений в отношении семьи придерживаются и коллеги главной героини. Из небольшого диалога И.И. Беляева, не вписывающегося в целом в ритм современности, с оперативным работником Л. Кораблевым можно увидеть их (коллег) отношение к семье.

– *Я вас очень прошу, встаньте со стола. Дома у себя вы так не сидите.*

– *А у меня, между прочим, дома стола нет. У меня койка и сейф для пистолета.*

– *Так вы не женаты?*

– *Нам с котом еще баб только не хватало* (форум «Тайны следствия», 2018).

Женщина обозначается пренебрежительно произносимым «баба». На протяжении всего фильма оперативник заботится о коте.

Эти небольшие фрагменты речей героев сериала отражают достаточно ярко их индивидуализм и гедонистические ценностные ориентиры, исключение составили лишь представители старшего поколения – супруги Беляевы, недолго присутствующие в фильме.

Более того, в огромном массиве образов «Тайн следствия» практически не встречается образ семьи, позволяющий увидеть в ней ценность. Наоборот, семья мешает работе, она порождает проблемы и таит угрозы, например, в 12-м сезоне сериала опытный «майор

Винокуров» покидает своих коллег по причине распада семьи. Работник должен быть постоянно на своем рабочем месте, ему ничто не должно мешать на пути к успеху.

На протяжении всех 17 сезонов Мария Сергеевна стремилась к справедливости и служила закону, лишь в заключительной серии 17-го сезона она признается себе и своим детям, что у нее есть главное – семья и она не одна. Тем не менее при доминировании фона семейного благополучия образ главной героини телесериала и ее коллег явно манифестирует «вторжение» в общественное сознание мысли об отказе от семьи. На первом месте – свобода, карьера и успех.

Обсуждение результатов. Язык телевизионного сериала, несмотря на свою специфику, как и любой другой язык, предлагая модель семьи через образы своих героев, лишает возможности зрителя *представить* семью как один из основополагающих социальных институтов, поскольку ее – иное – представление уже предложено экраном, и, следовательно, зритель утрачивает возможность познавать реальность как мир «вещей самих по себе». Таким способом человек постепенно возвращается к мифологическому мировоззрению, когда мысли-сообщения, мысли-размышления и мысли-сомнения вытесняются диктатом мыслеустанавливающей «картинки» экрана. Мир, упрощенный языком ярких образов телевизионного сериала, постепенно ведет к утрате укорененности человека в культуре. В общество незаметно привносится проект понижения нравственного и интеллектуального уровня человека с его же добровольного согласия.

Язык телевидения требует пристального внимания, потому что играет важную роль в формировании культурно-исторического опыта конкретного народа и универсалий культуры, имеющих не только единую сущность, но и национальное воплощение [Амбарова 2010: 154]. Важно напомнить, что любая культурная универсалия, зафиксированная языком образов, вполне оправданно может быть определена и как языковая универсалия, приобретающая свое значение в процессе ее «прочтения» и интерпретации. При этом образ экрана не отягощен конкретным денотативным значением, он наполняется символами и обретает коннотативные значения, которые обладают идеологической нагруженностью [Барт 2003]. В силу своей природы образ кодирует реальность по своему усмотрению, становясь метакодом ее текстов, и программирует человека.

Заключение. Образ телевизионного сериала, приобретая статус метаязыка современной эпохи, ведет к незаметному «ускользанию» реальности от человека и подмене одних ценностных ориентиров

другими. В его содержании важно не то, в результате *чего* он создан, а *кем* он создан и *к чему* отсылает. Он способен конструировать иную реальность, которая значительно лучше той, в которой пребывает человек, и замещает ее. Благодаря безудержному тиражированию образов экрана вербальный компонент текста «умирает» и утрачивает свой когнитивный потенциал – мысль замирает. В связи с этим особую важность приобретают субъекты, создающие и тиражирующие образы. Следовательно, нарастает необходимость расширения проблематики исследований медиаобразов как особого языка, количество и технологии производства которых будут неуклонно возрастать. Особое внимание следует обратить на их содержание, потому что любое сообщение должно строиться с учетом культурно-исторических условий и традиций развития общества. В противном случае возникнет угроза существования самому обществу.

3.8. Дискурсивные стратегии легитимации однополых браков в российском медиапространстве

Введение. В настоящее время в российском гражданском обществе делаются попытки легитимации официальных однополых браков. Данная публикация посвящена описанию дискурсивных стратегий и средств такой легитимации.

На основе публикаций в таких СМИ, как «Эхо Москвы», «Сноб», информационных порталов «sobaka.ru» и «proza.ru», а также материалов известных блогеров (см. табл. 1) рассматривается то, каким образом российское общество пытаются постепенно подвести к приятию нетрадиционной формы брачного союза, делая это таким образом, чтобы в какой-то момент казавшееся абсолютно неприемлемым в силу глубоких социокультурных причин незаметно стало нормальным, будучи умело встроено в самые традиционные и стабильные контексты.

В социологии существует широко известная теория поступательного внедрения в массовое сознание первоначально совершенно неприемлемых идей – это так называемое Окно Овертона.

В 90-е годы XX столетия американский социолог Дж. Овертон предложил модель для оценки суждений по степени их приемлемости для открытого политического обсуждения. Суть теории сводится к тому, что в любом обществе существует определенная шкала мнений и оценок, применимых к любой идее, имеющей социально-политическую значимость. Согласно Дж. Овертону [Overton Window. URL: <http://www.mackinac.org/OvertonWindow>], на шкале последовательно расположены следующие оценочные вердикты: Немыслимо, Радикально, Приемлемо, Разумно, Стандартно, Действующая норма. Они могут следовать друг за другом и в обратном порядке – от Действующей нормы к последовательности Стандартно, Разумно, Приемлемо, Радикально, Немыслимо. В борьбе за мнение сообщества по той или иной проблеме на каком-либо конкретном временном этапе его развития никогда не задействована вся шкала оценок, а только ее небольшая часть, включающая близкие друг к другу аксиологические суждения, например Немыслимо – Радикально. Однако политический истеблишмент, используя дискурсивные технологии организации направленного воздействия посредством массмедиа, может постепенно сдвигать фокус на шкале («окно») от Немыслимо – Радикально (сегодня) к Радикально – Приемлемо (через год), доводя таким образом общественное мнение до нужного состояния притяия (или неприятия). Приведем в несколько сокращенном виде описание действия Окна Овертона так, как оно представлено в статье Джо Картера «Как легко разрушить культуру за 5 шагов» [Carter. URL: <https://www.firstthings.com/web-exclusives/2011/06/how-to-destroy-a-culture-in-easy-steps>] применительно к проблематике однополых браков (перевод наш. – А. К.).

Шаг первый: от Немыслимо к Радикально – тематика гомосексуальных отношений в устойчивых парах становится предметом научных дискуссий в рамках симпозиумов, конференций. Обыватель обязательно заинтересуется если не однополыми браками, то мнением ученых, но для политехнологов все равно, с какого «конца» загорится бикфордов шнур интереса к проблематике.

Шаг второй: от Радикально к Приемлемо – на этом этапе необходимо создание некоего эвфемистичного выражения, которое позволило бы говорить о проблеме, не нарушая общественного спокойствия, например, используя выражение «однополая любовь», которое сразу же окружает номинируемый феномен положительной коннотативной аурой слова *любовь*, ведь эросу в нашей культуре прощается многое.

Шаг третий: от Приемлемо к Разумно – нет ничего более разумного, как подчиниться какому-либо идолу, божеству. В американском обществе таким идиолом стал «индивидуализм» – я таков, какой я есть, каким родился. В контексте обсуждаемой проблематики подобный лозунг максимально соответствует стратегии «разумного» осмысления явления, еще недавно казавшегося абсолютно неприемлемым.

Шаг четвертый: от Разумно к Стандартно – на данном этапе важно персонализировать проблему, найти для нее узнаваемое «лицо». Каждый член общества стремится к высокой социальной оценке, к приятию себя другими. Если селебрити говорят о том, что они сторонники однополрой любви, и их любят, у них миллионы поклонников, значит, это нормально. Люди не будут обожать кого-то плохого. Стань как они, и ты тоже будешь модным.

Наконец, пятый шаг: от Стандартно к Действующей норме – здесь нужно начать с создания Комиссии по анализу общественного мнения в отношении обсуждаемой проблемы, а дальше предоставьте это дело политикам, и они доведут его до конца.

Возможно, подобная логика изложения представляет процесс утрированно, но общий вектор развертывания воздействия на массовое сознание задан, на наш взгляд, верно. Верно не только в силу субъективного исследовательского ощущения, но и в том числе потому, что выделенная последовательность шагов находит отражение в теории легитимации – направлении социально-дискурсивных исследований, получившем широкое распространение, прежде всего на Западе. К сожалению, в России само понятие легитимации, ее виды, когнитивно-социальная природа, способы ее дискурсивного осуществления (стратегии, тактики) остаются малоизученными.

В данной публикации мы ставим перед собой цель проследить смену стадий, видов легитимности и стратегий легитимации однополрых браков в отечественных оппозиционных СМИ в период с 2010 по 2017 год. Исследовательская гипотеза состоит в том, что последовательность видов и стратегий легитимации в медиадискурсах на протяжении данного периода повторяет в общих чертах траекторию движения Окна Овертона.

Методология исследования базируется на теории легитимации, основы которой были заложены в американской социологии (М. Сачман, К. Джонсон, П. Толберт и Л. Зукер), а затем детализированы в теории дискурсивной легитимации в работах Т. ван Левена, Э. Ваара, Дж. Тьенари.

Таблица 1

Материал и методы

В качестве материала исследования мы используем следующие издания и тексты:

№	Год	Название материала	Автор	Издание, URL
1	22.07.2010	Ошибка природы	Георгий Янс	«Эхо Москвы», https://echo.msk.ru/blog/yans/697310-echo/
2	16.02.2013	Почему в России не будут разрешены однополые браки	Михаил Комаров	«Эхо Москвы», https://echo.msk.ru/blog/mp_komarov/1013120-echo/
3	12.11.2013	Экс-священник Артем Вечелковский: Я гей, но Бога не интересуется, с кем я сплю	Артур Соломонов	Журнал «Сноб», https://snob.ru/selected/entry/120444
4	11.11.2014	Ира Шумилова и Алена Фурсова: «Нам важно было заключить брак именно в нашей стране, в России»	Михаил Стацок	Портал «sobaka.ru», http://www.sobaka.ru/city/city/30213
5	30.07.2015	Однополая Россия: Как нам легализовать гей-браки	Станислав Белковский	Газета «Московский комсомолец», № 26872
6	06.04.2017	«Мы с флагом не ходим, мы просто живем». Как в России вступают в однополые браки	Анна Алексеева	Журнал «Сноб», https://snob.ru/selected/entry/122872
7	20.08.2017	Чем вам однополые браки не угодили? Я лично не против	Блогер Варламов	https://varlamov.ru/2520989.html

С точки зрения Марка Сачмана [Suchman 1995], социолога и специалиста по менеджмент-коммуникации, легитимация в самом *общем смысле* – это процесс, посредством которого некоторый феномен начинает восприниматься в социуме как желаемый, приемлемый, соответствующий его системе норм, ценностей и убеждений. Иными словами, это процесс, обеспечивающий постепенное приятие сообществом некоторого объекта или феномена [Deerhouse, Suchman 2008].

Дискурс-аналитики рассматривают легитимацию в более *узком смысле* как разновидность дискурсивной стратегии, состоящей в конструировании чьей-либо легитимности или нелегитимности [Fairclough 2003; Vaara, Tienari 2008] посредством такого описания действий объекта легитимации, которое непротиворечиво и естественно «встраивает» их в систему существующих ценностей сообщества [Francesconi 1982]. Легитимировать – значит сконструировать в дискурсивном пространстве социума положительный образ себя и суметь этот образ донести до большинства его членов [Screti 2013].

Вслед за М. Сачманом [Suchman 1995: 574–579] исследователи выделяют у феномена легитимности *три аспекта*: прагматический, моральный и когнитивный. *Прагматическая легитимность* строится на учете интересов целевой аудитории, обнаруживающихся при непосредственных контактах с ней представителей организации / социального института, желающих изменить отношение к себе и/или своим услугам, продуктам. *Моральная легитимность* опирается на мнение основных «игроков» на рынке или в политическом истеблишменте относительно того, можно ли считать «правильным» то, что является объектом легитимации. *Когнитивная легитимность* глубоко фундирована в разделяемых всеми членами общества культурно-обусловленных моделях поведения. В поисках такой легитимности заинтересованные стороны должны доказать, что сущностные характеристики объекта легитимации (нового продукта, политического решения или социального института) не идут вразрез с константными базовыми культурными моделями социального коллектива.

Такая трехмерная модель позволяет исследователям рассматривать, описывать и сравнивать стратегии достижения (1) прагматической легитимности, (2) моральной легитимности и (3) когнитивной легитимности.

В свою очередь, процесс легитимации, будучи рассмотрен в динамике, проходит, согласно П. Толберт и Л. Зукер [Tolbert, Zucker

1996: 181], три стадии: (1) *стадию теоретизации* – распространение знаний о полезности нововведения, его технических характеристиках, экономической рентабельности, а также признание адекватности инновации в качестве выхода из какой-либо непростой ситуации; (2) *стадию продвижения* нововведения – создание в обществе позитивного отношения к инновации преимущественно за счет умелого включения ее в ценностную картину мира сообщества посредством искусной медиаполитики, поддержки государства и общественных институтов; (3) *стадию окончательного укоренения* инновации, когда новшество становится естественной частью общего социального контекста и не вызывает уже более ни отторжения, ни протестов. Каждая из перечисленных стадий опирается на один или несколько видов *легитимности*: стадии теоретизации и продвижения – на прагматическую и моральную легитимность, соответственно; стадия укоренения – на когнитивную легитимность [Greenwood et al. 2002].

В связи с различными аспектами легитимности и стадиями процесса легитимации в социальных науках встал вопрос о том, какими средствами, прежде всего вербальными, они реализуются на практике. Свой ответ предложил лингвист, известный дискурс-аналитик Т. ван Левен [Van Leeuwen 2008], выявив четыре основных *дискурсивных стратегии легитимации*, каждая из которых включает несколько субстратегий.

(1) **Стратегия апелляции к авторитету** предполагает привлечение социального ресурса, внешнего по отношению к сфере, которой принадлежит объект легитимации, и реализуется при помощи следующих субстратегий: (а) апелляция к личному авторитету человека, имеющего высокий социальный статус и значимую роль в обществе; (б) апелляция к авторитету эксперта, имеющего профессиональный опыт оценки феноменов и явлений из той же сферы, что и объект легитимации; (в) апелляция к авторитету модели поведения некоторой «модной» личности, деятельность которой, как правило, широко освещается в массмедиа; (г) апелляция к «безличному» авторитету некоторой структуры, общественного института, нормы («так по закону положено», например); (д) апелляция к авторитету традиции – это правильно, потому что мы так всегда делали; (е) апелляция к авторитету «большинства» – это правильно, поскольку все так делают.

(2) **Стратегия моральной оценки** локализует объект легитимации на шкале «хорошо – плохо» и опирается на следующие субстратегии: (а) оценочная субстратегия, для реализации которой

широко используются прилагательные, в семантике которых содержится оценочный компонент (*нормальный, естественный* и т. д.); (б) субстратегия абстрагирования, когда оценка объекта легитимации производится за счет обобщений более высокого уровня абстракции, например, раздельный сбор мусора – это правильно и необходимо, потому что это один из шагов к экологическому оздоровлению планеты; (в) аналогия – субстратегия, призванная обосновать необходимость приятия объекта легитимации, потому что он имеет некоторые свойства, сходные с характеристиками другого объекта, ценность и значимость которого неоспоримы и не подлежат сомнению.

(3) **Стратегия рационализации** призвана категоризировать и концептуализировать объект легитимации в когнитивном опыте целевой аудитории при помощи ряда логических операций (генерализации, включения и т. д.) и предполагает следующие субстратегии: (а) целевая субстратегия, строящаяся по формуле (где X-объект легитимации, а Y – более обобщенная социальная цель или категория) «Я делаю X для того, чтобы добиться/получить Y»; (б) инструментальная субстратегия, использующая формулу «Я достигаю Y при помощи X-а / благодаря использованию X»; (в) субстратегия, ориентированная на результат – «Y – это результат X-а» (например, город свободный от мусора, который легко и эффективно перерабатывается, – это результат раздельного сбора мусора); (г) «определение» – объект легитимации X определяется через призму некоторой другой социально значимой деятельности, категории (например, через категории гражданской ответственности, толерантности и т. д.); (д) «разъяснение» – объект легитимации X описывается в терминах оправданных и необходимых действий людей, работающих или действующих в той сфере, которой X принадлежит (например, некоторое решение правительства правильно, поскольку граждане поддерживают его, судя по письмам в редакции газет, интервью, результатам опросов общественного мнения); (е) «предсказание» – объект легитимации X помещается в будущий позитивный (в случае легитимации) или негативный (в случае делегитимации) сконструированный, как правило, от имени экспертов социальный контекст (принятие данной меры позволит в будущем...).

(4) **Мифопоэтическая стратегия** обращена к рудиментам мифопоэтического сознания человека и включает такие субстратегии, как: (а) поучительный рассказ, когда протагонист действует согласно социальной модели-объекту легитимации и получает за это награду; (б) апокрифический рассказ – протагонист действует вопреки

социальной модели-объекту легитимации, что приводит к чрезвычайно печальным последствиям; (в) повествование с одной ярко выраженной сюжетной линией – в фокусе внимания рассказчика оказывается лишь одна линия повествования, которая сопровождается однозначной оценкой и зачастую гиперболизацией (*миллионы людей по всей стране ждут...*); (г) символическое, или инвертированное, повествование, когда объекту легитимации приписывается некая символическая функция – быть знаком новой эпохи, нового времени и т. д.

Таким образом, в процессе анализа мы будем следовать диахронической логике и дедуктивному методу, двигаясь от общего к частному: от выделения видов легитимности, представленных в дискурсах, и стадий легитимации, которые в них отражены, к конкретным дискурсивным стратегиям легитимации, согласно классификации Т. ван Левена.

Анализ и интерпретация результатов. Начать рассмотрение мы бы хотели с наиболее раннего в нашей выборке дискурсивного фрагмента – это текст Георгия Янса «Ошибка природы» («Эхо Москвы», 2010).

В данном тексте можно заметить «следы», с одной стороны, **прагматической легитимности** – он строится как текст-реакция, текст-реплика на попытки представителей заинтересованной в легитимации стороны, однополой пары Ирины Шепитько и Ирины Фет, вызвать общественный резонанс, спровоцировать обсуждение проблемы в обществе. Стороны, по-разному оценивающие объект легитимации, начинают уточнение, конкретизацию своих «боевых позиций»: в тексте есть попытки классифицировать действия и мотивы пары с точки зрения гетеросексуала (*Цель таких заявлений проста – привлечь внимание к собственной ущербности*), категоризировать и само явление (*Однополые браки – это нонсенс*), что в целом соответствует целям прагматической легитимности. Подчеркнем, что для формирования прагматической легитимности важным является сам факт начала разговора о проблеме, инициации взаимного уточнения сторонами – социальной группой, продвигающей объект легитимации, ярыми противниками легитимации и остальной частью социального коллектива – своих позиций.

Однако налицо и зачатки **моральной легитимности** – однополым парам активно подыскивается ниша в ценностной картине мира сообщества. Хотя подобным бракам как таковым пока еще отказывают в каком-либо «ценностном статусе» (*Но официально такой союз в нашей стране, я надеюсь, не будет зарегистрирован никогда*), но в

отношении оценки морального статуса самих таких отношений просматривается важный сдвиг по шкале Радикально – Приемлемо. Автор развертывает свою аргументацию, используя в качестве точки отсчета некое «положение дел в прошлом»: *Гомосексуализм – ошибка природы, наказание божие. Назовите как угодно; Сегодня за это не наказывают*. Подобные отсылки к возможной множественности номинаций (*Назовите как угодно*), к противопоставлению мифического «когда-то» и «сегодня» (*Сегодня не наказывают*) формируют импликацию о том, что в прошлом подобные отношения оценивались как кара Господня, подлежали наказанию, но в самом анализируемом тексте уже отстаивается иная, более мягкая позиция. Ключевой пропозицией данного легитимирующего дискурса становится ОДНОПОЛЫЕ ОТНОШЕНИЯ – БОЛЕЗНЬ. Об этом свидетельствуют номинации, которыми данное явление обозначается автором: *аномалия, ошибка природы, своего рода болезнь, болезнь, ущербность*.

Интересна постепенность, с которой однополые пары оказываются в поле притяжения таких морально нагруженных концептов ценностной картины мира, как МИЛОСЕРДИЕ, ПОМОЩЬ, УЧАСТИЕ, ПРОЩЕНИЕ. Сначала в ход идет оценочно нейтральное и коннотативно бедное понятие «аномалия». Затем под прикрытием «коммуникативного ограждения» (*communicative hedging* в терминологии Дж. Лакоффа [Lakoff 1973]), позволяющего говорящему снимать с себя прямую ответственность за слишком прямолинейную категоризацию неоднозначного явления за счет употребления выражения-медиатора, придается некоторая условность факту приписывания X категории Y – *своего рода болезнь*. Наконец, при помощи аналогии автор завершает категоризацию – *болезнь, точно такая же, как алкоголизм или наркомания*.

Вокруг гомосексуализма выстраивается целое лексико-семантическое поле болезни, где есть характеристики «болезни» (*болезнь от рождения или приобретенная с годами*); гипонимы для родового термина (*как алкоголизм или наркомания*); предикаты, характеризующие отношение к больному (*пожалеть, посочувствовать, создать ему все условия: Гомосексуалиста можно пожалеть, посочувствовать, создать ему все условия, чтобы он не чувствовал себя ущемленным*), его терапию (*болезнь лечат*); номинации субъектов, переживающих болезнь (*инвалиды: Геи – это те же инвалиды*).

Все вышеописанные особенности развертывания дискурса легитимации в статье Георгия Янса являются признаками реализации журналистом **дискурсивной стратегии моральной оценки**

в рамках **субстратегии абстрагирования** – автор обращается к более широкой обобщенной категории болезни, дабы сформировать имплицитное оценочное поле вокруг обсуждаемого явления – объекта легитимации.

Поскольку в данном тексте читателя только знакомят с проблемой, предпринимают попытки концептуализировать явление в когнитивном опыте массового читателя, следует говорить о реализации в данной статье **стадии теоретизации** объекта легитимации.

Следующий текст для анализа, статья Михаила Комарова «Почему в России не будут разрешены однополые браки», относится к 2013 году и представляет собой пример одновременного развертывания стратегий делегитимации и легитимации однополых браков, и для полноты нашего исследования его нельзя обойти, тем более что любопытным представляется выбор автором стратегий (де)легитимации и видов легитимности, от которых он отталкивается в своей аргументации.

Как и автор предыдущей публикации, М. Комаров опирается в своих рассуждениях на два вида легитимности: **прагматическую** и **моральную**. Первая используется для развертывания стратегий легитимации, вторая – делегитимации.

На использование принципов легитимности первого типа указывает активное представление интересов и мотивов сторонников узаконивания нетрадиционных отношений:

Признаем, большинство правительств современных государств с неодобрением относятся к противоестественным однополым бракам. Однако они вынуждены реагировать на объективную демографическую реальность своих стран, в большинстве которых количество населения превышает санитарно-социальные нормы.

За счет **стратегии рационализации (целевая субстратегия)** легализация однополых браков в некоторых западных государствах рассматривается как мера, которая позволяет решить более глобальную проблему – проблему перенаселения: однополые браки а priori бездетны, следовательно, их легализация приведет к ограничению рождаемости без ущемления прав кого бы то ни было.

Переходя к ситуации в России, доцент МАТИ М. Комаров указывает на то, что у нас в стране перенаселены только центральные районы, а в регионах наоборот – недонаселение. Отсюда вывод: легализация однополых браков в стране пока невыгодна с точки зрения геополитики и демографии, но первые «звоночки» перенаселения уже видны в Москве и Московской области. Важным результатом

применения стратегии рационализации является «перемещение» разговора о нетрадиционных супружеских отношениях в сферу научных проблем (автор и позиционирует себя как доцента), а точнее – проблем демографии, порожденных *объективной* реальностью.

Необходимо упомянуть о том, что текст в целом как бы делится на две части. В первой, о которой уже говорилось, опорным концептом является концепт ОБЪЕКТИВНОСТЬ, а прилагательное *объективный* – его основным репрезентантом: *объективная* реальность, *объективные* причины. Кроме того, эта часть изобилует терминологией и устойчивыми сочетаниями, характерными для научного функционального стиля: *взаимозависимые социальные проблемы, фактор, плотность населения, критерий, политика народонаселения, численность, лимитирование притока мигрантов*.

Однако во второй части анализируемого дискурса Михаил Комаров пытается использовать технику самоотрицания, вдруг меняя вид легитимности, служащий ему опорой в рассуждениях, с прагматической на моральную и переходя к реализации стратегий делегитимации при помощи экспрессивно-оценочной лексики и конструкций:

Но следует ли из этого, что у нас тоже надо разрешить гомосексуальные отношения, однополые браки, гей-парады? Отнюдь! Хочется верить, что нам такое бесчестье не грозит. Первое, у нас нет для этого объективных причин, незаселенных территорий предостаточно! Второе, морально-психологический аспект. У русского народа другой менталитет, этические нормы. Издревле такая склонность считалась постыдно позорным недугом. А сейчас выставляют все это на «витрину». Однако нравственные принципы у наших людей пока еще не совсем развращены идеологией вседозволенности и поведенческой распущенности. Будем надеяться, что у нас и нашего правительства хватит трезвого рассудка, возможностей, а также здоровья нации не перейти эту позорную черту, которая претит даже животным.

Эта часть удивительно напоминает обличительные агитационные дискурсы советской эпохи с их специфической стилистикой, отражающей языковой вкус (термин В.Г. Костомарова [Костомаров 1999]) того времени: клишированность, выраженная оценочность, склонность к риторическим вопросам.

Объект делегитимации в первой части текста становится объектом делегитимации во второй и определяется не иначе как *бесчестье, постыдно позорный недуг, позорная черта*. Налицо стратегия апелляции к авторитету (субстратегии апелляции к авторитету

традиции и к авторитету большинства), применяемая в целях делегитимации: 1) к авторитету традиции: использование именных лексем *норма, менталитет, нация*, этнонима *русский народ*, наречия *издревле*, контрастирующего с формулой *а сейчас...*; 2) к авторитету довольно абстрактной, но ценностно и оценочно маркированной группы «наших»: *наши люди, у нас и нашего правительства*.

Интересна в этом отношении прагматика и семантика волитивных конструкций *хочется верить* и *будем надеяться*. Обе они представляют собой разновидность нефактивной (или даже контрфактивной) пресуппозиции, которую можно специфицировать следующим образом: «Р маловероятно и трудноосуществимо, но Х верит в Р, потому что Р соответствует тому, что Х считает правильным». Сравните пример из НКРЯ – мама выражает надежду, что, несмотря на то что многие молодые курят, ее дочь, даже будучи вдали от родительского контроля, не закурит:

Нет, на том этапе не закурила. Хочется верить, что и теперь вдали от дома не пустится во все тяжкие. Asya A, 2004.09.1706: 14 (Наши дети: Подростки (2004), НКРЯ).

На фоне резкого перехода от легитимации к делегитимации, маркированного также сменой типов дискурса (от научного к пропагандистскому), подобные конструкции создают впечатление неискренности, некоторого двуличия автора по отношению к обсуждаемой проблематике: я, мол, верю в Р, потому что так правильно, но реальность показывает совсем другое, и я понимаю, что Р трудноосуществимо.

Так же, как и в предыдущем тексте, легитимация обсуждаемого феномена находится на стадии теоретизации, опирается на прагматическую и моральную легитимность, а ведущими стратегиями становятся стратегии рационализации (целевая субстратегия) и апелляции к авторитету (субстратегии апелляции к авторитету традиции и к авторитету большинства). Важно, что первая стратегия используется для легитимации однополых браков, а вторая – для их делегитимации, т. е. в одном и том же тексте разнонаправленные стратегии сосуществуют.

В тексте «Экс-священник Артем Вечелковский: Я гей, но Бога не интересует, с кем я сплю» за авторством Артура Соломонова (2013) налицо уже признаки **стадии продвижения** объекта легитимации. Однако это продвижение осуществляется за счет компрометации одного из основных противников однополых браков – Церкви. В фокусе внимания оказывается личность бывшего православного священника, преподавателя духовной семинарии, который

рассказывает о том, как ему, стороннику однополый любви, жилось в рамках данного социального института, традиционно пользующегося большим уважением среди граждан России. Формируя моральную легитимность однополых браков, автор статьи использует **стратегию моральной оценки не самого объекта легитимации, а института, противящегося ей, и эта оценка – отрицательная.** Например, на вопрос о притеснениях сторонников однополый любви в церковном сообществе герой репортажа отвечает:

Я вас умоляю, какие притеснения! Пидору в церкви свобода и простор! Это такое оруэлловское двоемыслие. Рядовое отношение церкви к геям гораздо терпимее, чем это декларируется. В семинарии про меня знали все.

В данном пассаже находим две фигуры антитезиса: одну эксплицитную – *притеснения / свобода и простор*, и одну имплицитную, поскольку второй из двух противопоставляемых элементов не назван прямо, но подразумевается благодаря семе «официально» в семантике глагольной формы *декларируется: рядовое / ‘официальное’*. Подобные антитезы служат реализации идеи о двуличности Церкви (в тексте – **двоемыслие**): в ней говорят одно, а действуют совершенно по-другому. Эта идея находит свою реализацию и в следующем рассуждении:

Система анонимных доносов в нашей среде – мейнстрим: не написал доноса, так, может быть, ты и ненастоящий православный. В общем, мне архиерей запретил на эту тему говорить: думай что хочешь, но просто не говори об этом студентам.

Контрфактивная пресуппозиция «не написал доноса – ненастоящий православный» косвенно формирует вывод о том, что всякий настоящий православный должен писать доносы, что, конечно, противоречит основным принципам веры. Якобы двуличность Церкви подчеркивается соположением форм *думай / не говори*.

Подобная **субстратегия абстрагирования** (оценка конкретного объекта вытекает из его включения в некую глобальную оценочную категорию, в данном случае – категорию лжи) – Церкви нельзя верить, поскольку она лжива – реализуется в том числе за счет коммуникативной тактики намека:

Россия отстает в церковном вопросе, но нельзя остановить развитие общества. В Норвегии однополым парам на днях разрешили венчаться. Так там очереди выстроились. Церковь столько денег получает. Наши, как сообразят, тоже подключатся, просто они еще не поняли всей выгоды.

В процитированном пассаже интервьюируемый указывает на то, что Церковь еще не поняла своей выгоды, поэтому и запрещает однополые браки. Отсюда формируется импликатура о том, что ведущим мотивом деятельности данного института является материальная коммерческая прибыль проекта, а не духовность или ценностные ориентиры.

В тексте формулируется целая серия дискредитирующих позиций: Церковь невежественна (героя интервью осудили в лоне Церкви за приверженность идеям Дарвина об эволюции: *чтобы признать теорию эволюции, не надо быть прогрессивным, достаточно быть здравомыслящим; люди от невежества заменяют отсутствие знаний всякими ритуалами*), фанатична (*сфера ритуального постоянно расширяется. Сначала были короткие посты, сейчас большая часть года – посты; упорный фанатизм*), авторитарна (*началось закручивание гаек и выстраивание церковной вертикали власти, когда есть только одно мнение – патриаршее, а все остальные либо должны переменить свое мнение, либо заткнуться*).

На фоне стратегии отрицательной моральной оценки основного противника легитимации однополых браков разворачивается действие **мифопоэтической стратегии** легитимации самих браков. В центре интервью – повествование с ярко выраженной сюжетной линией. Мальчик, который с детства осознает свою инаковость (*помню, отец везет меня на санках в детский сад, навстречу идет мужик, и он мне нравится*), учится на филолога (профессиональный выбор, характерный для «бессребреников»), искренне верящий в Бога (*верующим я стал в одно мгновение*), любящий свою профессию (*преподавать мне нравилось безумно, я был счастливым человеком, в том смысле, что занимался делом, которое люблю и знаю*), но разуверился, потерял Веру (*Когда у тебя есть иллюзии, и они рушатся, трудно взять и сразу уйти. Столько лет на это было положено*), стал жертвой доноса, а потом и травли, познал судьбу изгнанника (*Первые дни на улице ночевали. Потом друзья друзей нас приютили*), начав скромную жизнь пекаря в чужой стране (*Мы делаем все по очереди: и готовим, и за кассой стоим, и убираем. Зарплата скромная, но на жизнь хватает*). В такой истории в полной мере реализуется архетип романтического изгнанника, честного, мучимого душевными сомнениями, гонимого, скромного и нетребовательного к материальному аспекту жизни. Это архетип столь популярный как в европейской (вспомним изгнание Эдипа из Фив за нарушение морального закона), так и в отечественной культурной традиции (вспомним

«лишнего героя» классической русской литературы), по отношению к которому на протяжении многих поколений школой воспитывалась неизменная социальная эмпатия.

Подводя промежуточный итог, отметим, что проанализированный текст 2013 года отражает стадию продвижения объекта легитимации, базируется, как и предыдущие тексты, на прагматической легитимности, реализуемой за счет стратегии отрицательной моральной оценки не самого объекта легитимации, а института, противостоящего ей, а также при помощи мифопоэтической стратегии, обращенной к архетипу изгнанника и призванной «романтизировать» образ целевой социальной группы – сторонников однополый любви.

Следующая публикация относится к 2014 году. Это материал М. Стацюка «Ира Шумилова и Алена Фурсова: “Нам важно было заключить брак именно в нашей стране, в России”» на портале «sobaka.ru».

В данном материале налицо опора на прагматическую легитимность – представители заинтересованной в объекте легитимации социальной группы (ЛГБТ-сообщества) объясняют свои позиции, подчеркивая положительные стороны новой формы совместного проживания.

Свое выражение находят все стратегии легитимации: **стратегии апелляции к авторитету, моральной оценки, рационализации и мифопоэтическая стратегия.**

Так, первая из них реализуется посредством **апелляции к авторитету эксперта**, имеющего профессиональный опыт оценки феноменов и явлений из той же сферы, что и объект легитимации, – речь идет о журналистах. Статья открывается пассажем о славе, свалившейся на девушек после заключения брака, хотя формально союз был вполне обычным – одна из девушек находилась в процессе смены пола и потому имела паспорт на имя мужчины: *Девушки только вернулись домой, успев за день дать пять интервью – и это не считая телефонных. Пока они курят, у Алены не унимается телефон: звонят друзья, близкие, говорят, что видели их по телевизору, Алена рассказывает, что впереди еще эфир на Рен ТВ и, по слухам, их ищет Первый канал.* Героини популярны, ими интересуется телевидение, что, в свою очередь, вызывает положительные эмоции у близких людей. Интересна семантико-синтаксическая позиция номинаций героинь в вышеприведенных предложениях-высказываниях – они преимущественно находятся в объектных позициях: *их видели по телевизору, их ищет Первый канал.* Таким образом подчеркивается, что

они интересны обществу, гражданам страны, а значит – они делают нечто важное и интересное.

Средства реализации **стратегии моральной оценки** более разнообразны. «Красной нитью» через весь дискурс проходит ключевая пропозиция «однополье браки – это нормально».

Например, при помощи субстратегии аналогии всячески подчеркивается сходство такого брака с «традиционным»:

1) сходство моделей поведения традиционных и нетрадиционных пар в «конфетно-букетный период» (*Аленка мне сразу понравилась, мы начали больше времени проводить вместе, встречаться, а летом уже завязались отношения... Поверьте, в наших отношениях нет ничего необычного – все те же фазы, что и у других... Нравишься – влюбляешься – в загс (смеется)*);

во время подготовки к свадьбе (*После подачи заявления мы никак не могли найти платье для Иры, шутили, что придется его покупать утром перед церемонией. Так и случилось – покупали его в день свадьбы... У меня за день до праздника началась предсвадебная депрессия – не выдерживали нервы. И, надо отдать Аленке должное, она собралась и успокаивала меня очень сильно, у нее железные нервы*);

в процессе совместного ведения хозяйства (*Какие у вашей семьи планы на будущее? Алена: Ну, точно не ипотеку брать (смеется)!*);

2) сходство свадебных ритуалов (*Кольца выбирали вместе – купили одинаковые. У каждой есть на внутренней стороне гравировка – наши имена и дата свадьбы*);

3) аналогичность типичного коммуникативного поведения, словно иллюстрация к пословице «милые бранятся – только тешатся» (*А когда вы подали документы? Алена: Это было в начале октября; Ира: Нет, в конце сентября; Алена: Да нет же, в начале октября, точно*).

С помощью имплицатуры о том, что девушки – патриотки своей Родины (*Я и Ира никогда не хотели уехать в другую страну, где легализованы однополые браки. Нам важно было заключить брак именно в нашей стране, в России. Так как мы на данный момент с Ирой можем сделать это легально – почему бы и нет?*), осуществляется оценочная субстратегия стратегии моральной оценки явления-объекта легитимации как вполне соответствующего норме – любящие Россию граждане хотят жить в своей стране, легально оформив свои отношения.

Стратегия рационализации представлена довольно скупо небольшим пассажем, в котором в контексте юридической трактовки

границы брака расширяются и размываются: *Для чего нужен институт брака? Он закрепляет родственные связи на официальном уровне между людьми, которые изначально не были родственниками* (хотя в официальной трактовке формулировка имеет следующий вид: «Брак – это юридически оформленный, свободный и добровольный союз мужчины и женщины, направленный на создание семьи и порождающий взаимные права и обязанности»). Таким образом, используя **субстратегию определения**, автор статьи устами своих героев обобщает объект легитимации до «трансформация не-родственников в родственников».

Мифопоэтическая стратегия уходит своими корнями в архетип трикстера и так называемый «плутовской роман». Трикстер – «тень» культурного героя, его двойник и антипод – нарушает установленные правила, претерпевая физические и духовные трансформации и вводя окружающих в заблуждение. Персонаж склонен к злым шуткам, которые становятся причиной страданий самого трикстера и которые, в свою очередь, ведут к «его постепенному превращению в спасителя и одновременно очеловечиванию...» [Юнг 1999: 267]. В тексте статьи в образе такого трикстера предстает одна из героинь, первоначально бывшая мужчиной и имеющая паспорт на мужские имя и фамилию, но проходящая на момент интервью процедуру смены пола. Вот как описываются его/ее действия:

Расскажите поэтно, как проходила подача документов.

Алена: Мы очень волновались перед этим, потому предприняли меры (смеется). Ира попыталась переодеться в мужскую одежду, сняла макияж и маникюр. Она старалась говорить низким голосом, но нам не очень поверили. Все-таки Ира уже не может притворяться парнем.

Сотрудники сперва смутились и ничего не поняли, попросили нас подождать за дверью, а сами устроили совещание. Затем они еще раз проверили документы и приняли заявление. Пока сотрудница загса оформляла бумаги, она улыбалась, смущалась, а после случился самый комичный момент: она принесла нам свои глубочайшие извинения, потому что “приняла нас за двух девушек”.

Переодевания, притворство, замешательство сотрудников ЗАГСа, затем, по сути дела, их обман – вот основные признаки обсуждаемого архетипа, находящие свое воплощение в тексте публикации.

Таким образом, в данной статье 2014 года мы наблюдаем все ту же стадию продвижения объекта легитимации в активной фазе,

поскольку реализуются все базовые дискурсивные стратегии легитимации.

Статья Станислава Белковского «Однополая Россия: Как нам легализовать гей-браки» опубликована в газете «Московский комсомолец» № 26872 от 30 июля 2015 г.

Ведущими стратегиями, используемыми журналистом в данном тексте, становятся **стратегия апелляции к авторитету** и **стратегия рационализации**, идущие «рука об руку».

Пытаясь объяснить, почему однополые браки необходимо легализовать, С. Белковский отвергает определение гомосексуализма как болезни, настаивая на естественности однополого влечения нехитрым и вполне банальным способом: он обращается в поисках авторитетов к истории и биологии гомосексуализма. Первая уходит своими корнями в Античность, наиболее референтно ценный период Всемирной истории, и связана с прецедентными именами Платона, Сократа, Александра Македонского и Юлия Цезаря (*И суперполководцами, учителями больших войн были джентльмены с весьма разнообразными сексуальными предпочтениями – от Александра Македонского до Юлия Цезаря. Сюда же – бесчисленные поэты, художники, музыканты и пр. всех возможных и невозможных полов*). Естественнонаучный фундамент аргументации журналиста воздвигается при помощи имени З. Фрейда и абстрактных указаний на многочисленные видеофиксации однополых отношений в животном мире.

Следующий аргумент сформирован на основе такой **субстратегии стратегии рационализации**, как **абстрагирование**: журналист указывает на то, что если бы легализация все-таки произошла, то это позволило бы «автоматически» снять проблему «конфликтной оппозиции сексуальных “большинства” и “меньшинства” как таковых», а также вопрос о так называемом гей-лобби во многих областях социальной жизни. Следуя той же тропой рационализации, автор текста находит еще один рациональный аргумент: легализовав гей-браки, Россия пробьет брешь в стене международной изоляции (*Мне думается, что в поисках выхода из международной изоляции легализация гей-браков – мощный геополитический маневр. Причем начинать столь важную реформу можно, в экспериментальном порядке, с отдельных регионов страны. Например, Республики Крым. Согласитесь, лозунг «Крым – наш!» на поверхности радужного флага, одного из символов гей-сообщества, резко повысит мировую популярность тезиса об имманентной принадлежности заветного полуострова к России*).

Итак, в данной статье, датируемой 2015 годом, отмечаем признаки одновременно двух стадий легитимации – теоретизации и продвижения, базисом для которых является по-прежнему прагматическая легитимность. Ведущие стратегии – стратегия апелляции к авторитету и стратегия рационализации.

Следующая статья относится к 2017 году: «Мы с флагом не ходим, мы просто живем». Как в России вступают в однополые браки», автор Анна Алексеева (журнал «Сноб» от 06.04.2017).

Открывается публикация ярким примером реализации **оценочной субстратегии стратегии моральной оценки**: *Пока в Чечне охотятся на геев, пытаются их и отрицают пытки, в 40 странах мира уже разрешены однополые союзы. При помощи антитезы, операторами которой становятся частицы **пока** и **уже**, создается имплицатура о том, что Россия – варварская страна, аутсайдер, который отстает от всего мира в вопросах легализации однополых браков.*

Дальнейший текст – это коллаж из свидетельств отдельных однополых пар, доказывающих моральную легитимность таких союзов «на практике».

Для первого из свидетельств ведущей является **стратегия апелляции к авторитету** через ее различные субстратегии. Первая из них – **апелляция к авторитету большинства**: *Мы встретились на сайте знакомств. Я работал бизнес-тренером в банке, Кирилл – парикмахером-стилистом. Некоторое время жили отдельно, потом сняли квартиру. Будущая хозяйка спросила: «Ребята, вы гей-пара?» Мы замялись, очень покраснели и соврали, что мы просто друзья. На следующий день она нам позвонила: «Ребята, я не дура, могли сразу сказать. Я к вам и так прониклась, заезжайте!»*

Так уж сложилось, что квартирная хозяйка благодаря отечественной литературе превратилась в своего рода воплощение среднестатистического обывателя: Прасковья Павловна Зарницына в «Преступлении и наказании», Агафья Пшеницына в романе «Обломов», мадам Безлюдная у И. Ильфа и Е. Петрова («Светлая личность») и др. В вышеприведенном фрагменте устами «проникшейся» квартирной хозяйки как бы глаголет среднестатистический отечественный обыватель, выражая мнение большинства представителей современного общества.

Опора на авторитет португальского общества, где сильны католические традиции, продолжает линию моральной легитимации браков: *Накануне очередной поездки в Европу мы совершенно случайно узнали, что в Португалии можно жениться нерезидентам – и это*

при том, что там достаточно долго царила гомофобная католическая диктатура.

Наконец, вокруг опорного концепта СЕМЬЯ выстраивается **суб-стратегия апелляции к авторитету традиции**: в нашем обществе семья всегда занимает особое, центральное место в системе ценностей, а однополая семья разделяет все эти ценности и ничем не отличается от любой другой семьи: *Брак – это уже не просто «встречалки» или проживание вместе под одной крышей, это ответственность за партнера. Да, в России он юридически недействителен, но для нас двоих семья – это очень важно. В бытовом плане наша жизнь ничем не отличается от жизни обычной семейной пары. Такие же заботы, трудности, без акцента на ориентацию. Сейчас Кирилл занимается продвижением нашего сайта, периодически общается с клиентами, я организую саму церемонию. Чаще всего к нам обращаются пары, которые давно вместе, бывает по десять лет. В контексте нетрадиционной семьи актуализируются такие ключевые ее концептуальные признаки, как ОТВЕТСТВЕННОСТЬ (это ответственность за партнера), СОЗНАТЕЛЬНОСТЬ (для нас двоих это очень важно), БЫТ (заботы, трудности, обычная жизнь), ВЕРНОСТЬ (пары, которые вместе уже по десять лет).*

Для следующего свидетельства (Софья и Александра) доминирующей стратегией легитимации оказывается **стратегия моральной оценки, субстратегия абстрагирования**: интервьюируемые подчеркивают, что их желание официально вступить в однополый брак – это борьба за права человека в России, где все плохо не только с правами, но и с образованием, и с медициной (и с последним рядовому россиянину трудно не согласиться). Иначе говоря, однополые браки получают моральное обоснование за счет апелляции к ценностям более абстрактным и более высокого уровня – права человека (право на образование, право на качественное лечение, право на свободу слова, наконец, право на официальный брак с любимым человеком): Нам обоим не нравится, что происходит сейчас в стране с медициной и образованием, и мы не думаем, что Крым наш. Мы выражали свою позицию в соцсетях и в какой-то момент стали переписываться – так завязался роман, мы начали строить отношения. Мы не афишируем свои отношения, но если хотим взяться за руки или поцеловать, мы это делаем. Моя жена считает, что открыто говорить о своей ориентации и проявлять гражданскую позицию в России сейчас опасно. Я же думаю, что если мы живем в системе и этой системе поддаемся, то она нас поглощает.

Организирующей стратегией для третьего свидетельства (Юлия и Олесья) стала **мифопоэтическая стратегия, субстратегия поучительного рассказа**, где герой использует все преимущества объекта легитимации, и жизнь его становится лучше, чем была: жили-были две девушки, потом между ними пробежала «искра», они сначала поехали вместе в отпуск, потом стали жить вместе, а затем и поженились в далекой, но прекрасной Дании, где все ими восхищались, была хорошая погода (*светило солнышко*), невеста – в красивом (*как у Золушки*) платье, где все было как в сказке (*и тогда я подумала, что, наверное, в мире все-таки существует что-то сказочное*). А после бракосочетания стало еще лучше: *Я намного терпимее с ней стала. С ней все в моей жизни стало как-то по-другому, а после свадьбы появилось еще больше нежности.*

В данном тексте наблюдаем признаки стадии продвижения с опорой на моральную легитимность, осуществляемую с помощью стратегий апелляции к авторитету (традиции и большинства), стратегии моральной оценки (субстратегия абстрагирования).

Наконец, последний из анализируемых текстов озаглавлен при помощи риторического вопроса, на который дается не менее риторический ответ: «Чем вам однополые браки не угодили? Я лично не против».

В русской речевой практике конструкция «чем Х-у не угодил (-ли) Y(-и)» является прагматически маркированной и выражает оценку претензий или других негативных реакций X по отношению к Y как необоснованных. Сравните, пример из НКРЯ:

И никто не может четко определить, чего же он хочет. Чуть ли не все наши патриоты воспроизводят, пусть в более мягкой форме, «синдром Солженицына». То он всеми средствами, беззаветно уничтожал советский строй – а теперь нос воротит от нового порядка. Мне даже порой становилось обидно за Ельцина и Чубайса – ну чем ему не угодили? Ведь уничтожили СССР – разве не об этом мечтали Александр Исаевич и его соратники (С.Г. Кара-Мурза. Антисоветский проект (2002)).

При этом на уровне локальной семантики реализуется импликатура «X – нормальный, приемлемый». Таким образом, уже в самом заголовке задается общая пресуппозиция дискурса: однополые браки – это нормально, хорошо, а претензии некоторых представителей общества необоснованны.

Согласно классификации стратегий легитимации Т. ван Левена, в данном случае налицо **оценочная субстратегия стратегии**

моральной оценки: объект легитимации имплицитно оценивается как соответствующий нормам сообщества.

В самом же тексте поста блогер опирается преимущественно на стратегию рационализации, точкой отсчета для развертывания которой становится один из методов манипулирования в публичных сферах – метод «семантических столкновений» [Борецкий 1998]: расстановка сообщений, при которой содержательно взаимодействуют между собой предыдущее и последующее (либо дополняя и усиливая друг друга, либо отрицая, даже сводя на нет только что сообщенный факт). Так, опираясь на **субстратегию аналогии стратегии моральной оценки**, в первых строках поста блогер использует такой провокационный прием ухода от правовых рисков, как псевдоавтокоррекция *чей Крым*:

Если вы хотите поставить публичного человека в неудобное положение, спросите его, чей Крым как он относится к однополым бракам. О, вот тут-то он и поплывет, ведь тема в нашем обществе очень токсичная. А я к однополым бракам отношусь совершенно нейтрально.

Подобная аналогия, описывая существующее положение дел, задает когнитивный контекст для категоризации феномена однополых браков: он рассматривается не столько как социальная сущность, сколько как явление политической жизни в ряду таких громких политических решений, как присоединение Крыма к России. С политическим «ореолом» данной проблемы (ассоциации с «режимом Путина», с санкциями Запада, манифестациями политической оппозиции) Варламов связывает болезненность самого обсуждения ее в российском обществе, ср. метафору **токсичная тема** (ТЕМА – ЯД). Смещая фокус внимания с самого объекта легитимации на «неправильное» восприятие его обществом, автор предлагает перевести обсуждение проблемы в рациональное русло – без эмоций и оценок, иными словами, нейтрально и рационально.

В последующих частях текста ключевыми инструментами конструирования дискурса легитимации становятся две субстратегии **рациональной стратегии: субстратегия определения и субстратегия разъяснения**. Блогер предпринимает попытку концептуализировать объект легитимации в терминах оправданных и необходимых действий людей, выбрав в качестве сферы-мишени для трансфера всего того, что обыватели знают об однополых браках (можно назвать это фреймом), претендующую на абсолютную рациональность и нейтральность сферу права и юриспруденции.

Подобный «трансфер» осуществляется на всех уровнях построения дискурса: 1) структурной организации; 2) семантических структур; 3) стилистических средств.

Так, во всех последующих абзацах публицистический дискурс активно мимикрирует под дискурс права, заимствуя его клише, композиционную организацию, лексические составляющие.

Например, в обсуждаемой части текста важную роль играют логические коннекторы, синтаксические структуры и риторические фигуры, выполняющие функцию логической организации дискурса и призванные проиллюстрировать наглядно простоту решения проблемы, связанной с объектом легитимации, при условии перемещения ее в правовое поле: *с одной стороны... с другой стороны*; это X, который (*Это просто религиозные обряды, которые...; Это союз двух людей, которые...*); X – это Y (*Брак – это чисто юридическая формальность*); хиазм (*И не дело светского государства лезть в дела церкви, как и не дело церкви лезть в дела светского государства*).

В противовес экспрессивной лексике, призванной отразить актуальное состояние «брожения умов» вокруг проблемы (разговорное *тут-то он и поплывет* в значении ‘потерять уверенность, оконфузиться’, метафорическое употребление *токсичная тема*), стремясь разъяснить и определить однополые браки в рамках нейтрального контекста дискурса права, автор активно использует его терминологию и устойчивые клише: *институт брака, понятие брака, регулироваться государством, религиозное учреждение, не иметь никакой силы, право, пункты договора, стороны, условия совместного ведения хозяйства, узаконить отношения*.

Посредством тавтологии, понимаемой как стилистический мотивированный повтор однокоренных слов, находящихся в пределах предложения в отношениях непосредственного или опосредованного подчинения [Культура русской речи 2011: 703], акцентируется концепт ПРОСТОТА, становящийся опорным для всей аргументации Варламова – «все станет простым, если мы будем рассматривать однополые браки как юридический прецедент»:

По мне, так брак должен превратиться в простой договор, в котором две стороны просто будут оговаривать условия совместного ведения хозяйства.

Используя **целевую субстратегию стратегии рационализации**, автор подводит читателей к мысли о том, что легализация однополых браков – это шаг на пути к реализации главной цели: цели

построения правового государства, призванного защищать интересы «родных людей»:

А вот то, что касается бракосочетания со стороны государства, – вопрос отдельный. Что такое брак? Это союз двух людей, который дает им определенные права. Например, право посещать в больнице тяжелобольного родственника, право на наследство или право не свидетельствовать против своего партнера в суде. По мне, так брак должен превратиться в простой договор, в котором две стороны просто будут оговаривать условия совместного ведения хозяйства. При этом с точки зрения общества совершенно все равно, кто этот договор между собой заключит. Мужчина с женщиной, или две женщины, или мужчина с тремя женщинами. Если люди хотят жить вместе под одной крышей, если люди хотят вместе вести хозяйство, если они стали друг другу родными, то почему мы должны им отказывать в элементарных правах? Я даже не против, если союз о сожительстве будут заключать друзья. Много ведь случаев, когда два парня или две девушки какой-то период времени живут под одной крышей, становясь друг для друга почти родными людьми, при этом не являясь любовниками.

В процитированном пассаже налицо прием генерализации, расширения, а затем и размывания границ категории субъектов брака – супругов. Понаблюдаем за выстроенной в тексте кореференциальной цепочкой: сначала супруги называются предельно обобщенными номинациями *люди – родственники*, затем номинации становятся все более формальными *партнеры – стороны*, после максимального расширения границ и формализации категории предлагаются различные варианты членства в ней, которые уже не кажутся абсурдными – *мужчина с женщиной, две женщины, мужчина с тремя женщинами, друзья*.

В итоге ключевые концепты аргументирующего дискурса блогера в пользу легитимации однополых браков в контексте правового государства складываются в метонимическую последовательность: ПРОСТОТА – НЕЙТРАЛЬНОСТЬ – ФОРМАЛЬНОСТЬ – РАВНОДУШИЕ; апофеозом цепочки выступает ключевая фраза в сильной позиции текста:

А что касается штампа в паспорте, то мне лично все равно, кто и с кем договор подписал и кто кого в своей спальне трахает. А вам разве нет?

Вывод: основной стратегией выступает стратегия рационализации, а вспомогательной – стратегия моральной оценки, налицо –

возврат к стадии теоретизации, с которой начиналась легитимация однополых браков в 2010 году, опирающаяся на прагматическую легитимность.

Заключение. Представив результаты анализа в единой таблице (табл. 2), мы можем проследить определенные тенденции в смене видов легитимности, стадий и стратегий легитимации на протяжении временного отрезка с 2010 по 2017 год. Без сомнения, необходимо принимать во внимание относительность полученных результатов ввиду небольшой по объему выборки текстов. Однако думается, что данные наблюдения имеют ценность, поскольку позволяют выявить диагностирующие векторы, направления в развертывании дискурса легитимации однополых браков в России.

Итак, в 2010 году обсуждение проблематики однополых браков обнаруживает признаки первой стадии легитимации – стадии теоретизации, в контексте которой явление только становится предметом открытых дискуссий в обществе, хотя уже звучат робкие попытки представить гей-браки как выход из неких кризисных ситуаций глобального общества, например из кризиса перенаселения. На данном этапе доминирует опора на прагматическую легитимность, в рамках которой заинтересованная в объекте легитимации пока маргинальная часть общества предпринимает попытки привлечь внимание к своей позиции остальной части социума. Последняя же пока не решается открыто поддержать ЛГБТ-сообщество, обращаясь поочередно то к дискурсивным стратегиям легитимации, то – делегитимации. Что касается Окна Овертона, то на обсуждаемом временном отрезке, очевидно, происходит его движение на шкале социальных оценок от «Немыслимо» к «Радикально».

В 2013–2014 годах наблюдаем уже следующую стадию легитимации – стадию продвижения: в публикуемых материалах налицо стремление к созданию позитивного отношения в обществе к однополым бракам за счет формирования основ моральной легитимности при помощи разнообразных дискурсивных стратегий легитимации: моральной оценки, апелляции к авторитету, рационализации, мифопоэтической стратегии. Заметно смещение фокуса общественного внимания на ценностной шкале, согласно Окну Овертона, от отметки «Радикально» к «Приемлемо».

Однако уже на следующем временном отрезке – 2015–2017 годы – заметно серьезное «торможение» движения Окна: оно как бы застывает между «Радикально» к «Приемлемо» и даже слегка «откатывается» назад к отметке «Радикально». Авторы публикаций вновь

Таблица 2

**Динамика смены типов легитимности, стадий и стратегий легитимации в обсуждении проблематики
однополых браков в российских СМИ в период с 2010 по 2017 г.**

№	Год	Тип легитимности	Наличие делегитимации	Стадия легитимации	Стратегии, субстратегии
1	2010	Прагматическая Моральная легитимность / делегитимность	+	Теоретизации	Моральной оценки (субстратегия абстрагирования) Рационализации (целевая субстратегия) Апелляции к авторитету в целях делегитимации
2	2013	Моральная	–	Продвижения	Отрицательной моральной оценки противников легитимации (оценочная субстратегия, субстратегия абстрагирования) Мифопоэтическая (рассказ об изгнаннике)
3	2014	Прагматическая Моральная	–	Продвижения	Апелляции к авторитету (эксперта) Моральной оценки (оценочная субстратегия, субстратегия аналогии) Рационализации (субстратегия определения) Мифопоэтическая (архетип трикстера)
4	2015	Прагматическая	–	Теоретизации	Апелляции к авторитету (экспертов) Рационализации (субстратегия абстрагирования)
5	2017	Прагматическая Моральная	–	Продвижения	Апелляции к авторитету (большинства; «размытой» социальной структуры, института; традиции) Моральной оценки (субстратегии абстрагирования, аналогии, оценочная субстратегия) Мифопоэтическая стратегия («поучительный рассказ») Рационализации (целевая субстратегия, субстратегии определения и разъяснения)

возвращаются к вопросу о «полезности» однополых браков для решения многочисленных социальных и даже политических проблем, вновь трактуют и разъясняют данное явление в терминах как можно более понятных и тривиальных для восприятия среднестатистического гражданина. Все это свидетельствует о возвращении обсуждения легитимности таких союзов к стадии теоретизации, которая, однако, в некоторых контекстах соседствует со стадией продвижения, о чем свидетельствуют примеры применения дискурсивных стратегий моральной оценки, апелляции к авторитету, мифопоэтической стратегии наряду со стратегией рационализации (последняя в большей степени маркирует стадию теоретизации).

Обращает на себя внимание важная роль в продвижении обсуждаемого объекта легитимации мифопоэтической дискурсивной стратегии: это и использование аллюзий на плутовской роман и его архетипический протагонист трикстер, и опора на архетип романтического изгнанника, а также включение в текст жанра «поучительной истории», где герой, воспользовавшись объектом легитимации, получает долгожданное счастье. И здесь нельзя не увидеть характерную для мифологического мышления «посредническую функцию», о которой пишет Е.М. Мелетинский: «Мифологическая логика широко оперирует бинарными (двоичными) оппозициями чувственных качеств, преодолевая, таким образом, “непрерывность” восприятия окружающего мира путем выделения дискретных “кадров” с противоположными знаками. Эти контрасты все более семантизируются и идеологизируются, становясь различными способами выражения фундаментальных антиномий типа жизнь/смерть и т. п. Преодоление этих антиномий посредством прогрессирующего посредничества, т. е. последовательного нахождения мифологических медиаторов (героев и объектов), символически сочетающих признаки полюсов, является ярким проявлением логики бриколажа» [Мелетинский 2012: 168]. Эту технику бриколажа мы и наблюдаем, когда изгнанники, трикстеры и герои поучительных рассказов преодолевают пропасть между полюсами оппозиции «неприемлемо»/«стандартно» в отношении объекта легитимации.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в данной публикации мы ставили своей задачей беспристрастно и как можно более объективно исследовать динамику социального процесса легитимации столь противоречивого и дискуссионного объекта, как однополые браки, уточняя роль в этом процессе дискурсивных средств различного уровня и характера.

3.9. Речевые тактики и приемы дискредитации православия (на материале интернет-текстов)

Информационно-психологические операции по дискредитации православия с использованием различных речевых (и шире – коммуникативных) тактик и приемов ведутся уже давно. Исследователи пишут, что борьба с православием была одним из направлений работы идеологов по расколу советского общества в хрущевский период [Лисичкин, Шелепин 2005: 146] и что в США был разработан и реализован «план раскола РПЦ и вытеснения ее с постсоветского пространства» [Бражников 2008: 56]. План раскола РПЦ и ее дальнейшего разрушения продолжает реализовываться в разных странах и сейчас. Так, Д.В. Зеркалов в монографии «Информационные войны» пишет, что цель борьбы против православия на Украине состоит в том, чтобы *«искусственным образом перевести большинство населения этой земли в иную, не православную веру. Это даже важнее, чем переписать историю или создать новый язык»*. И далее: *«Западу не столь важно, будет Украина униатской или католической. Главное – чтобы она не осталась такой, как есть – православной, ведь единство веры – прямой путь и неопровержимый аргумент в пользу воссоединения русского народа!»* [Зеркалов 2012: 232]. Последние публикации в СМИ говорят об эскалации «религиозного конфликта» (эвфемистическое наименование) на Украине, а по сути – войны. Сравните, например, заголовки публикаций в сети Интернет, в которых обозначаются противоборствующие стороны: *РПЦ окончательно отмежеввалась от мирового православия; РПЦ обнаружила угрозу всему православию; Патриархаты начинают большую войну; УПЦ против РПЦ: «майдан» добрался до церкви; УПЦ против РПЦ: как религиозный вопрос на Украине стал политическим* и др.

Война, направленная на ослабление Русской православной церкви, на то, чтобы лишить народ православной веры, ведется и в России: целенаправленно искажаются значения слов из Евангелия (см. [Миронова 2010]), предпринимаются попытки заменить в богослужении книжные слова церковнославянского происхождения на современные русские аналоги (см., например [Сковородников 2016: 37–42, 49–58]) и т. д. Бьют тревогу не только ученые (см., например [Панарин 2003; Глобализм... 2015; Багдасарян 2015]), но и журналисты: *В последние годы мы становимся свидетелями*

новых нападок на Православие со стороны сил, которые опасаются возрастания его нравственного авторитета как фундамента Российской государственности (Комсомольская правда. 24.07.2012); *...с православием, как религией большинства в России, ведется серьезная война...* (URL: <http://svpressa.ru/blogs/article/125832/>).

Об актуальности рассматриваемой проблемы свидетельствует опубликованный в 2015 году «Меморандум экспертного центра Всемирного русского народного собора о русофобии», в котором борьба с православием рассматривается как одна из форм русофобии. В нем читаем: «Русофобские доктрины являются оправданием непрекращающейся пропагандистской и организационной работы, направленной на нейтрализацию, расчленение и максимальное ослабление России. <...> В публичных выступлениях писателей, общественных деятелей, публицистов определенной направленности именно Православие, давшее импульс развитию русской государственности и формированию лучших черт русского национального характера, обвинялось как “отсталая”, “архаичная”, “пассивная”, “подавляющая человека” религия, обращение к которой ведет к экономическому упадку, политической стагнации и деспотизму»; «Необходимо ясно указать, что проявления религиозной ненависти по отношению к членам Русской Православной Церкви, доходящей до публичного оскорбления религиозных чувств верующих, осквернения религиозных святынь, организации антирелигиозных гонений, в большинстве случаев связаны не только с межрелигиозными противоречиями или богоборческими настроениями, но и являются также выражением русофобии на религиозном поле» [Меморандум... 2015]. Критика этого меморандума и высказывания в его поддержку как в научной, так и ненаучной среде ярко высвечивают противоборствующие стороны.

Ведущей стратегией в информационно-психологической войне против православия выступает речевая стратегия дискредитации, понимаемая нами традиционно как совокупность речевых тактик и приемов, направленных на подрыв доверия к объекту описания (изображения). Есть мнение, что дискредитация – первый шаг кампании по информационному воздействию. «Подорвав лояльность и доверие общественности к объекту воздействия, агрессор приступает к следующему этапу – эскалации, – специфика которого состоит в культивировании (как правило, заведомо ложной) информации, причиняющей цели репутационный ущерб, во всех средствах массовой коммуникации» [Васильев, Подсохин 2016б: 32]. Так, например,

в России уже ведется пропаганда однополых браков (об этом [Колмогорова 2018]).

В информационно-психологической войне широко используется так называемое «организационное оружие», к которому можно отнести, например, создание в сети Интернет групп типа «Убей патриарха» (о ней писала газета «Завтра»: http://zavtra.ru/blogs/posadili_za_to_chto_dumal_), «Мы против православия» (<https://vk.com/club50697919>). Рассмотрение этого оружия остается за рамками нашей статьи. Не принимались нами во внимание также фотожабы, коллажи и другие жанры, основанные на использовании изображения. И хотя в них встречается взаимодействие вербальной и невербальной семиотических систем, оно может составить предмет отдельного исследования. Нас интересует использование манипуляторами в информационно-психологической войне против православия ресурсов языка.

Наше исследование проводилось на материале текстов сети Интернет, в которых прослеживается стратегия дискредитации православия. Они доступны для любого пользователя и размещены преимущественно с 2009 года (по нашим наблюдениям, именно с этого года применяется большинство описанных нами речевых приемов). Хотя журналисты отмечают, что информационные атаки на православие начались еще раньше: «Первый скоординированный наезд на православие с помощью блогосферы состоялся в далеком 2007 году, поздней осенью. Это была проба пера и разведка боем. В Сеть была вброшена информация о том, что в Сергиевом Посаде некий батюшка собственноручно умертвил два десятка котиков, живущих при храме. <...> Примерно полдня сетевая общественность горевала над животинками, а потом плавно переключилась на “жирных попов”, церковь и православие в целом. <...> ...Реакция, к которой подвели интернет-манипуляторы, была очень показательной. Тем более когда очнувшаяся православная общественность выяснила, что все котики живы и здоровы. Это было уже неважно, тестовый старт “антиправославной кампании” прошел успешно» (Комсомольская правда. 21.01.2013).

Речевые факты извлекались нами из различного рода текстов, отбираемых методом случайной выборки: публикаций журналистов, в том числе в блогах, высказываний общественных и политических деятелей, записей и комментариев пользователей сети Интернет. Общий объем собранной картотеки составляет 208 единиц (без учета повторяющихся примеров). Отметим, что применительно

к некоторым текстам, например к комментариям, не всегда можно с уверенностью говорить о сознательном участии их авторов в информационно-психологической войне против православия, однако высказывания (тексты) этих авторов, дискредитирующие православие, играют на руку акторам информационно-психологической войны. Думаем, нужно принимать во внимание и тот факт, что авторы дискредитирующих текстов понимают, что написанное ими носит публичный характер, поскольку может быть прочитано любым пользователем сети Интернет. Этот факт, наряду с другими критериями (дискредитирующая идеологическая составляющая статьи, блога, издания, общей тематики форума и т. д.), говорит о возможности признания написанного ими текстами информационно-психологической войны.

В результате лингвистического анализа собранного материала выявлено, что речевая стратегия дискредитации православия реализуется при помощи четырех основных субстратегий, выделенных нами по дискредитируемым объектам: дискредитация православия как религии в целом; дискредитация Русской православной церкви как социального института; дискредитация православных священников (как отдельных личностей, так и в совокупности) и прихожан; дискредитация православных святых и святынь русского народа. Рассмотрим, при помощи каких речевых тактик и приемов реализуются названные субстратегии.

1. Речевые тактики и приемы дискредитации православия как религиозного учения

Дискредитация православия осуществляется при помощи **тактики бездоказательного обвинения его в «отсталости» России от других стран по тем или иным показателям**. Она реализуется в оценочно маркированном противопоставлении православия другим религиям, причем православию дается исключительно негативная оценка, другим религиям – позитивная. Например: *Я думаю, что одна из величайших трагедий для России – принятие православия... – сказал Владимир Познер. – Если оттолкнуться от таких определений, как демократия, качество жизни, и распределить страны по этим показателям, то на первом месте будут именно протестантские страны, все. Потом католические. И лишь потом такие, как Россия, Греция, Болгария и т. д. И это совершенно не случайные вещи, потому что более темной и закрытой религией является православие...* (Известия. 27.07.2010. URL: <https://iz.ru/news/364036>); А. Разуваев: *...я бы не стал говорить о православии*

как об объединяющем факторе. Это католическая Европа была единым целым благодаря влиянию Ватикана. Православие же такой религией не стало. Самый яркий пример – Вторая мировая война. Против нас воевали православные болгары, часть украинцев. А вот буряты, казахи и прочие степняки клали свои головы за СССР (Комсомольская правда. 16.07.2012. URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/25915.5/2869234/>). Цель такого противопоставления – внедрить в массовое сознание мысль о виновности православия в бедности народа. Это намерение, на наш взгляд, прослеживается и в следующем тексте: *...почему те государства, где преобладает православие, являются самыми бедными? Пожизненно бедна и разорена Россия. Из новых «западных» стран беднее всех – православная Болгария. Старая капиталистическая, но православная страна Греция – гораздо беднее соседних, не православных христианских стран. Не назовешь богатыми православные Грузию и Армению. «Католические» страны уже значительно богаче. Страны, где преобладают протестанты, еще более благополучны и уважаемы* (URL: <http://onoff49.livejournal.com/7564.html>). Из такого рода текстов читатель, не замечающий манипулятивных приемов в тексте, может сделать вывод о необходимости принять иную веру. Это и нужно тем, кто выступает против православия как господствующей религии в России.

Дискредитация православия реализуется также в **тактике его приравнения к социально не одобряемым, осуждаемым явлениям**. Один из способов реализации этой тактики – постановка дискредитируемого понятия в синтаксически однородный ряд с понятиями, обозначающими такие явление, например: *Гомофобия, православие, нацизм, путинизм – боюсь, эти пороки уничтожат Россию...* (URL: <http://ivansim.livejournal.com/543535.html>). Интересна постановка в этот ряд «гомофобии», уже открыто приписываемой православию в следующем высказывании, реализующем тактику обвинения: *Гомофобия – преступление против человечности, наряду с расизмом, антисемитизмом и фашизмом. Источник гомофобии – мракобесие церковников. В современных условиях – это Православие* (URL: <http://hram-troicy.prihod.ru/articles/view/id/1161378>). Словом **гомофобия** (в одном из его употреблений) обозначается негативная реакция на проявления гомосексуальности, ее осуждение, отказ признать гомосексуализм нормой. Поскольку в России большая часть людей относится с осуждением к секс-меньшинствам, то смысловая амбивалентность слова **гомофобия** (от негативной реакции

до враждебности и ненависти к сексуальным меньшинствам) позволяет манипуляторам нормальное поведение православного христианина (непринятие гомосексуализма) выдавать за психическое отклонение. В результате происходит «переворачивание» информации, когда «белое» становится «черным», а норма подается как анти-норма. Нам видится, что предпринимаются попытки сформировать новый стереотип о православии, о чем и свидетельствуют высказывания типа *Православие – главный источник гомофобии в России* (В. Познер. URL: <http://vladimirpozner.ru/?p=10138>).

Слово *православие* может использоваться в таком синтаксически однородном ряду, члены которого обозначают недуховные, приземленные категории, например: *Секс, православие и деньги. Лучшее за год* (заголовок в журнале «Сноб». URL: <https://snob.ru/selected/entry/56118>).

Внедрению в общественное сознание нужных манипуляторам стереотипов способствует **тактика ложного дефинирования**. Для ее реализации используется так называемое риторическое определение, построенное по синтаксической модели X – это (как) Y, где X – это православие, а Y – слово или словосочетание, в том числе нелитературного характера, вызывающее негативное отношение к определяемому понятию, формирующее соответствующие стереотипы. Этот прием характерен для заголовков, например: *Православие – религия ленивых и бедных?* (URL: <http://onoff49.livejournal.com/7564.html>); *Православие – религия рабов! Наш выбор – мормонизм!* (URL: <http://dmtr-zilbertrud.livejournal.com/2031.html>); *Православие как основа религиозного дебилизма* (URL: <http://religioznik.ru/2012/12/pravoslavie-kak-osnova-religioznogo-debilizma/>); *...церковь – это тоже партия власти. РПЦ так же, как и ЕР, дурачит народ сказками о том, как хорошо мы живем, при этом гребя под себя деньги* (URL: <http://blogunion.ru/blog/2012-05-13-24>); *Православие – тоталитарная секта!* (URL: <http://www.ateism.ru/article.htm?no=1273>); *Православие — это идеальная религия для олигархического бизнеса, для «кумовского» капитализма. Это верная служанка олигархического строя...* (URL: <http://vestnikburi.com/pravoslavie-tsep-i-krest-sovremennoy-rossii/>); *Православие – это черная метка, выданная русскому народу. Именно оно развело нас, русских, с демократией, прогрессом, свободой, с Западом. <...> Единственный способ нейтрализовать страшное, фатальное влияние православия на русскую судьбу – это уния с Римом* (URL: <http://shiropaev.livejournal.com/98850.html>). Этот же прием риторического определения, усиленный

парцелляцией: Православие. Цепь и крест на России (URL: <http://vestnikburi.com/pravoslavie-tsep-i-krest-sovremennoy-rossii/>).

Попутно заметим, что названная выше модель используется и для дискредитации Русской православной церкви, например: *Православная церковь как говно* (URL: <http://religioznik.ru/2012/07/pravoslavnaya-cerkov-kak-govno/>); *Церковь – сугубо коммерческая организация, которая занимается надувательством лохов, впаривая им воск втридорого* (URL: https://6090m01.wordpress.com/2015/05/29/xdjtsu_sa/).

Следующая тактика, являющаяся весьма популярной в борьбе против православия, – **тактика отнесения к православию явлений, не имеющих к нему никакого отношения**. Для нее характерно использование сочетаний слов «православие» или его дериватов со словами, имеющими негативно-оценочные коннотации: *показное православие, лубянское «православие», игилоподобное православие, «протухшее» православие, ядерное православие, тоталитарное православие, маргинальность православия, мракобесный православизм; православный тоталитаризм, православная истерика, православный фашизм, православный национализм, православный террорист, православный талибан, православный гей-парад, православная гомофобия, православный радикализм, православный экстремизм, православная инквизиция, православные угрозы, православный рейх* и др.

Приведем примеры использования некоторых словосочетаний: *После того, как от ядерного оружия на своей территории, под сильнейшим обманым нажимом извне, вынуждены были отказаться Украина и Беларусь, Россия вместе с РПЦ стали единственными обладателями ядерного оружия в православном мире. Московское православие, таким образом, в одиночку, стало ядерным православием* (URL: http://24tv.ua/ru/yadernoe_pravoslavie_rossii_n703309); *Русский рейх: обыкновенный православный фашизм* (заголовок. URL: <http://mistaua.com/>); *Русский мир – это голод, холод, убитые дети, разрушенные дома, православный талибан* (URL: <http://a-nikonov.livejournal.com/2070901.html>); *Христианство – это свободная любовь к Богу. Поэтому православный тоталитаризм едва ли не хуже безбожного либерализма* (URL: <http://badbeliver.livejournal.com/7507.html>); *Появились предпосылки к возникновению такого неприятного явления, как православный тоталитаризм, дискриминация атеистов, верующих других конфессий и религий* (URL: http://www.atheism.ru/library/Samodurov_2.phtml); *Тоталитарное православие: Pussy Riot получили по два года тюрьмы* (URL: <http://www.citynews>).

net.ua/news/print:page,1,20892-totalitarnoe-pravoslavie-pussy-riot-poluchili-po-dva-goda-tyurmy.html); Но **тоталитарное православие** – это именно воинственное мировоззрение, призванное нападать, колоть, уничтожать, но никак не способствовать подъему духовности (URL: <http://brights-russia.org/blog/odyssey/defending-atheists.html>); Для Московской патриархии и Кремля это означает не только утрату еще полутора тысяч приходов и миллионов прихожан, но и де-факто согласие с окончательным крахом планов создания **тысячелетнего православного рейха**, влажными мечтами о котором с нами время от времени делится национальный лидер (URL: <http://ehorussia.com/new/node/17168>).

Может также осуществляться отрицательно-оценочное маркирование нейтрального словосочетания не только контекстуально, но и при помощи графона: *русское православие* (заголовок «*Русское православие: публичные дома и педофилия*» (URL: <http://svobodunarodam.livejournal.com/3192634.html>)).

Главное – многие приведенные выше (оксюморонные по сути) словосочетания (*православный фашизм, православный талибан, православный радикализм, русское православие* и др.) используются в качестве наименования групп, организаций, движений определенной направленности, называющих себя православными (или которых именуют православными), но не имеющих на самом деле ничего общего с православием и его ценностями.

О словосочетании *православный фундаментализм* В.Э. Багдасарян пишет: «Использование маркера “православный фундаментализм” также один из приемов когнитивных манипуляций. Понятие “фундаментализм” в информационных потоках последних лет было жестко привязано к исламу. Исламский фундаментализм преподносился, в свою очередь, фактически как синоним терроризма. Соответственно, появление понятия “православный фундаментализм” подразумевало его связь с террористической практикой. По сути, православию, как ранее исламу, предъявлено обвинение в том, что оно является идеологией терроризма» [Багдасарян 2015].

В информационно-психологической войне применительно к православию широко используются лексические единицы, репрезентирующие концепт «Болезнь» с целью формирования устойчивой негативной ассоциации православия с психическим заболеванием и тем самым отторжения от этой религии. Для этого используется речевая **тактика оперирования образами, основанными на концепте «Болезнь»**. Она реализуется метафорически: создаются

и тиражируются «метафоры болезни» типа *православие головного мозга (ПГМ), православизм головного мозга, гнойник православной духовности, православная зависимость* и др., например: *ПГМ может существенно прогрессировать, ведь нет границ у человеческой глупости. Тем более что эта религия претендует на весь мир* (URL: <http://www.shapovalov.org/publ/7-1-0-102>); *В чем же суть той мессианской идеи, которую он проповедовал? Прежде всего, в том, что гнойник православной духовности должен лопнуть так, чтобы забрызгать собою весь мир. Зачем вообще мир надо забрызгивать, Достоевский не уточнил, поскольку, вероятно, и сам этого не знал* (А. Невзоров. Антрекот Михайлович Достоевский. URL: <http://echo.msk.ru/doc/1927004-echo.html>); *Православие в России в настоящее время выполняет роль паразита на теле жертвы. Проявляет себя в основном через психически неустойчивых особей* (URL: <https://vk.com/club50697919>); *Помощь в избавлении от православной зависимости* (URL: <http://rascerkovlenie.ru/>).

Используется также **тактика искажения понятий, обозначающих христианские добродетели, основанная на принципе контекстуально-оценочного переворачивания**, когда та или иная добродетель в результате неверной трактовки понятия оценивается исключительно негативно, что позволяет, как показывает анализ материала, создавать и/или поддерживать «черные мифы»: следующий христианским ценностям будет неуспешен и нищ; христианские добродетели вредны для здоровья; добродетели – это заболевание, порок, они свойственны психически больным людям; вера недолговечна, смертна и является пережитком прошлого.

Активно поддерживается миф о смирении как человеческой слабости, мешающей достигать поставленные цели, путем широкого распространения высказываний типа *Скромность это кратчайший путь к неизвестности и нищете...* (<https://www.inpearls.ru/>); *Скромность в современном мире – это непростительно* (<https://litnet.com/ru/blogs/post/36195>). Т.Л. Миронова в книге «Кто управляет Россией?» замечает: «Смирение, в старину писавшееся так: *сміреніе*, ныне толкуют как самоуничижение. Неправда! Слово *сміреніе* самим корнем раскрывает перед нами свой смысл – состояние *мира и меры* в душе человеческой, какое бывает после горячей исповеди или искреннего раскаяния, добродетель *смирения* по-гречески передается словом *симметрия*, и оно тоже говорит нам о равновесии и мире в человеческой душе. Смирение – это когда *не по нашему хотению, а по Божьему изволению*, это когда *не нашим умом, а Божьим судом*.

Со смирением наши воины побивали врагов Отечества, со смирением наши монахи молились о сокрушении нехристей-супостатов. Не личные страсти вели их в бой и становили на молитву, а смиренное осознание себя орудием Божьей Воли» [Миронова 2010: 41–42].

Приведем еще пример: *...Если будет доминировать скромность, то явно страдает человеческое достоинство. В таком случае прав будет И. Гете, который говорил, что: «Скромны только бездарности». **Скромность в таких случаях не украшает, а укрощает человека.** Как писал М. Горький: «А вы на земле проживете, / Как черви слепые живут: / Ни сказок про вас не расскажут, / Ни песен про вас не споют». **Скромность – прямой путь к неизвестности** (<http://beisembaev.kz/skromnost-ukroshhaet,-a-ne-ukrashaet.html>). В этом тексте три категорических высказывания (выделены жирным шрифтом), манипулятивно подкрепленных ссылками на известных писателей, – прием тенденциозного подбора цитат. Фраза *Скромны только бездарности* фигурирует в СМК и в других вариантах: *Скромны только босяки / негодники*. Стихотворные строки *А вы на земле проживете, / Как черви слепые живут: / Ни сказок про вас не расскажут, / Ни песен про вас не споют* взяты из валашской сказки М. Горького «О маленькой фее и молодом чабане» (известная также под названиями «Валашская легенда», «Легенда о Марко»), в которой повествуется о безответной любви юноши к фее. Перед этими строками в оригинальном тексте есть фраза *А Марка – уж нету... / Но все же / От Марка хоть песня осталась*, прославляющая человека в его любви: любовь сделала Марка бессмертным. Приведенный автором отрывок из стихотворного текста посвящен любви и никакого отношения к понятию скромности не имеет.*

Для продуцирования мифа о вреде христианских добродетелей для здоровья используется прием сужения понятия добродетели. Так, воздержание сводится только к неупотреблению спиртных напитков или отказу от супружеских отношений. Например: *К неожиданному выводу недавно пришли ученые Австралийского национального университета. Выяснилось, что **полное воздержание от спиртных напитков**, как и злоупотребление ими, **негативно влияет на умственные способности человека**. Умеренно пьющие обладают лучшей памятью и быстрее соображают, чем пьяницы и трезвенники. Даже древние философы считали, что глоток «нектара» дает вдохновение и стимулирует творчество. Может, именно поэтому среди больших талантов много пьющих?*

(Комсомольская правда. 26.05.2012. URL: <https://kp.ua/life/339841-khochesh-stat-henyem-pytaisia-kak-henyi>). Между тем воздержание касается не только телесного поведения: оно означает постоянный самоконтроль человека над своими мыслями и желаниями, необходимость быть кротким и терпеливым, умеренным в пище.

Одну из причин того, что в средствах массовой коммуникации тиражируется миф о вреде добродетелей воздержания и скромности, видят в том, что сегодня «экономика функционирует благодаря тому, что продает удовольствия, а реклама постоянно призывает “брать от жизни все”. Человеку, который от чего-то отказывается, внушают, что он упускает что-то важное, обедняет свою жизнь – ведь он мог бы взять кредит и купить то и это, и еще, и еще, пока бы ему не перестали бы выдавать кредиты» [Худиев 2014].

Продуцирование мифа о том, что та или иная добродетель – это патология (заболевание) и даже порок, может быть основано на сужении понятия, при котором содержание любой христианской добродетели сводится до телесного проявления. Например:

Михаил Викторович Виноградов, профессор психиатрии:

*– Вообще **целомудрие почти всегда является патологией**, ибо Бог, создав человека, сказал: «Плодитесь и размножайтесь». Но бывают обстоятельства, в силу которых человек вынужден оставаться целомудренным. В приведенном случае мы имеем аутентичный тип личности, образ жизни которого соответствовал его внутреннему миру. Кстати, история знает много примеров долгожительства и среди развратников (Комсомольская правда. 26.04.2007. URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/23894/66403/>).*

М.В. Виноградов подтверждает свою мысль цитатой из Евангелия, которая не имеет прямого отношения к целомудрию, так как Божия заповедь о размножении, данная Адаму и Еве еще в раю, не является греховной, а естественной для супружеской жизни. В православии добрые отношения между мужчиной и женщиной являются грехом, поскольку они нарушают другую заповедь – «Не прелюбодействуй».

Приведем текст, искажающий понимание христианской добродетели «терпение»: *Терпение считается добродетелью. Но за улыбкой и всепрощением очень часто скрываются неумение замечать свои собственные потребности и страх* (URL: http://www.el.ru/articles/cheers/page_16/006/579/article_6579.html). Обратите внимание, как ловко с помощью глагола «считается» и последующего контекста ставится под сомнение то, что терпение есть добродетель.

Тактика создания мифа о недолговечности веры, ее смертности реализована в таком тексте: ***Вера не должна быть идиотской. И любая вера однажды умирает. Вот не верит же никто теперь в древнеегипетских богов или в богов племени майя. Средневековый человек и впрямь считал, что мир устроен так, как учит церковь, как написано в Библии. Но у нас-то другой уровень знаний и опыт другой. В наше время быть «верующим» в церковном смысле может быть только полный мракобес или же это кривляние*** (URL: <http://religioznik.ru/moy-manifest/>). Происходит подмена тезиса: понятие веры заменяется малограмотностью, непросвещенностью и даже психическим заболеванием. В качестве аргумента приводятся мифологические персонажи, не имеющие ничего общего с христианством.

Миф о вере как причине безграмотности народа поддерживается, например, в следующем высказывании: ***«Я верю» всегда означает «я не знаю». К сожалению, если речь идет о религии, то в полном виде это должно звучать как «я не знаю и не желаю знать». Поэтому с таким скрипом, с таким трудом в клерикальных странах развиваются отрасли наук, изучающих природу человека, происхождение жизни и работу нашего сознания... Знание разрушает веру*** (URL: <https://ibigdan.livejournal.com/16478380.html>).

Предметом отдельного рассмотрения может быть вопрос об искажении православных заповедей, например: *Православие зовет людей в храм молиться: «Грехи, а потом тебе ничего не будет. Приходи к нам!»* (Комсомольская правда. 13.09.2011. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/25752/2738855/>).

Разрушение системы ценностей – это один из путей устранения психологической защиты общества от манипуляции сознанием. Оно произойдет, если «лишить человека нравственных ориентиров (системы координат «добро – зло») и поместить его в атмосферу аморальности» [Глобализм... 2015: 11], сказав, в частности, представления о христианских добродетелях. Этот механизм хорошо охарактеризован в современной притче о Черепахе:

«Жила-была обычная Черепаха и постоянно таскала на своей спине тяжелый панцирь. Каждый шаг давался Черепахе тяжело. И жизнь ее также была нелегкой. Но зато, когда из соседнего леса прибегала голодная Лиса, Черепаха прятала голову под панцирь и спокойно переживала опасность. Лиса прыгала вокруг, пробовала панцирь на зуб, применяла все присущие агрессору приемы, но Черепаха стояла на своем и оставалась живой.

Шло время, окружающий мир изменялся. В лесу появились новые телекоммуникационные средства. И однажды, выйдя из дома, Черепаха увидела висящий на дереве телевизионный экран, где демонстрировались летающие черепахи без панциря. Захлебывающийся от восторга диктор комментировал их полет: “Какая легкость! Какая скорость! Какая красота! Какое изящество!”

День смотрела черепаха эти передачи, два, три... И потом в ее голове родилась мысль, что она дура, раз таскает на себе подобную тяжесть – панцирь. Не лучше ли сбросить его? Да, немного страшно, но в последних новостях сказали, что будто Лиса стала вегетарианкой. Почему бы не полететь? Небо – оно такое большое и такое прекрасное!

“Достаточно отказаться от панциря, и мне сразу будет легче!” – думала Черепаха.

“Достаточно отказаться от панциря, и ее сразу будет легче съесть!” – думала Лиса, подписывая счет на очередную рекламу летающих черепах.

И в одно прекрасное утро, когда небо как никогда казалось большим, Черепаха сделала свой первый и последний шаг к свободе... от системы защиты» [Там же: 31–32].

Чтобы механизм разрушения системы защиты был наиболее эффективен, дискредитируют не только православные ценности и заповеди, но и того, кто является их проводником. И это очевидно, поскольку, «дискредитировав командование, достигается неуправляемость самой структуры. Дальше уже можно легко рушить всю эту структуру. Потому что там, где нет доверия к руководству, в том числе и к духовному, – там сама структура становится неуправляемой. Это уже не войско и не единение. Такая структура не может решать никаких задач. Это толпа, которую можно повести и завести куда угодно...» [Хасьминский. URL: <http://www.otsy.ru/main/pochemu?id=303>].

2. Речевые тактики и приемы дискредитации Русской православной церкви как социального института

С целью дискредитации православия активно используется **тактика бездоказательного обвинения Русской православной церкви во всех бедах и несчастьях народа и страны**, реализуемая при помощи бездоказательных утверждений генерализирующего характера. Для них характерно использование слов, подчеркивающих отношение описываемых явлений к Церкви, например: *Тотальная коррупция, олигархия и всевластие спецслужб напрямую связаны с возрождением Русской православной церкви (РПЦ)* (URL: <http://cinik-ru.livejournal>).

com/915440.html); *Толпы погромщиков, дезертиров, расстрельщиков, убийц и насильников воспитала именно церковь, в руках которой до 1917 года были все педагогические функции* (URL: <http://www.mk.ru/social/2012/09/24/752409-osobaya-forma-lyubvi-k-detyam.html>); *Лютую ярость порождают только православие и РПЦ* (Комсомольская правда. 21.01.2013); *РПЦ действительно сейчас является рассадником гомофобии, она как бы предоставляет идеологическую крышу для тех, кто готов избивать открытых ЛГБТ...* (URL: <http://sgs-gu.livejournal.com/56385.html>). Обвинение как один из «способов ведения информационной войны» нацелено на создание определенного стереотипного образа [Горбачева 2017: 27, 32] – образа Церкви как опасного института власти, связанного с идеологией насилия.

В текстах информационно-психологической войны Русскую православную церковь характеризуют как институт, представляющий опасность: *А если это у нас теперь такое иглоподобное православие и талибоориентированная РПЦ, – то вы должны, по крайней мере, отдавать себе отчет, что несете полную моральную ответственность за последствия* (URL: <https://ru.tsn.ua/blogi/themes/politics/enteo-kak-vyzov-pravoslaviiyu-470460.html>); *В данной статье рассказывается о том, что из себя представляет одна из самых опасных гомофобных организаций – православная церковь* (URL: <https://sites.google.com/site/gomofobiaputkvyrozdeniu/avlaetes-li-vy-latentnoj-lesbiankoj-test-na-skrytuu-zenskuu-gomoseksualnost/10-dokazatelstv-antihristianskoj-prirody-pravoslavia>).

Применяется также тактика обвинения Русской православной церкви в ее сотрудничестве с государственной властью, в поддержке этой власти (разумеется, действия власти при этом оцениваются исключительно негативно), что выражено при помощи метафорического словосочетания «золотая жила» в следующем высказывании: *По мнению Neue Zürcher Zeitung, православие в России не только глубоко укоренилось в народе, но и в течение многих столетий оказывало влияние на государственную власть, оправдывая «экспансию» и «автократию» российских правителей. Для «режима Путина», пишет автор, церковь стала настоящей «золотой жилой», способствующей возрождению и укреплению российского экспансионизма* (URL: <https://russian.rt.com/inotv/2015-04-02/NZZ-Russkoe-pravoslavie-stalo-zolotoj>). Эта же тактика прослеживается в таком высказывании: *Духовная инквизиция, сросшаяся и «окормляющая» путинскую государственную опричнину* (URL: <http://stomahin.info/articl/pravoslavnye.htm>).

Русская православная церковь восстанавливается после семидесятилетнего погрома и активно участвует в общественной жизни, что расценивается некоторыми как «клерикализация России». Многозначность слова «клерикализация» и смена его оценочного модуса от нейтрального к негативному позволяет реализовывать тактику запугивания, когда активные действия Церкви рассматриваются как угроза благополучию общества, например: *Клерикализация России – путь в новое варварство* (URL: <http://www.ateism.ru/article.htm?no=2160>); *Клерикализация шагает по стране. РПЦ ведет себя как нация, которая долгое время была угнетенной, а после неожиданного освобождения начала мстить всем окружающим за свои бывшие обиды* (URL: <http://www.sensusnovus.ru/policy/2012/07/24/14069.html>); *Клерикальная идеологизация государства — это путь в средневековье. Клерикализация – засилье представителей духовенства во власти. <...> Клерикализация России чревата огромными опасностями для страны* (URL: <http://www.molodostivivat.ru/sajt-molodost/klerikalizaciya-rossii-polzushhij-klerikalnyj-perevorot.html>). Широко используется также оценочный дериват *православизм*, образованный по той же модели, что и слова *коммунизм*, *фашизм*, *исланизм* и т. п., например: *Православизм – государственный строй России* (заголовок. URL: <http://www.li.ru/interface//pda/?jid=2799693&pid=358486696>).

Для текстов информационно-психологической войны характерна имплицитная подача бездоказательных утверждений, в том числе генерализирующего (обобщающего) характера, в форме вопросительных конструкций – так называемое исходное предположение вопроса [Падучева 1985: 64], например: *За что ненавидят Церковь?* (название форума. URL: <https://www.yaplakal.com/forum7/st/325/topic1185197.html>); *Разве проблема РПЦ только в «голубизне» ее иерархов?* (URL: <http://religioznik.ru/2014/01/razve-problema-rpc-tolko-v-golubizne-ee-ierarxov/>).

С целью дискредитации Русской православной церкви используется **тактика поношения**. Чтобы опорочить этот социальный институт, применяются различные негативно-оценочные эпитеты: *мракобесная*, *тоталитарная*, *фашистская* и др., например: *И пусть тот первый кинет камень, который услышит от меня, что **мракобесная** православная церковь именно в своем мракобесии отличается от мракобесия католиков, протестантов, иудеев и мусульман* (URL: http://mberg.net/pravoslavie_golovного_mozga).

Еще одна тактика в рамках анализируемой стратегии – **тактика бездоказательного приравнивания церковных обрядов, ритуалов**

к осуждаемым церковью же явлениям. Например, А. Невзоров в книге «Отставка господ бога. Зачем России православие?» пишет: *«Хотя мне совершенно непонятно, в чем принципиальное отличие гей-парадов от крестного хода?»*.

3. Речевые тактики и приемы дискредитации православных священников и прихожан

Используется тактика снижения образа священнослужителей не только путем искажения норм правописания слов (например, *котреарх* вместо *патриарх*) и придумывания окказионализмов, вызывающих ассоциации с силовыми структурами (*РПЦ-шники*, ср. *КГБшники*), но и при помощи выдвижения на первый план неважной, второстепенной информации. Например, на сайте газеты «Московский комсомолец» информация о том, что «Патриарх Кирилл посетил станцию “Беллинсгаузен” на острове Ватерлоо в Антарктиде» и «провел богослужение в единственном постоянно действующем храме – православном храме Святой Троицы», дана под видеофрагментом, в котором патриарху показывают пингвинов, и заголовком *Патриарх Кирилл пообщался с пингвинами в Антарктиде* (URL: <http://tv.mk.ru/video/2016/02/18/patriarkh-kirill-poobshhalsya-s-pingvinami-v-antarktide.html>).

Для внедрения мысли об опасности православия используют тактику проведения аналогий между православными и преступными группировками, например при помощи трансформации фразеологического сочетания *вор в законе*: *Православие в законе. Напоминание* (URL: <http://zdravomyslie.info/index.php/news/669-pravoslavie-v-zakone-napominanie>).

В характеристике православных людей используются приемы референциальной манипуляции, связанной с искажением образа денотата/референта [Беляева, Куликова 2009], когда выбор номинации определяется не действительностью, а исключительно интенцией автора. Осуществляется этот выбор путем замены нейтральных наименований на негативно-оценочные: *ряженные бородачи*, *православные компоики* (о православных священниках), *жлобствующие попы*, *церковные паразиты*, *православные ублюдки*, *православные мрази*, *православный биомусор*, *православное отродье*, *православное дерьмо* (о священниках и православных христианах) и др. (в том числе матерные, которые мы здесь не приводим). Например: *Православный биомусор. В столице прошла очередная акция «в защиту православия»* (URL: <http://religioznik.ru/2012/07/pravoslavnyj-biomusor/>); *Сталин – царь, уничтоживший большевиков и тем*

самым устраивающий не только Зюганова, но и церковь как идеолога государства **православных ублюдков** (URL: <http://www.istina.org/Bdland.htm>); Религия – это отличный способ сделать деньги на чужом невежестве. Православие кормит когорту **церковных паразитов** (URL: <http://6090m01.livejournal.com/>).

Наименования *православно-нацистские скоты, садисты, стукачи, черносотенные мракобесы, приспособленцы, бандит, убийца* и др. лежат в основе приема «навешивания ярлыков», например: *«Всякая власть от Бога», – говорил апостол Павел, и это библейская аксиома. Согласно этому высказыванию церковные приспособленцы-паразиты и действуют* (URL: https://pikabu.ru/story/gosudarstvo_i_tserkov_v_poslednee_vremya_otnosheniya_g_i_ts_vyizyivayut_bolshoy_obshchestvennyiy_interes_kak_vyi_dumaete_s_chem_yeto_svyazano_600406?dv=1). Причем ярлыки навешиваются и на конкретных священнослужителей, в частности на Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, например: *Вор – Патриарх – Кирилл Гундяев за хороший откат готов бордели, торговлю водкой и наркотой во всех церквях и храмах Руси открыть!* (URL: <http://www.kremlin-ru.info/reli.html>).

Приемы референциальной манипуляции реализуют тактику исключительно негативной характеристики православных людей, однако используются также с целью оскорбления, особенно при употреблении бранной лексики. Приведем один, на наш взгляд, убедительный пример **тактики оскорбления**: *«Срань господня!» – совершенно правильно назвали этого «патриарха» и его банду долгополых солистки Pussy riot. Вы мразь и нечисть, ребята в рясах и клобуках. «Православные ублюдки», – про вас уже вполне можно снять фильм под таким названием, куда там Тарантино!.. <...> Ваши попы – подонки, мерзавцы и стукачи. Вся «социальная группа» черносотенных мракобесов в рясах, да-да. Все, до одного, подонки, – нормальный человек там служить не сможет и не будет. <...> Все ваши «верующие», у которых постоянно «оскорбляются» некие «чуйства», – это такое же дерьмо, генетический мусор, отстой и отбросы цивилизации. <...> «Оскорбить православный народ»??? Или как они там, эти макаки бесхвостые, про Pussy riot писали? Нет, это решительно невозможно!!* (URL: <http://stomahin.info/articl/pravoslavnye.htm>).

4. Речевые тактики и приемы дискредитации святых и православных святых русского народа

Одной из святых русского православия является икона св. блгв. кн. Александра Невского, поэтому неслучайно имя Александра

Невского встречается в текстах информационно-психологической войны, в которых используется **тактика демифологизации**. Эта тактика заключается в дискредитации конструктивных народосберегающих мифов, при этом миф мы понимаем как «социально и/или личностно значимый идеализированный факт (событие, личность, социум, идеология и т. д.)» [Сковородников 2016: 246]). Она осуществляется постановкой символического имени мифа в отрицательно-окрашенный контекст, например: *Именно на верности православию спекулировал Александр Невский, который, опираясь на татар и церковь, строил свою диктатуру, положив начало традиции российского деспотизма и антизападничества. Тогда-то и начался прямой путь к Сталину* (URL: <http://shiropaev.livejournal.com/98850.html>), – выделенные слова формируют «нагруженный язык», позволяющий не приводить никакие факты, но при этом формировать отрицательный образ православного князя и оставлять негативный «осадо́к» у читателя.

Другая **тактика связана с десакрализацией святынь**, в частности икон, когда они характеризуются как обычный артефакт, не имеющий сакрального значения, не являющийся символом веры, при помощи перифрастических номинаций *раскрашенные доски* или *деревянные «святыни»* (разновидность приема референциальной манипуляции), например: *Вера – она внутри, а не в деревянных «святынях», патриарших рясах и блаженном соитии с действующей властью* (URL: <http://varlamov.ru/553301.html?page=6>).

Итак, риторика информационно-психологической войны против православия, представленная в сети Интернет, – это «черная риторика», направленная на подрыв доверия народа к православной религии и Русской православной церкви как ее институту и, в конечном счете, на ослабление и развал России. Она основана на размывании понятия православия; негативном противопоставлении его другим религиям; приравниванию православия к психическим заболеваниям, тоталитарным сектам или преступным группировкам и политическим идеологиям, характеризующимся применением насилия и террора; маркировании православных как «чужих» с помощью приемов референциальной манипуляции. Названная риторика отражает как идеологию акторов информационно-психологической войны против православия, так и языковую и ментальную реакцию определенной части аудитории, не владеющей навыками защиты от идеологического влияния и вольно или невольно выступающей на стороне этих акторов. Не принимать антиправославную риторику – один из способов противостояния в информационно-психологической войне.

3.10. Стратегии и тактики информационно-психологической войны в контексте российско-британских отношений

Война – это путь обмана.

Если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко.

Сунь Цзы. Искусство войны

Информационно-психологическая война сегодня уже стала привычной технологией управления информационными потоками в медийном пространстве, способной формировать общественное мнение в нужном для манипулятора направлении. Как отмечает С.А. Зеленский, «в вопросе ведения информационно-психологических войн важную роль играют средства массовой коммуникации, информации и пропаганды. Именно с помощью применяемых ими технологий СМИ оказывают идеологическое, политическое и моральное вмешательство в психику масс, то есть следует говорить о духовной экспансии в сознание масс» [Зеленский 2010б]. И здесь уже прослеживается активное использование информационной агрессии как очередной разновидности манипуляции, являющейся неотъемлемой технологией управления не только информационными потоками, но и массовым сознанием, причем в нужном для агрессора направлении. Благодаря правильно выстроенной тактике подачи информации становится возможным:

- «- вызвать негативное (агрессивное) отношение населения к руководству страны, лишить общество доверия правительству;
- вызвать у населения – жертвы агрессии – страх или панику, чтобы внести дезорганизацию в обычный порядок жизни;
- нанести ущерб международному имиджу страны, ее престижу;
- поставить под сомнение традиции, культуру, ценностные ориентации народа в интересах манипуляторов и стоящих за ними сил или элит» [Ермакова 2012].

В этом плане интересной становится информационно-психологическая война, развернувшаяся в медийном пространстве как со стороны Великобритании, так и со стороны России в так

называемом деле Скрипаля. Напомним основные моменты этой истории «шпионской истории». 4 марта 2018 года около торгового центра в г. Солсбери в бессознательном состоянии были обнаружены пожилой мужчина и молодая женщина и немедленно доставлены в больницу. Британское правительство незамедлительно обвинило Россию в отравлении экс-полковника ГРУ С. Скрипаля и его дочери Юлии нервно-паралитическим газом «Новичок». Россия, конечно же, отвергла бездоказательные обвинения. В ходе двустороннего «дипломатического обмена любезностями» в СМИ разгорелась на тот момент нешуточная информационно-психологическая война. В ходе проведения «военных действий» обе стороны использовали, кто сдержанно, кто рьяно, открытую информационную агрессию, целью которой являлось формирование негативного образа того или иного политического лидера, правительства противника в целом через чувство страха к нему. Поэтому в ход шли публичные выступления первых лиц государства, медийных лиц, новостные блоки в СМИ, а кто-то даже активно обращался к средствам публичной дипломатии.

Как видим, «полем битвы» становится единое информационное пространство, в котором любой индивид в любой его точке может получить интересующую его информацию, изначально заряженную определенными оценками, установками, формирующими определенные паттерны поведения. Для этого манипулятору достаточно правильно выбрать стратегию, подобрать соответствующие тактики, которые бы провоцировали эмоции, надежно закреплялись в подсознании, минуя при этом цензуру психики человека, которая представляет собой «барьер критичности на пути информации из внешнего мира и психики (мозг) человека, т. е. цензуре психики отведена роль критического анализа в оценке информации, поступающей из внешнего мира» [Зеленский 2010a]. И здесь на первый план, конечно же, выходят коммуникативные стратегии и тактики, где «коммуникативная стратегия – это основной путь, который должен привести к победе», а «коммуникативная тактика – конкретные приемы реализации стратегического замысла» [Чудинов, 2000:22]. Рассмотрим их на конкретных примерах.

Начнем с британских СМИ. Основные цели информационно-психологического противостояния – ослабление позиции РФ на международной арене посредством обвинения ее в попытке убийства сотрудника ГРУ С. Скрипаля, который по совместительству являлся еще и агентом британской разведки, хотя есть версии, что он активно

сотрудничал с чешской и польской разведками; распространение ложных сведений о деятельности российского правительства в преддверии президентских выборов для подрыва доверия избирателей к «новому» кандидату В.В. Путину. В связи с этим в этой войне, где доказательства практически были не нужны, активно всеми возможными стратегиями и тактиками информационно-психологического воздействия выстраивался демонический образ России как «страны-агрессора», постоянно вмешивающейся в ход политических событий разных стран, пособничающей наркомафии и терроризму.

В анализируемых статьях, опубликованных с 05.03.2018 по 10.04.2018 в The Guardian, The Telegraph, BBC, реализуется, исходя из целей, общая стратегия нанесения психологического ущерба объекту информационно-психологического воздействия – России и ее правительству в лице президента В.В. Путина, репрезентируемая субстратегиями «психологического напряжения», «дискредитации», «дезинформации», «диффамации», «героизации», «пробуждения сочувствия к жертве».

1. Стратегия психологического напряжения

• **Тактика «создания образа тяжелого прошлого».** Большинство исследуемых статей активно эксплуатируют данную тактику для реанимации в сознании европейских читателей образов холодной войны, безжалостного «сталинского режима» и «длинных рук КГБ», что должно привести к снижению критического восприятия информации адресатом и ввергнуть его в состояние растерянности. Наиболее действенным здесь становится прием «трансфер» (сродни пропагандистскому приему), заключающийся в выстраивании ассоциаций с кем-то/чем-то [Антонова 2007: 8]. Так, например, в статье «Взгляд Guardian на российскую шпионскую атаку: С. Скрипаль и посев раздора» (The Guardian. 09.03.2018) намеренно активизируются образы сталинской системы и СССР с его репрессивным режимом, что дает возможность очередной раз подчеркнуть, что современная Россия не отвечает международным принципам демократии, советский режим не исчез, он лишь модернизировался в соответствии с новыми веяниями времени: ***Внутренние неудачи и зверства советской системы не имеют большого значения в этой истории; И репрессивные режимы всегда должны рекламировать свою беспощадность, чтобы сдерживать общественное несогласие; Путинизм олицетворяет ощущение того, что Россию лишили богатства и статуса сверхдержавы. Миссис Мэй может и должна противостоять российскому режиму запугивания.***

Примечательно, что уже в этом примере проводится аналогия между режимами Сталина и Путина посредством введения термина «путинизм», предложенного политологом А.В. Никоновым, под которым он понимает нынешнее правление президента и его идеологию. Здесь стоит заметить, что в контекст данного термина вкладывается прежде всего лексическая составляющая либерально настроенных западных и российских политологов и социологов. Например, Марсель ван Херпен в своей работе «Путинизм. Медленный подъем радикально правого режима в России» отмечает, что в «путинизме» отчетливо проявляются черты режима Муссолини, бонапартизма Наполеона III и постмодернистского популизма С. Берлускони, что говорит о гибридности системы, которой присущ мягкий фашизм, разбавленный нотками ультра национализма, милитаризма и неоимпериализма [Van Herpen 2013]. Б. Вишневский считает, что для «путинизма» присущи все признаки советского режима, начиная с монополизации политической власти в руках президента и заканчивая приоритетом интересов государства над интересами личности [Вишневский 2017]. Такая трактовка исследуемого термина достаточно четко объясняет концовку высказывания, что «путинизм» – это режим запугивания, которому противостоит Т. Мэй, выступающая в роли защитника демократических европейских ценностей.

Прием аналогии в исследуемых статьях дает возможность подчеркнуть сходство некоторых периодов в поступательном развитии советско(российско)-британских отношений (прежде всего сотрудничество СССР и Великобритании в период 1970–1990-х годов, характеризовавшееся противоречивостью, неравномерностью, трансформацией политических систем и изменением внешнеполитических векторов): *Утверждение Терезы Мэй, что, вполне вероятно, Российское государство совершило акт агрессии, отравив двойного агента Сергея Скрипаля, погружает англо-российские отношения в свое худшее состояние со времен кризиса крылатых ракет в 1980-х годах* (The Guardian. 13.03.2018).

Прием метафоризации также способствует осмыслению неоднозначных российско-британских отношений, сложившихся в результате «безрассудного акта», якобы совершенного российскими агентами на территории Великобритании, и возможных политических последствий для обеих стран: *Представляется вероятным, что Александр Яковенко или другие дипломаты могут быть высланы, что вызовет волну изгнаний по принципу «око за око», поскольку*

отношения вступают в свободное падение (Guardian morning briefing. 13.03.2018).

• **Тактика «образа врага».** Можно отметить, что данная тактика вообще является излюбленной в СМИ, поскольку как манипулятивная технология она дает возможность, как отмечает С.А. Зеленский, искусственно создавать внешнюю либо внутреннюю угрозу, приводящую к накалу страстей в аудитории за счет погружения ее в состояние, схожее с измененными состояниями сознания (ИСС). В результате индивиды, находясь под таким воздействием, воспринимают все высказывания со стороны государства как меры безопасности, как стремление их защитить, и все правительственные акты оправдываются именно с этой позиции. В исследуемых нами публикациях эта тактика еще и усиливает тактику «создания тяжелого прошлого»: *Если это будет подтверждено в качестве российской акции использования химического оружия на британской земле, то это будет восприниматься актом крайней враждебности, предполагая, что г-н Путин стремится продемонстрировать способность проектировать агрессивную силу беспрепятственно по всему миру* (The Guardian. 09.03.2018);

Россия развила способность сеять раздор за границей (Там же); *Неудивительно, что русские думают, что старый мировой порядок рушится, что появляется возможность использовать полученный хаос и сумятицу для агрессивной силы с самодисциплиной* (The Guardian. 13.03.2018);

След химического эквивалента больше похож на те наглые вылеты, совершаемые время от времени российскими истребителями, которые залетают в воздушное пространство Великобритании. Это все можно расценивать как тестирование обороны врага (Там же);

Министр иностранных дел Борис Джонсон заявил, что если Российское государство продемонстрирует, что нападение является «прямым действием», то это «будет явным нарушением конвенции по химическому оружию, нарушением международного права и угрозой для тех, кто соблюдает основанный на правилах международный порядок (BBC. 13.03.2018);

Либо это было прямым действием Российского государства против нашей страны, либо российское правительство потеряло контроль над этим потенциально, катастрофически разрушительным агентом нервно-паралитического класса и позволило ему попасть в руки других», – добавила она [Т. Мэй], назвав попытку

убийства *«неизбирательным и безответственным актом против Соединенного Королевства, что подвергает опасности жизни невинных граждан»* (Guardian morning briefing. 13.03.2018).

Для поддержания данной тактики используется и прием психологического портрета врага: в некоторых публикациях активно эксплуатируется образ Президента РФ В.В. Путина, воплощающего в себе характеристики «злого гения» международных отношений: *...г-н Путин стремится продемонстрировать способность проектировать агрессивную силу беспрепятственно по всему миру* (The Guardian. 09.03.2018); *...хваставшийся новыми «непобедимыми» ядерными ракетами* (Там же); *Но он по-прежнему любит навести блеск своим полномочиям силовика* (Там же); *Вот почему Путин ненавидит санкции, введенные после аннексии Крыма* (Там же).

- **Тактика «наклеивания ярлыка».** В британских публикациях в первую волну информационной агрессии Россия представлялась как политический актор-агрессор, стремящийся навязывать свою политику террора, плести интриги, распространять вредоносную пропаганду. Данная тактика также поддерживает и усиливает «образ врага»: *Назначить Россию в качестве государственного спонсора терроризма* (The Guardian. 12.03.2018); *Российское вещание как двигатель злонамеренной пропаганды также нуждается в строгом внимании* (The Guardian. 09.03.2018); *Тереза Мэй почти напрямую обвинила Россию в отравлении Сергея и Юлии Скрипалей в Солсбери, заявив, что «очень вероятно» Москва виновата в «неизбирательном и безрассудном акте»* (Guardian morning briefing. 13.03.2018).

- **Тактика намека** предоставляет возможность читателям додумывать, сопоставлять имеющиеся знания об объекте речи, выстраивать соответствующие логические выводы: например, в статье «Бойцовские псы Путина: как ФСБ расправляется с врагами России без абсолютного вреда для себя» подводят читателя к мысли, что попытка отравления С. Скрипаля – это заказное убийство, проведенное ФСБ России, и таким образом утверждается причастность к этому В.В. Путина: *Нет никаких сомнений в том, что это имеет все признаки попытки «мокрухи» – российский эвфемизм убийства – российскими спецслужбами* (The Telegraph. 06.03.2018);

«Новичок» относится к нервно-паралитическим газам, разработан Советским Союзом в 1970–1980-х годах, чтобы избежать международных ограничений на химическое оружие (The Guardian. 13.03.2018).

2. Стратегия дискредитации

- **Тактика предположения.** В некоторых британских публикациях неоднократно проскальзывала мысль, что за многими загадочными убийствами и отравлениями российских бизнесменов, политических деятелей, произошедшими на британской земле, стоит Москва: *Но в одном комментарии к российскому государственному телевидению было отмечено, что «предатели родины» небезопасны на территории Великобритании, это наводит на мысль о «странных смертях» других русских в Великобритании за последние годы, не только на отравление Александра Литвиненко в 2006 г.* (The Guardian. 09.03.2018).

- **Тактика обвинения.** Чаше всего в британских печатных СМИ российское правительство обвиняют в смене вектора внешней политики, сокрытии агентов нервно-паралитического класса и причастности к убийствам государственных деятелей. Все это только усиливает тактику «образа врага»: *В меморандуме, отправленном в этом месяце в Специальный комитет по иностранным делам до того, как появились заявления об отравлении в Солсбери, Министерство иностранных дел заявило, что Россия все чаще определяет себя в оппозиции к Западу* (The Guardian. 12.03.2018);

Использование сложного агента нервно-паралитического класса указывает на попытку убийства государственного деятеля (The Guardian. 09.03.2018);

О существовании «Новичка» химик доктор Вил Мирзаянов рассказывал в 1990-е гг. в российских СМИ. Он говорит, что агенты нервно-паралитического класса были разработаны для того, чтобы избежать обнаружения их международными инспекторами (Там же);

Министр иностранных дел Борис Джонсон заявил, что президент России Владимир Путин «в подавляющем большинстве случаев» отдавал приказы о нападении. <...> Он также сказал, что у правительства Великобритании есть доказательства того, что Россия накапливает агенты нервно-паралитического класса, использованные в нападениях за последние 10 лет, и что оно расследовало способы доставки такого оружия для убийства (Там же).

- **Тактика разоблачения** в основном связана с развенчанием российской системы, выявлением слабых сторон ее становления и развития, приводящих к стагнации в экономике, да и самого руководства страны в целом: *Недостаток неосоветской модели состоит в том, что, как и в случае с СССР, она отдает предпочтение*

милитаризму, а не модернизации. Националистические махинации не могут навсегда скрыть экономический застой и коррупцию. Вот почему Владимир Путин ненавидит санкции, введенные после аннексии Крыма, и почему эти санкции жизненно важны. Финансовые ограничения – это то, что Россия не может игнорировать (The Guardian. 09.03.2018); *Путин не так силен, как кажется* (Там же).

- **Тактика обращения к авторитетному лицу.** Так, в статье «Взгляд Guardian на российскую шпионскую атаку: С. Скрипаль и сеяние раздора» приводится годичной давности высказывание политического деятеля о российской угрозе, что способствует усилению прогностического свойства авторитетного источника. Данная тактика сродни психологическому эффекту «голос пророка»: *В своем выступлении в прошлом году премьер-министр обвинил Россию в действиях, которые «угрожают международному порядку, от которого мы все зависим»* (The Guardian. 09.03.2018).

- **Тактика оскорбления:** Министерство обороны России назвало министра обороны Великобритании Гэвина Уильямсона «вульгарным старым гарпом» после того, как он сказал, что *Россия должна «уйти и заткнуться»* (The Guardian. 09.03.2018).

3. Стратегия диффамации

- **Тактика указания на некомпетентность мишени.** Например, в статье П. Винтура «Скандал вокруг Сергея Скрипаля привел к ухудшению российско-британских отношений. Что дальше?» выстраивается образ В.В. Путина как несостоятельного руководителя, неспособного управлять страной, а вся его политика ведет лишь только обвалу экономики: *В недавнем докладе эстонское разведывательное агентство заявило, что Путин «использует западные санкции, чтобы оградить себя от критики провальной экономической политики, и это помогает в какой-то степени обосновать фундаментальные слабости в экономике»* (The Guardian. 13.03.2018).

- **Тактика нагнетания порочащей информации,** содержащейся в высказываниях высокопоставленных или авторитетных лиц в той или иной сфере деятельности, для создания «видимой» объективности: *Ее [Т. Мэй] точка зрения заключалась в том, что Кремль проводит кампанию по подрыву институтов и правил, посредством которых демократические государства выстраивают свои отношения* (The Guardian. 09.03.2018); *Вил Мирзаянов, химик, принимавший участие в советской программе, сказал, что Россия была единственной страной, способной производить и использовать такой мощный агент нервно-паралитического класса,*

и предупредил, что многие люди могут заболеть (The Telegraph. 13.03.2018).

4. Стратегия дезинформации

- **Тактика преувеличения негатива:** *Мэй без остановки отбарабанила список российских преступлений против международного суверенитета и порядочности, включив сюда аннексию Крыма, хакерские атаки на правительственные домены других стран, в том числе «вмешательства в выборы», убийство Александра Литвиненко в Лондоне с помощью полония* (Guardian morning briefing. 13.03.2018);

Министр внутренних дел Эмбер Радд объявила, что MI5 и полиция должны изучить утверждение о том, что 14 смертей на территории Великобритании могут быть связаны с Россией (BBC. 13.03.2018).

- **Тактика переложения обвинения на объект:** *Тереза Мэй утверждает, что, весьма вероятно, Российское государство совершило акт агрессии, отравив двойного агента Сергея Скрипаля, что погружает англо-российские отношения в их худшее состояние со времен кризиса крылатых ракет в 80-х гг.* (Guardian morning briefing. 13.03.2018).

- **Тактика сокрытия фактов, доказывающих объективное положение дел.** Большинство публикаций по «делу Скрипаля» выдвигают одну-единственную версию о заказном убийстве экс-агента российскими спецслужбами, подкрепленную лишь изречениями высокопоставленных лиц государства, путаных показаний якобы очевидцев этой трагедии, косвенных намеков якобы ученых, участвовавших в разработке «Новичка». Стоит отметить, что при этом ни полицией, ни правительством Британии не представлены явные доказательства, свидетельствующие о причастности России к этому «вопиющему акту агрессии» (так и неизвестна судьба исполнителей и заказчика!), что очень напоминает «дело о химической атаке в Сирии»: *Полиция полагает, что Скрипали были «специально отравлены» и рассматривает дело как попытку убийства* (BBC. 13.03.2018).

- **Тактика предположения.** Данная тактика, как и стратегия дезинформирования, может способствовать формированию ложных представлений, иллюзий, распространению противоречивых сообщений об объекте, в основе которых чаще всего лежат неподтвержденные факты, суждения, мнения, что может привести к созданию искаженной информационной картины того или иного медийного события: *Персонал оборонного химико-биологического*

Радиологического и ядерного центра в Уилтшире идентифицировал агента нервно-паралитического класса. Его глава сказал, что точный источник агента нервно-паралитического класса не был проверен, но **он, вероятно, был использован «государственным субъектом»** (BBC. 13.03.2018).

5. Стратегия глорификации

- **Тактика создания «образа защитника демократических ценностей и международного права»:** *Миссис Мэй может и должна противостоять российскому режиму запугивания* (The Guardian. 09.03.2018).

- **Тактика «старшего брата»** заключается в убеждении читателя, что превентивные действия, направленные против объекта, будут лишь во благо последнему, поскольку он не осознает весь ужас последствий, поэтому «старший брат» вынужден их применить к нему в целях воспитания и сохранения установленного порядка: *События в Солсбери меняют это исчисление, и, по словам бывшего советника по национальной безопасности Лорда Рикетса, теперь задача состоит в том, чтобы «наказать Россию таким образом, чтобы Владимир Путин сел и обратил на это внимание»* (The Guardian. 12.03.2018);

Закон направлен на то, чтобы **наказать Россию за ее предполагаемое вмешательство в президентские выборы в США в 2016 г.** (Там же).

6. Стратегия возбуждения сочувствия к жертве преступления

- **Тактика позитивной портретной детали.** Так, в статье «Русский шпион: посольство предостерегает Великобританию от “карательных” мер» выстраивается милый образ Ю. Скрипаль, которая стала, как и ее отец, объектом покушения, чтобы вызвать сострадание у читателей за счет выхватывания конкретной детали из портрета: *Г-жа Скрипаль, по словам друзей, работала в транснациональных корпорациях, включая Nike и Pepsi, «всегда улыбалась, как и ее мать»*, добавила г-жа Петрова (BBC. 13.03.2018).

- **Тактика изображения сложного жизненного пути «жертвы».** В этой же статье дается описание жизни С. Скрипаля после освобождения из тюрьмы в 2010 году – смерть жены, старшего брата и сына, что должно вызвать сострадание.

А теперь остановимся на стратегиях и тактиках российских и дружественных им СМИ. Основной их целью в информационно-психологическом противостоянии является разоблачение провокационного и бездоказательного обвинения России в попытке убийства экс-сотрудника ГРУ Сергея Скрипаля и его дочери Юлии;

принуждение Великобритании допустить Россию к расследованию; закрепление в общественном сознании мысли, что Россия не причастна к данному инциденту. В связи с этим в анализируемых публикациях с 14.03 по 04.06.2018 года в «Аргументах и фактах» («АиФ»), ТАСС, «ПолитАналитика», «Sputnik/Беларусь» для защиты репутации РФ и отражения информационной агрессии со стороны евроатлантических СМИ были использованы коммуникативные стратегии «дискредитации», «антидискредитации», «стимулирования рассуждения» и «диффамации». Рассмотрим их подробнее.

7. Стратегия дискредитации

• **Тактика обвинения.** Так, в исследуемых статьях и заметках достаточно активно звучала мысль, что Лондон намеренно ведет антироссийскую кампанию, используя для этого нечистоплотные приемы для создания истерии вокруг «дела Скрипаля», тем самым отвлекая внимание общественности от внутрисполитических, а также внешнеполитических проблем самой Великобритании: *В свою очередь, министр иностранных дел РФ, выступая на форуме «Россия – страна возможностей», назвал «нечистоплотными» мотивы, которыми руководствуется Лондон в «деле Скрипаля», и связал действия британских властей с проблемами в их внутренней политике* (ТАСС. 15.03.2018, 1);

Официальный представитель МИД РФ Мария Захарова, выступая 15 марта на брифинге, высказала предположение о том, что отказ Лондона от сотрудничества с Москвой в расследовании обстоятельств чрезвычайного происшествия вызван намерением как можно шире раздуть антироссийскую истерию (Там же);

Российская сторона не сомневается, что Лондон развернул настоящую антироссийскую кампанию (ТАСС. 15.03.2018, 2);

В своем выступлении госпожа Мэй в целом обращалась к российским гражданам. Рассказывала о некой дружбе и любви к нашему народу. То, что имеет в виду Великобритания под фразой «любовь к россиянам», мы вчера увидели», – сказала она [Мария Захарова]. – Мы продолжаем это видеть и в международных организациях, там эта «любовь» особенно ярко проявляется, но не все это видят, потому что переговоры проходят за закрытыми дверями. <...> Вот там наши коллеги не стесняются «любить» российский народ по полной программе (Там же);

Представитель МИД РФ Мария Захарова заявила, что дело Скрипалей было нужно, чтобы оправдать нанесение в середине апреля ударов США и Великобритании по Сирии (АиФ. 29.04.2018);

Эта информация была скрыта именно британскими СМИ – была доступна ВВС, но они ее скрыли, – это еще одно косвенное подтверждение того, что улики пытаются скрыть и делают все, чтобы запутать всю историю от начала и до конца», – цитирует Захарову РИА Новости. <...> «Сегодня у нас есть все основания предъявить обвинения официальному Лондону в намеренной дезинформации, пропаганде и манипулировании общественным мнением», – отметила Захарова (АиФ. 12.04.2018).

• **Тактика разоблачения.** Авторы большинства статей, реализуя данную тактику, стараются сосредоточить внимание читателя на абсурдности и бездоказательности выдвинутых Лондоном обвинений в покушении на С. Скрипаль и его дочь Юлию, на не совсем уж «безобидной» личности экс-полковника ГРУ и его возможной роли в антитрамповском заговоре, ну и, конечно, на ученом-химике, заявившем о причастности России к отравлению. Для этого используются различные коммуникативные приемы:

1) разоблачение образа самой жертвы либо обвинителя: *Экс-полковник ГРУ Сергей Скрипаль был осужден в России за шпионаж в пользу Великобритании, отбыл часть тюремного заключения, после чего его передали Соединенному Королевству в рамках обмена на российских разведчиков (ТАСС. 15.03.2018);*

Первая его большая монография в начале 2000-х годов появилась на русском языке. Она содержала исторический очерк его жизни. В ней также не было абсолютно никаких формул, отсутствовали методы синтеза отравляющих веществ, – отмечается в записке. – Это подтверждало то, что реальными знаниями Мирзаянов не обладал, поскольку в научной организации он выполнял функции технического обеспечения проводимых работ. При этом химические вещества нового типа, о которых Мирзаянов написал в своей следующей работе в 2008 году, изучались с начала 1998 года в различных странах мира, в том числе в Соединенных Штатах. Формулу такого вещества в 1998 году представил, в частности, Эджвудский центр оборонных исследований и разработок армии США. В документе МИД предполагается, что именно ее и использовал Мирзаянов в новой работе, опубликованной на этот раз на английском языке. В книге впервые за 12 лет эмиграции в США появилась формула вещества, которая в полной мере соответствовала спектральным данным, представленным Эджвудским арсеналом в 1998 году, – говорится в записке. – Естественно, с политической

точки зрения (иначе бы он не получил дивиденды) Мирзаянов подвязал такой химикат к России (ТАСС. 11.05.2018);

2) разоблачение обвинений, выдвигаемых против политического актора-мишени: Фактически вместо доказательств Джонсон привел лишь подозрения и умозаключения, вздобавок основанные на неверных сведениях. Например, данные о характеристиках отравляющего вещества, именуемого «Новичок», появились в свободном доступе еще в 1990-х гг., когда их опубликовал в своей книге один из разработчиков этого вещества, переехавший из России в США. А в 1999 году, согласно публикации газеты *The New York Times*, американские военные получили допуск к этому веществу, когда участвовали в демонтаже химического института Нукусе (Узбекистан) (ТАСС. 15.03.2018, 1);

В дипломатическом представительстве также отметили, что «все дело против России строится на трех элементах: идентификации химического вещества, искусственных предположениях и выводах в отношении «послужного списка» и «мотива», а также на не поддающейся проверке «разведывательной информации» (ТАСС. 14.04.2018);

Туман рассеивается, и многочисленные обманы правительства Терезы Мэй проступают все четче. Первое вранье правительства Терезы Мэй о том, что британские эксперты установили страну изготовления химического вещества, которым якобы отравили Скрипалей, официально опровергли сами британские эксперты в лице руководителя лаборатории Портон-Дауна, – написала Захарова.

Второе, по мнению Захаровой, вранье – утверждения о якобы наличии у России мотива для отравления Скрипалей в связи с исторически плохим поведением России – были опровергнуты Москвой. <...>

Третье вранье правительства Терезы Мэй о том, что «Новичок» якобы производился только в России, опроверг президент Чехии, который подтвердил разработку этого отравляющего вещества его страной (ТАСС. 04.05.2018);

3) разоблачение через выявление несовершенств государственной системы противника: «Или это нормально в рамках британской правовой системы, когда правительство назначает виновных, а следственные органы затем подгоняют под это расследование?» – спросил Небензя (АиФ. 19.04.2018);

4) разоблачение через анализ оценок, предположений, выдвинутых в СМИ противника: *Обозреватели газеты The Guardian* Люк

Хардинг и Эндрю Рот попытались найти такой мотив. В своей статье они совершенно справедливо замечают, что никакой опасности для российских спецслужб Скрипаль не представлял. Более того, применение нервно-паралитического газа, который быстро будет связан с Россией, кажется верхом непрофессионализма. Если только...

Хардинг и Рот утверждают, что Москва провела показательную карательную акцию с целью посеять хаос в Великобритании. Терезу Мэй «коварный Путин» поставил в крайне затруднительное положение. Если ее ответ будет слишком мягким, политические оппоненты и избиратели обвинят ее в слабости. Если она задумает более жесткий ответ, ей потребуется помощь европейских коллег, с которыми ведутся очень непростые переговоры о выходе Соединенного Королевства из ЕС.

Придет ли помощь из США?

Авторы напоминают, что единственным американским официальным лицом, который полностью поддержал версию Мэй, был теперь уже бывший госсекретарь Рекс Тиллерсон. И его уволили на следующий день после этого. Итак – или проявить слабость, или рискнуть евроатлантическим единством (ПолитАналитика. 14.03.2018).

• **Тактика передачи слова авторитетному лицу.** Во многих публикациях такими лицами выступали министр иностранных дел РФ С. Лавров, официальный представитель МИД РФ М. Захарова, пресс-секретарь Президента РФ Д. Песков и ряд других политических деятелей, представляющих мнение не только российского правительства на международной арене, но и самого российского общества: *Она [М. Захарова] назвала происходящее «невозможным нонсенсом», отметив, что Лондон для продвижения своих целей прибегает к массированному использованию средств массовой информации и задействует все возможности публичной дипломатии, включая трибуну СБ ООН (ТАСС. 15.03.2018, 1);*

В беседе с журналистами представитель Кремля обратил внимание на тот факт, что обвинения со стороны Великобритании в адрес России «начали звучать даже до того момента, как могла появиться хоть какая-то информация об использованном веществе. Что само по себе говорит о присутствии в этой ситуации всех признаков провокации в отношении России», – констатировал Песков» (Там же).

Для создания дискредитирующего эффекта очень часто в отношении объекта используется уничижительно-ироническая интонация, что способствует приданию особой значимости и масштабности

его действиям, а также его разоблачению: *«У меня вопрос: так кто говорил правду? Гендиректор ОЗХО или Секретариат ОЗХО? Какой же невозможный позор вся эта британская возня вокруг Солсбери»*, – подчеркнула Мария Захарова (АиФ. 07.05.2018);

«Мы говорили, как только началось дело Скрипалей, что все увязано с Сирией», – сказала Захарова в эфире телеканала «Россия 1». Она отметила, что никаких доказательств применения химоружия в САР у Лондона не было, но была информация, «что даже на Великобританию напала Россия с использованием химического оружия» (АиФ. 29.04.2018).

Стоит отметить, что в некоторых случаях для усиления позиции авторитетного лица используется коммуникативный прием многократного повтора информации дискредитирующего характера в отношении мишени. Так, в публикации «Захарова: Москва не сомневается, что Лондон развернул настоящую антироссийскую кампанию» (ТАСС. 15.03.2018) в соответствии с психологическим эффектом «повторения» трижды воспроизводится мысль, что Мирзаянов не обладал необходимыми знаниями, поскольку всего лишь выполнял работу по техническому обеспечению исследования, а формула «Новичка» была представлена еще в 1998 году Эджвудским центром оборонных исследований и разработок армии США, которую он [Мирзаянов] и представил в своей книге, напечатанной впервые за 12 лет эмиграции в этой стране на английском языке.

• **Тактика выявления негативного подтекста.** Так, в статье Д. Дробницкого «Сергей Скрипаль и правда мог кое-кому помешать» задается определенная тональность, исходя из которой и выстраивается текст: *Британский премьер затеяла рискованную игру, обвинив Россию в покушении на жизнь бывшего сотрудника ГРУ Сергея Скрипаля и его дочери Юлии.*

Вряд ли Тереза Мэй рассчитывала на то, что Москва испугается ее ультиматума. Значит, надо будет предпринимать какие-то недружественные шаги – высылать дипломатов, замораживать чьи-то активы, вводить запреты на въезд в страну для «друзей Путина»...

Удивляет не только стремительность выводов – задолго до окончания следствия, – но и запредельная жесткость требований британской стороны. Чего стоит хотя бы запрос всей без исключения информации по программе «Новичок» (по созданию нервно-паралитических газов в позднем СССР). Причем информацию необходимо предоставить не ООН, не ОБСЕ, не Организации

по запрещению химоружия (ОЗХО), а именно правительству Великобритании.

Требования Соединенного Королевства как будто нарочно составлены так, чтобы ни одна уважающая себя страна не стала их выполнять. Значит, единственный расчет, который делается британским премьером, – это расчет на эскалацию (ПолитАналитика. 14.03.2018).

- **Тактика «детективного расследования»** представляет собой детальное, пошаговое разоблачение объекта, начиная с его мотивов и заканчивая ошибками. Например, в той же статье «Сергей Скрипаль и правда мог кое-кому помешать» автором прослеживается связь бывшего экс-полковника С. Скрипаля с экс-агентом МИ-6 К. Стиллом, составившим «русское досье» на Д. Трампа по заказу предвыборного штаба Х. Клинтон.

8. Стратегия диффамации

В основном данная стратегия представлена в публикациях тактикой указания на неполноценность мишени воздействия, ее некомпетентность в той или иной сфере:

Бывший советский химик **Вил Мирзаянов не обладал реальными знаниями в области создания химических отравляющих веществ**, а формулу «Новичка» (по версии британской стороны именно этим веществом 4 марта в Солсбери были отравлены экс-полковник ГРУ Сергей Скрипаль и его дочь Юлия) составил на основе данных американского института, связав ее с Россией из политических соображений (ТАСС. 11.05.2018);

Официальный представитель МИД РФ Мария Захарова заявила, что некоторые ответы Великобритании по «делу Скрипаля» очень путанные, будто **их писал душевнобольной** (АиФ. 29.03.2018);

Она напомнила, что ранее ОЗХО заявил, что против Скрипалей применили от 50 до 100 гр. нервно-паралитического вещества. «По оценке экспертов, такого количества химического отравляющего вещества достаточно, чтобы отравить жителей всех близлежащих к месту происшествия кварталов, а не то, что двух человек», – написала Захарова в Facebook (АиФ. 07.05.2018).

9. Стратегия стимулирования размышления

- **Тактика совместного рассуждения.** В публикациях данная тактика используется автором для создания эффекта диалога с читателем, где один из партнеров транслирует уточненные знания, новые обстоятельства, события, заставляя тем самым второго осознать, принимать или отторгать их. Для этого используются следующие приемы:

персонификация автора, репрезентируемая в тексте личным местоимением «я» и указательными, притяжательными формами: *Разумеется, все, что я написал, является лишь теоретической версией. Но мне кажется, она гораздо более цельная, чем версия издания The Guardian, которую я привел в начале статьи. Кроме того, мою версию можно проверить, если как следует «покопать»* (ПолитАналитика. 14.03.2018);

дубитация: *В связи с этим возникает закономерный вопрос: а не было ли так и задумано? Не «спрятали» ли реальное преступление за занавесом антироссийской истерии? Заметим, спрятали быстро и довольно надежно. Кто теперь будет разговаривать об уликах, когда Москва и Лондон будут обмениваться нотами и ультиматумами?*

Так кому же мог помешать отставной шпион Скрипаль? Что такого опасного он мог знать? И о ком? (ПолитАналитика. 14.03.2018); Почему анализ отравляющего вещества делали на близлежащей военной базе? Почему не были приглашены специалисты ОЗХО? Почему отказались предоставить образец вещества российской стороне? (Там же);

выражение собственной позиции посредством вводных слов, обстоятельств образа действия, модальных глаголов: *Почти наверняка он при этом подписал обязательства о сотрудничестве* (ПолитАналитика. 14.03.2018); *Разумеется, уже не силами интеллектуального политического расследования, а силами спецслужб* (Там же); *Возможно, эскалацию не слишком серьезную – это «сделали русские», Королевство ввело санкции, русские все отрицают, они плохие, дело закрыто* (Там же);

Но, к сожалению, думается, что этот призыв на Западе пока слышать не готовы, так же как не считают возможным примириться с желанием России восстановить статус сверхдержавы и растущим влиянием Москвы на ситуацию в мире. Дело выглядит так, что пока востребована конфронтационная повестка, которая, к слову, приносит неплохие дивиденды военно-промышленному комплексу США. Поэтому Россию будут стараться всеми силами низвести до уровня страны-изгоя, угрозы безопасности для всего «цивилизованного мира» (Sputnik/Беларусь. 14.03.2018); *Думается, что тот самый электоральный «эффект Крыма» и готовность «сильного президента» твердо отстаивать интересы России на международной арене объясняют в популярности Путина очень многое* (Там же);

обращение посредством вопроса: *Но он в коме. Удобно, не правда ли?* (ПолитАналитика. 14.03.2018);

ориентация на диалог через личное местоимение 1-го лица множественного числа: *Конечно, когда кажется, то креститься надо, но в данном случае мы имеем дело с силой убеждения «четвертой власти» на примере лидера ведущей мировой сверхдержавы (Sputnik/Беларусь. 14.03.2018).*

• **Тактика предположения:** *Разумно предположить, что он был консультантом Стила. Вместе они могли нафантазировать все что угодно на основе знаний Сергея Скрипаля о специфике работы российских спецслужб на рубеже веков. Впрочем, сочинительством мог заниматься и один Кристофер Стил, а бывший грушник просто консультировал его. И в этом качестве он был совершенно не опасен для спецслужб России: таких консультантов на Западе пруд пруди. Но если Скрипаль и правда работал вместе со Стилом, то он действительно знал, что его «русское досье» – полный фейк. Возможно, он знал даже нечто большее – о заказчиках, о том, как фабриковали дело о «российском вмешательстве», может быть, даже об основных действующих лицах антитрамповского заговора в США. И вот это уже опасное знание (ПолитАналитика. 14.03.2018);*

Процессом доказывания и представления каких-либо внятных аргументов в такой ситуации никто особо заморачиваться не будет, что уже было опробовано во время отстранения НОК РФ от участия в прошедшей Олимпиаде. Ведь тогда позиция также была сформирована не за счет фактов, а за счет массива обличающей информации в СМИ и показаний бывшего российского спортивного функционера Григория Родченкова. Похоже, что в случае с отравлением Скрипаля история практически повторяется (Sputnik/Беларусь. 14.03.2018).

• **Тактика «ты – наш враг, и ты умрешь».** Данная тактика близка к тактике предположения, но, в отличие от последней, она дает возможность автору проследить причинно-следственные связи и продемонстрировать доводы, объясняющие истинную причину того, почему мишенью стал тот или иной объект и почему остальным политическим субъектам невыгодно укрепление его позиций на мировой арене: *Дело выглядит так, что пока востребована конфронтационная повестка, которая, к слову, приносит неплохие дивиденды военно-промышленному комплексу США. Поэтому Россию будут стараться всеми силами низвести до уровня страны-изгоя, угрозы безопасности для всего «цивилизованного мира» (Sputnik/Беларусь. 14.03.2018).*

• **Тактика «дешевый шпионский детектив».** Эта тактика сродни тактике предположения, но в ней автор, опираясь на факты, выстраивает развитие события по канонам детектива. Так, в статье А. Сидорчика «“Токсичный кинжал”. Скрипалю отравили во время учений спецназа Британии?», во-первых, явно прослеживаются три этапа развития детективного сюжета: 1) загадка (попытка отравления С. Скрипалю неизвестными); 2) ход расследования (описание деятельности британского Комплекса химической и биологической войны (Портон-Даун), DSLT (Лаборатория оборонной науки и техники) и учения «Токсичный удар» британских спецназовцев 40 Commando Royal Marines) и 3) разоблачение (отравление «двойного агента», как предполагает автор, стало результатом совместных учений «Токсичный удар» британских спецназовцев 40 Commando Royal Marines, специалистов британского Комплекса химической и биологической войны (Портон-Даун) и DSLT (Лаборатория оборонной науки и техники) и... российских агентов, стремившихся отомстить «предателю родины»). Во-вторых, цель «детективной истории» – раскрыть «загадку» (отравление С. Скрипалю), поэтому для развития сюжета избирается логический процесс, посредством которого автор по цепочке избираемых им фактов приходит к умозаключению (истине), почему и как был отравлен экс-шпион. Ну и, в-третьих, в статье также представлена персонажная парадигма: с одной стороны, положительные (британский спецназ и специалисты центра исследований химического оружия), а с другой – отрицательные герои (российские агенты). В результате все это приводит к тому, что выдвигается достаточно убедительное, но по своей сути ироничное предположение, как же произошло отравление экс-полковника ГРУ С. Скрипалю, основанное, еще раз подчеркнем, на фактах и логических выводах: *А теперь давайте немного пофантазируем. Российские агенты, решившие покончить с изменником, уже много лет проживающим в Великобритании, применяют для его ликвидации нервно-паралитический газ. Делают это они чуть более чем в 10 километрах от крупнейшего британского центра исследований химического оружия. Более того, российские агенты атакуют Скрипалю и его дочь именно в период учений британского спецназа, который всего в нескольких километрах от места отравления отрабатывает методы борьбы с химическим оружием. Поистине, для полноты картины не хватает только записки «Это сделали мы, агенты Путина».*

Могли ли Сергей Скрипаль и его дочь стать случайными жертвами британских учений, когда что-то пошло не так? Подобная

версия, откровенно говоря, выглядит куда правдоподобнее той, которую усердно продвигает официальный Лондон (АиФ. 22.03.2018).

• **Тактика расследования** посредством дедуктивного/индуктивного метода. Так, в статье Д. Дробницкого «Сергей Скрипаль и правда мог кое-кому помешать» отправной точкой становится тезис, что премьер-министр Великобритании «затягла рискованную игру» с Россией. Пошагово автор, осмысливая комментарии обозревателей газеты The Guardian Мока Хардинга и Эндрю Рота, пытается определить мотив, подтолкнувший Т. Мэй выдвинуть ультиматум Москве и привести российско-британские отношения к «легкой эскалации», и как со всем этим связан С. Скрипаль. В заключение говорится о том, что «такие действия и блокируются ультиматумом Терезы Мэй и новым расследованием министерства внутренних дел Соединенного Королевства, в котором шестнадцать разных преступлений соединены в одно дело на основании одной статьи в скандальном издании BuzzFeed. Вывод: вся эта история с отравлением лишь ширма, чтобы прикрыть антитрамповский заговор в США, но финал остается открытым. Автор не дает четкого ответа, поскольку это всего лишь версия, основанная на его «интеллектуальном политическом расследовании», читатель должен сам осознать текст и сделать свои умозаключения.

• **Тактика прогноза будущих отношений.** Например, в статье А. Шпаковского «Дело Скрипаля – вишенка на торте в информационной войне с Россией» автор, исходя из сложившейся ситуации на политической международной арене под влиянием «дела Скрипаля», дает, увы, неутешительные прогнозы развития современных международных отношений: *Пока очевидно одно: в оперативной перспективе необходимо готовиться к дальнейшей эскалации между РФ и евроатлантическим сообществом. Вероятно, последует отъем «честно заработанных денег» российских олигархов в британских банках и странах Содружества, существует угроза бойкота ЧМ по футболу 2018 года, есть опасность военных провокаций в Крыму, на Донбассе, в Сирии, против российских интересов в Африке, Латинской Америке.*

Кроме того, России стоит готовиться к попыткам ограничить международную легитимность руководства страны не только за счет санкций, но также за счет вынесения вопроса о признании итогов президентских выборов, которые проводились на территории Крыма (Sputnik/Беларусь. 14.03.2018).

• **Тактика ситуационного анализа.** Так, основной целью статьи А. Шпаковского «Дело Скрипаля – вишенка на торте

в информационной войне с Россией» становится прояснение международной обстановки в связи с «делом Скрипаля». Для этого автор избирает следующую логику изложения материала: сначала дает описание сложившейся ситуации, затем выявляет, что спровоцировало данное событие в сфере международных отношений – какие иные события произошли ранее, какие факторы способствовали развитию конфликта, как себя вели участники этого инцидента; после дает допустимый и имеющий достаточно высокую степень вероятности развития «негативный» сценарий, включающий в себя прежде всего возможные последствия не только для евроатлантического сообщества, но и для России с ее союзником – Беларусью.

• **Тактика поляризации.** В этой же статье достаточно четко прослеживается разделение современного политического мира на «своих» и «чужих», где «свои» – Россия и ее союзники (Беларусь), а «чужие» – евроатлантическая коалиция во главе с Великобританией и США. Такое деление обнаруживается в результате выстраивания причинно-следственных связей, доказывающих позицию говорящего относительно деления политических сил на два враждующих лагеря: *Пока очевидно одно: в оперативной перспективе необходимо готовиться к дальнейшей эскалации между РФ и евроатлантическим сообществом (Sputnik/Беларусь. 14.03.2018);*

Также стоит отметить, что все вышеперечисленные обстоятельства имеют серьезное значение для Беларуси. Причем не только в контексте союзнических обязательств перед РФ, тесных экономических связей между нашими странами, но также в связи с курсом отечественной дипломатии на презентацию Минска в качестве международной миротворческой площадки (Sputnik/Беларусь. 14.03.2018).

10. Стратегия антидискредитации

• **Тактика опровержения.** Исследуемая тактика дает возможность опровергнуть причастность субъекта к тому или иному событию и закрепить в сознании общественности презумпцию его невиновности: *Специалисты исследовательского центра в Швейцарии, анализировавшие пробы ОЗХО с места инцидента в Солсбери, пришли к выводу, что при отравлении экс-сотрудника ГРУ Сергея Скрипаля и его дочери был использован токсичный химикат ВЗ. Об этом, выступая на заседании СВОП, сообщил глава МИД России Сергей Лавров. <...> «ВЗ является нервно-паралитическим веществом, временно выводящим человека из строя. Данная рецептура находилась на вооружении армии США, Великобритании и других стран*

НАТО. В СССР и России разработок подобных химических соединений не осуществлялось», – рассказал Лавров (АиФ. 14.04.2018);

В очередной раз подчеркнув, что «российская сторона не имеет никакого отношения к тому инциденту, который произошел со Скрипалем в Солсбери», Песков добавил: «...конечно, мы обеспокоены этой ситуацией, но будем терпеливо и последовательно доводить свою позицию до международного общественного мнения» (ТАСС. 15.03.2018).

• **Тактика передачи защитного слова авторитетному лицу,** выступающая как вспомогательная к тактике опровержения. Для усиления эффекта отрицания чаще всего используется прием «лидеры мнения»: люди охотно верят тем, кого они уважают, кому доверяют. Поэтому во многих публикациях данной тематики такими авторитетами выступали министр иностранных дел РФ С. Лавров, официальный представитель МИД РФ М. Захарова, пресс-секретарь Президента РФ Д. Песков и ряд других политических деятелей: *Ранее глава департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России Владимир Ермаков заявлял, что Москва считает нападение на экс-офицера ГРУ Сергея Скрипаля и его дочь в Великобритании терактом. По его словам, либо Лондон это нападение срежиссировал, либо не способен обеспечить на своей территории защиту от теракта. Он также добавил, что британская сторона продолжает отказывать Москве в доступе к материалам расследования без объяснения причин, и допустил, что реальные улики за время после инцидента уже могли исчезнуть (АиФ. 29.04.2018);*

В так называемом деле Скрипаля присутствуют «все признаки провокации в отношении России», заявил в четверг пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков. Схожие формулировки использовал и министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, который вдобавок назвал выдвинутые Лондоном против России обвинения «абсолютно хамскими и голословными» (ТАСС. 15.03.2018);

Россия подверглась информационным провокациям по делу об отравлении Скрипалей в Великобритании, когда РФ обвинили в том, что она не совершала, при этом не дали возможность принять участие в расследовании этого инцидента... Совершенно очевидно, что либо этого инцидента в принципе не было, либо нужно искать виновных в Великобритании. Мы говорим о том, что это инсценированная провокация, которая ставила целью создать напряжение по отношению к нашей стране», – сказал он [спикер Госдумы Вячеслав Володин] (ТАСС. 04.06.2018).

• **Тактика «мы готовы, но с нами не хотят сотрудничать».**

Данная тактика дает возможность сработать принципу «невиновный до тех пор, пока его вина не доказана», что усиливается и за счет того, что «виновный» сам старается всеми силами помочь разобраться в сложном, запутанном деле: стремится не только себя «обелить», но и докопаться до истины. Так, в публикации «Захарова: Британия отказывается от любых контактов с РФ по делу Скрипаля» активно продвигается мысль, что правительство России всеми силами пытается установить диалог с Великобританией для проведения совместного расследования этого инцидента, но Лондон не идет навстречу, отмалчивается, игнорирует все просьбы, дипломатические ноты Москвы: *«С первого же момента официально в нотной переписке, по дипломатическим каналам, через наше посольство в Великобритании, непосредственно связывались с британскими послами в Москве, мы настоятельно просили, предлагали, а потом и требовали начать совместный разговор, начать совместное изучение тех материалов, которыми обладает официально Лондон», – заявила дипломат.*

Однако Великобритания, по ее словам, «инициативно, официально и даже публично отказывается от контактов с Россией» (АиФ. 04.04.2018);

Наряду с этим Москва вновь подтвердила полную готовность сотрудничать на основе принятых международных норм в расследовании обстоятельств отравления в Великобритании экс-сотрудника ГРУ Сергея Скрипаля и его дочери Юлии. В то же время официальный представитель МИД РФ Мария Захарова упрекнула Лондон в «нескрываемом желании не взаимодействовать» (ТАСС. 15.03.2018);

Тем не менее, по ее словам, Россия по-прежнему готова к сотрудничеству с британской стороной. «Российская сторона официально заявила и заявляет о том, что готова работать по всем механизмам, предполагающим работу в рамках и на площадке, используя соответствующий инструментарий Организации по запрещению химического оружия, но на сегодняшний момент эта тенденция – и она только укрепляется – Лондон отказывает нам в работе в этом правовом поле», – констатировала официальный представитель МИД (Там же).

• **Тактика «с нами не считаются»,** выступающая вспомогательной к тактике «мы готовы, но с нами не хотят сотрудничать». Данная тактика усиливает эффект отчуждения субъекта, выступившего психологической мишенью, показывает, что в роли жертвы

оказывается именно он, а не манипулятор, который всеми силами старается показать обратное: *По ее словам (М. Захаровой), на большинство документов России Лондон вообще не отвечает. Вторая форма – это отписки, что «мы все уже сказали, следите за выступлениями».* Еще один вариант – «документы, которые, такое впечатление, писал душевнобольной. Когда перепутано все: даты, имена, должности», – сказала Захарова в интервью телеканалу «Звезда» (АиФ. 29.03.2018); Захарова подчеркнула, что российская сторона не получила эти результаты (выводы лаборатории в Портон-Дауне, касающиеся инцидента с отравлением) как официальные материалы. *«Обо всем мы точно так же узнаем из СМИ»,* – сказала она (АиФ. 05.04.2018).

• **Тактика «без вины виноваты».** Так, в большинстве публикаций четко прослеживается мысль, что Россия изначально будет виновата во всех грехах только потому, что она Россия, и доказательства в ее виновности никому не нужны: *«Запад утверждает, что направляет обращения в адрес России, которые остаются без ответа»,* – уточнил глава МИД РФ. *Однако в этих обращениях фигурирует только одно: признать, что Скрипalia отравили приказом сверху, либо признать, что РФ потеряла контроль и кто-то украл отравляющее вещество и применил его в Солсбери* (АиФ. 02.04.2018);

Так или иначе, теперь речь идет о пятнадцати смертях и одном покушении на убийство. И во всех этих трагедиях уже негласно подозревается Россия. А поскольку Москве не дали ни времени, ни возможности договориться о сотрудничестве в расследовании всех этих инцидентов, то обвинения в ее адрес, скорее всего, так и не будут опровергнуты. Впрочем, подтверждены они, конечно, тоже не будут. Да этого и не нужно. «Все знают, что это русские». Знакомая технология! (ПолитАналитика. 14.03.2018).

• **Тактика «Россия – сверхдержава».** Эта тактика становится неким логическим продолжением предыдущей тактики, поскольку в ней объясняется тот факт, почему Россия виновата во всем и почему современные сверхдержавы либо мнящие себя таковыми видят в ней источник всех бед: *Ситуация на настоящем этапе такова, что Россия готова ответить на любые вызовы и уверена в своих силах ровно в той же степени, в которой Запад непоколебим в своем желании принудить Москву играть по правилам «нового мирового порядка», который сложился после краха Советского Союза* (Sputnik/Беларусь. 14.03.2018);

«Вы знаете, что мы, разумеется, ответим адекватно. Мы не будем никогда прогибаться под ультиматумы, это не тот язык, на котором нужно разговаривать с Российской Федерацией», – подчеркнул министр (ТАСС. 09.04.2018).

• **Тактика развенчания лживого источника.** Сущность данной тактики заключается в опровержении ранее поданной информации, направленной на дискредитацию объекта, за счет негативной оценки самого источника либо его деятельности: *Но именно такие действия и блокируются ультиматумом Терезы Мэй и новым расследованием министерства внутренних дел Соединенного Королевства, в котором шестнадцать разных преступлений соединены в одно дело на основании одной статьи в скандальном издании BuzzFeed. Кстати, любопытный штрих: это то самое издание, которое первым опубликовало «русское досье» Кристофера Стила (ПолитАналитика. 14.03.2018);*

«Очень негативную, особую роль играет Лондон, который буквально охмурил большинство стран ЕС за счет аферы с так называемым делом Скрипалей, огульно обвинив Россию, еще когда расследование даже не начиналось, и оно сейчас еще продолжается, а потом уговорив без предъявления фактов все страны ЕС присоединиться к высылке дипломатов, пообещав, что потом факты будут предоставлены. Но потом выясняется, что все эти факты рассыпаются, как карточный домик», – отметил Лавров (ТАСС. 29.05.2018).

Как видим, в исследуемых текстах, исходя из поставленных коммуникативных целей ИПВ, обоими участниками конфликта избирались те стратегии и тактики, которые больше всего могли нанести психологический урон объекту воздействия. Стоит отметить, что, в зависимости от политического накала «дела Скрипаля» в контексте российско-британских отношений и влияния на это международного общественного мнения, тональность сообщений британских СМИ менялась от агрессивного обвинения до осознания возможных социальных последствий для самой Великобритании, а российские и дружественные СМИ, оперируя фактами, данными, мнениями специалистов, уверенно закрепились в позиции невинности России в «трагедии в Солсбери».

3.11. Дискурсивный мир информационно-психологической войны в британских средствах массовой коммуникации

В сетевом пространстве постмодерна реальность воспринимается через трактовку, существует только то, о чем пишут медиа.

В.М. Коровин.

Третья мировая сетевая война

Введение. В современном мире понятие «информация» воспринимается не как совокупность множества данных, а как активная сила, служащая целям миромоделирования, то есть такого структурирования сведений о действительности, которое порождает особую реальность в чьих-либо интересах. «Заказывая» нужную картину мира, сильные мира сего используют разные способы. В эпоху развития постиндустриальных технологий важен канал передачи информации и охват аудитории. Действительность оказывается репрезентированной. Она воспринимается «через трактовку». Реальность, или то, что мы считаем таковой, сознательно конструируется в средствах массовой коммуникации – газетах, журналах, радио, телевидении, Интернете, а также в новейших цифровых гаджетах. Поэтому использование информационных, коммуникационных и медийных инноваций в сценариях войны представляет большой интерес для правительств, разведывательных управлений, военных, экспертов по национальной безопасности, а также специалистов, занимающихся разработкой компьютерных технологий, правоведов, политологов, историков, философов [Арчаков, Макаров 2017; Белова 2015; Война и мир... URL: <http://www.voina-i-mir.ru/chapter/3>; Жаркова 2014; Желудков 2017; Карякин 2011; Мушта 2009; Некляев 2008; Панцерев 2009; Расторгуев 1999, 2003; Черных, Зуева 2017 и др.]. Тема информационных войн становится все более актуальной для филологов, поскольку именно язык служит неотъемлемой составляющей реализации военных стратегий и тактик информационно-психологического противоборства [Агапова, Гущина 2017; Алексеев, Алексеева 2016; Бабикова, Цыганкова 2017; Иванова 2016; Копнина 2017; Копнина, Сковородников 2016, 2017; Коцюбинская 2015; Кошкарлова 2018; Кошкарлова, Руженцева, Зотова 2018; Лингвистика информационно-психологической войны 2017; Озюменко 2017; Сковородников, Копнина 2016а, 2016б; Тагильцева 2012 и др.].

Во второй половине XX века понятие войны, традиционно ассоциируемое с формами прямого политического противоборства враждующих сторон и физическим уничтожением в условиях вооруженных конфликтов, семантически расширяется. Речь идет не о типах войн, выделяемых по социально-политическому (захватнические, освободительные, справедливые, несправедливые) или стратегическому (мировые, региональные, локальные) содержанию, а о разновидностях борьбы по способу и характеру действия, обозначаемых терминами *information war*, *information warfare*, *cyberwar*, *cyberwarfare*, *electronic warfare*, *neocortical warfare*, *netwar* и др.

Известно, что впервые словосочетание *information war* (информационная война) употребил А. Даллес в 1967 году для описания сепаратных переговоров между США и Великобританией, с одной стороны, и Германией – с другой, но годом рождения термина считается 1976. Его появление обычно связывают с именем физика, советника по науке Министерства обороны США Томаса Рона, представившего отчет об информационной инфраструктуре как уязвимой составляющей американской экономики [Rona. URL: http://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/FOID/Reading%20Room/Science_and_Technology/09-F-0070-Weapon-Systems-and-Information-War.pdf]. Несмотря на то что публикация вызвала оживление экспертов американских спецслужб, систематические исследования феномена не велись еще почти двадцать лет [Почепцов 2015: 147].

Официальное использование термина *information warfare* (информационная война), содержащего родовое понятие *противоборство*, начинается министерством обороны США в 1992 году для обозначения разновидности радиоэлектронной борьбы [Соловьев 2010: 76]. Дж. Стайн дает широкое определение: *information warfare* – это использование информации для достижения национальных целей. Признавая ключевой эпистемологическую составляющую военного противоборства, он фактически закладывает основы развития теории информационно-психологической войны, которая касается того, как люди думают и принимают решения, и располагает ресурсами влияния на массовое сознание. Мишень информационной войны – человеческий разум, особенно тот, который несет ответственность за ключевые решения [Stein. URL: <http://www.iwar.org.uk/iwar/resources/airchronicles/stein.htm>].

Психологический аспект сочетается с физиологическим и когнитивным в работе Р. Шафрански; он вводит понятие *neocortical warfare* (неокортикальная война) для обозначения разновидности

войны, которая стремится контролировать или формировать поведение врагов без их уничтожения. В ее основе – влияние через активизацию неокортикальных областей мозга, позволяющих человеку контролировать чувства. Наивысшим искусством в такой войне признается подчинение врага без боя. Для этого, как пишет автор, необходимо понимать культуру, мировоззрение и репрезентативные системы противника, которые он признает, ценит и использует. Подавление противников без насилия рассматривается как война будущего самого сложного типа [Szafranski 1994: 41–55].

В начале 1990-х годов осознается необходимость создания единой теории, которая бы объединяла, разъясняла и разграничивала существующие и активно используемые понятия: *electronic warfare* (электронная война), *psychological operations* (психологические операции), *cyberwar* (кибервойна) и др., а также соотносимые, но не тождественные терминосочетания *information war* и *information warfare*. Нарастающий интерес к широкому кругу проблем, касающихся информационной борьбы, на фоне сложной геополитической ситуации также стимулирует развитие теории информационных войн. К ведущим зарубежным теоретикам причисляют З. Бжезинского, М. Либика, Дж. Стейна, Р. Шафрански, Дж. Аркилла и Д. Ронфельдта. Г.Г. Почепцов обозначает основные этапы развития теории информационной войны:

1) начало 1990-х годов, связанное с деятельностью специалистов авиауниверситета ВВС США по изучению войны будущего;

2) конец 1990-х годов, отмеченный работами Дж. Аркилла об информационной стратегии, кибервойне и сетевой войне [Arquilla 1996];

3) 2000-е годы – активная деятельность практиков-военных, занимающихся информационными операциями и операциями влияния [Почепцов 2015: 147–148].

Интегрируя опыт зарубежных и отечественных специалистов, приходится признать, что однозначное определение информационной войны отсутствует. Это объясняется: 1) сложностью и многогранностью понятия, которое представляет междисциплинарный интерес для политологов, социологов, философов, конфликтологов, военных, специалистов разведки и др.; 2) расхождением теоретических и методологических позиций исследователей, обращающихся к изучению феномена в условиях разных национальных культур и систем безопасности; 3) собственно лингвистическими причинами, связанными с несовпадением семантического объема понятий,

передаваемого лексическими средствами английского и русского языков.

1.1. Аспекты исследования информационной войны

Анализируя отечественную литературу по обсуждаемой теме, А.П. Сковородников и Г.А. Копнина констатируют многогранность феномена информационной войны и обозначают целый ряд аспектов его исследования: историко-политический, политологический, философский, социально-экономический, военно-стратегический, научно-технический, журналистский, психологический, методологический и др. [Лингвистика... 2017: 9]. К этому ряду добавим результаты осмысления авторитетных англоязычных публикаций военно-стратегического характера [Arquilla 2011; Arquilla & Ronfeldt 1996, 2001; Brose 2015; Brzezinski 2012; Denning 1999; Libicki 1995, 2017; Stein 1995].

Во-первых, систематизируем существующие трактовки понятия информационной войны, во-вторых, отталкиваясь от них, обоснуем необходимость выделения дополнительных аспектов исследования с учетом языковой, психологической, аксиологической и культурной специфики информационного противоборства и возможностей лингвистического моделирования, которое схематически сводится к ответам на вопросы «Что это за феномен?», «Какие разновидности феномена существуют?», «Какими языковыми средствами феномен представлен?».

• **Информационно-технический аспект.** Информационная война понимается как ведение реальных «боевых действий» с применением средств информационного воздействия для атаки на системы противника с целью его дезорганизации и защиты от аналогичных действий. Это командно-контрольная война (*command-and-control warfare*), война на основе разведанных (*intelligence-based warfare*), электронная война (*electronic warfare*), хакерская война (*hacker warfare*). Командно-контрольная война осуществляет физическое уничтожение противника. Разведывательная война ведется на основе включения разведанных в операции. Электронная война подрывает физическую основу передачи информации благодаря радио-электронным и криптографическим средствам. Хакерская война производит атаки на компьютерные системы с помощью вирусов, логических бомб и т. п. [Libicki 1995].

• **Информационно-экономический аспект.** Формами экономической информационной войны (*economic information warfare*) являются информационная блокада (*information blockade*) и информационный

империализм (*information imperialism*). Информационная блокада как запрет распространения информации считается разновидностью экономической блокады, которая заключается во всеобъемлющем ограничении внешнеэкономических связей, что приводит к изоляции страны от мира и наносит ей серьезный экономический урон. Информационный империализм, в трактовке М. Либики, предполагает ограничение на торговлю, когда война ведется за экономическое доминирование в мире [Libicki 1995: 72].

Вышеназванные аспекты, *au fait* нерелевантные для филологического исследования, могут успешно использоваться как экстралингвистическая основа для развития идей лингвистики информационно-психологической войны. Например, вслед за российскими специалистами по теории международных отношений мы считаем, что понятие информационного империализма должно трактоваться шире: как идеологическая экспансия западных культурных стереотипов в другие страны, в том числе благодаря средствам массовой информации [Панцеров 2009]. Поскольку «экспорт» американских и европейских (шире – инокультурных) ценностей осуществляется через обращение к медиаресурсам, находящимся в руках крупнейших транснациональных корпораций, целесообразно выделить информационно-аксиологического, информационно-медийного и информационно-коммуникационного аспектов исследования.

• **Информационно-аксиологический аспект.** Информационная война ведется в форме повсеместного насаждения ценностей как высших ориентиров поведения. Еще в 1995 году М. Либики писал, что многие евразийские страны всерьез обеспокоены масштабным влиянием западной цивилизации. Он указал на то, что США ведут культурную войну против других, потому что продукты культуры относятся к категории, в которой у Америки постоянный профицит экспорта: «Cultural warfare is something the United States is more likely to do to others. Cultural products are one of the only categories in which the United States enjoys a consistent export surplus» [Libicki 1995: 45]. Ярким примером устоявшегося американского влияния, к примеру, является фастфуд (*junk food*) как атрибут «макдональдизации» отечественной пищевой индустрии, а также жвачка, голливудские фильмы и джинсы, которые прочно вошли в жизнь обычных россиян и с каждым поколением все меньше воспринимаются как «чужие». Представляется весьма перспективным исследование информационной войны в аспекте транслируемых инокультурных ценностей, соотношения «своих» и «чужих» ценностей, их

комбинаторики в определенном дискурсе (медиадискурсе, рекламном, политическом), а также установление специфики лингвосомиотического кодирования и декодирования. Выделенный аспект тесно связан с информационно-медийным.

• **Информационно-медийный аспект.** В рамках противоборства используются возможности производства медиапродукции для создания глобальной информационной архитектуры и ее контроля крупнейшими медиаконцернами, например такими, как BBC, NBC, CBS. Влияние зарубежных медиагигантов сильно в России. Так, с 1992 года под брендом Independent Media тиражируются русские варианты журналов, в основном принадлежащие американским компаниям. Среди них *Cosmopolitan*, *Cosmopolitan Shopping*, *Cosmopolitan Beauty*, *Harper's Bazaar*, *Esquire*, *Robb Report* Россия, *Men's Health*, *Women's Health*, *National Geographic*. Завоевание медиарынка дает доступ к сознанию людей и формированию общественного мнения, которое в данном случае имеет проамериканский характер. Этот аспект неотделим от информационно-коммуникационного, поскольку в настоящее время новостные порталы причисляются к категории интернет-медиа. Имеется в виду совокупность информационных ресурсов, доступных пользователям глобальной сети (информационные сайты, представляющие статьи, аудио- и видеоматериалы, изображения, поисковые системы, коммерческие сайты, социальные сети, форумы, блоги и т. д.).

• **Информационно-коммуникационный аспект.** Как отмечает Э. Гидденс, новые информационные средства способны внедряться в «воспринимающую» культуру более глубоко, чем любое предшествовавшее им проявление западной технологии [Гидденс. URL: http://society.polbu.ru/giddens_sociology/ch161_i.html]. В век всеобщей интернетизации и цифровизации информационная война предполагает использование глобальной компьютерной сети и развивающихся сетевых технологий для достижения политических, идеологических и культурных целей противоборствующих сторон, а также осуществления прямого политического контроля. В зарубежной литературе данный аспект, в первую очередь, соотносится с понятием кибервойны (*cyberwarfare*), которая реализуется в виде информационного терроризма (*information terrorism*), семантических атак (*semantic attacks*), симуляции конфликта (*simulawarfare*) [Libicki 1995: 75], а также сетевой войны (*netwar*) [Arquilla & Ronfeldt 2001].

Информационный терроризм воспринимается в тесной связи с понятиями хакерской войны и семантической атаки. Если при

хакерской войне одна из противоборствующих сторон производит подрывы систем противника, которые перестают работать, при семантической атаке в систему отправляются некорректные данные для «обмана сенсора» таким образом, чтобы она продолжала считаться работающей в нормальном режиме. В случае обнаружения сбоя противником семантическая атака признается несостоятельной [Libicki 1995: 77].

Понятия кибервойны и сетевой войны разграничиваются. В отчете американской корпорации RAND, которая позиционируется как некоммерческая организация, обеспечивающая «объективный анализ и эффективные решения» в ответ на вызовы перед лицом общественности, отмечается, что сетевая война ведется на социальном уровне идеологического конфликта, кибервойна – на военном уровне. Кибервойна ассоциируется с конфликтами высокой и средней интенсивности (*high-intensity conflict*, *middle-range conflict*), а сетевая война описывает конфликты низкой интенсивности (*low-intensity conflict*) [Arquilla & Ronfeldt 1996]. Обе разновидности фактически являются формами войны за систему знаний (*forms of war about “knowledge”*) – за то, кто знает что, когда, где и почему. Еще в 1993 году Аркилла и Ронфельдт прогнозировали, что кибервойна для XXI века может оказаться такой же инновационной, как блицкриг для XX-го [Arquilla & Ronfeldt 1993: 31].

Сетевая война – это военная разработка Пентагона, которая направлена на формирование поведения врагов и друзей, а также нейтральных сил в ситуации мира. Она позволяет одержать победу без использования военной агрессии и поэтому считается незаметной и наиболее опасной. Фактически это самый сложный тип информационной войны, часто именуемый «войной шестого поколения», которая ведется в интересах «сетевых архитекторов» в условиях тотальной компьютеризации сил и средств борьбы с использованием возможностей коммуникации в среде глобального информационного пространства [Коровин 2014: 38]. Известно, что глобальная сеть состоит из пользователей и виртуалов, или ботов (производное от англ. *botnet* (ботсеть) = *robot* + *network*). Лексема *bot* обозначает робот-компьютер, который дистанционно контролируется и может выполнять необходимые инструкции.

Понятие *сеть* применительно к сетевой войне трактуется шире, чем социальная сеть или сеть Интернет: сетевые войны предполагают использование самого широкого круга сообществ людей, или комьюнити (от англ. *community*), то есть реальных коллективов,

групп, движений и организаций. Сеть является средой распространения информации. Ее прочность обеспечивается отсутствием единого центра управления, а также тем, что участники выстраиваются не вертикально, а горизонтально. При уничтожении какой-либо части оставшиеся элементы могут продолжать функционировать автономно. В этих условиях верно расставленные идеологические акценты могут направить любые события нужным образом и создать необходимый контекст для агрессивных политических инициатив. В качестве примера можно привести твиттер-революции (от англ. *Twitter revolution*) 2010-х годов, развернувшиеся в Иране, Тунисе, Египте, на Украине в виде протестов и массовых выступлений, координация которых происходила благодаря популярным социальным сетям. Такие сети наилучшим образом генерируют «искусственно скомпонованную коллективную субъектность», которая представляет часть общества и отражает его интересы [Коровин 2014: 66].

• **Информационно-психологический аспект.** Это противостояние сторон, предполагающее использование информации для воздействия на когнитивные схемы интерпретации действительности, а также изменение картины мира в массовом сознании людей. В широком понимании разновидность войны, использующая информацию против человеческого сознания, называется психологической войной (*psychological warfare*). В теории М. Либики выделяются четыре ее типа: 1) операции против национальной воли (*operations against the national will*); 2) операции против командиров противника (*operations against opposing commanders*); 3) операции против войск противника (*operations against troops*); 4) культурный конфликт (*cultural conflict*) [Libicki 1995: 35]. В последнем случае речь идет о борьбе за культуру, что, по нашему мнению, в большей мере соотносится с информационно-аксиологическим аспектом.

Как в военное, так и в мирное время влияние на когнитивные установки людей осуществляется через язык. В текущей геополитической ситуации своевременно изучение механизмов реализации информационно-психологического воздействия средствами языка. Поиск антидота когнитивной манипуляции со стороны участников многополярного мира приводит российских ученых к обоснованию лингвистики информационно-психологической войны, которая сосредоточена на изучении языка и речевых технологий информационно-психологического противостояния [Лингвистика... 2017]. Научное направление занимает место малой матрешки, вложенной в политическую лингвистику, которая, в свою очередь,

входит в объемную лингвистику дискурса. Поскольку настоящее исследование проводится в русле названного научного направления, правомерно учесть специфику языкового знака как способа передачи информации и выделить лингвосемиотический аспект.

• **Лингвосемиотический аспект.** Названный аспект исследования информационной войны углубляет понимание сложного феномена в терминах семантики. В английском языке существует два терминологических сочетания – *information war* и *information warfare*, которые могут переводиться на русский язык как «информационная война». Это обуславливает их неразличение в некоторых отечественных публикациях. В результате появляются синонимичные употребления «информационное противоборство», «информационное противостояние», «информационная борьба», «информационное противодействие», содержание которых раскрывается по-разному. Предлагаемые трактовки не всегда вносят ясность в понимание сути явления, в центре которого стоит использование информации в целях борьбы. Обратимся к лексикографическим источникам и применим методику компонентного анализа для установления ядерных сем в значении соотносимых терминосочетаний в английском языке.

Information war – «a war during which the reporting or manipulation of information is particularly important or notable; a conflict over the possession or distribution of information» (https://en.oxforddictionaries.com/definition/information_war).

Information warfare – «the strategic use of information or information technology for intelligence-gathering or military purposes; the deliberate disruption of information and communications systems, especially by a terrorist or subversive group» (https://en.oxforddictionaries.com/definition/information_warfare).

Общая архисема – «использование информации в целях борьбы». Термин *information war* включает две основные семы: «война», «конфликт». Семему также формируют семы: «передача информации», «манипулирование информацией», «борьба за обладание и распространение информации». Семема терминосочетания *information warfare* включает семы: «стратегическое использование информации», «информационные технологии», «в разведывательных целях», «в военных целях», «преднамеренное разрушение информационно-коммуникационных систем», «террористической или подрывной группой». Различие в денотативном компоненте значения проявляется в том, что понятие, обозначенное словосочетанием *information warfare*, оказывается специфицированным по сравнению с понятием,

передаваемым сочетанием *information war*, поскольку акцентируется стратегическое использование информации заинтересованными группами в целях вывода из строя противника, что предполагает наличие конкретных приемов ведения войны, отличающихся технологически.

Все названные аспекты тесно переплетаются и дополняют друг друга. Объединяющим звеном возможных векторов исследования информационной войны является психологический фактор, который определяет человеческое поведение и предполагает воздействие на людей с целью изменения их взглядов, мнений, ценностных ориентаций, настроений, установок и стереотипов как в ситуации войны, так и в условиях мира. По этой причине, в дальнейшем обсуждая специфику противоборства, мы делаем выбор в пользу термина *информационно-психологическая война* (далее в тексте – ИПВ), чему дадим соответствующее обоснование.

1.2. Дискурсивный мир информационно-психологической войны как репрезентационная структура

За основу принимается определение, предложенное группой ученых Сибирского федерального университета под руководством А.П. Сковородникова (Г.А. Копнина, А.А. Бернацкая, И.В. Евсеева, А.В. Колмогорова, Б.Я. Шарифуллин), которые, подчеркивая ведущую роль языка в психологическом воздействии, определяют *информационно-психологическую войну* как противоборство сторон, «которое возникает из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляется путем намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия» [Лингвистика... 2017: 13]. Как было отмечено, в инновационной среде XXI века, известной как киберпространство, война ведется за человеческий разум. Именно это определяет наш выбор разновидности информационной войны, объектом которой является массовое сознание людей.

Вхождение человека в систему принятия решений видится как основная цель ИПВ. В рамках ИПВ разграничиваются субъекты, объекты и мишени. *Субъект* ИПВ используется как родовое обозначение понятий *актор* ИПВ и *инициатор* ИПВ. *Объектом* ИПВ считается сознание коллективов людей и индивидов. *Мишенями* ИПВ являются «понятия и представления о связанных с объектом сторонах действительности, которые подвергаются негативной оценке для

оказания давления на объект» [Там же: 18]. Объект и мишень часто не совпадают. Например, в настоящее время объектом ИПВ, которая ведется некоторыми зарубежными странами, можно считать Россию, а мишенью – президента страны и внешнюю политику Российского государства. Такая тенденция стала проявляться после воссоединения Крыма с Россией в 2014 г., которое в британских СМИ характеризовали как «вторжение» (*the Crimea invasion*) и «аннексию» (*the annexation of Crimea in 2014*). Приведем одно из многочисленных свидетельств из газеты «Гардиан»:

*The UK, the US and other Nato countries have been warning of the danger posed by Russia since **the Crimea invasion**. Although **a full-scale invasion** (здесь и далее выделено мной. – С. К.) by Russia of the Baltic states or elsewhere in eastern Europe is unlikely, the Russian leader, Vladimir Putin, has steadily sought to reassert his country's place in the world* (The Guardian, 17-12-14). [*Великобритания, США и другие страны НАТО предупреждают об опасности, которую представляет Россия после **вторжения в Крым**. Хотя **полномасштабное вторжение** России в Прибалтику или в другие страны Восточной Европы маловероятно, российский лидер Владимир Путин неуклонно стремится укрепить позиции своей страны в мире*].

Из контекста видно, что Великобритания, США и другие страны НАТО предупреждают об угрозе, которую представляет Россия. Высказывается мнение о том, что вторжение России в Прибалтику или в другие страны Восточной Европы маловероятно, но российский лидер Владимир Путин стоит на страже интересов государства. Этот и многочисленные другие примеры дают основания утверждать, что ИПВ получает распространение по каналам медиа для намеренной деформации общественно-политического имиджа России в масштабах мирового сообщества, ее демонизации, создания образа агрессора и врага номер один всей западной цивилизации.

В терминах лингвистики ИПВ реализуется в медиадискурсе. Медиадискурс проективен. В философском понимании сущность проективности видится в создании реальности посредством языка, а «природа реальности определяется теми, кто имеет власть формировать язык» [Проективный философский словарь 2002: 10]. Развивая мысль, под *проективностью дискурса* мы понимаем свойство дискурса как результат преобразования агентом дискурса ментальных представлений о вещном мире в текстовое пространство, которое обеспечивает конструирование «версий» реальности, «выгодных» символическим элитам, или «институциональным хозяевам»

(по Т. ван Дейку). В медиадискурсе «власть формировать язык», преобразовывать события в социально значимые феномены, а также конструировать необходимые «картины» действительности и ее фрагментов принадлежит журналистам. Проективную реальность, объективируемую в медиадискурсе совокупностью вербально-знаковых средств, мы называем *дискурсивным миром ИПВ*. Он имеет массу ограничений, обусловленных стратегиями ИПВ и ее целями, главной из которых является достижение выгодных субъекту политических, экономических, идеологических и социальных результатов за счет нанесения урона противоположной стороне.

Дискурсивный мир – термин, который используется в *теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования*. Это развиваемое нами автономное направление лингвистики дискурса, изучающее процессы и результаты ментально-языкового представления информации о мире [Кушнерук 2016а, 2016б]. В этом случае дискурс анализируется в терминах репрезентационных структур, отражающих избирательное представление действительности в чьих-либо интересах (например, правящих элит). *Репрезентационные структуры* – ментально-языковые конструкторы дискурса разной степени концептуальной сложности, которые соотносятся с процессами и результатами представления мира и/или его фрагментов в целях коммуникации.

Полагаем, что *дискурсивный мир ИПВ* является репрезентационной структурой дискурса, когнитивное содержание которой объективируется в медиатекстах, объединенных в тематическом, коммуникативном и функционально-целевом отношениях. Как любая концептуальная структура, дискурсивный мир ИПВ может быть реконструирован по языковым данным. В настоящей работе мы моделируем дискурсивный мир ИПВ на основе текстовых ресурсов британских интернет-газет, объединенных тематикой противоборства, а также неприятия и осуждения сторон, находящихся по разные стороны баррикад, их позиций, решений, действий и тиражируемых в медиапространстве Великобритании. Тексты отбирались по двум ключевым словосочетаниям *information war* и *information warfare* в период с 2010 по 2018 год из корпуса NOW (News on the Web). Согласно данным, представленным в этом корпусе, динамика освещения проблем информационной войны достигает своего максимума в 2017 году, превышая уровень 2010 года более чем в 11 раз. Данные о количестве употреблений словосочетаний представлены на рис. 1.

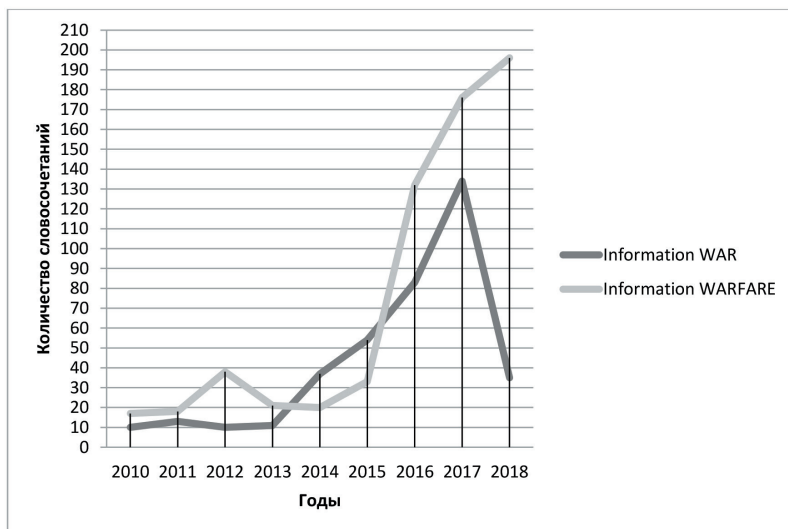

Рис. 1. Динамика освещения информационной войны в период 2010–2018 гг. по данным корпуса NOW

Учитывая сказанное, мы ставим цель установить параметры дискурсивного мира ИПВ, конструируемого британскими журналистами, определить, кого причисляют к субъектам и ключевым акторам ИПВ, каковы их цели, задачи, какие средства ведения борьбы они используют, а также каким образом происходит структурирование информации о противостоянии оппонентов в британском медиадискурсе. Это позволит охарактеризовать специфику настоящего витка «холодной войны», проявленного в формате информационно-медийного противоборства.

1.3. Дискурсивный мир информационно-психологической войны в британских медиа

Дискурсивный мир ИПВ как репрезентационная структура в дискурсе британских средств массовой коммуникации может быть структурирован по ряду оснований. Представленные ниже параметры способствуют визуализации сложной ментальной структуры, фрагментарно объективируемой в медиадискурсе Великобритании, и пониманию того, чьи интересы она отражает и какие лингвистические механизмы для этого используются. Алгоритм описания дискурсивного мира ИПВ включает следующие семь базовых характеристик: 1. Истоки, масштаб и общая квалификация ИПВ.

2. Субъекты ИПВ. 3. Ключевые акторы ИПВ. 4. Цели и задачи ИПВ.
5. Театр ИПВ. 6. Активные средства ИПВ. 7. Войска и оружие ИПВ.

1. Истоки, масштаб и общая квалификация ИПВ

Идеологическая война и информационное противоборство **уходят корнями к Первой мировой войне**: *He believed that the ideological and information warfare being waged through the dissemination of ideas and fake information date back to the First World War* (<http://www.en.netralnews.com>, 17-02-20). [Он считал, что **идеологическая и информационная война**, осуществляемая через распространение идей и фальшивой информации, **восходит к Первой мировой войне**.]

Судя по публикациям, ИПВ – явление новейшей истории. См., например, заголовок: *Cyber cold war is just getting started, claims Hillary Clinton* (The Guardian, 17-10-15). [**Кибер холодная война только начинается**, утверждает Хиллари Клинтон].

Информационная война имеет глобальный характер и **возвещает наступление новой эры**, в которой, чтобы выжить, каждому обществу придется научиться давать отпор киберагрессии: *To survive in the era of information warfare, every society will have to create ways of withstanding cyber-attacks* (The Guardian, 17-12-02). [Чтобы выжить в эру информационной войны, каждому обществу придется создавать способы противостояния кибератакам].

Масштаб противоборства соотносится с **войной мирового уровня**, в которую прямо или косвенно вовлекаются ведущие государства мира. Обнаруживается осмысление ИПВ как **третьей мировой войны** (*World War Three*), **новой холодной войны** (*new Cold War*), **кибер холодной войны** (*Cyber cold war*), **партизанской информационной войны** (*guerrilla information war*), а также **информационной конфронтации** (*information confrontation*).

Борьба рассматривается в масштабе виртуальной реальности Интернета как **мировая партизанская информационная война**: *The battleground of politics has expanded to include the virtual world of the internet. This is in keeping with media theorist Marshall McLuhan's prediction that World War Three would be a guerrilla information war with no distinction between military and civilian participation* (The Independent, 18-04-04). [Политическое поле битвы расширилось, включив виртуальный мир интернета. Это согласуется с предсказанием теоретика медиа М. Маклюана о том, что **третья мировая война будет партизанской информационной войной без различия между военным и гражданским участием**]. Подобный контекст зафиксирован в заголовке газеты «Гардиан»: **«World War III will**

be a guerrilla information war», it says. «With no divisions between military and civilian participation» (The Guardian, 17-02-26). [«Третья мировая война будет партизанской информационной войной», – говорится в нем. «Без каких-либо различий между военным и гражданским участием»].

В подавляющем большинстве случаев фактической мишенью ИПВ является российский президент, готовый демонстрировать мощь России, представляющей опасность для Запада. См., например, заголовок: *World War 3: Putin demonstrates how Russia could obliterate Western countries with arsenal* (<https://www.express.co.uk/news>, 17-09-20). [*Третья мировая война: Путин демонстрирует, как с помощью арсенала Россия может уничтожить западные страны*]. Россия находится в оппозиции к Западу на фоне новой холодной войны. Ср.: *Russia vs the West: Is this a new Cold War?* (BBC News, 18-03-31). [*Россия против Запада: новая холодная война?*].

В некоторых контекстах указывается, что информационная война является *результатом перерождения холодной войны*: «*Reframing Russia for the Global Mediasphere: from Cold War to 'information war'?*» – funded by the Arts & Humanities Research Council – will provide insights into the post-Cold War global media environment through an in-depth case study of RT (<http://www.manchester.ac.uk>, 17-12-12). [*Переосмысление роли России в глобальной медиасфере: от холодной войны к информационной?*] – проект, финансируемый Советом по исследованиям в области искусства и гуманитарных наук, расскажет о состоянии глобальной медиасреды после холодной войны, представив результаты тематического исследования новостного ресурса Russia Today].

Описание типичных качеств и свойств информационной войны включает характеристику по национально-государственному признаку, а также оценочную квалификацию.

- Национально-государственная квалификация ИПВ в британской прессе: *российская* (*Russian information warfare*), *кремлевская* (*Kremlin's information war*): *In the face of Russian information warfare, huge Chinese investments in international cable news, and proliferating terrorist online propaganda, the United States' public diplomacy capabilities are in great need of upgrading* (www.dailysignal.com, 16-12-15). [*Перед лицом российской информационной войны, огромных инвестиций Китая в международные кабельные новости и распространения террористической онлайн-пропаганды возможности публичной дипломатии Соединенных Штатов остро нуждаются в модернизации*].

• Оценочную квалификацию ИПВ задают эпитеты, подчеркивая ее **масштабный, массовый, острый, интенсивный и пропагандистский** характер: *worldwide information war, massive information war, acute information war, intense information war, propaganda war*. Приведем один из многих примеров: *2017 was a year of «electoral hacking» and an intense information war aimed at shaping the recipients' viewpoint* (<https://www.computerweekly.com>, 18-01-05). [2017 год был годом «электорального взлома» и **интенсивной информационной войны**, направленной на формирование точки зрения людей].

Показательно, что в британском медиапространстве также встречается характеристика ИПВ как **войны нарративов**, когда независимые информагентства стремятся принять контрмеры по отношению к другим нарративам: *It is actually an information war that is going on, a war of narratives, with various independent news agencies trying to counter the narrative* (<https://www.opendemocracy.net>, 17-11-20). [На самом деле **информационная война** продолжается. Это **война нарративов**, в которой разные независимые информационные агентства пытаются противостоять другим нарративам].

2. Субъекты ИПВ

В лингвистике ИПВ противопоставлены два типа субъектов: инициатор и противостоящий инициатору субъект [Лингвистика... 2017: 22]. ИПВ в британских медиа далеко не всегда описывается с точки зрения наличия двух противоборствующих сторон. В качестве плана характеристики субъектов ИПВ поставим следующие вопросы: кто инициатор ИПВ и против кого ведется ИПВ?

Некоторые контексты свидетельствуют о том, что ИПВ ведется людьми против всех – государств, компаний, выборов и других людей: *The presumption that people could conduct an information war against nations, companies, issues, elections or even people, to influence big events like elections – is absurd yet true* (<https://www.huffingtonpost.com>, 16-12-19). [Предположение о том, что люди могут вести **информационную войну** против государств, компаний, проблем, выборов или даже простых людей, чтобы влиять на такие крупные события, как выборы, – абсурдно, но верно].

В ряде контекстов называется только **инициатор ИПВ**, которым являются не отдельные лица, а, например, самая известная транснациональная американская корпорация (Google), владеющая крупнейшей в мире поисковой системой, которая индексирует наибольшее количество сайтов и занимается разработкой IT-продуктов: *We are in an information war and billionaires are buying up these companies, which*

are then employed to go to work in the heart of government. That's a very worrying situation. **Google is not' just' a platform. It frames, shapes and distorts how we see the world** (The Guardian, 17-05-07). [*Мы находимся в условиях информационной войны, и миллиардеры скупают эти компании, которые затем привлекаются для работы в самом сердце правительства. Это очень тревожная ситуация. Google – это не «просто» платформа. Она структурирует, формирует и вносит искажения в то, каким мы видим мир*]. Компания Google как субъект информационного влияния представлена занимающей «властную» позицию в виртуальном пространстве. Она имеет максимальный охват аудитории, полный доступ к ее информации и контроль, что позволяет ей моделировать мир, форматируя и искажая факты нужным образом, что, как следствие, не может не сказываться на мировой геополитике.

- ИПВ ведется **отдельным лицом** против одного или нескольких **государств**. Например, кандидатом на пост президента Франции 2017 года Марин Ле Пен в период предвыборной кампании против США и других стран, чьи интересы расходятся с интересами России: *According to the publication, Turner asked Clapper to find out more about Le Pen's campaign which is destined to «wage an information war against the United States and other countries whose interests go against those of Russia»* (The International Business Times, 16-12-21). [*По данным издания, Тернер попросил Клэппера больше узнать о кампании Ле Пен, которой суждено «вести информационную войну против США и других стран, чьи интересы идут вразрез с интересами России»*].

- ИПВ осуществляется **группой людей** против отдельного **государства**. Чаще всего в этом случае вторым субъектом называют США. Так, организация в лице фиктивных американцев противостоит США: *The ORGANIZATION sought, in part, to conduct what it called «information warfare against the United States of America» through fictitious U.S. personas on social media platforms and other Internet-based media* (BBC News, 18-02-16). [*Организация стремилась, в частности, вести так называемую «информационную войну против Соединенных Штатов Америки» с помощью фиктивных лиц американского происхождения на платформах социальных сетей и других ресурсах в Интернете*]. Предварительно в заголовке статьи создается интрига, что Россия завербовала «настоящих» американцев, поставив их на службу своей информационной войне: *Russians recruited «real Americans» as part of «information warfare»* (BBC News, 18-02-16). [*Русские завербовали «настоящих американцев» для ведения «информационной войны»*].

• Субъектами ИПВ выступают *два государства*, имеющие конфликт интересов и сознательно пытающиеся оказать информационно-психологическое воздействие на сознание противника. В текущей политической ситуации, по данным британских медиа, противостоящими друг другу субъектами выступают следующие государства:

Великобритания и Россия

Speaking to Newsnight on Friday she also spoke of her joy at hearing her cousin's voice but also said she is 'scared' by being caught up in the information war between Britain and Russia (The Daily Mail, 18-04-07). [Услышав голос двоюродного брата на выступлении перед Newsnight в пятницу, она также рассказала о своей радости, но вместе с тем добавила, что ей «страшно», оттого что она оказалась втянутой в информационную войну между Великобританией и Россией].

Субъекты ИПВ часто представлены метонимически. Например, как флот Британии и флот России: *The Mail on Sunday understands that as part of the information war, a British nuclear submarine has been sent to the North Sea to harass Russian submarines trying to get close to the huge carrier* (The Daily Mail, 17-07-01). [Воскресный выпуск газеты Mail пишет о том, что в рамках информационной войны британская атомная подводная лодка была отправлена в Северное море для слежения за российскими подводными лодками, пытающимися приблизиться к огромному грузовому судну].

Россия и Литва

Warships in the exclave have been armed with nuclear-capable missiles, while Russia is accused of a «massive information war» against Lithuania (The Guardian, 17-08-23). [Военные корабли в эксклаве были вооружены ядерными ракетами, а Россия обвиняется в «массовой информационной войне» против Литвы].

Россия и Чехия

The Czech counter-intelligence service said in September that Russia was conducting «an information war» in the Czech Republic, putting in place propaganda agents to destabilize the country (The Guardian, 16-10-20). [В сентябре чешская контрразведка заявила, что Россия ведет «информационную войну» в Чешской Республике, вводя в действие пропагандистских агентов для дестабилизации страны].

Россия и Швеция

Russia waging information war against Sweden, study finds (The Guardian, 17-01-10). [Россия ведет информационную войну против Швеции, как показало исследование].

- Отдельный контекст свидетельствует о противостоянии между **Россией** и **европейскими странами** вообще, без конкретизации о каком государстве в оппозиции идет речь: *Muresan said: «I am deeply disappointed at the EEAS' meager efforts to counter the **Russian information warfare on European countries**»* (POLITICO.eu, 17-03-24). [Муресан сказал: «Я глубоко разочарован слабыми усилиями ведомства ЕСВС [Европейская служба внешних связей] по противодействию **российской информационной войне, которая ведется в отношении европейских стран**»].

- Помимо указанных, субъектами ИПВ называются **несколько стран – участниц**. Например, США, Россия и Китай. Акцентируется, что новый уровень «холодного» противостояния между названными державами стал возможным по причине информационной войны: *The U.S., Russia and China transitioned into a Cold War through a new system of battle (and control): **information warfare*** (<https://www.gamesradar.com>, 18-03-30) [**США, Россия и Китай перешли к холодной войне** благодаря новой системе борьбы (и контроля): **информационной войне**].

В следующем контексте называются средства ИПВ, используемые Россией против Эстонии, Украины, других бывших советских государств и Польши: *Russia is generally believed to have been **behind cyber-attacks and propaganda operations against Estonia and Ukraine, among other former Soviet states, and has reportedly been behind similar operations in Poland*** (<http://arstechnica.co.uk>, 16-12-10). [**Считается, что Россия стоит за кибератаками и пропагандистскими операциями против Эстонии и Украины, а также других бывших советских государств, и, как сообщается, за аналогичными операциями в Польше**].

В связи с несколькими субъектами, участвующими в противостоянии, особо интересен контекст метафорической репрезентации России и деятельности организации под названием Fancy Bear (букв. *необычный медведь*), имеющей отношение к российским спецслужбам. «Медведь» наращивает информационную войну против Германии и Запада в целом: *Fancy Bear ramping up infowar against Germany – and rest of West. Russian hackers part of broader campaign against West, German intel. chief warns* (<http://arstechnica.co.uk>, 16-12-10). [**Организация Fancy Bear наращивает информационную войну против Германии и остального Запада. Российские хакеры – только часть более широкой кампании против Запада, – предупреждает глава немецкой разведки**].

Актуализируются следующие аспекты значения лексемы *bear*: во-первых, в связи с деятельностью вышеуказанной организации, в названии которой фигурирует лексема; во-вторых, медведь является не только символом партии «Единая Россия», но всей страны, чему, как кажется, способствовало высказывание президента России в ответ на призывы США вернуть Крым в 2014 году. В.В. Путин произнес ставшей прецедентной фразу, в которой символические образы медведя и тайги используются для общей характеристики проводимой политики как в отношении полуострова, так и в отношении недовольных наблюдателей: *Есть древняя поговорка: «Что позволено Юпитеру, то не позволено быку». Но медведь ни у кого разрешения спрашивать не будет. И тайгу своей не отдаст. К нам не лезьте и не корчите из себя вершителей судеб мира* (<https://www.mk.ru/politics/2014/10/24/top10-citat-putina-na-zasedanii-valdaya-klopy-medved-i-upravlyaemyy-khaos.html>). Стереотип о сильной, независимой, как медведь, России укрепляется и вместе с тем вселяет страх в других участников мира, в том числе на британских островах.

- Значимое противопоставление *России* и *Запада* регулярно обнаруживается в британской прессе, что способствует усилению образа глобальной политической трещины, которая отсекает Россию от всех «остальных» государств, представленных жертвами ее информационной войны. Об этом свидетельствуют многочисленные заголовки информационных ресурсов самой разной направленности: *Ex-Soviet countries on front line of Russia's media war with the west* (The Guardian, 15-01-06). [*Бывшие советские страны на линии фронта информационной войны России с Западом*]; *The Russians are waging a conventional war in Syria – and an information war with the West* (<https://news.sky.com>, 16-09-21). [*Русские ведут обычную войну в Сирии и информационную войну с Западом*].

В предыдущем и следующем контекстах понятие информационной войны увязывается с текущим военным конфликтом в Сирии: *Mr Laughland said the Syrian conflict had made the «information war» between the West and Russia more acute than ever* (The Independent, 16-10-18). [*Г-н Лафланд сказал, что сирийский конфликт сделал «информационную войну» между Западом и Россией более острой, чем когда-либо*].

С точки зрения наличия двух субъектов дискурсивный мир ИПВ преимущественно конструируется как биполярный, когда противопоставлены двое. При этом позиция захватчика и агрессора закреплена за Россией (субъект-1). В абсолютном большинстве контекстов

первой названа Россия, и только во вторую очередь называется Запад (субъект-2): *Yet for several months, the slight, 23-year-old with a mop of blonde hair was at the heart of Russia's information war on the West* (The Daily Mail, 17-11-12). [Тем не менее в течение нескольких месяцев 23-летний мужчина с копной светлых волос находился в центре **информационной войны России против Запада**]. Другой пример: *Concerns have also arisen that the «decentralization» of state media represents a huge expansion of the frontline in what many are calling an information war between Russia and the West* (The Guardian, 15-01-06). [Возникли опасения, что «децентрализация» государственных СМИ представляет собой огромное расширение линии фронта того, что многие называют **информационной войной между Россией и Западом**].

Столкновение России и Запада сравнивается с ситуацией, в которой десятилетия назад оказался Советский Союз: *In Russian defense and security circles and in numerous prime-time television debates, there is an almost unanimous thesis: a worldwide «information war» at the global level pits Russia, like the Soviet Union in its day, against the West* (<https://uk.news.yahoo.com>, 17-04-20). [В кругах обороны и безопасности России, а также в многочисленных телевизионных дебатах в прайм-тайм почти единодушно признается: **мировая «информационная война» на глобальном уровне сталкивает Россию, как в свое время Советский Союз, с Западом**].

От России, ее информационной войны и киберкампаний исходит непосредственная угроза Западу, который к этому плохо подготовлен: *Indeed, the immediate Russian threat may come from its information warfare and cyber campaigns directed against the West. That's a battle that has already been joined. And it is one the West is equally ill-prepared for* (BBC News, 17-06-28). [Действительно, **непосредственная угроза России может исходить от ее информационной войны и киберкампаний, направленных против Запада. Это битва, в которой уже есть участники. И это то, к чему Запад также плохо подготовлен**].

Некоторые британские информагентства отмечают, что ИПВ ведется **против России**. Устанавливая данный факт, журналисты, как правило, апеллируют к словам известных российских политиков, что играет роль в моделировании квазиобъективной картины мира по принципу «они так говорят»: *Russian lawmaker Yelena Drapeko Russia's loss on the «information war» being waged against the country, a claim that was echoed by Russian television channels*

(The Telegraph, 16-05-15). [*Российский законодатель Елена Драпеко раскритиковала потери России «в информационной войне», которая ведется против страны, ее претензии были подхвачены российскими телеканалами*].

В некоторых случаях цитируют российских военных экспертов, которые обвиняют США и НАТО как инициаторов ИПВ против России: *A string of Russian military figures and experts have accused the US and NATO of causing global insecurity and waging an «information war» against Moscow* (BBC News, 16-04-28). [*Ряд российских военных деятелей и экспертов обвинили США и НАТО в том, что они провоцируют образование опасных ситуаций на глобальном уровне и ведут «информационную войну» против Москвы*].

3. Ключевые акторы ИПВ

Согласно данным, представленным британскими СМИ, ключевыми фигурами, инспирирующими информационную войну, являются *Россия, Москва, Кремль*, а также *российский президент*.

По мнению служб новостей, Россия ведет войну в Европе, представляя серьезную угрозу: *Russia is engaged in a full-scale shadow war in Europe* (<https://uk.news.yahoo.com>, 17-04-20). [*Россия ведет полномасштабную теневую войну в Европе*]. Например, заголовок: *How much of a threat does Russia pose, and to whom?* (BBC News, 17-06-28). [*Какую угрозу представляет Россия и кому?*].

Со ссылкой на мнение политических авторитетов Россия, Москва и Кремль обвиняются в развязывании и осуществлении информационной войны. В следующем примере ситуация представлена как мнение президента Франции Э. Макрона: *During the campaign, Macron had harsh words for Moscow, accusing Russia of following a «hybrid strategy combining military intimidation and an information war»* (The Guardian, 17-05-29). [*Во время кампании Макрон осудил действия Москвы, обвиняя Россию в следовании «гибридной стратегии, сочетающей военное запугивание и информационную войну»*].

Кремлю приписывается ведение образцовой ИПВ: *He said we have to accept the three-minute video is «information warfare at its best» and that it showed the Kremlin has an «eye watering quantity of capability»* (The Sun, 18-01-23). [*Он сказал, что мы должны принять трехминутный видеоролик «информационная война в лучшем виде», в котором показано, что у Кремля есть безграничное количество возможностей*]. В частных случаях отмечается, что Кремль вел масштабированную информационную войну после того, как в 2014 году над Украиной был сбит самолет Малайзийских авиалиний: *The report cited*

evidence that **the Kremlin waged «information warfare on a massive scale»** after the shooting down of Malaysian Airlines' jet MH17 over Ukraine in 2014 (<https://themarketmogul.com>, 18-01-05). [В докладе приводятся доказательства того, что **Кремль вел «информационную войну в массовых масштабах»** после сбитого над Украиной в 2014 году самолета Малазийских авиалиний MH17]. В другом источнике, цитируя Х. Клинтон, началом информационной войны называют 2016 год – время американской предвыборной кампании: *At the Cheltenham Literature Festival, Clinton said **Russia launched an information war during the presidential campaign*** (The International Business Times, 17-10-16). [На литературном фестивале в Челтнеме Клинтон заявила, что **Россия начала информационную войну во время президентской кампании**].

Российский президент обвиняется в попытке развязать новую холодную войну: *It's all part of a new **Russian strategy and information war**. There is an attempt by **Putin to create a new Cold War*** (The Herald, 18-03-17). [Это все часть новой **российской стратегии и информационной войны**. **Путин** пытается начать новую холодную войну].

Россия признается знатоком философии информационной войны, о чем свидетельствует обращение журналистов газеты «Гардиан» к работам российского ученого-аналитика С. Расторгуева [Расторгуев 1999, 2003] в контексте притчи о Лисе и Черепахе, мораль которой выводит **основную цель информационной войны** (контекст приводится полностью): *Once there was a fox that wanted to eat a turtle, but whenever he tried to, it withdrew into its shell. He bit it and he shook it, but he wasn't getting anywhere. One day he had an idea: he made the turtle an offer to buy its shell. But the turtle was clever and knew it would be eaten without this protection, so it refused. Time passed, until one day there appeared a television hanging in a tree, displaying images of flocks of happy, naked turtles – flying! The turtle was amazed. Oh! They can fly! But wouldn't it be dangerous to give up your shell? Hark, the voice on television was announcing that the fox had become a vegetarian. "If I could only take off my shell, my life would be so much easier," thought the turtle. "If the turtle would only give up its shell, it would be so much easier to eat," thought the fox – and paid for more broadcasts advertising flying turtles. One morning, when the sky seemed bigger and brighter than usual, the turtle removed its shell. What it fatally failed to understand was that **the aim of information warfare is to induce an adversary to let down its guard*** (The Guardian, 17-12-02). [Жил-был Лис, который

хотел съесть Черепаху, но всякий раз, когда он пытался сделать это, она пряталась в панцире. Он пробовал ее на зуб и тряс, но все безрезультатно. Однажды у него появилась идея: он предложил Черепахе купить ее панцирь. Но Черепаха была умна и знала, что без защиты ее съедят, поэтому отказалась. Время шло, пока в один прекрасный день не появился висящий на дереве телевизор, который показывал стаи счастливых летающих черепах без панциря! Черепаха была поражена. О! Они могут летать! Но разве не опасно жить без панциря? Вдруг голос за кадром объявил, что Лис стал вегетарианцем. «Достаточно отказаться от панциря, и мне сразу будет легче», – подумала Черепаха. «Достаточно отказаться от панциря, и ее сразу будет легче съесть», – подумал Лис и еще заплатил за трансляции рекламы летающих Черепах. Однажды утром, когда небо казалось бескрайним и ярче обычного, черепаха сняла свой панцирь. Она не знала и уже не узнает, что **цель информационной войны заключается в том, чтобы научить врага тому, как снять панцирь с самого себя**].

Россия бросает вызов миру, она представлена как **знаток физической, электронной войны, кибер- и информационной войны**, а также войны нового типа – **гибридной**, которая фактически стирает границы между миром и войной: *Russia also has impressive capabilities in artillery and electronic warfare. <...> Its capacities in cyber- and information warfare are most apparent and pose some of the most pressing challenges. Again, the media and think tanks alike are awash with discussions of an apparently new phenomenon – so-called «hybrid warfare» – a melding and blurring of the boundaries between peace and war at which Russia is perceived to be the new master* (BBC News, 18-03-31). [**Россия** также располагает впечатляющими возможностями в артиллерии и ведении электронной войны. <...> Ее возможности в области кибер- и информационной войны наиболее очевидны и бросают самые сложные вызовы. К тому же средства массовой информации и аналитические центры активно обсуждают новое явление – так называемую гибридную войну – она размывает границы между миром и войной, в ней **Россия воспринимается непревзойденным знатоком**].

Отмечается, что **Россия продолжает совершенствовать нетрадиционные методы борьбы и информационную войну**: *In addition to new ships and submarines, Russia continues to perfect unconventional capabilities and information warfare* (The Guardian, 17-12-14). [**Помимо новых кораблей и подводных лодок, Россия**

продолжает совершенствовать нетрадиционные методы и информационную войну].

В ряде контекстов используется лексема *genius* (гений) для обозначения *незаурядности* России в сфере ведения информационной войны: *The peculiar genius of Russia's information war lies in its wink-wink knowingness* (The Spectator, 18-03-15). [*Своеобразный гений информационной войны России заключается в технике «подмигивания»*].

В других новостных источниках отмечается, что Россия уже не та супердержава, какой был СССР. Уничтожение выявляется в контексте *прямой негативной репрезентации России* как региональной державы среднего порядка со значительным ядерным арсеналом и относительно слабой экономикой. Вместе с тем признается, что Россия умеет распространять влияние, вести информационную войну, а президент полон решимости отстаивать интересы страны: *Russia is not a global superpower like the Soviet Union. <...> It is fundamentally a middle-ranking regional power with a significant nuclear arsenal and a relatively weak economy. But it knows how to wield influence and how to conduct information warfare. And Mr. Putin is determined to defend Russia's interests – as he sees them – wherever he is able* (BBC News, 18-04-14). [*Россия не является супердержавой, как СССР. <...> Это, в сущности, региональная держава среднего ранга со значительным ядерным арсеналом и относительно слабой экономикой. Но она умеет оказывать влияние и вести информационную войну. А Владимир Путин полон решимости отстаивать интересы России – какими он их видит – везде, где только можно*].

4. Цели и задачи ИПВ

Наиболее *общая цель* ИПВ – *формировать точку зрения реципиента*: *While 2017 was a year of «electoral hacking» and an intense information war aimed at shaping the recipients' viewpoint, the latest cyber security report by The Kosciuszko Institute predicts that 2018 could be a year of cyberattacks on critical infrastructure* (<https://www.computerweekly.com>, 18-01-05). [*Если 2017 год прошел под эгидой «электорального взлома» и интенсивной информационной войны, направленной на формирование точки зрения получателей, последний отчет о кибербезопасности Института Костюшко предсказывает, что 2018 год может стать годом кибератак на критическую инфраструктуру*].

Одной из общих целей России является *создание проблем*: *Russian «power» may be reaching its zenith. It retains, though,*

an extraordinary ability to create trouble more broadly through hacking, information warfare, and by backing extremist political parties (BBC News, 18-03-26). [Возможно, российская «власть» приближается к своему апогею. Она сохраняет исключительную способность **создавать самый широкий круг проблем посредством взлома, информационно-войны и поддержки экстремистских политических партий**].

Цели ИПВ, которую ведет Россия, также усматриваются в **воздействии на массовое сознание и общественное мнение**: «*This is not something new, and is not something that has developed in response to Salisbury and Syria*», said Keir Giles, a senior consulting fellow of the Russia and Eurasia Programme at think tank Chatham House. «*But it's something that is entirely consistent with how **Russia thinks about information warfare***». That includes standard cyberattacks as well as «*targeting of mass consciousness and public opinion*» (<http://www.wired.co.uk>, 18-04-21). [«Это не что-то абсолютно новое и не то, что было разработано в ответ на Солсбери и Сирию, – заявил Кейр Джайлз, старший научный сотрудник программы «Россия и Евразия» в научном центре Chatham House. – Но это то, что полностью согласуется с тем, что **Россия думает об информационной войне, включая обычные кибератаки, а также воздействие на массовое сознание и общественное мнение**»].

Различные информационные средства используются Россией, чтобы **сеять хаос**: *But instead of using tanks and military equipment, it's attacks are via information that are aimed at causing chaos* (The Herald, 18-03-17). [Но вместо танков и военной техники используются **информационные атаки, направленные на то, чтобы вызвать хаос**]. В этой же статье указывается на то, что черная пропаганда Российского государства имеет цель **распространения разочарования и хаоса**: *It's very clear that the Russian state is engaging in black propaganda and fake news that seeks to spread disillusionment and chaos* (The Herald, 18-03-17). [Совершенно ясно, что **Российское государство занимается черной пропагандой и фейковыми новостями, чтобы распространять разочарование и хаос**].

Российские агенты используют крупные социальные сети для размещения негативных рекламных объявлений и историй, чтобы **разжечь пламя разобщения** в британском обществе: *We know Russian agents used Facebook, YouTube, Twitter and even Pinterest to place targeted attack ads and negative stories intended to fan the flames of division in our society* (The Guardian, 17-10-15). [Мы знаем, что

российские агенты использовали Facebook, YouTube, Twitter и даже Pinterest для размещения целевой атакующей рекламы и негативных историй, призванных **раздуть пламя раздора в нашем обществе**].

Помимо названных общих целей ИПВ, можно выделить частные целеустановки: **дестабилизация, вмешательство, разделение Запада, подрыв демократии, распространение неуверенности и страха**.

- Идея **дестабилизации** проходит красной нитью в британских публикациях, затрагивая самые проблемные стороны европейских обществ в связи с действиями России. Нажимая на больную мозоль, агенты медиадискурса намеренно связывают имеющиеся в Европе сложности с Россией, что негативно настраивает обычных британцев против всего, что связано с нашей страной.

К примеру, утверждается, что Россия пытается **дестабилизировать Германию**, вызывая недовольство немцев присутствием беженцев. См. заголовок: **Russia «trying to destabilize» Germany by stoking unrest over migrants, warn spy chiefs** (The Telegraph, 16-03-10). [**Россия «пытается дестабилизировать» Германию, раскачивая волнения по поводу мигрантов, предупреждает разведка**]. Далее в статье подчеркивается, что Россия осуществляет информационную войну, усиливая гнев населения по поводу беженцев, чтобы свергнуть г-жу Меркель: **Earlier this week Nato's most senior expert on strategic communications made similar claims, telling the Observer that Russia is trying to topple Mrs Merkel by waging an information war designed to stir up anger in Germany over refugees** (The Telegraph, 16-03-10). [Ранее на этой неделе самый старший эксперт НАТО по стратегическим коммуникациям сделал аналогичные заявления, сообщив наблюдателю, что **Россия пытается свергнуть Меркель, ведя информационную войну, призванную вызвать гнев жителей Германии по поводу беженцев**]. Наличие этой же цели констатирует газета «Гардиан»: **Russia is trying to topple Angela Merkel by waging an information war designed to stir up anger in Germany over refugees, Nato's most senior expert on strategic communications has claimed** (The Guardian, 16-03-05). [**Россия пытается свергнуть Ангелу Меркель, ведя информационную войну, направленную на разжигание гнева в Германии по поводу беженцев, заявил старший эксперт НАТО по стратегическим коммуникациям**].

В нарушении устоявшегося западного образа жизни **обвиняется российский президент**: *It is clear that Vladimir Putin is testing the boundaries of his power to disrupt the established western way of*

life. Adventurism in Syria, Ukraine, Crimea and Georgia is matched by information warfare attacks on media and political organizations throughout the world. <...> His intention is to destabilize wherever possible (The Times, 18-03-12). [Очевидно, что **Владимир Путин** «пробует» границы своей власти, чтобы нарушить устоявшийся западный образ жизни. Авантюризм в Сирии, Украине, Крыму и Грузии сопровождается атаками информационной войны на СМИ и политические организации во всем мире. <...> Его намерение – дестабилизировать ситуацию везде, где это возможно]. Прямая негативная репрезентация президента выражается глаголами с отрицательной семантикой (*disrupt, destabilize*). Он представлен как враг, в его внешней политике усматривается вызывающий авантюризм, с которым ведется информационная война в СМИ и политических организациях по всему миру.

• Идея **вмешательства** чаще всего передается глагольными лексемами *interfere, meddle* в сильных и слабых позициях текста. Заголовки призваны привлечь внимание к проблеме **вмешательства** России в дела других стран с тем, чтобы мотивировать адресата к дальнейшему чтению: *Information warfare: Is Russia really interfering in European states?* (BBC News, 17-03-30). [Информационная война: действительно ли Россия вмешивается в дела европейских государств?].

Приписывая России цель **вмешательства в политику США**, некоторые новостные агентства ссылаются на непроверенные источники: *A young man quoted under the pseudonym «Maksim» told independent channel TV Rain about the trolls' mission to meddle in US politics and wage an «information war» against the country* (The Telegraph, 17-10-16). [Молодой человек, который известен под псевдонимом Максим, рассказал независимому телеканалу Rain о миссии троллей вмешиваться в политику США и вести «информационную войну» против страны].

Нередко идея вмешательства России в чужие дела конкретизируется. Например, *сорвать выборы в США и содействовать приходу к власти Д. Трампа: On Friday U.S. special counsel Robert Mueller charged 13 Russian nationals and three Russian entities with an illegal «information warfare» scheme to disrupt the 2016 presidential election and assist the candidacy of President Donald Trump* (POLITICO.eu, 18-02-17). [В пятницу специальный советник США Роберт Мюллер обвинил тринадцать российских граждан и три российских юридических лица в незаконной схеме «информационной войны», чтобы

сорвать президентские выборы 2016 года и помочь кандидатуре Дональда Трампа]. Как видно из контекста, британские медиа подчеркивают, что российская информационная война имеет под собой нелегальную схему. Актуализация семантики беззакония, противоправия и нарушения формирует признаковую составляющую ИПВ в тесной ассоциации с криминалом, что в целом реализует тактику нагнетания негативных настроений, связанных с Россией.

- По данным британской прессы, Россия, которая после событий в Крыму 2014 года представлена как захватчица (ср. лексему *annexation* в следующем контексте), преследует цель **разделения Запада и нарушения его целостности**: *NATO believes Moscow is involved in a deliberately ambiguous strategy of information warfare and disinformation to try to divide the West and break its unity over economic sanctions imposed on Russia following its 2014 annexation of Crimea* (<https://www.express.co.uk>, 17-11-13). [*НАТО считает, что Москва вовлечена в преднамеренно неоднозначную стратегию информационной войны и дезинформации, чтобы попытаться разделить Запад и сломать его единство по поводу экономических санкций, введенных в отношении России после аннексии Крыма в 2014 году*].

- Демократия является ключевым понятием европейской политики, поэтому цель **подрыва демократических процессов**, ассоциируемая с Россией, должна еще больше очернить страну в глазах британцев и усилить образ российского врага: *Russia is not our friend, the Russian government has conducted an information warfare campaign against our country and sought to undermine our democratic process* (<http://www.upmatters.com>, 17-06-17). [*Россия нам не друг, российское правительство ведет информационную войну против нашей страны и стремится подорвать наш демократический процесс*].

- Вспоминая английского классика Д. Голсуорси, отметим, что нерешимость – худшее из зол, препятствующих успеху человека. Отсутствие твердости в намерениях зачастую коренится в неуверенности и страхе. На этом фоне агрессивные учения Кремля для возможного нападения на Запад и цель **распространения неуверенности и страха**, приписываемая информационной войне России, обнажает психологический аспект негативного миромоделирования в британской прессе, что должно еще больше демонизировать Россию в глазах обычных британцев: *The Kremlin is rehearsing aggressive scenarios against its neighbors, training its army to attack the West. The exercise is also part of information warfare aimed at spreading uncertainty and fear* (<https://www.express.co.uk/news>, 17-09-20). [*Кремль репетирует агрессивные сценарии*

против своих соседей, обучает свою армию нападению на Запад. Учения также являются частью **информационной войны, направленной на распространение неуверенности и страха**].

5. Театр ИПВ

Это территория или некое пространство (в том числе виртуальное), в пределах которого осуществляется информационно-психологическое противоборство. Основные места ведения ИПВ, по данным британских медиа, – **Интернет, социальные сети, страны Восточной и Западной Европы**.

- ИПВ ведется **онлайн** (от англ. *online* – «на линии», «в состоянии подключения»), то есть в виртуальном пространстве, находящемся под управлением вычислительной системы: *Speaking as he visited British troops in Estonia yesterday, he hinted ministers may seek to force Facebook and Twitter into taking further action to combat the information war online* (The Sun, 18-03-27). [Вчера во время посещения британских войск в Эстонии он намекнул, что министры могут попытаться заставить Facebook и Twitter предпринять дальнейшие действия по борьбе с **информационной войной в Интернете**].

- В век пропаганды полем битвы являются **социальные сети**, где люди активно выкладывают свои фотографии и делятся комментариями к новостям, а международная геополитика играет в реальном времени: *But then there's increasing evidence that our public arenas – the social media sites where we post our holiday snaps or make comments about the news – are a new battlefield where international geopolitics is playing out in real time* (The Guardian, 16-11-01). [Но тогда появляется все больше доказательств того, что наши общественные арены – **сайты социальных сетей, где мы публикуем наши праздничные снимки или комментируем новости**, – это **новое поле битвы, на котором международная геополитика играет в реальном времени**].

- ИПВ происходит **в странах западной и восточной Европы: Великобритании:**

Подчеркивается, что ИПВ в Великобритании, исходящая от Кремля, сопровождается российским шпионажем и повышенной киберактивностью: *Numerous British politicians have voiced worries about Russian espionage and cyber activities in the UK, as well as concern about the Kremlin's «information war»* (The Guardian, 16-11-01). [Многие британские политики выразили опасения по поводу **российского шпионажа и киберактивности в Великобритании**, а также озабоченность по поводу «**информационной войны**» Кремля].

Германии:

Информационная война со стороны России осуществляется для нанесения урона германской политике: *Janis Sarts, director of Nato's Strategic Communications Centre of Excellence... warned that **Russia «is establishing a network that can be controlled» and that they were using it in Germany to try to «undercut political processes in a very serious way»*** (The Telegraph, 16-03-10). [Янис Сартс, директор Центра стратегических коммуникаций НАТО... предупредил, что **Россия «создает сеть, которую можно контролировать»**, и что ее использовали в Германии, чтобы попытаться серьезным образом подорвать политические процессы].

Чехии:

Пропагандистскую войну ведут промосковские марионетки для дестабилизации Чехии: *The Czech government has accused Russia of conducting a propaganda war on its soil and is setting up a unit to counter what it says are **networks of pro-Moscow puppet groups*** (The Guardian, 16-10-20). [Чешское правительство обвинило Россию в ведении пропагандистской войны на своей территории. Создается подразделение для противодействия тому, что называется сетями промосковских марионеточных группировок].

Балтийском регионе:

Британские медиа указывают на усиление информационной войны Кремля в Прибалтике с целью нанесения ущерба бывшим республикам СССР: *Today, StratCom is on the front lines of the **palpably intensifying information war in the Baltic region, as the Kremlin ratchets up its efforts to destabilize the fragile democracies of the former Soviet republics*** (POLITICO.eu, 17-03-15). [Сегодня организация StratCom находится на передовой все усиливающейся информационной войны в Балтийском регионе, поскольку Кремль наращивает свои усилия по дестабилизации хрупких демократий бывших советских республик].

6. Активные средства ИПВ

Согласно британским медиа, мероприятия, при помощи которых осуществляется информационно-психологическое воздействие на противника, – это *использование разведанных, искусственного интеллекта, наблюдение за врагом, командно-контрольные действия, кибератаки*. Они выступают обязательными элементами военной подготовки: *The exercise covers the gamut of **information warfare – artificial intelligence, cyberattacks, exploiting intelligence, surveillance of the enemy, command and control** – pooling the expertise of military*

personnel, academics, and industry (<https://www.devonlive.com>, 17-04-05). [Учения охватывают весь спектр информационных войн – искусственный интеллект, кибератаки, использование разведданных, наблюдение за врагом, командование и управление – объединение опыта военных, ученых и промышленности].

Атаки на критическую инфраструктуру являются традиционным средством войны. Предполагается нанесение ущерба автоматизированным системам управления критически важных объектов, взаимодействие которых обеспечивают сети связи, предназначенные для решения задач обороноспособности, безопасности и правопорядка: *However, the increased number of attacks on critical infrastructure will not reduce the extent of information war, the report said* (<https://www.computerweekly.com>, 18-01-05). [Однако увеличение числа атак на критически важные объекты инфраструктуры не уменьшит масштабов информационной войны, говорится в докладе].

Показательно, что в британских СМИ реализуется тактика привлечения авторитета. Газета «Индепендент» цитирует К. Джайлза (Keir Giles), крупнейшего эксперта в области российской информационной безопасности, что усиливает установку на негативное восприятие России в тесной ассоциации с криминальным миром и сговором на государственном уровне: *Keir Giles, an expert in Russian information warfare at Chatham House, said the line between the Russian government, Russian business and the Russian criminal world was blurred. «The bottom line is these attacks would not be coming from Russia without Russian state collusion – if they wanted to stop it they could»* (The Independent, 18-04-21). [Кейр Джайлз, эксперт по российской информационной войне, заявил в Чатем-Хаусе, что граница между российским правительством, российским бизнесом и российским криминальным миром размыта. «Суть в том, что эти атаки не могут исходить из России без российского государственного сговора – если бы они хотели остановить это, они бы это сделали»].

Мощными средствами, используемыми для достижения информационно-психологического преимущества, также являются: **пропаганда, шпионаж и кибершпионаж**, различные **фальсификации**, в том числе новостного характера, **дезинформация** и **хакерские операции**.

Хакерские операции носят грандиозный характер. См. заголовок: *Russia's colossal hacking operation* (<http://www.wired.co.uk>, 18-04-21). [Грандиозная хакерская операция России].

Газета «Дейли мейл» акцентирует внимание на том, что представления о технологиях **фейковых новостей** и **кибератак**

неуклонно развиваются: *The frequency of information warfare in all its manifestations, including fake news and cyberattacks, is now becoming better known* (The Daily Mail, 17-12-14). [*Диапазон информационной войны во всех ее проявлениях, включая фейковые новости и кибератаки, становится все более осознаваемым*].

Такие средства зачастую фигурируют в сильных позициях текста – заголовках как наиболее значимых в идейно-эмоциональном и персуазивном планах. Они призваны сформировать «первое впечатление» от новости и установку на дальнейшее восприятие. Именно заголовки легче всего сохраняются в памяти читателей и закрепляют стереотип о русских и России: *Lithuania fears Russian propaganda is prelude to eventual invasion* (The Guardian, 17-04-03). [*Литва опасается, что российская пропаганда является прелюдией к возможному вторжению*]. Далее в статье отмечается необходимость оказания сопротивления российской пропаганде: *Ceponis said the west needed to step up its battle against Russian propaganda* (The Guardian, 17-04-03). [*Чепонис заявил, что Западу необходимо активизировать борьбу с российской пропагандой*].

Европейские государства ежедневно подвергаются **нападкам российской пропагандистской машины**: *He said: «It is unacceptable that our societies are under daily assault from the Russian propaganda machine»* (POLITICO.eu, 17-03-24). [*Он сказал: «недопустимо, чтобы наши общества ежедневно подвергались нападкам со стороны российской пропагандистской машины»*].

Российская пропаганда характеризуется как «изощренная» (*sophisticated*), включающая целый арсенал средств: **боты, команды троллей, сети веб-сайтов и аккаунтов в соцсетях**: *Russia's increasingly sophisticated propaganda machinery – including thousands of botnets, teams of paid human «trolls» and networks of websites and social media accounts – echoed and amplified right-wing sites across the internet during the US election* (The Independent, 16-12-17). [*Все более изощренная российская пропагандистская машина, включающая тысячи ботов, команды «троллей», за которыми стоит оплаченная работа людей, сети веб-сайтов и аккаунтов в социальных сетях, усилила правоцентристские интернет-сайты во время выборов в США*]. Россия буквально вооружила все виртуальное пространство. См. заголовок: *Fake news and botnets: how Russia weaponized the web*. (The Guardian, 17-12-02). [*Фейковые новости и ботсети: как Россия вооружила интернет*].

Российский кибершпионаж, реализующий ИПВ, приравнивается к киберпреступлениям, которые связаны с доступом

к информации: *The techniques that cyber espionage uses, including Russian cyber espionage and information warfare, is in some cases indistinguishable from what cyber criminals want to do, because both of them are about accessing information* (<http://www.wired.co.uk>, 18-04-21). [*Методы, которые использует кибершпионаж, включая российский кибершпионаж и информационную войну, в некоторых случаях не отличаются от того, что делают киберпреступники, потому что и те, и другие имеют дело с доступом к информации*].

Всевозможные фальсификации со стороны России часто связываются с деятельностью **новостных сайтов**. СМИ метафорически осмысляются как костер, который разжигает информационную войну: *The media is whipping things up. This is an information war. You shouldn't pay attention to it. They're making the people anxious for no reason* (BBC News, 16-10-25). [*СМИ разжигают события. Это информационная война. Не стоит обращать на это внимание. Они заставляют людей волноваться без причины*].

Как пишет газета «Таймс», пророссийские новостные каналы и социальные медиаплатформы не только растиражировали более двух десятков теорий заговора об атаке в Солсбери, но переформатировали процентное соотношение силы и информационной войны с четырехкратным преобладанием последней: *Moscow has flooded pro-Russia news channels and social media platforms with more than 20 conspiracy theories about the Salisbury attack to deflect attention from Britain's assertion that Moscow is to blame. «The ratio of 80 per cent force and 20 per cent information warfare has been flipped to 20–80», a Whitehall source said* (The Times, 18-04-06). [*Москва наводнила пророссийские новостные каналы и платформы социальных сетей более чем двадцатью теориями заговора о нападении в Солсбери, чтобы отвлечь внимание от утверждения Великобритании о том, что Москва виновата. «Процентное соотношение силы и информационной войны 80–20 % было перевернуто с точностью до обратного», – сказал источник в Уайтхолле*].

Остроумно звучит предложение министра внутренних дел Чехии «проникнуть в каждый смартфон» в качестве контрмеры **российской дезинформации**: *«We want to get into every smartphone» to counter Russian disinformation, said Milan Chovanec, the Czech interior minister* (The Guardian, 16-10-20). [*«Мы хотим попасть в каждый смартфон, чтобы противостоять российской дезинформации», – сказал Милан Чованец, министр внутренних дел Чехии*].

Во многих интернет-изданиях отмечается, что Россия использует совокупность сложенных средств информационно-психологического противоборства в рамках имеющейся доктрины: *дезинформацию, троллинг, хакерство*: *The combined use of disinformation in social media and in state-funded media, social media «trolling», and concerted hacking efforts against political institutions is part of a long pattern of behavior by Russia, shaped by Russia's doctrine of information warfare and deterrence* (<http://arstechnica.co.uk>, 16-12-10). [*Совместное использование дезинформации в социальных сетях и в финансируемых государством СМИ, «троллинг» в социальных сетях, а также согласованные хакерские усилия против политических институтов являются частью установленной модели поведения России, сформированной российской доктриной информационной войны и сдерживания*].

7. Войска и оружие ИПВ

По данным британских газет, Россия как актер ИПВ располагает воинскими формированиями, которые создаются для осуществления информационно-психологического воздействия, это *отряды информационной войны*: *This week, Russia announced the formation of a new branch of the military: «information warfare troops»* (The Guardian, 16-11-01). [*На этой неделе Россия объявила о формировании нового военного подразделения: «войск информационной войны»*].

У российского президента есть *киберармия*, которая забрасывает западный мир фальшивыми новостями и сообщениями в социальных сетях, вносящими раздор в сознание: *From inside the unremarkable office building, Putin's cyber army deployed wave after wave of fake news articles and divisive social media posts* (The Daily Mail, 17-11-12). [*Изнутри ничем не примечательного офисного здания киберармия Путина гонит волну за волной поддельных новостей и неоднозначных постов в социальных сетях*].

В арсенале главного актора ИПВ – *армии троллей и ботов* – самое разнообразное *оружие* для ведения информационной войны, в том числе *прокремлевские неправительственные организации*: *It also identified «troll armies» targeting journalists and academics, hijacked Twitter accounts and pro-Kremlin NGOs operating in Sweden as further weapons in what it said amounted to a Russian information war* (The Guardian, 17-01-10). [*Он также идентифицировал «армии троллей», нацеленные на журналистов и ученых, похищенные учетные записи в Twitter и прокремлевские неправительственные организации, действующие в Швеции, как еще одно оружие, имеющее значение в российской информационной войне*].

Русские боты активно используются, чтобы создать хаос и подорвать мирно протекающие политические процессы: *The core of the debate is the accusation that a number of political tweets were sent by «Russian bots», with the intention of subverting political debate, or simply creating chaos generally. <...> Based on what we know about Russian information warfare, the Twitter accounts run by the country's «troll army», based in a nondescript office building in St Petersburg, are unlikely to be automated at all* (The Guardian, 18-01-07). [В основе дебатов лежит обвинение в том, что ряд твитов был отправлен «русскими ботами» с намерением подорвать политические дебаты или просто создать хаос. <...> Исходя из того, что нам известно о российской информационной войне, учетные записи Twitter, которыми управляет «армия троллей», располагающаяся в невзрачном офисном здании в Санкт-Петербурге, вряд ли будут автоматизированы вообще].

Помимо ботов в состав воинствующей армии Путина входят *тролли* (англ. troll – 1. сказочное существо из скандинавских мифов; 2. разг. мальчик, которого не любят). [Русско-английский словарь общей лексики, АБВУУ 2005]. Тролли прочесывают сети, чтобы привлечь к себе внимание любыми, чаще всего хамскими и грубыми способами. Это интернет-провокаторы на службе российского президента: *He accepts that he was a troll in Putin's information war...* (The Daily Mail, 17-11-12). [Он признает, что был троллем в информационной войне Путина...].

Метафорическое осмысление троллей как продуктов фабричного производства свидетельствует в пользу признания технологичности ведения информационной войны Россией и усиливает эффект опасности, создаваемой Кремлем: *The Kremlin officially denies all knowledge of the troll factory and questions its existence* (The Daily Mail, 17-11-12). [Кремль официально отрицает знание о фабрике троллей и ставит под сомнение ее существование]. Тролли, как и боты, выполняли разные задания во время предвыборной кампании в США: *Employee reveals how Russian trolls targeted Hillary Clinton before election* (The Telegraph, 17-10-16). [Сотрудник раскрывает, как российские тролли целились в Хиллари Клинтон перед выборами].

Вместе с тем животноводческая метафора *farm* (ферма), используемая в других контекстах, создает негативно оценочный коннотативный шлейф, характеризующий отношение к России. Мишенью выступают российские специалисты, работающие в агентстве интернет-исследований (the Internet Research Agency, IRA), которые представлены как «ферма троллей» (*troll farm*): *Often referred to as a «troll farm», the IRA is said by the indictment to*

engage in «information warfare against the United States of America» (The Independent, 18-02-17). [Часто именуемое «*фермой троллей*» агентство интернет-исследований, как говорится в обвинительном заключении, *участвует в «информационной войне против Соединенных Штатов Америки»*].

Войска ИПВ также состоят из *российских шпионов и шпионских агентств, российских агентов под прикрытием, русских хакеров*.

Российские шпионы используют интернет-ресурсы, чтобы протоптать себе дорогу в западные политические круги: *Of course, protecting your router and other networking equipment from Russian spies has the knock-on benefit of making you safer from criminals, too – regardless of their country of origin* (<http://www.wired.co.uk>, 18-04-21). [Конечно, *защита* вашего маршрутизатора и другого сетевого оборудования *от российских шпионов* имеет преимущество, которое обеспечивает большую безопасность от преступников – независимо от страны их нахождения].

Исключительная изощренность в искусстве ведения информационной войны приписывается *российским шпионским агентствам*: *Moreover, Russian spy agencies have developed sophisticated capabilities in the gray areas of information warfare and political influence* (<https://uk.news.yahoo.com>, 17-04-20). [Более того, *российские шпионские агентства развили исключительные возможности в серых зонах информационной войны и политического влияния*].

Работа *российских агентов* сочетает разные методы: *Further north there was the sinister abduction – by Russian agents, under cover of electronic jamming and smoke grenades – of an Estonian intelligence officer* (The Guardian, 17-08-23). [Севернее произошло зловещее похищение эстонского разведчика *российскими агентами* под прикрытием электронных помех и дымовых гранат].

Особое место в британском медиадискурсе занимают вездесущие *русские хакеры*, способные влиять на выборы в других странах и нагоняющие страх на весь мир. Чаше всего они фигурируют в связи с вмешательством в президентские выборы в США: *European governments have warned of a growing threat of Russian hacking and «information warfare» in the wake of claims that Moscow tried to sway the US presidential election* (The Times, 16-12-18). [Европейские правительства предупреждают о растущей угрозе *российского хакерства и «информационной войны»* на фоне заявлений о том, что Москва пыталась повлиять на президентские выборы в США].

Закключение. Представленное исследование свидетельствует о том, что ИПВ ведется крупнейшими медиа Великобритании главным образом в отношении британских граждан, а также тех, кто знакомится с британской прессой. Объектом ИПВ оказывается сознание значительной части аудитории, интересующейся вопросами политики и читающей интернет-газеты. Главной мишенью ИПВ выступает Россия и ее политические действия. Основная цель ИПВ – оказать влияние на когнитивные механизмы читателей для формирования образа России как угрозы на пути культурно-цивилизационного развития Европы и мирового сообщества. Негативное миромоделирование, осуществляемое агентами британского медиадискурса за счет доступа к информации, проявляется в тиражировании таких представлений о России, которые очерняют внешнеполитические усилия и действия российского президента и демонизируют образ нашей страны в глазах граждан других государств.

В британском медиадискурсе выявлена репрезентационная структура концептуально-сложного типа – дискурсивный мир ИПВ. Это ментально-языковая структура, которая реконструируется на основе совокупности медиатекстов, объединенных тематикой противоборства, борьбы, вражды, подчиненная целям политики Великобритании и отражающая расстановку сил в глобальной геополитической обстановке.

Дискурсивный мир ИПВ как сконструированная журналистами реальность, имеющая свою онтологию, объективируется вербально-знаковыми средствами английского языка в британских средствах массовой коммуникации. Параметризация дискурсивного мира ИПВ включает ряд характеристик. *По периоду времени:* ИПВ предстает как явление новейшей истории. *По масштабу:* ИПВ возвещает наступление новой эры глобального противоборства, возможное благодаря применению новейших интернет-технологий. *По национально-государственному признаку:* ИПВ российская и кремлевская. *По оценке:* ИПВ масштабная, массовая, острая, интенсивная, пропагандистская. *По субъектам:* конфликт интересов имеют Россия и Запад. *По ключевым акторам:* ИПВ ведется Россией, Москвой, Кремлем, российским президентом. *По целям и задачам общего характера:* воздействие на массовое сознание и общественное мнение. *По целям и задачам ключевого актора:* дестабилизация, вмешательство, разделение Запада, подрыв демократии, распространение неуверенности и страха. *По театру военных действий:* ИПВ разворачивается в Интернете, социальных сетях, странах восточной и западной

Европы. *По активным средствам*: ИПВ охватывает широкий спектр традиционных и инновационных мероприятий: пропаганда, кибершпионаж, фальсификации, дезинформация, хакерские операции, троллинг. *По составу войск и оружию*: ИПВ включает отряды и армии троллей, ботов, шпионов, шпионских агентств, хакеров.

Представляется, что параметры дискурсивного мира ИПВ не могут быть представлены законченным списком по причине его принципиальной открытости происходящим изменениям и неизбежному расширению номенклатуры в ответ на новые политические и экономические инициативы властных элит, стремящихся к мировому господству и тотальному контролю за происходящим. Хотя многие вопросы, изложенные автором, далеки от окончательного решения, складывается понимание, что дальнейшее изучение лингво-семиотических механизмов репрезентации информации о мире в целях информационно-психологического противоборства необходимо для выработки мер противодействия внешней агрессии и установления контроля над геополитическим ландшафтом в интересах России.

3.12. Киберсреда как доминирующий фактор в выстраивании алгоритмов культурного кода российской молодежи

Любая война, в том числе война за территорию, экономические преимущества, в философии рассматривается как духовное противостояние нравственных мотивов, ценностей, взглядов, идей...

Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга I

1. Выстраивание системы управления киберсредой и особенности ее влияния на поведенческие установки современной молодежи

Развитие высоких технологий и появление сети Интернет ускорило процесс глобализации и смысловой унификации. В научный дискурс был введен ряд новых терминов: «информационное

общество», «цифровое слабоумие», «клиповое мышление», «киберпространство», «цифровая экономика» и т. д. Многие научные труды по изучению киберпространства находятся на стыке гуманитарных и технических дисциплин. На настоящий момент актуальны теоретические и практико-ориентированные исследования проблем, которые возникли в результате появления нового феномена – киберпространства. В данной работе речь пойдет о влиянии содержания медиаконтента (явного и скрытого) на поведенческие установки, социальные нормы и на формирование в молодежной среде различных стран экстремистских моделей поведения.

Выявление влияния медиаконтента на трансформацию поведенческих установок и во многом на деформацию социальных норм в молодежной среде актуально на данном этапе становления российской государственности, особенно в условиях существенного и изощренного иностранного вмешательства в русскоязычное информационное пространство.

За время двух мировых войн и многочисленных вооруженных конфликтов более мелкого масштаба теория и практика информационно-психологического воздействия на людей были усовершенствованы. Развитие методологии воздействия, появление таких концептов, как нейролингвистическое программирование, теория игр, бурное развитие технологического аспекта – появление радио, телевидения и, наконец, сети Интернет, – все это позволило проводить психологические операции на новом качественном уровне как в адресном, так и в массовом порядке. На настоящий момент данное явление называют по-разному: «холодная война», «тихая война», «мягкая сила», «умная война», «информационная война», «гибридная война», «контентная война» и т. д.

В мире признается сам факт, что информационная война идет. Однако такое количество названий указывает на то, что понятие четко не сформировано. Образ плюс лексика позволяют понимать феномен и разбираться в сути происходящего, действовать и получать результат. Но отсутствие четкого определения блокирует саму возможность противодействия, защиты и контрнаступления.

Так, за словами «психологические операции» либо за модным, но еще более абстрактным словосочетанием «мягкая сила» не встает образ ведения боевых действий. Когда мы слышим фразу «мягкая сила», не возникает образ опасности, соответственно угроза не идентифицируется сознанием. Таким образом, осуществляется операция «подмена понятий».

Еще во времена войны во Вьетнаме американцы официально ввели понятие «психологические операции». Приведем определение, которое дает Полевой устав армии США ФМ-33-1 от 1987 года: «Психологические операции – это проводимая в мирное или военное время плановая пропагандистская и психологическая деятельность, рассчитанная на иностранные враждебные, дружественные или нейтральные аудитории с тем, чтобы влиять на их отношения и поведение в благоприятном направлении для достижения как политических, так и военных национальных целей США» [Полевой устав армии США... 1987].

На современном этапе в ряде стран западного и восточного блоков выстроена и интегрирована в общевойсковую модель техническая и социальная киберсистема, позволяющая проводить крупномасштабные операции, направляя полный спектр инфокоммуникативных воздействий на различные социальные группы. Сама история становления подобных систем прошла достаточно долгий путь от теоретических наборок до внутреннего конкурентного противостояния в борьбе за бюджет с такими мощными соперниками, как морская, сухопутная, артиллерийская и прочие системы – претенденты на бюджет, выделяемый на развитие и модернизацию.

Все начиналось с теоретического обоснования необходимости развития данного направления, и заметную роль в развитии мысли о необходимости практического применения новой индустриальной психологии сыграл Джон Ролингс Риз [Maeterlinck 1914: 48]. Именно он обнаружил возможность создания нереального мира – социальной группы. Мира, в котором индивид передает свое чувство идентичности группе и подвергается там наиболее сильнодействующим формам внушения среды, в условиях которой человеком можно манипулировать, как ребенком, в связи с разрушением внутреннего чувства реальной идентичности.

Понимание того, что в процессе манипулирования и контроля над массами изменение мировосприятия у элементов группы имеет фундаментальное значение, позволило Д. Ризу совместно с экспертами Тавистокского института получить огромный опыт групповой психологической работы. Открытые ими принципы воплотились в создании многочисленных социальных групп с последующим запуском их в перманентно конкурентную среду. Предусловием для решения данной задачи является атомизация и частичная унификация социальных групп, для чего используется весь арсенал социологического и психического оружия; делается так, чтобы каждый

был за себя и против всех остальных: настроить одну расу против другой, каждую языковую группу против всех остальных, «угнетенных» женщин против «угнетателей» мужчин, еще больше раздробить группы по профессиональной принадлежности и т. д. [Minnicino 1974: 14].

По итогам многолетних исследований, заручившись поддержкой некоммерческих фондов и подписав долгосрочные договоры о сотрудничестве с такими крупными ведомствами, как Национальный институт психического здоровья, представительства армии США (а именно ВМФ и ВВС), Д. Риз получил достаточно широкую площадку для проведения внутренних масштабных исследований и испытаний. Собрав ученых, работавших в годы войны на разведывательные службы, он предоставил им работу в институтах труда, созданных примерно в одно время с ЦРУ, Объединенным комитетом начальников штабов, Советом национальной безопасности как звеньями единой системы. К середине 1950-х годов точкой сборки являлось гражданское министерство труда, обеспечивающее возможность физического и психологического контроля над всем рабочим движением Соединенных Штатов. В свою очередь, ранее созданная система институтов труда занималась исследованием манипулирования поведением, внутренней групповой мотивации, коллективного труда, социальной динамики, роста производительности труда. Эти вопросы изучались с психологической точки зрения, чтобы использовать их как инструмент выстраивания ненапряженной капиталистической трудовой системы.

На сегодняшний день, после всех реформ по внедрению кибероружия в стандарт вооруженных сил, США – это лидирующая страна в наступательном ведении «гибридных войн». В 1985 году было основано Объединенное командование гражданской администрации и психологических операций сухопутных войск (United States Army Civil Affairs and Psychological Operations Command (Airborne)). В 2009 году США создали отдельную структуру «Киберкомандование» (Cyber Command) для проведения наступательных операций в сети Интернет. Единое киберкомандование, по сути, управляет всеми специальными структурами США. Сделано это неслучайно: мир стал информационным, соответственно формирование киберпространства и управление им оказалось задачей стратегической важности. В июне 2010 года директивой министра обороны США «психологические операции» (Psychological Operations, или PSYOP) переименованы в «военные операции по информационному

обеспечению» (Military Information Support Operation (MISO)) с целью специально скрыть явно враждебный характер данной деятельности [Как защитить себя... 2017].

Следует обратить внимание на ряд факторов, характеризующих системность наступательных действий киберкомандования США. Первое: расход бюджета США на кибербезопасность в 2016 году составил почти 14 млрд долларов, в сравнении с 250 млн суммарного бюджета Российской Федерации на информационную безопасность, большая часть из которых была направлена на техническое перевооружение. Второе: системность в подготовке кадров для создания и обеспечения данного процесса в США. Курсы по бизнес-разведке встроены в учебные планы большинства экономических и технических университетов страны, образованы специальные гильдии, содействующие профессиональным режиссерам при создании и выпуске киноновинок с политическим уклоном. Ежегодно США привлекают более 100 тыс. несовершеннолетних на работу по информационно-наступательным действиям в сети Интернет (комментирование новостей, троллинг, рассылка и др.) в отношении других стран и народов.

Сегодня обработкой и анализом информации, формированием и распространением контента в режиме онлайн занимаются специальные киберцентры. Формирование общественного мнения происходит за счет массовой подачи информации и бессознательно-го доверия пользователя полученным данным. Для этого используются киберботы – компьютерные программы, автоматически совершающие определенные действия на основе модуля искусственного интеллекта. Боты ведут пропаганду с помощью всевозможных методов вброса информации. Они способны распространять контент с огромной скоростью, одновременно воздействуя на миллионы людей. Их манипуляции сложно отличить от обычных действий людей в Интернете. Например, только под руководством Киберкомандования США действуют не менее 7 киберцентров (а есть еще Великобритания, Германия, Франция, Китай, Израиль). В совокупности 500 операторов, работающих в одном таком центре, управляют 50 000 киберботов. На практике это означает, что на одного оператора приходится 100 ботов. Именно из таких киберцентров массово осуществляется комментирование новостей, троллинг, рассылка информации и прочее.

При этом следует понимать, что воздействие возможно из любой точки киберпространства: в виртуальной среде отсутствует привязка

к конкретной территории. Создаваемый в киберцентрах контент формирует общественное мнение, оказывает информационно-алгоритмическое воздействие на человека, побуждая его к определенным действиям, будь то выбор одежды, еды, места учебы, времяпрепровождения, работы, страны для жизни, кандидата на выборах. Специально проработанные медиапродукты, выпускаемые под известными брендами либо вирусно распространяемые посредством Интернета, становятся инструментом для формирования стандартов мышления, ценностей, алгоритмов поведения человека. Нами выявлены следующие наиболее распространенные приемы, используемые сегодня:

- 1) психологическое давление;
- 2) незаметное проникновение в сознание;
- 3) скрытое нарушение и искажение законов логики.

Сюда относятся подмена тезиса, ложная аналогия, вывод без достаточного основания, подмена причины следствием, подмена понятий. В результате проведения подобных операций снижается интеллектуальный потенциал человека. Интеллект становится «заточенным» на потребление, разрушение и уже не способен самостоятельно приподняться над установленными алгоритмами. Так, многолетняя агрессивно направленная пропаганда против русских на Украине неизбежно привела к вооруженному конфликту внутри страны, к непрекращающемуся столкновению России и Украины.

Еще 15 лет назад жители самой Украины представить не могли, что будут открыто воевать против России. Но сегодня значительная часть населения, подвергшаяся влиянию информационной войны, в измененном состоянии психики, зарабатывает на этой войне. Более того, Украина используется как передовой пункт ведения информационной войны против России. По официальным данным ООН, в Донбассе в боевых действиях погибло порядка 10 тыс. жителей Украины, по неофициальной статистике, зарегистрировано более 50 тыс. погибших с украинской стороны. И та же неофициальная статистика говорит о более чем 50 тыс. граждан Украины, кто в режиме онлайн работает на зарубежные киберцентры – посредством троллинга и спама в сети Интернет ведет агрессивную пропаганду против России, дискредитируя ее имидж, культивируя порочный образ жизни.

Инструкция США по ведению «гибридной войны» включает следующие последовательные шаги:

- 1) информационное противостояние: подготовка населения «враждебной» территории к восприятию чуждых ценностей, интересов;

2) подрыв экономики с использованием политических, технических, информационных средств (Россия до сих пор ощущает последствия своеобразного экономического переворота 2014 года с многоаспектной девальвацией российского рубля);

3) подрыв политического статуса вплоть до «цветных революций» и смены политического руководства;

4) зачистка тех, кто не приемлет навязываемые перемены.

Именно целенаправленное нагнетание негатива в массмедиа неизбежно приводит к проявлению его в жизни, в том числе порождает преступность в молодежной среде (правонарушения, наркоманию, девиантное поведение, экстремизм). Это напрямую сказывается не только на статистике и качестве общественных явлений, но и усложняет ведение профилактической работы.

На сегодняшний день в мире и в нашей стране еще не созданы институты, способные остановить эти деструктивные процессы. Более того, нет даже понимания происходящего и всей его пагубности у профессионалов и обычного населения нашей страны и других стран мира.

История со студенткой отделения культурологии философского факультета МГУ, дочерью интеллигентных родителей Варварой Карауловой, ставшей активисткой ИГИЛ, может и должна служить ярким и наглядным примером для нашего общества. Несмотря на широкую огласку в СМИ, суть этого «феномена» понимают немногие. Судебно-медицинская экспертиза признала студентку МГУ вменяемой, однако это далеко от реальности. Дело, в первую очередь, в том, что критерии оценки состояния личности критически устарели. Методы исследования восприятия информации не оценивают состояние алгоритмов восприятия и обработки человеком информации об окружающем мире; не учитывают, что личность может быть глубоко «пораженной», ее психика не способна адекватно воспринимать происходящее и принимать правильные решения. Подобное состояние сравнимо с контузией на поле боя (рис. 1).

Внешне человек сохраняет способность воспроизводить привычные стереотипы поведения, обладает отличной фактологией. Однако под массивным потоком информационного воздействия произошло критическое смещение в сторону неадекватной трактовки фактов, событий, явлений, полнейшая ценностная дезориентация. В этом контексте постановка вопроса «Понимала она или не понимала, что делает?» совершенно неуместна. Однозначный ответ: нет. Контуженных уносят с поля боя и проводят долгую реабилитацию.

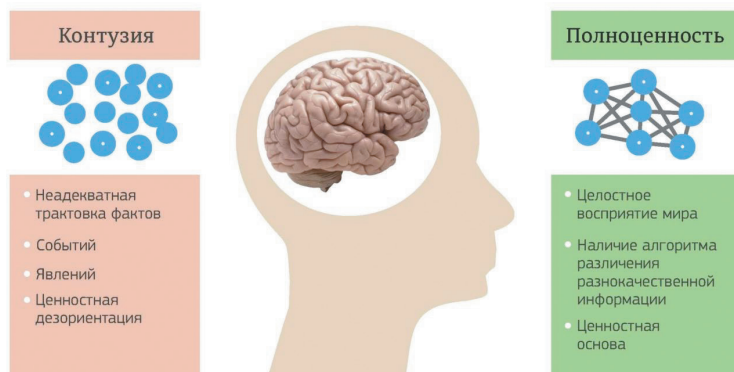

Рис. 1. Критерии оценки личностного здоровья психики

«Пустота в душе», о которой говорит Варвара, – следствие детской психики, неспособной самостоятельно взаимодействовать с миром реальным, и характерна она, к сожалению, для немалой части молодого поколения, ежедневно обрабатываемого технологиями массмедиа. Этот «вакуум» не заполняется сегодня должным образом государственными, общественными институтами, семьей. Нужно вести речь об ответственности, в первую очередь, государства и всего общества в целом.

Этот и другие примеры свидетельствуют о том, что в создавшихся условиях невозможно ориентироваться на устоявшиеся подходы (медицинские, педагогические, юридические и др.), привычные профессиональные критерии. А соответственно, как минимум ошибочно и даже преступно говорить о введении стандартизации в работе с детьми и молодежью в сфере воспитания и профилактики негативных социальных явлений. По крайней мере, на сегодняшний день, пока не выработаны здоровые критерии и система адекватных действий.

В данный момент Россия находится на этапе выработки решений по формированию системы обеспечения информационной безопасности общества. Мы постепенно оцениваем специфику ситуации, перестраиваемся на новые подходы и методы работы в информационном пространстве.

2. Социальные и психологические аспекты кибербезопасности: современное состояние российского общества

В России на данном этапе понятие информационной безопасности рассматривают преимущественно с позиций технической

безопасности, и крайне редко обсуждаются вопросы понятийной базы социальных аспектов кибербезопасности. Усилия нашей страны в последние 15 лет были направлены в основном на переоснащение технологической информационной инфраструктуры.

Само понятие «кибербезопасность» при рассмотрении его в социальном аспекте является достаточно новым как для науки, так и для отечественной системы государственного и муниципального управления. Бурное развитие информационных технологий, либерализация страны и ее открытость мировому сообществу привели к незащищенности населения, в первую очередь детей, от противоправного контента информационной среды. Ситуация осложняется тем, что значительная часть противоправной информации поступает посредством сети Интернет с иностранных информационных ресурсов, которые не могут быть заблокированы российскими правоохранительными органами. По сведениям МВД России, число сайтов, содержащих материалы с детской порнографией, в 2000–2010 годах ежегодно увеличивалось почти на треть, а количество самих интернет-материалов данной направленности – в 25 раз [Богатырева, Привалов 2012: 96]. Значительное количество сайтов, посвященных пропаганде наркопотребления, девиантного поведения, суицидам, доступно подросткам в любое время.

Не осознавая силу влияния контента на поколения 50–80-х годов, в нашей стране лишь недавно озаботились необходимостью защиты детей от вредоносного контента, хотя статистические данные свидетельствуют, что многие дети страдают так называемым цифровым слабоумием. А по данным Министерства образования и науки от 2016 года, современные дети усваивают в школе всего около 13–17 % образовательного материала, что соответствует международным показателям деградации подрастающего поколения, втянутого в гаджетоманию.

В настоящее время в Российской Федерации информационная безопасность детей и подростков, их защита от вредоносной информации определены как состояние, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда физическому и психическому здоровью, нравственному, духовному и социальному развитию детей [Там же: 98].

Базовыми считаются правовые меры. Первым значимым документом политики информационной безопасности детей стал Указ Президента Российской Федерации от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы».

В рамках названной стратегии в главе 3 «Доступность качественного обучения и воспитания, культурное развитие и информационная безопасность детей» есть раздел № 7 «Меры, направленные на обеспечение информационной безопасности детства». В этом разделе задекларированы необходимость создания и внедрения программ обучения детей и подростков правилам безопасного поведения в интернет-пространстве, разработки профилактических мероприятий против интернет-зависимости и для предупреждения рисков вовлечения детей в противоправную деятельность. Также впервые за много лет была оглашена необходимость создания общественных механизмов экспертной оценки и фильтрации интернет-контента с учетом возможности его потребления детьми. Эти идеи получили свое развитие в Концепции информационной безопасности детей (далее Концепция) от 2 декабря 2015 года [Концепция... 2015]. Правительство РФ рекомендовало использовать основные положения данной концепции органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации при формировании и осуществлении региональных программ в сфере информационной безопасности детей.

При том что Концепция представляет собой весьма объемный документ и основная ее задача – определить общую политику обеспечения информационной безопасности детей в РФ, в ней четко прослеживаются два основных направления социальной деятельности: ограничение доступа детей к нежелательной информации и обеспечение свободного доступа детей и их родителей к полезной информации. Основным аргументом при написании Концепции стало осознание того факта, что процесс социализации через традиционные институты (семья, школа) все активнее дополняется средствами массовой информации и массовых коммуникаций, которые становятся важнейшими институтами социализации, образования и просвещения нового поколения, в определенной мере замещая традиционно сложившиеся формы.

Доступ детей к информации, как правило, ограничен действием двух групп факторов: социально-экономических и информационных. Согласно данным Росстата, в 2010 году доля малообеспеченных среди детей в возрасте до 16 лет превышала среднероссийский уровень бедности. В самом уязвимом положении в вопросе доступа к актуальной, качественной образовательной информации находятся дети из многодетных и неполных семей и дети безработных родителей [Канавцев, Попова 2016: 308].

Затрудняют доступ к качественной информации огромные объемы разнородной информации, сваливающиеся прессом на молодое, еще не окрепшее сознание. Так, в России более 4,5 тыс. активных интернет-СМИ; за 2014 год их число выросло во всех регионах страны, кроме Крыма. Все вместе эти СМИ публикуют почти 100 тысяч новостных сообщений в день [Там же: 30].

Для уменьшения влияния названных факторов в «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [Национальная стратегия действий... 2012] предлагалось органам государственного управления и муниципального самоуправления поддерживать гражданские и местные инициативы по созданию порталов и сайтов, аккумулирующих сведения о лучших информационных ресурсах для детей и родителей.

Между тем опыт функционирования отечественных информационных ресурсов образовательной и воспитательной направленности позволяет сделать вывод, что интерес к ним у детей и подростков невелик, особенно в сравнении с интересом к ресурсам, содержащим вредоносную информацию. Решению данной проблемы должно способствовать эффективное применение идеологических методов обеспечения информационной безопасности.

В идеологическом (воспитательном) аспекте безопасность и связанные с ней угрозы могут рассматриваться на трех уровнях: отдельной личности, группы и общества. Соответственно, необходимо формирование в сознании каждого гражданина комплексной модели информационной безопасности, применение которой действовало бы эффективно на всех этих уровнях. Кроме того, в современном высокотехнологичном обществе невозможно определять информационную безопасность как явление, предполагающее только пассивное выполнение определенных требований и бездумное подчинение каким-либо правилам. В связи с этим представляется необходимой разработка системно-динамической модели информационной безопасности детей и подростков, включающей разные уровни деятельности субъекта и надсубъектной активности. В качестве основных механизмов функционирования этой модели могут выступать: опосредование, интериоризация, сигнификация и сигнализация. Все перечисленные механизмы должны быть в одинаковой мере представлены на каждом уровне модели и постоянно взаимодействовать по принципу обратной связи [Концепция информационной... 2015].

Разработанные в концепции понятия обладают значительной ценностью, но довольно сложны для осознания и использования

молодежью, что затрудняет их практическое использование. Рассмотрим основные принципы формирования и развития названных механизмов.

Механизм опосредования. Социальная ситуация развития ребенка, ее временной, культурный, исторический и другие аспекты, выступает условием и источником формирования индивидуальных особенностей, способствующих формированию либо психически устойчивой и защищенной от вредного воздействия информационной продукции личности, либо личности, легко поддающейся влиянию, уязвимой для негативного воздействия информационной продукции. Традиционные и новые средства массовой информации выступают в качестве активных «посредников», доводящих до личности, группы и/или общества в целом такие воздействия, которые несут реальную и потенциальную угрозу безопасности детей и подростков. В зависимости от уровня подготовленности общества это негативное воздействие либо усиливается средствами массовой информации, либо способствует формированию у несовершеннолетних его членов эффективных способов совладания с потоками вредоносной информации.

Механизм интериоризации. Интериоризация как процесс усвоения личностью норм и ценностей, господствующих в конкретной группе и обществе, выступает в качестве важнейшего принципа формирования основных социальных механизмов сознания ребенка, которые складываются в ходе диалога и совместной деятельности с другими детьми и со взрослыми. Роль взрослого (родителей, педагогов) в формировании психически и физически здоровой личности ребенка в современном, насыщенном информационными технологиями мире, становится еще более важной, чем в прежние времена.

Новые средства коммуникации и информации, взаимодействие в интернет-сообществах выступают в качестве особой формы диалога, способной оказать влияние как на распространение в обществе идей вражды, ненависти и агрессии и на их закрепление в групповом и индивидуальном сознании детей и подростков, так и на формирование самоуважения, взаимоуважения и культуры достоинства, а также выполнять чрезвычайно важную роль, как позитивную, так и негативную, в обеспечении информационной и психологической безопасности отдельной личности и общества в целом.

Механизм сигнификации и сигнализации. Важнейшие действующие в обществе традиционные механизмы регуляции поведения и развития личности, такие как использование знаков, стимулов-средств, символов, трансформируются под влиянием

широкого распространения информационных технологий, базирующихся на виртуальной реальности, и электронных сетевых технологий (интернет-сообщества, блоги, форумы, обмен SMS и т. п.). Необходимо изучать возможности применения новых технологий в развитии знаковых систем, детерминирующих индивидуальное развитие ребенка, для разработки эффективных мер по противодействию распространению идей межличностной и межгрупповой вражды, экстремизма, насилия, агрессии, ксенофобии, а также для формирования гармоничной, широко образованной, культурно компетентной личности.

Последовательное развитие описанных выше механизмов на всех уровнях системы информационной безопасности (личность, группа, общество) – основная цель идеологических методов обеспечения информационной безопасности детей и подростков. При этом безопасность не должна формироваться в ущерб эмоциональному и духовному развитию ребенка, познанию нового; она никогда не будет достигнута, если станет навязчивой идеей, предполагающей страх всего незнакомого, другого, выходящего за пределы собственной личности или группы. Такого рода «безопасность», культивирующая постоянные опасения, недоверие по отношению к окружающему миру и другим людям, препятствующая возможности познания всего выходящего за дозволенные рамки, в итоге не только не даст желанного спокойствия, но может привести к диаметрально противоположному результату, либо способствуя формированию запуганного, зависимого от мнения окружающих существа, либо, наоборот, проявляясь в агрессивном антисоциальном протесте против всяческих ограничений. Конечно, нужно отдавать себе отчет, что информационная безопасность относительна и сама жизнь устроена таким образом, что присутствие риска в ней неизбежно.

Реализуемость идеологических методов зависит от обоснованности и эффективности организационных мероприятий в сфере информационной безопасности. Согласно Доктрине информационной безопасности РФ [Доктрина информационной безопасности... 2016], основными организационными методами обеспечения информационной безопасности Российской Федерации являются, помимо прочего:

- создание и совершенствование системы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации;
- усиление правоприменительной деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти

субъектов Российской Федерации, включая предупреждение и пресечение правонарушений в информационной сфере, а также выявление, изобличение и привлечение к ответственности лиц, совершивших преступления и другие правонарушения в этой сфере;

– формирование системы мониторинга показателей и характеристик информационной безопасности Российской Федерации в наиболее важных сферах жизни и деятельности общества и государства.

В отношении детей и подростков также следует предусмотреть комплекс организационных мероприятий, направленных на развитие системы воспитания детей в условиях современных информационных технологий. В Доктрине информационной безопасности РФ «неспособность современного гражданского общества России обеспечить формирование у подрастающего поколения и поддержание в обществе общественно необходимых нравственных ценностей, патриотизма и гражданской ответственности за судьбу страны» [Там же] названа одной из наиболее опасных угроз информационной безопасности страны в сфере духовной жизни, устранить которую может в том числе «выработка цивилизованных форм и способов общественного контроля за формированием в обществе духовных ценностей, отвечающих национальным интересам страны, воспитанием патриотизма и гражданской ответственности за ее судьбу» [Там же]. Очевидно, что речь идет о регулировании информационной среды и об общественном контроле этого регулирования.

В современном обществе регулирование потоков информации может осуществляться государственными структурами, гражданским обществом, отдельными общественными организациями и отраслевыми структурами. Специалисты в области компьютерных технологий считают, что преобладать должен личный контроль (около 64 %), то есть каждый может получать доступ к любой информации и сам выбирать, какая приносит ему вред, а какая нет. В то же время примерно равное количество специалистов признает, что одним из главных должен быть либо отраслевой (27,56 %), либо государственный (24,41 %), либо общественный (24,41 %) контроль [Национальная стратегия действий... 2012]. Такая точка зрения связана с тем, что компьютерные профессионалы фактически обладают квалификацией такого уровня, что способны самостоятельно оградить себя от незаконной и вредной для них информации, а также воспрепятствовать совершению в отношении них правонарушений. В отношении же детей и подростков, не обладающих необходимой

квалификацией в сфере информационной безопасности, государственный и общественный контроль распространяемой и получаемой информации необходим.

Создание единой структуры, контролирующей деятельность акторов в информационном пространстве и распространение информации, в настоящее время просто необходимо. Важно устранить такой криминогенный фактор, как распространение информации, способствующей преступлениям, а также идеологически подготавливающей совершение преступных акций террористической, экстремистской, наркотической, аморальной направленности.

Несмотря на то что общество требует государственного контроля, необходимо учитывать, что возможности госрегулирования, по мнению специалистов, малоперспективны и весьма дорогостоящи, к тому же сопряжены еще со значительным ограничением прав и свобод, зачастую неприемлемых для государства, провозглашающего демократические принципы. Поэтому во многих государствах значительная часть ответственности за нарушение требований информационной безопасности возлагается на коммерческие организации. В Китае, например, за размещение противоправной информации несут ответственность прежде всего администраторы сайтов и провайдеры (компании, предоставляющие доступ в Интернет), что заставляет их самих следить за информацией, размещенной у них на сайтах.

Положения Концепции направлены на формирование разумного и эффективного сотрудничества общественных и государственных институтов с целью ориентировать информационные и коммуникационные технологии на развитие и сохранение культуры России, укрепление нравственных и патриотических принципов в общественном сознании, а также развитие системы культурного и гуманитарного просвещения.

При проработке Концепции были выделены принципы, на основании которых необходимо вести программы по обеспечению информационной безопасности детей, среди которых:

- обучение детей медиаграмотности;
- воспитание у детей навыков самостоятельного, критического мышления, умения ориентироваться в современной информационной среде;
- создание условий для формирования в информационной среде благоприятной атмосферы для детей вне зависимости от их социального положения, религиозной и этнической принадлежности;

– взаимодействие различных ведомств при реализации стратегий и программ, касающихся обеспечения информационной безопасности детей;

– обеспечение широкого доступа детей к историческому и культурному наследию России через использование современных средств массовых коммуникаций;

– повышение эффективности сотрудничества представителей средств массовой информации и государственных органов в интересах защиты детей от информации, способной причинить вред их здоровью и развитию и пр.

Ключевым принципом, не свойственным либерально выстроенной социальной модели управления, является интеграция различных субъектов хозяйствования, ведомств и гражданского общества в борьбе против разрушения процесса образования и воспитания подрастающего поколения. При этом вмешательство в свободу слова становится обоснованным действием, пресекающим нежелательные волеизъявления, несущие вред государственной целостности.

При определении ключевых задач Концепции были учтены современные условия, в частности, в ней подчеркивается, что обеспечение информационной безопасности детей возможно исключительно при условии эффективного сочетания государственных и общественных усилий, при определяющей роли семьи. Важнейшей задачей обозначается выстраивание согласованного взаимодействия семьи и государства со всеми элементами современного медиарынка – производителями и распространителями контента, психолого-педагогическими и экспертными сообществами.

3. Воздействие неявных смысловых контекстов современного медиаконтента на поведенческие установки молодежи

Современный контент все больше наполняется материалами, где проявления, признаваемые ранее асоциальными, оказываются модными и привлекательными. Страдающий от безответной любви Франкенштейн, Люцифер, помогающий людям, герой фильмов от Marvel Джокер, в уста которого красиво «упакован» молодежный нигилизм. Романтизируемые образы «нечисти» и оправдание негативных поступков «героев», социопатические наклонности прикрываются образом «загадочности» и «сексуальности».

Постепенно массовое воздействие подобных «харизматичных демонов», «привлекательных психопатов», «добрых вампиров» выстраивает в сознании молодежи неверные эталоны для подражания. Меняются критерии оценки деятельности: становится неважно, что

Рис. 2. Прообраз сумасшедшего преступника –
вымышленный герой голливудских фильмов Джокер

именно ты сделал, важно чтобы это было «круто» и соответствовало твоей индивидуальной модели поведения. В качестве примера пропаганды девиантного героя как кумира, входящего в резонанс с протестными настроениями молодежи и гиперболизирующего их, создающего субкультуру, очень легко сходящуюся по смысловому контексту с движением АУЕ (арестантский устав един), можно назвать героя голливудских фильмов Джокера (рис. 2).

Модель поведения таких героев не являлась новой для голливудских фильмов, а просто постепенно спускалась по возрастной шкале. Образ маньяка-извращенца, поданного под глубоким философским «покрывалом», заставляющим зрителя частично принимать действия героя, был раскрыт для более старшей аудитории в фильмах «Заводной апельсин» (реж. Стэнли Кубрик), «Молчание ягнят» (реж. Джонатан Демме), «Семь» (реж. Дэвид Финчер) (рис. 3).

Необходимо отметить, что, помимо схожести поведенческих моделей, определенная схожесть наблюдается в мимических и эмоциональных реакциях, что обеспечивает преемственность между поколениями в интересе к подобного рода персоне. И в прикладном

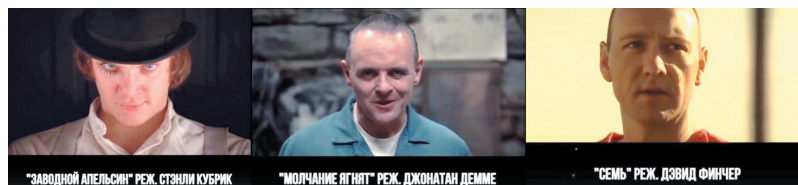

Рис. 3. Модели героев, схожие по семантическому портрету с Джокером

аспекте – поддержку некоторыми родителями своих детей в подражании данному герою: так и они недавно прошли подобное обновление культурной матрицы. И если быть еще более точным, то противодействие внедрению в детскую психику подобных вирусов со стороны старшего поколения практически сводится к нулю.

Аналогичными свойствами обладает и семантический портрет героини фильма Харли Квин – психологически больной, с признаками легкого поведения, жадой мести и убийств, с телом, сплошь покрытым татуировками, и влюбленной в Джокера. Признаком зараженности молодых людей «культурой Харли» является розовый либо синий цвет волос (рис. 4).

Наличие достаточно большого количества подобных героев (рис. 5) приводит к выработке в сознании молодежи нового стандарта нормальности, искажению социальных норм, закладываемых из поколения в поколение русской культурой.

Систематическое воздействие подобного контента постепенно размывает понимание разницы между добром и злом, моральностью и аморальностью.

Живой пример, уже встроенный в культурный код ряда народов и активно проникающий в наши традиции, – праздник кельтских народов поклонения злым духам «Хэллоуин» не случайно становится одним из любимых приключений детей на всей планете. При этом любой врач-психотерапевт понимает пагубное воздействие использования в детском возрасте костюмов (моделей) негативных

Рис. 4. Харли Квин – вымышленная героиня голливудских фильмов

Рис. 5. Герои популярных фильмов, основанных на комиксах DC Comics

героев, так как происходит импринтинг социального и эмоционального образа.

Киноиндустрия из инструмента культуры превратилась в поле ожесточенных боевых действий. Каждый фильм, каждый бит информации сравним с оружием, продажа которого приносит доход своим владельцам. Прибыль киноиндустрии сопоставима по своему значению с крупнейшими отраслями производственной деятельности. Так, совокупный доход «Голливуда» от продажи произведенной продукции, экспортируемой за пределы США, сопоставим по своему объему с доходами, получаемыми странами – крупнейшими экспортерами нефти.

Одним из факторов поддержания культа смерти в молодежной среде является продукция популярных музыкальных исполнителей, о чем ни правительство, ни семья даже не догадываются, а молодежь, впечатленная подобными образами, воспринимает их как норму и радость. В качестве примера можно привести незапрещаемую (так как непонимаемую) группу Little Big, песни которой формируют поведенческие установки экстремистского характера. Ниже представлены несколько образов из клипа Hateful Love, набравшего в сети около 30 млн просмотров (рис. 6, 7).

Данные фрагменты являются не исключением, а отражают 90 % содержания видеоклипа. Подаваемые без негативной оценки, они формируют нормы и стандарты поведения в молодежных группах в возрасте от 10–12 до 20–24 лет.

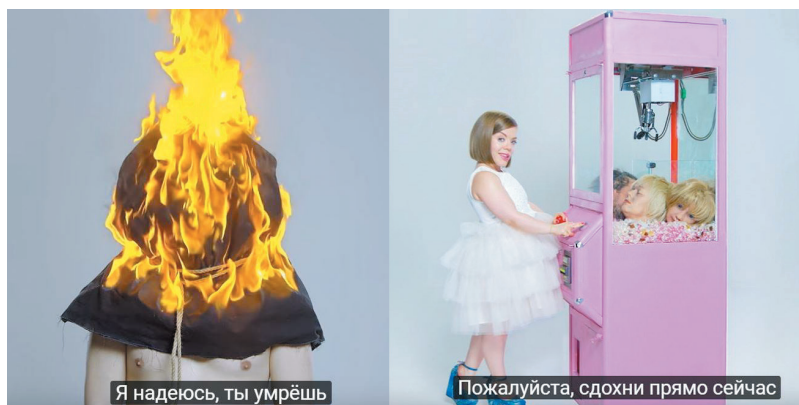

Рис. 6. Фрагмент популярного молодежного видеоклипа группы Little Big

Рис. 7. Фрагмент популярного молодежного видеоклипа группы Little Big

Массированное давление огромных объемов информации на сознание молодежи усложняет формирование четких моральных и поведенческих установок. Уже сейчас мы наблюдаем критический уровень подобного смещения, когда дети школьного возраста, увлекающиеся играми, где они моделируют поведение убийц, воспроизводят подобные модели в реальной жизни.

Еще одним примером формирования мировоззренческих стандартов посредством создания медиаконтента в киберсреде, но уже

у детей младшего возраста является мультфильм 0+ и одноименная же игра Angry Birds («Злые птицы»). Это игра, в которой, по утверждению топ-менеджмента компании-создателя, красочно показано противостояние «злых птиц» и «зеленых свиней». На примере этого продукта, раскрыв его контекст, мы можем увидеть логику информационно-алгоритмических атак, проводимых по целевой аудитории – детям.

История создания названного мультипликационного продукта достаточно тривиальна, если разобраться в ее предпосылках. В 2003 году в Финляндии была основана компания по разработке мобильных игр Relude, и в дальнейшем, в 2005 году, получив первую порцию инвестиций от бизнес-ангела, компания взялась за разработку боевого приложения для детей и была переименована в Rovio. Наиболее популярным проектом компании оказалась та самая игра Angry Birds, выпущенная в декабре 2009 года как аркадная игра для iPhone. Впоследствии при поддержке компании Atomico, проинвестировавшей с партнерами в Rovio 42 млн долларов в марте 2011 года, Angry Birds становится самой продаваемой игрой в App Store, постепенно захватывая и другие платформы. Менее чем за два года с момента выхода первой игры Angry Birds была скачана более 500 млн раз. 3 ноября 2011 года интернет-издание OpenSpace.ru, ссылаясь на видеозаявление, выпущенное компанией Rovio, сообщило, что в сумме все игроки прошли 266 миллиардов уровней, совершили более чем 400 миллиардов выстрелов и собрали 44 миллиарда звездочек, проводя за игрой в сумме более 300 миллионов минут в день. В мае 2012 года количество скачиваний игр серии Angry Birds достигло миллиарда, в феврале 2014 года – двух миллиардов, а в июле 2015 года – трех миллиардов.

27 сентября 2012 года Rovio выпустила игру Bad Piggies – с персонажами игр серии Angry Birds, свиньями. В данной игре происходит дополнительное позиционирование роли свиней, которые названы Bad Piggies (рус. «Плохие свинки»). В данной игре-головоломке свиньи рисуют план на карте, как раздобыть яйца птиц из Angry Birds.

На экономическом форуме в Санкт-Петербурге в 2011 году Президент России Дмитрий Медведев поблагодарил разработчиков из студии Rovio за создание игры Angry Birds. По словам президента, теперь у российских чиновников есть как минимум одно очень важное дело на работе.

В какую же игру включено такое большое количество людей и что за увлечение не обошло стороной и наших представителей

власти? В 2015 году на сайте Wikileaks были опубликованы документы, которые свидетельствуют о том, что Sony Pictures – «влиятельная корпорация, со связями в Белом доме, с возможностью лоббировать законы и со связями с американским военно-промышленным комплексом». И это лишь один факт, доказывающий причастность «Голливуда» к созданию контента, влияющего на поведенческие установки народов и, в частности, на подготовку сознания к проведению военных операций. Именно компания Sony Pictures берется за создание медиаобраза по игре Angry Birds и его дистрибуции.

Исполнительным продюсером картины привлекают Дэвида Мэйзела, бывшего главу Marvel Studios, работавшего над целым рядом фильмов (Iron Man, The Incredible Hulk, Iron Man 2, Captain America: The First Avenger, Thor), в скрытом контексте которых обосновывается необходимость военного вмешательства США в военно-политические конфликты, при этом Россия выставляется как страна-агрессор.

В анонсе фильма говорится о том, что все смогут наконец увидеть, как началось знаменитое противостояние «птичек» и «свинок», персонажей популярной компьютерной игры, а также будут раскрыты некоторые секреты героев.

Далее необходимо рассмотреть контексты, чтобы понять военно-политическую задачу, поставленную ВПК США перед создателями проекта Angry Birds & Bad Piggies (рис. 8).

Рис. 8 Аналогии из мультфильма A-Birds и реальной жизни

В мультфильме проведена скрытая смысловая аналогия войны, закодированная в противостояние «злых птиц» и «кроважидных до яиц зеленых свиней», а в действительности отражающая и программирующая возможный конфликт между жителями Европы под предводительством США и мусульманским миром, в первую очередь эмигрирующими из Центральной Азии в европейские страны.

Логика происходящих событий в первой части фильма в точности копирует процесс, происходящий в Европе. Постоянно увеличивающаяся волна эмигрантов, исповедующих ислам, из Азии, в большей части наполняющая Германию (по статистике более 33 % эмиграционной волны были приняты именно Германией), начинает угрожать будущему европейских народов (образ будущего в фильме символизируют яйца). Сама Германия, представленная в виде трех главных птичек, описывается как общество, которому после его предыдущих резких, агрессивных действий запретили на некоторое время проявлять свою агрессию и назначили надсмотрщиков для контроля за исполнением данного запрета (рис. 9).

Сценарий развития событий в мультфильме приводит к конфликту, показывающему, как зеленые свиньи, приехавшие в «Европу» с динамитом и готовые быть дешевой рабочей силой, начали разорять города и воровать яйца. Но неунывающие птицы во главе с Германией, постаравшись заручиться поддержкой великого Орла, который восседает на высокой горе, собрали «единую Европу» и отправились за море с целью проведения массовой бомбардировки мирных городов (рис. 10).

Действия птиц оправдываются по сценарию мультфильма тем, что тоталитарный лидер свиней имеет замысел вернуться и взорвать все «европейские народы», с этой целью заготовив под стенами города несметное количество динамита. Под занавес дается образ взрыва

Рис. 9. Аналогии злых птиц из мультфильма A-Birds и реальной жизни

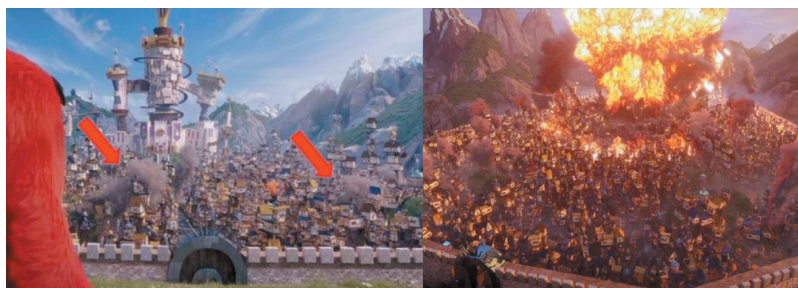

Рис. 10. Взрывы в царстве Bad Piggies (арабских городах)

Рис. 11. Конечная сцена мультфильма A-Birds

города свиней, подобного ядерному, и всеобщая радость птиц под предводительством «крупного орла», устанавливающего послевоенный порядок (рис. 11).

Проведенный анализ медиапродукта по сути является дешифровкой и описанием информационно-алгоритмической операции, проводимой вооруженными силами США совместно с представителями компании Sony Pictures против народов Европы и представителей ислама.

Данный медиапродукт – аналогия задачи по физике, преподававшейся детям в школах нацистской Германии за несколько лет до войны. Логика задачи была следующая: самолет Люфтваффе «Юнкерс» Ju-87 летит из Германии в сторону Польши, полностью загруженный

боекомплект, расстояние до цели 500 км. На самолет установлено 4 бомбы по 50 кг и под фюзеляж подвешена бомба 250 кг. Масса полностью снаряженного самолета 3900 кг, максимальная скорость – 310 км/ч. После того как пикирующий бомбардировщик поразил все цели, он отправился в обратный путь. Насколько сократится время на обратный путь, если при снижении массы самолета на 10 % максимальная скорость возрастает на 20 %. Массу топлива не учитывать». Данная задача в значительной степени являлась формирующей взгляды молодежи на будущие события и по своей сути подготавливала молодежь к реальным военным действиям.

Так, 15 июня 1939 года нацистской Германией была развернута стратегическая операция «Вайс», цель которой – концентрическими ударами из Силезии, Померании и Восточной Пруссии разгромить главные силы польской армии западнее линии рек Висла и Нарев. Планом предусматривалось широкое использование авиации и, прежде всего, пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс» Ju-87-b, на которые возлагалась задача поддержки с воздуха наступления механизированных соединений [Переслегин 2006: 24].

Подобное скрытое информационно-алгоритмическое и информационно-психологическое воздействие на зрителя через экран как кинотеатра, так и персонального устройства является нормой и проникает в бессознательное психики в связи с отсутствием понимания у большинства населения роли киноиндустрии. Необходимо признать, что кино может служить как инструментом подрыва международной стабильности, так и базовым элементом в системе обеспечения государственной безопасности. Однако в России в последнее время активно продвигается идея, что кино не должно контролироваться государством. На самом же деле решение вопроса, какие идеи продвигает фильм, во многом зависит от того, кто является субъектом управления и задает критерии оценки.

Общий объем государственной финансовой поддержки кинематографии Министерством культуры РФ и Фондом кино в 2015 году составил \$6,2 млрд. Общий оборот «Голливуда» за 2011 год – \$464 млрд. А потому на данный момент сложно говорить о какой-либо конкуренции в данном вопросе, но необходимо обозначить тенденцию, закладываемую в общество, манипуляции над которым через киберсреду, по мнению этих субъектов, не должны встречать сопротивления на своем пути (рис. 12).

При этом нужно учитывать, что в настоящее время уже недостаточно просто выпускать кино. Нужно формировать к нему интерес.

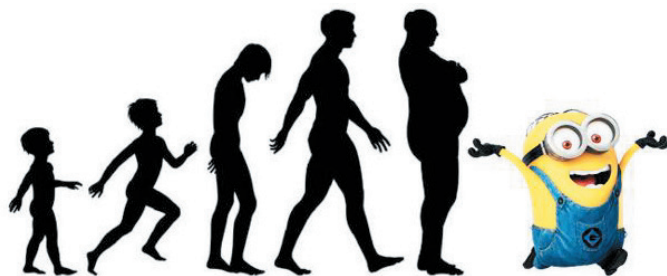

Рис. 12. Образное представление эволюции современного потребителя медиаконтента с позиции социальных инженеров Запада

Мы (наше государство) должны посмотреть на кино не просто с другого ракурса, а с принципиально иной позиции, позиции управляющего субъекта. Необходимо формировать актерскую и режиссерскую школы, нацеленные на создание отечественных фильмов для отечественного зрителя, а не ориентированные на получение очередной западной кинопремии.

4. Скрытая пропаганда экстремистских моделей поведения в молодежной среде

Йозеф Геббельс, рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Германии, писал, что «ложь, сказанная сто раз, становится правдой», «дайте мне средства массовой информации, и я из любого народа сделаю стадо свиней!». Для того чтобы аудиторией можно было проще манипулировать, нужно исказить восприятие реальности. С одной стороны, можно воздействовать на биологию человека через наркотические, психотропные вещества, с другой стороны, можно воздействовать на сознание через информационные технологии.

В условиях неразработанной системы взглядов на киберпространство, при общей беспечной позиции государства и народа в вопросе о безопасности и свободе медиаконтента от идеологических установок условного противника достаточно сложно выстроить оборону от киберугроз. При этом в условиях войны смыслов, при системной подверженности воздействию губительного контента происходит изменение алгоритмов восприятия информации. Фрагменты текста, просмотренного мимоходом, фиксируются в сознании разрозненно. Подача информации в искаженном виде приводит к глубокому интеллектуальному поражению, нарушая логику мышления. Описывая это явление, современные исследователи вводят понятие

«клиповое мышление» [Тоффлер 2002: 557]. Так, А.Б. Фельдман считает, что клиповое мышление – приобретенный вид мышления, при котором человек оперирует только смыслами фиксированной длины и не может работать с семиотическими структурами произвольной сложности. Внешне это проявляется в том, что человек не может длительное время сосредоточиваться на какой-либо информации и у него снижена способность к анализу. Характерные особенности клипового мышления: стереотипность, чрезмерная эмоциональность, инфантилизм, отсутствие системности, легкая внушаемость [Фельдман 2010].

Массовое распространение прописывающего агрессивного контента, распространение психонаркотических веществ приводит к тому, что люди перестают объективно воспринимать реальность. Происходит нарушение алгоритмов восприятия действительности, мышление человека становится модульным (клиповым) [Субботин 2016]. Психика человека привыкает к обработке коротких сообщений, что затрудняет способность к анализу, критической оценке поступающей информации.

В современном российском обществе растет количество психически нездоровых, нестабильных людей, которые потенциально готовы на массовые беспорядки. Чем больше бесполезных и опасных информационных модулей-прописок попадает в голову человека, тем скорость вычищения (естественный процесс очищения психики от лишней информации) ниже. Когда скорость вычищения психики крайне низкая, происходят глубокие нарушения в психике. Количество жертв информационной агрессии с каждым годом увеличивается прямо пропорционально росту количества низкокачественного контента в Сети.

В СССР информационно-психологические операции, которые проводили капиталистические страны, прошли успешно. Основную ставку империалисты сделали на молодежь. Они воспользовались запретами, которые вводила Коммунистическая партия. То, что запрещено, вызывает у молодежи особый, неподдельный интерес. Америка в глазах молодежи стала «освободителем», поставщиком «свободы». В СССР были хорошо развиты созидательные культы: культ Труда, культ Спорта, культ Науки, культ Космоса, однако предлагаемый капиталистами культ так называемой Свободы победил.

В 1957 году, после Международного фестиваля молодежи и студентов, началась «джинсовая» лихорадка, спровоцированная партийными запретами. Джинсы стали не просто одеждой, а симулякр

заветной «свободы». Симулякрами свободы также стали пластинки группы «Битлз», тайное прослушивание радио «Голос Америки», журналы и многое другое. Воспользовавшись принципом «открытости», противники СССР создали арсенал кибероружия, наполненного разрушающими для нашего государства ценностями, что привело в итоге к развалу страны.

В современной России ситуация еще более плачевна; наши исследования показывают, что уже не родители и школа, а популярные кинопродукты и блогеры задают нормы поведения и формируют образ жизни молодежи. Наша культура сталкивается с фактами изощренной манипуляции сознанием детей, когда их с раннего детства склоняют к внезапному проявлению агрессии и ярости. Или производят взлом генетической программы сохранения жизни, когда ребенок совершает самоубийство, выполняя инструкции кураторов из виртуальной Сети.

В 2016 году внимание общественности было привлечено к «обществам смерти» «ВКонтакте», «зацепингу», «руфингу» и играм-квестам «Синий кит» и «Беги или умри». В результате было спровоцировано несколько десятков случаев детских и подростковых самоубийств (рис. 13). Киберпространство и социальные сети стали эффективным инструментом по проведению массового социального эксперимента по **слову базового инстинкта самосохранения**.

Согласно исследованию, проведенному Google в 2017 году, 27 % пользователей в России в возрасте от 13 до 24 лет проводят по 5 часов в день в социальных сетях, 80–70 % из которых отдают предпочтение

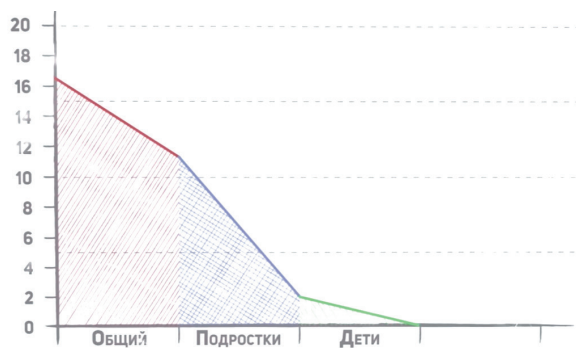

Рис. 13. Показатели самоубийств в РФ за 2017 год
(в расчете на 100 тыс. человек)

контенту развлекательного характера. На современных медиаресурсах и в социальных сетях размещено и достаточно много полезного контента, но он практически никогда не выводится в топ главной страницы хостинга в связи с систематическим продвижением контента развлекательного характера, осуществляемого с помощью целенаправленного таргетинга (платной интернет-рекламы).

Семантический разбор наиболее популярного контента у разных возрастных групп показывает встроенные контексты политического характера практически во всех произведениях голливудской киноиндустрии и игровых платформ. Все виды воздействия мы предлагаем разделить на два вида:

информационно-психологическая операция – это комплекс мер, направленных на изменение образа мышления, настроения и поведения населения в краткосрочной перспективе;

информационно-алгоритмическая операция – это комплекс мер, которые воздействуют на сам алгоритм восприятия действительности, что приводит к серьезным искажениям сознания и изменяет логику поведения человека в долгосрочной перспективе.

В 2011–2017 годах в Российской Федерации получила распространение криминальная субкультура – АУЕ. Через сообщества «ВКонтакте» школьников вовлекали в криминальную субкультуру. Сегодня группы с подписчиками от 10 000 до 200 000 человек заблокированы на территории Российской Федерации на основании решений судов разных областей России¹.

Впервые движение АУЕ возникло в СССР сразу после Второй мировой войны, затем появилось перед перестройкой в 1980-х годах. Похоже, что кто-то вновь достал из сундука старые игрушки, используя создавшийся социальный контекст, только теперь распространять заразу стало гораздо удобнее через группы в социальных сетях, романтизирующих воровское братство.

В пункте 3 мы привели примеры некоторых невидимых операций, проводимых над нашими детьми. Эти операции осуществляются эффективно, потому что как российское, так и многие другие сообщества похожи на больной организм с ослабленным иммунитетом, который легко заражается приносимыми извне социальными вирусами. Когда в городах или в поселках нет доступных кружков

¹ Криминальная субкультура АУЕ держит под контролем детей Бурятии «Байкал-Daily», 13.07.2016 // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.baikal-daily.ru/news/16/212916/>.

и спортивных секций, а родителям некогда заниматься детьми, потому что приходится много работать, то детям показана прямая дорога в виртуальный мир, который их и воспитывает по описанной выше траектории.

Большую часть подростков, избежавших квестов смерти или влияния криминальных сообществ, можно разделить на два психотипа: инкапсулированные и активисты.

Инкапсулированные – это подростки, ушедшие в себя, в виртуальный мир и субкультуры. Они не имеют твердых жизненных ориентиров и нравственных установок. Их психика контужена прошивкой из смеси либеральных ценностей, псевдопатриотизма, культа потребления и гедонизма. Они чувствуют, что вместо настоящих, реально-значимых ценностей им подсовывают информационные суррогаты счастья. Но им крайне сложно разобраться с собой и с внешним миром. Выходя из Интернета, они сбиваются в компании в популярных местах молодежных тусовок. Общественное мнение считает их ленивыми, безынициативными, избалованными детьми. С позиции социальной инженерии эта молодежь представляет собой потенциал, который консервируется до той поры, пока не понадобится провокаторам.

Известный английский исследователь Д. Даунс писал [Downes 1966: 284], что субкультуры могут быть сформированы, с одной стороны, в результате позитивной реакции на социальные и культурные потребности общества, например это профессиональные субкультуры. **С другой стороны, появление молодежных субкультур может быть вызвано протестом, это форма негативной реакции на состояние общества в целом и доминирующую в этом обществе культуру.**

Активисты – это молодежь, которая в общем и целом понимает, что хочет. Она хочет перспектив, самореализации, условий для жизни и развития для себя и других. Она остро чувствует социальную несправедливость, а ответы на вопрос «почему у нас в стране так?» ищет в Интернете. Именно из этих ребят лепят политических активистов. Из-за сформированного клипового мышления им сложно мыслить логически и анализировать. Отсутствие должной культуры мышления в предельном случае превращает их в «слепых революционеров» или в фанатичных ура-патриотов.

Таким образом, интеллект молодежи намеренно перегружают информационным мусором, заставляя отказаться от базовых принципов, столетиями утверждавшихся в культурном коде, и через

яркий и эмоциональный видеоряд загружают новые установки. При этом зачастую интеллект молодого человека, пораженный информационными вирусами, становится орудием как против собственной жизни, так и против внешнего мира, воспринимаемого через призму нигилизма как архаизм.

Опасным оружием становится и искусственный интеллект: например, армия ботов, которые создают специально ориентированный контент. Контентные войны вызывают интеллектуальное поражение, интеллект становится направлен на потребление и разрушение, либо человек вовсе остается интеллектуально недоразвитым (происходит инфантилизация личности и даже сообществ) [Григорьян 2013: 180]. Субъекты, занимающиеся организацией и проведением подобных спецопераций, очевидно, не до конца оценивают деструктивные последствия в мировом масштабе. В результате проведения массмедийных операций снижается интеллектуальный потенциал всего человечества, что крайне опасно. В связи с чем целесообразно:

- введение понятий, одинаково воспринимаемых как старшим поколением, так и молодежью и при этом описывающих современное киберпространство как «пространство контентных войн», а не «свободное пространство», как называет его либеральное сообщество;
- упреждающее формирование систем защиты сознания молодежи, способных максимально снизить поражающее воздействие специальных информационно-психологических операций, которое ведет к интеллектуальному поражению как отдельной личности, так и народов в совокупности;
- введение критериев оценки транслируемого контента: применение контента в качестве оружия должно быть приравнено к преступлению против человечности и повсеместно запрещено;
- разработка комплекса международных и национальных программ медиаоздоровления общества, которые должны осуществляться профессионалами и народными представителями.

5. Терминологическая грамотность молодежи как основа критического анализа киберсреды

В начале 90-х годов американский философ Э. Тоффлер ввел понятие «клиповое мышление» [Тоффлер 2002: 557]. В отечественном научном дискурсе данным термином пользуются А. Фельдман, К. Фрумкин и другие. Они указывают на то, что человек с клиповым мышлением мыслит дискретными, обрывочными конструкциями, образами и моделями. Одним из негативных последствий развития подобного типа мышления является то, что у индивидов усиливается

подверженность внушению, что, соответственно, открывает возможности манипулирования потребительской аудиторией со стороны компаний и корпораций.

Прогрессирующая массовая статистика негативных асоциальных явлений – от наркотизации населения до детских самоубийств – говорит о том, что информационная среда в основном благоприятствует интеллектуальной деградации. Медиасреда формирует образцы потребительского поведения, моду и способствует формированию молодежных субкультур. **Субкультура** – это *понятие, характеризующее культуру группы или класса, которая отличается от господствующей культуры или же является враждебной этой культуре (контркультура)* [Субкультура. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1180/СУБКУЛЬТУРА]. Кумиры в музыке и в кино, знаменитые блогеры задают ориентиры, рекламируют бренды и образ жизни. В настоящее время ученые говорят об унификации культур (cultural levelling). Речь идет о «культурном выравнивании» как процессе экспорта западной культуры». Ввиду аномии общества острого социального неравенства и агрессивного воздействия СМИ молодежь, вместо того чтобы становиться носителями культурных ценностей, выбирает протестные формы и формирует субкультуры.

Существуют субкультуры, сформированные вокруг мультгероев: анимешники, фурри; вокруг музыкальных направлений: рокеры, хиппи, панки, эмо (слушают хардкор); вокруг стиля одежды: стиляги, тедди-бои, ванильки; танцевального направления: брейк-дансеры. Опасными субкультурами являются группы смерти: «Синий кит», «Тихий дом», «Рыжий лис» и прочие. В результате вовлечения в опасную игру дети калечат себя, а в итоге совершают самоубийство.

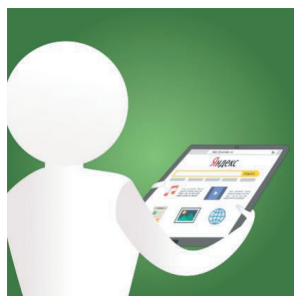
Г.Э. Григорян пишет о том, что источником норм, принципов и алгоритмов поведения является социальный интеллект, который обеспечивает выживание конкретных сообществ в конкретных социальных обстоятельствах. Социальным интеллектом сегодня выступают не только государственные и религиозные институты, но и корпорации [Григорян 2013: 184]. Если в конце прошлого века основным источником для формирования потребительских норм выступал телевизор, то сегодня ведущее место занимает Интернет.

В результате массового информационного воздействия происходит разрушение социальных норм, в обществе формируются новые социальные ориентиры, которые не всегда носят созидательный характер. В западном обществе в настоящее время происходит деформация традиционных ценностей: легализация однополых

среду, в которой происходит коммуникация посредством информационных сетей» [Киберпространство. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/us/cyberspace> 2018]. Киберпространство является новым пространством для организации жизнедеятельности человека. Киберпространство, или киберсреда, наравне с природной и социальной средой может как содействовать развитию человека, так и нести угрозу не только физическому, но и психическому здоровью человека: с одной стороны, киберсреда предоставляет открытый доступ к знаниям из различных сфер, с другой стороны, она является хранилищем и социально опасного информационного контента.

Киберпространство является новым типом реальности, которая способствует формированию общественных норм и новых социальных стереотипов. На современном этапе, по утверждению экспертов в сфере кибербезопасности, киберпространство – это самая активная среда для более эффективного воздействия на детей и молодежь; ключевым является ее содержимое (контент) и его носители – видеоролики, компьютерные игры, социальные сети и пр. [Бессонов 2017].

Контент – это вся информация в мультимедийном, текстовом и графическом форматах, размещенная в сети Интернет и на автономных гаджетах. Контент имеет как явный, так и скрытый смысл (подтекст), часто не отслеживаемый менее внимательными интернет-пользователями. Содержание контента направлено на развитие общества либо на его деградацию.

У молодежи необходимо изменить отношение к понятию «контент», так как именно посредством его формируют общественное мнение. Контент оказывает информационно-алгоритмическое воздействие на человека, т. е. формирует алгоритмы поведения, побуждает к определенным действиям, будь то выбор одежды, еды, места учебы, работы, страны для жизни, кандидата на выборах и т. д. Для этого используется ряд приемов.

Во-первых, психологическое давление. Это многократное повторение ложного тезиса в СМИ; ссылки на авторитеты; манипуляция цифрами и фактами; подбор яркого, эмоционально окрашенного материала и другие аналогичные приемы, рассчитанные на создание эмоционального дискомфорта и нейтрализацию способности человека рационально оценивать предоставляемую информацию.

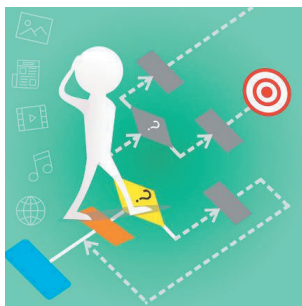
Во-вторых, незаметное проникновение в сознание. Это реклама определенного образа жизни, распространение «желательных» ценностей и стандартов массовой культуры через музыку, развлекательные телепрограммы, кинофильмы, моду и т. д.

Наконец, третий прием – это скрытое нарушение и искажение законов логики. Сюда относятся подмена тезиса, ложная аналогия, вывод без достаточного основания, подмена причины следствием, подмена понятий и т. д. [Мигулева 2016].

Алгоритм поведения – термин, описывающий как технические и виртуальные вычислительные системы, так и социальные. «Алгоритм» является одним из известных терминов, связанных с работой вычислительных машин (компьютеров), вошедших в научный обиход вместе с кибернетикой. Философский энциклопедический словарь 1983 года определяет алгоритм как «программу, определяющую способ поведения (вычисления); систему правил (предписаний) для эффективного решения задач» [Философский энциклопедический словарь 1983]. Философский словарь под редакцией И.Т. Фролова говорит о том, что «с алгоритмом мы имеем дело всегда, когда обладаем средствами решать ту или иную задачу в общем виде» [Фролов 1991: 15].

В социальном плане значение термина «алгоритм поведения» подразумевает цепочку выстроенных сознательных и бессознательных реакций, которые выступают истинным мотивом поведения личности, коллективов и народностей.

Культурный код – уникальные особенности народов по восприятию окружающего мира. Исторически на формирование культурного кода воздействовали привязка к той или иной территории, язык, обычаи. Культурный код – это основная мишень в условиях контентных войн. В зависимости от состояния киберсреды может происходить либо **синтез** (обогащение, объединение с сохранением самобытности культур), либо

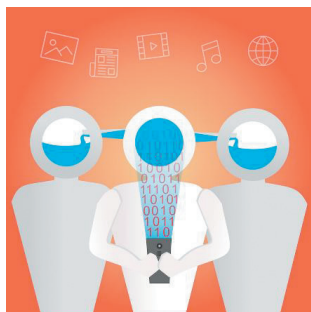

унификация (упрощение, приведение к единообразию) культурного кода разных народов.

Деформация культурного кода – это подмена понятий и ценностей, когда порицаемое прежде данным обществом, аморальное, деструктивное по своей природе поведение людей становится нормальным.

В Советском Союзе был создан особый тип культуры – советская культура, которая вносила новые категории, понятия в быт разных народов и интегрировала культурные особенности разных территорий. Существовало понимание того, что культура формируется через произведения кино и искусства, фольклор, литературу; возникло особенно внимательное отношение к кино, соблюдались разумные пропорции между увеселительными картинками и картинками пропагандистского характера [Как защитить себя... URL: <http://center-si.com/analytics/kak-zashhitit-sebya-i-nashih-detej-v-kibersrede>].

Медиавирус – это разновидность медиапродукта (мем, музыкальный клип, ролик, игра и др.), создаваемого людьми либо специальными ботами в форме деструктивного контента, который деформирует у человека алгоритм восприятия окружающей действительности, меняет представления и поведение. Медиавирус (вирусный контент) характеризуется быстротой распространения и действует аналогично биологическому вирусу – незаметно для психики человека, поэтому долгое время может не восприниматься в качестве угрозы.

Медиавирус (англ. media virus) – термин, введенный американским специалистом в области средств массовой коммуникации Дугласом Рашкоффом для обозначения медиасобытий, прямо или косвенно вызывающих определенные изменения в жизни общества. Медиавирусы, распространяющиеся по инфосфере мемы и мемокомплексы изменяют восприятие локальных и глобальных событий.

Дуглас Рашкофф выделяет три типа медиавирусов.

1. Преднамеренно созданные медиавирусы для распространения какого-либо товара или идеологии. Примерами таких вирусов Рашкофф называет рекламные трюки и акции медиаактивистов.

2. «Кооптированные» вирусы, или «вирусы-тягачи», которые могут возникнуть спонтанно, но мгновенно подхватываются

заинтересованными группами с целью распространения собственных концепций.

3. Полностью самозарождающиеся вирусы – медиавирусы, вызывающие интерес и распространяющиеся сами по себе [Рашкофф 2003: 368].

Клипное мышление – способ мышления, приобретенный в результате регулярного погружения человека в киберсреду. Характеризуется нарушением алгоритмов целостного восприятия действительности, неспособностью длительное время концентрироваться на какой-либо информации, снижением способности к анализу, а также мышлением обрывочными конструкциями и образами.

Российский философ и культуролог К.Г. Фрумкин утверждает, что предпосылками появления мышления такого типа являются:

- расширение информационного потока;
- потребность в получении актуальной информации и скорости ее поступления;
- увеличение разнообразия поступающей информации;
- рост количества всевозможных дел, которыми человек занят одновременно.

Люди с клиповым сознанием не обладают системным мышлением, им крайне сложно устанавливать причинно-следственные связи и выстраивать логические цепочки [Фрумкин 2010]. Одно из негативных последствий развития подобного типа мышления – усиление внушаемости, что открывает возможности манипуляции потребительской аудиторией со стороны компаний и корпораций.

В аналитической статье «Контент как оружие социального инжиниринга» [Мигулева 2017] термин «клиповое мышление» раскрывается как один из элементов «контентной войны», сознательно внедряемых в социальную среду с целью намеренного занижения интеллектуального потенциала населения.

Мем – единица культурной информации. Мемом может считаться любая идея, символ, манера или образ действия, осознанно или неосознанно передаваемые от человека к человеку посредством речи, письма, видео, ритуалов, жестов и т. д. Часто под понятием «мем» подразумевается картинка развлекательного содержания без

выявления смыслового контекста и его влияния на психику человека.

Интернет-мем — это понятие, вошедшее в употребление в середине первого десятилетия XXI века. Концепция «мема» и сам термин были предложены эволюционным биологом Ричардом Докинзом в 1976 году в книге «Эгоистичный ген» [Докинз 1993: 318]. Докинз предложил идею о том, что вся культурная информация состоит из базовых единиц — мемов, точно так же, как биологическая информация состоит из генов.

«Жизнь» многих мемов (вне зависимости от того, являются ли они пословицами, поговорками, цитатами, фразами, фрагментами текстов песен, фильмов или игр) в основном длится от недели до года-полтора. Те примеры, которые пережили этот период, становятся неотъемлемой частью в общении между людьми.

Так же, как и гены, мемы подвержены естественному отбору, мутации и искусственной селекции. В современном информационном мире создание и распространение мемов подобны процессу распространения, мутации и селекции вирусов в биологическом мире. Комплексный подход к созданию и распространению мемов может в стратегической перспективе или развить и усилить культуру и ценности народа, или принизить их, опустив до постоянной иронии, сарказма и низкого морального уровня.

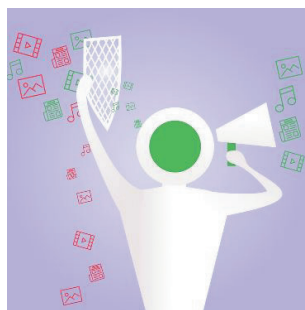
Блогер — это человек или вымышленный персонаж, формирующий представления общественности по определенным темам в сети Интернет. Современных блогеров можно условно разделить на тех, кто транслирует развивающий контент, и тех, кто создает информационный шум, не способствующий становлению здорового общества. Популярный блогер — это лидер общественного мнения.

Само понятие «блогер» произошло от англ. слова *blog* (*web log*) — сетевой журнал или дневник событий, представляющий из себя веб-пространство с регулярно добавляемыми записями, изображениями или мультимедиа.

Принцип работы блогера – это систематическое создание и распространение видео-, аудио-, фото- и текстового контента на различных информационных площадках. Чем больше подписчиков и просмотров, тем больше зона влияния блогера на массы. С широким распространением блогов в сети Интернет начинает формироваться особый подвид медиаэтики – блогерская этика, затрагивающая вопросы достоверности публикуемой информации, соблюдения моральных и нравственных норм. В связи с этим современный блогер всегда должен быть разносторонним и начитанным, находиться в курсе происходящих событий.

Медиаграмотность – это совокупность знаний, умений и навыков, позволяющих разумно воспринимать контент (отличая положительную информацию от отрицательной, добро от зла) и критически оценивать информацию из разных источников (интернет, телевидение, радио, пресса), а также создавать собственные полезные медиапродукты. Медиаграмотность дает возможность защитить себя и близких от киберугроз в социальной и технологической сферах.

В современной России роль медиаграмотности еще недооценена. Между тем не случайно медиаобразование включено в уроки языка в школах Великобритании, где 25 000 старшеклассников и 8000 студентов университетов ежегодно выбирают курс «медиаобразование» для сдачи итоговых экзаменов [Федоров 2013: 139].

По нашему мнению, медиаграмотность является неотъемлемым требованием к современному человеку наряду с «классической» письменной грамотностью, поскольку в условиях повсеместного распространения Интернета только медиаграмотность может защитить человека от негативного воздействия деструктивного контента (медиавирусов, дезинформации) и манипулирования сознанием. Задача медиаграмотности – в трансформации медиапотребления в активный и критический процесс, чтобы помочь людям осознавать потенциальную манипуляцию (особенно в рекламе и PR), а также понять роль СМИ и медиа в формировании взглядов на реальность.

История медиаобразования и медиаграмотности в России восходит к 1920-м годам. Конец 1950-х – начало 1960-х годов были

временем интенсивного развития медиаобразования в средних школах, университетах, внешкольных детских центрах СССР.

Рассматривая развитие медиаобразования и медиаграмотности в зарубежных странах, стоит отметить, что в 60-х годах XX века в педагогической науке многих стран мира сформировалось специфическое направление «медиаобразование», включающее в себя и «медиаграмотность». Это направление в образовании было призвано помочь школьникам и студентам лучше адаптироваться в мире медиакультуры, освоить язык средств массовой информации и уметь анализировать медиатексты и другие виды медиапродуктов [Федоров 2014: 267].

Социальный инженер – это управленец, имеющий междисциплинарное образование с социологическим уклоном, деятельность которого направлена на разработку и внедрение стандартов поведения человека и социальных групп.

Понятие «социальный инженер» является одним из базовых в информационном мире, задающим эталоны поведения для молодежи. В советское время популяризация понятий *геолог, инженер, космонавт* позволяла обозначить молодежи привлекательную траекторию для подражания. Так и сегодня эту функцию может выполнять образ человека, имеющего междисциплинарное образование и способного созидать в киберсреде.

История становления понятия начинается с 1920–1930-х годов, когда в СССР разворачивается мощное движение за научную организацию труда и управление производством, в котором важную роль сыграли прикладные разработки социальной инженерии. Науку организации труда и управления называли тогда социальной инженерией А. Гастев, Н. Витке и Л.А. Бызов.

За рубежом термин «социальная инженерия» впервые появился в 20-е годы XX века (С. и Б. Веббы, Р. Паунд). Роско Паунд употреблял его в значении постепенных, частных (*piecemeal*) социальных преобразований. Такого рода социальную инженерию – постепенную, поэтапную – положил в конце 30-х годов в основу своей концепции открытого общества известный английский теоретик Карл Поппер (1902–1994 гг.).

Подготовка специалистов по социальной инженерии началась примерно в середине 60-х годов XX века при университетах

и колледжах США, где стали функционировать курсы по обучению социальных инженеров. В СССР систематические курсы по социальной инженерии впервые появляются в середине 80-х годов XX века на кафедрах и факультетах социологии и психологии.

Цель деятельности социального инженера – улучшение качества управления социальными процессами, разработка новых социально значимых проектов и экспертная оценка методик, повышающих эффективность государств, предприятий и отдельных социальных групп.

Социально-инженерная деятельность в области кибербезопасности подразделяется на два контура, имеющих свою специфику.

Внутренний контур обеспечивает сохранение культурного кода конкретной группы путем формирования определенного информационного пространства на основе образов, транслирующих заданный культурный код. Он имеет оборонительную специфику, служит для защиты культурной общности от вторжения в ее культурное пространство.

Внешний контур служит для внедрения культурного кода конкретной общности на территорию другой культурной группы. Его задачи проявляются в выстраивании межкультурного диалога и партнерства с целью проведения на территории другой культурной группы определенных действий социального, экономического, политического и иного характера.

Контентная война – элемент кибервойны, направленный на интеллектуальное поражение как отдельной личности, так и народа в совокупности. Процесс контентной войны характеризуется комплексом информационно-психологических операций, осуществляемых через киберпространство с целью воздействия на психику и поведение представителей потенциального противника.

Примером применения контентной войны против наших народов, о которой должен знать каждый школьник и студент, ученые считают период «холодного» противостояния США и СССР, когда советским людям внедрялась алогичная с точки зрения здравого смысла пропагандистская модель – «в плохой жизни виноваты коммунисты, они строят новую Российскую империю, значит, чтобы жить

по-человечески, надо избавиться и от коммунистов и от великой державы». Именно тогда через информационное пространство подменялись ценности человека труда на ценности протестных масс, и именно сейчас история повторяется [Ольшанский 2001: 496].

Сам термин «контентная война» подразумевает наличие противоборствующих сторон и явно выраженного конфликта между ними. В процессе ведения контентной войны интеллект населения противной стороны намеренно перегружают информационным мусором, заставляя общество отказываться от определенных принципов, социальных норм, традиций и через яркий и эмоциональный видеоряд (клипы, игры, фильмы) загружают новые, выгодные противнику, установки. Далее сам интеллект человека, пораженный информационными вирусами, становится оружием, работающим против сторонников традиционных ценностей (так, например, блогеры распространяют моду на ценности потребления и распушенность, тем самым наносят вред обществу). Опасным оружием также становятся экспертные системы и интеллектуальные помощники, например армия ботов, которая создает специальный, формирующий определенное мнение контент. Контентные войны ведут к интеллектуальному поражению как отдельной личности, так и народов в совокупности.

Кибербезопасность – реализация комплекса мер по защите от деструктивного воздействия в киберсреде. Понятие «кибербезопасность» включает два аспекта. Первый аспект социальный – защита населения от негативного информационного воздействия на интеллект. Второй аспект технический – защита объектов инфраструктуры от кибератак.

У подрастающего поколения необходимо сформировать понимание того, что кибербезопасность необходимо рассматривать в двух аспектах. Первый аспект носит технический характер и предполагает борьбу с вирусами, спамом, удаленным взломом и утечкой данных. Второй носит социальный характер; речь идет о наполнении смыслами и идеями информационного пространства, которое воздействует на всех вовлеченных в него пользователей.

Современная молодежь должна понимать, что к киберугрозам относится не только незаконное вредоносное проникновение в информационные системы, но и наполнение информационного

пространства деструктивными и социально опасными смыслами и идеями, которые воздействуют на всех вовлеченных пользователей. Зачастую люди воспринимают информационное пространство только как техническую среду для творчества, не учитывая, что через киберсреду формируют вкусы, предпочтения, общественное мнение, отношение к тем или иным событиям.

В современном мире для обеспечения кибербезопасности необходимо обладать следующими навыками:

- описывать происходящие на уровне страны и мира явления и процессы; производить оценку происходящих событий с позиций: хорошо – плохо, приемлемо – неприемлемо, целесообразно – нецелесообразно;

- вести самостоятельную разъяснительную работу относительно современных угроз и вызовов, путей противодействия им;

- организовывать общественные группы, в том числе из числа молодежи, ведущие активную контр- и упреждающую работу по соиздательной пропаганде, разъяснению в социальных сетях.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации от 05.12.2016 в качестве основных информационных угроз приводятся: «расширение масштабов использования средств оказания информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира и приводящего к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности других государств» и «наращивание информационного воздействия на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Доктрина... URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html>].

Киберпространство следует использовать не только как средство создания потребительских ориентиров, но и как инструмент для формирования целостного мышления с ориентацией на сохранение многообразия культур, обеспечение социальной безопасности и развитие гражданского общества.

Работа должна проводиться не военными, а специально подготовленными пропагандистами – социальными инженерами, которые на простом языке постепенно будут разъяснять происходящее, воспитывать, искоренять невежество. В задачи социальных инженеров входит тонкая работа с алгоритмикой поведения человека. Алгоритмы поведения формируются через тысячекратные повторы в медиaprостранстве, которые человек зачастую бездумно копирует. Социальному инженеру важно оценить степень поражения психики

и дозированно предоставлять новую информацию. На перекодировку требуется время.

Одновременно с непосредственной работой с населением необходимо активировать общественно полезные гражданские инициативы, контролирующие контент в СМИ. Например, можно воспользоваться опытом Нидерландов и создать Общественный совет при телевидении, СМИ, который будет выполнять роль фильтра и блокировать социально вредные информационные продукты. При этом вопрос, кто в него войдет, чрезвычайно важен.

Мир переходит в качественно новое состояние. Это нужно осознать и принять. Рабочие массы теряют свою движущую силу, теперь движущая сила за интеллектуалами, программистами, теми, кто формирует информационный контент. В новом состоянии общества идет качественно иная борьба за умы тех, кто вырабатывает решения. Автоматически, в одиночку никто не перейдет на новый уровень управления. Проблемы есть в каждой стране. Только совместные действия помогут разумным странам отстоять принципы нормальной жизни на планете. Россия испробовала на себе пагубное влияние high-hume технологий и теперь знает, как они действуют изнутри. Россия готова внести свой интеллектуальный вклад в разработку противоядия вирусу, формирующему мировоззрение угнетенного народа.

3.13. Дезинформация как средство информационно-психологической войны против России (на материале медиатекстов о хакерских атаках)

Введение. На данном этапе гуманитарная наука располагает значительным количеством психологических и лингвистических исследований, в которых описываются и анализируются различные методы и средства для управления сознанием человека. Однако чисто эмпирического описания методов и приемов манипуляции сознанием недостаточно. Проблема ориентации личности должна рассматриваться на более фундаментальном уровне и в рамках более

широкого контекста – с позиций исследования роли текста в восприятии окружающей действительности.

В эпоху информационно-психологической войны (далее – ИПВ) существует опасность воздействия дезинформирующего медиатекста на восприятие и формирование мнения читателя. Большие потоки информации, которые могут изменяться в режиме реального времени, снижают критичность восприятия, усиливая воздействие дезинформации. Актуальность настоящего исследования связана с потребностью определить воздействующий потенциал дезинформирующего медиатекста. Цель данной статьи заключается в изучении приемов реализации стратегии дезинформации в медиатексте.

Разрабатывая проблему дезинформации, речевой манипуляции, в том числе суггестии, в рамках такого подхода, как лингвистика ИПВ, необходимо уточнить основные положения: кто является актором данной войны, кто или что выступает объектом и мишенью, что понимается под дезинформацией.

Американская газета The Washington Post («Вашингтон пост») адресована широкому кругу читателей, она имеет интернет-версию в открытом доступе на сайте <https://www.washingtonpost.com>, следовательно, объектом ИПВ выступает сознание не только жителей США, но и других англоговорящих читателей по всему миру. Газета «Вашингтон пост» относится к качественной прессе, ссылающейся на авторитетные источники. Однако в эпоху кризиса современной журналистики направленность показать новость нужного читателю формата постепенно распространяется на стилистику качественных газетных статей, которые стремятся оправдать ожидания читателей, а не представить объективное исследование. Хотя обозреватели «Вашингтон пост» имеют возможность участвовать в ежедневных брифингах Белого дома, они эпизодически ссылаются на анонимные источники. Также в интернет-версии изучаемого издания обнаружены тексты, содержащие дезинформацию.

Мы полагаем, что необходимо изучать интернет-версии газет, так как 70 % запросов издания приходится на Интернет или мобильные версии газет (данные представлены на начало 2017 года) [Breiner. URL: <https://ijnet.org/en/blog/inside-washington-posts-winning-business-model>]. Актуальность исследования медиатекстов, размещенных в сети Интернет, обусловлена тем, что журналисты имеют возможность корректировать содержание текста в режиме реального времени. Таким образом, становится сложнее отследить дезинформацию.

В большинстве статей «Вашингтон пост», в которых упоминается Россия, наблюдается отрицательный настрой по отношению к данной стране. Это приводит к следующему умозаключению: «Вашингтон пост» является авторитетным источником, принимающим участие в ИПВ. Это, в первую очередь, обусловлено антироссийской риторикой правительства США [US. Relations With Russia. URL: <https://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/3183.htm>], точку зрения которого отражает газета «Вашингтон пост». Журналисты этой газеты создают неблагоприятный образ России, иногда прибегая к дезинформации. Информационно-психологическим оружием являются медиатексты – статьи, опубликованные на сайте данной газеты.

Всего нами проанализировано 47 медиатекстов, размещенных на официальном сайте газеты «Вашингтон пост». Тематика исследуемых медиатекстов – хакерские атаки. В результате исследования выявлено, что 10 % проанализированных газетных статей содержат элементы дезинформации.

Мишенью в исследуемых нами текстах выступает Россия, а именно российское правительство, которое, как указано в изучаемых текстах, нанимает хакеров для взлома, проникновения и разрушения стратегически важных систем в зарубежных странах. Начиная с 2014 года формировался образ российских хакеров, которые производят атаки на электроэнергетические сети, сайты и системы избирательных штабов и кандидатов на пост президента в США и странах Европейского союза. Цель ИПВ – дискредитация России и российского правительства, подрыв доверия со стороны международного сообщества и, как следствие, уменьшение влияния России в мире.

Основная стратегия, изучаемая в рамках данной статьи, – стратегия дезинформации. Анализ частотности лексем в определениях понятия «дезинформация» показывает, что дезинформация – это распространение заведомо ложных сведений с целью ввести в заблуждение. С помощью программы Wordstat мы проанализировали 23 определения понятия «дезинформация» из отечественных словарей [Анцупов, Шипилов 2006: 81; Большой толковый словарь русского языка 2000: 246; Большой толковый социологический словарь. URL: https://gufo.me/dict/social_dict; Большой энциклопедический словарь. URL: <https://www.vedu.ru/bigencdic/17815/>; Борисов 2003; Военно-юридический энциклопедический словарь 2008: 29; Война и мир в терминах и определениях 2004; Давлетчина 2005: 16; Епишкин. URL: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm;

Краткий словарь оперативно-тактических и общевоенных слов (терминов) 1958: 98; Краткий словарь-справочник по психологии. URL: <http://vocabulary.ru/termin/effekt-dezinformacii.html>; Краткий философский словарь. URL: http://platona.net/board/filosofskij_slovar/dezinformacija/1-1-0-118; Пограничный словарь 2002: 15; Райзберг, Лозовский, Стародубцева. URL: <https://goo.gl/LrFChB>; Санжаревский. URL: <http://glos.virmk.ru/>; Словарь бизнес-терминов 2001; Словарь военных терминов 1988; Словарь русского языка. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm>; Словарь терминов. URL: <http://www.economicportal.ru/term-words/word-d1.html#d63>; Советский энциклопедический словарь 1990: 371; Финансовый словарь. URL: <https://goo.gl/KVgke1>; Энциклопедический словарь экономики и права on-line. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_economic_law/?f=0JTQkNCg0J4=&t=0JTQldCd0JU=&nt=232&p=2; EdwART. URL: <http://sbiblio.com/biblio/content.aspx?dictid=151&wordid=1189048>]. Частотные лексемы (ключевые слова) в определениях указывают на то, что при применении стратегии дезинформации адресант намеренно выдает ошибочные сведения за правду. Представим фрагменты определений (в круглых скобках указана частотность ключевой лексики): заблуждение (7), распространение (6) заведомо (4) ложных (6) сведений (8) для достижения политических (3), военных (3) и иных целей.

Отобранные определения дезинформации не учитывают один важный аспект, который отличает дезинформацию от ложного высказывания. Как утверждает ряд ученых (Н. Грант; Р.Р. Гарифуллин; А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов), дезинформация соответствует желаниям и ожиданиям общества. Следовательно, дезинформация ориентирована на реципиента, готового к восприятию. Клевета в сочетании с правдивой информацией, известной реципиенту, имеет высокий кредит доверия и будет лучше и легче воспринята. Под кредитом доверия мы понимаем предрасположенность реципиента к некритическому восприятию дезинформирующих сведений, которые соответствуют его установкам. Стратегия дезинформации поддерживается подготовленностью реципиентов к восприятию негативно-го образа России. К ложным предположениям и выводам реципиент может прийти в случае, если он подвержен: 1) воздействию СМИ, которые часто муссируют новости, дискредитирующие Россию; 2) речевому воздействию, обусловленному в основном текстообразующим фактором, а именно оптимальностью для восприятия формы текста, а также наличием элементов суггестии и манипулирования.

На структурном уровне основным средством суггестии является ритм. Суггестивный эффект дезинформирующего медиатекста также выражается в недосказанности, которая заставляет читателя завершить образ, дополнив его субъективными представлениями.

1. Структурная организация дезинформирующего медиатекста

Первый фактор – намеренное распространение определенных новостей в СМИ – обусловлен частотой публикации статей о российских хакерах и гипертекстуальностью, которая создается в медиатексте посредством ссылок на связанные по содержанию тексты.

Мы обнаружили, что гиперссылки расположены в наиболее оптимальных для восприятия интервалах текста. Под интервалом, вслед за Г.Г. Москальчук, мы понимаем «элемент структурной самоорганизации текста» [Москальчук 2003: 130], промежуток от одной позиции до другой. В результате анализа статистических данных о расположении ритмообразующих элементов в поэтических, прозаических текстах и в разговорной речи выявлено 7 позиций. Позиции и интервалы представлены на рис. 1 в виде матрицы.

В отобранных и проанализированных медиатекстах газеты «Вашингтон пост» с 2014 по 2018 год, в которых реализуется концепт Russian hacker (русский/российский хакер), наиболее высокая частота публикаций наблюдается в период с июня по октябрь 2016 года. Новости о взломе электронной почты национального комитета демократической партии российскими хакерами стали массово распространяться после того, как электронные письма были опубликованы на сайте DCLeaks в июне и июле 2016 года и на сайте мультинациональной медиаорганизации и объединенной библиотеки WikiLeaks 22 июля 2016 года. По версии газеты, Джон Подеста, начальник избирательного штаба Х. Клинтон, получил электронное письмо с инструкцией по изменению пароля, которое позволило хакерам

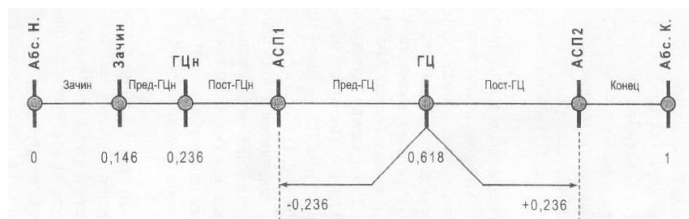

Рис. 1. Метроритмическая матрица [Ронжина 2008: 522]

получить доступ к его аккаунту 19 марта 2016 года (J. Vitkovskaya, S. Granados, J. Muyskens. The Post's new findings in Russia's bold campaign to influence the U.S. election. Обновлено 11.07.2017. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/graphics/2017/world/national-security/russia-hacking-timeline/>). В медиатексте, опубликованном в мае 2016 года, директор национальной разведки США Джеймс Клеппер утверждал, что предпринимались попытки хакерских атак. В его речи нет упоминаний о России и российском правительстве. Однако в статьях, опубликованных в июне 2016 года, журналисты указывают на причастность России и российского правительства к хакерским атакам. В январе 2017 года был опубликован доклад специальных служб США, в котором утверждалось с высокой степенью уверенности, что Россия совершила хакерскую атаку на избирательную систему США. В публикациях, датированных 2018 годом, практически отсутствуют упоминания о хакерах и хакерских атаках. Фокус внимания журналистов сместился на описание попытки России подорвать веру в демократические выборы в США путем распространения новостей в социальных сетях.

Американские СМИ, в частности анализируемая нами высоко-рейтинговая газета, внесли большой вклад в создание и распространение мирового бренда «российский хакер». Лексические единицы сематического поля «Russia» (Россия) встречаются 62 раза в заголовках. Это связано с поисковой оптимизацией, в требованиях к которой значителен, что заголовок должен быть привлекательным, в него должны входить ключевые слова и желательно их размещать в начале заголовка. Все медиатексты, опубликованные в Интернете, создают информационный пузырь, который перенасыщен новостями по одной тематике (табл. 1). Ссылки, комментарии, «лайки» (знаки одобрения) и «репосты» (акты копирования записи на страницу в социальной сети) усугубляют ситуацию тем, что создают ложное впечатление о важности и правдивости освещаемого события. Следовательно, поисковые системы могут влиять на общественное мнение. В зарубежной научной литературе данный феномен обозначается как SEME (search engine manipulation effect) – манипуляционный эффект поисковой системы.

В отличие от поисковой системы, метапоисковая система позволяет транслировать запрос в несколько поисковых систем одновременно, используя разные способы ранжирования. Однако данные системы демонстрируют худший результат, чем поисковые системы. Метапоисковая система search.com включает результаты из тематической сетки

Таблица 1

**Количество поисковых запросов по ключевым словам russian hacker
в поисковых системах (дата обновления – 10 января 2018 г.)**

Количество запросов	Название поисковой системы	Краткая характеристика системы
34,000,000	yandex.ru	российская поисковая система
29,400,000	yahoo.com	мировая англоязычная поисковая система
29,200,000	bing.com	мировая англоязычная поисковая система
4,770,000	google.com	мировая англоязычная поисковая система
3,050,000	mysearch.com	метапоисковая система
387,000	baidu.com	мировая неанглоязычная (китайская) поисковая система
205	search.com	метапоисковая система

сайтов CBS (Си-Би-Эс), американской телерадиокорпорации. Поэтому выбор источников, представленных в данной системе, ограничивается новостными блоками и обзорами Си-Би-Эс.

Важно отметить, что в медиатекстах наблюдается постепенное увеличение частоты использования словосочетания russian hacker начиная с 2014 года. Частота достигает своего максимального показателя в 2016 году: около 10 % от объема всего текста, измеряемого в словоформах. Иногда словосочетание russian hacker (русский/российский хакер) заменяется словосочетанием russian government hacker (хакер российского правительства). Это может быть связано с тем, что журналисты стремятся к точности высказывания. Как утверждается в разных источниках, хакерские атаки были совершены хакером из Румынии, а не из России, и спецслужбы США утверждают о причастности этого хакера к российскому правительству. В октябре 2016 года в газете публикуется статья о том, что правительство США официально обвиняет Россию в проведении хакерских атак. Далее следуют статьи о наказании России и о том, что Россия, в частности Владимир Путин, отрицает свою причастность. В январе 2017 года журналисты публикуют статьи о новой угрозе – хакерской атаке России на электросети США, которая впоследствии опровергается, и на страницах газеты появляется заметка редактора, в которой приносятся извинения за неточности.

В качестве примера рассмотрим более подробно четыре медиатекста, три из которых созданы одним автором – журналистом газеты «Вашингтон пост», репортером, анализирующим события, связанные с национальной безопасностью США. Один из представленных текстов содержит дезинформацию. Именно в дезинформирующем медиатексте обозреватель ссылается на другие медиатексты, в силу чего мы рассматриваем данный текст как гипертекст:

1) дезинформирующий медиатекст (E. Nakashima. Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research. 12.06.2017. The Washington Post. URL: <https://goo.gl/74AZuc>);

2) первый медиатекст, на который ссылается автор газетной статьи, упомянутой в предыдущем пункте (E. Nakashima. Russian hackers suspected in attack that blacked out parts of Ukraine. 05.01.2016. The Washington Post. URL: <https://goo.gl/rGq3ca>);

3) второй медиатекст (E. Nakashima. Russian hackers use ‘zero-day’ to hack NATO, Ukraine in cyber-spy campaign. 13.10.2014. The Washington Post. URL: <https://goo.gl/p7sgjb>);

4) третий медиатекст (G. Miller, A. Entous. Declassified report says Putin ‘ordered’ effort to undermine faith in U.S. election and help Trump. 06.01.2017. The Washington Post. URL: <https://goo.gl/rcYsYn>).

В совокупности все четыре текста также создают гипертекст. Публикации, автором которых является Э. Накашима, последовательно формируют образ российского хакера. В каждом тексте автор настойчиво утверждает, что хакерские атаки напрямую связаны с российским правительством. Э. Накашима приводит ссылку на статью другого автора, в которой большое количество эмоционально окрашенной лексики; например, авторы заявляют: *Russia carried out a comprehensive cyber campaign to sabotage* (здесь и далее выделено нами. – М. С.) *the U.S. presidential election, an operation that was ordered by Russian President Vladimir Putin and ultimately sought to help elect Donald Trump* (Россия провела обширную киберкампанию, чтобы **саботировать** президентские выборы в США; операция была совершена по приказу российского президента Владимира Путина и, в основном, была призвана способствовать избранию Дональда Трампа (здесь и далее перевод наш. – М. С.); *The report depicts Russian interference as unprecedented in scale* (Доклад описывает **вмешательство** России как **беспрецедентное по своим масштабам**); *...it amounts to an extraordinary postmortem of a Russian assault on a pillar of American democracy* (...это доходит до **экстраординарного разбирательства** обстоятельств подрыва Россией основ

американской демократии). Эмоционально окрашенная лексика усиливает эффект дезинформирующего контекста, который создает отрицательный образ России.

В дезинформирующем тексте «Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research» (Россия разработала кибероружие, которое может подорвать работу электроэнергетических систем, согласно новому исследованию) (E. Nakashima. Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research. 12.06.2017. The Washington Post. URL: <https://goo.gl/74AZuc>) гиперссылки расположены в непосредственной близости от следующих структурных позиций: Зачин и Абсолютно Слабые Позиции 1 и 2 (далее АСП 1 и АСП 2), выявленные с помощью позиционного анализа (Г.Г. Москальчук). Размещенная рядом с позицией Зачин гиперссылка сохраняет когерентность текста. Она вписывается в ритмическую структуру, будучи связанной с последующим предложением цепным видом связи: имя существительное *attack* (атака) заменяется местоимением *it* (она) в последующем предложении. Расположенные вблизи к позициям АСП 1 и АСП 2 гиперссылки становятся частью индивидуального ритма структуры целого. В данных интервалах (пост-ГЦн, пост-ГЦ) структура асимметрична в силу того, что уменьшается количество повторов, так как приводятся цитаты из речей экспертов.

В среднем в каждом медиатексте содержится две ссылки. Ссылки могут быть оформлены двумя способами: 1) отдельная часть предложения является «кликабельной» и часто выступает ссылкой на сторонние источники, например в тексте «Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research» (*according to new research* – как указано в новом исследовании); 2) в квадратных скобках приводится заголовок схожей по тематике статьи того же издания. В статье «Russian government hackers penetrated DNC, stole opposition research on Trump» (Хакеры российского правительства проникли в Национальный комитет демократической партии, украли компрометирующую информацию на Трампа) (E. Nakashima. Russia denies DNC hack and says maybe someone ‘forgot the password’. 14.06.2016. The Washington Post. URL: <https://goo.gl/uf4XsJ>) приводится 8 ссылок. При переходе по первой ссылке на другой медиатекст реципиент обнаружит упомянутую в предыдущем тексте цитату и ссылку на текст, с которого произведен переход. Таким образом, создается кольцевая ссылка: два текста «Russia denies DNC hack and says maybe someone ‘forgot the password’»

и «Russian government hackers penetrated DNC, stole opposition research on Trump» логически связаны и создают впечатление развития события. В ранее опубликованном медиатексте «Russian government hackers penetrated DNC, stole opposition research on Trump» российское правительство обвиняют в атаке. В другом медиатексте «Russia denies DNC hack and says maybe someone “forgot the password”» рассматривается та же самая новость, но с иной позиции: делается акцент на том, что российское правительство отрицает свою причастность к хакерской атаке.

Результаты позиционного анализа, проведенного с помощью метроритмической матрицы, показывают, что наибольшее количество ссылок расположено рядом с позицией АСП 1. Статистически доказано, что в указанной позиции «регулярно наблюдается разрыв синтаксической ткани текста» [Москальчук 2003: 57], так как данная позиция «обслуживает дискретность структуры текста, формальную и смысловую изоляцию его частей как композиционных зон текста» [Там же]. Вероятно, журналисты интуитивно помещают ссылки вблизи абсолютно слабой позиции. В перспективе планируется провести эксперимент с целью установить частоту перехода на другой медиатекст по ссылке, расположенной в позициях, в которых сопрягаются важные композиционные области: начало, центр и конец. Тем самым мы сможем дополнить исследования ритма текста как средства суггестивного воздействия.

Проанализировав гипертекст, который создан путем включения ссылок в медиатекст, определив частоту публикаций и ключевых слов, мы приходим к выводу, что СМИ создают выгодное актору ИПВ пространство, в которое попадает читатель, что впоследствии влияет на его восприятие и формирование мнения. Информационный пузырь, созданный гиперссылками и системами расположения новостей, постепенно исключает плюрализм мнений и со временем ведет к формированию предубеждений и предрассудков.

2. Лингво-прагматическая организация дезинформирующего медиатекста

Часто дезинформации предшествует готовность реципиента к ее восприятию. Благодаря своей влиятельности газета «Вашингтон пост» дает предустановку не только постоянным читателям, но и другим средствам массовой информации. При вводе заголовка статьи в поисковую систему обнаруживается до 40–50 запросов с похожим названием. Например, одна из недавно опубликованных статей «The nation’s top spies said Russia is continuing to target the

U.S. political system» (Главные разведчики страны сказали, что политическая система США продолжает находиться под прицелом России) (E. Nakashima, S. Harris. The nation's top spies said Russia is continuing to target the U.S. political system. 13.02.2018. The Washington Post. URL: <https://goo.gl/W76FRM>) повторяется в поисковом запросе 21 раз. Некоторые источники, например Storyfa, размещают на своем сайте ссылку на статью, другие, такие как The Denver Post, публикуют статью под другими заголовками, например «Russia still targeting U.S. political system, spies say» (Политическая система США все еще является мишенью России, говорят шпионы) (The Denver Post. URL: <https://www.denverpost.com/2018/02/13/russia-still-spying-us-political-system/>). Иные СМИ, например журнал Time («Тайм»), публикуют более сенсационные заголовки, ссылаясь на те же источники, что и «Вашингтон пост»: «Russia Is Already Trying to Undermine the 2018 Elections, Top Spies Say» (Россия уже пытается подорвать выборы 2018, говорят главные разведчики) (W.J. Hennigan. Russia Is Already Trying to Undermine the 2018 Elections, Top Spies Say. Обновлено 13.02.2018. Time. URL: <http://time.com/5155810/russian-meddling-2018-elections/>). Мы убеждаемся, что дезинформация облегчается подготовленностью реципиента к ее восприятию.

Эффективному восприятию дезинформации способствует наличие элементов суггестивного воздействия и манипулирования. К факторам внушения относятся описательный характер текста, ритм, повторы, эмоционально окрашенная лексика, эвфемизмы и приемы генерализации, созданные такими единицами вербального уровня, как метонимия. Данный список не является исчерпывающим.

Анализ условий влияния факторов, способствующих внушению, основан на содержательной части, а также на форме медиатекста как ритмической упорядоченности, выявляемой с помощью метода позиционного анализа. Данный метод позволяет определить смысловые позиции и интервалы текста с помощью метроритмической матрицы текста (Г.Г. Москальчук) (рис. 1) и вычислений отклонения объема структурообразующих элементов, а именно повторов прагматически маркированной лексики, от объема композиционного интервала текста. Исчисляемые позиции, интервалы, объем структурообразующих единиц дают представление о единстве и ритмической упорядоченности медиатекста. Ритм рассматривается как средство, при помощи которого осуществляется передача определенной идеи, смысла сообщения, эмоционального состояния [Бойчук 2014].

Сначала проанализируем медиатексты на наличие установки на внушающее воздействие. Для этого необходимо изучить ритм, созданный прагматически маркированными единицами. Мы будем использовать метод позиционного анализа (Г.Г. Москальчук) [Москальчук 2003] и методику исследования лексических ритмов суггестивного текста, разработанную С.В. Болтаевой [Болтаева 2003]. Методика учитывает статистические данные о частотности употребления слов и опирается на результаты лексико-ритмического анализа, что позволяет выявить прагматически маркированные лексемы и периодичность их чередований. Метод позиционного анализа используется для изучения последовательно разворачивающейся структуры текста и многочисленных связей между позициями внутри одного текста. Исходя из особенностей медиатекста, мы даем следующую характеристику прагматически маркированным лексемам: они

- являются полными или вариативными повторами;
- имеют нейтральную или негативную коннотацию;
- часто находятся в дезинформирующем контексте;
- выступают маркерами обобщения;
- принадлежат тематическим группам «хакерство», «разрушение», «Россия», относящимся к мишени ИПВ [Самкова 2017: 88].

Вначале мы вычислим объем текста в словоформах и, исходя из показателей стабильного объема композиционных интервалов [Ронжина 2008: 522], определим количество словоформ в каждом интервале. Далее отметим границы интервалов в тексте. В каждом интервале подсчитаем относительный объем прагматически маркированных лексем – лексических единиц с прагматическим компонентом содержания. Последним шагом будет построение графика на основании полученных данных.

Для примера возьмем четыре текста. Медиатекст «Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research» (E. Nakashima. Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research. 12.06.2017. The Washington Post. URL: <https://goo.gl/F2kfYm>) признан дезинформирующим экспертами службы RT (Fakecheck. URL: <https://fakecheck.rt.com/en/stories/14>). Медиатекст содержит дезинформацию, потому что в исследовании, на которое ссылается автор, нет указаний на причастность российского правительства к разработке вредоносной программы, а в медиатексте есть. В нем говорится о связи российского правительства с хакерами как о состоявшемся факте: ***Hackers allied with the Russian government have devised a cyberweapon that has the***

potential to be the most disruptive (Хакеры, связанные с российским правительством, разработали кибероружие, которое обладает большим разрушительным потенциалом).

Второй медиатекст: «Declassified report says Putin ‘ordered’ effort to undermine faith in U.S. election and help Trump» (В рассекреченном докладе утверждается, что Путин «приказал» попытаться подорвать веру в выборы США и помочь Трампу) (G. Miller, A. Entous. Declassified report says Putin ‘ordered’ effort to undermine faith in U.S. election and help Trump. 06.01.2017. The Washington Post. URL: <https://goo.gl/AKQ6r6>). В данной статье некорректно утверждалось, что российские хакеры проникли в электроэнергетическую систему США (Russian hackers **had penetrated** the U.S. electric grid). Впоследствии статья была исправлена и размещена заметка редактора, что власти пока не подтвердили указанный факт. Была совершена хакерская атака на компьютер в «Берлингтон Электрик», но он не был соединен с системой (Authorities say there is no indication of that so far. The computer at Burlington Electric that was hacked was not attached to the grid).

Третий и четвертый медиатексты озаглавлены «Secret CIA assessment says Russia was trying to help Trump win White House» (В секретном экспертном докладе ЦРУ утверждается, что Россия пытается помочь Трампу выиграть выборы президента США) (A. Entous, E. Nakashima, G. Miller. Secret CIA assessment says Russia was trying to help Trump win White House. 09.12.2016. The Washington Post. URL: <https://goo.gl/PzFDjb>) и «The nation’s top spies said Russia is continuing to target the U.S. political system» (Главные разведчики страны сказали, что политическая система США продолжает находиться под прицелом России) (E. Nakashima, S. Harris. The nation’s top spies said Russia is continuing to target the U.S. political system. 13.02.2018. The Washington Post. URL: <https://goo.gl/W76FRM>).

Первичный морфологический анализ заголовков показывает, что в первых двух медиатекстах (дезинформирующих) «Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research» и «Declassified report says Putin ‘ordered’ effort to undermine faith in U.S. election and help Trump» используется совершенный вид глагола, который акцентирует внимание на завершенности действия. В двух последующих статьях (не содержащих дезинформацию) «Secret CIA assessment says Russia was trying to help Trump win White House» и «The nation’s top spies said Russia is continuing to target the U.S. political system» используется длительный вид, который

Таблица 2

Пропорциональный объем прагматически маркированных лексем в интервалах

Затолвки дезинформирующих медиатекстов. В круглых скобках указано общее количество прагматически маркированных лексем	Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research (100) Declassified report says Putin 'ordered' effort to undermine faith in U.S. election and help Trump research (98)							
	Интервал	Зачин	Пред-ГЦн	Пост-ГЦн	Пред-ГЦ	Пост-ГЦ	Конец	
Стабильный объем композиционных интервалов		0,146	0,09	0,146	0,236	0,236	0,146	
Относительный объем нейтральных и положительно окрашенных лексем (Н и ПОЛ)		7/100 +0.07	4 +0.04	9 +0.09	6 +0.06	2 +0.02	1 +0.01	
		7/98 + 0.07	6 +0.61	5 +0.05	25 +0.26	14 +0.14	10 +0.1	
Относительный объем отрицательно окрашенных лексем (ООЛ)		20 -0.2	7 -0.07	12 -0.12	14 -0.14	11 -0.11	7 -0.07	
		10 -0.1	2 -0.02	3 -0.03	8 -0.08	3 -0.03	5 -0.05	

обозначает процесс, незавершенное действие и текущее состояние. Наша задача – сопоставить полученные ритмически организованные структуры текста и выявить сходства и отличия. Структура текста выявляется с помощью метроритмической матрицы (рис. 1).

Наблюдается более гармоничный характер ритмической сочетаемости в текстах, не содержащих дезинформацию, о чем свидетельствуют симметричные графики (рис. 2, 3). Количество нейтральных и положительно окрашенных лексем совпадает с количеством лексем, имеющих негативно оценочную доминанту. Резкое снижение количества первых и увеличение последних наблюдается в интервалах пред-ГЦн и пред-ГЦ. Известно, что данные интервалы «наилучшим образом соответствуют оптимальности восприятия текста» [Москальчук 2003: 149]. Следовательно, авторы как дезинформирующих, так и информирующих медиатекстов стремятся использовать речевую манипуляцию, наличие маркеров речевого воздействия наблюдается в первых 200 словах текста. Манипуляционный эффект медиатекста усиливается либо фотографией, либо видео, или гипертекстом в данном интервале.

Сопоставим получившиеся графические изображения с выводами о ритме суггестивного текста С.В. Болтаевой. Исследователь отмечает, что «типичными для внушающей речи представляются построения “зеркального” характера» [Болтаева 2003: 15]. На обоих графиках отображен объем прагматически маркированных лексем

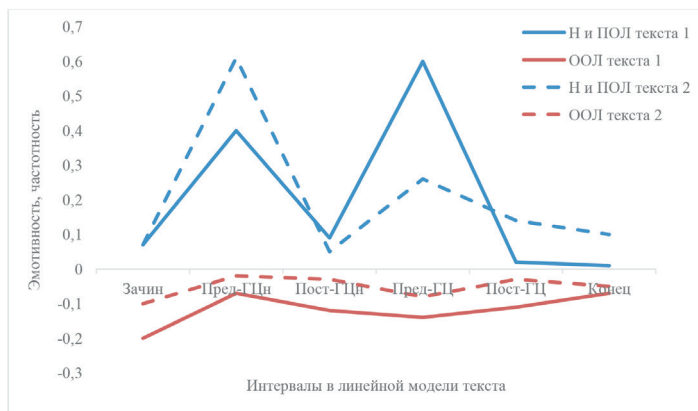

Рис. 2. Пропорциональный объем прагматически маркированных лексем в дезинформирующих медиатекстах

Таблица 3

Пропорциональный объем прагматически маркированных лексем в интервалах

Заголовки медиатекстов, не содержащих дезинформацию. В круглых скобках указано общее количество прагматически маркированных лексем	Secret CIA assessment says Russia was trying to help Trump win White House (356) The nation's top spies said Russia is continuing to target the U.S. political system (197)						
	Интервал	Зачин	Пред-ГЦн	Пост-ГЦн	Пред-ГЦ	Пост-ГЦ	Конец
Стабильный объем композиционных интервалов		0,146	0,09	0,146	0,236	0,236	0,146
Относительный объем нейтральных и положительно окрашенных лексем (Н и ПОЛ)		55/356 + 0.15	19 +0.05	3 +0.11	58 +0.16	5 +0.15	25 +0.07
		27/197 +0.13	10 +0.05	20 +0.1	28 +0.14	18 +0.09	18 +0.09
Относительный объем отрицательно окрашенных лексем (ООЛ)		2	1	16	28	20	9
		-0.06	-0.03	-0.04	-0.08	-0.06	-0.03
		17	7	13	21	9	9
		-0.09	-0.04	-0.07	-0.1	-0.05	-0.05

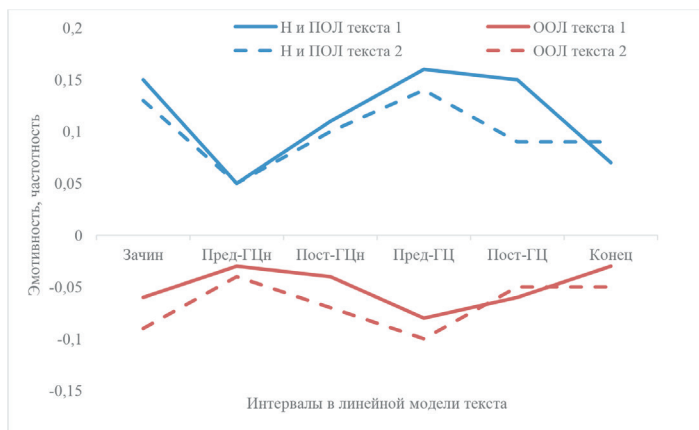

Рис. 3. Пропорциональный объем прагматически маркированных лексем в медиатекстах, не содержащих дезинформацию

в каждом интервале. Графики выступают примером зеркальной симметрии относительно оси абсцисс. Наблюдается чередование нейтральных и отрицательно окрашенных лексем, проявляется характер суггестивного текста. Повторы эмоционально-оценочной лексики в сочетании с единицами лексико-семантического поля «Russia» (Россия), расположенные через 50–70 слов, создают устойчивую связь элементов текста, которая становится коммуникативно значимой, то есть имеет семантические последствия, например, появляется возможность неоднозначного понимания медиатекста реципиентом.

Сравним эмоциональную насыщенность дезинформирующих текстов и медиатекстов, не содержащих дезинформацию. В первом тексте, датированном 6 января 2017 года, авторы пишут: *The report released to the public is **an abbreviated version** of a highly classified multiagency assessment requested by President Obama. **Even so, it amounts to an extraordinary postmortem of a Russian assault on a pillar of American democracy.** <...> In the report, the CIA, FBI and Office of the Director of National Intelligence concluded with “high confidence” that **Russian intelligence services** penetrated numerous computer systems tied to U.S. political parties and then “**relayed**” the **email troves** to WikiLeaks* (Обнародованный документ – это **сокращенная версия** секретного межведомственного доклада, запрашиваемого президентом Б. Обамой. **Даже в таком виде документ**

представляет собой беспрецедентное разбирательство нападения России на основы американской демократии. <...> В своем докладе ЦРУ, ФБР и директор национальной разведки заключили «с высокой степенью уверенности», что *российские спецслужбы проникли в многочисленные компьютерные системы, связанные с политическими партиями США, и затем «передали» ценные электронные письма Викиликс*» (G. Miller, A. Entous. Declassified report says Putin ‘ordered’ effort to undermine faith in U.S. election and help Trump. 06.01.2017. The Washington Post. URL: <https://goo.gl/AKQ6r6>). Во втором тексте, опубликованном 13 февраля 2018 года, отсутствуют упоминания о хакерской атаке. В медиатексте говорится о попытках России нанести вред политической системе США. Под попытками понимаются пропаганда, ложные персоны и социальные медиа (E. Nakashima, S. Harris. The nation’s top spies said Russia is continuing to target the U.S. political system. 13.02.2018. The Washington Post. URL: <https://goo.gl/W76FRM>). В первом тексте четко прослеживается манипулятивная направленность, тогда как второй текст имеет информационную направленность.

Сопоставление дезинформирующих медиатекстов с текстами, которые не содержат дезинформацию, показало, что во второй категории текстов состав тематических групп существенно отличается. Например, в дезинформирующих текстах наблюдаются лексемы, относящиеся к тематическим группам, связанным с мишенью ИПВ, и к группам лексики с негативной коннотацией: *вмешательство, подрывная деятельность, разрушение* – 37 %, *Россия* – в среднем 35 % от всех прагматически маркированных лексем, *киберопасность* – 30 %. В медиатекстах, в которых не обнаружена дезинформация, доминирующие тематические группы – это *государство, США, политическая система США* – в среднем 30 %, а группы *соперники, угроза, хакерская атака* – 7 %.

Качественно отличается лексико-грамматический состав текстов. В текстах, содержащих дезинформацию, наблюдается большее число повторов, в основном имен существительных и прилагательных, более экспрессивная лексика, например: *Russia carried out a comprehensive cyber campaign to sabotage the U.S. presidential election, an operation that was ordered by Russian President Vladimir Putin and ultimately sought to help elect Donald Trump, U.S. intelligence agencies concluded in a remarkably blunt assessment released Friday* (Россия провела *полномасштабную* киберкампанию, чтобы *саботировать* президентские выборы в США, операцию заказал президент России

Владимир Путин, *его конечная цель заключается в стремлении помочь* Дональду Трампу победить – такое заключение сделали спецслужбы США в своей **предельно однозначной** экспертизе, опубликованной в пятницу) (G. Miller, A. Entous. Declassified report says Putin ‘ordered’ effort to undermine faith in U.S. election and help Trump. 06.01.2017. The Washington Post. URL: <https://goo.gl/AKQ6r6>). В дезинформирующих текстах использованы модальные глаголы со значением вероятности (*can, may, might*) и глаголы совершенного вида, например: *And Russian government hackers **have shown** their interest in targeting U.S. energy and other utility systems, researchers said* (*И хакеры российского правительства продемонстрировали свой интерес к энергетическим и инженерно-техническим системам, утверждают исследователи*) (E. Nakashima. Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research. 12.06.2017. The Washington Post. URL: <https://goo.gl/74AZuc>). В текстах, не содержащих дезинформацию, используется менее экспрессивная лексика, а также глаголы в длительном аспекте: *The nation’s top intelligence chiefs were united Tuesday in declaring that Russia is **continuing** efforts to disrupt the U.S. political system and is **targeting** the 2018 midterm elections, **following** its successful operation to sow discord in the most recent presidential campaign* (*Встретившись во вторник, главы национальной разведки сошлись во мнении, что Россия **продолжает** вмешиваться в политическую систему США и **нацеливается** на промежуточные выборы в 2018 году **после** успешной операции по внесению разногласий в недавнюю президентскую кампанию*) (E. Nakashima, S. Harris. The nation’s top spies said Russia is continuing to target the U.S. political system. 13.02.2018. The Washington Post. URL: <https://goo.gl/W76FRM>).

Отметим, что в текстах, опубликованных в 2018 году, практически отсутствуют такие словосочетания, как *российские хакеры*, *кибератака* и *киберкампания*, а присутствуют эвфемизмы, индивидуально-контекстные замены – нейтральные по смыслу и эмоциональной нагрузке слова, например, *effort* (попытка), *operation* (операция): *Coats said that Russia will continue using propaganda, false personas and social media to undermine the upcoming election. “There should be no doubt that Russia perceives its past **efforts**” to disrupt the 2016 presidential campaign “as successful and views the 2018 midterm elections as a potential target for Russian influence operations,” said Coats* (*Коатс сказал, что Россия продолжит использовать пропаганду, ложных персон и социальные медиа, чтобы дестабилизировать*

предстоящие выборы. «Не должно быть никаких сомнений, что Россия воспринимает свои прошлые **попытки**» подорвать президентскую кампанию 2016 года «как успешные и рассматривает промежуточные выборы как потенциальную цель для российских операций вмешательства», – говорит Коатс).

В данной выборке мы изучили частоту лексем; сокращения типа *it's* и *they've* считались как две разные лексемы *it is* и *they have*. Статистические показатели, части речи частотных лексических единиц позволили определить тип текста, в основном рассуждение или описание. В английском языке для определения части речи необходимо обращать внимание на контекст, на синтаксическую функцию слова. Например, слово *that* может выступать как союз (1), местоимение (2), прилагательное (3). Также данное слово может быть наречием.

(1) *...one of the first known cyberattacks **that** resulted in an electrical power outage...*

(2) ***That** is a milestone in itself...*

(3) *The firm dubbed **that** group SandWorm.*

Морфологическая характеристика слов указывает на то, что дезинформирующие тексты относятся к типу «описание»: в них преобладают имена существительные (нарицательные и собственные) и прилагательные в сравнительной и превосходной степени. В дезинформирующем медиатексте (E. Nakashima. Russia has developed a cyberweapon that can disrupt power grids, according to new research. 12.06.2017. The Washington Post. URL: <https://goo.gl/74AZuc>) также есть элементы рассуждения, на что указывает наличие в ряде утверждений модальных глаголов *can* и *may*, обозначающих вероятность. Данный текст насыщен определительными придаточными предложениями с союзным словом *that* (который) и местоимением *which* (который). В придаточных предложениях автор объясняет значение абстрактных существительных *cyberweapon* (кибероружие), *malware* (вредоносная программа), *hackers* (хакеры). Словосочетанием *the same Russian group* (та же самая российская группа) описывается группа хакеров из России, которые якобы отключили электричество в Украине в 2015 году. По утверждению автора медиатекста, целью этой группы была система промышленного регулирования США в 2014 году.

В дезинформирующих медиатекстах отмечено частое употребление неопределенных артиклей. В тексте редки упоминания отдельных личностей, в основном используется прием генерализации, например, *the individuals said* (сказали отдельные личности), *Federal*

investigators (правительственные следователи), *Prosecutors and FBI agents* (прокуроры и агенты ФБР) (E. Nakashima. U.S. investigators have identified Russian government hackers who breached the DNC. 02.11.2017. The Washington Post. URL: <https://goo.gl/3QEavh>).

К элементам речевой манипуляции в медиатекстах отнесем:

- Эмоционально окрашенную лексику: *Putin 'ordered' effort to undermine faith in US election* (Путин «**приказал**» **подрывать веру** в американские выборы), *the campaign initially sought to "denigrate" Democratic presidential candidate Hillary Clinton* (изначально кампания была ориентирована на то, чтобы «**очернить**» Хиллари Клинтон, кандидата от демократической партии) (G. Miller, A. Entous. Declassified report says Putin 'ordered' effort to undermine faith in U.S. election and help Trump. 06.01.2017. The Washington Post. URL: <https://goo.gl/rcYsYn>).

- Эмоционально окрашенная лексика с негативно оценочной доминантой обычно помещается в контекст с единицами лексико-семантического поля *Russia* (Россия) и *Russian government* (российское правительство). Лексемы осуществляют метонимический механизм, структурирующий мышление посредством негативных коннотаций, вызывающих ложные ассоциации: *the Kremlin was behind the operation* (**Кремль** стоял за этой операцией), *what Moscow did to influence* (что делала **Москва**, чтобы повлиять). В изучаемых медиатекстах используется пространственная метонимия: действия приписываются месту, в котором находятся люди, совершающие действия. Пространственную метонимию используют в медиатекстах с целью «указать на референта не прямо, а опосредованно, чтобы не индивидуализировать его» [Бадеева 2004: 23]. Исследователь отмечает, что метонимическая номинация способствует искажению информации и обезличиванию референтов вследствие смещения акцента [Там же] на топонимы (Вашингтон, Москва), в том числе на прецедентные топонимы (Белый дом, Кремль) как неотъемлемую часть фоновых знаний читателей. В дезинформирующем медиатексте метонимия выполняет прагматическую функцию, являясь «мощным средством формирования у адресата необходимого говорящему (журналисту) эмоционального состояния и мировосприятия» [Чудинов 2001: 48], и инструментальную функцию: метонимия помогает домысливать информацию и создавать собственную картину происходящего.

Укажем на факты, которые косвенно причастны к рассматриваемой ситуации, например: *The intelligence assessment also drew the most direct line to date between Putin's desire to aid Trump's campaign and*

Russia's policies and objectives in Syria and Ukraine (Доклад разведки также указал на прямую связь между желанием Путина помочь кампании Трампа и российской линией поведения в Сирии и Украине); *In some ways, Russia's intervention in the 2016 election is consistent with a long-standing pattern that traces back to the Soviet Union of espionage against prominent politicians and policymakers in the United States* (В какой-то мере вмешательство России в выборы 2016 года согласуется с многолетним сценарием, который прослеживался еще в Советском Союзе, шпионящим за влиятельными политиками и руководителями в США) [G. Miller, A. Entous. Declassified report says Putin 'ordered' effort to undermine faith in U.S. election and help Trump. 06.01.2017. The Washington Post. URL: <https://goo.gl/rcYsYn>]. Помимо этого, в медиатекстах были упомянуты Панамский архив и допинговый скандал. Объединенные в одном тексте, отрицательные факты дискредитируют Россию, что существенно влияет на восприятие медиатекста реципиентом.

Примечательно то, что грамматический состав всех проанализированных текстов совпадает с составом суггестивных текстов в целом (С.В. Болтаева, Л.С. Выготский, Г.А. Гончаров, О.А. Колонийцева, Е.В. Медведева, А.Е. Наговицина, И.Ю. Черепанова, Е.В. Шелестюк): в них преобладают имена существительные и местоимения, имена прилагательные и наречия, выражающие оценку.

Заключение. Анализ медиатекстов позволил заключить следующее: к лингвистическому приему, реализующему стратегию дезинформации, относится использование эвфемизмов, например, контекстная замена слова *hacking* на слово *meddling* в следующем высказывании: *there is "no single agency in charge" of blocking Russian meddling* (ни одно ведомство не ответственно за предотвращение вмешательства России); метонимии: *the Kremlin, Moscow*; слов и конструкций со значением генерализации: *some* (некоторые, некие), *nation* (нация), *individuals with connections to the Russian government* (лица, связанные с российским правительством), *cyberweapon* (кибероружие), *malware* (вредоносная программа). Для манипуляции восприятием смысла высказывания в дезинформирующих текстах автор прибегает к лексико-грамматическим и лексико-семантическим средствам: повторам и негативно оценочной лексике. Экспрессивность и эмоциональная (в основном негативная) окрашенность усиливают суггестивный эффект. Речевая манипуляция происходит благодаря упоминанию имен авторитетных экспертов, использованию антропонимов: *CrashOverride, Electrum, Sandworm, Stuxnet*.

К морфо-синтаксическим особенностям медиатекста относятся частое использование личных местоимений, преобладание глаголов совершенного вида и именного стиля. Латентное воздействие осуществляется при помощи имен прилагательных, которые выражают отношение журналистов к рассматриваемым событиям.

В основе структурной организации дезинформирующего медиатекста лежат ритмизация и гипертекстуальность. Гипертекст создает пространство образов и мнений, выгодных актору и в данном случае приводящих к отрицательному настрою англоязычных читателей по отношению к России. Ритм играет ключевую роль в оказании суггестивного воздействия. Методика выявления ритмов медиатекста на лексическом уровне актуализирует его скрытые смыслы. Подсчет частотности слов и позиционный анализ, опирающийся на основные положения лингвистики текста, помогают выявить ключевые слова, которые в данной работе обозначаются как прагматически маркированные лексемы. Они принадлежат тематическим группам, относящимся к мишени ИПВ.

Современная журналистика прибегает к разнообразным приемам манипулирования и суггестивного воздействия в медиатекстах, содержащих дезинформирующие сведения – намеренно искаженные сведения, которые соответствуют мировоззрению, опыту или эмоциональным предпочтениям реципиента и формируют его мнение. Искаженные сведения и ссылки на анонимные источники – наиболее частые приемы, к которым прибегает актор с целью повлиять на общественное мнение. В перспективе мы планируем провести регрессионный анализ изученных приемов с целью определения степени их воздействия на восприятие событий, происходящих в процессе ИПВ.

3.14. Политические словесные ярлыки как инструмент современной информационно-психологической войны (на материале русскоязычных текстов)

Введение. В эпоху информационно-психологического противоборства как стран, так и идеологических групп внутри страны, осуществляемого при помощи различных инструментов воздействия

на массовое сознание, большую роль играет язык. Исследование языка информационно-психологической войны (далее – ИПВ) осуществляется в рамках нового направления исследований, получившего название «лингвистика информационно-психологической войны» [Лингвистика... 2017]. Одним из средств ведения ИПВ являются политические словесные ярлыки. Замечено, что «обилие и разнообразие в употреблении слов-ярлыков чаще наблюдается в случаях политического накала, обострения политических проблем, возникновения кризисных ситуаций» [Резникова 2005: 53]. Этим объясняется актуальность всестороннего исследования политических ярлыков.

Кроме того, несмотря на ряд публикаций, посвященных словесным ярлыкам, называемым иногда стигмой, или клеймом (см. [Комлев 2016: 6]), их устоявшейся дефиниции на данном этапе нет. Большинство исследователей рассматривают ярлык как «средство создания образа врага, который, в свою очередь, является продуктом целенаправленного манипулирования сознанием» [Дмитриева 1994: 90]; как «слово или характеристику, которые используются с целью дискредитации человека / группы людей, а также для создания негативного образа предмета либо явления» [Нечипоренко 2014: 37]; как «необъективную, неаргументированную характеристику человека или явления, выраженную в эмоционально окрашенной форме» [Навасартян 2016: 460] (см. также [Матвеева 2010: 556]). Однако эти определения не раскрывают глубинную суть феномена.

Кроме того, существует ошибочное, на наш взгляд, понимание ярлыка как такой краткой характеристики объекта, которая может иметь не только отрицательную, но и нейтральную и даже положительную коннотацию. Например: «...ярлык рассматривается как шаблонная, краткая (отрицательная, нейтральная, положительная) оценочная характеристика кого-либо, чего-либо, но большинство ярлыков выражают отрицательную позицию, намеренно подчеркивают одну формальную (часто – ложную, вымышленную) характеристику кого-, чего-л., ярлыки даются с целью обвинения (часто – политического) в чем-л., дискредитируют противника» [Ван Хуэй 2017б: 73] (см. также [Мягкова 2010: 189]). Номинативные идеологические единицы, обладающие сильной мелиоративной (возвеличивающей) коннотацией и ослабленным денотатом, можно терминировать как «апологетизмы», или «глорификаторы» [Сковородников 2016: 280].

Ошибочным можно считать также понимание ярлыка как лубой негативно-оценочной лексической единицы (см. [Катенева 2009:

83]), потому что «при таком понимании к СЯ (словесным ярлыкам. – А. С., Г. К.) пришлось бы отнести любые бранные, оскорбительные слова, отрицательные характеристики (инвективная лексика, клички, дисфемизмы и т. п.). Поэтому возникает необходимость разграничить СЯ и сходные с ними на первый взгляд понятия: инвективы, клички (прозвища), штампы (шаблоны), дисфемизмы и др.» [Булгакова 2012: 44].

Вторая проблема – проблема типологии словесных ярлыков. В литературе можно наблюдать попытки выделить типы словесных ярлыков. Так, в роли словесных ярлыков, по наблюдениям исследователей, выступают политические пейоративы, антропонимы [Лемешко 2013: 27; Голодов 2017], политические термины, этнические ярлыки и прозвища [Горшунов, Горшунова 2012: 1302], мемы-ярлыки (мемы-стигматы) [Федорова, Семилет 2016: 215], лексические новообразования [Кузьминская 2014]. Н.Е. Булгакова разграничивает словесные ярлыки языковые (*расист, антисемит* и под.), не требующие контекста для их статусного определения, и словесные ярлыки речевые, или контекстуальные (*перевертыш, мясник* и под.) [Булгакова 2012: 45]. Классификации словесных ярлыков на различных основаниях, освещающих их с разных сторон, насколько нам известно, не предпринимались.

Третья проблема – проблема установления перечня функций словесных ярлыков и терминологического обозначения этих функций. Отмечается, что словесные ярлыки «служат цели дискредитации политического противника, умаления его значимости и заслуг» [Резникова 2005: 53], стереотипизации сознания – создания негативных стереотипов [Нечипоренко 2014: 38], отчуждения (маркирования чуждости) – оценки политического противника с позиции «наш – не наш» [Базылев 2005: 15]. Они выполняют также инвективную функцию – функцию оскорбления. Словесные ярлыки играют роль манипулятивного оружия в политической борьбе с той или иной частью политического сообщества [Маринова 2017: 43]. Возможно, что названные функции не исчерпывают всего их многообразия.

Настоящая статья не претендует на полноту решения означенных выше проблем, а является попыткой конкретизировать дефиницию политического ярлыка, классифицировать политические ярлыки по формальному и сущностному признакам и показать их функционирование в современном политическом дискурсе.

Материалом исследования послужили речевые факты с политическими ярлыками, взятые из средств массовой информации и сети

Интернет. Общее количество зафиксированных и проанализированных нами словесных ярлыков – свыше 200 единиц. Естественно, что в данном случае результаты исследования будут показаны на ограниченном количестве материала.

Речевые факты изучались с применением лингвоидеологического анализа [Мирошниченко 1995; Купина 2015] как разновидности контекстуального анализа в его широком понимании, направленного на определение идеологического содержания и оценивающей функции словесной единицы, выступающей в роли ярлыка. Использовался также метод компонентного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ собранного материала показывает разнообразие способов образования политических ярлыков. Не претендуя на полноту представленности, покажем некоторые наиболее продуктивные способы их образования.

Способы образования и признаки политических ярлыков

1. Номинация какого-либо социально значимого факта, события, лица и т. д. словом или словосочетанием, обозначающим нечто заведомо негативное, то есть изначально содержащее негативно-оценочную сему: *Представители властей Украины не раз заявляли, что Красная Армия – оккупанты. И постепенно все делается для того, чтобы вытеснить советский нарратив истории и подменить его нарративом западноукраинского, галицкого населения, – отметил Владимир Корнилов* (<https://iz.ru/news/664575>); *Снятый с рейса «русский оккупант» будет судиться с Delta. Россиянин, которого сняли с рейса американской авиакомпании Delta якобы за то, что он «оккупировал Крым», намерен подать в суд на перевозчика* (<http://www.tvc.ru:8021/news/show/id/120702>); *Фишер... на встрече с армянским президентом Сержем Саргсяном 12 июня заявил, что «аннексия Крыма Россией однозначно представляет собой нарушение международного права»* (РБК Дейли, 18.06.2014). Если в первом примере слово «оккупант» само по себе выполняет роль ярлыка, то во втором и третьем примерах слова «оккупант» и «аннексия» являются смысловым ядром ярлыков-словосочетаний. Словарные значения слов «оккупант» и «аннексия» в данном контексте полностью противоречат описываемым ими референтам: в действительности Красная Армия освобождала прибалтийские территории от фашистских захватчиков, а российская армия предотвратила геноцид русского населения в Крыму. Существование в языке антонима делает ярлык более ярким, ср. *оккупант – освободитель, аннексия – освобождение (воссоединение, возвращение).*

2. Наведение семы негативной оценки с помощью тропеического переноса, например: *Страна одна, но лагеря у нас разные. В одном вот **ватники** и **колорады**, а в каком окажемся мы – пока неясно* (Известия. 22.05.2014); *Украина уже находится в фазе экономического дефолта. Но политической составляющей революционной ситуации нет. Она должна появиться. **Биомасса** когда начнет двигаться с политическим протестом? Когда жрать нечего будет! Когда тепла не будет!* (Новый регион 2. 12.11.2009).

3. Соединение суффикса *-оид* и фамилии человека как способ образования ярлыков-окказионализмов: ***Путиноиды** и **чубайсоиды** готовы организовать разнообразную травлю любых революционных элементов, в том числе преследования бескорыстных рыцарей научно-технической революции* (Завтра. 2005. № 52); *За что **либеральциноиды** так ненавидят Путина?* (URL: goo.gl/mnPYGG); ***Ельциноиды, путиноиды, навальноиды...** (политико-психологический этюд)* (Заголовок статьи. <http://goo.gl/K5LVJP>).

4. Создание ярлыка-окказионализма по модели образования слова, вызывающего негативные ассоциации. Например: *Сегодня, кстати, в России, как раз либерализм и свобода слова. Которая **либерастам** поперек горла* (URL: goo.gl/rKXUpm) – ср. *педерастам*; *10 марта на совещании в МВД Лукашенко потребовал «выковыривать **«майданутых»**, как изюм из булки»* (Новая газета. 13.03.2017) – ср. *шизанутых*; *Идеология **«нашизма»**, которой пронизана нынешняя программа действий А. Усса, это та же программа, с которой его партия – «Блок наших» – шел на прошлых выборах в местное Законодательное собрание и добился тогда неплохих результатов* (Завтра. 2002. № 38) – ср. *фашизма*.

5. Междусловное наложение (возможно, с усечением компонента(ов)): *Мы – Европа? Или мы – Азия? Кто-то произносит банальное: Евразия, кто-то ругается: **Азиоп**. Всем мальчикам нашей страны (да и всем девочкам) известна рифма к слову «Европа». «Азиоп» глядит в то же самое место; но пора бы и повзрослеть; вопрос-то серьезный* (URL: goo.gl/ypPMZC) – ср. *Азия + Европа*; *Отстаивающие суверенную демократию блестящие **кремляди**, находясь на службе или вне ее, живут именно в мире триумфального, гнойного гламура* (Д. Ольшанский. URL: goo.gl/AUPTNa) – ср. *кремль + б...*; *А вспомните, как Ельцин назначал Немцова вице-премьером. Тот первым делом спросил: «Сколько я буду с этого иметь?» И начался торг. И он желанной суммы добился... Невозможно и вообразить, чтобы хоть один из председателей ВЧК-КГБ от Дзержинского*

до Крючкова способны были так думать и поступать, как эти трое **демокрадов** (<http://zavtra.ru/blogs/2004-09-2251>) – ср. *демократов* + *конокрадов*.

6. Соединение слов по модели «слово, обозначающее какую-либо социальную группу, + слово с негативной оценочной коннотацией»: **Жидобандеровцы**: зачем Коломойский придумал их? <...> Казалось бы, папахивает это самоубийственной шизофренией – ведь соединение в одном понятии ненавистной евреям клички с именем основателя террористического, погромного течения, реально повинного в пособничестве нацистскому Холокосту, для души честного еврея, да и любого нормального человека, – оскорбительно и неприемлемо (URL: goo.gl/NRn46s); – По-моему, у нас оппозиции в серьезном политическом смысле нет. Это связано с тем, что с начала 90-х любая оппозиция, допустим тогдашнему ельцинскому курсу, активно высмеивалась. Сначала это было «агрессивно послушное большинство», потом «красно-коричневые», «папаша Зю». Никому не приходило в голову, что за этой оппозицией стоят люди, недовольные тем, как идут реформы (Комсомольская правда. 15.03.2005).

7. Оксюморонное сочетание слов, в котором одно из слов (существительное или прилагательное) обозначает осуждаемое явление, например: **агрессивно послушное большинство** в предыдущем примере; **Православный ИГИЛ**, пока еще не запрещенный в России. Религиозные экстремисты не успокоятся, исчерпав тему фильма «Матильда» (Новая газета. 13.09.2017); Читайте: профессор Дугин, обычный **русский фашист** (URL: goo.gl/4LrmaJ).

8. Сжатие (компрессия) идеологемы (слова или словосочетания) с использованием суффиксации: **Нацики** сцепились на украинском ТВ – спорят, упущен ли шанс удара по ЛНР (URL: goo.gl/Y2m5LH); **Думаки** планируют сурово карать взяточников, но не самих себя... (URL: goo.gl/aR9GHi); Тайна разгула коррупции в Украине раскрыта: во всем виновата **«совдепия»**. Президент Украины Петр Порошенко заявил, что проблема коррупции в Украине кроется в тяжелом советском наследии (URL: goo.gl/c8XUra).

9. Двукорневые номинации с варьирующимся первым компонентом и постоянным вторым: X + *фоб*. Например: **Прецедент увольнения за «гомофобию»** (этим термином педерасты и им сочувствующие называют нормальных людей, имеющих четкую нравственную позицию) создан теперь и в нашей стране (URL: <http://www.pravoslavie.ru/47407.html>); Но это четверостишие еще не один

десяток лет будет гулять по Сети и использоваться **русофобами и юдофобами** всего мира для разжигания ненависти между двумя народами (URL: goo.gl/j3Zrxt).

Приведенные политические ярлыки, образованные разными способами, объединяет то, что все они обладают следующими признаками:

1) являются номинативными единицами (словами или словосочетаниями) социально-политического содержания с пейоративной оценкой какого-либо объекта (лица, социальной группы, народа, события, идеологии и т. д.);

2) имеют гипертрофированную эмоционально-оценочную сему при одновременной ослабленности денотативного компонента;

3) подвержены стереотипизации и тиражируемости;

4) направлены на дискредитацию, очернение того или иного объекта;

5) основаны на полном или частичном несоответствии сигнификата референту;

6) представляют собой идеологемы, содержащие предельно свернутый негативный миф [Сковородников 2016: 274–275].

Учитывая эти признаки, **политические словесные ярлыки определим как тяготеющие к стереотипизации номинативные единицы-идеологемы (слова и словосочетания) с гипертрофированной пейоративной коннотацией и ослабленным денотативным компонентом, представляющие собой линейно свернутые негативные мифы и используемые для дискредитации социально и политически значимых объектов.** Будем считать мифом выраженное в знаковых системах ментальное образование, обладающее «символическим слоем» [Лосев 1991: 25] и отражающее социально и/или личностно значимый факт (событие, личность, социум, идеологию и т. д.) – дискредитируемый (в случае «черного мифа») или идеализируемый (в случае «светлого мифа»). Идеологему вслед за Н.И. Клушиной понимаем «как идеологический концепт, реализующий определенную заданную идею с помощью стилистических ресурсов языка», которая «ориентирует массовое сознание в нужном направлении» [Клушина 2014: 54, 56–57].

Одну из классификаций политических ярлыков – по способу образования – мы представили выше. Приведем и две другие возможные и дополняющие друг друга классификации политических ярлыков.

Классификация политических ярлыков по их мишени (дискредитируемому объекту)

Политические ярлыки можно классифицировать в зависимости от мишеней, на которые они направлены и вокруг которых строится тот или иной негативный миф. Обобщенно основные мишени объединяются в четыре группы под условными названиями: политические деятели (персоны) и сторонники той или иной идеологии; сама идеология; народ; географические объекты (страна, город).

1. Самой многочисленной является группа ярлыков, мишенью которых являются конкретные политические деятели или сторонники той или иной политической идеологии: *Путлер, Зюганов, Эльдон, Парашенко, троцкисты, бандеровцы, ельциноиды, журиноиды, путиноиды, чубайсоиды, нацисты, фашисты, демократы, майданутые, путиняня, укропы, агенты сионизма, правосеки, враги Перестройки, диссиденты* и мн. др. Например: *Кто-то скажет, мол, американцы там не воюют, но вспомните, кто помог раскрутить майдан, кто выступал с его трибуны, кормил печеньками **майданурых**, хвастал, что государственный переворот стоил Вашингтону \$5 млрд, кто постоянно будирует в конгрессе вопрос об отправке Киеву летального оружия...* (<https://iz.ru/news/666367>); Денис Гуцко в интервью с Л. Улицкой: *Крайне удивительно наблюдать, как весьма просвещенные люди, проповедовавшие уважение к чуждому мнению, провозглашают тех, кто поддержал присоединение Крыма, холуями и **путиноидами*** (Новая газета. 24.03.2014). Некоторые из политических ярлыков этой группы имеют тенденцию к идеологической оппозитивности, например, *укропы – колорады, путиноиды – майданутые*.

2. Широко используются политические ярлыки, мишенью которых является как идеология либералов-западников (*космополитизм, русофобия, сионизм, жидобандеровщина, глобализм*), так и идеология консерваторов-патриотов (*великодержавный шовинизм, ксенофобия, национализм (вместо шовинизма), неосталинизм, русский фашизм, русский шариат, антисемитизм, великодержавный империализм, тоталитаризм, черносотенство*). Любопытно то, что сторонники и той, и другой идеологии «навешивают» друг на друга ярлык фашизма: *Как во время фашистской оккупации там стучали друг на друга и выдавали соседей в гестапо, так же точно теперь там стучат на соседей, называя их «сепаратистами», «террористами», которых надо загнать в «фильтрационные лагеря». Русофобия – это **фашизм**, как любая ненависть и расправа по национальному признаку.*

*Соппротивление и сильная самозащита – единственный выход, когда эту преступную политику приветствует «коллективный Запад», разжигая ненависть к России (Комсомольская правда. 16.07.2014); Когда осколок некогда великой империи вводит танки аж в Абиссинию, чтобы отвлечь народ от краха экономики, и кричит: «Мы Великие! Можем повторить!» – вот это и есть **фашизм**. «Можем повторить!» – грозно обещают «Ночные Волки», все в наколках, въезжая в Берлин на своих патриотически ревущих мотоциклах (разумеется, иностранного производства) (Новая газета. 12.05.2017).*

3. Ярлыки, мишенью которых является народ той или иной страны или какая-либо его социальная страта: биомасса, ватники, быдло, гомо советикус, рабы, оккупанты, захватчики, колонизаторы, бюрократы, аппаратчики и др. Например: Политическому истеблишменту новой России изначально выпал новый билет, у них появилась возможность сказочно разбогатеть и раствориться в современном демократическом мире. Но, видимо, психика **«гомо советикус»** оказалась поврежденной настолько сильно, что не позволила взять верх разуму и привела российские элиты фактически к «разбитому корыту» (URL: goo.gl/L4FYr8); Когда моя жена (она тоже родом из Душанбе, с соседней улицы) самокритично упоминает **«русских колонизаторов»**, Бехруз поправляет: «Ну какие же вы **колонизаторы!** У русских были те же права, те же доходы, что и у таджиков» (Комсомольская правда. 29.01.2014).

4. Группа ярлыков, «навешиваемых» на страну, является сравнительно немногочисленной. В эту группу входят, например, ярлыки империя зла, тюрьма народов, страна рабов, «эта страна»: Внезапно оказалось, что у нас, у русских, как бы нет ничего, чем мы в реальности могли бы гордиться. Развитием экономики не можем. Прошлым – тоже: самая большая в мире страна была представлена миру как **тюрьма народов** (Комсомольская правда. 19.06.2013); Современные «антипатриоты» имеют конфликт не с режимом и не с государством, а именно с Отечеством. Они не приемлют не столько текущую политику, сколько ту совокупность общественных отношений, которая унаследована нами в длительной временной протяженности. Выражается это у всех по-разному: «Рашка достала», **«страна рабов»**, «поганый ватник», «воевали за Сталина и совок». Все это резюмируется формулой «Все в **этой стране** всегда будет так» (Известия. 06.02.2014). В последнем высказывании ярлык «страна рабов» включен в ряд других политических ярлыков, что усиливает эффект общей негативной оценки.

Классификация политических ярлыков по времени их возникновения

По этому признаку политические ярлыки подразделяются на три группы.

1. Ярлыки, возникшие в досоветскую эпоху, например *черносотенцы, распутинщина, преступный/кровавый царский режим, вешатель* (о П.А. Столыпине), *охотнорядец* и др.

Еще в начале XX века возник ярлык «враг народа»: *Словосочетание «враг народа» впервые было использовано в августе 1917 года в листовках Комитета народной борьбы с контрреволюцией. Так называли генерала Корнилова, поднявшего мятеж. 28 ноября 1917 года фраза «враги народа» была применена Лениным, выступившим на заседании Совнаркома с предложением об аресте «врагов народа (кадетов) и предании их суду революционного трибунала». Наказание врагам народа определяла 58-я статья УК РСФСР (Труд-7. 05.10.2009). Надо сказать, что ярлык «враг народа» использовался и до 1917 года. Так, в сборнике «ВЪхи» 1909 года читаем: Что такого сознания у нашей интеллигенции нет, доказательства этого неисчислимы. Из всей массы их возьмем хотя бы взгляды, высказанные случайно в нашей Государственной Думе членами ее, как выразителями народного правосознания. Так, член второй Думы Алексинский, представитель крайней левой, грозит **врагам народа** судом его и утверждает, что «этот суд страшнее всех судов» [Кистяковский 1909]; Кто любит истину или красоту, того подозревают в равнодушии к народному благу и осуждают за забвение насущных нужд ради призрачных интересов и забав роскоши; но кто любит Бога, того считают прямым **врагом народа**. <...> Это чувство ненависти к **врагам народа** и образует конкретную и действенную психологическую основу его жизни. Так из великой любви к грядущему человечеству рождается великая ненависть к людям, страсть к устройению земного рая становится страстью к разрушению, и верующий народник-социалист становится революционером [Франк 1909]. В разных вариантах этот ярлык просуществовал весь XX век и перешел в наше время, например: Бывший комдив Котов, несправедливо осужденный в 30-е годы как **враг народа**, чудом выжил и был отправлен на войну обычным рядовым бойцом штрафного батальона (Комсомольская правда. 20.04.2010); На сегодня получается так, что либерал – это некий **враг своего народа, враг страны**, для которого ценности и интересы западной демократии гораздо важнее ценностей и интересов своей Родины, своей страны (Комсомольская правда. 27.01.2016).*

До наших дней дожил также ярлык «черносотенцы»: *Но есть и другие либералы. Для них частная собственность – священная корова, все свободы, помимо экономических, малоинтересны, а коммунисты – куда более серьезные противники, чем фашисты и **черносотенцы*** (Известия. 12.10.2005); *Окрепшие с конца 90-х РНЕ (запрещена на территории РФ) и прочие **черносотенцы** в начале двухтысячных подняли головы и стали формировать повестку* (Новая газета. 20.09.2017).

2. Ярлыки, возникшие в советский период: *троцкистский вредитель, антимарксистские положения, саботажники, уклонисты, политическая диверсия, классовый враг, контрреволюционная агитация и др.*

Ярлык «империя зла» употреблялся противниками в адрес СССР, в настоящее время он используется в адрес Российской Федерации: *Рональд Рейган объявил СССР «империей зла» – и мы согласились с тем, что мы **империя зла**. Весь мир жил и живет по законам геополитики, но только наши попытки соответствовать этим законам были объявлены империализмом* (Известия. 30.10.2012); *Ведь завтра все британские газеты выйдут с аршинными заголовками на первой полосе вроде «**империя зла** наносит ответный удар», а с телевизионных экранов политологи будут твердить о необходимости срочного реванша...* (РИА Новости, 19.07.2007).

До нашего времени дожил также ярлык «троцкист(ы)». Слово «троцкисты» входит в такую группу слов, статус которых как политических ярлыков определяется соответствующим контекстом, например: *Там схлестнулись в борьбе за собственное будущее две мощнейшие группировки американского истеблишмента. Одну из них можно условно назвать «патриотами-изоляционистами», а другую – «**троцкистами-глобалистами**»* (Известия. 18.09.2016); *За мнением Обухова – позиция корпуса секретарей обкомов-крайкомов и ЦК, которым непонятно, почему кучка **троцкистов** и монархистов для Зюганова важнее мнения однопартийцев* (Завтра. 25.01.2018).

3. Ярлыки, возникшие или активизировавшиеся в постсоветский период: *русский фашизм, совки, экстремисты, сталинисты, колорады, гэбня, хомосоветикус, ельциноиды, либерасты и многие другие. Примеры употребления: В социальных сетях с участием вполне респектабельных русскоязычных киевлян в отношении жителей Юго-Востока регулярно употребляются термины типа «**совки**», «**колорады**», «**ватники**» и даже «**существа**»* (Известия.

06.05.2014); *Вы должны громко крикнуть противнику: Все ясно – вы сталинист! Вы за ГУЛАГ, за массовые расстрелы, за тотализм!* (Комсомольская правда. 17.04.2012).

Наблюдения над функционированием политических ярлыков показывают, что они используются исключительно как представители «черных мифов» в таких текстах, которым дискурсивно противопоставляются тексты оппонирующего типа, содержащие глорификаторы – специфические слова и сочетания слов как средства апологетики соответствующих объектов. Поэтому некоторые политические ярлыки имеют соответствующие антонимы-глорификаторы. Например, о Николае II: *Николай кровавый, инородец, вырожденец, кровавый палач и хозяин земли русской, страстотерпец*. Примеры в контексте: *Что мы все помним об этом царе? В основном в голове застряли школьные штампы: Николай кровавый, слабый, был под сильным влиянием жены, виноват в Ходынке, учредил Думу, разогнал Думу, расстрелян под Екатеринбургом...* (Комсомольская правда. 18.05.2017); *Николай II, сам «инородец» с головы до пят, без единой капли русской крови в жилах, пропитывается «истинно русской» ненавистью к инородцам* (URL: goo.gl/7TY9GL). Ср.: *«Державный Хозяин Земли Русской» не только посетил завод, но и во всех подробностях познакомился с процессами производства и различных работ. Государь увидел полный цикл изготовления снарядов, паровозов, вагонов, сельхозмашин* (URL: goo.gl/3wBSrM); *В каждом свидетельстве о чудесах Царственных мучеников есть некое благоухание любви, а здесь это дается ощутить всем, видимым образом, для того, чтобы все видели и чувствовали это помазание святости на Царе-страстотерпце* (URL: http://www.kerpc.ru/eprh/qas/qas/050204_3).

Заключение. Комплексный подход к изучению словесных политических ярлыков дает возможность уточнить дефиницию этого языкового/речевого феномена; охарактеризовать их в разных аспектах: словообразовательном, диахроническом, коммуникативно-прагматическом; выявить аксиологические антонимы ярлыков – апологетизмы (глорификаторы), описание которых должно составить предмет специального исследования. Широкое использование словесных ярлыков и их антиподов – словесных апологетизмов – в современном общественно-политическом дискурсе свидетельствует не столько о плюрализме мнений, сколько о накале общественно-политических дискуссий и, к сожалению, сопряжено с нарушением этико-речевых норм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Заключении монографии «Лингвистика информационно-психологической войны. Книга I», в частности, отмечалось, что исследование информационно-психологической войны показывает сложность и многоаспектность этого явления, которые требуют не только внимания к собственно языковым средствам, представленным в соответствующих текстах, но и обращения «к широкому историческому и социальному контексту (истории и традициям страны, психологии народа, текущей политической ситуации, дискурсу отдельных авторов, изданий, политических партий, движений)» (с. 308). Другими словами, речь шла о необходимости междисциплинарного подхода в изучении феномена информационно-психологической войны. В данной (второй) книге такой подход обусловил появление новых авторов: кроме лингвистов-русистов, в ней приняли участие лингвисты-германисты и романисты, а также профессиональные философы и специалист в области кибербезопасности. Надеемся, что в дальнейших книгах задуманной серии появятся авторы и других гуманитарных специальностей, что, между прочим, позволит расширить круг тем и проблем, подлежащих исследованию, усилить теоретический и технологический аспекты изучения лингвистической стороны информационно-психологической войны.

Острая необходимость продолжения начатых исследований диктуется международной обстановкой. Угрозы для национальной безопасности страны множатся. Против России, русского и других ее народов развязана неприкрытая информационно-психологическая война, направленная, с одной стороны, на дискредитацию Государства Российского и всего русского мира, а с другой стороны – на разрушение национального сознания народов нашей страны, на их переидентификацию, нивелирование традиционных ценностей. Все чаще приходится иметь дело с нападками на русский язык как фактор общенациональной сплоченности и транслятор культуры. И далеко не всегда «попытки отчуждения народа от родного языка

наталкиваются на здоровое народное сознание», отчасти и потому, что «родной язык является чем-то слишком знакомым, слишком повседневным, чтобы его ценность всегда осознавалась его носителем» [Вайсгербер 2004: 128]. Между тем, проиграв информационную схватку с опытным и беспощадным противником, мы можем потерять страну и свое национальное будущее. Прав писатель А.А. Проханов, когда пишет: «Сгусток воздействий, направленный сегодня на Россию, гораздо более сильный и изощренный, чем тот, что разрушил Советский Союз. И опасность разрушения России сегодня не меньшая, а может, и большая, чем была в конце восьмидесятых годов. Этот сгусток стремится истребить в сознании российского гражданина положительное представление о Родине, ее истории, ее суверенном пути, ее исторических деятелях, элитах, о ее вождях. И как только в сознании российского человека положительный образ Родины будет заменен образом отрицательным, он отшатнется от страны, от своей истории. И страна рухнет» (Завтра. 2016. № 20).

Чтобы этого не случилось, исследователи языка информационно-психологической войны, взявшиеся помогать своей стране, должны работать в полную силу, как бы ни было это трудно. А трудностей много, и одна из них заключается в том, что далеко не все граждане нашей страны стоят на прочных патриотических позициях. Думается, что не ошибался Г.М. Шиманов, заметив, что «национальное чувство у русских поражено в наибольшей степени по сравнению с другими народами» [Шиманов 2013: 141]. Этот факт тем более обязывает к мобилизации тех, для кого судьба России небезразлична.

БИБЛИОГРАФИЯ

Агапова С.Г., Гущина Л.В. Информационная война: манипулятивная стратегия на понижение // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3 (27). С. 27–34.

Аклаев А.Р., Дробижева Л.М., Коротеева В.В. и др. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Мысль, 1996. 382 с.

Акция против негерманского духа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urokiistorii.ru/article/51732> (дата обращения: 28.05.2018).

Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. Информационная война в информационном обществе // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 5–14.

Амбарова П.А. Пища людей: межкультурные различия и культурные универсалии // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 4 (81). С. 150–154.

Амосова Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. 218 с.

Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Издат. центр «Академия», 2003. 128 с.

Анкин Д.В. Прологомены к семиотике философии. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2003. 294 с.

Антонова Ю.А. Коммуникативные стратегии и тактики в современном газетном дискурсе (отклики на террористический акт): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. Екатеринбург, 2007. 184 с.

Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 2000. 551 с.

Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006. 526 с.

Анчел Е. Этос и история. М.: Мысль, 1988. 128 с.

Аристотель. Политика. М.: Азбука, 2015. 352 с.

Аристотель. Риторика // Античные риторики / под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 15–164.

Армстронг К. Битва за Бога: История фундаментализма. М.: АНФ, 2013. 501 с.

Арчаков В.Ю., Макаров О.С. Информационные технологии гибридных войн // Геополитика и безопасность. 2017. № 4 (40). С. 22–25.

Аршин К. Проблема национализма на современном этапе развития общества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ceom.ru/problem-na-nacionalizma-na-sovremennom-etape-razvitiya-obshchestva.html> (дата обращения: 25.02.2018).

Асмус В.Ф. Немецкая эстетика XVIII века. М.: Искусство, 1963. 312 с.

Ачкасова К., Суанова И. От ТелеВидения к Тотал Видео [Электронный ресурс] // Mediascope. URL: https://ruvod.com/wp-content/uploads/2017/10/Mediascope_Clients-Conference-2017_TV.pdf (дата обращения: 21.02.2018).

Бабилова М.Р., Цыганкова А.В. Информационные войны против России: лингвистический аспект // Сопоставительная лингвистика. 2017. № 6. С. 214–219.

Багдасарян В.Э. Православие в фокусе информационно-психологической войны против России [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://vbagdasaryan.ru/pravoslavie-v-fokuse-informatsionno-psihologicheskoy-oyuni-protiv-rossii/> (дата обращения: 21.08.2017).

Бадеева Е.Я. Метонимия имени в общественно-политической лексике английского языка: когнитивный и прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004. 25 с.

Базылев В.Н. Политический дискурс в России [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. 2005. № 15. С. 5–32. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_11671062_28164193.pdf (дата обращения: 25.03.2018).

Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этос среднего класса: Нормативная модель и отечественные реалии: науч.-публ. монография. Тюмень: НИИ ТюмГНГУ, 2000. 272 с.

Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. Монография. Тюмень: НИИ ТюмГНГУ, 2005. 378 с.

Балакин А. «Неисторический роман» о познании, отречении, пути и покое [Электронный ресурс] // Colta.ru: перезагрузка. 2013. URL: <http://archives.colta.ru/docs/13964#comments> (дата обращения: 05.01.2018).

Балахтин В. Теория «американской исключительности в исторической мысли США» [Электронный ресурс] // Livejournal. 2013. URL: <https://vbulahtin.livejournal.com/544752.html>. (дата обращения: 17.02.2018).

Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. М.: Либроком, 2013. 386 с.

barbakan. Рецензии на книгу «Лавр» [Электронный ресурс] // Livelib.ru. 2014. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000679616-lavrevgenij-vodolazkin> (дата обращения: 05.01.2018).

Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 с.

Бартош А.А. Конфликты XXI века. Гибридная война и цветная революция. М.: Горячие линии – Телеком, 2018. 284 с.

Басик Л., Кротов В. Дезинформаторы // Известия. 1983. № 125 (20471). С. 5–6.

Басинский П. Священная тьма [Электронный ресурс] // Российская газета. Федеральный выпуск. 2012. № 5945 (272). URL: <https://rg.ru/2012/11/26/basinskij.html> (дата обращения: 05.01.2018).

Бахитов С.Б. Капиталистическое отчуждение труда и кризис современной цивилизации. М.: Алетейя, 2018. 218 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Бачинин В.А. Жан Кальвин и его социальная антропология // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 107–116.

Белова Н.Е. Особенности дискурса информационной войны // Приволжский научный вестник. 2015. № 6–3. С. 75–78.

Беляева И.В., Куликова Э.Г. Манипулятивное искажение: лингвистический смысл эвфемизмов // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. № 22 (160). С. 15–20.

Бенигсен В. Чакра Фролова. М.: Эксмо, 2013. 544 с.

Бердяев Н.А. Россия и новая мировая эпоха. М.: Изд-во «Э», 2017. 704 с.

Бердяев Н.А. Русская идея // Бердяев Н.А. О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990. С. 43–271.

Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 320 с.

Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Азбука-Аттикус, 2015. 320 с.

Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Междунар. отношения, 1990. 336 с.

Бернацкая А.А. «ЖД» Д.Л. Быкова: информационно-психологическая война «против» или «за» Россию? // Экология языка и коммуникативная практика. 2016а. № 1. С. 212–238.

Бернацкая А.А. Роман В. Бенигсена «Чакра Фролова» в лингво-идеологической перспективе // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 4. С. 126–154.

Бернацкая А.А. Симптомы информационно-психологической войны, или Чем пахнет покинутая родина (на материале романа М.П. Шишкина «Венерин волос» // Экология языка и коммуникативная практика. 2016б. № 1. С. 239–258.

Бернацкая А.А. Художественный текст как пространство информационно-психологической войны (на материале романа/повести А.А. Зиновьева «Катастрожка») // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 197–223.

Бернейс Э. Пропаганда. М.: Гиппо Паблишинг, 2010. 136 с.

Бессонов Е.Г. Кибербезопасность: переход от проблем экономики к алгоритмам культурного кода [Электронный ресурс] // Центр СИ. 2017. URL: <http://center-si.com/analitics/kiberbezopasnost-perexod-ot-problem-ekonomiki-k-algoritmam-kulturnogo-koda/> (дата обращения: 28.03.2018).

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Иез. (38; 1-23) [Электронный ресурс]. URL: https://www.bible-center.ru/ru/bibletext/synnew_ru/eze/38:1- (дата обращения: 17.06.2018).

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: АСТ, 2017. 968 с.

Биргер Л. Отечественный производитель святости. «Лавр» Евгения Водолазкина – роман о том, что хорошего досталось и осталось в нашей стране со времен средневековой Руси [Электронный ресурс] // Газета.ru. 2013. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2013/01/21/a_4934437.shtml (дата обращения: 05.01.2018).

Богатырева Ю.И., Привалов А.Н. Подходы к разработке методической системы формирования компетентности в области информационной безопасности // Информатика и образование. 2012. № 10. С. 79–82.

Бойчук Е.И. Ритм художественного текста как средство суггестивного воздействия // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 2. Т. I. С. 129–133.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.

Болтаева С.В. Ритмическая организация суггестивного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 24 с.

Большой толковый словарь русского языка / ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Большой толковый социологический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/social_dict (дата обращения: 10.05.2018).

Большой энциклопедический словарь. URL: <https://www.vedu.ru/bigenedic/17815/> (дата обращения: 10.05.2018).

Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 1456 с.

Борецкий Р.А. В Бермудском треугольнике ТВ. М.: Икар, 1998. 204 с.

Борисов А.Б. Большой экономический словарь. М.: Книжный мир, 2003. 895 с.

Бражников И.Л. Православная геополитика на постсоветском пространстве // Информационные войны. 2008. № 4 (8). С. 47–55.

Брэдбери Р.Д. 451 градус по Фаренгейту. М.: Эксмо, 2017. 546 с.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2008а. 248 с.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008б. 352 с.

Булгакова Н.Е. Словесные ярлыки как лексико-семантическое и лингвоэкологическое понятие // Мир русского слова. 2012. № 2. С. 42–47.

Бунин И.А. Господин из Сан-Франциско. М.: Изд-во «Э», 2017. 128 с.

Бурдые П. О телевидении и журналистике / пер. с фр. М.: Прагматика культуры, 2002. 160 с.

Буховец А. Н. Идеологическая функция государства [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Москва, 2002. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1222073> (дата обращения: 07.08.2017).

Бушев А.Б. Политическая коммуникативистика // Филол. науки. 2018. № 1. С. 33–44.

Быков Д. Беседа Дмитрия Быкова с Ксенией Собчак [Электронный ресурс] // «Собеседник». 2017. № 42. URL: <https://ru-bykov.livejournal.com/3141689.html> (дата обращения: 16.07.2018).

Быков Д. Ксения Собчак как героиня русской литературы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=E4z6XIsLeLs> (дата обращения: 16.07.2018).

Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. 2-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.

Вальтер Х., Мокиенко В.М. Прозвища как объект лексикографии (Предисловие) // Вальтер Х., Мокиенко В.М. Большой словарь русских прозвищ. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. С. 5–27.

Ван Хуэй. Гендерные стереотипы в словесных ярлыках в современном российском и китайском обществе [Электронный ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал. 2017а. № 8–1 (62). С. 43–46. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29846908_60501077.pdf (дата обращения: 25.03.2018).

Ван Хуэй. Словесные ярлыки, выражающие социальный статус в современном российском и китайском обществе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017б. № 11 (77): в 3 ч. Ч. 3. С. 73–76.

Васильев А.Д. Вербализация аксиологических ориентиров в текстах А. Платонова // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 23–32.

Васильев А.Д., Подсохин Ф.Е. Информационная война: лингвистический аспект [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. 2016а. № 2 (56). С. 10–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-voyna-lingvisticheskiy-aspekt> (дата обращения: 23.08.2018).

Васильев А.Д., Подсохин Ф.Е. От прецедента к стереотипу: три этапа информационной кампании // Политическая лингвистика. 2016б. № 6 (60). С. 32–37.

Вдовин А. «Новая историческая общность»: теория и практика [Электронный ресурс] // Вопросы национализма. 2012. № 12. С. 56–79. URL: https://archive.org/stream/voprosy_natsionalizma/vn014# (дата обращения: 20.03.2018).

Вдовин А. Унитаризм против федерализма [Электронный ресурс] // Вопросы национализма. 2010. № 4. С. 39–54. URL: https://archive.org/stream/voprosy_natsionalizma/vn014# (дата обращения: 20.03.2018).

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 44–344.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Директ-Медиа, 2011. 179 с.

Вежлян Е. Присвоение истории [Электронный ресурс] // Новый мир. 2013. № 11. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/11/11v.html (дата обращения: 05.01.2018).

Веснина Л.Е., Нахимова Е.А. Информационные войны в России // Политическая лингвистика. 2017. № 3 (63). С. 140–145.

Викисловарь. URL: <https://goo.gl/DbSAEP>.

Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф., Вострикова О.В. и др. Лингвистический аксиологический анализ лексем *valeur/value* // Филол. науки. 2018. № 1. С. 3–13.

Вирильо П. Машина зрения / пер. с фр. СПб.: Наука, 2004. 140 с.

Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности. М.: АСТ. Астрель, 2010. 250 с.

Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2011. 347 с.

Вишневский Б. Десять признаков путинизма [Электронный ресурс] // Эхо Москвы: сайт. От 06 января 2017 года. URL: https://echo.msk.ru/blog/boris_vis/1905094-echo/ (дата обращения: 17.05.2018).

Водолазкин Е.Г. Близкие друзья. Повесть // Водолазкин Е.Г. Совсем другое время: роман, повесть, рассказы. М.: АСТ, 2014. С. 375–428.

Водолазкин Е.Г. Лавр: роман. М.: АСТ, 2014а. 440 с.

Водолазкин Е.Г. О юродстве. Заметки на полях романа «Лавр» [Электронный ресурс] // PRM. 2014б. URL: http://primerussia.ru/article_materials/329 (дата обращения: 05.01.2018).

Водолазкин Е.Г. Соловьев и Ларионов. Роман // Водолазкин Е.Г. Совсем другое время: роман, повесть, рассказы. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014в. С. 5–374.

Военно-юридический энциклопедический словарь / под общ. ред. А.В. Кудашкина, К.В. Фатеева. М.: За права военнослужащих, 2008. 368 с.

Военный энциклопедический словарь. URL: <https://goo.gl/CMtWF7>.

Вождь, палач и жертва [Электронный ресурс]. URL: <https://1001.ru/articles/post/vozhd-palach-i-zhertva-23887> (дата обращения: 17.09.2017).

Война и мир в терминах и определениях / под общ. ред. Д.О. Рогозина. М.: ПоРог, 2004. 624 с.

Война и мир в терминах и определениях [Электронный ресурс]. Военно-политический словарь / под общ. ред. Д. Рогозина. URL: <http://www.voina-i-mir.ru/chapter/3> (дата обращения: 18.04.2018).

Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь / под общ. ред. Д.О. Рогозина. М.: Вече, 2011. 640 с.

Володенков С. Граждан кормят медиабургерами. О феномене массового потребления в современном информационном обществе // Независимая газета. 2017. № 112 (7019). С. 3

Волошин М. Стихотворения и поэмы. Екатеринбург: Средне-уральское кн. изд-во, 1992. 400 с.

Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. 2007а. № 21. С. 75–79.

Ворошилова М.Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007б. № 23. С. 73–78.

Гаврилов В.В. Духовное и душевное здоровье на Руси: икона «Богоматерь Прибавление Ума» [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. 2013. № 5 (22). URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 05.01.2018).

Гаврилов Л.А. Стилистика французского языка: учеб. пособие. М.: Военный ун-т, 2004. 196 с.

Гаврилов Л.А., Латышев Л.К. Основы реферирования и аннотирования: учеб. пособие. М.: Военный краснознаменный институт, 1981. 126 с.

Гаврилова М.В. Лингвистический анализ политического текста // Политический анализ. Доклады эмпирических политических исследований СПбГУ. СПб.: СПбГУ, 2002. Вып. 3. С. 88–108.

Гаврилова М.В. Лингвистический метод исследования политических коммуникаций // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л.Н. Тимофеевой. М.: РАПН. РОССПЭН, 2012. С. 205–221.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

Галстян А. Американская исключительность: Мессианство и реальная политика [Электронный ресурс] // International Affairs. Международная жизнь. Журнал для думающих людей. 2014. URL: <http://interaffairs.ru/news/show/13003> (дата обращения: 10.08.2017).

Ганапольский М.Г. Проблемы регионального этоса. Тюмень: НИИ прикладной этики, 1996. 64 с.

Гарифуллин Р.Р. Иллюзионизм личности как новая философско-психологическая концепция. Психология манипуляций, обмана. М.: Книга и К, 1997. 404 с.

Гарифуллин Р.Р. Психология политического блефа [Электронный ресурс]. URL: <http://kitap.net.ru/garifullin/4.php> (дата обращения: 10.05.2018).

Гаспарян Г.Р., Чернявская В.Е. Текст как дискурсивное событие (анализ на материале рассказа-притчи У. Сарояна (The Armenian and the Armenian)) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4 (041). С. 44–51.

Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. 544 с.

Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 768 с.

Гидденс Э. Социология. Империализм средств массовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://society.polbu.ru/giddens_sociology/ch161_i.html (дата обращения: 18.04.2018).

Глобализм против православия. Невидимая война / сост. В.Б. Беркович. М.: Изд-во «Благословение», 2015. 256 с.

Голодов А.Г. Стратегия информационной войны в динамике и ее вербальные приемы (на материале языка немецкой массовой периодики) [Электронный ресурс] // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2017. № 3 (56). С. 129–136. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29981783_99443490.pdf (дата обращения: 25.03.2018).

Голубева Т.М. Идеологические ярлыки как дискурсивно детерминированные лексические инвективы в американском политическом дискурсе // Перспективы науки. 2014. № 11 (62). С. 91–93.

Горобинская Е.А. История и сущность политического юродства в России: дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2000. 138 с.

Горшунов Ю.В., Горшунова Е.Ю. Неявные формы расовых и этнических ярлыков для азиатов и ориенталов (на примере рифмованного сленга) // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 3. С. 1302–1304.

Горячева Е.Н. Обвинение как коммуникативный поступок в современной информационной войне (на материале англоязычного медийно-политического антироссийского дискурса) // Политическая лингвистика. 2017. № 2 (62). С. 27–33.

Грачев М.А. Толковый словарь русского жаргона. Серия «Словарная классика». М.: Юнвес, 2006. 704 с.

Григорьян Э.Р. Социальные нормы в эволюционном аспекте. М.: Ин-т социальных наук, 2013. 180 с.

Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М.: Изд-во физико-математической литературы, 2010. 228 с.

Гусейнов А.А. История этических учений. М.: Гардарики, 2003. 911 с.

Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: учебник. М.: Гардарики, 2000. 472 с.

Давлетчина С.Б. Словарь по конфликтологии. Улан-Удэ: ВСГТУ, 2005. 100 с.

Даниленко В.П. Методы лингвистического анализа: курс лекций. М.: Флинта : Наука, 2011. 280 с.

Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

Демьяненко Н.В. Использование манипулятивных техник в СМИ как реальная проблема // Российский академический журнал. 2012. Т. 19. № 1. С. 20–27.

Дмитриева О.Л. Ярлык в парламентской речи // Культура парламентской речи. М.: Наука, 1994. С. 90–96.

Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993. 318 с.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Электронный документ] // Совет Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html> (дата обращения: 25.01.2016).

Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с.

Друлак П. Метафора как мост между рациональным и художественным (перевод О.А. Ворожцовой) // Будаев Э.В., Чудинов А.П. За рубежом политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 2008. С. 179–202.

Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка [Электронный ресурс]. М.: Словарное издательство ЭТС, 2010. URL: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm (дата обращения: 10.05.2018).

Ермакова Е.С. Информационная война как атрибут информационного общества: активизация медиафункции насилия над сознанием [Электронный ресурс] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 2. URL: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/--gn12-02/403-a> (дата обращения: 17.05.2018).

Ефимов В.Т. Этосология как учение о нравах и нравственности. Вопросы методологии. Спецкурс. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, Ин-т повышения квалификации преподавателей обществ. наук. 1992. 268 с.

Жаркова Т.В. Информационная война как фактор социально-политической коммуникации // Человек в информационном пространстве: сб. науч. трудов. 2014. С. 94–103.

Жбанков М.Р. Игра // Постмодернизм. Энциклопедия. Мн.: Ин-терпрессервис; Книжный Дом, 2001. С. 293–294.

Желудков М.С. Информационные войны: психологические особенности // Инновационные технологии в современных научных исследованиях: экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные тенденции: сб. тр. конф. Новосибирск, 2017. С. 154–156.

Жилина В.А. Идеология: новый взгляд. Новосибирск: ЦРНС, 2009. 162 с.

Жилина В.А. Идеологическое управление как сущностная черта развития социума // Социум и власть. 2016. № 1 (57). С. 51–55.

Житие преподобного и богоносного отца нашего Нила Сорского [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nil_Sorskij/ (дата обращения: 08.01.2018).

Журавский А. Ислам. М.: Весь Мир, 2004. 224 с.

Закон РФ «Об образовании» 2018 года (273-ФЗ РФ редакция 2018) [Электронный ресурс] // ipirip.ru. 2018. URL: <http://ipirip.ru/zakon-ob-obrazovanii-2/> (дата обращения: 23.08.2018).

Зарипов Р.И. Когнитивные аспекты метафорического моделирования в политическом дискурсе (на материале французских политических метафор образа России): дис. ... канд. филол. наук. М.: Военный университет, 2015. 262 с.

Зелинский С.А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание [Электронный ресурс]. СПб.: Скифия, 2008. 404 с. URL: <https://psyfactor.org/lib/zelinski-02.htm> (дата обращения: 24.05.2018).

Зелинский С.А. Психика и информация. Информация и психологические войны (Современные психотехнологии манипулирования). 2010. URL: <http://psyfactor.org/lib/zln2.htm> (дата обращения: 07.09.2017).

Зеркалов Д.В. Информационные войны: монография [Электронный ресурс]. К.: Рукопись, 2012. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. Систем. требования: Pentium; 512 Mb RAM; Windows 98/2000/XP; Acrobat Reader 7.0. Название с тит. экрана.

Зыгарь М.В. Вся президентская рать. Краткая история современной России. М.: Интеллектуальная литература, 2018. 439 с.

Иванов В.И. Диалектика ментальных идеологий в глобальном мире // Интеллект, ментальность и духовность в глобальном мире. Красноярск: Литература-принт, 2008. С. 123–174.

Иванов П.А. Модальности функции воздействия в текстах публицистического стиля (на материале французской прессы): дис. ... канд. филол. наук. М.: Военный университет, 2012. 172 с.

Иванов С.А. Византийское юродство. М.: Международные отношения, 1994. 236 с.

Иванов С.А. Блаженные похабы: культурная история юродства. М.: Языки славянских культур, 2005. 448 с.

Иванова Е.А. Лингвокультурологический потенциал романа Е. Водолазкина «Лавр» // Мир русского слова. 2014. № 3. С. 66–71.

Иванова С.В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 28–37.

Ильин В.И. Поведение потребителей. СПб.: Питер, 2003. 446 с.

Ильин И.А. О русском национализме [Электронный ресурс]. URL: http://old-ru.ru/articles/art_10.htm (дата обращения: 10.05.2018).

Ильин И.А. Основы христианской культуры [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/osnovy-xristianskoj-kultury> (дата обращения: 15.05.2018).

Ильин И.А. Свобода духа в России. Простецы по природе и юродивые во Христе // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Кн. 3. М.: Русская книга, 1997. С. 77–106.

Ильин И.П. Нонселекция // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. М.: Интрада – ИНИОН, 1999. С. 238–242.

Исаева В.И. Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М.: Наука, 1994. 258 с.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.

Иссерс О.С. Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени: монография. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2012. 276 с.

Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки (специальности) 031600 «Реклама и связи с общественностью». 5-е изд., стер. М.: Флинта : Наука, 2017. 239 с.

Как защитить себя и наших детей в киберсреде [Электронный ресурс] // Центр СИ. 2017. URL: <http://center-si.com/analitics/kak-zashhititsebya-i-nashix-detej-v-kibersrede/> (дата обращения: 24.06.2018).

Каллист У. Юродивый как пророк и апостол [Электронный ресурс] // Внутреннее Царство. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kallist_Uer/vnutrennee-tsarstvo/10 (дата обращения: 05.01.2018).

Кальвин Ж. Наставления в христианской вере: в 3 т. Издательство: CRC PUBLICATIONS / WORLD LITERATURE MINISTRIES, 1997–1999 гг. 582 с. (Т1), 479 с. (Т2), 639 с. (Т3).

Каменева В.А. Теоретические основы идеологических исследований. Краткий обзор // Политическая лингвистика. 2017. № 3 (63). С. 16–19.

Канавцев М.В., Попова А.Л. Методология обеспечения информационной безопасности детей в современном обществе // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2016. № 42. С. 308–312.

Канавцев М.В., Попова А.Л. Формирование условий обеспечения информационной безопасности детей в России // Известия Международной академии аграрного образования. 2016а. № 26. С. 28–32.

Каннети Э., Московичи С. Монстр власти. М.: Алгоритм, 2009. 240 с.

Каплан В. Редкий подвиг, или Что такое юродство. Беседа с доктором филологических наук, профессором Владимиром Кириллиным [Электронный ресурс] // «Фома». 2012. № 6 (110). URL: <https://foma.ru/redkij-podvig-ili-chto-takoe-yurodstvo.html> (дата обращения: 05.01.2018).

Карамзин Н.М. Предания веков. М.: Правда, 1988. 478 с.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2017. 464 с.

Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В. Нациестроительство в современной России. М.: Алгоритм: Научный эксперт, 2014. 408 с.

Караулов Ю.Н. Русская идея, русская речь и идиостиль Достоевского // Язык как творчество: сб. статей к 70-летию В.П. Григорьева. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 237–249.

Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея // Карсавин Л.П. Сочинения. М.: Раритет, 1993. С. 156–217.

Карякин В.В. Мир вступил в эпоху войн седьмого поколения – информационно-сетевых войн // Информационные войны. 2011. № 3 (19). С. 2–7.

Катенева И.Г. «Наклеивание ярлыков» как эффективный прием манипуляции в текстах оппозиционных изданий // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 1 (13). С. 83–87.

Киберпространство [Электронный ресурс] // Оксфордский словарь. 2018. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/us/cyberspace> (дата обращения: 13.01.2018).

Кистяковский Б. В защиту права (интеллигенция и правосознание) [Электронный ресурс] // ВЪхи: сборник статей о русской

интеллигенции. М., 1909. Режим доступа: <http://www.vehi.net/vehi/kistyak.html> (дата обращения: 25.03.2018).

Клибанов А.И. Юродство как феномен русской средневековой культуры // Диспут. 1992. № 1. С. 46–63.

Клушина Н.И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 54–58.

Ключевский В.О. Курс русской истории [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch41.htm> (дата обращения: 08.01.2018).

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

Ковалев В. Федерализм «до востребования» [Электронный ресурс] // Вопросы национализма. 2010. № 4. С. 55–76. URL: https://archive.org/stream/voprosy_natsionalizma/vn014# (дата обращения 20.03.2018).

Ковалевский Иоанн. Подвиг юродства. М.: Лепта-Пресс, 2000. 384 с.

Ковтун Н.В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА : Наука, 2017. 600 с.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учебник для студентов пединститутов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1993. 224 с.

Колесников А.И. Путин. Человек с Ручьем. М.: Эксмо, 2018. 416 с.

Колесов В.В., Пименова М.В. Языковые основы русской ментальности: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2016. 136 с.

Колмогорова А.В. Дискурсивные стратегии легитимации однополых браков в российском медиапространстве // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 2. С. 99–117. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2018/07/11.-Kolmogorova-A.V..pdf> (дата обращения: 10.09.2018).

Кологривов Иоанн. Юродивые Христа ради [Электронный ресурс] // Очерки по истории русской святости. Брюссель: Жизнь с Богом, 1961. С. 239–250. URL: http://www.odinblago.ru/rus_sviat/ (дата обращения: 05.01.2018).

Колтунова М.Р. Медиамемы в политическом пропагандистском дискурсе // Медиалингвистика. 2015. № (9). С. 85–91.

Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 2013. 820 с.

Комлев Ю.Ю. Теория стигматизации: генезис, объяснительный потенциал, значение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2 (24). С. 6–16.

Комов С.А. Информационная борьба в современной войне, вопросы теории // Военная мысль. 1996. № 3. С. 76–80.

Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. М.: ООО «Издательство “Вече 2000”», ООО «Издательство АСТ», 2003. 512 с.

Коноплев Е. Евгений Водолазкин: Слово держит мир [Электронный ресурс] // PRAVMIR.RU. 2016. URL: <http://www.pravmir.ru/natare-tya-1/> (дата обращения: 05.01.2018).

Конституция Российской Федерации. М.: Айрис-Пресс, 2017. 64 с.

Концепция информационной безопасности детей [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. 2015. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190009/65c73cdecf9794a8f8f67bdb438d964c9336f436/ (дата обращения: 28.03.2018).

Коньо Ж. Искусство против масс. Эстетика и идеология модернизма. М.: Голос, 2013. 488 с.

Копнина Г.А. Речевые тактики и приемы дискредитации православия в современной информационно-психологической войне (на материале интернет-текстов) // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 206–216.

Копнина Г.А., Сковородников А.П. Газетно-публицистические тексты как источник информации о технологии ведения современной информационно-психологической войны [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 1 (8). С. 170–181. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2017/05/Kopnina-G.A.-Skovorodnikov-A.P..pdf> (дата обращения: 18.04.2018).

Копнина Г.А., Сковородников А.П. О философских основаниях лингвистики информационно-психологической войны [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1 (6). С. 35–50. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/05/Kopnina-G.A.-Skovorodnikov-A.P..pdf> (дата обращения: 18.04.2018).

Коран / пер. И.Ю. Крачковского. М.: СП «Маджесс», 1990. 367 с.

Коробкова Е. «Большую книгу» получил «Лавр»: средневековый роман о средневековой России [Электронный ресурс] // Вечерняя Москва. 2013. URL: <http://vm.ru/news/2013/11/27/bolshuyu-knigu-poluchil-lavr-srednevekovij-roman-i-sovremennoj-rossii-224590.html> (дата обращения: 05.01.2018).

Коровиков А.В. Исламский экстремизм в арабских странах. М.: Наука, 1990. 167 с.

Коровин В.М. Третья мировая сетевая война. СПб.: Питер, 2014. 352 с.

Костомаров В.Г. Лингвистический статус массовой коммуникации и проблемы «газетного языка» // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. М.: Наука, 1974. С. 48–57.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М.: Златоуст, 1999. 320 с.

Коцюбинская Л.В. Информационная атака: понятие и онтологические свойства // Политическая лингвистика. 2017. Вып. 6 (66). С. 106–112.

Коцюбинская Л.В. Понятие «информационная война» в современной лингвистике: новые подходы // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 93–96.

Кошкарлова Н.Н. Фейковые новости: креативное решение или мошенничество? // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2018. № 2 (191). С. 14–18.

Кошкарлова Н.Н., Руженцева Н.Б., Зотова Е.Н. «Российская агрессия» по-американски и «российский след» по-украински // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 74–81.

Кравченко И.И. Пропаганда [Электронный ресурс] // Национальная философская энциклопедия. URL: <http://terme.ru/> (дата обращения: 05.07.2018).

Краткий словарь оперативно-тактических и общевоенных слов (терминов). Военное издательство Министерства обороны СССР, 1958. 323 с.

Краткий словарь-справочник по психологии. М.: Изд-во РУДН, 2004. URL: <http://vocabulary.ru/termin/effekt-dezinformacii.html> (дата обращения: 10.05.2018).

Краткий философский словарь / А.П. Алексеев, Г.Г. Васильев и др.; под ред. А.П. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК «Велби», изд-во «Проспект», 2008. 496 с.

Краткий философский словарь. URL: http://platona.net/board/filosofskij_slovar/dezinformacija/1-1-0-118 (дата обращения: 10.05.2018).

Кребель И.А. Феноменологическое определение языка в перспективе развития философского знания XXI века // Перспективы философии и философского образования в XXI веке: материалы летней философской школы. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. С. 119–123.

Круглов С. Христиане – безумцы «ради Христа»? [Электронный ресурс] // Нескучный сад. 2010. URL: <http://www.pravmir.ru/v-chem-xristiane-bezumcy-radi-xrista/> (дата обращения: 05.01.2018).

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2007. 944 с.

Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63. № 3. С. 3–12.

Кузнецов В.Г. Russian phenomenology, or The interrupted flight // *Metaphilosophy*. Vol. 44. 2013. № 1–2. С. 32–36.

Кузнецов В.Г. Классическая и неклассическая герменевтика: преемственность и трансформации // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2010. № 3. С. 51–64.

Кузьминская С.И. «Ярлык» как средство манипулирования массовым сознанием [Электронный ресурс] // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2014. № 36. С. 75–80. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_21567242_68868539.pdf (дата обращения: 25.03.2018).

Кузьминская С.И. «Образ врага» в современной политической мифологии // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2016. № 3. С. 49–52.

Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2011. 840 с.

Купина Н.А. Лингвистическая философия Евгения Водолазкина: роман «Авиатор» // Известия УРФУ. Серия 2. «Гуманитарные науки». 2017. Т. 19. № 4 (169). С. 194–205.

Купина Н.А. Русская идея в контексте современности: «Бесы» Достоевского и аксиологические суждения Бердяева // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 31–37.

Кутб С. Вехи на пути Аллаха. Махачкала: БАДР, 1997. 94 с.

Кушнерук С.Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование в британской и российской коммерческой рекламе [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016а. 48 с. URL: <http://politlinguist.ru/materials.html#dis> (дата обращения: 18.04.2018).

Кушнерук С.Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование: формирование репрезентационной теории дискурса [Электронный ресурс] // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVI: Когнитивные технологии в теоретической и прикладной лингвистике: материалы междунар. науч. конф. 22–24 сентября 2016 г. / отв. ред. Т.В. Хвесько. 2016б. С. 446–450. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27020435> (дата обращения: 18.04.2018).

Къеза Дж. Я – патриот Европы [Электронный ресурс] // Завтра. 2016. № 11 (1163). URL: <http://zavtra.ru/blogs/ya-patriot-evgropyi> (дата обращения: 26.05.2018).

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Лапшина М.Н. Семантическая эволюция английского слова (изучение лексики в когнитивном аспекте). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. 159 с.

Лексикон неонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В.В. Бычкова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 607 с.

Лемешко Ю.Р. Аппривативность дискурсивных перформативных формул как форм массовой коммуникации // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 3 (24). С. 22–28.

Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.

Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга I / А.А. Бернацкая, И.В. Евсеева, А.В. Колмогорова [и др.]; под ред. проф. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.

Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Война после войны: информационная оккупация продолжается. М.: Алгоритм, Эксмо, 2005. 416 с.

Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая (информационно-психологическая) война / Акад. социал. наук. 2-е изд. М.: Институт социально-политических исследований, 2000. 304 с.

Лифшиц М.А. Либерализм и демократия. Философские памфлеты. М.: Искусство – XXI век, 2007. 336 с.

Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература // Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3 т. Т. 3. Человек в литературе Древней Руси. Л.: Худож. лит., 1987. 520 с.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.

Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с.

Лосский Н.О. Характер русского народа // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М.: Республика, 1991. С. 238–360.

Лученко К. Евгений Водолазкин: Человек в центре литературы [Электронный ресурс] // PRAVMIR.RU. 2014. URL: <http://www.pravmir.ru/chelovek-v-centre-literatury/> (дата обращения: 05.01.2018).

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

Макаровский Д.А. Эволюция мифологических форм: от управления к манипуляции [Электронный ресурс] // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2009. Т. 1. № 3. С. 164–172. <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-mifologicheskikh-form-ot-upravleniya-k-manipulyatsii> (дата обращения: 23.08.2018).

Мамардашвили М., Пятигорский А. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. СПб.: Азбука – Атикус, 2010. 260 с.

Манойло А.В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text24/0022.htm> (дата обращения: 07.03.2015).

Маринова Е.В. Новые политические аффективы: специфика функционирования в современных медиатекстах [Электронный ресурс] // Лексикология. Лексикография: Русско-славянский цикл. Русская диалектология. Когнитивная лингвистика // Сб. статей по материалам XLVI Междунар. филол. конф. 2017. С. 41–45. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29940940_20472390.pdf (дата обращения: 25.03.2018).

Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ, 2003. 336 с.

Мартазанов А.М. Идеология и художественный мир «деревенской прозы» (В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев, Б. Можаев): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2007. 30 с.

Мартиросян О.А. Юродство в русском литературном сознании: дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2011. 203 с.

Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.

Маудуди А.А. К пониманию ислама / пер. на рус. К.Б. Филиной. Новосибирск, 1995. 108 с.

Маудуди А.А. Этические воззрения ислама. Б. м. : Б. и., 2007. 74 с.

Мелетинский Е. Поэтика мифа. М.: Наука, 2012. 336 с.

Меморандум экспертного центра Всемирного русского народного собора о русофобии // Интерфакс. 28.04.2015. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=1259> (дата обращения: 21.08.2017).

Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е.Н. Егоровой и др.; науч. ред. З.В. Коганова. М.: АСТ, Хранитель, 2006. 873 с.

Мигулева М.В. Контент как оружие социального инжиниринга [Электронный ресурс] // Центр СИ. 2017. URL: <http://center-si.com/analytics/kontent-kak-oruzhie-socialnogo-inzhiniringa> (дата обращения: 20.06.2018).

Мид У.Р. Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска / пер. с англ. А. Георгиева, М. Назаровой. М.: Прогресс – Традиция, 2006. 208 с.

Миронов В.В. Глобальное коммуникационное пространство и кризис культуры // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 27–38.

Миронова Т.Л. Кто управляет Россией? М.: Алгоритм, 2010. 400 с.

Мирошниченко А.А. Толкование речи. Основы лингвоидеологического анализа [Электронный ресурс]. Ростов н/Д, 1995. 112 с. URL: http://www.kazhdy.ru/~andrey_miroshnichenko/tech/1/ (дата обращения: 23.01.2018).

Михайлов А.В. Способы представления идеологемы как установки // Экспликация базовых ценностей этноса в речи и тексте: материалы науч. конф. с международным участием. Красноярск: КГПУ, 2016. С. 138–143.

Михальская А.К. Риторика: учебник. М.: ИНФРА-М, 2019. 480 с.

Михальская А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике: учеб. пособие для студентов гуманитарных факультетов. М.: Издательский центр «Academia», 1996. 192 с.

Михальская А.К. Сравнительно-историческая риторика. 3-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2018. 365 с.

Михальская А.К. Сравнительно-историческая риторика. М.: Форум; Инфра-М, 2013. 318 с.

Михальская А.К., Зайцева О.Н. Литература: Базовый уровень: учеб. пособие. 10 класс. В 2 ч. Ч. 1–2. 11 класс. В 2 ч. Ч. 1–2. – М.: Дрофа, 2018. Ч. 1. 382 с. Ч. 2. 368 с.

Можейко М.А. Нон-селекции принцип // Постмодернизм. Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. С. 526–527.

Мокиенко В.М., Никитин Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2001. 720 с.

Молодежный сленг: толковый словарь: Более 12000 слов; свыше 3000 фразеологизмов / Т.Г. Никитина. М.: Астрель; АСТ, 2007. 910 с.

Монтень М. Опыты. Т. 1. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР. 1954. 559 с.

Морева А.Д. Коммуникативные стратегии и тактики в медиа-жанре литературной рецензии (на материале «Литературной газеты»): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2015. 280 с.

Морозова Т. Евгений Водолазкин. Лавр [Электронный ресурс] // Знамя. 2013. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/4/m18.html> (дата обращения: 05.01.2018).

Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс: монография. М.: Едиториал УРСС, 2003. 296 с.

Москвин В.П. Методы и приемы лингвистического анализа. М.: Флинта : Наука, 2015. 450 с.

Мотеюнайте И.В. Восприятие юродства русской литературой XIX–XX вв.: дис. ... д-ра филол. наук. Великий Новгород, 2006. 330 с.

Мотрошилова Н.В. «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М.: Феноменология-Герменевтика, 2003. 716 с.

Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: КАНОН+: Реабилитация, 2010. 480 с.

Муканова А.С. Феномены «нация» и «национализм»: проблемы истории и теории [Электронный ресурс]: дис. ... канд. истор. наук. Ижевск, 2010, 217 с. URL: http://www.dissercat.com/content/fenomeny-natsiya-i-natsionalizm-problemy-istorii-i-teorii#ix_zz58MAZnw2i (дата обращения: 25.02.2018).

Мушта О.П. Информационная агрессия против России в условиях глобализации // Информационная безопасность регионов. 2009. № 1 (4). С. 37–41.

Мягкова А.Ю. Языковая манипуляция как орудие информационно-политической борьбы // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 8. С. 188–191.

Мясников А.Л. Хроника человечества. Россия. М.: ООО «Издательство “Астрель”»: ООО «Издательство “АСТ”», 2003. 1200 с.

Навасартян Л.Г. «Наклеивание ярлыков» как один из приемов манипуляции информацией в СМИ // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. «Филология. Журналистика». 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 459–463.

Население России: численность, динамика, статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statdata.ru/russia> (дата обращения: 28.03.2018).

Национальная идея России. В 6 т. Т. I. М.: Научный эксперт, 2012. 752 с.

Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130516/cff3c3b8ac6969ec477c201981213b892084af63/ (дата обращения: 28.03.2018).

Небренчин С.М. Историко-культурное измерение современной идеологии Российского государства // Вопросы культурологии. 2017. № 11. С. 25–32.

Некляев С.Э. Информационно-психологическая война в условиях сетевой войны как новая форма угрозы национальной безопасности // Вестник Московского ун-та. Серия 10. «Журналистика». 2008. № 5. С. 35–51.

Неменский О. Русофобия как идеология [Электронный ресурс] // Вопросы национализма. 2013. № 13. С. 26–65. URL: https://archive.org/stream/voprosy_natsionalizma/vn014# (дата обращения: 20.03.2018).

Неменский О. Страна победившего мультинационализма [Электронный ресурс] // Вопросы национализма. 2012. № 12. С. 37–44. URL: https://archive.org/stream/voprosy_natsionalizma/vn014# (дата обращения: 20.03.2018).

Неменский О. Уход с Равнины [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/index.php?newsid=1857> (дата обращения: 05.04.2018).

Нечипоренко Б.Ю. Прагматингвистические особенности психотехники «навешивание ярлыков» в китайском медиадискурсе // Общество. 2014. № 1. С. 37–40.

Новиков В.К. Национально-психологические признаки // Новиков В.К. Информационное оружие – оружие современных и будущих войн. М.: Горячая линия – Телеком, 2011. С. 156–160.

Новоселова П.И. Кризис духовно-нравственных основ человеческой жизни в романе Е. Водолазкина «Лавр»: проблемы поэтики [Электронный ресурс] // Язык. Культура. Коммуникация. 2016. № 2. URL: <http://journals.susu.ru/lcc/article/view/445/483> (дата обращения: 05.01.2018).

Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1984. 797 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия «Лингвистика». 2017. Т. 21. № 1. С. 203–220.

Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 496 с.

Оруэлл Дж. 1984. М.: АСТ, 2013. 320 с.

Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987. 528 с.

Отзывы о книге «Соловьев и Ларионов» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.li.velib.ru/book/1000845829-solovev-i-larionov-evgenij-vodolazkin> (дата обращения: 07.08.2017).

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 272 с.

Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Эксмо, 2003. 544 с.

Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. М.: Поколение, 2006. 560 с.

Панарин И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны [Электронный ресурс]. М.: Поколение, 2012. URL: <http://www.x-libri.ru/elib/panrn001/index.htm> (дата обращения: 18.04.2018).

Панарин И.Н. Страсти по информационной войне [Электронный ресурс]. URL: <http://www.panarin.com/comment/982> (дата обращения: 18.04.2018).

Панцеров К.А. Информационный империализм: препятствие на пути стран тропической Африки к независимому развитию // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 114. С. 335–362.

Панченко А.М. Древнерусское юродство // Лихачев Д.С., Панченко А.М. Смеховой мир Древней Руси. М.: Наука, 1976. С. 93–104.

Панченко А.М. Юродивые на Руси [Электронный ресурс] // Панченко А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб.: Юна, 1999. С. 392–407. URL: <http://ec-dejavu.ru/j/Jurod.html> (дата обращения: 05.01.2018).

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Возможна ли объективная оценка истории? Мнение патриарха [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 2017. № 42. URL: http://www.aif.ru/society/opinion/vozmozhna_li_obektivnaya_ocenka_istorii (дата обращения: 07.11.2017).

Переслегин С.П. Вторая мировая: война между Реальностями. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 544 с.

Песоцкий В.А. Основные функции художественной литературы в их философском представлении // Вестник Московского областного университета. Серия «Философские науки». 2009. № 1. С. 71–99.

Петров В.Б. Нравственные ценности в политической трагикомедии М. Булгакова «Адам и Ева» // Политическая лингвистика. № 2 (52). 2015. С. 214–220.

Петухова Е. Евгений Водолазкин: «Кот Мусин был соавтором большинства моих работ» [Электронный ресурс] // Собака-СПб.ру. 2017. URL: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=29091> (дата обращения: 05.01.2018).

Пиотровский М. Что построим из камней прошлого? Директор Эрмитажа – о революции, Пальмире и почтении к истории [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 2017. № 24. URL: http://www.aif.ru/culture/person/direktor_ermitazha_mihail_piotrovskiy_povsyudu_v_mire_idut_voyny_ramyati (дата обращения: 07.08.2017).

Пирумов В.С., Родионов М.А. Некоторые аспекты информационной борьбы в военных конфликтах // Военная мысль. 1997. № 5. С. 44–47.

Платон. Филеб // Платон. Сочинения: в 4 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 3. Ч. 1. С. 11–96.

Плотникова О.В. Стратегии контроля диалогического взаимодействия в интервью: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2007. 180 с.

Пограничный словарь. М.: Академия Федеральной ПС РФ, 2002. 260 с.

Поздняков Э.А. Нация. Национализм. Национальные интересы. М.: Прогресс-Культура, 1994. 123 с.

Полевой устав армии США №. ФМ-33-1 [Электронный ресурс]. Вашингтон, Округ Колумбия. 1987. URL: <http://voennizdat.com/ychebn/ystav/Yshebystav37.pdf> (дата обращения: 22.06.2018).

Политическое и нравственное воспитание молодежи как основа системной интеграции [Электронный ресурс] // Центр СИ. 2017. URL: <http://center-si.com/analitics/politicheskoe-i-nravstvennoe-vospitanie-molodyozhi-kak-osnova-sistemnoj-integracii/> (дата обращения: 28.03.2018).

Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614 с.

Почему сквернословие огромное зло? Ответы пастырей [Электронный ресурс] // Православие.ru. 2016. URL: <http://www.pravoslavie.ru/90957.html> (дата обращения: 23.01.2018).

Почепцов Г.Г. Информационно-психологическая война. М.: СИНТЕГ, 2000а. 179 с.

Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000б. 576 с.

Почепцов Г.Г. Контрпропаганда и новые особенности пропагандистской войны [Электронный ресурс] // Научно-культурологический журнал. 2016. № 15 (318). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=4850&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 05.07.2018).

Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: Алгоритм, 2015. 256 с.

Прилукова Е.Г. Власть образов: знаково-символическое бытие власти. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2011. 204 с.

Пришвин М.М. Цвет и крест [Электронный ресурс] / сост., вступ. статья, подготовка текста и коммент. В.А. Фатеева. СПб.: Росток, 2004. 608 с. URL: <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/proza/cvet-i-krest/index.htm> (дата обращения: 05.07.2018).

Проективный философский словарь: новые термины и понятия / под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. СПб.: Алетейя, 2002. 298 с.

Прытков В.П. Синергетика // Современный философский словарь / под общ. ред. д-ра филос. наук проф. В.Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон, Франкфурт-на Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: «ПАНПРИНТ», 1998. С. 785–788.

Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь [Электронный ресурс]. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2011. URL: <https://goo.gl/LrFChB> (дата обращения: 10.05.2018).

Райзберг Г.А. Современный социоэкономический словарь. М.: ИНФРА, 2012. 629 с.

Расторгуев С.П. Информационная война. М.: Радио и связь, 1998. 416 с.

Расторгуев С.П. Информационная война. М.: Радио и связь, 1999. 416 с.

Расторгуев С.П. Информационная война. М.: Наука, 2008. 235 с.

Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М.: Вузовская книга, МПСИ, 2003. 301 с.

Рашкофф Д. Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / пер. с англ. Д. Борисова. М.: Ультра. Культура, 2003. 368 с.

Ребров Д. Юродивые: Святые дураки [Электронный ресурс] // Нескучный сад. 2010. URL: <http://www.pravmir.ru/svyatye-duraki/> (дата обращения: 05.01.2018).

Резникова Н.А. Семантический анализ политической лексики // Вестник ТГПУ. 2005. Вып. 4 (48). Серия «Гуманитарные науки» (Филология). С. 49–54.

Рогозин Д.О. Враг народа [Электронный ресурс]. М.: Алгоритм, 2012. 448 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=183345&p=77> (дата обращения: 10.05.2018).

Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность / пер. с англ. А. Хараш. М.: Лабиринт, 1994. 212 с.

Романенко Е.В. Нил Сорский и традиции русского монашества [Электронный ресурс]. URL: <http://predanie.ru/romanenko-e-v/book/216358-nil-sorskiy-i-tradicii-russkogo-monashestva/> (дата обращения: 08.01.2018).

Ронжина Я.Н. Образ как единица анализа и интерпретации текста // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. статей участников IV междунар. науч. конф. 25–26 апреля 2008 года. Том 1. С. 520–524.

Росс Ш. Почему Америка ведет так много войн? [Электронный ресурс] // «Иносми.ру». 2010. URL: <https://inosmi.ru/usa/20100207/158015201.html> (дата обращения: 22.02.2018).

Ростова Н.Н. Человек обратной перспективы: философско-антропологическое исследование феномена юродства Христа ради: дис. ... канд. филос. наук. М., 2008. 193 с.

Рубцов А.В. Иллюзии деидеологизации // Идеология и процессы социальной модернизации: сб. статей / под общ. ред. Т.Б. Любимовой. М.: Academia, 2013. С. 11–32.

Рубцов А.В., Любимова Т.Б. Идеология и процессы социальной модернизации. Введение. М.: Academia, 2013. С. 5–10.

Руженцева Н.Б. Политический текст в контексте художественного произведения: функциональный анализ (на материале романа В. Аксенова «Московская сага» // Политическая лингвистика. № 3 (57). 2016. С. 44–52.

Рябцева Н.К. Рефлексия и метаязык // Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. С. 412–455.

Сабиров В.Ш. Изучение этоса как социокультурная и этико-правовая проблема эпохи информационных войн // Евразийский юридический журнал. 2016. № 6 (97). С. 232–234.

Самкова М.А. Воздействие ритма на восприятие дезинформирующего контекста // Профессиональный проект: идеи – технологии – результаты. 2017. № 3 (28). С. 87–92.

Санжаревский И.И. Политическая наука: словарь-справочник. 6-е изд., испр. и доп. 2016. URL: <http://glos.virmk.ru/> (дата обращения: 10.05.2018).

Святенков П. Все против русских [Электронный ресурс] // Вопросы национализма. 2010. № 4. С. 13–17. URL: https://archive.org/stream/voprosy_natsionalizma/vn014# (дата обращения: 20.03.2018).

Сергеев С. Как возможна русская русофобия? [Электронный ресурс] // Вопросы национализма. 2013. № 13. С. 66–85. URL:

https://archive.org/stream/voprosy_natsionalizma/vn014# (дата обращения 27.03.2018).

Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. Вып. 17. М.: Просвещение, 1986. С. 151–194.

Сеть словесных ассоциаций. URL: <https://wordassociations.net/ru/>.

Сидоров Е.В. Онтология дискурса. М.: Либроком, 2009. 232 с.

Сиротинина О.Б. Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь / под ред. М.А. Кормиличиной, О.Б. Сиротининой. 3-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. С. 16–29.

Системный взгляд как основа филологической мысли / О.И. Валентинова и др. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 440 с.

Сковородников А.П. Ложка дегтя в бочке меда (об одной «детали» романа Евгения Водолазкина «Лавр») // Политическая лингвистика. 2018. № 2. С. 29–38.

Сковородников А.П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевые жанры» в практике терминологической лексикографии // Риторика – Лингвистика: сб. статей. Вып. 5. Смоленск: СГПУ, 2004. С. 5–11.

Сковородников А.П. Экология русского языка: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 388 с.

Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвистика ИПВ: обоснование и определение понятия // Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга 1 / под ред. проф. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. С. 15–21.

Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016а. № 1 (55). С. 42–50.

Сковородников А.П., Копнина Г.А. О психологических основаниях лингвистики информационно-психологической войны [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2016б. № 2. С. 238–258. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/11/Skovorodnikov-A.P.-Kopnina-G.A..pdf> (дата обращения: 18.04.2018).

Словарь бизнес-терминов [Электронный ресурс]. Академик.ру. 2001. URL: <http://sbiblio.com/biblio/content.aspx?dictid=172&wordid=1265091> (дата обращения: 10.05.2018).

Словарь военных терминов [Электронный ресурс]. М.: Воениздат. Сост. А.М. Плехов, С.Г. Шапкин. 1988. URL: <http://enc-dic.com/military/Dezinformacija-2298.html> (дата обращения: 10.05.2018).

Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1988. 608 с.

Словарь молодежного сленга. URL: <https://goo.gl/fcdF3p>.

Словарь основных политологических понятий и терминов [Электронный ресурс]. URL: https://sociology.mephi.ru/docs/polit/html/sl_pol.html (дата обращения: 21.02.2018).

Словарь политических терминов. Политическая энциклопедия онлайн [Электронный ресурс]. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/pol.html> (дата обращения: 21.02.2018).

Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm> (дата обращения: 10.05.2018).

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М., Л.: АН СССР. Ин-т рус. яз., 1948–1965.

Словарь терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economicportal.ru/term-words/word-d1.html#d63> (дата обращения: 10.05.2018).

Смирнов А.В. Мусульманская этика как система // Этическая мысль / отв. ред. А.А. Гусейнов. Вып. 6. М.: ИФ РАН, 2005. С. 51–75.

Советский энциклопедический словарь / глав. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд., испр. и доп. М.: Советская энциклопедия, 1989–1990. 1632 с.

Современный философский словарь / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. В.Е. Кемерова. Лондон ... Минск, 1998. 1064 с.

Соколов Е.А., Буланкина Н.Е. Проблемы поликультуры и полиязычия в гуманитарном образовании [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/SRKqJi> (дата обращения: 23.08.2018).

Соколов Э.В. Сальвадор де Мадариага: доминанты национальных характеров // Человек. 2003. № 4. С. 102–122.

Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 47–548.

Соловьев В.С. Россия и Вселенская церковь. М.: Типография Товарищества А.И. Мамонтова, 1911. 450 с.

Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 219–246.

Соловьев Э.Ю. Непобежденный еретик. Мартин Лютер и его время. М.: Молодая гвардия, 1984. 288 с.

Соловьев А.В. Информационная война: понятие, содержание, перспектива // Пространство и время. 2010. № 2. С. 75–81.

Сосновская Е.А. Этнос японского общества: дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск. 2006. 181 с.

Степанов С.А. Социально окрашенная номинация как номинативный тип военных понятий // Внутренний мир и бытие языка. Материалы II междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. М.: Книга и бизнес, 2008. С. 474–479.

Субботин В.В. Защита идеалов справедливости: новые формы и методы [Электронный ресурс] // Центр СИ. 2016. URL: <http://center-si.com/analitics/zashhita-idealov-spravedlivosti-novye-formy-i-metody/> (дата обращения: 25.03.2018).

Субкультура [Электронный ресурс] // Новейший философский словарь. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1180/СУБКУЛЬТУРА (дата обращения: 13.01.2018).

Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М.: Наука, 1986. 256 с.

Тагильцева Ю.Р. Методологический анализ информационно-психологической войны: теоретический аспект // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 175–178.

Тексты, размещенные в социальной сети «ВКонтакте» на странице пользователя «Иван Русаков» [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/id148108197> (даты обращения: 29.09.2016 и 06.04.2017).

Телегин М.В. Об историческом сознании [Электронный ресурс]. URL: www.hrono.ru/statii/2010/tlgn_rtv/php (дата обращения: 11.07.2017).

Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: виды наименований. 1977. С. 129–222.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебrenников. М.: Наука, 1988а. С. 173–204.

Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте / В.Г. Гак, В.Н. Телия, Е.М. Вольф [и др.]; отв. ред. В.Н. Телия; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1988б. 174 с.

Терещенко А.С. Абакумов. Жизнь, СМЕРШ и смерть. М.: Аква-центр, 2012. 488 с.

Тетерина Е.А. Юродство как феномен русской духовной культуры [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2004. № 3 (7). URL: http://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/teterina_ea_14_3_16.pdf (дата обращения: 05.01.2018).

Токарева М. Известный писатель – о подвиге самоотречения, сходстве нашего времени со Средневековьем и своей неприязни к культу успеха [Электронный ресурс] // Новая газета. 2013. № 109. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2013/09/27/>

56548-evgeniy-vodolazkin-171-istoriya-cheloveka-vazhnee-istorii-chelovechestva-187 (дата обращения: 05.01.2018).

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складчиковой. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. Изд-во «Фолио-Пресс», СПб., 2000. 701 с.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова; отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011. 1175 с.

Тондл Л. Проблемы семантики. М.: Прогресс, 1975. 484 с.

Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. М.: АСТ, 2002. 557 с.

Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2008. 560 с.

Тоффлер Э., Тоффлер Х. Война и антивоенная. М.: АСТ, 2005. 416 с.

Третьяков В.Г. Теория телевидения: курс лекций. М.: Ладомир, 2015. 664 с.

Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180 000 слов и словосочетаний. М.: Альта-Принт [и др.], 2008. 1239 с.

Федоров А.В. Массовое медиаобразование в СССР и России: основные этапы. М.: МОО «Информация для всех», 2014. 267 с.

Федоров А.В. Медиаобразование в зарубежных странах. М.: Директ-Медиа, 2013. 139 с.

Федорова М.А., Семилет Т.А. Мем в медиасреде как ярлык и стигма [Электронный ресурс] // Медиаисследования. 2016. № 3. С. 211–216. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29069902_74449593.pdf (дата обращения: 25.03.2018).

Федотов Г.П. Святые Древней Руси / предисл. Д.С. Лихачева и А.В. Меня, коммент. С.С. Бычкова. М.: Моск. рабочий, 1990. 269 с.

Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. Т. 1. СПб.: София, 1991. С. 66–101.

Фельдман А.Б. Клиповое мышление [Электронный ресурс] // Русский информационно-познавательный сайт. URL <http://ruskolan.xpomo.com/tolpa/klip.htm> (дата обращения: 21.01.2017).

Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики. 2004. 1072 с.

Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. Т. 1–5. М.: Советская энциклопедия, 1960–1970. URL: <http://klassikaknigi.info/filosofskaya-entsiklopediya/> (дата обращения: 12.07.2018).

Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М.: Политиздат, 1986. 590 с.

Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

Финансовый словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/KVgke1> (дата обращения: 10.05.2018).

Форум «Тайны следствия» [Электронный ресурс]. URL: <http://tainysledstviya.ucoz.ru> (дата обращения: 12.01.2018).

Франк С.Л. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) [Электронный ресурс] // ВЪхи: сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. URL: <http://www.vehi.net/vehi/frank.html> (дата обращения: 25.03.2018).

Фролов И.Т. Философский словарь. М.: Издательство политической литературы, 1991. 576 с.

Фромм Э. Иметь или быть? М.: АСТ, 2017. 320 с.

Фрумкин К.Г. «Клипное мышление и судьба линейного текста» [Электронный ресурс] // Философский портал «Концепция двух поколений». 2010. URL: http://nounivers.narod.ru/ofirs/kf_clip.htm (дата обращения: 28.11.2017).

Фурсов А. На руинах привычного мира [Электронный ресурс] // Завтра. 2017. № 48 (1252). URL: <http://zavtra.ru/archive/2017/11/1252> (дата обращения: 26.05.2018).

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993а. С. 191–220.

Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика. 1993б. С. 63–176.

Хакен Г. Синергетика. Принципы и основы. Перспективы и приложения. Ч. 1. Принципы и основы Неравновесные фазовые переходы и самоорганизации в физике, химии и биологии. М.: Едиториал УРСС, 2015. 426 с.

Хасьминский М. Православные священники – мишень информационной войны [Электронный ресурс] // Сайт «Отцы.ру». URL: <http://www.otsy.ru/main/pochemu?id=303> (дата обращения: 15.10.2018).

Хачатрян Е. О явлении юродства в христианстве и исламе (социальный и политический аспекты) [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Суфий». 2003. URL: <https://goo.gl/rtUqQ2> (дата обращения: 05.01.2018).

Хомяков А.С. Письмо к редактору «L'Union chretienne» о значении слов «кафолический» и «соборный». По поводу речи отца Гагарина, иезуита // Хомяков А.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Работы по богословию. М.: Медиум, 1994. 478 с.

Храмов А. Национализм и модернизация [Электронный ресурс] // Вопросы национализма. 2010. № 2. С. 30–45. URL: https://archive.org/stream/voprosy_natsionalizma/vn014# (дата обращения: 02.03.2018).

Храмов А. Российская Федерация как наследие Ленина – Сталина [Электронный ресурс] // Вопросы национализма. 2010а. № 4. С. 18–38. URL: https://archive.org/stream/voprosy_natsionalizma/vn014# (дата обращения: 20.03.2018).

Храмчихин А.А. Россия и Запад остаются антагонистами [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение. 2017. № 46 (977). URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-12-15/1_977_antagonists.html (дата обращения: 26.05.2018).

Хроленко А.Т. Исследовательский инструментарий лингвокультурологии // Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: учеб. пособие / под ред. В.Д. Бондалетова. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2005. С. 133–170.

Худиев С. О воздержании [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/74319.html> (дата обращения: 15.10.2018).

Хун Лю. Особенности реализации политического дискурса в художественном тексте: к постановке проблемы // Политическая лингвистика. 2017. № 3 (63). С. 31–41.

Черных С.Н., Зуева Н.А. Информационная война: традиционные методы, новые тенденции // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6. № 6а. С. 191–199.

Чернявская В.Е. Текст в медиальном пространстве: учеб. пособие. М.: URSS, 2013. 228 с.

Чернявская В.Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1 (038). С. 54–61.

Чернявская В.Е., Молодыхенко Е.Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе: учебник для магистратуры. М.: ЛЕНАНД, 2017. 176 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 2008. 256 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта : Наука, 2012. 256 с.

Чудинов А.П. Практическая риторика. Екатеринбург, 2000. 91 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001. 238 с.

Чуешов В.И. О риторических границах идеологического дискурса [Электронный ресурс] // Коммуникация и образование: сб. статей / под ред. С.И. Дудника. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. С. 247–265. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/chueshov-vi/o-ritoricheskikh-granichah-ideologicheskogo-diskursa> (дата обращения: 03.07.2018).

Шафаревиц И.Р. Русофобия [Электронный ресурс]. М.: Эксмо, 2005. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=41XIQw930e3v0KsXSx6lWglcUhd7InVybcI6Imh0dHBzOi8vc3RhbnJvc2tyZ (дата обращения: 07.04.2018).

Шафрански Р. Теория информационного оружия [Электронный ресурс] // Форум Сообщества практиков конкурентной разведки. URL: [via yushchuk.livejournal.com/272102.html](http://yushchuk.livejournal.com/272102.html) (дата обращения: 12.06.2016).

Шаховский В.И. Может ли лингвистика повлиять на ход психологической войны? (Лингвистические заметки о коллективной монографии «Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга 1 / А.А. Бернацкая, И.В. Евсеева, А.В. Колмогорова (и др.); под ред. проф. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.)) // Вопросы психолингвистики. 2018. № 1 (35). С. 201–209.

Шиманов Г. Национализм или патриотизм? [Электронный ресурс] // Вопросы национализма. 2013. № 14. С. 6–8. URL: https://archive.org/stream/voprosy_natsionalizma/vn014# (дата обращения: 27.03.2018).

Шиманов Г.М. Записки из красного дома / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 1024 с.

Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Русская идея, 1987. 446 с.

Шувалов А.В. Святые или больные? Юродство как психопатологический феномен // Независимый психологический журнал. 1995. № 1. С. 34–38.

Шуринова Н.С. «Мертвый язык» как средство воскрешения субъективности «другого» в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр» // Новое прошлое. 2016. № 4. С. 99–110.

Эйдельман Д. «Постправда – слово года» [Электронный ресурс]. URL: <https://relevantinfo.co.il/post-truth/> (дата обращения: 16.02.2018).

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / перевод с итал. СПб.: Симпозиум, 2006. 544 с.

Эко У. Риторика и идеология в «Парижских тайнах» Эжена Сю // Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / перевод с англ. и итал. С.Д. Серебряного. СПб.: Симпозиум, 2005. С. 207–236.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста; перевод с англ. и итал. СПб.: Симпозиум, 2005. 502 с.

Эко У. Средние века уже начались [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/210866-srednie-veka-uzhe-nachalis.html> (дата обращения: 16.02.2018).

Энциклопедический словарь экономики и права on-line [Электронный ресурс]. Академик.ру. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_economic_law/?f=0JTQkNCg0J4=&t=0JTQldCd0JU=&nt=232&p=2 (дата обращения: 10.05.2018).

Эстулин Д. Тавистокский институт / пер. с англ. П. Самсонова. Минск: Попурри, 2014. 368 с.

Этимологический словарь современного русского языка. М.: Флинта, Наука, 2010. 1160 с.

Этнопсихологический словарь [Электронный ресурс]. М.: МПСИ В.Г. Крысько. 1999. URL: <https://ethnopsychology.academic.ru/> (дата обращения: 05.04.2018).

Юнг К.Г. О психологии образа Трикстера // Трикстер: исследование мифов североамериканских индейцев с коммент. К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. СПб.: Евразия, 1999. С. 265–286.

Юридический словарь / сост., предисл., прилож. А.Ф. Никитина. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2005. 640 с.

Яковенко С.А. Виктор Пелевин: Мифопоэтика как мифодизайн [Электронный ресурс] // Культура и этика нового мира: кол. монография, отв. ред. Ю.Н. Москвич [Серия: Библиотека актуальной философии]. Вып. 6. Красноярск: Изд-во «Литера-принт», 2009. URL: http://www.globalistika.ru/biblio/actual_phil_6.htm#f (дата обращения: 28.06.2018).

Янчевская К.А. Юродство в русской литературе второй половины XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 195 с.

Arquilla J., Ronfeldt D. The advent of netwar (revisited) // Networks and netwars. Ed. By J. Arquilla, D. Ronfeldt. Santa Monica, 2001. Pp. 1–25.

Arquilla J., Ronfeldt D. The advent of netwar. Santa Monica: RAND, 2003. 127 p.

Arquilla J., Ronfeldt D. The Advent of Netwar. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1996. URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR789.html (дата обращения 18.04.2018).

Arquilla J. *Insurgents, Raiders, and Bandits: How Masters of Irregular Warfare Have Shaped Our World*. Chicago, IL: Ivan R. Dee, Publisher, 2011. 336 p.

Arquilla, J., Ronfeldt, D. «Cyberwar is Coming!» Comparative Strategy. Volume 12. Number 2. 1993. Pp. 141–165. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reprints/2007/RAND_RP223.pdf (дата обращения: 18.04.2018).

Benedict R. *Patterns of Culture*. Boston-New York: Houghton, Mifflin and Company, 1934. 290 p.

Benedict Ruth. *The Chrysanthemum and the Sword, Patterns of Japanese Culture*. Boston: Houghton, Mifflin Company, 1946. 324 p.

Breiner J. Inside The Washington Post's winning business model. 13.01.2017. Ijnet. URL: <https://ijnet.org/en/blog/inside-washington-posts-winning-business-model> (дата обращения: 21.01.2018).

Brose R. *Cyber War, Netwar, and the Future of Cyberdefense*. 2015. URL: <https://www.dni.gov/index.php/newsroom/ic-in-the-news/ic-in-the-news-2015/item/1205-cyber-war-netwar-and-the-future-of-cyberdefense> (дата обращения: 18.04.2018).

Brzezinski Z. *Strategic vision: America and the crisis of global power*. NY: Basic books, 2012. 224 p.

Carter J. How to destroy a culture in five easy steps [Электронный ресурс]. URL: <https://www.firstthings.com/web-exclusives/2011/06/how-to-destroy-a-culture-in-easy-steps> (дата обращения: 13.03.2018).

Deephouse D., Suchman M. Legitimacy in Organizational Institutionalism. In R. Greenwood, C. Oliver, R. Suddaby, & K. Sahlin (Eds.) [Электронный ресурс] // *Sage handbook of organizational institutionalism*. London: Sage, 2008. Pp. 49–77.

Denning D.E. *Information warfare and security*. Reading etc., 1999, p. 211), Libicki M.C. *What is Information Warfare?* Washington, D.C.: National Defense University, 1996. 104 p.

Denning D.E. *Information warfare and Security*. Reading etc., 1999. 522 p.

Downes D.M. *The Delinquent Solution: A Study in Subcultural Theory* // *The American journal of sociology*. 1966. Vol. 73. No 1. P. 128.

EdwART. Толковый военно-морской словарь. 2010. URL: <http://sbiblio.com/biblio/content.aspx?dictid=151&wordid=1189048> (дата обращения: 10.05.2018).

Elsie J.-S. *Strengths-Based Therapy: Connecting Theory. Practice and Skills*. SAGE Publications. 2013. 360 p.

Fairclough N. Analysing discourse textual analysis for social research. Routledge: London, 2003. 270 p.

Fakecheck. URL: <https://fakecheck.rt.com/en/stories/14> (дата обращения: 09.07.2017).

Fourth Periodic Report, 2007. Para. 367 c.

Francesconi R.A. James Hunt, the Wilmington10, and institutional legitimacy // Q.J. Speech. 1982. Vol. 68. Pp. 47–59. DOI <http://dx.doi.org/10.1080/00335638209383591>.

George E. Rockefeller's Fascism with a Democratic Face. The Campaigner Journal of the National Caucus of Labor Committees. Vol. 8. No 1–2. 1974. Pp. 55–56.

Gordon D. The French Language and National Identity 1930–1975. Vol. 22 of Contributions to the Sociology of Language. Mouton, the Hague, Paris, New-York. 1978. 453 p.

Grant N. Disinformation // National Review. 1960. Pp. 41–48.

Greenwood R., Suddaby R., Hinings C.R. Theorizing change: The role of professional associations in the transformation of institutionalized fields // Academy of Management Journal. 2002. Vol. 45 (1). Pp. 58–80.

Harold F. Schiffman. Linguistic culture and language policy. London. 1996. 113 p.

IWS: The Information Warfare Site. URL: <http://www.iwar.org.uk/iwar/resources/airchronicles/szfran.htm> (дата обращения: 18.04.2018).

Klemperer Victor. LTI. Notizbuch eines Philologen. Verlag Philipp Reclam jun. Leipzig, 1975. 344 c.

Lakoff G. “Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts” // Journal of Philosophical Logic. 1973. 2: 4. Pp. 458–508.

Libicki M. Conquest in cyberspace. National security and information warfare. L.: Cambridge, 2007. 216 p.

Libicki M. The Convergence of Information Warfare // Strategic Studies Quarterly. Spring 2017. Pp. 49–65.

Libicki M. What is Information Warfare? Washington. 1995. 104 p.

Loftus E.F. Planting misinformation in the human mind: A 30-year investigation of the malleability of memory // Learning and Memory. 2005. № 12. Pp. 361–366.

Maeterlinck M. The Blue Bird: The Wonderful Adventures of Tyltyl and Mytyl in Search of Happiness. Publisher Silver: Burdett & Company, 1914. 164 p.

Maududi S.A.A. The Islamic Law and Constitution. Lahore: Islamic publications (Pvt.) Ltd., 2000. 406 p.

Minnicino M. The Tavistock Grin. Low Intensity Operations: The Reesian Theory of War. Campaigner. 1974. Pp. 39–40.

Overton Window. Mackinac Center for Public Policy [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mackinac.org/OvertonWindow> (дата обращения: 13.03.2018).

Rona T. Weapon Systems and Information War. URL: http://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/FOID/Reading%20Room/Science_and_Technology/09-F-0070-Weapon-Systems-and-Information-War.pdf (дата обращения: 18.04.2018).

Screti F. Defending Joy against the Popular Revolution: legitimization and delegitimation through songs // Crit. Discourse Stud. 2013. Vol. 10 (2), Pp. 205–222. <http://dx.doi.org/10.1080/17405904.2013.764614>.

Stein G. Information warfare. // Airpower Journal. Spring 1995. URL: <http://www.iwar.org.uk/iwar/resources/airchronicles/stein.htm> (дата обращения: 18.04.2018).

Suchman M.C. Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches // Academy of Management Review. 1995. Vol. 20. № 3. Pp. 571–610. DOI 10.5465/AMR.1995.9508080331.

Szafranski R. Neocortical warfare? The acme of skill // Military Review. 1994. Pp. 41–55.

Third Periodic Report, 1996. Para. 394 c.

Tolbert P.S., Zucker L.G. The institutionalization of institutional theory // Handbook of Organization Studies, SAGE, London, 1996. Pp. 175–190.

U.S. Relations With Russia. URL: <https://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/3183.htm> (дата обращения: 11.03.2018).

Vaara E., Tienari J. A discursive perspective on legitimization strategies in multinational corporations // Academy of Management Review. 2008. Vol. 33. Pp. 985–993.

Van Herpen M.H. Putinism. The slow rise of a radical right regime in Russia // Marcel H. Van Herpen: сайт. 2013. URL: <http://www.marcelhvanherpen.com/books/overview/putinism> (дата обращения: 17.05.2018).

Van Leeuwen T. Discourse and Practice: New tools for critical discourse analysis. Oxford: Oxford University Press, 2008. 192 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бернацкая Ада Александровна

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск)

Гаврилов Лев Алексеевич

Кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры французского языка Военного университета Министерства обороны РФ (Москва)

Жилина Вера Анатольевна

Доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск)

Игнатова Екатерина Сергеевна

Аспирант кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск)

Канавцев Михаил Владимирович

Кандидат экономических наук, доцент кафедры № 33 Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (Санкт-Петербург)

Колмогорова Анастасия Владимировна

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков и прикладной лингвистики Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск)

Копнина Галина Анатольевна

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск)

Коцюбинская Любовь Вячеславовна

Кандидат филологических наук, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург)

Кушнерук Светлана Леонидовна

Доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск)

Мигулева Мария Витальевна

Старший преподаватель кафедры иностранных языков, ведущий специалист отдела работы с иностранными студентами Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (Санкт-Петербург)

Михальская Анна Константиновна

Доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, член Союза писателей России (секция прозы) (Москва)

Панова Юлия Владимировна

Аспирант кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск)

Прилукова Екатерина Григорьевна

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)

Сабиров Владимир Шакирович

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск)

Самкова Мария Андреевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета (Челябинск)

Сковородников Александр Петрович

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск)

Соина Ольга Сергеевна

Доктор философских наук, профессор кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск)

Тагильцева Юлия Ринатовна

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Института социального образования Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург)

Татарникова Наталья Михайловна

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры правоведения и философии Братского государственного университета (Братск)

Чудинов Сергей Иванович

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск)

Научное издание

Бернацкая Ада Александровна, **Гаврилов** Лев Алексеевич,
Жилина Вера Анатольевна, **Игнатова** Екатерина Сергеевна,
Канавцев Михаил Владимирович, **Колмогорова** Анастасия Владимировна,
Копнина Галина Анатольевна, **Коцюбинская** Любовь Вячеславовна,
Кушнерук Светлана Леонидовна, **Мигулева** Мария Витальевна,
Михальская Анна Константиновна, **Панова** Юлия Владимировна,
Прилукова Екатерина Григорьевна, **Сабиров** Владимир Шакирович,
Самкова Мария Андреевна, **Сковородников** Александр Петрович,
Соина Ольга Сергеевна, **Тагильцева** Юлия Ринатовна,
Татарникова Наталья Михайловна, **Чудинов** Сергей Иванович

Лингвистика
информационно-психологической
войны

Монография

Книга II

Редактор Л.А. Киселева
Компьютерная верстка И.В. Гревцовой

Подписано в печать 17.04.2019. Печать плоская
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 30,5
Тираж 500 экз. Заказ № 6965

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-67; <http://bik.sfu-kras.ru>
E-mail: publishing_house@sfu-kras.ru